

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ

Жерар Клейн

БОГИ ВОЙНЫ

Филип Хай

ЗАПРЕЩЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

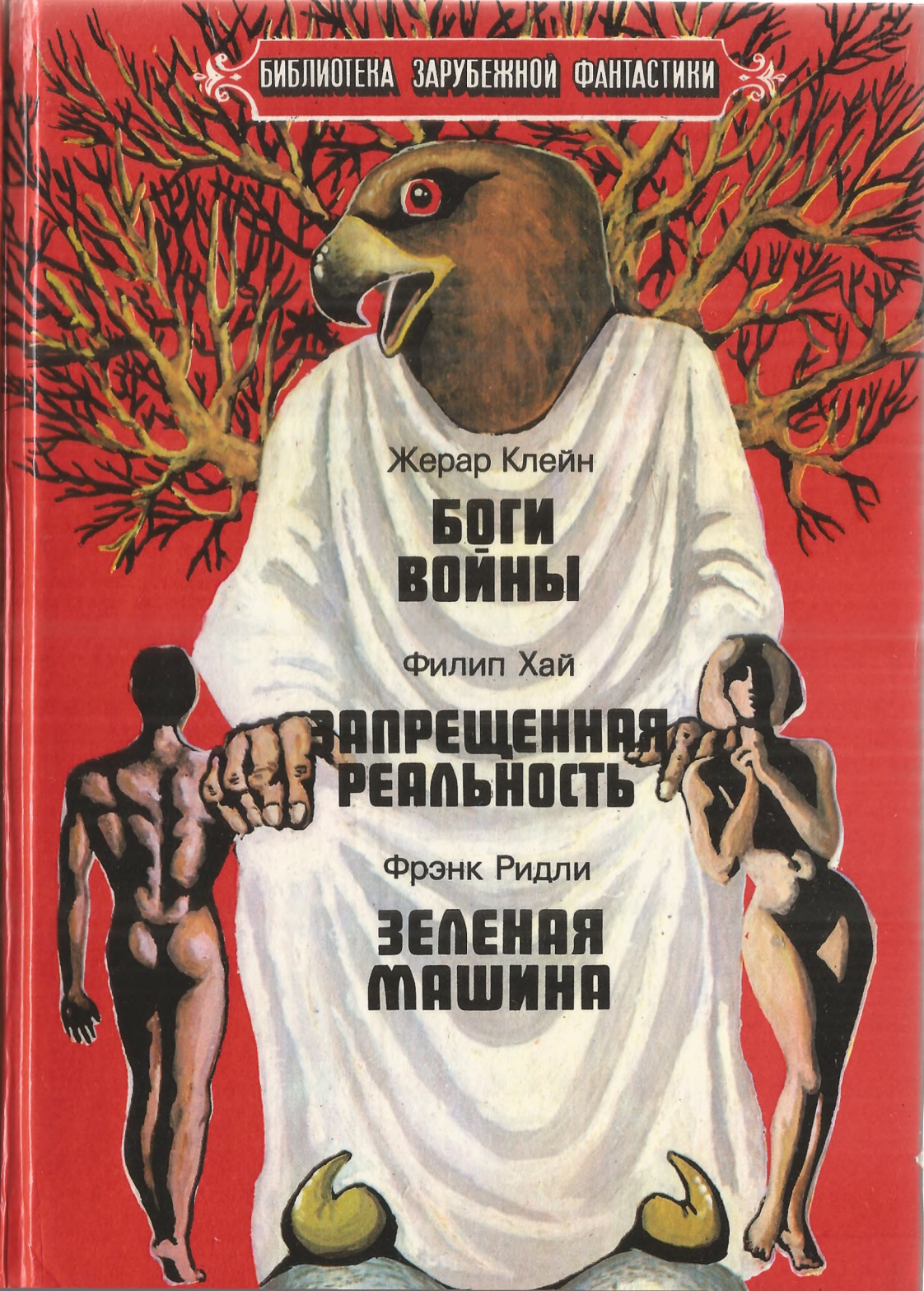
Фрэнк Ридли

ЗЕЛЕНАЯ МАШИНА

Фрэнк Ридли
**ЗЕЛЕНАЯ
МАШИНА**

Филип Хай
**ЗАПРЕЩЕННАЯ
РЕАЛЬНОСТЬ**

Жерар Клейн
**БОГИ
ВОЙНЫ**

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ДЕТЕКТИВ

DATA MORFALIA

ФАНТАСТИКА

•

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

•

ДЕТЕКТИВ

Gerard Klein
**Les seigneurs
de la guerre**

Philip E. High
**Reality
Forbidden**

Frank Ridley
**The Green
Machine**

Жерар Клейн

**БОГИ
ВОЙНЫ**

Филип Хай

**ЗАПРЕЩЕННАЯ
РЕАЛЬНОСТЬ**

Фрэнк Ридли

**ЗЕЛЕНАЯ
МАШИНА**

СОВРЕМЕННАЯ
ЗАРУБЕЖНАЯ
ФАНТАСТИКА

НИЖНИЙ НОВГОРОД
Издательство «ФЛОКС»

1991

ББК 84.4 Фр; 84.4 Вл; 84.7 США

Б 48

ХУДОЖНИКИ
П. ЗАСУХИН, С. ШАБАНОВ

Б 48 Боги войны: Современная зарубежная фантастика. Перевод с франц. И. Невструева. Перевод с англ. Х. Иванова, Е. Бирковой, Е. Толкачёва.— Н. Новгород: Издательство «Флокс», 1991.— 416 с.

ISBN 5-87198-003-1

Герой романа Жерара Клейна странствует во времени, стремясь предотвратить кровопролитнейшую войну в прошлом Галактики.

Современный английский фантаст Филип Хай рассказывает о тоталитарном обществе будущего.

Роман американского писателя Фрэнка Ридли, переведенный и впервые опубликованный в 20-е годы, переносит читателя на Марс.

ISBN 5-87198-003-1

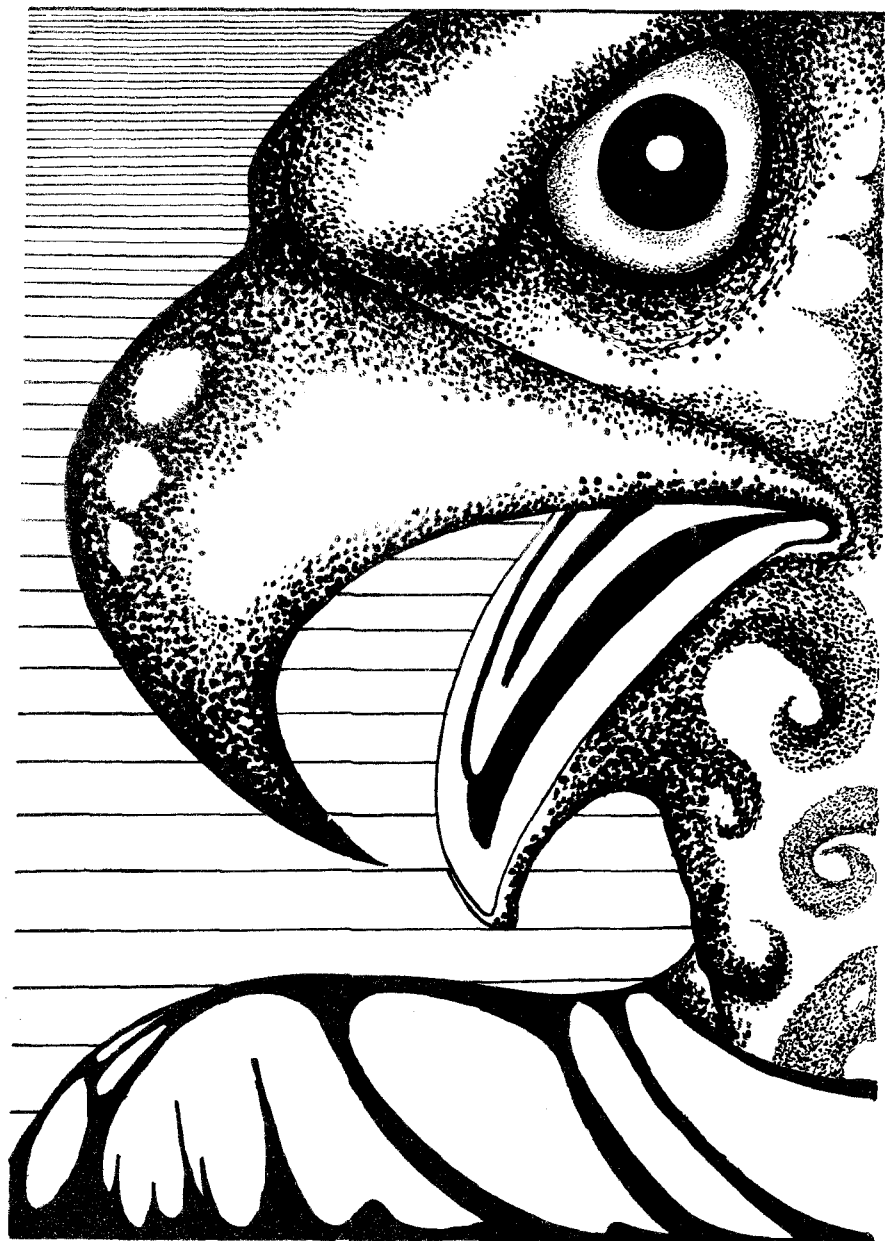
Б 4703010100—000 Без объявл.
939—91

ББК 84.4 Фр; 84.4 Вл; 84.7 США

ISBN 5-87198-003-1

© Издательство «Флокс», составление, перевод, 1991
© П. Засухин, С. Шабанов, оформление

Жерар Клейн
БОГИ ВОЙНЫ

1

Бестия плакала, как ребенок. Не от раскаяния, что погубила три дюжины человек, а потому что оказалась так далеко от родной планеты. Корсон понимал ее отчаяние и прилагал все усилия, чтобы не разделить его.

В темноте он осторожно ощупывал землю, боясь пораниться о траву, судя по инструкции, острую, как бритва. Почувствовав свободное пространство, он очень медленно двинулся вперед. Трава была мягкой, как мех. Удивленный, Корсон отдернул руку. Трава должна быть твердой и острой. Урия была планетой враждебной, и, согласно инструкции, мягкая трава должна означать ловушку. Урия воевала с Землей.

Однако важнее всего был вопрос, обнаружили туземцы прибытие Бестии и Жоржа Корсона или нет. Бестия могла с ними бороться, Корсон — нет. В двадцатый раз он обдумывал свое положение. Туземцы видели, как корабль развалился в океане огня, и, вероятно, решили, что экипаж погиб. Будь джунгли Урии хотя бы вполовину так опасны, как утверждала инструкция, аборигены никогда не стали бы искать их ночью.

И вновь Корсон пришел к тому же выводу. Он должен противостоять трем смертельным опасностям: Бестии, туземцам и фауне Урии. Подумав, он решил встать — на четвереньках далеко не уйдешь. Будь он рядом с Бестией, это стоило бы ему жизни. Он мог определить, в какой стороне находится Бестия, но не мог оценить разделяющего их расстояния. Ночь поглощала все звуки, а может, его просто оглушал страх. Он медленно поднялся, не желая касаться травы. Над его головой спокойно светили звезды, чужие, но совсем не враждебные, похожие на те, что он десятки раз видел с планет, рассеянных по всей Галактике. Звездное небо было зрелищем успокаивающим, но бессмысленным. Когда-то люди на Земле придумали названия для созвездий, думая, что они неизменны, но это было всего лишь временное расположение небесных тел, видимых из определенной точки. Точка сменялась, и привычный звездный узор исчезал.

«Положение безнадежно», — подумал Корсон. У него было хорошее, но почти разряженное оружие; перед самой катастрофой он поел и попил, хоть об этом не надо было думать. Но самым важным было то, что ему невероятно повезло — он один уцелел из всего экипажа. Кроме того, он не был ни ранен, ни контужен.

Стоны Бестии раздалились с удвоенной силой, и это заставило его сосредоточиться на ближайшей проблеме. Если бы он не стоял совсем рядом с клеткой Бестии, когда та начала атаку, то сейчас дрейфовал бы легким облачком в верхних слоях атмосферы Урии. Он был занят обычной работой — пытался договориться с Бестией. С другой стороны невидимой стенки Бестия вглядывалась в него шестью из восемнадцати глаз, расположенных на том, что принято было называть ее талией. Лишенные век глаза ритмично меняли свой цвет. Это было одним из способов общения Бестии. Шесть длинных, вооруженных когтями пальцев на каждой из шести ее ног колотили по полу клетки, а длинная и монотонная жалоба неслась из верхнего отверстия, которое Корсон не мог видеть. Бестия была по крайней мере в три раза выше его, а ее морду окружали многочисленные отростки, которые издавала походили на гриву, но вблизи оказывались крепкими, как сталь, нитями-антеннами.

Корсон никогда не сомневался, что Бестия разумна. Впрочем, это же утверждала инструкция. Может быть, она была даже разумнее человека. Основной слабостью вида, к которому относилась Бестия, было пренебрежение коллективизмом, которому человечество и другие расы обязаны своей мощью. Инструкция говорила, что это был не единственный случай. Даже на самой Земле, еще перед космической эрой и началом систематической эксплуатации океанов, в море существовал исключительно индивидуалистический вид, который так и не поднялся до создания цивилизации: дельфины. Их вымирание стало итогом такого же пренебрежения. Од-

нако создание сообщества вовсе не было гарантией выживания вида, и доказательством этому была война между Землей и Урией.

Глаза, пальцы и голос Бестии с другой стороны невидимой стены ясно и очевидно повторяли одно и то же, хотя Корсон и не знал ее языка: «Я уничтожу тебя, как только смогу». И такой случай, наконец, представился. Он не мог поверить, что сдали генераторы корабля. Вероятнее всего, урианцы обнаружили «Архимед» и открыли огонь. На одну пикосекунду, что понадобилось компьютеру для постановки экрана, понизился энергетический потенциал клетки, и Бестия проявила небывалую активность. Используя способность контролировать время и пространство, она отбросила часть своего окружения далеко в космос, это и вызвало катастрофу. Все это доказывало, если, конечно, доказательства требовались вообще, что Бестия недаром считалась лучшим оружием землян в войне против Урии.

Ни Корсон, ни Бестия не пострадали при первом взрыве, поскольку ее защищала энергетическая клетка, а его — такая же сфера, предохранявшая от возможной атаки Бестии. «Архимед» нырнул в атмосферу Урии, и из всех уцелели только Корсон и Бестия. Корсон достаточно быстро сообразил, что нужно соединить свою сферу с клеткой. Когда корабль оказался в нескольких сотнях метров над землей, Бестия закричала и отреагировала на явную опасность. Потянув за собой часть окружающего ее пространства, она переместилась на долю секунды во времени. Частью этого пространства был Корсон — другими словами, он оказался в чужом мире с чужой тварью. Излучение его энергетической сферы смягчило падение, а Бестия, заботясь о собственной безопасности, сделала остальное. Корсон приземлился рядом с ней и, пользуясь суматохой и темнотой, удрал.

Прекрасная демонстрация возможностей Бестии. Корсон знал о некоторых из них и догадывался о других, однако никогда не отважился бы написать в рапорте, что ее так трудно убить.

Представьте себе преследуемого зверя, окруженного толпой охотников, которые на мгновение заколебались. Им кажется, что зверя от них отделяет невидимый барьер. Наконец они бросаются вперед и вдруг оказываются за секунду до этого момента. А может, и за две. В тех же самых позах, в каких были перед броском через невидимую границу. Они никогда не достигнут добычу, ибо та непрерывно отбрасывает их в прошлое, а когда они уже достаточно дезориентированы — сама бросается в атаку.

Теперь представьте, что этим зверем является Бестия, обладающая разумом, по крайней мере, равным человеческому, с реакцией более быстрой, чем у электрического угря, воплощающая холодную жестокость и ненависть ко всему, что на нее не похоже.

Вот это и будет портрет Бестии в самых общих чертах.

Она могла контролировать вокруг себя около семи секунд локального времени как в прошлом, так и в будущем. Могла вырвать из будущего кусочек Вселенной и отбросить его на несколько секунд в прошлое. Или наоборот. Могла предвидеть, что случится через несколько секунд. Поэтому она и напала так внезапно. Бестия знала, когда в дело вступит флот или наземные батареи Урии. С достаточной точностью она определила ту пикосекунду, в которую стенки ее клетки из чистой энергии стали слабее, ударила в нужный момент и выиграла.

Или проиграла. Это уж как посмотреть.

Итак, Бестия была предназначена для Урии. После тридцати лет безрезультатной войны против Империи Урии Солнечная Держава выбрала тактику, которая должна была, наконец, уничтожить горных Князей. Точнее говоря, десять лет назад был найден союзник, стоявший Державе сначала целого флота, потом — нескольких тяжелых кораблей, космической базы, одной планеты, которую пришлось эвакуировать, плюс одной планетной системы, которую потребовалось изолировать. Точное число человеческих жертв считалось государственной тайной. Короче говоря, это был огромный военный эксперимент, хотя все эффекты нового оружия не были еще изучены до конца.

Цель использования: спровоцировать на одной планете Империи, лучше всего на планете-столице, самую страшную из известных в истории катастроф. Предупреждение: не нарушить официально установленного Перемирия, положившего конец активному периоду войны. Способ использования: высадить Бестию в определенном месте Урии и позволить ей действовать.

Шестью месяцами позднее Бестия дала бы жизнь восемнадцати тысячам себе подобных. Годом позже столицу Империи Урии охватила бы паника. Чтобы избавиться от Бестии, Князьям Урии пришлось бы побороть свою гордость и просить помощи у Солнечной Державы.

Любой ценой требовалось избежать опознания «Архимеда». Если Князья Урии смогут доказать, что Бестия была выпущена на их планету с корабля землян, Державе будет трудно объяснить свою акцию Галактическому Конгрессу. В этом случае Державе грозил бойкот.

Бойкот означал прекращение межзвездной торговли, конфискацию торговых кораблей, кроме кораблей местного значения, уничтожение всех встреченных военных кораблей, лишение граждан всех прав. Время действия: не ограничено.

По всем этим причинам миссия «Архимеда» была самоубийственной. И в этом смысле она увенчалась полным успехом. За одним исключением: Жорж Корсон уцелел. От корабля не осталось ни кусочка, позволяющего его опознать, и Князья Урии вынуждены

будут признать, что Бестия прибыла на планету-столицу в собственном корабле. Только земляне знали точные координаты ее родной планеты и генетические возможности их вида. Единственным следом, позволяющим установить происхождение Бестии, был сам Корсон. Если туземцам удастся его поймать, он станет основной уликой против землян. Самым логичным решением проблемы было самоубийство, Корсон хорошо знал это. Однако не было никакой возможности исчезнуть без следа. Заряда в пистолете хватило бы только на то, чтобы убить себя. Бестия разорвала бы его на куски, но следов осталось бы достаточно, чтобы убедить Галактический Конгресс. Ни одна пропасть этой планеты не была достаточно глубока, чтобы там не смогли найти его тело. Оставалось одно — замаскироваться и продолжать жить.

В конце концов, Бестия была доставлена к месту назначения.

———— 2 ————

Ночь защищала Корсона от Бестии, ее глаза не реагировали на инфракрасное излучение, зато хорошо видели в ультрафиолете. Она могла ориентироваться в темноте и с помощью ультразвука, но сейчас слишком сильно горевала о своей судьбе, чтобы выслеживать Корсона.

Корсон никак не мог понять причину жалоб Бестии. Он был уверен, что ей неведом страх. На ее родной планете не было никого, кто мог бы всерьез угрожать ее жизни. Она не знала неудач и, несомненно, не представляла себе противника более могучего, чем была сама, пока не встретилась с людьми. Единственным ограничителем экспансии Бестии был голод. Она могла размножаться только тогда, когда имела достаточно пищи, если же пищи не было — оставалась бесплодной. Во время реализации проекта главной проблемой было прокормить Бестию.

Корсон не мог поверить, что Бестия может голодать или мерзнуть. Могучая машина ее организма могла утолить голод большинством органических или минеральных соединений. Обширные прерии Урии могли в изобилии поставить ей пищу. Климат в общих чертах напоминал климат лучших районов ее планеты. Правда, атмосфера была иной, но не до такой степени, чтобы повредить существу, которое, как следовало из опытов, могло сутками жить в вакууме и купаться в серной кислоте. Одиночество тоже не могло привести Бестию в отчаяние: психологические тесты показали, что только в очень немногих случаях бестиям нужно общество. Хотя они и собирались в орды, чтобы достичь непосильной одиночкам цели или для любовных игр, общительными существами их нельзя было назвать.

Нет, это объяснение не подходило. Голос Бестии напоминал

плач ребенка, случайно или в наказание запертого в темном шкафу, ребенка, который чувствует себя потерянным в широком непонятном и пугающем мире, населенном кошмарами и фантазиями. Хорошо бы войти с ней в контакт, узнать, что ее мучает, но это невозможно. Во время полета он уже пытался говорить с ней. Он знал, что она может общаться разными способами, но, как и его предшественники, не дошел с ней до стадии осмысленного разговора. Вероятно, из-за неистребимой враждебности, с которой она относилась к людям. Причин этой враждебности никто не знал. Это мог быть запах людей, цвет, звуки, что угодно. Ксенозоологи пытались обмануть ее, но напрасно. Трагедией Бестии была излишняя разумность в тех случаях, когда она не пользовалась инстинктом, правда, она не могла долго бороться со своими базальными разрушительными позывами, из-за которых считалось, что бестий нужно уничтожать.

Через несколько шагов Корсон споткнулся и дальше пополз на коленях, потом устал и решил поспать, обещая себе, что не ослабит бдительности. Проснулся он, как ему показалось, через несколько минут, однако часы говорили, что прошло четыре часа: Было по-прежнему темно, но Бестия успокоилась.

Казалось, по небу двигается черная туча — слева от Корсона одна за другой гасли звезды. Туча двигалась быстро и имела четкие очертания. Какое-то огромное тело, несомненно, летательный аппарат, о каком Корсон никогда не слышал, хотя изучал боевые машины Князей Урии, бесшумно пролетал над ним. Поскольку аппарат был почти невидим, оценить высоту и скорость его полета было трудно. Однако, оказавшись над Корсоном, черное пятно стало быстро увеличиваться, и он понял, что через минуту будет раздавлен.

Появление аппарата утихомирило Бестию, эта тишина и разбудила Корсона. С опережением в несколько секунд Бестия узнала, что произойдет, и, сама того не желая, предупредила человека. Корсон почувствовал, что кровь стынет у него в жилах, что мышцы живота сводит судорога. Он не сомневался, что корабль прибыл за ним. Знал он и то, что сопротивляться бесполезно. Теперь надо было заставить экипаж корабля взять на борт Бестию, а уж она сама знает, что делать. Немного везения, и чужой корабль будет уничтожен, как и «Архимед», а Князья Урии не найдут и следа Жоржа Корсона на этой планете.

— 3 —

Из темноты выступили детали корабля, потом из черного полированного корпуса вырвался луч света и прочесал заросли, где прятался Корсон. Князья Урии были настолько уверены в себе, что даже не пользовались инфракрасным локатором. Корсон инстинктивно направил оружие на прожектор. Низ корабля был гладкий

и полированный, словно какая-нибудь безделушка. Его конструктор, вероятно, был приверженцем самонесущих конструкций. что проявлялось в способе соединения металлических плиток. Корабль ничем не напоминал военный.

Корсон ждал какого-нибудь разряда, газового облака или падающей сверху стальной сетки. Однако луч прожектора поймал его и уже не выпускал. Корабль еще более снизился и замер. Даже не вставая, Корсон мог бы его коснуться. По периметру аппарата зажглись большие иллюминаторы. Он мог бы попробовать поразить их из своего оружия, но не сделал этого.

Он дрожал, но был скорее заинтересован, чем обеспокоен странным поведением хозяев корабля.

Пригнувшись, он обошел его, пытаясь заглянуть в окна, но разглядеть ничего не смог; правда, ему показалось, что он различает человеческую фигуру, и это его вовсе не удивило. Издалека туземцы вполне сходили за людей.

Вдруг по глазам ударил свет, и он зажмурился, захваченный этим врасплох. В корпусе, чуть выше висящей в воздухе складной лестницы, открылся люк. Корсон присел и прыгнул внутрь. Дверь бесшумно закрылась за ним, но он ожидал этого, и даже не обратил на нее внимания.

— Входите, мистер Корсон,— донесся молодой женский голос.— Не вижу причин держать вас в коридоре.

Это был человеческий голос. Настоящий, не подражание. Уриане не сумели бы так совершенно имитировать его. Быть может, это могла сделать машина, но Корсон сомневался, что его враги стали бы так утруждать себя, раз уж он попал в ловушку.

Корсон толкнул дверь, и она исчезла в стене. Перед ним был обширный зал, весь его пол был одним огромным иллюминатором. Он ясно видел и темные контуры леса, над которым они пролетали, и сверкающую гладь океана, над которым уже вставал день. Повернувшись на сто восемьдесят градусов, он увидел перед собой молодую женщину, ее окружало что-то вроде туманной дымки. Лицо окаймляли светлые волосы, а в серых глазах не видно было и следа враждебности, она даже улыбалась. Прошло уже почти пять лет с тех пор, как Корсон последний раз видел женщин, если не считать пластоидов, выполняющих их роль на военных кораблях. Люди не решались рисковать в космосе жизнью женщины: слишком ценна была способность воспроизведения вида. Эта женщина была исключительно красива. Он глубоко вдохнул воздух, быстро проанализировал ситуацию и подавил в себе рефлекс борьбы. В нем проснулась другая личность, и он спросил:

— Откуда вы знаете, что меня зовут Корсон?

На лице молодой женщины отразилось удивление, смешанное со страхом. Корсон понял, что положил палец на пульс событий.

Женщина знала его фамилию, это значило, что Князя Урии располагали подробной информацией о миссии «Архимеда» и даже знали фамилии всего экипажа. С другой стороны, женщина явно относилась к людям, и само ее присутствие на Урии было необъяснимой загадкой. Ни один хирург не мог бы снабдить урианина подобной внешностью, ни одна операция не позволила бы заменить роговой клюв чувствительными губами. Если бы женщина была одета, Корсон продолжал бы сомневаться, однако все анатомические детали выдавали земное происхождение. Он отчетливо видел у нее пупок, а уриане, рождавшиеся из яиц, его не имели. Пластоиды никогда не достигали такой степени совершенства.

— Но ведь вы только что сами сказали мне это,— ответила она.

— Нет, сначала вы называли меня по имени,— сказал он, чувствуя, что топчется на месте. Мозг работал быстро, но безрезультатно. Он испытывал сильное желание убить женщину и завладеть кораблем, но она, наверняка, была на борту не одна. Кроме того, он должен был узнать у нее, что к чему. Может, тогда и не придется ее убивать.

Корсон никогда не слышал, чтобы люди переходили на сторону Князей Урии. Профессия предателя не существовала на войне, у истоков которой лежала биологическая разнородность, соединенная с возможностью жить на одних типах планет; предателей не было. Он вдруг вспомнил, что, поднимаясь на корабль, не почувствовал характерного запаха уриан. А ведь если бы на борту был хотя бы один урианин, он обязательно источал бы запах хлора.

— Вы в плену?

На искренний ответ он не рассчитывал, но надеялся хоть что-то понять.

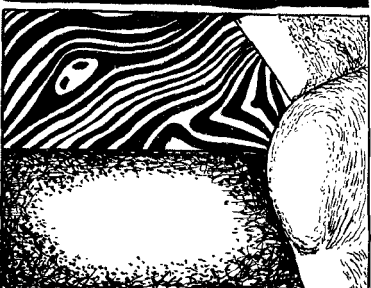
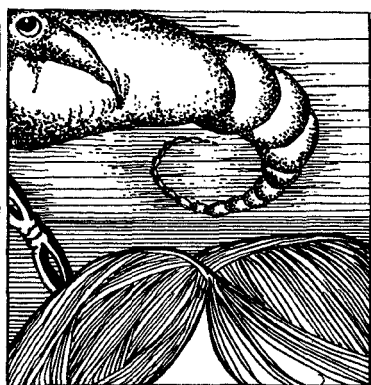
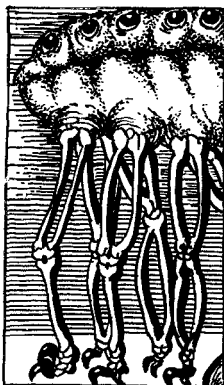
— Вы задаете странные вопросы.— Глаза ее широко открылись, губы задрожали.— Вы — чужой, а я думала... Почему я должна быть в плену? Разве на вашей планете женщин берут в плен?

Внезапно лицо ее изменилось, в глазах появился страх.

— Нет!

Крича, она пятилась назад, ища предмет, которым можно было бы защищаться. Корсон понял, что нужно делать. Он пересек зал, уклонился от слабого удара, закрыл ей рот рукой и прижал женщину к себе. Потом большим и указательным пальцами коснулся двух точек на ее шее, и женщина перестала сопротивляться. Нажми он сильнее, она была бы уже мертва, но в этом пока не было нужды. Он хотел немного подумать.

Обойдя корабль, он убедился, что они одни на борту. Это казалось невероятным. Молодая женщина на борту прогулочного корабля, летящего над лесами враждебной планеты,— это было для него совершенно непонятно. Он обнаружил пульт управления, но не по-

нял его устройства. Красная точка, явно представлявшая корабль, двигалась по стенной карте, но он не узнал ни континентов, ни океанов Урии. Неужели командир «Архимеда» перепутал планеты? Вздор! Флора, солнце, состав атмосферы — все говорило о правильности их маршрута, а удар по кораблю рассеивал последние сомнения.

Он выглянул в окно. Корабль летел на высоте около трех тысяч метров, и, по оценке Корсона, со скоростью около четырехсот километров в час. Минут через десять они будут над океаном.

Вернувшись в зал, он сел в кресло, глядя на молодую женщину, которую положил на пол, подложив под голову подушку. Не часто можно было найти на борту военного корабля подушку. Тем более вышитую подушку. Он пытался вспомнить, что произошло, когда он поднялся на корабль.

Она назвала его по имени прежде, чем он открыл рот.

Испугалась прежде, чем ему пришлось в голову броситься на нее.

В некотором смысле, именно страх в ее глазах заставил Корсона действовать.

Телепатка? Тогда она знает о его задании и о существовании Бестии, и, значит, должна умереть, особенно, если работает на Князей Урии.

Но она попятилась еще до того, как он надумал ее усыпить.

Женщина зашевелилась, и Корсон принялся ее связывать, отрывая от драпировки длинные ленты. Он связал ей руки и ноги, но затыкать рот клепом не стал. Его очень интересовала субстанция, окружавшая женщину. Это не было ни тканью, ни газом; что-то вроде светящегося тумана, такого слабого, что глаз с трудом различал его. Видимо, это было поле, но явно не защитное.

Язык, на котором она говорила, был чистейшим пангалом, но это еще ничего не доказывало — уриане говорили на нем не хуже землян. Он сам пытался научить основам пангала — языка, на котором общались все разумные существа, — Бестию, но напрасно.

Бестия и дала ему ключ к решению загадки.

Молодая женщина имела, по крайней мере, одно свойство, роднившее ее с Бестией. В каких-то пределах она могла предвидеть будущее. Когда он прибыл на корабль, она знала, что он спросит: «Откуда вы знаете, что меня зовут Корсон?». Факт, что ее испуг подтолкнул Корсона к действиям, ничего не меняет, однако возникает вопрос, кто начал первым. Как и в большинстве временных парадоксов. Те, кто сталкивались с Бестией, постигали это на собственном опыте, и сейчас он определил возможности женщины в две минуты. Это было лучше, чем находиться рядом с Бестией, однако не объясняло, что она делает на Урии.

Спустя час после рассвета они летели над океаном, вдали от какой-либо земли. Когда Корсон начал задумываться, чего ждет урианский флот и почему он не вмешивается, женщина пришла в себя.

— Вы грубиян, Корсон,— сказала она.— С варварских времен Солнечной Державы не было более презренного негодя. Нападать на женщину — разве это достойно гостя?!

Он внимательно разглядывал ее. Хотя она была связана, на лице ее не было беспокойства, только злость. Значит, она знала, что в ближайшем будущем он не сделает ей ничего плохого. Потом ее тонкое лицо расслабилось, и злость сменилась холодной решительностью. Она была слишком хорошо воспитана, чтобы плюнуть ему в лицо, но в моральном смысле сделала именно это.

— У меня не было выбора,— сказал он.— Такова война.

Она удивленно уставилась на него.

— О какой войне вы говорите? Вы сошли с ума, Корсон.

— Жорж,— сказал он.— Жорж Корсон.

Она не знала его имени или просто не хотела произносить. Он неторопливо принялся развязывать ее и понял, что именно поэтому ее лицо расслабилось. Она молча позволила ему распутать узлы, после чего одним движением встала, растерла запястья, подошла к нему и, прежде чем он успел шевельнуться, дала ему две пощечины.

— Так я и думала,— презрительно сказала она.— Вы даже не способны предвидеть. Интересно, откуда такой регресс? И для чего вы можете пригодиться? Только со мной могло случиться такое!

Пожав плечами, она отвернулась и посмотрела на море, несущееся под кораблем.

— «Совсем, как героиня старых фильмов,— подумал Корсон.— Еще довоенных. Они подбирали на дорогах разных типов, и с ними всегда происходили потрясающие истории. Чаще всего они просто в них влюблялись. Мифология, как табак или кофе. Или как корабль вроде этого».

— Будет мне урок на будущее, чтобы не подбирала людей, которых не знаю,— продолжала она, как бы играя свою роль в одном из этих мифологических фильмов.

— Посмотрим, кто вы такой, когда доберемся до Диото. До того времени можете быть спокойны: у меня могущественные друзья.

— Князя Урии,— саркастически сказал Корсон.

— Никогда не слышала ни о каких князьях. Может, в легендарное время...

Корсон проглотил слюну.

— На вашей планете мир?

— Уже тысячу двести лет, насколько мне известно, и, надеюсь, так будет до конца света.

— Вы знаете туземцев?

— Да, это интеллигентные и безвредные птицы, они проводят время в философских дискуссиях. У них слегка декадентские взгляды. Нгал Р'нда — один из моих лучших друзей. А с кем, вы думали, вы имеете дело?

— Не знаю, — признался он, и это была чистая правда.

Она смягчилась.

— Я хочу есть. Думаю, вы тоже. Посмотрим, смогу ли я что-нибудь приготовить после того, что вы со мной сделали.

— Как вас зовут? — спросил он. — В конце концов, вы знаете мое имя.

— Флория, — ответила она, — Флория Ван Нелл.

«Первая женщина, которая представилась мне за последние пять лет. Нет, в самом деле, неужели я не сплю, неужели все это не ловушка и не цветная предсмертная галлюцинация».

Он едва не выронил стакан, который она ему подала.

После еды его мозг заработал нормально. Он не понимал, что случилось на Урии, если между миллионами живущих здесь людей и туземцев и вправду царит мир. Он знал, что летит в Диото — крупный город — в обществе женщины, прекраснее которой не встречал. И что Бестия бродит в лесах Урии, готовая дать жизнь восемнадцати тысячам новых Бестий, которые быстро станут такими же опасными, как и она сама.

Корсон уже успел выработать для себя версию. Когда перед самым взрывом Бестия удалась от корабля, она прыгнула во времени не на несколько секунд, а на тысячелетие. И потащила за собой Жоржа Корсона. Не существовали больше Князья Урии и Солнечная Держава, выигранная или проигранная война была забыта. Он мог считать себя демобилизованным и снять мундир солдата, или же дезертиром, против своей воли заброшенным в будущее. Сейчас он был только человеком, затерянным среди мириадов граждан какой-нибудь Галактической Федерации, занимающей целую Галактику и переселяющейся в Туманность Андромеды, объединяющей миры, которых он никогда не увидит, хотя между ними действует транспространственная связь, позволяющая почти мгновенно переноситься с планеты на планету. У него не было больше личности, прошлого и никакого задания, он ничего уже не знал. Из Диото он мог добраться до любой звезды, сверкающей на ночном небе, и заниматься там единственным известным ему делом — войной — или же избрать другую профессию. Он мог уйти, забыть о Земле и Урии, забыть о Бестии, о Флории Ван Нелл и навсегда потеряться на дорогах космоса, оставив новым жителям Урии заботы о Бестии и ее восемнадцати тысячах потомков.

Но он был не настолько наивен, чтобы не понять, какие вопросы его мучают.

Почему Флория Ван Нелл прибыла именно в этот момент, чтобы забрать его на корабль? Почему она произвела на него впечатление актрисы, плохо помнящей свою роль? Почему ее искренняя злость сменилась сердечностью, как только она полностью пришла в себя?

— 5 —

Издалека Диото походил на огромную пирамиду с основанием, висящим в километре над землей. Он напоминал потрепанную тучу, чьи потемневшие клубы громоздились, словно геологические пласты на скальном обнажении. У Корсона захватило дух. Тем временем пирамида, казалось, рассыпалась, и туча превратилась в лабиринт. Здания, слагающие город, располагались на большом расстоянии друг от друга. Из земли вертикально поднималась двойная река, пересекавшая город, будто колонна, заключенная в невидимую трубу. Вдоль трехмерных артерий города летали различные аппараты. Когда корабль с Корсоном добрался до пригородов, два больших кубических блока поднялись в воздух и улетели в сторону океана.

— Диото, — сказал себе Корсон, — прекрасный пример урбанистики, основанной на антигравитации, но несущий пятно анархической концепции общества.

До сих пор антигравитация существовала для него только на борту военных кораблей. Если говорить об анархии, она была только исторической категорией, которую война совершенно исключала. Каждый человек и каждая вещь имели свое место. Но за тысячу двести лет, а может, и за многие тысячелетия, все это должно было измениться. Антигравитация, на первый взгляд, стала таким же повсеместным явлением, как атомная энергия. А может, она стала и источником энергии? Корсон слышал о каких-то проектах подобного рода. На палубах военных кораблей антигравитационные машины потребляли чудовищные количества энергии, но это ничего не значило. Взаимодействие масс тоже обладало значительной потенциальной энергией.

Город этот, в отличие от известных ему, не был постоянным набором разных конструкций — он изменялся. Можно было бросить или поднять якорь. Была сохранена только основная функция города: объединение людей для обмена товарами и идеями.

Корабль Флории медленно поднимался вдоль одной из граней пирамиды. Размещение зданий было таким, что даже нижние этажи получали достаточно солнечного света. Из этого следовало, что здесь была центральная власть, руководившая циркуляцией населения и распределением мест для новоприбывших.

— Мы прибыли,— сказала Флория Ван Нелл.— Что вы собираетесь делать?

— Мне казалось, вы хотите выдать меня полиции.

Флория заинтересовалась.

— Так случилось бы в вашей эпохе? Они сами легко вас найдут, если захотят. Хотя сомневаюсь, знают ли они, что такое арест. Последний раз такое случилось десять лет назад.

— Ведь я напал на вас.

Она рассмеялась.

— Скажем так: я вас спровоцировала. А встретить человека, который не может предвидеть будущее, это волнующее переживание.

Она подошла к нему, поцеловала в губы и отскочила, прежде чем он успел ее обнять. Корсон стоял, остолебенев от удивления. Потом подумал, что она говорит правду: ее взволновала эта встреча. Она не знала мужчин такого типа, но он знал этот тип женщин. Он видел это в ее глазах, когда применил против нее силу. Основные психологические черты не меняются за тысячу двести лет, даже если эволюционируют некоторые внешние признаки.

Ему вдруг захотелось бежать. Какой-то инстинкт толкал его бежать за тридевять земель от этого мира. Инстинкт этот поддерживался образом будущего, который он себе создавал. Быть может, за тысячу двести лет (или даже больше) люди продвинулись вперед достаточно, чтобы без труда справиться с восемнадцатью тысячами Бестий. А узы, возникающие между ним и Флорией Ван Нелл, серьезно ограничивали его свободу.

— Спасибо за все,— сказал он.— Если когда-нибудь я смогу...

— Вы очень уверены в себе,— ответила она.— А куда вы хотите идти?

— На другую планету. Я... много путешествую. На этой планете я был слишком долго.

Флория широко раскрыла глаза.

— Я не спрашиваю, почему вы лжете, Корсон, но меня интересует, почему вы лжете так плохо.

— Для удовольствия,— ответил он.

— Не заметно, чтобы вы были довольны.

— Я пытаюсь.

Ему хотелось задать ей тысячу вопросов, но он удержался. Нужно самому открывать эту новую вселенную. Незачем выдавать свою тайну. Лучше удовлетвориться информацией, которую он получил во время разговора.

— Я надеялась, что будет иначе,— сказала она.— Ну что ж, вы свободны.

— И все-таки, я могу оказать вам кое-какую услугу. Скоро я покину эту планету и советую вам то же самое. Через несколько месяцев здесь станет невыносимо.

— С вами? — иронически спросила она. — Вы не можете предвидеть, что случится через минуту, а строите из себя пророка. Я тоже дам вам совет: смените одежду, иначе над вами будут смеяться.

Смущенный Корсон сунул было руки в карманы своего мундира, но уже через минуту переодевался в тунику, которую она ему подала. На Марсе каркай, как марсианин... Корабль подлетел к причалу и остановился. В новой одежде Корсон чувствовал себя воистину смешно.

— Где у вас мусоропровод?

Флория нахмурилась.

— Не понимаю.

Корсон закусил губу.

— Устройство, которое убирает отбросы.

— Уборщик? Вот он.

Она показала ему, как действует уборщик, он свернул свой мундир и бросил в аппарат. Свободная одежда, в которую он переоделся, достаточно скрывала пистолет под левым плечом. Он был почти уверен, что Флория заметила оружие, но не имеет понятия о его назначении.

Корсон подошел к двери, и она открылась перед ним. Уже выходя, он хотел что-то сказать, но не нашел слов и только махнул рукой на прощанье. В этот момент он думал только об одном: найти спокойное место, подумать и как можно скорее покинуть Урию.

— 6 —

Перрон под его ботинками, нет, теперь уже под сандалиями, был мягким. Пожалуй, нужно было остаться с девушкой подольше и собрать побольше информации. Насколько он мог оценить, торопливость была вызвана старым солдатским правилом: не оставаться в убежище ни одной лишней минуты. Непрерывно двигаться.

Его поведение диктовалось войной, что кончилась более тысячи лет назад, но он-то расстался с нею только вчера. Кроме того, Флория была молода, красива и желанна, а Корсон прибыл с войны, из эпохи, в которой почти вся человеческая энергия направлялась на борьбу или экономические усилия для ее поддержания. И вдруг он обнаружил мир, где личное счастье казалось законом. Контраст был слишком резок. Корсон покинул корабль потому, что не ручался за себя, пока был рядом с Флорией.

Он дошел до конца перрона и недоверчиво посмотрел на узкие, лишенные поручней и, к тому же, сильно наклоненные мостики. Корсону казалось, что это колебание может его выдать, но вскоре он понял, что никто не обращает на него внимания. В его мире чужого человека сразу заподозрили бы в шпионаже, хотя было абсурдом предполагать, что урианин рискнул бы прогуляться по го-

роду, построенному человеком. Понятие «шпионаж» в его время касалось не только обеспечения безопасности. Его навязывали, и Корсон был достаточно циничен, чтобы понимать это.

Жители Диото выказывали большую смелость. Они перескакивали с одного уровня на другой даже тогда, когда разница между ними достигала десятков метров. Поначалу Корсон думал, что они снабжены небольшими антигравитаторами, укрытыми под одеждой, но скоро пришел к выводу, что это не так. При первой своей попытке он прыгнул с высоты трех метров, приземлился на согнутые ноги и едва не упал. Он ждал гораздо более сокрушительного удара. Осмелев, он прыгнул на десять метров и заметил мчащийся прямо на него небольшой воздушный экипаж. Тот резко свернул, а его пилот повернул к Корсону побледневшее от гнева или страха лицо. Корсон подумал, что нарушил какое-то правило, и быстро удалился, чтобы не встречаться со стражем порядка.

Пешеходы, казалось, шли без определенной цели. Они кружились, как насекомые, падали на три уровня ниже, потом поднимались на шесть уровней выше, задерживались, чтобы поговорить с кем-нибудь, после чего отправлялись дальше. Время от времени кто-нибудь входил в одно из массивных зданий, составлявших скелет города.

Одиночество стало декучать ему часа через три. Он был голоден и уже устал. Возбуждение прошло. Сначала он считал, что без труда найдет какой-нибудь ресторан или общую спальню для солдат и путешественников, как это было на всех планетах Солнечной Державы, но тут его ждало разочарование. Спросить проходящих мимо людей он боялся и, наконец, решил войти в одно из больших зданий. За дверью был обширный зал. На огромных полках были разложены товары, а по залу кружились тысячи людей.

Если он возьмет какую-нибудь вещь, будет ли это кражей? Кражи сурово наказывались в Солнечной Державе, и Корсон твердо усвоил это. Общество на военном положении не могло допускать таких явно антиобщественных поступков. Когда он нашел сектор питания, вопрос разрешился сам собой. Выбрав продукты, похожие на те, которыми угощала его Флория, он сунул их в карманы, подсознательно ожидая сигнала тревоги, и направился к выходу, петляя, чтобы запутать следы.

Когда он собрался переступить порог, сзади раздался голос, и Корсон вздрогнул. Это был низкий голос приятного тона.

— Простите, вы ничего не забыли?

Корсон огляделся.

— Вы ничего не забыли? — настаивал бестелесный голос.

— Корсон, — сказал он. — Жорж Корсон.

Зачем скрывать свое имя в мире, где оно ни для кого ничего не значит?

— Быть может, я забыл о какой-то формальности,— признался он.— Я здесь чужой. А кто вы такой?

Больше всего его удивляло, что проходившие мимо люди, казалось, не слышали этого вопроса.

— Я бухгалтер этого учреждения. Хотите поговорить с директором?

Корсон, наконец, определил место, из которого шел голос. Точка на высоте плеч, в добром метре от него.

— Я нарушил какое-то правило? — спросил Корсон.— Полагаю, вы хотите меня задержать?

— На ваше имя не открыто кредита, мистер Корсон. Если не ошибаюсь, вы впервые в этом магазине. Поэтому я и позволил себе спросить вас. Надеюсь, вы на нас не в обиде?

— Боюсь, что не имею никакого кредита. Разумеется, я могу все вернуть.

— Ну зачем же, мистер Корсон? Достаточно заплатить наличными. Мы принимаем валюту всех объединенных планет.

Корсон вздрогнул.

— Как вы сказали?

— Мы принимаем валюту всех объединенных планет.

— Нет... у меня нет денег,— ответил Корсон.

Слово это обожгло ему губы. Деньги были для него понятием чисто историческим и, в некотором смысле, ненавистным. Как и все люди, он знал, что задолго до войны на Земле пользовались деньгами, как средством обмена, но сам никогда их не видел. Армия снабжала его всем необходимым. Практически, у него никогда не было желания получить больше того, что ему выделяли. Как и все его современники, он считал, что обычай денежного обмена неприемлем в развитом обществе. Когда он покидал корабль Флории, ему и в голову не пришло, что могут понадобиться деньги.

— Я мог бы... гм...

Он откашлялся.

— Может, я отработаю за... гм... за то, что взял?

— Никто не работает ради денег, по крайней мере, на этой планете, мистер Корсон.

— А вы? — недоверчиво спросил Корсон.

— Я — машина, мистер Корсон. Если позволите, я могу предложить вам решение, пока вы не получите кредит. Может, вы укажете человека, который может за вас поручиться?

— Я знаю здесь только одного человека,— сказал Корсон.— Флорию Ван Нелл.

— Отлично, этого достаточно, мистер Корсон. Простите, что остановил вас. Надеюсь, вы нас еще навестите.

Голос умолк. Корсон пожал плечами, злой от того, что попал в дурацкое положение. Что подумает Флория, открыв, что ее кредит

стал меньше? Но это его не касалось. Его потряс сам голос. Он был вездесущим, мог разговаривать одновременно с тысячей клиентов, информировать их, советовать и стыдить.

Неужели невидимые глаза, укрытые в складках пространства, непрерывно следили за ним? Он снова пожал плечами: ведь он был свободен.

— 7 —

Корсон нашел относительно спокойное место и открыл банку. Не откладывать обед — тоже солдатская привычка. Поев, он принялся размышлять, но, несмотря на все усилия, ему не удалось представить свое будущее.

Проблема денег. Без них ему будет трудно покинуть Урию. Межзвездные путешествия, конечно, были дороги. Ловушку во времени дублировала ловушка в космосе. Разве что за шесть месяцев он найдет способ добывать деньги.

Но не зарабатывать, поскольку никто не работал ради денег. Чем дольше он думал, тем труднее казалась ему проблема. Не было ничего, что он мог бы делать и что заинтересовало бы людей Урии. Хуже того, он в их глазах будет выглядеть инвалидом. Мужчины и женщины, гуляющие по улицам Диото, могли предвидеть события собственной жизни, а у него не было такой способности, и все указывало на то, что он никогда ею не обзаведется. Может, это было результатом мутации, которая проявилась внезапно и быстро распространилась среди человечества? А может, эта способность при-суща всем и ее можно развить упражнениями?

Как бы то ни было, это означало, что в контактах с людьми Урии он никогда и никого не сможет захватить врасплох. Впрочем, за одним исключением.

Он знал отдаленное будущее планеты.

Через шесть месяцев орда Бестий радостно бросится в атаку на Диото, преследуя свои жертвы в лабиринте пространства и времени. Быть может, способность предвидеть будущее даст людям минутную передышку, но не более.

Это давало неплохую возможность поторговаться. Он может предупредить власти планеты, посоветовать полную эвакуацию Урии или же попробовать усовершенствовать придуманные Солнечной Державой методы борьбы против Бестии. Однако это было рискованно — уриане могли его просто-напросто повесить.

Он выбросил за ограждения пустые банки и смотрел, как они падают. Ничто не тормозило их падения. Значит, антигравитационное поле действовало только на живые организмы. Может, нервная система подсознательно отдавала нужные распоряжения. Корсон не представлял себе устройства, которое могло это делать.

Он встал и снова пошел бродить по городу, надеясь найти межзвездный космопорт, место, где стартуют галактические транспорты или садятся транспространственные корабли, и попасть на борт одного из них, хотя бы и силой. Если его задержат, у него всегда есть выход — рассказать о Бестии.

Корсон уже познакомился в общих чертах с планом города, и он показался ему удивительно неуклюжим. В его эпоху все военные базы были построены по единому проекту: одни дороги предназначались для машин, другие — для пешеходов. Здесь этого не было. Возможность предвидеть события повлияла и на правила движения. Он вспомнил экипаж, с которым недавно едва не столкнулся. Водитель не предвидел его появления на дороге; значит, чтобы предвидеть, уриане должны были делать какое-то усилие. А может, эта способность дана не всем в равной степени?

Он попытался сосредоточиться и представить, что сейчас произойдет. Вот идет пешеход. Он может пойти прямо, повернуть направо, прыгнуть вверх или вниз. Корсон решил, что тот повернет, но человек пошел прямо. Корсон повторил опыт, но вновь безуспешно.

И еще, и еще раз.

Неудач было слишком много! Может, какой-то блок в его нервной системе делал предвидение невозможным?

Он стал вспоминать давние интуитивные решения, «которые в решающий момент какой-нибудь схватки, словно молния, вспыхивали у него в мозгу. Случаи, которые скоро забываются и которые назывались простыми совпадениями.

У него была твердая репутация счастливчика. Его товарищи часто подшучивали над его везением, и, похоже, напрасно: он был жив, а они все погибли. Может, на Урии везение стало измеримой величиной?

Легкий экипаж остановился перед ним, и Корсон инстинктивно отпрянул. Мышцы напряглись, ноги согнулись, рука метнулась к левому плечу. Он не тронул оружия, поскольку в аппарате была только одна пассажирка — молодая красивая брюнетка — и явно безоружная. Она улыбнулась ему.

Корсон выпрямился и вытер пот со лба. Молодая женщина жестом пригласила его в экипаж.

— Жорж Корсон, не так ли? Прошу вас.

Чтобы дать ему войти, борт аппарата как бы смялся, как если бы был из ткани или искусственного материала, подвергнувшегося действию термических лучей.

— Кто вы? Как меня нашли?

— Антонелла, — ответила она. — Это мое имя. А сказала мне о вас Флория Ван Нелл. Мне захотелось с вами встретиться.

Он заколебался.

— Я знаю, что вы войдете, Корсон. Не будем терять времени.

Он едва удержался, чтобы не уйти. Можно ли обмануть способность предвидения? Но женщина была права — он действительно хотел войти. Ему уже надоело одиночество, и он чувствовал потребность поговорить с кем-нибудь. Для опытов еще будет время. Он сел в аппарат.

— Приветствуем вас на Урии, мистер Корсон, — несколько церемонно сказала Антонелла. — Я должна принять вас.

— Это официальная миссия?

— Можете называть и так, если хотите. Но мне это доставляет удовольствие.

Аппарат набрал скорость, он двигался без видимого участия молодой женщины. Она улыбнулась, показав ослепительные зубы.

— Куда мы летим?

— Предлагаю небольшую прогулку вдоль берега моря.

— Вы меня куда-то забираете?

— Но не в те места, где бы вы не хотели оказаться.

— Пусть будет так, — сказал Корсон, опускаясь на подушки, а поскольку они покидали Диото, добавил: — Вы не боитесь? Флория рассказала вам обо мне?

— Она сказала нам, что вы обошлись с ней немного грубо, и она не знает, обижаться на вас или нет. Пожалуй, больше всего она обиделась на то, что вы ее оставили. Это здорово задевает самолюбие.

Она снова улыбнулась, и он расслабился. Он ей верил, непонятно почему. Если ее выбрали для приема иноземцев, выбор, следует признать, был безошибочен.

Корсон повернул голову и снова увидел огромный пирамидальный гриб Диото, который, казалось, покоился на двух сверкающих колоннах вертикальных рек. Море дышало, прибой омывал прибрежную полосу. Небо было почти пусто. Прозрачная радуга, словно зыбкое облако, окружала город.

— Что вы хотите обо мне знать? — резко спросил он.

— Ваше прошлое нам безразлично, мистер Корсон. Нас интересует ваше будущее.

— Почему?

— Вы не догадываетесь?

Он на несколько секунд закрыл глаза.

— Нет. Я ничего не знаю о своем будущем.

— Сигарету?

Он взял из ее рук овальную коробочку, вынул сигарету. Сунул ее в рот и затянулся, ожидая, что она зажжется сама. Антонелла шелкнула зажигалкой, и Корсона на мгновение ослепило.

— Что вы собираетесь делать?

Он потер глаза и затянулся. Это был настоящий табак, совершенно непохожий на водоросли, которые он курил когда-то во время войны.

— Покинуть эту планету,— машинально ответил он и тут же прикусил язык. Однако светящаяся точка двигалась перед его глазами, словно попавший на сетчатку блеск зажигалки выгравировал на ней сложный рисунок. Внезапно Корсона осенило, и он потушил сигарету о пульт управления корабля. Потом закрыл глаза и так сильно нажал на них, что увидел стартующие ракеты и взрывающиеся солнца. Его правая рука поползла под тунику к оружию. Блеск зажигалки был не простым блеском. Его гипнотическое воздействие совместно с наркотиком в сигарете должно было развязать ему язык. Но тренировки сделали его психику устойчивой к таким сюрпризам.

— Вы очень сильны, мистер Корсон,— спокойно сказала Антонелла.— Однако едва ли вы настолько сильны, чтобы покинуть эту планету.

— Почему вы не предвидели, что ваша хитрость не удастся?

— А кто вам сказал, что она не удалась?

Она улыбалась так же мило, как и тогда, когда приглашала его в аппарат.

— Я сказал только, что собираюсь покинуть эту планету. Это все, что вы хотите знать?

— Возможно. Сейчас мы уверены, что вы действительно собираетесь это сделать.

— И хотите помешать мне?

— Не знаю, как мы могли бы это сделать. Вы вооружены и опасны. Мы хотим отговорить вас.

— Конечно, для моего же блага.

— Конечно,— ответила она.

Аппарат снизился и сбросил скорость, потом замер над небольшой бухточкой, начал медленно опускаться и, наконец, сел на песок. Края его опали, как расплавленный воск. Антонелла выскочила на песок, потянулась и прошла танцующим шагом.

— Разве это не романтично? — спросила она.

Она подняла многогранную раковину, которая, вероятно, когда-то защищала морского ежа. «Ежа из другого мира»,— подумал Корсон. Подержав ее несколько секунд, женщина бросила раковину в воду, что лизала ее босые ноги.

— Вам не нравится эта планета?

Корсон пожал плечами.

— На мой вкус, она слишком декадентская.

— Догадываюсь, что вы предпочитаете войну — действия резкие и грубые. Может, и здесь найдутся кое-какие остатки этого, Жорж.

— И любовь,— саркастически заметил он.

— Почему бы и нет?

Она прикрыла глаза и ждала, приоткрыв губы. Корсон сжал

кулаки. Он не встречал другой такой притягательной женщины, даже во время своих отпусков в центрах отдыха. Отбросив воспоминания, он шагнул к женщине и обнял ее.

— Я не думала, Жорж, что ты можешь быть таким нежным,— сказала она сдавленным голосом.

— 8 —

— На вашей планете всех чужеземцев так принимают? — его голос выдавал глухое раздражение.

— Нет, — ответила она, и в уголках ее глаз он заметил слезы. — Нет, наши обычаи, конечно, очень свободны... по сравнению с обычаями твоего мира, но...

— Любовь с первого взгляда?

— Ты должен понять меня, Жорж. Я не могла противиться. Уже так давно...

Он засмеялся.

— Несомненно, с нашей последней встречи?

Она взяла себя в руки, и лицо ее вновь стало спокойным.

— В некотором смысле да, Жорж. Ты поймешь это позднее...

— Когда вырасту, да?

Он встал и подал ей руку.

— Теперь, — сказал он, — у меня есть еще одна причина покинуть эту планету.

Она покачала головой.

— Ты не должен этого делать.

— Почему?

— После выхода из транспространства, независимо от планеты, тебя задержат и подвергнут определенной процедуре. Нет, тебя не убьют, но ты уже никогда не будешь таким, как прежде. Ты лишишься воспоминаний и многих из своих желаний. Это почти то же, что умереть.

— Хуже, — сказал он. — И что, этому подвергают всех межзвездных путешественников?

— Нет, только военных преступников.

Корсон вздрогнул. Окружающий мир окутался туманом и стал почти неразличим. До некоторой степени он мог понять поведение этой женщины, хотя ее слова были неясны. Ее поведение было не более абсурдно, чем вздымающийся к небу город, вертикальные реки или все это сумасшедшее общество, прогуливающееся по воздуху на палубах воздушных яхт. Но в словах Антонеллы звучала и угроза.

Военный преступник... Потому что принимал участие в войне, что закончилась более тысячи лет назад.

— Не понимаю, — признался он наконец.

— Но это же очевидно. Органы безопасности не занимаются контролем на планетах и вмешиваются только тогда, когда какой-нибудь преступник переносится с одной планеты на другую. Если ты воспользуешься транспространственным транспортом, хотя бы для того, чтобы долететь до спутника этой планеты, тебе конец. Есть всего один шанс из миллиона, что ты спасешься от них.

— Но почему они хотят со мной расправиться?

Антонелла нахмурилась.

— Я уже сказала тебе. Думаешь, мне приятно называть военным преступником человека, которого я люблю?

Он сильно сжал ее запястья.

— Антонелла, прошу тебя, скажи, о какой войне идет речь?

Она рванулась.

— Грубиян! Пусти меня. Как ты можешь требовать, чтобы я это говорила? Ты должен знать это лучше меня. В прошлом были тысячи войн, и ты мог участвовать в любой из них.

Он отпустил женщину, в глазах у него потемнело.

— Антонелла, помоги мне. Ты слышала о войне между Солнечной Державой и Князьями Урии?

Она сосредоточилась.

— Наверное, это было очень давно. Последняя война, коснувшаяся этой планеты, закончилась более тысячи лет назад.

— Между людьми и туземцами?

Она покачала головой.

— Наверняка нет. Люди более шести тысяч лет делят эту планету с туземцами.

— Значит,— спокойно сказал он,— я последний человек, спасшийся с войны, которая велась более шести тысяч лет назад. Полагаю, за давностью лет все забыто.

Она подняла голову и с удивлением посмотрела на него.

— Это невозможно,— сказала она бесцветным голосом.— Это было бы слишком легко: проиграть войну, прыгнуть в будущее так далеко, чтобы избежать наказания, и начать все сначала.

— Ты хочешь сказать...— начал он и замолчал.

Правда медленно доходила до него. Века, а может, тысячелетия, человек умеет перемещаться во времени. Победенные генералы или смещенные тираны то и дело искали убежища во времени, в прошлом или будущем, предпочитая бегство сдаче врагам. Спокойные века были вынуждены защищаться от этих пришельцев, иначе войны тянулись бы бесконечно. Органы безопасности охраняли время. Они не вмешивались в конфликты на самих планетах, но, строго контролируя коммуникации, мешали распространять конфликты на всю галактику и историю. Это было головокружительное предприятие. Нужно было иметь воистину неограниченные ресурсы бесконечного будущего, чтобы придумать такое.

И Жорж Корсон, неожиданно выскочивший из прошлого, солдат, заблудившийся в веках, был автоматически классифицирован, как военный преступник. Перед его глазами замелькали картины конфликта между Солнечной Державой и Князьями Урии. С обеих сторон это была война безжалостная и неистовая. Когда-то он даже на секунду не мог представить себе, что можно испытывать жалость к урианам, но с тех пор прошло шесть тысяч лет, если не больше. Ему было стыдно за самого себя, за своих товарищей, за триумфальную радость, которую он испытал, доставив Бестию на планету.

— Я не военный преступник в буквальном смысле этого слова, — сказал он. — Да, я участвовал в давней войне, но никто не спрашивал моего мнения. Я родился в мире, который вел войну, в определенном возрасте прошел обучение и был вынужден принимать участие в боях. Я не пытался уйти от ответственности, ныряя во времени. В будущее я попал... случайно. Я охотно подвергнусь всем необходимым тестам, если они не повредят моей личности. Думаю, мне удастся убедить любого беспристрастного судью.

В глазах Антонеллы появились слезы.

— Мне так хочется тебе верить! Ты не представляешь, как я страдала, когда мне сказали, кем ты был. Я любила тебя с первой минуты и думала, что у меня не хватит сил выполнить эту миссию.

Теперь он был уверен в одном: он увидит ее, найдет ее в том будущем, где она его еще не встретила. Непонятным образом их судьбы пересеклись. Он видел ее впервые, но она его уже знала. И в один из дней разыграется сцена, противоположная сегодняшней. Это было немного сложно, но, по крайней мере, имело смысл.

— Есть ли на этой планете правительство? — спросил он. — Я должен им кое-что сказать.

— 9 —

Антонелла заколебалась, прежде чем ответить, и он подумал, что она настолько взволнована, что не смогла предвидеть его вопроса.

— Ты говоришь о центральной власти? Уже тысячу лет на Урии нет ничего подобного. У нас есть машины, выполняющие кое-какие функции правительства, распределительные, например. Полиция тоже есть, но она почти ни во что не вмешивается.

— А органы безопасности?

— Они контролируют только коммуникации и, кажется, колонизацию новых планет.

— А кто обеспечивает связь Урии с органами безопасности?

— Совет. Трое людей и уриане.

— Ты работаешь на них?

Это ее шокировало.

— Я ни на кого не работаю. Меня попросили встретить тебя,

Жорж, и предупредить, что тебя ждет, если ты покинешь планету.

— Почему ты это сделала? — резко спросил Корсон.

— Потому что, попытавшись покинуть планету, ты потеряешь свою индивидуальность, твое будущее изменится, и мы никогда не встретимся.

Губы ее дрожали.

— Это личная причина, — сказал Корсон. — А почему мною интересуется Совет?

— Этого мне не сказали. Думаю, они считают, что ты будешь нужен Урии. Боятся, что какое-то несчастье обрушится на планету, и думают, что только ты сможешь этому помешать. Почему? Этого я не знаю.

— Зато у меня есть кое-какие догадки, — сказал Корсон. — Ты можешь меня к ним проводить?

Антонелла поникла.

— Это будет нелегко, — сказала она. — Они живут через триста лет в будущем, а сама я не могу запросто путешествовать во времени.

———— 10 ————

Корсон с трудом проглотил слюну.

— Ты хочешь сказать, что прибыла из будущего, отстоящего на триста лет?

Она подтвердила.

— А какую миссию хочет доверить мне ваш Совет?

Она покачала головой, ее волосы рассыпались по плечам.

— Никакой. Они только хотят, чтобы ты остался на планете.

— И моего присутствия хватит, чтобы предотвратить катаклизм?

— Что-то в этом роде.

— Это вдохновляет. Так значит, сейчас на этой планете никто и ни за что не отвечает?

— Нет, — сказала она. — Нынешний Совет присматривает за семью веками. Это не много. На других планетах Советы отвечают за тысячу лет и больше.

— По крайней мере, — сказал Корсон, — это обеспечивает непрерывность власти. А как ты собираешься вернуться в свое время?

— Не знаю, — ответила она. — Предполагалось, что это ты должен найти способ.

Корсон присвистнул.

— Час от часу не легче. Значит, мы оба затеряны во времени? Антонелла взяла его за руку.

— Я не затеряна, — сказала она. — Вернемся, день кончается. Задумавшись, склонив головы, они направились к аппарату.

— Пока я уверен только в одном, — сказала Корсон. — Если ты

говоришь правду, то неизвестным мне способом я достигну будущего, из которого ты прибыла, и встречу тебя, причем ты увидишь меня впервые, а я тебя вторично. Мои слова будут для тебя непонятны, и, может, в конце этого путешествия я открою истинный смысл этой бессмыслицы.

Опустившись на подушки, Корсон почти сразу заснул.

— 11 —

Разбудили его крики, скрежет, топот ботинок по неровной поверхности, приказы, произносимые злыми голосами, и лязг оружия. Темнота была полная, а аппарат раскачивало из стороны в сторону. Корсон повернулся к Антонелле, но не смог разглядеть ее лица в чернильной темноте. Собственный голос показался ему приглушенным.

— Катастрофа?

— Нас атаковали. Я предвидела только эту черную тучу, а потом не было видно ничего.

— А что случится сейчас?

— Я ничего не могу предвидеть. Темнота, полная темнота... — В ее голосе звучало отчаяние.

Он протянул руку и сжал ее плечо, но в этой абсолютной темноте даже самый интимный контакт не мог побороть отчуждения.

— Я вооружен, — шепнул он ей на ухо.

Осторожно вынув оружие из кобуры, он нажал на спуск и повел стволом вокруг себя. Однако вместо знакомого серебристого луча из ствола вырвался тонкий фиолетовый лучик, исчезающий уже в полуметре. Эта туча была не просто туманом. Вероятно, это было какое-то поле, развернутая в пространстве энергетическая сеть, которая связывала и видимый свет и другие виды излучения. В глубине тела Корсон ощущал неприятную щекотку, будто клетки, из которых он состоял, собирались разделиться.

Голос, такой глубокий и могучий, что задрожали внутренности, выплыв из какой-то огромной далекой пещеры:

— Не стреляй, Корсон. Мы твои друзья.

— Кто ты? — воскликнул Корсон, но его голос прозвучал слабо.

— Полковник Веран, — ответил голос. — Ты меня не знаешь, но это не имеет никакого значения. Прикройте глаза, мы поднимем экран.

Корсон спрятал оружие и в темноте пожал пальцы Антонеллы.

— Слушай, это имя тебе что-нибудь говорит?

Она прошептала:

— Я не знаю никого с именем Полковник.

— Полковник — это звание. Зовут его Веран. Я, как и ты, его не знаю. Не знаю...

Молния. Сначала Корсон видел между пальцами только сплошную белизну, которая вскоре превратилась в массу кровавых иголок, колющих сжатые веки. Наконец он смог открыть глаза и увидел, что аппарат висит над какой-то поляной. Был день. Их окружали мужчины в серых мундирах, вооруженные неизвестным оружием. За рядом солдат он заметил то ли две машины, то ли просто два пригорка, деталей он никак не мог разглядеть. По обеим его сторонам было еще по два, а когда он повернулся, увидел сзади еще два таких же.

При них несли охрану солдаты.

Танки?

Один из них шевельнулся, и Корсон едва сдержал крик.

Пригорки были Бестиями.

Точно такими, как и та, которую «Архимед» должен был высаживать на Урии. Существа эти были настолько страшны, что люди во времена Корсона не нашли для них другого названия.

Корсон взглянул на Антонеллу: та выглядела вполне спокойной. От группы одетых в серое солдат отделился человек в зеленом мундире и направился к ним. Став по стойке «смирно» в трех метрах от аппарата, он резко сказал:

— Полковник Веран. Чудом уцелевший с остатками 623-го кавалерийского полка при сражении на Эргистале. Благодаря вам, Корсон. Ваша идея выхода из окружения спасла нам жизни. Кроме того, вам удалось взять заложницу. Это хорошо. Мы допросим ее чуть позднее.

— Я никогда не... — начал Корсон и замолчал.

Если этот человек считал себя чем-то обязанным ему, то пусть так оно и будет. Корсон соскочил с экипажа и только тогда заметил грязь и дыры на мундирах, следы сильных ударов на потемневших защитных масках. Интересно, что ни один из солдат не выглядел даже легко раненым. Прошлый опыт автоматически подсказал ему, что солдаты, скорее всего, убьют и его и Антонеллу.

Название Эргистал ничего ему не говорило, мундиры солдат были незнакомы, а звание «полковник» появилось, по меньшей мере, пятнадцать тысяч лет назад. Подковник Веран мог прийти из любой битвы между эпохой Корсона и современностью. Факт, что его люди пользовались дрессированными Бестиями, позволял предположить, что он явился из времени более позднего, чем время Корсона. Сколько потребовалось времени, чтобы установить контакт с Бестиями, чтобы их выдрессировать, начиная с первых неудачных попыток Солнечной Державы? Десять лет? Век? Тысячелетие?

— Какое у вас звание? — спросил полковник Веран.

Корсон машинально выпрямился, хотя отлично понимал гротескность своего наряда. И ситуации тоже. Веран и он были всего лишь призраками, а Антонелла вообще еще не родилась.

— Лейтенант, — глухо сказал он.

— Именем Его Высочества Священного Птара Мурфи, — торжественно сказал Веран, — произвожу вас в капитаны.

Потом добавил уже более сердечно:

— Разумеется, когда мы выиграем войну, вы получите звание маршала. В данный момент я не могу присвоить вам более высокого звания, ибо вы служили в чужой армии. Надеюсь, вы счастливы, найдя настоящую армию и крепких людей. Вероятно, часы, проведенные на этой планете, были для вас не самыми веселыми.

Он подошел к Корсону и тихо спросил:

— Как по-вашему, найду я на этой планете рекрутов? Мне нужно около миллиона человек. И, кроме того, двести тысяч гипронов. Мы еще можем спасти Эргистал.

— В этом я не сомневаюсь, — сказал Корсон. — Но что такое гипрон?

— Это наши скакуны, капитан Корсон. — И Веран широким жестом указал на восемь Бестий.

— У меня великие планы, капитан, и я не сомневаюсь, что вы захотите участвовать в них. Отбив Эргистал, я хочу ударить на Нафур, захватить арсеналы и свергнуть это ничтожество, Птара Мурфи.

— Признаться, — сказал Корсон, — я сомневаюсь, что вы найдете столько рекрутов на этой планете. Если же говорить о гипронах, то я оставил одного где-то в джунглях. Но он совсем дикий.

— Чудесно, — сказал Веран и снял каску. На его бритом черепе начинали отрастать волосы, делая его похожим на подушечку для игл. Его серые, глубоко сидящие глаза напоминали твердые камни. Лицо покрывал загар цвета старой бронзы со светлыми пятнами шрамов. На руках у него были перчатки из гибкого блестящего металла.

— Покажите мне свое оружие, капитан Корсон, — сказал он.

Корсон заколебался было, но потом подал его Верану.

Полковник внимательно осмотрел оружие, взвесил его в руке, потом улыбнулся.

— Игрушка.

Подумав, Веран бросил оружие Корсону, который от удивления едва не уронил его.

— Учитывая ваши заслуги, думаю, что могу вам его оставить. Разумеется, оно должно служить только против наших врагов. Все же я думаю, что этого будет мало, чтобы защитить вас, капитан, и потому даю вам двух своих людей.

Он сделал знак, к ним подошли два солдата и замерли по стойке «смирно».

— С этой минуты вы подчиняетесь капитану Корсону. Следите, чтобы он не попал в ловушку за пределами лагеря. Эта заложница...

— Останется под моей онекой, полковник,— сказал Корсон. Веран быстро взглянул на нее.

— Пожалуй, это даже необходимо. Смотрите, чтобы она не шаталась по лагерю. От этого может пострадать дисциплина. Можете идти.

Оба солдата повернулись на каблуках. Чувствуя свое бессилие, Корсон сделал то же самое, прикрикнув для вида на Антонеллу. Все четверо двинулись с места, но их остановил твердый голос Верана:

— Капитан!

Когда тот повернулся, полковник продолжал:

— Я не думал, Корсон, что встречу такую сентиментальность у закаленного солдата. Мы поговорим об этом завтра.

Они вновь пошли. Солдаты двигались размеренным шагом, словно автоматы. Усталость и дисциплина. Корсон невольно пошел в ногу с ними. Он не строил иллюзий относительно своего положения, оружия и эскорта. Ясно, он был пленником.

Конвоиры привели их к серым палаткам, которые ставили другие точными и быстрыми движениями. Перед тем, как их поставить, солдаты старательно опалили землю, и теперь поляна была покрыта тонким ковром пепла. Там, где проходили отряды Птара Мурфи, трава росла с трудом.

Один из сопровождающих поднял полог палатки и жестом предложил войти. Там все было оборудовано согласно уставу. Надувные сиденья окружали широкую металлическую плиту, что висела в воздухе, выполняющая роль стола. Убранство завершали две узкие кровати. Однако, суровость обстановки подняла настроение Корсона. Здесь он чувствовал себя лучше, чем среди роскоши Диото. На минуту он дал волю воображению. Как жители Урии отнесутся к агрессии? Хотя отряд Верана был немногочислен, он, безусловно, не встретит серьезного сопротивления. Конечно, известие об этом так или иначе дойдет до Совета будущего, но тот не сможет выставить никакого отряда. А может, его уже вообще нет? Вопрос: как может существовать в будущем правительство, если прошлое, которое его создало, изменилось? Может, уриане никогда не задавались таким вопросом, но ответ они вскоре узнают. В некотором смысле эта угроза отводила на второй план угрозу Бестий, которых цивилизация Верана приручила и назвала гипронами.

Совпадение было просто невероятным: вынырнувший из ниоткуда Веран утверждал, что знает Корсона и нуждается в двухстах тысячах гипронов. Через шесть месяцев, выловив все потомство Бестий, которую привез на Урию Корсон, он будет располагать восемнадцатью тысячами гипронов. Через неполный год у него их будет даже больше, чем нужно. При благоприятных условиях Бестии быстро размножаются и быстро достигают зрелости.

Не было ни одного шанса на миллиард, что Веран появился в этом времени случайно. Но зачем ему нужен дикий гипрон?

Наверное, потому, что прирученные гипроны Верана не могли размножаться. Тысячелетия назад на Земле часть тягловых животных составляли волю, чье послушание обеспечивалось небольшой операцией. Было вполне вероятно, что гипроны Верана подверглись такой же операции. И значит, ему нужна была дикая Бестия. Полноценная.

Корсон перевел взгляд на Антонеллу. Она сидела в одном из надувных кресел и разглядывала свои руки, лежавшие на столе. Потом посмотрела на Корсона, ожидая, что тот заговорит. Лицо ее было сосредоточено, но спокойно. Надо сказать, она вела себя лучше, чем он мог предполагать. Он сел напротив нее.

— Весьма вероятно, что нас подслушивают, — начал он, — однако я кое-что скажу тебе. Полковник Веран кажется мне человеком разумным. На этой планете нужно навести порядок. Я уверен, что с тобой ничего не случится, если ты признаешь его и мою власть. Тем более, что твое присутствие может облегчить его планы.

Он надеялся, что она поймет: он не собирается предавать ее и сделает все, чтобы вытащить из этой передрыги целой и невредимой, просто сейчас не может сказать больше. У Верана были другие заботы, кроме слежки за ними, но он явно был человеком предусмотрительным. Один из его помощников, несомненно, подслушивал их и все записывал. Будь Корсон на месте Верана, он поступил бы точно так же.

Какой-то солдат поднял полог и заглянул в палатку. Другой вошел и поставил на стол два подноса. Корсон почти сразу опознал яства: солдатские пайки во все века одинаковы. Он показал Антонелле, как разогреть консервы и как потом открыть банку, не обжигая при этом пальцев. Поел он с аппетитом. Антонелла, не колеблясь, последовала его примеру, и Корсон почувствовал уважение к людям Урии.

Ему пришло в голову, что способность к предсказанию, наверное, помогает им сохранять присутствие духа. Непосредственную опасность они просто предвидели. Может, они доставят Верану даже больше хлопот, чем он полагает.

Закончив есть, Корсон встал, подошел к выходу из палатки и, стоя на пороге, обратился к Антонелле:

— Я обойду лагерь и посмотрю, совпадают ли взгляды полковника Верана на оборону с теми, что внушили мне. Не выходи отсюда ни в коем случае. Не выходи из палатки и не ложись, пока я не вернусь. Да, удобства находятся под кроватями. Через час я приду.

Она молча смотрела на него, и он попытался угадать, осуждает ли она его за то, что он делает, но потом отбросил эти мысли. Если она играла, то была великой актрисой.

Как он и ожидал, у входа держали пост два солдата. Корсон шагнул вперед, и полוג упал.

— Я собираюсь прогуляться по лагерю, — сказал он.

Один из солдат немедленно щелкнул каблуками и стал рядом с ним. В лагере Верана дисциплина была на высоте. Это немного успокоило Корсона относительно ближайшего будущего Антонеллы. Лагерь был разбит в военное время, и Веран не допускал никаких послаблений. Руководствуясь здравым смыслом, он запретил Антонелле шататься по лагерю и оставил ее под опекой Корсона. У него были другие заботы, кроме как устраивать тюрьму для одного человека. С другой стороны, женщина вполне могла вызвать некоторое ослабление дисциплины. Если бы у Верана не было намерения использовать ее в политических целях, он немедленно приказал бы ее ликвидировать. Позднее, когда лагерь будет укреплен, и люди отдохнут, все может повернуться совсем по-другому.

Корсон отогнал эту неприятную мысль и осмотрелся. Земля была выжжена на сотни метров вокруг. По периметру поляны солдаты вбивали колышки и соединяли их блестящим проводом. Сигнализация? Сомнительно. Люди, раскручивавшие проволоку, были в тяжелых защитных костюмах. Скорее, линия обороны. Несмотря на кажущуюся зыбкость, она была, вероятно, достаточно грозной.

Половину защищенной таким образом территории занимали палатки, числом около сотни. Корсон поискал взглядом большую палатку с флажком, но напрасно. Штаб-квартира Верана ничем не отличалась от палаток солдат.

Немного дальше он почувствовал под ногами глухую вибрацию: значит, Веран приказал оборудовать подземные убежища. Несомненно, он хорошо знал свое дело.

На другой стороне поляны Корсон насчитал двадцать семь гипронов. Судя по числу палаток, Веран располагал более чем шестьюстами солдатами. Если со времен Корсона звание полковника сохранило свое прежнее значение, то в начале кампании у Верана должно было быть от десяти до ста тысяч людей. Что и говорить, у Эргистала он явно потерпел поражение. 623-й кавалерийский полк Птара Мурфи был почти полностью уничтожен. Верану пришлось проявить сверхчеловеческую твердость, чтобы установить порядок в рядах уцелевших и заставить их разбить этот небольшой лагерь, как будто ничего особенного не произошло. Кроме того, он демонстрировал феноменальное честолюбие, если еще думал о продолжении борьбы.

То, что он позволил Корсону спокойно разглядывать принятые меры обороны, достаточно ясно определяло характер этого человека. Так же, как и намерение набрать миллион рекрутов, чтобы докомплектовать свою призрачную армию. Блеф? Возможно. Разве что он располагал резервами, о которых Корсон не подозревал.

Раздумья эти привели Корсона к вопросу (странно, что он не задал его себе раньше): с кем же сражался Веран на Эргистале?

— 12 —

Гипроны не были ранены. Они были настолько неподвижны, что издалека их можно было принять за пни огромных деревьев, а шестипалые лапы — по шесть у каждого — за корни. В глазах, окружавших туловище, то и дело сверкали огоньки. Время от времени один из гипронов издавал крик, за которым следовало свиное хрюканье. Настоящие жвачные, не имеющие ничего общего с диким зверем, которого Корсон начал изучать перед катастрофой «Архимеда». Сложная упряжь оставила на их боках глубокие шрамы, как железо на коре дерева.

Как на них можно было ездить? Казалось, ни одно место на теле гипрона не годилось под седло. Сколько людей мог нести гипрон? Ответ на этот вопрос давали планы Верана. Миллион людей и двести тысяч гипронов. Значит, один гипрон мог нести пятерых со снаряжением. Какую роль выполняли они во время битвы? До сих пор Корсон, особо над этим не задумываясь, полагал, что они заменяют боевые машины. Их подвижность и первобытная жестокость должны были творить чудеса в наземной войне, а способность предвидеть ближайшее будущее и перемещаться во времени делала их почти неуловимыми. Но гипроны, которых Корсон видел перед собой, вовсе не казались хищными. Он мог бы поклясться, что они гораздо тупее дикаря, который блуждал сейчас в джунглях и искал места для размножения.

Корсону была известна концепция использования живого транспорта в военных целях. Во времена войны между Землей и Урией он встречал на союзных Земле планетах дикарей, обезжавших змей, гипногрифов и даже гигантских пауков. Но сам он привык к механизированной армии. Что его здесь удивляло, так это существование развитой техники и верховых животных. Что же представлял из себя Эргистал?

Он никак не мог представить его. Если бы у планет были названия, соответствующие их внешнему виду, эта могла бы быть миром, утыканным острыми скалами со стальным блеском. Но с тем же успехом Эргистал мог быть зеленым радостным раем. Не на Урии, а где-то там, на другой планете. Ни Флория Ван Нелл, ни Антонелла не говорили Корсону о войне, идущей на Урии, хотя бы даже на другом континенте. Совсем наоборот.

Нет, битва, в которой Веран потерял большую часть своих людей, велась на другой планете. Веран торопливо эвакуировал остатки своих отрядов и принялся искать гостеприимную планету, чтобы восстановить свой военный потенциал. Случайно он наткнулся на

Урию, выгрузил людей и зверей и послал крейсер на орбиту, опасаясь, как бы его не пригвоздили к земле.

Но...

Эту битву Веран вел совсем недавно. Когда Корсон попал к нему в руки, его люди были еще в боевых одеждах, грязны и устали. Независимо от расположения Эргистала и скорости крейсера Верана нужно было много часов, а может, и дней, чтобы преодолеть космические расстояния. Корсон попробовал вспомнить строение звездной системы, в которой находилась Урия. У нее не было спутника. Система включала еще две планеты, но это были газовые гиганты, которые не могли стать полем битвы, по крайней мере для людей. Плотность звезд в этой части неба была невелика. Таким образом, Эргистал находился не меньше, чем в шести световых годах от Урии, а скорее всего — намного дальше. Мысль, что крейсер мог преодолеть много световых лет за несколько минут, была попросту абсурдной. И все же...

Корсон был единственным человеком, уцелевшим от Вселенной, что исчезла более шести тысяч лет назад. За шестьдесят веков можно много чего изобрести. Уже то, что он видел в Диото, выходило за пределы его фантазии. Крейсер, достигающий почти абсолютной скорости, был не более абсурден, чем анархическое общество или летающий город.

Корсон вдруг почувствовал ностальгию. Правда, сам он никогда не был чересчур воинственным, но сейчас чувствовал себя как дома в этом мире постоянного напряжения. Он посмотрел на человека, охранявшего гипронов, взглянул на свою охрану. Ни одного из них, казалось, не заботили проблемы, потрясающие Вселенную. В битве на Эргистале они потеряли друзей, но заметить это по ним было нелегко. Два дня назад Корсон бы таким же. Удивительно, что может произойти с человеком за два дня! Два дня или шесть тысяч лет. «Нет, — с горечью подумал Корсон, — два дня, шесть тысяч лет и две женщины».

Он остановился, охранник тоже.

— Ну как, тяжело было на Эргистале?

Солдат и глазом не моргнул. Он смотрел на точку в шести шагах прямо перед собой. Корсон повысил голос:

— Отвечайте, я капитан Корсон!

И тогда солдат произнес сквозь сжатые зубы:

— Полковник Веран сам вас проинформирует. Таков приказ.

Корсон не настаивал. На вопрос, где находится Эргистал, солдат наверняка не ответит. А третий — когда это было — вообще не имел смысла: Корсон был уверен, что битва разыгралась в прошлом. Крейсер Верана преодолел не только пространство, но и время. Он явно был из эпохи межзвездных войн, когда органы безопасности еще не следили за законом и порядком.

Корсон задумался, как ониотреагируют, когда обнаружат отряд Верана на Урии.

Он обошел загон гипронов. Сумерки уже сменялись ночью, но заходящее солнце еще освещало верхушки деревьев. Поднялся ветер, и Корсон вздрогнул от холода. Он впервые понял смехотворность своей гражданской одежды. Охраннику, конечно, трудно было признать в нем офицера. Сейчас Корсон жалел, что снял и уничтожил свой мундир. Хотя он не был похож на мундиры людей Верана, ему сейчас не помешал бы более воинственный вид. Он улыбнулся сам себе — недолго же он ходил демобилизованным. Всего сорок восемь часов. Может, Веран послан ему судьбой? Корсон явно был нужен ему для единственного дела, которое знал, — солдатской службы. На риск можно было не обращать внимания. Опасность была везде: в лесу, где бродила Бестия, и в космосе, где он, Корсон, был военным преступником, поставленным вне закона. С тем же успехом он мог окончить свои дни вместе с командой «Архимеда».

Корсон подумал об Антонелле и поморщился. Верно говорили солдатам, чтобы они держались подальше от настоящих женщин и не проводили с ними больше нескольких минут. Из-за них все усложняется, а ситуация и так достаточно сложна.

И все же, он не мог бросить ее на произвол судьбы. Корсон сжал кулаки. На фоне темного леса провод ограждения горел красным огнем. О побеге нечего было и думать.

— Я возвращаюсь, — сказал он в пустоту.

Солдат двинулся следом за ним.

— 13 —

Едва заснув, он оказался на Земле. Он бежал подземным коридором меж бетонных стен, а над головой была километровая толща. Глаза слепил свет неоновой змеи. Все тело сотрясалося отзвуками ядерных взрывов, бушующих на поверхности. Бомбы бросали со слишком большого расстояния, никуда особо не целясь. Их выпускали с орбиты Плутона урианские корабли. Девять десятых из них перехватывались еще за пределами земной атмосферы. Некоторые не тормозили, входя в атмосферу, и сгорали, не успев взорваться. Четыре пятых из тех, что достигали поверхности Земли, падали в море, не причиняя никаких разрушений. Всего одна или две из сотни попадали в континент, однако трюмы урианских кораблей, похоже, были бездонными. Впервые сама Земля подвергалась бомбардировке, и наверху, по эту сторону планеты, был ад.

Разумеется, там никого не осталось. Те, кто не нашел себе места в убежищах, то есть большинство, погибли в первые же секунды атаки. На бегу он машинально повторял цифру потерь: по крайней мере двести миллионов убитых. За десять секунд.

Он не знал, куда бежит, просто не мог остановиться, не мог даже замедлить движение. Ноги сами выбрасывались вперед, словно поршни какой-то машины. Он бежал, вытянув руки, будто через мгновение должен был врезаться в стену. Но подземный коридор был не менее двадцати километров длиной. Взрывы ударяли все чаще, и Корсону показалось, что они — только эхо его топота. Кто-то гнался за ним...

Разбудило его легкое касание. Он резко повернулся, едва не опрокинув узкую кровать. Над ним склонялась Антонелла. Вероятно, он кричал во сне. Ноги у него болели, как после долгого бега. Не в первый раз видел он этот сон, вновь и вновь переживая страшную беду, свалившуюся на Землю, но никогда еще видение не было таким явственным.

— Сейчас что-то произойдет, — прошептала Антонелла. — Я это чувствую, но еще не очень четко.

Когда он протянул руку, чтобы зажечь свет, она добавила:

— Нет, лучше их не тревожить.

Она проявила больше здравого смысла, чем он. Корсон отбросил одеяло и так резко прыгнул на пол, что толкнул Антонеллу. Она поддержала его, а он прижал ее к себе, чувствуя, как губы молодой женщины шевелятся возле его уха.

Он не успел разобрать ни слова, в лагере поднялся переполох. Люди бегали и ругались, лязгало оружие. Заработал какой-то двигатель, и резкая вибрация сотрясла все вокруг. Раздались первые выстрелы. Офицеры, выкрикивая команды, пытались собрать людей. Прожекторы осветили палатку, но не стали долго задерживаться на ней — они искали иную цель. Сквозь ругань и лязг металла Корсон отчетливо слышал причитания испуганных гицронов.

Потом прожекторы погасли, и тени, метавшиеся по стенам палатки, сменились полной темнотой. Суматоха явно стихала. Стрельба прекратилась, потом кто-то споткнулся и упал на палатку, поднялся и отошел, привлекая ногу.

В тишине раздался голос Верана, усиленный мегафоном.

— Корсон, ты там? Если это одна из твоих штук...

Окончание было непонятным. Корсон колебался, не понимая, что происходит. Он уже хотел ответить, но Антонелла приложила руку к его губам.

— Сейчас сюда кто-то придет.

Он ничего не видел в темноте, но поначалу это его не беспокоило. Но глаза должны были к ней привыкнуть, и вскоре он понял, что темнота была ненормальной. Их окружало такое же темное облако, как и тогда, когда их пленили. Какое-то поле уничтожало свет.

Лагерь подвергся атаке. Акция длилась всего минуты три и уже закончилась. В такой темноте никто не мог сражаться. Веран, хотя и умел ее создавать, но рассеять не мог.

— Веран,— прошептал он на предсказание Антонеллы.
— Нет, нет, это не он. Он вообще не из лагеря. Кто-то...
Она вдруг замерла, прижавшись к нему.

Один из нападавших. Освободитель или новая опасность. Кто-то поднял ткань, закрывавшую вход, и рядом с лицом Корсона вспыхнула точка. Затем она увеличилась и превратилась в вихрь, поглощающий клубы черного тумана. Вскоре Корсон уже видел свои руки, лежащие на плечах Антонеллы. Сфера света напоминала галактику, кружащуюся вокруг своей оси, в лоне искаженного тяготением пространства. Сфера стабилизировалась, достигнув двух метров в диаметре, и вращение прекратилось. Теперь Антонелла и Корсон оказались внутри шарообразного светлого кокона со стенами из рукотворной тьмы.

Антонелла сдавленно вскрикнула.

Из тумана высунулась рука в перчатке и поднялась, нереальная, как отрезанная. Она была раскрыта в жесте, демонстрирующем мирные намерения. Рука принадлежала человеку или, по крайней мере, человеческой фигуре в космическом скафандре. Шлем его был черен, как ночь. Пришелец молча протянул Корсону и Антонелле два одинаковых скафандра и знаком предложил надеть их.

— Кто вы? — нарушил тишину Корсон.

Пришелец нетерпеливо указал на скафандры, которые Корсон все не решался взять. Антонелла схватила один из них и быстро начала натягивать.

— Подожди,— сказал Корсон.— Нет никаких причин доверять ему.

— Он нас вытащит отсюда,— ответила она.— Мы уберемся из этого лагеря.

— Но как?

Она покачала головой.

— Этого я не знаю. Он воспользуется способом, которого я не понимаю.

Корсон наконец решился, снял свою легкую одежду и надел скафандр. Закрепив шлем, он удивился, что слышит все, как и прежде, и обменялся с Антонеллой несколькими фразами. Значит, незнакомец молчал отнюдь не по техническим причинам. Но почему космические скафандры? Может, длительное воздействие темного тумана было опасно?

Незнакомец проверил герметичность скафандра Антонеллы и повернулся к Корсону. Потом кивнул, махнул рукой в туман и взял Антонеллу за руку. Та сразу поняла и подала свободную руку Корсону. Все трое нырнули в темноту.

Незнакомец двигался уверенно. Он старательно избегал преград и следил, чтобы его спутники делали то же самое. Много раз Корсона толкали проходившие мимо солдаты, а один раз кто-то схватил

его за руку. Инстинктивно он ударил свободной рукой, и противник со стоном повалился.

Темнота принесла тишину. Тут и там еще раздавались голоса, но в этой абсолютной темноте казалось, что люди не собираются искать друг друга иначе, чем на ощупь. Может, они боялись спровоцировать новую атаку? Офицеры тоже перестали выкрикивать приказы, и только гипроны продолжали стонать. Рыдания их напомнили Корсону его первую ночь на Урии.

Постепенно они стали громче, значит, незнакомец вел их к гипронам. Корсон заколебался было, но рука Антонеллы потащила его вперед. Он злился на себя за то, что испытывал тревогу, которой не чувствовала Антонелла. Потом ему пришло в голову, что она никогда не видела Бестию в деле.

Наконец, они остановились. Незнакомец что-то делал в темноте. Корсон был уверен, что он седлает гипрона. Это и был тот способ, который он выбрал для бегства. Появился небольшой шар света, и Корсон увидел, что его догадка верна. По бокам животного свисала сложная упряжь. Кавалерийское седло было чем-то вроде качелей со стременами. Был здесь и страховочный пояс. Едва Корсон забрался в седло, как почувствовал, как грозные отростки гривы гипрона опутывают его щиколотки. Захват оказался легким, он ждал худшего. Волокна, которые могли быть прочными, как стальная проволока, даже не сковывали движений. Интуитивно он чувствовал, что они служат кавалеристу поводьями, но не имел ни малейшего понятия, как управлять гипроном.

Бестия дрожала от возбуждения. Она перестала стонать и тихо посвистывала. Поднимая голову, Корсон видел слабое свечение ее глаз. Потом он услышал, как незнакомец издал странный звук, напряг мышцы в ожидании толчка, и тут ему показалось, что он падает. Тяготение исчезло. Если бы Корсон не чувствовал страховки, а рядом — массивного тела гипрона, он мог бы подумать, что под ним разверзлась бездна. Антонелла вскрикнула от испуга. Он хотел поддержать ее, но не успел и рта раскрыть, как они вынырнули из темноты.

Над ними спокойно светили звезды. Корсон повернул голову, но не смог увидеть Антонеллу, скрытую массивным туловищем Бестий. Затаив дыхание, он увидел вверху второго гипрона, похожего на огромный гриб, заслоняющий большую часть неба. Глаза его мигали, как контрольные лампы испуганного компьютера. Незнакомец висел сбоку и махал руками, стараясь приободрить Корсона и Антонеллу.

Осмелев, Корсон взглянул на землю. Он ожидал увидеть пятно мрака, но в слабом ночном освещении увидел только землю поляны. Ветер колыхал высокую траву там, где несколько часов назад был только пепел. Казалось, что лагерь Верана никогда не существовал.

Они прыгнули во времени. Гипрон умел перемещаться не только в пространстве, но и во времени. Может, они отступили на одну ночь, или на неделю, а может, на целый век до того, как Веран высадился на Урию. Корсон вспомнил о способностях Антонеллы.

— Что теперь произойдет?

— Я ничего не знаю и ничего не вижу, — неуверенно ответила она.

Они поднимались вертикально вверх, и поляна исчезла в черной путанице джунглей. Теперь Корсон понял, зачем нужны скафандры: при такой скорости они за несколько минут достигнут границ атмосферы.

Какое-то пятно двигалось по небу, на долю секунды закрывая то одну, то другую звезду. Два удирающих гипрона взлетели так высоко, что за восточным краем планеты всадникам открылось солнце. Они мчались по темному небу, а Урия под ними выглядела, как огромный ковш тьмы с пылающим краем.

Снова какое-то пятно появилось на небе. Хотя оно появилось лишь на секунду, Корсон его опознал. Это был гипрон, несомненно, один из скаунов Верана. Полковник не терял времени. Впрочем, выражение это не имело смысла, поскольку гипроны могли легко путешествовать во времени. Мелькавшие гипроны были только разведчиками, рассекавшими прошлое и будущее в поисках беглецов.

Они оказались в центре сферы из гипронов. Солнце заглянуло Корсону в глаза, и он зажмурился. Когда он открыл глаза, солнце гигантским прыжком преодолело небо. Корсон понял: чтобы вырваться из окружения, незнакомец прыгнул во времени. Некоторое время они вели с кавалеристами Верана странную игру, однако исход ее не вызывал сомнений. С каждым прыжком сфера гипронов делалась все теснее. Корсону казалось, что он слышит радостные крики солдат. Солнце танцевало по небу, словно безумное, а планета пульсировала светом дня и темнотой ночи.

Внезапно Корсон увидел, что второй гипрон, гипрон незнакомца, опасно приблизился к ним. Он предостерегающе крикнул, Антонелла повторила его крик. Незнакомец наклонился и захватил в кулак гриву их гипрона. Вселенная изменила цвет и форму, а все знакомые очертания исчезли.

14

Пространство вокруг них освещало разноцветное пламя. Звезды исчезли, а вместе с ними и планета. Тело гипрона казалось кроваво-красным. Атаковавшие их языки пламени били со всех сторон, но пространство, в котором они пульсировали, не имело глубины, и Корсон не мог бы сказать, плясали они в нескольких миллиметрах от его лица или в нескольких световых годах.

Это была картина настоящей Вселенной или, по крайней мере — ее обратной стороны. Гипроны двигались во времени с огромной скоростью, в этом Корсон был уверен, и это искажало перспективу. Человек привык к статичному образу мира. Для него звезды двигаются по небу очень медленно. Силы, которые зажгли их и поддерживали их пламя, действовали слишком медленно, чтобы человек, живущий в нормальных условиях, мог их заметить. Большая часть важных событий в истории Вселенной не касалась его, он ничего о них не знал. Человек воспринимал только узкий диапазон излучений, заполняющих космос. Он мог жить в уверенности, что мир состоит из вакуума, что редкие и изолированные звезды создают разреженный газ, концентрирующийся в определенных местах Галактики.

Но в действительности Вселенная была наполнена до краев. Не было точки в космосе, не связанной с определенным моментом времени, частицей, излучением или любым другим проявлением первичной энергии. В некотором смысле Вселенная была сплошным материальным телом, и сторонний наблюдатель не нашел бы способа воткнуть в нее даже булавку. А поскольку гипроны перемещались во времени с огромной скоростью, Вселенная для кавалеристов имела тестообразную консистенцию. Если бы они достигли абсолютной скорости, подумал Корсон, если бы одновременно оказались в начале и на самом конце Вселенной, они были бы просто размазаны по ней.

При их скорости движения световое излучение было совершенно не видно. Но эти голубые лучи могли быть электромагнитными волнами длиной во много световых лет, а пурпурное излучение могло соответствовать изменению гравитационного поля звезд или целых галактик. Они галопировали во времени, и так же, как кавалерист на полной скорости не замечает камней на дороге, а только самые важные знаки, расположенные рядом с ней, точно так же только основные события в жизни Вселенной воздействовали на их чувства.

Корсон кое-что понял. Он ошибался, думая, что Веран располагал крейсером. И он, и его люди бежали с поля битвы при Эргистале на своих скакунах. Они прибыли перед самым моментом пленения Корсона и Антонеллы, а Эргистал мог находиться хоть на другом конце Вселенной.

Танец пламенных языков замедлился — они тормозили. Светящееся пространство вокруг них разделилось на тысячи пятен, которые уменьшались по мере того, как их пожирала пустота. Вскоре их вновь окружали только светящиеся точки — звезды. Осталось только одно пятно, сохранившее два измерения — золотой диск солнца. Когда небосвод перестал кружиться вокруг них, они оказались над шаром, полностью покрытым тучами. Планета.

Только теперь Корсон заметил, что второй гипрон исчез. Они

ушли от погони, но потеряли своего проводника и оказались над неизвестной планетой, привязанные к животному, которым не умели управлять.

— 15 —

Отдышавшись, Антонелла спросила:

— Урия?

— Нет, — ответил Корсон. — Эта планета дальше от своего солнца. И созвездия другие. Мы путешествовали и в пространстве.

Они нырнули в тучи, потом попали под мелкий дождь. Гипрон опускался медленно, но уверенно.

Дождь перестал. Они пробили тучи, как пробивают потолок, и увидели сплошную равнину, поросшую травой. Ее пересекала блестящая от дождя дорога, которая начиналась за горизонтом и вела к гигантскому зданию, параллелепипеду из камня и бетона, чья вершина терялась во мраке. Никаких окон. Корсон прикинул, что самая узкая часть фасада имела в ширину не менее километра. «Дом» был гол, гладок и сер.

Гипрон опустился на землю. Корсон расстегнул пояс, обошел животное и помог спуститься Антонелле. Явно довольный, гипрон принялся косить траву жгутиками своей гривы и шумно есть ее.

Трава была ровной, как на газоне. Равнина, в свою очередь, была настолько совершенна, что показалась Корсону искусственной. Дорога была сделана из голубого блестящего материала, а примерно в километре впереди вздымалась могучая стена здания.

— Ты видела уже это место? — спросил Корсон.

Антонелла покачала головой.

— Тебе что-нибудь говорит этот стиль? — настаивал Корсон. — Эта равнина, трава, это здание?

Поскольку она не ответила, он спросил:

— Что случится? Сейчас?

— Мы подойдем к этому зданию. Войдем в него, и до этого момента никого не встретим. Что будет потом, не знаю.

— Опасности нет?

— Ничего, что я могла бы предвидеть.

Он внимательно посмотрел на нее.

— Антонелла, что ты думаешь о нашем положении?

— Я с тобой, и этого мне пока хватает.

— Ну, хорошо, пойдем, — сказал он, пожав плечами.

Он двинулся к зданию большими шагами, и ей пришлось почти бежать, чтобы поспеть за ним. Через минуту его заела совесть, и он сбавил темп. Вероятно, Антонелла была единственным его союзником во всей Вселенной. Может, именно поэтому ее присутствие и раздражало его.

Дорога кончилась перед герметически закрытой дверью, размерами под стать самому зданию. Когда они к ней подошли, она бесшумно поднялась вверх. Корсон прислушался, но все было тихо. Все это походило на огромную мышеловку.

— Когда мы войдем, дверь за нами закроется?

Антонелла закрыла глаза.

— Да. Однако внутри нам ничто не грозит. По крайней мере в первые минуты.

Они переступили порог, и дверь начала опускаться. Корсон шагнул назад. Дверь замерла и поднялась вверх. Простая одноэлементная реакция. Корсон почувствовал себя уверенней. Он вовсе не хотел осматривать здание, о котором знал так мало, но нельзя же было вечно стоять на газоне. Рано или поздно они бы проголодались, да и ночь была уже близко. Она могла быть холодной и враждебной. Им требовалось убежище. Нужно было действовать по старому солдатскому правилу: не стоять на месте. Перемещаться и пытаться заставить противника врасплох.

Когда глаза их привыкли к полумраку, по обе стороны дороги, уходящей вдаль, стали видны овальные контейнеры, их ряды исчезали в голубоватой дымке.

Ближайший контейнер содержал десять совершенно нагих женских тел, погруженных в фиолетовый газ, который не рассеивался, хотя, казалось, его ничто не удерживает. Женщины лежали неподвижные, застывшие, словно мертвые. Все они были очень красивы и находились в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет. Казалось, что они имеют какие-то общие черты. Корсон глубоко вздохнул и попробовал прикинуть: если все контейнеры были заполнены точно так же, тогда только в той части, которую он видел, мог быть, по крайней мере, миллион тел.

Антонелла тихо спросила:

— Они мертвы?

Корсон протянул руку и, не встречая сопротивления, погрузил ее в туман. Возможно, он выполнял роль антисептика. Рука, которую он надувал, была теплой и эластичной, температура ее была не ниже двадцати градусов. В некотором смысле можно было сказать, что женщина жива. Он осторожно взял ее за запястье. Пульс не прослушивался, но сердце, пожалуй, билось. Правда, очень медленно.

— Нет, — сказал Корсон, — они не совсем мертвы.

Слабый ритмичный свет танцевал над ступнями спящих, как семицветная радуга. Корсон задумался, и ему показалось, что он понял значение этого ритма. Это напоминало энцефалоскоп, хотя именно такого устройства он никогда не видел. Две первые цветные полосы были неподвижны.

— Они в коме, — прошептал он. — Тело живет, но мозг спит.

Он видел уничтоженные города и опустошенные планеты, пылающие флотилии и людей, гибнущих тысячами и даже миллионами, но никогда не встречал ничего похожего на этот мавзолей. Может, какой-то народ весь, целиком выбрал такой конец? Может, газон снаружи был кладбищенским газоном? Имело ли смысл поддерживать жизнь этих тел, если они обречены на растительное прозябание? Сколько времени это могло продолжаться? Поддержание процесса, конечно, велось автоматически, о чем свидетельствовали тонкие, как волос, проводки, уходящие под кожу.

Корсон побежал, глядя при этом на очередные контейнеры, и остановился, весь в поту, только пробежав почти километр. Он не заметил ни одного мужского тела. Разумеется, он не мог видеть содержимого контейнеров, расположенных выше, громоздящихся до самого потолка зала, но был почти уверен, что и там только женщины. Ни одной из тех, кого он видел, не было на вид больше двадцати пяти лет, и все были поразительно красивы. Они принадлежали ко всем известным Корсону расам. Замеченное вначале сходство было вызвано определенной системой классификации. Волосы той, которую он потрогал, были черными, волосы последней, против которой он остановил свой бег, были более светлого оттенка. По другую сторону в контейнерах были негритянки с иссиня-черной кожей.

Это была коллекция, собранная со скрупулезностью энтомолога. Корсон вспомнил один эпизод из своего прошлого. Однажды он сражался в музее бабочек. В витринах были не только земные бабочки, но и создания с сотен других планет. Выстрелы и взрывы взметали облака из крыльев мертвых насекомых. Воздух стал тяжелым от сухой разноцветной пыльцы, обжигавшей легкие, несмотря на маски. Под конец музей загорелся, и в вихрях теплого воздуха он увидел стаи бабочек, поднимающихся в свой последний полет.

Разумеется, цвет кожи и волос были не единственными критериями классификации. В вертикальных рядах женщины могли различаться цветом глаз, но Корсон не мог проверить эту гипотезу.

Может быть, мужчины находились в другом блоке? Или же коллекционера интересовали только женщины? Это несомненно означало бы, что он человек. Невероятно извращенный, но человек; у чужака, например, урианина, не было никаких причин коллекционировать именно женщин.

Корсон медленно повернул к выходу. И вдруг ему в голову пришла мысль, единственно возможное объяснение: он открыл лагерь невольниц. Где-то там, в пространстве и времени, боги войны, ведущие невообразимые войны, захватывали толпы невольниц. Победенные народы они истребляли, а для себя оставляли, согласно древнейшему закону, самых красивых пленниц. Жизнь хуже смерти — здесь это выражение обретало вещий смысл. Богов войны

мало волновал комфорт своего стада, а так можно было не заботиться о жилье, пропитании и охране. В истории было полно вождей, убитых своими невольницами. Боги войны обдумали прошлое и сделали соответствующие выводы: они ликвидировали сознание своих жертв. Когда им хотелось, они могли вернуть их к жизни, снабдив искусственной, механической индивидуальностью, больше подходящей для робота. Обработанные таким образом женщины не были способны на самостоятельные решения, даже малое усилие мысли было им недоступно. Если говорить о разуме, то у них его было меньше, чем у человекообразных обезьян. Но богов войны это не заботило. Они не ждали от невольниц ни шуток, ни чувств, ни понимания. Пожалуй, они были психопатами и некрофилами в буквальном смысле этого слова.

Отвращение и ненависть. Корсон попытался убедить себя, что земляне в период войны с урианами вели себя иначе. Он порывлся в памяти и вспомнил генерала, приказавшего ликвидировать тысячи урианских заложников в первые же часы конфликта. Вспомнил он и другого вождя, которого видел танцующим на развалинах разбомбленного города. Это был город людей, но его жители пытались вести с урианами переговоры. Потом он вспомнил бежавшего с Эргистала Верана, который, ни на секунду не задумавшись, сделал бы то же самое, если бы увидел в этом какую-нибудь выгоду.

Корсон почувствовал растущее желание убивать и стиснул кулаки и зубы. В глазах помутилось. Вскоре ярость прошла, и он уже только дрожал. Неужели насилие вызывает только насилие? Неужели у человечества такое кровавое лицо, и оно носит на плечах, словно кривляющегося демона, призрак отчаяния и смерти?

Диото. Он подумал об утопии, выросшей на руинах войны, о мире, не знающем принуждения, у которого было одно правительство на семь веков и вообще не было армии. Об одном человечестве, которое стоило защищать, но не ценой насилия и крови. Но как победить насилие, не пользуясь насилием? Как выйти из заколдованного круга справедливых войн?

Антонелла сидела прямо на дороге и плакала. Когда он увидел ее, все мрачные мысли исчезли, как сосулька под лучами солнца. Она была настоящей. Он встал между нею и зловещими контейнерами, мягко поднял ее и прижал к себе.

— 16 —

Корсон был голоден. Машинально он направился к двери, как будто выход из здания вел к какому-то решению. Конечно, решение было, но он содрогался при мысли о нем. Будь он один, все выглядело бы иначе. Солдаты во время войны едят то, что добудут, но не умирают от голода. Если же у них ничего нет, то они стараются

достать еду любым способом. Корсон знал, что располагает гигантскими запасами протеина, но не желал рисковать, объясняя Антонелле, каким образом они могут прожить некоторое время.

Может, даже бесконечно долго.

В мифологические времена это имело свое название.

Согласно легендам, вурдалаки пожирали на кладбищах трупы. В истории такое тоже случалось, и не только во время войн. Корсон задумался, не были ли боги войны скорее людоедами, чем некрофилами. Монгольские завоеватели подавали на пирах красивейшую из своих наложниц, а ее украшенная голова стояла на золотом подносе, чтобы все могли видеть, что хозяин не скупится ни в чем. То, что один человек вообразил, другой может сделать.

Дверь поднялась, открыв зеленую равнину, покрытую ковром свежей травы, по которому тянулась голубая дорога. Пасущийся гипрон виднелся вдали расплывчатым пятном. Корсон позавидовал ему и тут увидел на дороге какой-то предмет.

Это был мешок. В профильтрованном сквозь тучи свете блестела прикрепленная к нему металлическая пластинка. В три шага Корсон оказался рядом и, не касаясь мешка, внимательно осмотрел его. Должно быть, его подбросили, пока они были в здании.

На пластинке виднелась надпись. Корсон не сразу ее разобрал — буквы плясали перед глазами.

КОРСОН, В ЭТОМ МЕШКЕ ПРОДУКТЫ. ДАЖЕ ПУСТАЯ УПАКОВКА МОЖЕТ ЕЩЕ ПРИГОДИТЬСЯ. ИМЕЕТСЯ МНОГО СПОСОБОВ ВЕСТИ ВОЙНУ, ЗАПОМНИ ЭТО. ТЫ ДОЛЖЕН ОТПРАВИТЬСЯ НА ЭРГИСТАЛ. ТАМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ СУДЯТ И ИСПРАВЛЯЮТ ВРЕМЕНЕМ. НАЗОВИ ЭРГИСТАЛ. ГИПРОН ПОЙМЕТ.

Кто-то с ним играл. Бегство, исчезновение, потом этот мешок и письмо. Почему незнакомец не показывался, если они были союзниками? А если он враг, то почему не убил их?

Он взвесил мешок в руке и открыл его. Внутри лежало штук двадцать солдатских пайков. Корсон машинально забросил ремень мешка на плечо и вернулся в мавзолей. Антонелла ждала его. Щеки ее запали, под глазами легли тени. Она все еще всхлипывала, но пик депрессии, похоже, уже прошел.

— С голоду мы не умрем, — сказал Корсон, подавая ей мешок. — Кто-то кормит нас, словно птиц.

Прежде чем начать есть, он посмотрел, как она открывает паек. Она разорвала мешочек с водой в нужном месте, как он и показывал, подала ему. Он покачал головой и сказал:

— У нас их много.

Только после этого она согласилась попить, а он сел на землю и принялся за еду. Он пил маленькими глотками и старательно же-

вал. Если следовать письму, он должен попасть на Эргистал, где преступников судят и исправляют временем. Может, на Эргистале он сможет откупиться от приговора, который его ждал?

С другой стороны, это было или будет поле битвы, и он вовсе не хотел забирать туда Антонеллу. Но и здесь ей было нечего делать. Он не знал в этой Вселенной ни одного места, где мог бы спокойно оставить ее.

Когда они поели, он старательно собрал все остатки и поискал, куда бы их выбросить. Вскоре нашелся небольшой колодец, из него, едва Корсон снял крышку, донесся шум бегущей воды. По крайней мере, они не оставят видимых следов на этой планете. Впрочем, если в здании были детекторы, все это не имело смысла.

Наконец, он решился.

— Мы отправляемся на Эргистал, — сказал он, показывая сообщение. — Не знаю, что нас там ждет. Даже не уверен, что мы туда доберемся.

Он ожидал, что Антонелла испугается, но она осталась спокойной. «Вероятно, она полностью доверяет мне, — с горечью сказал себе Корсон, — и это хуже всего».

Он подошел к ней и поцеловал.

Потом они вышли и направились к гипрону. Корсон привязал Антонеллу, потом закрепился сам. На мгновение он заколебался, таким абсурдным показалось ему выкрикивать слово «Эргистал» вместо обычного понукания. Откашлявшись, он неуверенно произнес:

— ЭРГИСТАЛ!

И мир вокруг вновь изменил цвет и форму.

— 17 —

Они вынырнули над широкой равниной, с которой поднимались столбы дыма. Какие-то пульсирующие артерии пересекали небо, придавая ему зловещий вид. На горизонте, над низкими, но отчетливо видимыми горами, вздымались три столба пламени.

Они быстро спускались, а внизу вольтижировали сверкающие насекомые. Корсон с удивлением узнал рыцарей в латах. С копьями наперевес они атакowali высокие травы. Внезапно саванна вздрогнула — это индейцы с орлиными перьями в волосах поднялись, хрипло крича, и выпустили тучу стрел. Кони встали на дыбы, началась свалка — гипрон проскочил мимо. Потом в воздух взвилась еле видимая струя гейзера, и гипрон отскочил во времени и пространстве. Горы слегка изменили свое положение. На этот раз равнина была пуста и испятнана воронками, но небо не изменилось.

Какое-то движение привлекло внимание Корсона. В сотне метров от него медленно двигался огромный валун. Только геометри-

ческая форма выдавала его механическую природу. Это был танк, такого большого Корсон никогда не видел. Ему показалось, что машина движется к пригорку, где могли скрываться какие-то устройства, или же он сам был укреплением. На боку у гипрона Корсон чувствовал себя совершенно беззащитным. Ему очень хотелось ступить на твердую землю и поискать убежища на этом поле, распаханном войной. От пригорка оторвался черный предмет, похожий на линзу с вибрирующими краями, описал сложную кривую и понесся к танку. Он ударил в броню, и во все стороны брызнули искры. Через мгновение снаряд взорвался, ничем не повредив танку — на нем осталась лишь ровная блестящая царапина. Танк, как ни в чем не бывало, полз вперед.

И вдруг совершенно неожиданно земля расступилась, обрушилась под тяжестью машины, как волчья яма. Та наклонилась и выбросила манипуляторы в надежде зацепиться за край, но напрасно. Тогда танк попытался отступить и повернулся на месте, но не сумел остановиться и начал сползать по обрыву. В его бортах открылись люки, из них начали выскакивать люди, едва заметные в маскировочных накидках, цвет которых менялся в зависимости от цвета местности. Люди бросили в яму гранаты, и оттуда вырвались клубы огня и дыма. Крышка ловушки наклонилась еще круче и замерла. Однако наклон был слишком велик, а поверхность слишком гладка, чтобы танк мог по ней подняться. Он перестал сопротивляться и почти вертикально завис в яме. Моторы, до сих пор тихие, оглушающе взвыли и остановились. Еще несколько людей высочили из люков и присоединились к тем, что старались выбраться на равнину. Тогда из пригорка вылетели пять ракет и взорвались, заливая все вокруг огнем, люди в нем мгновенно сгорали. Уцелевшие укрылись в воронках.

Все это продолжалось не более тридцати секунд. Гипрон оставил крепость по левую сторону и летел так низко, что был вынужден перескакивать через холмы и пригорки. Наконец он приземлился под защитой скального гребня.

Корсон заколебался. Ему не нужно было управлять гипроном. Он вполне мог довериться инстинкту самосохранения Бестии, она удержит их за пределами досягаемости любого оружия в пространстве и времени. Но у гипрона могло быть совершенно другое представление об опасности, нежели у его кавалеристов. Он мог не бежать от тучи активных газов, которая разрушила бы скафандры.

Наконец Корсон решил воспользоваться минутой относительного затишья. Он отстегнулся сам и освободил Антонеллу.

Местность походила на полигон. Камни, скатившиеся со склона, создали у его подножия что-то наподобие укрытия. Корсон взял Антонеллу за руку, и они побежали. На полпути он заметил, что на равнине расцвел красный цветок, и бросился на землю, потянув за

собой Антонеллу. Кувыркаясь, они докатились до углубления между подножием и каменным валом. Снаряд ударил в склон горы, словно молот циклопа. Когда пыль рассеялась, Корсон заметил, что гипрон исчез.

— Это не ядерный заряд,— сказал он и посмотрел на равнину. Эргистал... Это похоже на поле битвы. Самое большое из всех возможных.

Антонелла вытерла пыль с лица.

— Но кто сражается? И с кем?

— Понятия не имею,— сказал Корсон.— Все это выглядит совершенно бессмысленным.

Впрочем, не меньше и не больше, чем любая война. Обычная война, по крайней мере, означала хорошо укрепленные лагеря и четко определенных противников. Здесь же, казалось, все сражаются со всеми. Почему рыцари в латах бились с индейцами? Где находились города и империи, что вели эти войны и одновременно были желанными трофеями? Что скрывало это розовое пульсирующее небо, лишенное солнца и лун? Даже горизонт казался фальшивым, уходящим в бесконечность, как будто поверхность Эргистала была одной безграницной плоскостью. А если это была огромная планета, то почему притяжение было нормальным или близким к нему?

— Воздух, кажется, пригоден для дыхания,— сказал Корсон, взглянув на вшитые в рукав анализаторы. Он снял шлем и набрал воздуха в легкие. Он был холодный, безо всякого запаха. Лицо овеял легкий ветерок.

Корсон снова отважился поднять голову над камнями. До самых дальних гор равнина выглядела одинаково уныло. Тут и там поднимался к небу дым. Потом он заметил блеск молнии и снова нырнул вниз.

Им некуда было идти.

— Нам нужно перевалить через гребень,— сказал он.— Может быть, наткнемся на...

У него не было ни малейшей надежды встретить союзников или даже просто разумное существо. Они с Антонеллой оказались посреди невообразимой войны.

В небе появилась черная точка, за ней тянулась полоса дыма, образуя символы. Первая серия была совершенно непонятной. Во второй Корсон с трудом распознал буквы кириллицы. Третья состояла из одних точек, зато четвертую он прочел, не дожидаясь, пока аппарат закончит свою работу.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА ЭРГИСТАЛ.

Черная точка быстро исчезла за гребнем, а символы и буквы лениво поплыли по небу к горам.

Корсон пожал плечами.

— Пойдем,— сказал он.

Они поднялись по крутому склону, и Корсон осторожно выглянул из-за гребня, отлично понимая, что представляет собой прекрасную мишень. От удивления он едва не упал. Второй склон горы полого понижался к идеально ровному пляжу. Голубое, абсолютно спокойное море тянулось до горизонта. В нескольких кабельтовых * от берега около дюжины парусных судов обменивались артиллерийскими залпами, в стороне пылал корабль со сбитой мачтой. На пляже, в нескольких сотнях метров друг от друга, были разбиты два лагеря. Палатки одного были голубые, другого — красные. На ветру трепетали боевые знамена. Между лагерями стояли друг напротив друга две шеренги солдат и по очереди стреляли залпом. Корсону показалось, что он видит то и дело падающие тела. Он слышал залпы, громкие команды офицеров, рев труб и, время от времени — глухой грохот корабельных орудий.

Перенеся взгляд поближе, он заметил, что из углубления в грунте начал подниматься огромный, серый, мягкий и почти круглый предмет, невидимый в обоих лагерях из-за складок местности. Какой-нибудь заблудившийся кит?

Недалеко от них, метрах в ста за лагерем голубых, у деревянного стола сидел какой-то человек и спокойно писал. На голове у него была синяя треуголка с белой кокардой, а одет он был в странный бело-голубой сюртук с золотыми эполетами. К поясу была прицеплена длинная сабля.

Корсон перевалил через хребет и направился к писарю. Когда они были от него в нескольких метрах, тот повернул голову и сказал совершенно спокойно, не выказывая ни удивления, ни страха:

— Хотите завербоваться, молодые люди? Недавно у нас повысили жалование. Еще до того, как вы наденете прекрасные мундиры, я вручу вам по пятьсот талеров.

— Я не...— начал Корсон.

— Я вижу, что вы умираете от желания служить нашему доброму королю Виктору Бородатому. Кормят у нас хорошо, продвижение быстрое. Война будет длиться век или два, и вы можете надеяться, что закончите ее в звании маршала. Что касается дамы, то вы будете иметь успех у наших парней, и я предсказываю вам скорое богатство.

— Я хотел только узнать, где находится ближайший город,— сказал Корсон.

— Город Минор, как мне кажется,— сказал мужчина,— находится прямо перед нами, в двадцати или тридцати милях. Покончив с этими чужаками в красном, мы направимся именно туда. Признаюсь вам, что никогда там не был, и это вполне естественно: ведь

* Кабельтов — морская мера длины, равная 185,2 м

это город наших врагов. Но прогулка стоит цели. Итак, прошу подписать вот здесь, если вы умеете писать, чтобы все было по правилам.

И он зазвенел кружками желтого металла, которые будили в памяти Корсона какие-то туманные воспоминания. Вероятно, это были деньги. Антонелла нервно сжала его запястье.

На столе перед мужчиной по обе стороны большого реестра лежали два экземпляра интересного ручного оружия. Корсону захотелось рассмотреть их поближе.

— А эти корабли? — спросил он, указывая на море.

— Они, приятель, не имеют с нами ничего общего. Каждый ведет здесь свою войну, не обращая внимания на соседа. И так — до самой победы над противником. Тогда победитель собирает уцелевших и ищет другого хозяина. А вы отступили, не так ли? Я никогда не видел таких мундиров, как у вас.

— Мы не хотим вербоваться, — решительно сказал Корсон. — Мы только хотели бы... где-нибудь поработать.

— Тогда мне придется убедить вас, друзья мои, ибо это моя работа, она дает мне хлеб.

Он схватил лежавшие на столе пистолеты и направил на Корсона.

— А ну, вписывайте свою фамилию, пока я не разозлился и не задержал ваше жалование!

Корсон бросил Антонеллу на землю и пинком перевернул стол. Но его противник успел отскочить и нажать на спуск. Грохот оглушил Корсона, и тут же он почувствовал сильный удар в левое плечо, как ему показалось, кулаком. Одновременно что-то заскрежетало. Наверное, один из пистолетов был неисправен.

Корсон бросился вперед сквозь густой дым. Мужчина в треуголке отшвырнул пистолеты и попытался вытащить саблю. На этот раз Корсон был быстрее. Перескочив через стол, он пнул вербовщика в живот и почти одновременно ударил локтем в висок. Он не хотел убивать. Мужчина свалился на землю, прижав руки к животу.

Корсон коснулся рукой левого бицепса, ожидая увидеть кровь, но пуля, вероятно, срикошетила от скафандра. Он едва не рассмеялся, но повернулся на пятке, и смех замер у него в горле. Грохот вызвал тревогу в лагере, и сейчас к ним спешил целый отряд, хотя и небольшой.

Корсон помог Антонелле встать и потянул ее за собой. Но тут же передумал, вернулся, подобрал саблю, оброненную противником, и побежал, таща Антонеллу. Направление выбирать не приходилось: единственная свободная дорога вела к тому самому углублению, где он раньше заметил странный объект, похожий на дохлого кита.

Загремели выстрелы, и пули засвистели вокруг них. К счастью, преследователи не теряли времени на прицеливание или же хотели

их просто испугать. Было очевидно, что их оружие не имело автоматических прицелов, а когда пальба вдруг стихла, Корсон с удивлением понял, что оно, к тому же, и не автоматическое, ибо требует времени на перезарядку.

Запыхавшись, они поднялись по внешнему склону воронки и перевалили через бруствер. Кратер был гораздо глубже и шире, чем ожидал Корсон, а кит оказался огромным шаром из прорезиненной ткани. Он находился в сети и уже поднимался в воздух, таща за собой толстый канат, крепивший его к скале. Под ним полулежала на земле плетеная корзина. Мужчина, одетый в красные брюки, матросскую блузу и берет, возился с какими-то клапанами. Кожа у него была черной.

Увидев бегущих Корсона и Антонеллу, он улыбнулся, оскалив зубы. Однако улыбка исчезла, когда он заметил саблю, которую держал Корсон. Негр бросился к оружию, ствол которого торчал из гондолы, но Корсон остановил его.

— За нами гонятся, — сказал он. — Этот аппарат может поднять троих?

— Правила запрещают... — начал было негр, но потом с беспокойством взглянул на другую сторону кратера, где уже начали появляться головы в треуголках. — Думаю, будет лучше, если мы отсюда уберемся, — решил он.

Он прыгнул в корзину, Корсон с Антонеллой последовали за ним. Все вместе они принялись торопливо выкидывать за борт мешки с песком. Гондола оторвалась от земли и начала опасно крениться.

— Ложись на дно! — крикнул Корсон Антонелле. Потом, увидев, что негр теряет время на отвязывание каната, рубанул по нему саблей. Волокна оплетки разошлись. Второй удар перерезал сердцевину каната, а резкий порыв ветра завершил дело. Освобожденный шар взмыл вверх, словно ракета. Раздались выстрелы, но пули прошли слишком низко. Прежде чем оружие зарядили вновь, беглецы были уже слишком высоко, чтобы их можно было достать пулей.

Корсон взялся за край гондолы и встал. Стремительный старт прижал его ко дну плетеной корзины, которая опасно потрескивала. Посмотрев на негра, который обеими руками держался за веревки, он положил саблю на дно корзины и помог встать Антонелле.

— Независимо от того, на чьей стороне вы сражаетесь, — сказал он негру, — спасибо вам, что вы вовремя оказались здесь. Меня зовут Корсон, я был членом экипажа...

Он замолчал. Ни к чему упоминать здесь об «Архимеде», линейном космическом крейсере, участвовавшем в войне между Землей и Урией. На самом-то деле он был солдатом без армии. Если бы не

огромное поле битвы Эргистала, он вообще забыл бы о своем военном прошлом.

— А я зуав Туре,— сказал негр.— Начальник взвода и, временно, летчик в транспортном полку. Я был инженером и пилотом геликоптера. Потому мне и доверили этот шар.

Он засмеялся.

— Я сказал, что знаю кое-что об авиации. Мне казалось, что безопаснее летать над всей этой неразберихой. А вы из какой войны?

Корсон заколебался.

— Из межпланетной,— сказал он наконец.— Но я прибыл сюда не прямо оттуда.

— Межпланетная война,— задумчиво сказал Туре.— Значит, вы из времени гораздо более позднего, чем мое. В мое время только начинали интересоваться космосом. Я еще помню день, когда первый человек высадился на Марсе. Это было великое событие...

Он кивнул на Антонеллу.

— А она? С той же войны, что и вы?

Корсон покачал головой.

— Антонелла из мирного времени.

Негр нахмурился.

— Тогда ее не должно здесь быть,— решительно сказал он.

— Почему?

— На этой планете находятся только воины, солдаты, люди, которые по той или иной причине признаны военными преступниками. Я выпустил самонаводящуюся ракету по мирной деревне. Это было в Европе, на острове Сицилия. Я не говорю, будто знал, что делаю, но и не отрицаю своей вины. На войне как на войне.

У Корсона появилась одна идея.

— Вы говорите на пангале, а я всегда считал, что он появился уже после завоевания звезд.

— Это не родной мой язык. Я выучил его здесь. На Эргистале все говорят на пангале и нескольких его диалектах.

— А какой ваш родной язык?

— Французский.

— Ага,— сказал Корсон. Это ничего ему не говорило.

В голове у него множились загадки, но они могли подождать. Шар летел вдоль берега, понемногу меняя направление. Вскоре под ними уже расстилался плоский безбрежный океан.

Они пролетели над группой галер, которые упорно пытались таранить друг друга, но ветер был слаб, и они не могли хорошенько разогнаться. Немного дальше виднелись пузырчатые конструкции,

за них сражались создания, похожие на пауков. На Эргистале были не только люди, хотя в районе, где они находились, людей было больше всего. Один или два раза они заметили под водой какие-то большие тени.

Шар постепенно удалялся от берега.

— От голода мы не умрем,— широко улыбнулся Туре, открывая плетеный сундук.

Корсон машинально потянулся к своему мешку с продуктами. Мешка не было, он потерял его в схватке с писарем.

— Здесь есть колбаса, вполне свежий хлеб и красное вино,— сказал негр. Из кармана брюк он достал огромный складной нож и принялся резать хлеб и колбасу. Потом откупорил бутылку и подал Антонелле.

Корсон с интересом смотрел на него.

— Никогда не видел ничего подобного? — спросил Туре, перехватив его взгляд.— Наверное, в ваше время питались таблетками и другой химией. Но и то, что есть у меня, вовсе неплохо. На войне как на войне.

Вино разогрело Корсона. Он закусил хлебом и решил задать несколько вопросов. Перед ним сидел человек, который знал об этом странном мире гораздо больше, чем он сам.

— Меня удивляет,— осторожно начал он,— это пустое небо. Война в воздухе должна повсеместно сеять разрушения.

— Таких правил нет,— ответил Туре.— По крайней мере, мне так кажется. В этом секторе нет ни самолетов, ни ракет, ни вертолетов. Конечно, это не значит, что в другом районе Эргистала не ведутся воздушные схватки. Я бы первый удивился, будь это так.

— Правила? — Корсон перестал жевать.

— Может, вы заметили одну вещь,— продолжал Туре.— Никто здесь не пользуется ядерным оружием. Разве это вас не удивляет? Хотя вы его вполне можете и не узнать. Но по другую сторону гор атомные бомбы время от времени рвутся. Причем, очень мощные.

Корсон вспомнил столбы огня и грибы дыма, видневшиеся за горами.

— А кто следит за соблюдением этих правил?

— Если бы я знал, то пошел бы к нему и вежливо попросил выпустить меня отсюда. Вероятно, какой-нибудь бог или демон.

— Вы действительно верите, что мы в аду?

Слово это не имело для Корсона особого смысла, и он употребил его, вспомнив о почти забытой в его время мифологии, которую сменил холодный позитивизм. В галактическом языке ад означал исключительно неприятное место.

— Я немало думал над метафизическими вопросами,— признался Туре.— Эргистал похож на исключительно материальный

ад. Например, это небо: я бы поклялся, что оно твердо, как стеклянная плита. Я делал триангуляционные замеры, поднимаясь и опускаясь на своем шаре, и мне кажется, что оно находится на высоте от десяти до двадцати километров. Потому-то этот мир, хотя и материальный, выглядит неестественно. Отсутствие горизонта, одна сплошная плоскость... это не поверхность какой-то планеты. У планеты с таким горизонтом должно быть колоссальное притяжение. Мы были бы раздавлены, едва появившись здесь.

Корсон с некоторым удивлением согласился: этот человек из далекого прошлого знал удивительно много.

— Мы находимся не в нормальном пространстве, — сказала Антонелла. — Я ничего не могу предвидеть. Сначала я не беспокоилась, поскольку способность эта временами пропадает, хотя и не совсем. А здесь я как будто... ослепла.

Корсон с интересом посмотрел на нее.

— И в каких условиях твои способности исчезают?

Антонелла покраснела.

— Прежде всего, на несколько дней в месяц. Но сейчас... это совсем не то. Бывает это и во время путешествий в космосе, но это случалось со мной нечасто. Бывает после прыжка во времени, но тогда это длится недолго. И наконец, когда вероятность многих событий почти одинакова. Но в любых условиях у меня оставалась частичка этих способностей, а здесь... ничего.

— О каких способностях она говорит? — спросил Туре.

— О способности, которой обладает ее раса. Они могут заранее предвидеть события, минуты за две до них.

— Понимаю. Это так, как если бы у них был перископ, способный пробить поверхность современности. Близорукий перископ. Две минуты — это немного.

Корсон попробовал осмыслить все, что рассказала Антонелла. Опережающая информация была некоторым образом связана с космогоническим принципом Маха, учитывающим особенности каждой точки Вселенной относительно целого. Означало ли это, что они находились во Вселенной, с которой была синхронизирована нервная система Антонеллы? А может, они были мертвы, хотя и не помнили момента смерти?

— Разве это не удивительно? — сказал Туре. — В Африке, задолго до моего рождения, колдунов считали предсказателями будущего. В мое время им уже никто не верил, а в будущем это обернулось действительностью.

— Откуда этот хлеб? — спросил Корсон, указывая на свой бутерброд.

— Из интендантства. Сейчас, когда вы задали мне этот вопрос, я подумал, что, действительно, не видел нигде ни полей, ни фабрик, ни пекарен. Но разве это не естественно во время войны? Оружие,

одежда, лекарства, продукты прибывают издалека, из какой-то легендарной страны. Если война длится долго, то человек над этим даже не задумывается. Только поля, которые он видит, уничтожаются, ибо принадлежат врагу.

— А где командиры? Почему они затягивают эти бессмысленные сражения?

— Над нами. Высоко, очень высоко над нами. Обычно их никто не видит.

— А если их убивают?

— Тогда их сменяют другие, — сказал Туре. — Те, которые идут за ними по старшинству. В настоящей, отчаянной войне сражаются потому, что есть противник и нет выбора. А может, у вождей есть и свои личные причины.

Корсон глубоко вздохнул.

— Но где мы находимся? — яростно воскликнул он.

Туре спокойно посмотрел на него.

— Я мог бы сказать, что мы летим на шаре над плоским океаном, но это и так видно. Я много думал над этим вопросом и нашел только три варианта ответа. Можете выбрать любой из них или предложить что-то новое.

— Что это за варианты?

— Первый: мы просто-напросто умерли и находимся в метафизическом чистилище, где проведем неограниченное время, может, целую вечность, безо всяких шансов выбраться отсюда, даже если умрем снова в этих войнах. Для этого существуют Перемирия.

— Перемирия?

— Так вы еще этого не пережили? Ах да, вы же здесь недавно. Я расскажу об этом чуть позже. По второй моей гипотезе мы реально не существуем. Мы — только информация, замкнутая в гигантской машине, и кто-то ведет огромную *Kriegsspiele*, *War Game* или, если хотите, Военную Игру. Речь идет о результате того или иного конфликта. Это так, как если бы все войны Вселенной велось только в одном месте. В таком случае, мы являемся чем-то вроде фигурок на макете, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Понимаю, — сухо ответил Корсон.

— А теперь — противоположная гипотеза. Мы действительно существуем, но не в этом мире. Быть может, мы лежим где-то в склепе, соединенные с машиной множеством проводов, и нам кажется, что мы все переживаем наяву. Может, речь идет о психологической терапии, чтобы отвратить нас от войны, а может, это какой-то спектакль? Или эксперимент? Моя третья гипотеза предполагает, что этот мир реален. С нашей точки зрения это странно, но верно. Он был создан людьми или человекоподобными существами, хотя в этом я сомневаюсь, для целей, о которых я не имею ни малейшего понятия. Эта гипотеза нравится мне больше всего,

потому что допускает способ выбраться отсюда, причем без утраты своей личности.

— У ваших трех гипотез есть одна точка соприкосновения,— сказал Корсон.— Они одинаково хорошо подходят к другому миру, тому, из которого мы пришли.

— К миру, который остался у нас в памяти,— поправил Туре.— Это не одно и то же. Вы уверены, что мы явились из одного и того же мира? Есть еще одна точка, общая с тем... миром. У нас одинаковое понятие о свободе, и мы одинаково неспособны жить так, как нам нравится.

Они помолчали.

— Как вы сюда попали? — спросил наконец Корсон.

— Я мог бы спросить вас о том же. Вам не кажется, что я говорю слишком много?

— Не знаю, поверите ли вы мне.

— Я научился верить,— просто сказал негр.

Корсон коротко описал ему свою одиссею, начав с лагеря Верана. Эпизод с планетой-мавзолеем он опустил.

— Кто-то взял на себя большой труд, чтобы вас сюда доставить,— подытожил Туре.— Вероятно, один из тех, кого я числю в моей гипотезе.

Потом он добавил:

— Я впервые слышу о ваших гипнозах, животных, которые могут путешествовать во времени. Однако сомневаюсь в их возможностях преодолеть большие интервалы.

— А вы?

Негр замолчал, высунулся из гондолы и сплюнул в море.

— Честно говоря, я точно не помню. Четыре, пять, а может, и десять Перемирий назад, я стрелял, как умел, с борта своего Шмеля-5. Внезапно меня ослепило, я почувствовал страшный жар и оказался здесь, на борту той же самой машины, над такой же местностью. Я даже не сразу понял разницу между ними. Мне казалось, что я не знаю никого из окружающих, но когда я об этом сказал, меня отправили к военному врачу. Он объяснил мне, что это шок, сделал укол и отослал обратно. Через некоторое время я уже ни в чем не был уверен. Я просто хотел выжить.

— Меня удивляет вот что,— сказал Корсон,— в этих войнах должна быть огромная смертность. Почему же они не прекращаются из-за отсутствия живой силы? Или же для их поддержания хватает солдат, поступающих из всех эпох и со всех планет Вселенной?

Туре покачал головой.

— Есть Перемирия. Все павшие возвращаются на свои места.

— Воскресают?

— Нет. Но когда приближается Перемирие, небо темнеет. Потом все твердеет, время застывает, гаснет свет, перестают рабо-

тать электрические лампы и энергетические лучи. Впечатление такое, будто сам превращаешься в камень. На секунду или две сознание повисает в страшной пустоте и тишине, а потом все начинается снова. Иногда, очень редко, оказываешься в той же ситуации, что и перед Перемирием, но чаще попадаешь в другую армию, на другую должность и плохо помнишь то, что было до Перемирия.словно началась новая история, как будто одну пленку заменили другой. Отсюда моя вторая гипотеза. Мертвые занимают свои места и играют новые роли, но не помнят, что были убиты. Для них Перемирие наступает перед самой смертью. Может, поэтому Перемирие — чисто индивидуальное явление. Хотя нет, не думаю. Когда оно наступает, кажется, что те, кто устроил эту Вселенную, или те, кто ею управляют, сумели победить время и приходят, чтобы забрать тех, кто должен умереть, за секунду до того, как это действительно произойдет. Как видите, ничего сверхъестественного.

— Действительно,— сказал Корсон.

Он поглаживал свой заросший подбородок, удивляясь легкости, с которой этот человек — примат из эпохи первых межпланетных путешествий — признает возможность путешествий во времени. Потом он вспомнил легкость, с которой сам приспособился к Новой Урии.

Он собирался задать вопрос о Перемирии, когда страшный грохот едва не разорвал его барабанные перепонки. Казалось, вся Вселенная разорвалась пополам.

Шар летел над зеркально гладким океаном и под необычным, но спокойным небом. Ветер был свеж, но не более того. Однако грохот продолжался, усиливался, переходил в барабанную дробь, в вибрацию, которая заставила задрожать канаты гондолы. И вдруг — словно лопнуло дерево — вибрация распалась на два тона: один поднимался все выше, пока не стал неслышимым, а второй, глубокий и могучий, как кулак гиганта, превратился во вздох умирающего бога.

Вода покрылась рябью, Туре что-то крикнул, но движения его губ больше напоминали отчаянные попытки глухонемого заговорить. Антонелла закрыла уши ладонями. Корсон почувствовал, что из глаз у него текут слезы.

Шаром завладел вихрь, и он поднялся на несколько сот метров — видимо, резко упало давление. Гондолу швыряло из стороны в сторону. Корсон прижал Антонеллу к канатам, держа ее обеими руками. Корзина потрескивала, а сильный ветер сминал оболочку, словно гигантская невидимая рука бешено толкала шар вперед.

Туре схватил конец каната и привязался так крепко, как только сумел. Согнувшись, он подал второй конец Корсону, и тот закрепил себя и Антонеллу.

— Это начало Перемирия?! — крикнул Корсон, стараясь перекричать рев бури.

Туре покачал головой, посеревшее лицо искажил страх.

— Никогда... ничего... похожего...

Порывы ветра прекратились, и он дул теперь с нарастающей силой. Корсон наклонился над тяжело дышавшей Антонеллой. Сам он тоже дышал тяжело и глубже, чем обычно. Воздуха не хватало, видимо, атмосферное давление упало еще больше.

Корсон махнул рукой Туре, указывая на шар и океан. Пилот понял и стравил газ через клапан. Шар опустился на несколько сотен метров, но воздух и здесь был так же разрежен. Внизу длинные белые гребни обозначали вершины водяных гор, которые несли невесть куда обломки кораблей. Пятна разлитого по морю масла отмечали оазисы спокойной воды.

Время шло, а шар мчался вперед с той же скоростью. По движению пятен на небе Корсон и Туре определили ее в тысячу километров в час. Полузадохнувшиеся аэронавты были на грани обморока.

Корсону казалось, что они уже преодолели больше четверти окружности такой планеты, как Земля, а ветер все не прекращался. Теперь он гнал перед собой настолько высокие и мощные горы воды, что они казались отлитыми из стекла. Это выходило за рамки человеческого разума. Впрочем, как и предыдущие события. Они могли сколь угодно долго летать над бесконечным океаном, могли умереть в гондоле от голода, жажды или истощения, и тела их по-прежнему совершали бы это абсурдное путешествие, разве что оборвется подвеска, и гондола разобьется о поверхность моря. А может, шар, постепенно теряя газ, опустится и приклеится к склону водяных гор, как старая бородавка. Гондола дернулась — лопнул один из канатов — и Корсон едва не вылетел за борт. Его удержал страховочный конец, но он успел разглядеть горизонт и закричал так страшно, что на мгновение перекрыл рев ветра.

Горизонт перечеркивала быстро ширящаяся черная полоса. Вскоре это был уже пояс, потом — стена. Это была абсолютная темнота, темнота самого ничто. И странное дело — параллельные края этой стены темноты не искривлялись и не шли вдоль горизонта планеты. Они были идеально прямыми.

Здесь кончалась Вселенная. По крайней мере, эта Вселенная. Их несло в черноту, в пропасть. Тем временем ветер утратил свой напор, но волны стали еще выше, как будто разбивались внизу о невидимую преграду. Между ними разверзались пропасти глубиной во много сотен метров.

На горизонте океан кончался, обрезанный ровно, как край сто-

ла, а дальше была только пропасть, заполнявшая промежутки между небом и морем.

— У нас есть маленький шанс,— сказал Туре.— Если Перемирие наступит до того как...

Ему не нужно было кончать... Как зачарованные, они смотрели на горизонт.

— Или, может, ветер утихнет,— сказал Корсон.

Туре пожал плечами.

— Эта пустота нас засасывает. Туда рушится вся Вселенная.

— Почему именно сейчас?

— Что-то разладилось в большой машине.

По мере того, как они приближались, черное пространство заполнялось огнями, сверкающими и неподвижными точками. Время от времени они гасли и снова загорались, будто какой-то темный предмет перемещался перед ними. Шар мчался к черному пятну, еще более матовому, еще более темному, чем вся остальная стена. Его окружал ореол вспышек, разбегавшихся в виде ветвистых молний во всех направлениях.

«Как пробитое пулей окно»,— подумал Корсон.

Именно это он сейчас и видел: окно, пробитое пулей. Неподвижные огоньки были звездами, а пропасть — космосом. Пятно матовой черноты было дырой, через которую Эргистал, или по крайней мере та его часть, где находился воздушный шар, валился в пустоту.

У самого края гигантский водоворот кружил воды океана. Он тоже выливался в пространство.

Корсон задумался, бесконечно ли это пространство, или весь Эргистал, а вместе с ним и его абсурдные войны, легионы, флоты, герои и атомные грибы найдут, наконец, покой среди звезд. Неужели творцы — или надсмотрщики — Эргистала ничего не сделают? Неужели катастрофа превышает их мощь? Может, Туре был прав, говоря о макете? Действительно ли Эргистал был искусственным, гигантским, но все же ограниченным миром, что плывет в космосе и в эту минуту выбрасывает свое содержимое из-за какой-то аварии или маневра? Что произойдет, если «окно» лопнет совсем? Соединятся небо и земля? А может, архитектура этого бессмысленного мира сохранится, защищенная зеркалом ничто?

По мере того, как шар приближался к пролому, температура понижалась, не хватало воздуха. Однако пролом странно уменьшался. Еще недавно отверстие тянулось на километры, а сейчас не превышало нескольких сотен метров в самом широком месте и продолжало уменьшаться. Шар был достаточно близко, чтобы Корсон мог разглядеть обтекающие внутреннюю поверхность пролома волны, гаснущие на его краях.

Море покрылось ледяной коркой, ее белизну подчеркивала прямая линия основания черной стены. Это было не окно и даже не

стена, а какое-то силовое поле, поврежденное страшным ударом.

— Мы проскочим, — сказал, тяжело дыша, Туре, — если это не закроется.

Антонелла спрянула лицо на груди Корсона, и он нашел еще силы, чтобы вытянуть руку к пролому. В пустоте, чуть ниже уровня океана, виднелись обломки гигантского космического корабля. Возможно, он имел форму ракеты, об этом говорил вид его кормы, казалось, приклеенной к прозрачной стене. Восстанавливая свою структуру, силовое поле встроило в нее и корабль.

Больше всего Корсона удивлял биологический характер заживания силового экрана. Он помнил поля, которые распространялись мгновенно, но там речь шла о коротких дистанциях и ограниченных возможностях человеческого восприятия. Потом он подумал, что использованная здесь энергия была столь огромна, что нарушалась непрерывность времени. Эквивалент, выраженный в единицах массы, должен быть непредставимо огромным. Теория относительности говорила, что на звездах-гигантах время течет медленнее, чем в других местах. Самым удивительным было то, что эффект этот не распространялся на пространство, окружающее барьер. Шар не был брошен на экран со всего размаха, не сторел в атмосфере перед ударом о стену пространства.

У Корсона появилась слабая надежда. Оставалось еще несколько сотен метров; заживание шло все быстрее, трещины исчезли, матово-черное пятно уменьшалось. Пространство вокруг сверкало, будто покрытое лаком — побочный эффект поля.

Они были уже совсем близко. Корсон вытянул руку, чтобы защитить Антонеллу. Удар... Отскок... Рывок... Завязанный вокруг пояса канат врезался в позвоночник. Корсон покачнулся и упал вперед, ударившись головой о край корзины. Крутой крен, мягкий звук... Шар расплющился по барьеру, гондола раскачивалась из стороны в сторону. Удар, отскок, удар... Наконец все скрыла темнота.

— 20 —

Очнулся он от ощущения холода на лбу. Может быть, почти сразу. Его голова лежала на коленях Антонеллы, она прикладывала ко лбу тряпку, смоченную вином. Он поднял руки к правой брови, которая сильно болела, а когда взглянул на нее, она была в крови. Потом его взгляд встретился со взглядом Туре.

Корсон встал, преодолевая головокружение, и с трудом удержался на ногах.

— Наш шар послужил пробкой, — объяснил Туре.

Шар наполовину ушел в барьер в добром километре над спокойным океаном. Подводная пробоина тоже затянулась.

Корсон перегнулся через край гондолы, разглядывая пустоту. Вверху небо, а внизу море кончались ровно, словно обрезанные ножом. Барьер был совсем рядом. Корсон вытянул руку, но не достал его, хотя почувствовал легкий укол. А может, это была только иллюзия.

Дальше был космос. Живой космос. Прежде всего звезды, мириады звезд, из них складывались незнакомые созвездия. Звезды всех цветов, какие можно видеть только в пустоте, через стекло скафандра или из купола обсерватории. Какая-то галактика светилась красным. Но там были не только звезды и галактика.

Между ними, а иногда и перед ними плавали огромные военные крейсера. Конечно, Корсон не мог видеть их непосредственно, но они сотрясали звезды, точнее, искажали их свет. Масса и энергия. Фотон был так легок, и его можно было так легко отклонить. Опытный взгляд Корсона распознавал в танце звезд скрытый смысл. Здесь в отчаянной схватке сошлись два флота. Во время боя какой-то крейсер, потеряв управление, налетел на барьер и повредил его. Однако другие, явно не имеющие понятия о катастрофе, продолжали сражаться. С этой стороны барьера сражение выглядело чистой абстракцией, и проявлялось лишь дрожью пространства и танцем звезд.

По другую сторону силового экрана плавали зеленоватые глыбы. Корсон не сразу узнал их. Лед, горы льда в пустоте: миллиарды тонн воды, вырвавшейся через пролом.

Корсон понимал, что не видит почти ничего из событий баталии, которая, конечно, велась на просторах во многие световые годы. Сейчас он видел лишь локальное столкновение. Однако, стремительность битвы дала ему представление о специфике этого пространства.

Пространство это не граничило с Эргисталом, просто было его частью. Логично. Космические войны должны были вестись на Эргистале так же, как войны сухопутные, морские и воздушные. Им нужна была особая среда, и эта среда была предоставлена. Если эта Вселенная была макетом, он был близок к совершенству.

Кто же мог сражаться в космосе? Люди? Космиты? Люди, против космитов? Застывший в барьере корпус корабля не походил ни на один из известных Корсону типов. Однако, если он верно прикинул — расстояния и размеры в космосе сильно искажаются, — обломок этот был более километра длиной, а весь корабль — раза в три больше. Корсону показалось, что он видит безжизненное тело, кружащееся между обломками. Впрочем, с тем же успехом это мог быть и кусок металла.

Туре кашлянул. Вибрация прекратилась, воздух успокоился и застыл. Не нужно было кричать, чтобы услышать друг друга, хотя в ушах еще дрожал отзвук барабанной дробы.

— Наше положение не из лучших.

— Этого я и боюсь, — сказал Корсон.

Он уже обдумал и по очереди отбросил все возможности. Канаты, оплетающие гондолу, были слишком коротки, чтобы можно было спуститься к воде. Если они разрежут оболочку шара, чтобы сделать из нее парашюты, она может отделиться от экрана, и тогда они погибнут в волнах, упав с километровой высоты. Не было никаких шансов, что шар освободится сам. Даже если им удастся спуститься, как они вернутся на сушу, удаленную на десятки тысяч километров? Они были в ловушке, словно мухи, пойманные на липучку.

«Если бы только началось Перемирие», — подумал Корсон. Сначала, когда Туре говорил о Перемириях, он испытывал глухой, звериный страх. Перемирие походило на смерть или на конец света. Сейчас же он мечтал о нем. Но надежды не было: они не могли повлиять на решение непредсказуемых богов, которые создали эту Вселенную и управляли ею. Он вспомнил и другие слова Туре, но пока боялся сделать из них выводы.

В космосе появился какой-то клубок тьмы. Корсону показалось, что бездна оживает, что совсем рядом появился рой беспорядочно кружащихся мошек. Казалось, они с дьявольской ловкостью увертываются от выстрелов космических кораблей. Один из крейсеров взорвался, за ним другой. Две яркие вспышки на мгновение ослепили Корсона, хотя он и щурил глаза. С тревогой подумал он о том, что будет, если один из кораблей взорвется у самого барьера. Барьер, конечно, выдержит, но поглотит ли он все излучение?

Мушки. И вдруг Корсон понял: это были гипроны. Последние сомнения исчезли, когда один из них материализовался перед самым барьером. Корсон узнал пояс глаз, лишенных век, шесть огромных лап с торчащими когтями, гриву нитей, развевающихся в пространстве, и упряжь, а когда Бестия повернулась вокруг своей оси — мундир солдата Верана. Человек по ту сторону барьера удивленно воскликнул при виде гондолы и ее пассажиров. Губы его шевельнулись. Минуту спустя солдаты оказались у барьера, а потом исчезли.

Появились они уже по эту сторону, без видимого усилия преодолев преграду. Окружив шар, солдаты направили оружие на путешественников. Антонелла схватила Корсона за руку. Туре открыл рот и спросил, вытирая рукой вспотевший лоб:

— Что это?

Времени для ответа не было. Мысль, возникшая на границе сознания Корсона, превратилась в решение. Он не мог ждать пощады от Верана. Тот попытается взять их живыми и отдаст Антонеллу солдатам.

Корсон скрипнул зубами и вдруг почувствовал во рту привкус

крови. Он поднял голову к шару. Водород, соединяясь с воздухом, легко взрывается. К сожалению, температура луча из его оружия слишком мала, чтобы началась реакция.

Ему отчаянно хотелось, чтобы слова Туре оказались правдой. И он узнает это, но только в том случае, если гипотезы Туре обоснованы, если в этом аду смерть — всего лишь иллюзия.

Он вынул оружие из кобуры внутри скафандра и спокойно открыл огонь. Оболочка шара разошлась, вспыхнуло пламя. Потом он почувствовал, как горят его руки и лицо, а лопнувшие барабанные перепонки избавили его от криков остальных. И его собственных тоже. «Водород», — подумал он.

Он падал и чувствовал рядом тело Антонеллы, хотя сам не имел уже тела. Непонятным образом он был еще жив и даже не чувствовал себя умирающим. Хотя гигантское пламя мчалось прямо на него, свет ослаб. Небо стало пурпурным, потом черным. Он различал на нем, как на негативе, белых гипронов и лица кавалеристов, остолбеневших от удивления. Пламя перестало расти в нескольких сантиметрах от его лица, хотя лица у него уже не было. Корсону показалось, что это чудесное равновесие будет длиться целую вечность.

Потом пламя погасло.

— 21 —

Перемирие кончилось так же внезапно, как и началось. Корсон плавал в пурпурном пространстве, хотя не помнил, чтобы открывал глаза. Огромные, спутанные и сросшиеся трубы пульсировали, растягивались, неожиданно ветвились, и ветви тоже начинали разрастаться. Не было ни верха, ни низа. Хотя он не мог оценить расстояний и размеров, они казались ему огромными:

«Я пробил потолок, — подумал он, — и попал на небо».

Руки и ноги не слушались его, но он испытывал не беспокойство, а, скорее, интерес. Медленно возвращались воспоминания. Оставались еще незаполненные места, но на помощь приходила медленная реконструкция, идущая на грани подсознания. Возможно, неверная.

Вскоре он сообразил, что место, где он оказался, довольно странное. Обычно солдаты приходили в себя в какой-нибудь битве, он же покинул Эргистал. Корсон был уверен, что находится по ту сторону небесного свода. Было ли это место, где сражались существа, которых человек и представить себе не мог? Или же его исключили из игры, поскольку он участвовал в ней нелегально? А может, его ждет иная судьба?

Он был один и знал это, хоть и не мог повернуть голову.

Тишину нарушил голос. Сначала Корсон воспринял его как

чистую музыку, и прошло некоторое время, прежде чем он понял, что обращаются к нему, но слова оставались в его памяти, как будто она была промыта и жаждала знаний.

— Значит, ты военный преступник.

Подумав, он ответил:

— Значит, ты — бог.

В голосе чувствовалась насмешка. Он казался почти детским, но мог быть и голосом ящерицы, паука, огненным шепотом звезды, писком крысы, шелканьем хитиновых крыльев жука, артикулированным вздохом ветра.

— Мы можем больше, чем боги, которых вы в состоянии придумать.

Корсон заколебался. Разговор начался странно. Не затем же он здесь оказался, чтобы вести теологический диспут. А может, на небе был такой обычай? Он хотел сменить тему, но почувствовал, что она затягивает его.

«Мне ввели наркотик,— подумал он — и это все объясняет». Потом он понял недостаточность объяснения, любопытство взяло верх, и он принял вызов.

— Боги всесильны,— сказал он.

— Всесильны,— повторил голос.— Это пустые слова. Ты можешь только приписывать им помощь, которую сам в состоянии представить, а в будущем — получить.

Корсон задумался. Слова показались ему разумными. Он подумал еще и продолжал:

— Вы бессмертны.

В голосе вновь зазвучало веселье.

— И да, и нет. Ты не видишь разницы между бесконечным и неограниченным. Мы не бессмертны, если ты понимаешь под этим бесконечную жизнь. В этом смысле нет ничего бесконечного, и даже Вселенная имеет свой конец. Однако, наше существование неограниченно.

— Неограниченно?

Эта концепция казалась ему непонятной.

— Мы можем повторять наши жизни, изменять их или проживать все новые и новые. Ничто из происходящего во время наших существований не пропадает зря.

— Понимаю,— сказал Корсон.

Для этих существ жизнь не была неповторимой формой, отлитой из бронзы прошлого и слепо продолжающейся в будущее. Существование от начала до конца было для них пластичным континуумом. Они не знали ДО или ПОСЛЕ, их жизни не имели длины. «Действительно,— задумался он,— какова ширина одной человеческой жизни? И какова ее толщина?» Их жизни составляли единое целое. В зависимости от результатов они изменяли причины.

Современность была для них только точкой зрения. Они контролировали время, и на этой способности основывалась их власть. Так же, как и люди, долго связанные расстояниями, ограниченными возможностями их ног, освоили космос и летали между звездами, эти существа освоили время. Для них люди были бедными, бессильными существами, точно так же, как для Корсона были бессильны его предки.

«Это страшная власть,— подумал Корсон и тут же добавил, как будто ему это предложили,— она мне не по силам».

— Вы не люди,— сказал он.

«КТО ЖЕ ОНИ, ЧТО ТАК ЗАБАВЛЯЮТСЯ НАШИМИ ЖИЗНЯМИ? ПРИШЕЛЬЦЫ ИЗ ДРУГОЙ ГАЛАКТИКИ? ИЗ ДРУГОГО ИЗМЕРЕНИЯ? ПРОСТО ДУХИ, НАШИ СОЗДАТЕЛИ ИЛИ БОГИ ИЗ СКАЗОК?»

— Ты будешь, как мы,— сказал голос.

«ОБЕЩАНИЕ ИЛИ КОНСТАТАЦИЯ ФАКТА? КАК Я МОГУ СТАТЬ ТАКИМ, КАК ВЫ, ОСТАВАЯСЬ СОВОЙ, КОЛЬ СКОРО ДАЖЕ НЕ МОГУ ПОНЯТЬ ВАШЕЙ МОЩИ? КУДА ДЕЛИСЬ ДАЛЕКИЕ ПОТОМКИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА? МОЖЕТ, СПОСОБНОСТИ РАСЫ АНТОНЕЛЛЫ ПРЕДШЕСТВУЮТ ЭТОЙ МОЩИ? СКОЛЬКО МИЛЛИОНОВ ЛЕТ ОТДЕЛЯЕТ МОЕ ПРИМИТИВНОЕ СУЩЕСТВО ОТ ОЦЕНИВАЮЩЕГО МЕНЯ ПОТОМСТВА?»

— Вы появились после нас? — спросил Корсон.

Смех, который он услышал, успокоил его, вместо того, чтобы рассердить.

— Мы появились не после вас,— ответил голос.— Мы существуем в то же время, что и вы, поскольку заполняем все время. Наши цивилизации скорее параллельны, но в узком смысле, если это может тебя успокоить, мы пришли после вас, родились из вас, произошли от вас.

«ЗНАЧИТ, ЭТО НАШИ ПОТОМКИ, И, В ТО ЖЕ ВРЕМЯ, ОНИ ГОРАЗДО СТАРШЕ НАС. С ТОЙ ТОЧКИ БУДУЩЕГО, В КОТОРОЙ ИХ ВЕТВЬ ОТДЕЛИЛАСЬ ОТ НАШЕЙ, ОНИ ЗАВЛАДЕЛИ ВСЕЙ ВСЕЛЕННОЙ, В КОТОРОЙ МЫ ЗАНИМАЕМ ДО СМЕШНОГО МАЛУЮ ЧАСТЬ. ОНИ РОДИЛИСЬ ОТ НАС, НО СУЩЕСТВУЮТ С САМЫХ НАШИХ НАЧАЛ».

— А другие виды? Уриане?

— Нет никакой разницы,— ответил голос.

«НЕТ НИКАКОЙ РАЗНИЦЫ. РЕШИТЕЛЬНЫЙ ОТВЕТ. СЛИШКОМ РАНО ТРЕБОВАТЬ ОТВЕТА НА ЭТОТ ВОПРОС».

— Где мы? — спросил Корсон.

— Снаружи Вселенной, на ее поверхности или оболочке. Чтобы ее понять и изменить, нужно ее покинуть.

«ОБОЛОЧКА ВСЕЛЕННОЙ. ПО ЭТОЙ ЛИ ПРИЧИНЕ ОБЫЧНЫЕ ЗАКОНЫ ФИЗИКИ НЕ ДЕЙСТВУЮТ НА ЭРГИСТАЛЕ? ПОТОМУ ЛИ ОНИ МОГУТ ТАМ ДЕЛАТЬ ВСЕ, ЧТО ЗАХОТЯТ? И ЧТО НАХОДИТСЯ ДАЛЬШЕ?»

— А что есть кроме Вселенной?

— Вселенная обладает своей собственной силой, — ответил голос. — Это нечто независимое от пространства и времени. Внешняя часть никак не воздействует на внутренние и, значит, непознаваема.

«ТУПИК. МОЖЕТ, ГРАНИЦА ВЛАСТИ ЭТИХ СУЩЕСТВ СУЩЕСТВОВАЛА, ВЫТЕКАЯ ИЗ УБОЖЕСТВА ИХ СОБСТВЕННЫХ ПОНЯТИЙ?»

Корсон решил вернуться к своему положению.

— Вы будете меня судить?

— Ты уже был судим, — ответил голос.

— Я вовсе не преступник, — запротестовал Корсон. — У меня никогда не было выбора...

— У тебя будет выбор. У тебя будет возможность прервать цепь преступлений. Прервать серию войн. Ты вернешься на Урию и вылечишься от войн.

— Зачем я вам нужен? Почему, обладая такой властью, вы просто не запретите войны?

— Война — часть истории этой Вселенной, — терпеливо ответил голос. — В некотором смысле, мы тоже родились из войн. Мы хотим ликвидировать войну и добиваемся этого с помощью тех, кто сражается, хотим, чтобы они стали такими, какими могут стать. Но мы не можем делить нашу власть с существами, которые еще не победили войну. Теоретически, мы могли бы уничтожить войну силой, но тогда возникло бы противоречие в понятиях. Мы боролись бы сами с собой. И тогда мы решили изменить эту Вселенную, а изменить ее можно только используя тот же самый материал. Для этого служит Эргистал. Он выполняет три функции. Искоренение войны: Эргистал воспитывает убежденных сторонников мира. Чтобы искоренить войну, нужно ее понять: на Эргистале огромное количество полей сражений. Здесь нет конфликтов между империями, между планетами или видами. Это всего лишь фон, далекая мотивация. Мы знаем, что война — это не только конфликты. Она растягивается и выходит далеко за пределы спора, даже тогда, когда ее причины давно исчезли. Война обладает многообразной структурой, но только внешне. Благодаря экспериментам Эргистала, мы познаем ее и доводим до того, чтобы те, кто вызывает войну, поняли ее.

«ВОЙНА КАК СТРУКТУРА! НЕЧТО, ОБЛАДАЮЩЕЕ АВТОНОМИЕЙ, РОЖДАЮЩЕЕСЯ В СЛУЧАЕ КАКОГО-НИБУДЬ КОНФЛИКТА, НО ПОТОМ ЖИВУЩЕЕ ЭНЕРГИЕЙ СРАЖАЮЩИХСЯ. ЭТО ОБЪЯСНЯЕТ, ПОЧЕМУ ВОЙНЫ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА БЫЛИ ВО ВСЕ ЭПОХИ, ПРИ ВСЕХ РЕЖИМАХ. ПЕРИОДИЧЕСКИ КАКАЯ-НИБУДЬ ГРУППА ЛЮДЕЙ ПОСТАНОВЛЯЛА ПРЕКРАТИТЬ ВОЙНУ, НО БЕЗУСПЕШНО. ИМ, САМОЕ БОЛЬШЕЕ, УДАВАЛОСЬ ОТСРОЧИТЬ ЕЕ, СОЗДАТЬ ОАЗИС МИРА НА ВЕК ИЛИ ДВА, РЕЖЕ — НА ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ МЕЖДУ ДВУМЯ ОЧЕРЕДНЫМИ ВСПЫШКАМИ. А ИХ УЧЕНИКИ НАСАЖДАЛИ МИР С ПОМОЩЬЮ ВОЙНЫ.

ПОЧЕМУ МЕЖДУ СОЛНЕЧНОЙ ДЕРЖАВОЙ И ИМПЕРИЕЙ УРИИ СВИРЕПСТВОВАЛА ВОЙНА? ПО КОСМИЧЕСКИМ ПРИЧИНАМ? ИЗ-ЗА АМБИЦИЙ ВОЖДЕЙ? ИЗ ОПАСЕНИЯ ПЕРЕД МАССАМИ? ЭТО БЫЛИ СУЩЕСТВЕННЫЕ ПРИЧИНЫ, НО НЕ ОНИ БЫЛИ ВАЖНЕЙШИМИ. ВОЙНА ПРОТИВ УРИИ БЫЛА ЗАМЕНИТЕЛЕМ ВОЙНЫ, ЧТО ГРОЗИЛА НАЧАТЬСЯ МЕЖДУ ПЛАНЕТАМИ ЛЮДЕЙ, ЧЬИ КОРНИ БЫЛИ В ДРЕВНИХ, ПЛОХО СОСТАВЛЕННЫХ ДОГОВОРАХ, КОТОРЫЕ ПОДПИСАЛИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ЕЩЕ БОЛЕЕ ДРЕВНИХ ВОЙН. ТАКИМ ОБРАЗОМ, МОЖНО БЫЛО БЫ ВЕРНУТЬСЯ ДО ВОЙНЫ, КОТОРАЯ ОПУСТОШИЛА ЗЕМЛЮ ЗА ТЫСЯЧУ ЛЕТ ДО РОЖДЕНИЯ КОРСОНА И КОТОРАЯ ВЫВЕЛА ЛЮДЕЙ К ЗВЕЗДАМ, ЗАСТАВИВ ВРЕМЕННО ПОКИНУТЬ РОДНУЮ ПЛАНЕТУ. И ДАЖЕ ЕЩЕ ДАЛЬШЕ, К ПЕРВОЙ ИЗ ВСЕХ БИТВ, ДО КАМНЯ, ЗАНЕСЕННОГО ОДНИМ ПИТЕКАНТРОПОМ НАД ДРУГИМ.

ТАК ЖЕ БЫЛО И С ИСТОРИЕЙ ДРУГИХ ВИДОВ. ПОЧТИ СО ВСЕМИ. С ТЕМИ, КОТОРЫЕ БЫЛИ СЕЙЧАС НА ЭРГИСТАЛЕ.

МЫ ЧАСТО ЗАДУМЫВАЛИСЬ, ЗА ЧТО ВОЮЕМ, НО ПОЧТИ НИКОГДА НЕ ДУМАЛИ, ПОЧЕМУ ВЫЗЫВАЕМ ВОЙНУ. ИСТОРИЯ ЗАРАЖЕНА. МЫ — МУРАВЬИ, СРАЖАЮЩИЕСЯ МЕЖДУ СОБОЙ ПО ПРИЧИНАМ, КОТОРЫЕ КАЖУТСЯ НАМ ОЧЕВИДНЫМИ, НО СКРЫВАЮТ ТОЛЬКО АБСОЛЮТНЫЙ МРАК И НЕВЕЖЕСТВО. ЭРГИСТАЛ — ЭТО ЛАБОРАТОРИЯ ВОЙНЫ».

— Третья функция Эргистала,— сказал голос,— это сохранить войны. Война — одна из жизненных потребностей, она составляет часть нашего наследия. Возможно, нам потребуется ее техника. Что-нибудь может явиться извне Вселенной. Эргистал — это фронт и в то же время — защитный вал.

Внезапно голос напрягся, а может, в нем зазвучала грусть. Корсон попытался представить это Извне, но такая чистая абстракция была ему недоступна. Непроницаемая темнота. Невремя. Непространство. Ничто, а может, еще что-то другое. «Если бы я был числом «один»,— подумал Корсон,— разве смог бы я представить последнее из всех чисел?»

— Искоренить войну,— продолжал голос.— Познать войну. Сохранить войну. Мы оставляем выбор тебе. Ты будешь выслан на Урию для решения проблемы. Если тебе не повезет, ты вернешься сюда. Если решишь ее, будешь свободен и перестанешь быть военным преступником. Но прежде всего, ты сделаешь шаг вперед.

Воздух вокруг Корсона сгустился, материализовались стены. Он лежал в длинном ящике с металлическими стенами. Гроб... железный гроб.

Или банка консервов.

— Эй! — крикнул Корсон.— Дайте мне оружие.

— У тебя есть мозг,— решительно ответил голос.— И ты получишь необходимую помощь.

— Органы безопасности...— начал Корсон.

— Мы не имеем с ними ничего общего,— парировал голос.— Кроме того, они следят за веками только в Тройном Рое, в одной галактике.

«Короче говоря,— подумал Корсон, прежде чем провалиться в темноту,— горсть праха...».

— 22 —

Минос, легендарный судья мертвых. Трибунал, решение которого нельзя обжаловать. Корсон грезил на грани сознания, перерывая то, что услышал. «Антонелла... Проклятые пацифисты у вершины времен, неспособные сами сделать свою работу! Мы пешки в их руках. Тираны... Я падаю и мечусь, проскальзывая между ячейками сети существования, брошенной рукой какого-то бога. Делай, что хочешь, решил бог, но прекрати этот военный шум, который мешает мне спать».

Сеть была соткана из человеческих тел. Каждый узел был человеком, и каждый из них держал руками щиколотки двух других людей, и так до бесконечности... Эти нагие люди дергались, выкрикивали проклятия, пробовали вырваться, кусаться. Время от времени кто-нибудь из них не выдерживал и вскоре исчезал в

бездне. Возникшая дыра быстро закрывалась, а Корсон, как невидимая рыба, проплыв между расставленными конечностями...

Ему снилось, что он проснулся и блуждает по огромному прекрасному городу. Его башни стремились к небу не как мачты, а скорее, как деревья, разветвляясь и делясь, чтобы чесать ветер. Улицы, похожие на лианы, висели над пропастью.

Сердце Корсона сжимала тревога, которую он не мог себе объяснить. Потом он вспомнил, зачем он здесь. Коробочка, висевшая у него на шее, была машиной для путешествий во времени. На запястьях обеих рук у него были часы, точнее, хронометры, сконструированные с небывалой точностью, ибо было крайне важно, чтобы он мог читать время и оставлять его господином. На стекле каждого хронометра была нарисована, а может, выгравирована, тонкая красная линия, точно указывающая час, минуту и секунду. Он знал, что это была за секунда. По положению большой стрелки он мог прочесть, что прежде чем она достигнет красной линии, пройдет более пяти минут. И на часах машины времени мигали цифры. Они отсчитывали минуты, секунды, доли секунд и говорили то же самое. Он знал, что машина настроена так, чтобы выслать его в прошлое или будущее сразу, как только большая стрелка достигнет красной линии.

Красная линия... Сейчас произойдет что-то ужасное. Однако в городе все было спокойно, никто еще ни о чем не подозревал. По мере того, как конденсировалась атмосфера тревоги, Корсон думал, как дожидаться критической минуты не закричав.

В городе все было спокойно. Подвешенные улицы и ветви башен слегка дрожали от ветра. Какая-то женщина играла гладкой табличкой, украшавшей ее шею. В саду какой-то скульптор высекал статую прямо из пространства. Дети пели и бросали в воздух цветные шары, которые потом лениво падали на землю.

Через неполные две минуты город будет уничтожен атомным мечом, который уже в пути, рычит в верхних слоях атмосферы и оставляет за собой стон рассекаемого пространства. Корсону эта угроза казалась невероятной, и все же точное время ее исполнения было выгравировано на стеклах обоих часов. Он знал, что уцелеет, а от города останется всего лишь образ его спокойствия. Он не увидит пламени тысячи солнц и падения тающих, как воск, башен, излияния разбухенной в сердце Земли лавы, испарения тел еще перед сожжением и, наконец, гораздо позднее, крика разорванного воздуха. Город останется в его памяти таким, каким он был, вырванным из времени. Его уничтожение будет для него только далеким историческим и абстрактным событием.

Однако он боялся такого, от чего не сможет спасти машина времени.

Это пришло внезапно. Только что город был спокоен, и вдруг

женщина завывала, сильно дернула за цепочку, та лопнула, и она далеко отбросила табличку из полированного металла. Дети, плача, разбежались кто куда. Крик, поднявшийся над всем городом, обрушился на пришельца. Крик этот родился в миллионах грудей, вырвался из миллионов уст, и в нем не было уже ничего человеческого.

Корсон слушал кричащий город, и ему захотелось зажать уши, но сил не было. Теперь он вспомнил. Жители этого города умели предвидеть будущее, вырывать у него несколько мгновений и познавать ближайшие события.

Они узнали, что упадут бомбы, и будут теперь кричать до самого их падения. Они почувствовали огонь, ослепительный свет и бесконечную ночь.

А он, чужой, погруженный в сон, знал, что не сможет ничего сделать, что нет времени предупредить их. Не осталось времени сказать им об их смерти, прежде чем их уведомят об этом внутреннее око. Он не увидит, как умрет город, но будет слышать его крик.

Большая стрелка почти совпала с тонкой красной линией, но чужаку последние секунды показались бесконечными. Его вдруг охватило беспокойство: а может, коробочка на груди не была машиной времени? Может, он был жителем города, обреченного на гибель?

Он открыл рот, и в ту же секунду машина сработала. Он был спасен. Один-единственный из всех.

Теперь он был в другом месте, и крик умолк. Он попытался вспомнить. Один раз он уже видел такой сон. На запястьях обеих его рук превосходные часы указывали неумолимый итог. Он был хозяином времени. На его глазах низкий и плоский город, рассеянный каналами, разрастался по берегам фиолетового моря.

Он закричал в тишине, нарушаемой только криками птиц, и вдалеке кто-то повернулся к нему, ничего не понимая.

23

Темнота и шесть металлических стен, едва позволяющих шевельнуть руками. Он лежал на спине. Гравитация была примерно такой же, как на Земле, и он не боялся.

Что было сил он надавил на крышку ящика, но напрасно. А потом кто-то или что-то царапнуло металл, и вдоль одной из граней появилась блестящая полоса. Секундой позже ящик открылся, и Корсон, ослепленный ярким светом, попробовал сесть.

Воздух был насыщен запахом хлора — он попал в руки уриан. По мере того, как его глаза привыкали к свету, он начал различать три склоненные над ним фигуры, слегка похожие на человеческие, три роговых клюва, три маленькие головки, худые и длинные шеи,

высохшие руки и массивные туловища с выступающими грудинами.

Стоило облететь Вселенную, чтобы кончить жизнь, как подопытный кролик, под ножом какого-нибудь урианина!

— Не бойся, человек Корсон,— пропищал один из уриан.

В конце концов Корсону удалось сесть.

Он находился в обширном зале, задрапированном шелками, без окон и видимых дверей. Зал довольно точно походил на урианские жилища, как их представляли на Земле в период войны.

«ВСЕГДА ЛИ БОГИ ВОЙНЫ ВЫДАЮТ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ ИХ ВРАГАМ?»

Один из уриан, явно старше других, сидел на чем-то вроде трона, который напомнил Корсону насест. Уриане происходили от ветви эволюции, которую на Земле сравнивали с птицами. Их внешний вид давал некоторые сведения на этот счет, это же подтверждалось и вскрытием трупов (по официальной версии), которые попадали в руки землян. Кора их мозга была относительно плохо развита, и среди землян бытовали многочисленные анекдоты на эту тему, однако Корсон не был склонен верить им. Он знал, что даже на Земле некоторые птицы, ворон обыкновенный, например, проявляют удивительную сообразительность. Кроме того, он слишком хорошо знал результаты проникаемости Князей Урии. Огромная часть человеческого мозга предназначена для расшифровки и объединения наблюдений, над абстракциями работает относительно небольшая доля. У уриан наблюдения были достаточно ограничены, по крайней мере с человеческой точки зрения. Острота зрения у них была, в принципе, много лучше, чем у людей, но способность к распознаванию цветов была гораздо меньше. Их слух был настолько плох, что их музыка была чисто ритмической. У них было недоразвито осязание в связи с формой хватательных органов — скорее когтей, чем рук. Зато они проявляли большую склонность к абстрактному мышлению и философским дискуссиям. Короче говоря, если бы их знал Кондильяк, он отбросил бы сенсуалистическую гипотезу.

— Нам прислали человека,— не скрывая презрения сказал старый урианин.

Корсон начал осторожно вставать на ноги.

— Прежде чем ты предпримешь неразумные шаги,— продолжал старый урианин,— я должен сообщить тебе некоторые факты. Не потому, что мы боимся тебя,— тут он указал на три грозных ствола,— но потому, что мы дорого заплатили за тебя и не хотели бы тебе повредить.

Он встал и налил себе большой стакан хлорной воды. Во времена Корсона любовь уриан к хлору была еще одной неисчерпаемой темой для острот.

— Ты военный преступник и не можешь покинуть эту планету

без риска быть осужденным своими же земляками. Даже на этой планете ты быстро поймешь, что обвинение это весьма ограничивает твои возможности. Иными словами, ты вынужден быть с нами и рассчитывать только на нас. У тебя нет выбора.

Он помолчал, давая Корсону время осознать его слова, потом продолжил:

— Нам нужен специалист по военным вопросам. Тебя мы за высокую цену купили у посредников, знать которых тебе не обязательно.

Он подошел к Корсону походкой, делавшей его похожим на огромную утку, одетую в богатый наряд и к тому же смертельно опасную.

— Меня зовут Нгал Р'нда. Ты можешь запомнить это имя, человек Корсон, ибо я не собираюсь отречься или переживать какую-нибудь невероятную неудачу. Ты, единственный из людей, узнаешь кто я такой на самом деле. Для твоих сородичей я мирно настроенный Нгал Р'нда, слегка разочарованный старец, заигрывающий с музами. Для всех них, — он широким жестом указал на своих товарищей, — я настоящий Нгал Р'нда, единственный потомок древнего рода Князей Урии, вылупившийся из Голубого Яйца. Ты даже не можешь представить, человек Корсон, что значило когда-то Яйцо в Голубой Скорлупе, и тем более того, что значит оно сейчас для горстки верных. Более шести тысяч лет назад на Урии царили Князья Голубой Скорлупы. Увы! На кораблях, полных лжи, прибыли люди, и вскоре началась война. Долгая и страшная война, в которой Земля едва не пала под клювом Урии. Но никто ее не выиграл, только Князья Урии проиграли. Бойни и истребление сменились ублюдочным миром. Люди и уриане в знак доброй воли пошли на взаимные уступки. Однако оказалось, что уриане не могли жить на Земле и отказались от своих привилегий. Зато земляне процветали на Урии, и вскоре бывшие заложники стали владыками. Их потомство было многочисленнее потомства уриан. Кроме того, они оказались способны решать проблемы, недостойные Князей Урии, занятых высшими материями. Таким-то образом князья Урии проиграли войну, которую люди не выиграли и в которой уриане не потерпели поражения. Предательство, отвратительное предательство было тому виной. И случилось самое худшее. Общество Урии, потрясенное войной, а затем — унижительным контактом с людьми, отвернулось от культа Голубого Яйца. Распространились легенды о мнимом равноправии, и уриане потеряли свою гордость. Они жили, дюйм за дюймом уступая людям свою землю.

Прошли века и тысячелетия, но чистейший пух Урии — земляне говорят «цвет нации» — ничего не забыл. Может быть, пришло время, чтобы сбросить ярмо. Судя по тому, что мы знаем, Га-

лактический Совет не сможет вмешаться век или два. Это больше, чем потребуется, чтобы восстановить флот и начать освободительную войну. Но прежде мы должны завоевать эту планету — нашу планету! — и прогнать с нее людей.

Он замолчал, внимательно глядя на Корсона глазами с двойными веками. Тот даже не дрогнул.

— И в этот момент в акцию включаешься ты. Мы забыли, как ведется война. Теорию мы помним, а вот с практикой у нас плохо. Мы имеем мощное оружие, то самое, которое прозорливые Князья Урии спрятали внутри планеты шесть тысяч лет назад. Но нам нужен советник, который, благодаря своему хитрому и самонадеянному разуму, сможет сказать нам, когда и где ударить. Это ты и есть. Не думай, что я недооцениваю людей, я их презираю, а это совсем другое дело. В глубокие ночи своих размышлений я решил: употреби против людей самое лучшее оружие — человека.

Не протестуй, человек Корсон. Тебе выгоднее принять нашу сторону. Ты осужден и отброшен своими сородичами, среди них тебе нет места. Если же ты будешь служить Голубому Яйцу Урии, то будешь свободен так же, как вылупившийся из яйца урианин, и сможешь распоряжаться человеческими невольниками. Если ты собираешься противопоставить себя нам, человек Корсон, это ни к чему не приведет. В запрещенных науках мы большие специалисты и не забыли ничего из опытов, проведенных шесть тысяч лет назад над некоторыми из вас. Но боюсь, что тогда ты перестанешь быть собой. Кроме того, ты не являешься незаменимым, человек Корсон. В наши дни идет большая торговля людьми войны. На многих планетах живут существа, стремящиеся к ликвидации опеки Совета и за высокую цену покупающие наемников. А те обычно думают только о мести. Ненависть к собственному виду усиливает их талант. Надеюсь, человек Корсон, что те, кто доставил тебя к нам, не ошиблись, оценивая твой талант. Ты стоишь на дороге, которая ведет только в одном направлении: сражаться на нашей стороне и победить для нас.

— Понимаю, — сказал Корсон.

Уриане имели репутацию болтунов, и этот не был исключением. Но Корсон не получил единственной информации, в которой нуждался: даты. Вернулся он до или после своего первого визита на Урию? Существовала ли эта опасность одновременно с двумя другими: Бестией, бродившей по джунглям Урии, и безумными планами Верана? Не существовал ли принцип равновесия, согласно которому катастрофу можно было отсрочить, но нельзя было отвлечь?

И это имя — Нгал Р'нда. Флория Ван Нелл упоминала его. «Нгал Р'нда — один из лучших моих друзей». Тогда он не придавал этому значения, но имя запомнил.

Корсон решил не спрашивать о дате. Все равно он не знал года своего первого визита сюда. Однако, у него был ориентир.

— В последнее время на Урии встречали дикого гипрона?

— Ты задаешь странные вопросы, человек Корсон. Но это не страшно. Никакого дикого гипрона не встречали на Урии века, а то и тысячелетия.

«ЕСТЬ ДВЕ ВОЗМОЖНОСТИ. СЕГОДНЯШНЯЯ СЦЕНА ПРОИСХОДИТ ПЕРЕД МОИМ ПАДЕНИЕМ НА УРИЮ ИЛИ СРАЗУ ПОСЛЕ НЕГО, КОГДА БЕСТИЯ, СКРЫВШИСЬ ПОД ЗЕМЛЮ, ГОТОВИТ СВОЕ ВОСЕМНАДЦАТИТЫСЯЧНОЕ ПОТОМСТВО, ВО ВТОРОМ СЛУЧАЕ ПЕРИОД ВЕГЕТАЦИИ ЗАЙМЕТ ОКОЛО ШЕСТИ МЕСЯЦЕВ».

— О'кей,— сказал Корсон, пользуясь древней формулой,— ты меня убедил. Я — с вами. У вас есть армия?

— Армия — слишком грубый способ ведения войны.

— А какие способы есть еще?

— Шантаж, убийства, пропаганда.

— Действительно, вы — сама утонченность,— заметил Корсон.— Но вам нужна армия.

— Наше оружие,— сказал урианин,— не требует обслуживания. Отсюда я могу стереть с поверхности планеты любой город, любой объект. Тебя, разумеется, тоже.

— В таком случае, зачем я вам нужен?

— Ты скажешь нам, в какие цели нужно стрелять, на какие точки нажимать. Все твои предложения, перед тем как пойти в дело, будут тщательно проанализированы. Твоей обязанностью будет вести переговоры с людьми. Когда до этого дойдет, они слишком сильно возненавидят тебя, чтобы ты решился предать.

— Каковы условия сдачи?

— Для начала должны быть умерщвлены девять из каждой десяти женщин. Плодовитость людей должна оставаться в допустимых пределах. Убийство мужчин ничего бы не дало, ведь один мужчина может оплодотворить многих самок. Но самки — слабое место вашего вида.

— Они не сдадутся так просто,— сказал Корсон,— и будут защищаться, как дьяволы. Если людей прижать слишком сильно, они становятся еще яростнее.

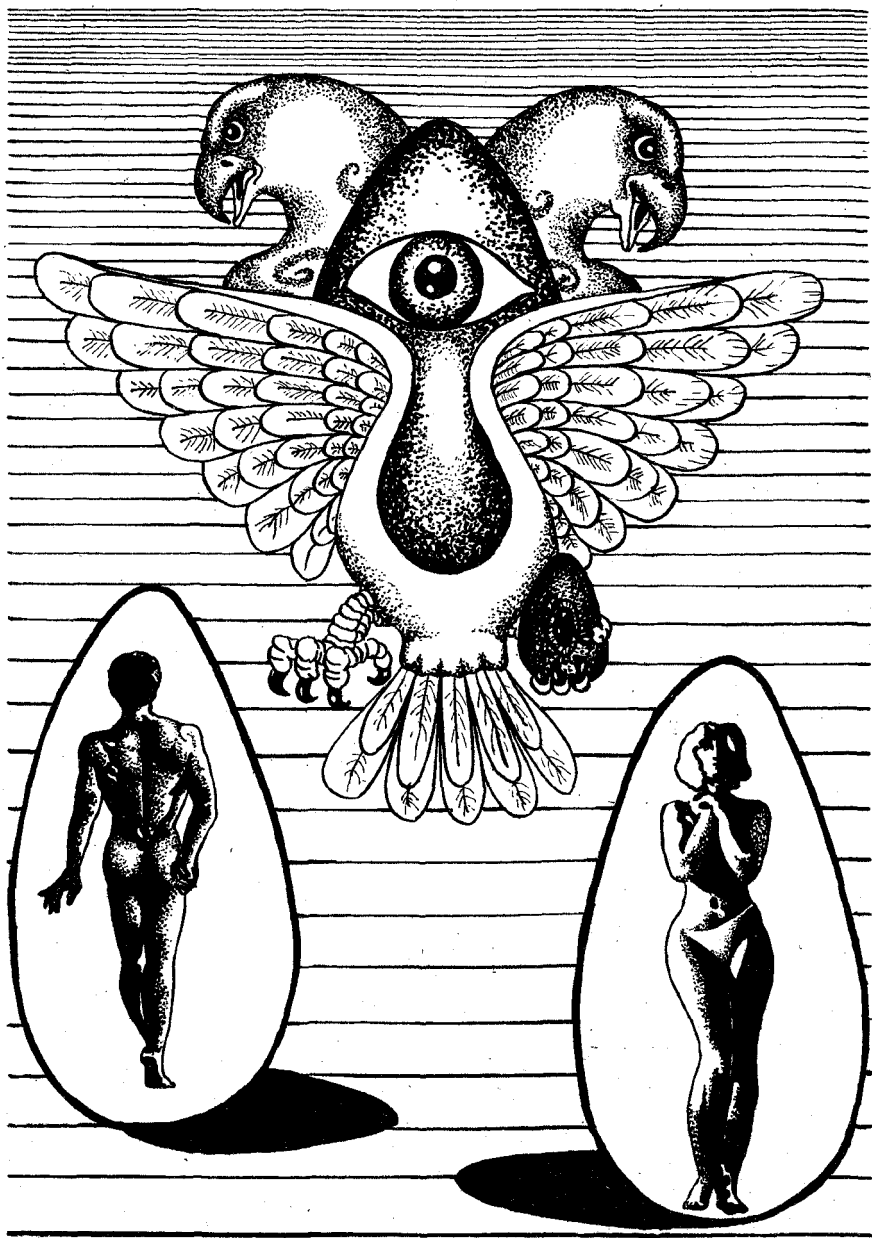
— У них не будет выбора,— сказал урианин.

Корсон скривился.

— Я устал и голоден,— сказал он.— Вы собираетесь начать войну немедленно или есть еще время отдохнуть и подкрепиться?.. Да и подумать тоже не мешает.

— У нас есть время,— ответил урианин.

По его знаку стражи опустили оружие и подошли к Корсону.

— Заберите нашего союзника, — сказал старый урианин, — и относитесь к нему как следует. Он стоит больше, чем элемент 164 того же веса.

— 24 —

Урианин из низшей касты осторожно разбудил Корсона.

— Ты должен подготовиться к церемонии, человек Корсон, — сказал он и проводил его в умывальню, оборудование которой не было приспособлено к нуждам людей. Вода сильно пахла хлором, и Корсон пользовался ею очень мало, однако сумел умыться и побриться. Затем урианин одел его в желтую тунику, похожую на ту, которую носил сам. Хотя ее явно готовили для Корсона, рукава были слишком короткими, а шлейф — слишком длинным. Вероятно, портной плохо знал человеческую анатомию.

Урианин проводил Корсона в столовую, и он поел. Метаболизм людей и уриан различался настолько, что пища одних была ядом для других, и Корсон с недоверием отнесся к тому, что ему подали. Но большая птица успокоила его.

— Будет, представление Яйца, человек Корсон, — торжественно ответил урианин, когда Корсон спросил его о церемонии.

— Какого яйца? — спросил Корсон с набитым ртом.

В первый момент ему показалось, что урианину стало плохо. Из его клюва понеслось квохтанье, которое могло быть и проклятиями, и ритуальными формулами.

— Благородное Голубое Яйцо Князя, — сказал наконец урианин, как будто горло его было полно заглавных букв.

— Понимаю, — сказал Корсон.

— До сих пор ни один человек не участвовал в представлении Яйца. Это великое счастье для тебя и большая честь, которую оказывает тебе Князь Р'нда.

Корсон кивнул головой.

— Я понимаю это.

— А теперь нам пора идти, — сказал урианин.

Они оказались в большом эллиптическом зале без окон. С тех пор, как он попал в руки уриан, Корсон не видел ни одного окна, ни одного отверстия, ведущего наружу. Вероятно, тайная база находилась глубоко под землей.

Около сотни уриан, собравшихся в зале, вели себя очень тихо. Толпа расступилась перед Корсоном и его проводником, и они оказались в первом ряду. Участники церемонии носили туники разных цветов и согласно им образовывали группы. Корсон и урианин из низшей касты были единственными особами в желтых туниках в первых рядах, заполненных урианами, одетыми в фиолетовые одежды. Корсон услышал вокруг себя кудахтанье и без труда

сообразил, что высокорожденные соседи возмущены его присутствием. Он повернул голову и посмотрел в глубь зала. За фиолетовыми стояли красные, за ними оранжевые. В самом конце опускали головы уриане, одетые в желтые туники.

Перед ним, почти у вершины эллипса, замкнутого стенами зала, стоял металлический блок. Стол, или ящик, или же алтарь. Корсон содрогнулся.

«Надеюсь, я не буду принесен в жертву, — подумал он. — Ни к чему играть роль молоденькой девушки из исторических повестей». Судя по тому, что он знал, ничего подобного не должно было случиться. Уриане не знали концепции обожествления и чтили умерших только символически. Их метафизика — если можно употребить здесь это слово — была направлена исключительно на понятие семьи. Семья считалась бессмертной, а отдельные особи были только ее временными придатками.

Потемнело. В стене за металлическим блоком появилось отверстие, которое постепенно увеличилось. В зале стало тихо, и вошел Р'нда. Он был в роскошной ярко-голубой металлизированной тоге, край которой тащился по земле. Заняв место позади металлического блока, он повернулся лицом к собравшимся, поднял руки над головой и произнес несколько слов на староурианском языке.

Толпа ответила ему глухим гудением.

«И все же они похожи на нас, — подумал Корсон, — несмотря на разное происхождение. Случайно ли это? А может, разум везде идет одними дорогами?»

Нгал Р'нда вперил свои желтые глаза в Корсона.

— Смотри, человек Земли, смотри на то, чего не видел ни один человек до тебя, — сказал он свистящим голосом.

Металлический ящик открылся, и медленно появилась резная колонна, на которой, удерживаемое тремя золотыми шипами, покоилось огромное голубое яйцо.

Корсон с трудом сдержал смех.

Это было голубое яйцо, из которого вылупился Нгал Р'нда. Вскоре после его вылупления осколки старательно собрали и сложили. С места, где он находился, Корсон видел швы, делавшие яйцо похожим на полированный череп. Нгал Р'нда собирался напомнить верным о своем происхождении. Показывая им Голубое Яйцо, он вспоминал славную историю уриан, старые годы воинственных Князей Урии. Без Яйца, несмотря на все свои таланты, Нгал Р'нда был бы никем. Яйцо было неопровержимым символом, доказательством его принадлежности к легендарной семье.

Помимо своей воли Корсон был зачарован яйцом. Анализирующая часть его мозга собирала частицы исторических воспоминаний. Перед Первой Объединенной Цивилизацией на Старой Земле

семьи играли роль, подобную той, которую исполняли сейчас в общественной жизни уриан. Тогда было лучше родиться в могучей семье. Внезапное уничтожение Первой Объединенной Цивилизации, вызванное войной и углубленное затем рассеянием беглецов среди звезд, не вернуло семьям их значения. Социологи во времена первой жизни Корсона считали, что человечество миновало некий исторический этап. Но почему уриане, достигшие такого же уровня, не вышли за пределы стадии общества, основанного на прямом наследовании? С исторической точки зрения это было парадоксом.

«Решение,— подумал Корсон, находится передо мной.— Уриане — по крайней мере высшие касты — почти с самого начала своей истории практиковали политику безжалостной генетической селекции. Они обнаружили, может, даже эмпирически, что окраска яиц имеет какую-то связь с личными особенностями будущего урианина. И, несомненно, было гораздо легче с точки зрения чувств не высиживать или даже просто уничтожить неподвижное яйцо, чем потом покинуть или убить хрупкое живое существо. Однако, люди и уриане сильно отличаются друг от друга».

— Смотри, человек Земли,— повторил урианин.— Когда я умру, Яйцо будет стерто в порошок, как растирались Яйца моих предков, а порошок будет смешан с моим пеплом. Вот Яйцо, из которого я вышел и которое разбил своим клювом. Вот Яйцо, которое хранило последнего Князя Урии.

В глубине зала возникло движение. Нгал Р'нда сделал знак, и яйцо исчезло в ящике. Какой-то урианин в желтой тунике с трудом проложил себе дорогу через толпу, толкнул Корсона и склонился перед Нгал Р'нда, пискливо кудахтая.

Нгал Р'нда выслушал его, повернулся к Корсону и сказал на пангале:

— Несколько минут назад отряд вооруженных людей занял позиции в пятидесяти километрах отсюда. Их сопровождают Бес-тии, гипроны. Они начали возведение укрепленного лагеря. Что это, измена?

«Веран»,— подумал Корсон.

— Вам нужна была армия, Князь Урии,— сказал он.— Она только что прибыла.

— 25 —

Они шли сквозь лес.

Корсон почувствовал себя странно, поняв, что через несколько минут вместе с Антонеллой попадет в руки Верана.

Круг замыкался. Там, внизу, он жил в первый раз, еще ничего не зная, а здесь он уже знал продолжение. Тревога, лагерь, бегство под руководством замаскированного незнакомца, путешествие

сквозь время и пространство, ненужное приземление на планетамавзолее, галопирование по закоулкам Вселенной. Эргистал, сражения, катастрофа, другая сторона неба, слова бога и снова Урия. Здесь и сейчас.

Там он вошел и там сейчас входит в лабиринт, тянувшийся через всю Вселенную и накладывающийся сам на себя так точно, что он, Корсон, был отделен от своего прошлого лишь толщиной стены.

Лабиринт расстился перед ним, такой же непонятный, как и раньше. Но поскольку он знал, что случится с другим Корсоном, Корсоном из прошлого, та часть лабиринта, которую он преодолел, обрела смысл. Во время существования первого Корсона он не знал третьей опасности, грозящей Урии, не знал и того, как избежать двух других. Теперь ему кое-что пришло в голову. Будущее откроет перед ним остальное, в этом он не сомневался.

У него было предчувствие, что тот человек из тумана, тот рыцарь в маске ночи, будет он сам. Значит, у него есть будущее. Еще раз или даже бесконечное число раз лабиринт наложится сам на себя. А он в серии возвращений будет преследовать самого себя, пока не настигнет. И этот Корсон из будущего будет знать новый отрезок лабиринта, поймет, наконец, его форму и цель и тогда внесет в свою жизнь необходимые поправки.

Он вспомнил слова бога. В далеком будущем они контролировали свое существование, а их предназначение было не обычной нитью, протянутой между рождением и смертью, а тканью, и даже более того, многомерной массой, растягивающей пространство. «Боги,— подумал он,— создают Вселенную, создавая самих себя».

Он знал также, что в своем будущем найдет Антонеллу, ибо она помнила, что они уже встречались. И потеряет ее вновь, поскольку она любила его и жалела тогда, на улицах Диото, откуда потом забрала. Корсон подумал, что и он тоже любил и жалел ее, и надеялся, что линии их жизней в конце концов пересекутся. Возможность эта была еще скрыта в складках времени, и он еще должен был создать это будущее. Все сейчас зависело от его поведения. Он должен хорошо выполнить свое задание. Но кем же оно дано? Может, другим Корсоном, еще более удаленным от современности, который решил разогнать собравшиеся над Урией тучи. Мог ли он выбрать лучшего союзника, чем самого себя? Чтобы человек жил завтра, вчерашние загадки должен решить человек прошлого, ничего не знающий о том, из будущего.

Он вспомнил сомнения Нгал Р'нда, как будто мучившие его уже давно, а на самом деле существующие всего несколько часов. Князь Урии утверждал, что вообще не нуждается в Веране. Он не верил людям и презирал их достаточно сильно, чтобы слушать, только купив их. По его мнению, вполне хватало оружия, которое

он показал: шаров из серого металла, которые могли вызывать молнии на другом полушарии, и стеклянных орудий, тонких, как иглы, но могущих пробивать горы, и картин, которые, спроецированные на небо, могли лишить памяти целые армии. Свистящим голосом он утверждал, что в войне шесть тысяч лет назад Князья Урии проиграли из-за измены, пробравшейся в их ряды, а не из-за слабости. Корсон почти поверил ему. Вероятно, у Земли тоже хватало щитов и копий. Может, схватка велась на равных. Но благодаря этому результат современности был еще более надежен. Люди с Урии и те большие птицы, которые выступают за мир, не выдержат даже одного дня.

Корсон сказал:

— Вам нужна армия.

Его преследовало зрелище миллионов убитых женщин, миллионов мужчин в неволе, он учитывал необходимость оккупации и с нажимом повторил:

— Вам нужна армия.

Потом добавил:

— Завтра космос будет ваш. Нужен будет флот, специалисты. Сколько вы можете мобилизовать?

Урианин напряженно думал, и Корсон перехватил инициативу:

— Сколько у вас сторонников?

Урианин ответил с удивительной откровенностью, глядя на него плоскими желтыми глазами, усеянными голубыми звездочками:

— Пятьсот, может, тысяча. Но уриане, опозоренные жизнью с людьми в Диото, Сифаре, Нумере и Ридене, пойдут за мной под знаменем Голубого Яйца.

— Вероятно. Сколько их?

— Около тридцати миллионов.

— Так мало?!

Во время давней войны миллиарды уриан угрожали Солнечной Державе. Несомненно, многие из них эмигрировали на другие планеты в период галактического мира. Но Корсон догадывался еще кое о чем. Это была история расы, обреченной на мир, поскольку ужасы войны и поражения слишком глубоко въелись в их гены. Перед ним были ярость и жестокость, профильтрованные долгим упадком.

Существовали люди, обязанные своей неутолимой агрессивностью дурной наследственностью. Они имели на один ген больше и в некотором смысле были монстрами. Общество, по крайней мере когда-то, изолировало их, давая им шанс избежать гибели. Возможно ли, чтобы монстрами в этом смысле были целые виды, обреченные на войну или вымирание? Предназначение людей не было настолько противоречивым, зато у них был шанс, что их психофизическая конституция позволит им жить в мире.

Корсона вдруг поразила мысль: у уриан нет будущего. Потом появилась другая мысль: у войны нет будущего. А он все же должен ее вести.

— Вам нужна армия, — произнес он. — Для оккупации, а потом для завоевания космоса. Веран — наемник, и ему можно пообещать битвы и власть в империи. И еще одно. Я говорил о диком гипроне. Скоро на этой планете тысячи Бестий будут сеять вокруг себя смерть и опустошение. Как вы с ними справитесь? Как избежите этой опасности на планете, которая вскоре станет вашей? Загляните в архивы, расспросите экспертов. Гипроны могут поспорить с вашим оружием: им достаточно начать прыгать во времени. Только Веран может их выследить и ликвидировать: у него есть прирученные гипроны. Заключите с ним соглашение, а уничтожить его вы всегда успеете. А может, вы боитесь этого старого волка и нескольких сотен солдат?

Урианин прикрыл свои двойные веки:

— Ты пойдешь и поговоришь с ним, Корсон. Тебя будут сопровождать два урианина. Если ты попробуешь обмануть меня — умрешь.

Корсон понял, что выиграл.

— 26 —

Они шли сквозь лес, и мертвые ветви деревьев, не похожих на земные, хрустели под ногами Корсона. Уриане двигались бесшумно. От своих крылатых предков они унаследовали полые кости. Он мог бы разделаться с ними двумя ударами, но они держали в когтях нацеленное на него оружие, и, кроме того, они были ему нужны.

В его первую ночь на этой планете темнота была такой же непроницаемой, и он так же прислушивался к шорохам леса, пытаясь определить, где затаилась Бестия. Сейчас он имел дело с иной Бестией. Человеком. Вераном.

Они оставили машину подальше от лагеря, надеясь, что в суматохе, вызванной атакой или, точнее, его с Антонеллой бегством, их приближение останется незамеченным. Корсон посмотрел на часы. В этот момент они проходили через лагерь в обществе незнакомца, которым был он сам, и приближались к гипронам. Незнакомец с лицом из мрака седлал одно из животных и помогал Корсону и Антонелле затягивать ремни. Все трое и гипроны исчезнут на небе и во времени.

Через минуту...

Его первая ночь на планете. На этот раз он тоже не осмелился зажечь свет, но сейчас у него были контактные линзы, позволяющие видеть в инфракрасном свете. Почва казалась черной; такой же, как небо, лишенное звезд. Стволы деревьев были розовыми, кам-

ни — оранжевыми: они отдавали тепло, накопленное за день, и слабо светились. Потом он заметил небольшое светящееся пятно, тихо движущееся в зарослях. Испуганный зверь.

Наконец Корсон почувствовал запах паленой смолы и расплавленного песка. Лагерь был рядом.

«Неужели приближается исторический момент?» — подумал он. На планете многое зависело от исхода этого часа. Согласится ли Веран? Что случится, если люди Верана начнут стрелять, если он сам будет убит? Союз не будет заключен, и Бестии останутся на свободе. Бестии-люди и нелюди.

Будет война. А может, даже две. Между жителями Урии и людьми. Между Урией и Галактическим Советом или Органами Безопасности, неважно, как это называется, что-нибудь наверняка есть. Что-нибудь нарушится, царапина пересечет века и потрясет будущее. В этом он был уверен. Не было других причин возвращать его на Урию. Его выслали, чтобы заделать трещину, не сказав ни как это сделать, ни зачем это нужно.

Исторический момент! Место и час, где перекрещивается много линий времени, где он встретил самого себя, не зная об этом, и где сейчас по собственной воле разминулся с собой. Исторический момент! Как будто кто-то будет об этом помнить. Как будто история соткана из битв, из заключаемых и нарушаемых союзов и договоров. В призрачном спокойствии леса он понял: все, что заслуживало остаться в истории, было антиподом войны. История была тканью, война — ее разрывом, а битвы — яростными шипами, рвущими сукно истории, которое всегда или, по крайней мере, до этого времени восстанавливалось с биологическим упорством. Корсон почувствовал себя наследником вечности, почувствовал свое единство с миллиардами людей, рожденных и умерших в прошлом, которые из собственных тел соткали огромное полотно истории. Он чувствовал себя ответственным и солидарным с миллиардами людей, которые могли родиться в будущем.

Этот локальный конфликт не был бы даже большой войной. Однако, из всех войн не было более важной. Битва, которая бросает миллионы звездолетов друг на друга, имеет значение не большее, чем первая схватка между питекантропами, вооруженными камнями. Это зависит от точки зрения.

Деревья стали реже, впереди замелькали огоньки. Тонкая пурпурная линия, о которой Корсон знал, что она смертельно опасна, делила ночь огненной полосой. Корсон сделал знак, и уриа не молча остановились. Он едва слышал их короткое и легкое дыхание. Они договорились, что дальше он пойдет один, и один будет говорить с Вераном до заключения первого договора. Но на шее у него висел передатчик, и Корсон не сомневался, что Нгал Р'нда внимательно слушает.

Прерывистая линия исчезла. Корсон заколебался.

Из лагеря донесся спокойный голос:

— Корсон, я знаю, что ты здесь.

Голос Верана. Он двинулся к толстому диску какого-то прожектора. Несмотря на то, что и сзади на него было направлено оружие, Корсон изображал равнодушие.

— Итак, ты вернулся. И у тебя было время переодеться.

Голос звучал скорее с иронией, чем со злостью. Веран умел владеть собой.

— А женщину ты поместил в безопасное место?

— Я здесь,— спокойно сказал Корсон.

— Я хорошо знал, что ты вернешься. Достаточно было патруля, отправленного в будущее. Так же точно я знал, где тебя искать в первый раз. Ведь это ты указал мне это место. Полагаю, у тебя есть веские причины предлагать мне эту базу после поражения на Эргистале, и есть, что сказать мне. Подойди ближе, я не могу долго держать выключенной свою линию обороны.

Корсон прошел вперед. Позади снова вспыхнула пурпурная линия, и он почувствовал в костях характерную вибрацию.

— Итак, Корсон, что ты можешь мне предложить?

— Союз,— сказал Корсон,— который вам чертовски нужен.

Веран и бровью не повел. Его серые глаза блестели в свете прожекторов. Он выглядел грубо вырубленной статуей, и его люди были ему под стать. Двое из них находились позади Верана, неподвижные, сосредоточенные, несомненно, с пальцами на спусковых крючках небольших пистолетов с заостренными стволами и без видимых отверстий в дуле. Их можно было принять за игрушки. Шестеро других встали полукругом, в центре которого оказался Корсон. Они были слишком далеко, чтобы он мог достать кого-нибудь из них отчаянным прыжком, прежде чем они успеют выстрелить. Они были профессионалами, и это до некоторой степени успокаивало Корсона. Можно было не опасаться, что они выстрелят ни с того ни с сего до того, как прозвучит приказ или возникнет действительная угроза.

Только Веран не носил оружия. Его руки были невидимы за спиной, пальцы правой руки, наверняка, сжимали запястье левой.

Верана будет тяжело победить.

— Я могу тебя убить,— сказал Веран.— И пока не сделал этого только потому, что ты послал то сообщение и вытащил мне проклятый шип из ноги. Я жду объяснений, Корсон.

— Конечно,— сказал Корсон.

— Это было сообщение от тебя или от кого-то другого?

— А от кого еще оно могло бы быть?— спокойно произнес Корсон.

Сообщение было подписано им, но он не помнил, что отправ-

лял его. Он даже не смог бы адресовать его Верану. Но оно, несомненно, назначало встречу, место, и точное время, и способ покинуть Эргистал в момент, когда ситуация стала для Верана безнадежной. Сообщение, которое он пошлет позднее. Сообщение это может быть частью плана, который он уже начал готовить. Это означало, что в будущем его версия будет более полной и солидной. Версия, которую он, может быть, разовьет сам, когда будет знать — и уметь — много вещей, чьи детали еще предстоит открыть. Но если что-нибудь пойдет не так, если Веран не согласится на союз, сможет ли он выслать сообщение? Поскольку он знал, что сообщение будет, что без него Веран не сможет прибыть на Урию, он должен будет его послать. Но когда это пришло, когда это придет ему в голову? Сейчас или позднее? Послал бы он его, не зная точно, что Веран его получит? Трудно было разрабатывать стратегию или хотя бы теорию войны во времени. Для начала нужен был практический опыт.

— Ты слишком долго думаешь над ответом, — сказал Веран.

— Мне нужно многое сказать, а это место не из лучших.

Веран сделал знак.

— У него нет с собой ни оружия, ни бомбы, — сказал один из солдат. — Только передатчик на шее. Один звук, без изображения.

— Хорошо, — сказал Веран. — Идем.

— 27 —

— У каждого человека есть какая-то цель, — сказал Веран, — даже если сам он об этом не знает. Чего я не понимаю, Корсон, так это твоих побудительных причин. Некоторыми движет тщеславие, как в моем случае, другие действуют из страха, третьих подстегивает погоня за деньгами. Но всегда, хорошо идут дела или плохо, их поступки, как стрелы, направлены в эту цель. Однако твоей цели, Корсон, я не вижу. А я этого не люблю. Я не люблю работать с теми, чьих целей не понимаю.

— Допустим, мною движет тщеславие, а еще — страх. При помощи уриан я хочу стать важной персоной и в то же время боюсь. Я человек преследуемый, военный преступник. Так же, как и вы, Веран.

— Полковник Веран.

— Как и вы, полковник! Меня не интересует возвращение на Эргистал, не интересуют его бесконечные и нелепые войны. Разве это не логично?

— Ты знаешь, — медленно сказал Веран, старательно произнося слова, — что на Эргистале войны не имеют смысла? Что там ничего нельзя завоевать?

— Такое у меня предчувствие.

— Твоя позиция слишком логична. Когда враг хочет, чтобы ты поверил, будто он делает некий маневр, он старается привести солидные причины, чтобы обосновать его. Обеспечивает себе отступление и делает еще кое-что. И тогда-то попадает в засаду.

— Вы хотите, чтобы я расплакался? Ведь я затерян во времени и пространстве, я — неудачник, выдернутый с Эргистала торговцем невольниками и проданный банде уриан.

— Говори о сообщении! — отрезал Веран.

Корсон уперся руками в стол и попробовал расслабиться.

— Ты утверждаешь, что выслал его с помощью уриан, но я его потерял. Ты можешь вспомнить его содержание?

— Я назначил вам встречу здесь, полковник. Объяснил, как покинуть Эргистал. Потом...

— Точное содержание, Корсон!

Корсон посмотрел на свои руки. Ему показалось, что кровь отливает от ногтей, что пальцы становятся белыми, как мел.

— Я забыл, полковник.

— Полагаю, Корсон, ты его просто не знаешь, — медленно сказал Веран. — Мне кажется, ты еще не отправил этого сообщения. Если бы ты работал на кого-то, кто выслал его от твоего имени, ты знал бы содержание. Сообщение это принадлежит твоему будущему, а я не знаю, можно ли верить этому будущему.

— Примем вашу гипотезу. Значит, я весьма пригожусь вам в будущем.

— Ты знаешь, что это значит.

Воцарилась тишина. Потом Веран, глядя на Корсона, нервно сказал:

— Я не могу тебя убить. По крайней мере, пока ты не отправишь это сообщение. Впрочем, это меня не беспокоит: я не убиваю для удовольствия. Жалко, что я не могу нагнать на тебя страха. Этого я не люблю. Я не люблю пользоваться услугами тех, кого не понимаю и кого не могу испугать.

— Пат, — сказал Корсон.

— Пат?

— Это слово связано с игрой в шахматы и означает партию, зашедшую в тупик.

— Я не игрок. Я слишком люблю выигрывать.

— Это не вероятностная игра, скорее, стратегическая тренировка.

— Вроде Kriegspiel? С неизвестным фактором времени?

— Нет, — ответил Корсон. — Без фактора времени.

Веран коротко рассмеялся.

— Слишком легко. Это не для меня.

«Время, — подумал Корсон, — и хорошо организованная ме-

ханика. Меня защищает сообщение, которое я, вероятно, отправлю, содержания которого сам еще точно не знаю и о котором еще час назад вообще ничего не слышал. Я иду по своим собственным следам, не зная, как избежать ловушки».

— А что произойдет, если я буду убит и не отправлю этого сообщения?

— Тебя беспокоит философский аспект проблемы? Понятия не имею. Может, его пошлет кто-нибудь другой. Или же я никогда ничего не получу, останусь там и дам изрубить себя на куски.

Он широко улыбнулся, и Корсон заметил, что у него нет зубов, а только заостренная пластина белого металла.

— Может, уже сейчас я пленен или еще хуже.

— На Эргистале недолго остаются мертвыми.

— И это ты тоже знаешь.

— Я же сказал, что был там.

— Оказаться убитым еще не самое худшее, — сказал Веран, — гораздо хуже проиграть битву.

— Но вы же здесь.

— А мне нужно остаться там. Когда жонглируют возможностями, самым главным становится современность. Это открывается каждому раньше или позже. Сейчас у меня появился новый шанс, и я хочу его использовать.

— Значит, вы не можете меня убить, — сказал Корсон.

— И очень жалею об этом, — ответил Веран. — Из принципа.

— Вы даже не можете меня задержать. В избранный мною момент я должен буду уйти, чтобы иметь шанс отправить то сообщение.

— Я буду тебя сопровождать, — сказал Веран.

Корсон почувствовал, что его уверенность слабеет.

— Тогда я не пошлю сообщения.

— Я тебя заставлю.

Корсону пришла в голову новая идея.

— А почему бы вам не послать его самому?

Веран покачал головой.

— Не шути со мной, Корсон. Эргистал находится на другом конце Вселенной, и я даже не знал бы, в каком направлении нужно лететь. Без координат, переданных тобою, я никогда не нашел бы эту планету, ищи я хоть миллиард лет. А еще есть теория информации...

— Какая теория?

— Передатчик не может быть собственным приемником, — терпеливо объяснил Веран. — Я не могу дать знак самому себе. Это вызвало бы серию колебаний во времени, и все бы кончилось их подавлением и исключением помехи. Исчезло бы расстояние между начальной и конечной точками, а вместе с ним — все, что на-

ходится в этом интервале. Поэтому-то я и не показал тебе текст этого сообщения. Я не потерял его, оно у меня под рукой, но я не хочу уменьшать твоих шансов отправить его.

— Вселенная не терпит противоречий,— сказал Корсон.

— Это антропоморфизм. Вселенная стерпит все. Даже математика доказывает, что можно сконструировать противоречивые, взаимоисключающие системы.

— А я считал математику единой,— тихо сказал Корсон.— С точки зрения логики. Гипотеза непрерывности...

— Ты меня удивляешь, Корсон, и своим невежеством, и своими знаниями. Гипотеза непрерывности была опровергнута три тысячи лет назад. Впрочем, она не имеет с этим вопросом ничего общего. Истинно только то, что теория, основанная на бесконечном числе аксиом, всегда содержит в себе противоречие. Тогда она уничтожается, исчезает, возвращается в небытие. Однако это не мешает ей существовать. На бумаге.

«Вот почему,— подумал Корсон,— я двигаюсь по дорогам времени наугад. Мой двойник из будущего не может сказать мне, что я должен делать. И все-таки бывают утечки, до меня доходят крохи информации, и они помогают мне ориентироваться. Должен существовать какой-то физический порог, ниже которого пертурбация не имеет значения. Если я попробую вырвать у него эту бумагу, заставить будущее...»

— На твоём месте я бы этого не делал,— сказал Веран, словно читая его мысли.— Я тоже не слишком верю в нерегрессивную теорию информации, но никогда не отваживался попробовать.

«Однако, в далеком будущем боги не колеблются,— подумал Корсон.— Они играют возможностями, подняв порог до уровня Вселенной. А в этом случае барьеры падают. Вселенная открывается, освобождается, приумножается. Человек перестает быть узником туннеля, соединяющего его рождение со смертью».

— Проснись, Корсон,— резко сказал Веран.— Ты сказал, что эти птицы обладают фантастическим оружием, которое отдадут мне. Еще ты сказал, что без помощи уриан я никогда не найду дикого гипрона. И что взамен им нужен я, опытный вояка, чтобы завоевать для них планету и обезвредить дикого гипрона, прежде чем он размножится и сделает вероятным вмешательство органов безопасности, которые заодно нейтрализуют их самих. Возможно, ты прав. Все так хорошо согласуется, правда?

Внезапно он вытянул руку. Корсон не успел ни удержать его, ни отпрянуть. Пальцы наемника коснулись его шеи. Однако, Веран не пытался его задушить. Он сорвал с шеи Корсона небольшой передатчик, висевший на цепочке, и быстро спрятал его в маленькой черной коробочке, которую уже давно держал в руке. Корсон схватил его за руку, но Веран освободился.

— Теперь можно поговорить откровенно. Они нас не услышат.

— Тишина их беспокоит, — со страхом и в то же время с облегчением сказал Корсон.

— Ты меня недооцениваешь, дружище, — холодно сказал Веран. — Они по-прежнему слышат наши голоса. Мы говорим о дождях и хорошей погоде, о способах ведения войны и выгодах возможного союза. Наши голоса, ритм нашего диалога, длина пауз, даже наше дыхание были проанализированы. Как ты думаешь, почему мы говорим так долго? В этот момент маленькая машинка развлекает их нашим разговором, может, несколько скучноватым, но ничего не подделаешь. А сейчас мне не остается ничего иного, как принять новые меры предосторожности. Я снабжу тебя новым украшением.

Он не сделал никакого знака, но солдаты крепко взяли Корсона за руки. Невидимые пальцы заставили его поднять голову. На мгновение ему показалось, что ему хотят перерезать горло. Но зачем им убивать его сейчас, к тому же таким кровавым способом? Может, Веран любит купаться в крови своих жертв?

«Но как же сообщение? — подумал Корсон, чувствуя холод металла на горле. — Он ведь сказал, что не может меня убить».

Щелкнул маленький замок, и Корсон поднес руки к шее. Обруч был большой, но легкий.

— Надеюсь, он тебе не мешает, — сказал Веран. — Впрочем, ничего, привыкнешь. Придется тебе поносить его некоторое время, может, даже всю жизнь. Внутри находятся два независимых взрывных устройства. Если ты попробуешь его снять, они взорвутся. И можешь мне поверить, взрыв будет достаточно силен, чтобы вместе с тобой отправить на Эргистал любого, кто окажется поблизости. Если же ты попробуешь использовать против меня или моей армии любое оружие от дубины до трансфиксера включительно, обруч впрыснет тебе сильный яд. То же самое произойдет, если ты отдашь кому-то приказ применить оружие против нас. И даже в том случае, если ты ограничишься разработкой плана борьбы со мной. Прелесть этой вещицы в том, что ты сам заставляешь ее сработать, независимо от времени и пространства. Она реагирует на сознательную агрессию. Ты можешь сколько угодно ненавидеть меня и уничтожать меня в своих снах сто раз за ночь — это тебе ничем не грозит. Ты можешь сражаться, как лев, но не против меня и моих людей. В крайнем случае ты можешь прибегнуть к саботажу, но это уже мое дело. Теперь ты видишь, Корсон, что можешь быть моим союзником или сохранять нейтралитет, но врагом моим стать не можешь. Если это унижает твое достоинство, утешайся тем, что моя личная охрана носит то же самое. — Он удовлетворенно посмотрел на Корсона. — Ты это имел в виду, говоря о пате?

— Примерно, — признал Корсон. — Но уриане будут удивлены.

— Они меня поймут. Их маленький передатчик тоже был не таким уж невинным. Получив особый сигнал, он испускает достаточно тепла, чтобы поджарить тебя. Будь они хитрее, воспользовались бы автономным устройством. Выпить хочешь?

— Охотно, — ответил Корсон.

Веран вытащил из ящика стола фляжку и две хрустальные стопки. Наполнил их до половины, подмигнул Корсону и выпил.

— Я бы не хотел, чтобы ты на меня обижался. Я люблю тебя, Корсон, кроме того, ты мне нужен. Но я не могу тебе верить. Все вокруг складывается слишком хорошо, но только потому, что ты здесь есть, был и будешь. А я даже не знаю, что тобой движет. То, что ты мне предлагаешь, Корсон, это измена человечеству. Это означает отдать себя в распоряжение этим фанатичным птицам, которые только и мечтают об уничтожении человека, в обмен на свою собственную безопасность и чрезвычайную власть. Допустим, я могу это принять. Но ты? Ты, Корсон, не похож на предателя человечества. Или, может, я ошибаюсь?

— У меня нет выбора, — ответил Корсон.

— Для человека, действующего под давлением, ты проявляешь исключительную предприимчивость. Тебе удастся убедить птиц заключить со мной союз, и ты сам приходишь договариваться об этом. Более того, для этой цели ты доставляешь меня сюда. Хорошо, допустим, тебе удастся загнать меня в ловушку. Я исчезаю, а ты остаешься вместе с птицами. Уже сейчас ты предаешь свой вид, выдавая меня существам, которые с твоей точки зрения стоят не больше, чем я, которые даже не гуманоиды. И ты знаешь, что придется сделать это еще раз. Это не похоже на тебя. Птицы не отдают себе в этом отчета, поскольку не знают людей, поскольку принимают тебя за зверя, за дикого зверя, который будет обкрадывать их гнезда и которого можно приручить или, точнее, укротить. Но я видел тысячи солдат вроде тебя, Корсон. И все они были неспособны предать свой вид, свою страну, своего вождя, причем вовсе не из какого-то благородства, хотя все в это верят, а просто из воинской дисциплины. Тогда что же? Остается другая возможность. Ты стараешься спасти человечество. Ты решил, что выгоднее всего завоевание Урии, а потом и всего этого звездного района человеком, а не этими оперенными фанатиками. Ты доставляешь меня сюда и предлагаешь мне союз с урианами, поскольку предполагаешь, что он будет непрочен, что раньше или позже я с ними поцапаюсь, и надеешься, что я уничтожу уриан. Может, тогда ты смог бы избавиться от меня? Можешь ничего не говорить. Просьба о моей помощи против уриан была бы ненужной, если есть риск, что я предам. Ты же знаешь, что коалиции часто распадаются.

— Есть еще дикий гипрон,— холодно сказал Корсон.

— Верно, он мне нужен. В то же время, захватив его, я освобожу Урию от второй опасности. Разве я не прав, Корсон?

— Вы принимаете мое предложение?

Веран криво усмехнулся:

— Не раньше, чем обеспечу себе безопасность.

————— 28 —————

На этот раз они двигались за кулисами времени. Корсон разглядывал время с помощью нервной системы гипрона. Отростки гривы животного охватывали его запястья и касались висков, отчего к горлу время от времени подкатывала тошнота. Веран, висевший по другую сторону гипрона, потребовал от Корсона, чтобы тот заглянул прямо во время. Он надеялся, что Корсон сможет быть проводником в лабиринте подземного города уриан.

Они ползали по складкам действительности во все еще живой современности. Существо с очень внимательным взглядом могло бы заметить движущиеся тени, а при везении — огромный и страшный призрак. Однако прежде, чем оно успело бы моргнуть, они исчезли бы, поглощенные воздушной бездной. А если бы свет был достаточно ярким, чтобы окружить ореолом какую-то деталь, оно увидело бы только плоскую прозрачную фигуру. С современностью гипрон синхронизировался лишь на долю секунды, чтобы Веран и Корсон могли осмотреться. Стены, колонны, мебель были для них, как туман, а живые существа или движущиеся предметы оставались невидимыми. Это была вторая сторона медали. Нельзя было подглядывать, не рискуя, что их заметят, или оставаться невидимым, не теряя зрения.

— Жаль, что ты не знаешь этой базы,— сказал Веран.

— Я же просил у вас неделю или две,— запротестовал Корсон. Веран пожал плечами.

— Есть риск, с которым я считаю, и риск, которого я избегаю. Я не буду ждать целую неделю, пока ты вместе с птицами расставишь на моем пути ловушки.

— А если нас заметят?

— Трудно сказать. Может, ничего не случится. Или произойдет пертурбация. Нгал Р'нда может понять, что происходит, и перестанет тебе верить. Или же рискнет ускорить течение событий и начнет атаку гораздо раньше. Мы не должны допустить, чтобы нас заметили. Нельзя вносить в течение истории изменения, которые могут обернуться против нас. Мы пойдем одни, без эскорта, без тяжелого оружия. Использование любого оружия в прошлом, от которого ты зависишь, равно самоубийству. Надеюсь, ты это понимаешь.

— Значит, невозможно приготовить ловушку в прошлом.

Веран широко улыбнулся, обнажив металлическую пластину, заменяющую ему зубы.

— Мне достаточно ввести небольшую подпороговую модификацию. Ее не заметят, но я смогу воспользоваться ею в нужный момент. Ты ценный человек, Корсон. Ты указал мне слабое место Нгала Р'нда.

— И я еще должен вас сопровождать?

— Неужели я похож на безумца, который способен оставить тебя за своей спиной? Впрочем, ты знаешь эти закоулки.

— Уриане заметят мое отсутствие. Они же нас не слышат.

— Мы могли бы рискнуть и оставить передатчик, но, думаю, в этом случае он послал бы какой-нибудь сигнал. Нет, лучше мы будем действовать в тишине. Кроме того, в той современности мы будем отсутствовать всего несколько секунд. Как по-твоему, сколько лет этой птице?

— Понятия не имею, — колебавшись, ответил Корсон. — Для своего вида он уже стар. А в мое время уриане жили дольше, чем люди. Думаю, ему сейчас по крайней мере двести земных лет, может, двести пятьдесят, если их гериатрия шагнула вперед.

— Мы нырнем аварийно, — сказал довольный Веран. — Благодаря этому, они не получают сигналов твоей игрушки.

Сейчас они двигались по аллеям времени. Они проскользнули в подземный город и преодолевали километровую толщу скал. Она была для них не плотнее тумана.

Веран прошептал на ухо Корсону:

— Как его узнать?

— По голубой тунике, — сказал Корсон. — Однако, мне кажется, здесь он проводит только часть времени.

— Это неважно. Когда гипрон на него наткнется, он пойдет за ним до момента рождения. А может, нужно говорить о вылупливании?

На мгновение мелькнула голубая тень, и они больше ее не тереяли, но это длилось так недолго, что Корсон с трудом верил, что это были месяцы и годы, в течение которых Нгал Р'нда играл на планете роль уважаемого и миролюбивого урианина. Они плыли против течения жизни этого существа, как лосось плывет против течения реки. Тень изменила окраску. Нгал Р'нда был молод, и туника Князей Урии еще не покрывала его плеч. Может, он еще не обдумывал планов завоеваний? Корсон сильно сомневался в этом.

Другие голубые тени выныривали из глубин времени — другие князья, вылупившиеся из голубых яиц, давно мечтавшие о мести. Нгал Р'нда говорил правду — он был последним. К действию его побуждал близкий конец. Предыдущим князьям хватало мечты.

Нгал Р'нда надолго исчез.

— Он точно родился здесь? — обеспокоенно спросил Веран.

— Понятия не имею, — ответил Корсон, раздраженный тоном наемника. — Но думаю, что да. Он слишком важен, чтобы родиться вдали от святилища своей расы.

И в эту секунду тень, которой был Нгал Р'нда, появилась вновь. Корсон не мог его опознать, но понял это по реакции гипрона.

— Что это за ловушка? — спросил Корсон.

— Увидишь. — Об остальном Веран говорить отказался.

Они направлялись к моменту рождения последнего Князя Урии.

«Может, он хочет сразу после рождения впрыснуть ему бинарный генетический стабилизатор, — подумал Корсон, — который начнет действовать только через годы, в присутствии своего дополнителя? А может, хочет вживить ему датчик размером не больше клетки, в таком месте, где на него не наткнется хирургический нож, и который позволит следить за ним всю жизнь? Нет, это слишком тонкие методы для наемника».

Гипрон затормозил и остановился. Корсону показалось, что все частицы его тела разбегаются друг от друга в разные стороны. Он сглотнул набежавшую слюну, и тошнота постепенно прошла.

— Он еще не родился, — сказал Веран.

Глазами гипрона Корсон увидел большой эллиптический зал, странно измененный и похожий на зал представительства. Из стены торчали несколько отростков гривы Бестии, а оба наездника затаились в толще камня, скрытые от чужих взглядов.

В полированной стене виднелись ниши, и в каждой из них лежало яйцо. В конце зала в самой просторной нише лежало красное яйцо. Корсон мысленно сделал поправку: яйцо казалось красным гипрону, а для человека и урианина было голубым.

Яйцо, из которого вылупился Нгал Р'нда. Ниши были инкубаторами, и никто не входил в зал до конца периода развития.

— Нужно немного подождать, — сказал Веран, — мы заехали слишком далеко.

Гипрон скользнул к голубому яйцу. Корсон почти адаптировался к его восприятию. Сейчас он почти овладел панорамным зрением Бестии. Он мог наблюдать за действиями Верана и видел, что наемник направил на голубое яйцо какой-то, похожий на оружие, инструмент.

— Не уничтожайте его! — невольно крикнул Корсон.

— Идиот, — сухо сказал Веран. — Я его измеряю.

Оскорбление выдавало его напряжение. В этот ключевой момент жизни Нгала Р'нда малейшая пертурбация могла ввести в историю серьезные изменения. На лбу Корсона выступили капли пота, сбежали вниз по крыльям носа. Веран играл с огнем. Что

будет, если он ошибется? Исчезнут ли они оба? А может, появятся, но в другом отрезке времени?

Голубое яйцо задрожало и раскрылось. Показалась макушка молодого урианина. Он был огромен и казался таким же большим, как яйцо. Потом скорлупа рассыпалась на кусочки, и цыпленок открыл клюв. Сейчас он издаст свой первый писк, которого с нетерпением ждет мать.

К удивлению Корсона, голова урианина была не больше, чем кулак мужчины такого же роста. Однако он знал, что развитие нервной системы Нгала Р'нда далеко от завершения. Еще чаще, чем человеческие дети, уриане рождались преждевременно, неспособные к самостоятельной жизни.

Гипрон вышел из стены и синхронизировался с современностью. Веран выскочил из своей упряжки с пластиковым мешком в руках, собрал в него осколки голубого яйца и вернулся к гипрону. Не теряя времени, он направил своего скакуна под защиту стены и дал сигнал к десинхронизации.

— Конец первой фазы, — пробормотал он сквозь зубы.

В эллиптическом зале раздались первые пискливые крики. Открылась дверь.

— Они заметят исчезновение скорлупы, — сказал Корсон.

— Ты ничего не понял, — пробормотал Веран. — Я доставлю им другую. Если твои слова верны, они хранят только голубые скорлупы, прочие их не интересуют.

Они направились к поверхности. В укромном скалистом ущелье Веран синхронизировал гипрона. Корсон спустился на землю, и его снова охватила тошнота.

— Смотри себе под ноги, — сказал Веран. — Мы в нашем объективном прошлом. Неизвестно, какие изменения вызовет сложенная травинка.

Он открыл мешок и внимательно осмотрел куски скорлупы.

— Это не обычное яйцо, — пробормотал он. — Скорее, составленные друг с другом плитки, как кости черепа у человека. Взгляни, четко выделяются линии стыковки.

Он отломил небольшой кусочек скорлупы, поместил его в какой-то аппарат и прильнул глазом к окуляру.

— Пигментация в массе, — заметил он. — Генетическая причуда. Может, результат систематического скрещивания внутри одного рода. Впрочем, неважно. Я легко найду краску подобного типа, но менее долговечную.

— Вы хотите покрасить яйцо? — спросил Корсон.

Веран язвительно рассмеялся.

— Дорогой Корсон, твоя глупость неизлечима. Я заменю эту скорлупу другой, обычной, и именно ее покрашу. Для этого я воспользуюсь краской, которую в случае нужды можно будет нейт-

рализовать. Все могущество Нгала Р'нда основано на особом цвете его яйца. Поэтому он считает, что время от времени его полезно показывать. Чтобы избежать подмены, никто не остается в зале при вылуплении цыплят. Остаться невозможно. Разве что у тебя есть гипрон. Я не думаю, чтобы эта замена когда-нибудь была замечена или вызвала большую пертурбацию. Чтобы в этом убедиться, я возьму скорлупу урианна, вылупившегося в то же время, что и Нгал Р'нда, и тех же самых размеров. Труднее всего будет подложить ее в течение всего одной секунды, прежде чем кто-либо успеет войти и увидеть нас.

— Невозможно, — сказал Корсон.

— Есть препараты, десятикратно увеличивающие скорость человеческой реакции. Думаю, ты слышал об этом. Ими пользуются звездолетчики во время боя.

— Они опасны, — сказал Корсон.

— А я и не заставляю тебя их принимать.

Веран начал собирать обломки скорлупы и складывать их в мешок. Потом передумал.

— Лучше будет обесцветить их и подбросить на место фальшивой.

Он проделал несколько анализов, после чего распылил по обломкам какой-то аэрозоль. Через несколько секунд голубые осколки побелели.

— По коньям! — воскликнул довольный Веран.

Они вновь погрузились в реку времени и довольно быстро добрались до зала, где лежали десятки лопнувших скорлуп. Веран синхронизировал гипрона, начал копать в осколках и выбрал, наконец, полную скорлупу. Под струей распылителя она приобрела голубой цвет, и Веран проглотил таблетку.

— Акселератор подействует через три минуты, — заметил он. — Десять секунд сверхскорости. Это больше, чем полторы минуты субъективного времени. Больше, чем нужно.

Он повернулся к Корсону и широко улыбнулся.

— Вся прелесть в том, что если со мной что-нибудь случится, ты не сможешь отсюда выбраться. Представляю, какие рожи будут у уриан, когда они застанут в инкубационном зале одного мертвого человека и одного живого. А еще прирученную Бестию, которую знают только в диком виде.

— Мы исчезнем, — сказал Корсон. — Пертурбация будет слишком велика. Вся история этого фрагмента континуума содрогнется.

— Я вижу, ты быстро учишься, — насмешливо сказал Веран. — Но самая большая трудность — вернуться сразу после нашего старта. Я не хочу встретить самого себя.

Корсон содрогнулся.

— Кроме того, — продолжал Веран, — гипрон тоже этого не

хочет. Очень трудно заставить его приблизиться к самому себе во времени. Он терпеть этого не может.

«И все же,— подумал Корсон,— я сделал это. Точнее, сделаю. Закон нерегрессивной информации, как и все законы физики, относителен. Кто-нибудь похитрее вполне может его преступить. Это значит, что однажды я пойму механизм времени. Что я отсюда выйду. Что вернется мир, и я найду Антонеллу».

Все произошло так быстро, что Корсон сохранил об этом только отрывочные воспоминания. Тень Верана двигалась так быстро, что пространство, казалось, было полно им, как в калейдоскопе. Голубые осколки скорлупы, ниши, заполненные пискучими созданиями, двери, которые открываются и, вероятно, скрипят, и вдруг как бы запах хлора, хотя было очевидно, что воздух зала не может проникнуть внутрь скафандра, отступление сквозь время, голос Верана, высокий, отрывистый, такой быстрый, что слова были почти непонятны, пирует в пространстве, темнота, и опять падение во все стороны Вселенной...

— Конец второй фазы,— сказал Веран.

Ловушка была расставлена. Два или даже два с половиной века пройдут, прежде чем Веран подтолкнет Нгала Р'нда, последнего Князя Урии, Господина Войны, вылупившегося из Голубого Яйца, к его предназначению.

«Время,— подумал Корсон, пока сильные руки освобождали его от ремней,— время — самый терпеливый из богов».

— 29 —

Бестия спала, как ребенок. Погребенная в пятистах метрах под поверхностью планеты, заполненная энергией, которой хватило бы, чтобы перевернуть гору, она хотела только спать. Она была поглощена созданием восемнадцати тысяч зародышей, из которых потом возникнут особи ее вида, и поэтому еще острее чувствовала опасность. Поэтому она проскользнула сквозь толщи осадков до базальтовой подошвы, где и выдолбила себе гнездо. Легкая радиоактивность скалы доставляла ей дополнительную энергию.

Бестия спала. В своих снах она вспоминала планету, которой никогда не видела, но которая была колыбелью ее вида. Там жизнь была простой и хорошей. Хотя планета эта исчезла более пятисот миллионов лет назад (земных лет, которые не имели никакого значения для Бестии), почти нетронутые образы сцен, пережитых ее далекими предками, передавались наследственной памятью. Сейчас, перед размножением, растущая активность хромосомных цепочек оживляла цвета и выделяла детали.

Бестия сохранила образ расы, которая создала ее род по своему образу и подобию, и для которой бестии были чем-то вроде до-

машинных животных, нетребовательных и привязчивых. Если бы люди времен первой жизни Корсона могли увидеть сны Бестии, они нашли бы ответы на многие вопросы. Они никак не могли понять, как бестии, сторонящиеся своих сородичей, могли развить некое подобие культуры и основы языка. Они знали животных антиобщественных, или живущих в предобщественной стадии, почти таких же интеллигентных, как, например, дельфины. Но ни один из этих видов не развил настоящего разговорного языка. Согласно тогдашним и с тех времен еще не опровергнутым теориям, возникновение цивилизации и языка требовало некоторых условий: создания иерархических орд, чувствительности к окружающему, открытия пригодности предметов (каждое существо, конечности которого являются почти идеальными инструментами, обречено на застой).

Бестия не отвечала этим трем условиям. Она жила в изоляции, была, насколько могли судить люди, почти нечувствительна к окружающему и не имела понятия об использовании даже простейших инструментов. Но не по глупости. Можно было склонить ее к использованию довольно сложных машин, но самой ей это вовсе не требовалось. Когти и грива полностью обеспечивали все ее потребности. И все же Бестия могла говорить и даже, по мнению некоторых исследователей, пользоваться символами.

Происхождение бестий было второй неразрешимой проблемой. Во времена первой жизни Корсона экзобиологи уже знали достаточно, чтобы сравнительная эволюция стала точной наукой. Теоретически было возможно, изучая только одно существо, создать полный образ вида, к которому оно принадлежало. Но бестии обладали признаками едва ли не дюжины разных видов. Ни одна среда, возникшая в воображении какого-нибудь экзобиолога, не создала бы такого парадокса. Это была одна из причин, по которым их называли просто бестиями. По мнению одного разочарованного биолога, бестии были единственным известным доказательством существования Бога или, по крайней мере, какого-нибудь божества.

Длинный палец энергии на одну наносекунду коснулся Бестии. Она шевельнулась во сне и жадно проглотила пищу, не заботясь о том, откуда она взялась. Второй контакт, легкий, как перышко, почти разбудил ее. А третий ужаснул. Она умела различать большинство природных источников энергии, но на этот раз источник был искусственным. Что-то — или кто-то — пыталось ее поймать.

С ужасом она поняла, как ошиблась, поглотив энергию первого луча. Она выдала свое убежище. То же самое она сделала со вторым и попыталась умерить свой аппетит, когда пришел третий. Слишком испуганная, чтобы сдержаться, она боялась упустить хотя бы частицу энергии. Когда она боялась, инстинкт приказывал ей пожирать как можно больше энергии и в любой форме.

Она уже чувствовала твердые энергетические копыя, вонзающиеся в ее нежное тело, и начала плакать над своей судьбой — маленькое, бедное существо, господствующее только над жалким обрывком времени, способное анализировать всего десять элементов окружающего мира одновременно. Она плакала о судьбе восемнадцати тысяч скрытых в ее теле невинных зародышей, которым грозила гибель.

Почти в шести тысячах километров от этого места у приборов сидели огромные птицы. Нейтронный луч, зондирующий толщу планеты, трижды был поглощен в одной и той же точке. Фаза наложенной обратной волны показывала небольшое, но явное расхождение.

— Он там, — сказал обеспокоенный Нгал Р'нда. — Вы уверены, что сможете с ним справиться?

— Абсолютно, — ответил Веран.

Договор заключили без труда, но с выгодой для него. Лагерь был в пределах урианского оружия, но самого Верана это не волновало. В рукаве у него лежал козырный туз. Он повернулся, чтобы отдать несколько приказов.

В пятистах метрах под землей Бестия собиралась с силами. Она чувствовала себя искалеченной. Процесс созревания ее потомства зашел слишком далеко, чтобы она могла перемещаться во времени. Она не сумела бы синхронизировать движения каждого из восемнадцати тысяч малюток, а они в свою очередь приобрели уже достаточную автономию, чтобы мешать своей родительнице. Если угроза приобретет конкретную форму, ей придется бросить их. Это был один из случаев, когда инстинкт самосохранения вступал в противоречие с инстинктом продолжения рода. Если повезет, несколько из них выживут, но большинству не удастся точно синхронизироваться с современностью. Они внезапно столкнутся с массой материи, эквивалентной их объему. Энергия, освобожденная при этом, будет соответствовать небольшому ядерному взрыву. Это не могло серьезно повредить Бестии, но для эмбрионов будет смертельно.

Возможно, решение было в том, чтобы погрузиться еще глубже в толщу планеты. Но Бестия выбрала для своего гнезда довольно тонкое место. Близкая к поверхности лава притягивала ее, как огонь камина притягивает кота. В нормальном состоянии Бестия с удовольствием купалась бы в лаве, но сейчас она колебалась. Высокая температура ускорила бы созревание, и тогда она не смогла бы уйти от малюток достаточно далеко и, вероятно, стала бы их первой жертвой.

Рискнуть и выйти на поверхность? К несчастью для Бестии, планета-гигант, где родились ее предки, посещалась хищниками, для которых они были лакомым куском. Те тоже умели переме-

щаться во времени, и, хотя исчезли пятьсот миллионов лет назад, факт этот никак не мог повлиять на поведение Бестии. Ее видовая память не принимала во внимание новых данных. Для Бестии эти пятьсот миллионов лет словно никогда не существовали. Она не знала, что их вид намного пережил своих создателей и первых хозяев и что выживанием они обязаны своей роли домашнего животного.

Итак, поверхность планеты можно было не брать в расчет, время было недоступно, глубины опасны, и Бестия вновь заплакала над своей судьбой.

Неподалеку от себя, всего в нескольких десятках километров она почувствовала чье-то присутствие. В нормальных условиях ее первой реакцией было бы перемещение во времени, но боязнь потерять малютку подавила страх перед окружением. Присутствие стало более ощутимым, более многочисленным. Приближалось множество существ ее вида. Однако это не обрадовало ее. В прошлом ей самой приходилось заниматься каннибализмом, и она по опыту знала, что Бестия в убежище представляет желанную добычу. Правда, она не знала, что в таких условиях каннибализм способствовал генетическому обмену и предохранял вид от дегенерации.

Она попыталась укрыться от погони, но безуспешно, и выскочила в атмосферу на вершине лавового выброса. Гипроны Верана предвидели такой вариант и действовали согласно с принятым планом, совершенно чуждым существам их вида. Они выскочили со всех сторон одновременно, вокруг отрезка времени, который контролировала Бестия, зажали ее и обездвижили, как тысячи лет назад на Земле делали это дрессированные слоны. Бестия оказалась в энергетической клетке, еще более мощной, чем клетка на борту «Архимеда». Сначала она расплакалась, потом, видя тщетность своих протестов, позволила забрать себя и вскоре заснула, вскрешая в снах призрачные образы уничтоженной планеты.

— 30 —

Это было время тренировок с оружием. Корсон наслаждался спокойствием жизни, организованной до мельчайших деталей. По приказу Верана утром и вечером он учился ездить на гипроне. Обучавшие его солдаты, которым, несомненно, поручили и его охрану, не удивлялись, видя у него на шее обруч безопасности, или же просто воздерживались от намеков. Наверняка, они пришли к выводу, что Корсон — из личной охраны Верана. Тот, в свою очередь, составлял планы в обществе Нгала Р'нда и урианской аристократии. Он явно завоевал их доверие, и уриане день за днем передавали ему экземпляры своего лучшего оружия и знакоми-

ли с принципами его действия. Исключительная дисциплина маленькой армии Верана явно произвела на них впечатление. А может, их неизлечимое чувство превосходства не позволяло им вообразить, что человек — их слуга — способен был нарушить договор и угрожать им. Иногда они, с точки зрения Корсона, проявляли невероятную наивность. Мнимое уважение Верана доставляло им удовольствие. Полковник приказал, чтобы все его люди уступали дорогу любому встреченному урианину, независимо от его положения в обществе. Приказ выполнялся, и это было для уриан лучшим доказательством того, что люди эти знают свое место и умеют себя вести. По мнению Верана, дела шли успешно.

Ситуация эта казалась Корсону не такой уж простой. На его глазах возникала великолепная военная машина. Для Бестии, запертой в несокрушимую клетку, не имевшую слабых мест, завершался репродуктивный период. Было решено позволить малюткам сожрать ее, ибо в таком возрасте она не поддавалась дрессировке. Корсону казалось, что объединенные силы Верана и уриан стремятся к результату, диаметрально противоположному запланированному. Теперь он уже не мог вырваться. Он чувствовал, что эту — одну из самых страшных в истории — военную авантюру он мог бы с тем же успехом наблюдать со стороны. Будущее не давало ему никакого знака.

Однажды ночью ему удалось отрешиться от мрачных мыслей.

Он разглядывал деревья и небо Урии, удивляясь, что активность лагеря не была еще замечена и что никто из Диото или другого города не задался вопросом, что здесь происходит.

— Прекрасный вечер, — сказал подошедший Веран.

В зубах он держал короткую сигару, хотя курил он довольно редко.

Он выпустил клуб дыма, потом сказал:

— Нгал Р'нда пригласил меня на ближайшее представление Яйца, — сказал он, выпустив клуб дыма. — Это случай, которого я жду. Пора уже избавиться от него.

Он снова затянулся сигарой. Корсон не решился ответить.

— Похоже, он с каждым днем доверяет мне все меньше. Он требует назначить точную дату начала военных действий. Этот старый стервятник думает только о войнах и крови. Я не люблю войну. Она требует огромных материальных затрат и губит хороших солдат. Я сражаюсь только тогда, когда нет другого выхода, и уверен, что когда Нгал Р'нда исчезнет, я договорюсь с властями этой планеты. Забавно, но мне кажется, что их просто нет. Может, ты, Корсон, знаешь что-нибудь об этом?

Молчание.

— Я так и думал, что ты ничего не знаешь, — резко сказал Веран. — Так вот, я выслал разведку в разные города этой планеты.

Они не встретили никаких трудностей, но и узнали немного. Это обычное неудобство децентрализованных общественных систем. Мне кажется, что эта планета, если не принимать во внимание ограниченной власти Нгала Р'нда, не имеет официального правительства.

— Вам же лучше, — сказал Корсон.

Веран угрюмо взглянул на него.

— Это хуже всего. Как ты себе представляешь переговоры с правительством, которого нет?

Он задумчиво посмотрел на сигарету.

— Но я сказал «кажется», — продолжал он. — Один из моих разведчиков, похитрее прочих, все же принес мне интересные новости. У этой планеты вроде бы есть некая политическая организация, но совершенно оригинального типа. Совет этой организации якобы правит на протяжении многих веков и находится в другом веке. Говоря точнее, в трехстах годах от нас. Это самая сумасшедшая история, которую я когда-либо слышал. Править умершими и еще не родившимися!

— Они явно не согласны с вашей концепцией правительства, — тихо сказал Корсон.

— Демократы, да? Может, даже анархисты! Я знаю эту песенку. Сократить администрацию людей и систем до минимума. Это никогда не длится долго. Вся система рухнет при первом вторжении.

— Здесь уже много веков не было никаких войн, — сказал Корсон.

— Что же, пусть вспомнят, что это такое. И еще одно. Я не говорил тебе, Корсон, о другом интересном факте. Один из членов этого совета — человек.

— Это вовсе не удивительно, — осмелился заметить Корсон.

— Он очень похож на тебя. Думаю, это удивительное совпадение. Может, это кто-то из твоих родственников?

— У меня нет таких высокопоставленных родственников, — ответил Корсон.

— Мой разведчик сам не видел этого человека. Ему не удалось наложить руку ни на один из представляющих его документов. Но он очень решителен. Этот разведчик — специалист по физиогномике. Один шанс на миллион, что он ошибается. Кроме того, он хороший рисовальщик, он нарисовал по памяти твой портрет и показывал его своим информаторам. Все, кто видел этого человека, Корсон, опознали тебя. Что ты об этом думаешь?

— Ничего, — честно ответил Корсон.

Веран внимательно посмотрел на него.

— Может быть, ты и не врешь. Нужно бы проверить тебя на

детекторе лжи, но тогда ты, в лучшем случае, станешь идиотом. А идиот не сможет отправить сообщение. К несчастью, ты мне еще нужен. Когда я обо всем узнал, то попробовал сложить два и два, но безрезультатно. Сначала я думал, что ты какая-то машина, андроид, но тебя исследовали всеми возможными способами, и эту возможность пришлось отбросить. Я знаю о тебе все, за исключением того, что творится в твоём мозгу. Ты не машина, и родился ты не в пробирке. У тебя способ мышления, отвага и слабости обычного человека. В чем-то старомодного, будто ты вышел из прошлого. Если ты выполняешь какое-то задание, то выполняешь его совершенно один, оставляя для себя некие гарантии. Например, это чертово сообщение. Почему ты не играешь со мной в открытую, Корсон?

— У меня нет нужных карт.

— Возможно. Но ты сам — туз в чьей-то игре. А ведешь себя так, будто ничего об этом не знаешь.

Веран бросил сигарный окурок на землю и раздавил каблуком.

— Подведем итог,— сказал он.— Эти люди умеют путешествовать во времени. Они скрывают это, но это факт. Без этого правительство, живущее через триста лет, не смогло бы руководить современностью. Они уже знают, что я сделаю, знают, что произойдет, за исключением временной пертурбации. И они еще ничего не предприняли ни против меня, ни против Нгала Р'нда. Это значит, что для них ситуация еще не созрела. Они чего-то ждут, вот только чего?

Он глубоко вздохнул.

— А может, они уже начали действовать. Может, ты член их Совета, выполняющий особое задание.

— Никогда не слышал таких глупостей,— сказал Корсон.

Веран отступил на шаг и вынул из кобуры оружие.

— Я могу убить тебя, Корсон. Может, и для меня это будет самоубийством, но ты умрешь первым. Ты никогда не вышлешь этого сообщения, а я никогда не доберусь до этой планеты, и значит, не получу возможности пленить и убить тебя, но временная пертурбация будет такова, что и тебе крепко достанется. Ты станешь другим. А что важно для человека? Его фамилия, внешний вид, его хромосомы? А может, воспоминания, опыт, собственная судьба, личность?

Они обменялись взглядами, потом Веран спрятал оружие.

— Я надеялся тебя напугать. Признаться, не удалось. Трудно испугать человека, который был на Эргистале.

Он улыбнулся.

— В принципе, я верю тебе, Корсон. Вероятно, ты тот самый человек, который будет заседать в Совете Урии через триста лет, хотя пока и не знаешь об этом. Ты еще не тот человек. В этот

момент ты только его лучшая карта. Он сам не мог прибыть, поскольку уже знает, что произошло. Это значило бы нарушить закон нерегрессивной информации. Он никому не может верить и потому решил отправить самого себя, пользуясь более ранним периодом своего существования. Поздравляю! Перед тобой светлое будущее, если, конечно, ты доживешь до того времени.

— Подождите,— сказал Корсон, бледнея. Он сел на землю и взялся за голову. Веран наверняка прав. У него есть опыт во временных войнах.

— Круто, а?— сказал Веран.— Может, тебя интересует, почему я тебе все это рассказал? Не гадай. Как только избавлюсь от Нгала Р'нда, отправлю тебя посланцем к этому Совету. Имея под рукой государственного мужа, я его использую. Я говорил тебе, что собираюсь вести переговоры, и попрошу у тебя немного: оборудование, роботов, корабли. Эту планету я оставлю в покое и пальцем ее не трону, даже если мне удастся завоевать всю остальную Галактику.

Корсон поднял голову.

— А как вы избавитесь от Нгала Р'нда?— спросил он.

Веран засмеялся коротко, словно взлаивал волк.

— Этого я тебе не скажу. Ты можешь меня опередить. Сам увидишь со временем.

— 31 —

В прихожую зала Представления они вошли нагими. Там их подвергли ритуальному омовению, а потом одели в желтые тоги. Корсону казалось, что невидимые лучи всевозможных детекторов общаривают его тело, но это только казалось: уриане работали тоньше. Он догадывался, что Веран хочет использовать Представление Яйца, но понятия не имел, каким образом. Наверняка можно было сказать, что у Верана нет никакого оружия. Уриане слишком хорошо знали человеческую анатомию, чтобы можно было использовать какие-то естественные укрытия. Если бы Веран хотел применить силу, он атаковал бы во главе своих гипронов. Рискованное дело, поскольку урианам было чем ответить, но союзником наемника было бы время. Нет, в запасе у него наверняка был какой-то отчаянный фортель.

Второй раз прошел Корсон сквозь расступившиеся ряды, а Веран направился к самому постаменту.

Не говоря ни слова, он долго и внимательно разглядывал металлический алтарь. Свет померк, и через открывшиеся врата вошел Нгал Р'нда. Корсону он показался гордым, как никогда. Теперь под его знаменами были два наемника-человека. Несомненно, уже сейчас перед его мысленным взором над дымными

развалинами людских городов развевались голубые знамена Урии.

Яйцо. Корсон все понял и теперь со страхом и с какой-то странной жалостью к последнему Князю Урии, и, одновременно, восхищаясь отвагой Верана, следил за каждой деталью церемонии. Он слышал Нгала Р'нда и толпу, отвечавшую ему словами, которые невозможно записать — это был список имен из какой-то генеалогии. Он смотрел на открывающийся ящик, на стоящее на пьедестале яйцо, похожее на гигантский кусок бирюзы, на вытянутые шеи и двойные веки, моргающие со скоростью крыльев колибри.

Последний Князь Урии открыл клюв, но еще прежде, чем он заговорил, возникло какое-то замешательство. Веран оттолкнул окружающих его аристократов, прыгнул вперед, левой рукой схватил Нгала Р'нда за шею, правой указал на яйцо и закричал:

— Обманщик! Пекиво! Пекиво!

Корсону не нужен был словарь, чтобы понять, что на языке птиц слово это означает — обманщик.

— Это яйцо покрашено! — кричал Веран. — Этот негодяй обманул вас. Вот доказательство.

Уриане замерли. Это был тот шанс, подумалось Корсону, на который рассчитывал Веран, поскольку даже урианская аристократия не имела права входить в Зал Представления с оружием. Веран коснулся яйца ладонью, и в месте прикосновения скорлупа утратила свой лазурный цвет и стала белой, как слоновая кость.

Корсона осенило. Даже нагой, даже трижды выкупанный и досуха вытертый шершавой тканью, Веран обладал реактивом, щелочным и кислым одновременно.

Потом на ладони.

Реакция на поверхности яйца продолжалась: молекулярные цепочки распадались одна за другой, краска разлагалась на бесцветные составляющие или, скорее всего, возгонялась. Веран не любил оставлять следов.

Из толпы раздался свист. Острые когти схватили Корсона за руки, но он не сопротивлялся. Веран отпустил Нгала Р'нда, который, широко раскрыв клюв, пытался отдышаться. Уриане в фиолетовых тогах бросились на наемника, а тот кричал:

— Я доказал вам, доказал! Яйцо белое! Он обманщик!

Наконец заговорил сам Нгал Р'нда.

— Он лжет. Он сам покрасил его. Я видел это. Теперь он умрет.

— Разбейте яйцо! — кричал Веран. — Разбейте его! Если я лгу, внутри оно будет голубым. Разбейте яйцо!

Нгал Р'нда пытался установить порядок. Вокруг него уриане стояли стеной, они еще были полны уважения, но уже нахохлились. Вассалы боялись птицы, вылупившейся из Голубого Яйца, а не военного вождя. Князь издал несколько пронзительных нот, Корсон ничего не понял, но жест урианина был ясен:

— Должен ли я разбить яйцо?

Тишина. Потом раздался всеобщий свист, короткий и безжалостный.

Нгал Р'нда склонил голову.

— Я разобью яйцо, которое должно было обратиться в прах только после моей смерти. Я, последний Князь Урии, буду единственным из моего древнего рода, кто второй раз в своей жизни разобьет Голубое, хранившее меня когда-то, Яйцо.

Он схватил яйцо когтями, поднял его и разбил о пьедестал. На землю посыпались осколки. Нгал Р'нда схватил один из тех, что остались на цоколе, и поднес к глазам. Потом шагнул назад и опустился на землю.

Тогда один из высокопоставленных уриан подошел к нему, ухватился за край голубой тоги и резко дернул. Тога не разорвалась, а Нгал Р'нда качнулся вперед. Потом на него бросились все. Корсон почувствовал, что его выпускают и отталкивают. Он едва не упал, и ему пришлось постараться, чтобы оттолкнуть толпящихся уриан. На его глазах пьяные от бешенства птицы рвали на куски последнего Князя Урии. Острый запах хлора и аммиака повис в воздухе.

Кто-то коснулся плеча Корсона. Это был Веран.

— Идем, пока они не задумались, как я это сделал.

Они неторопливо двинулись к дверям, а яростные крики все же умолкали. Выходя, Веран оглянулся и пожал плечами.

— Вот так гибнут фанатики,— сказал он.

— 32 —

Примерно раз в десять лет он останавливался, подходил к первому прохожему и спрашивал:

— Какой сейчас год?

Некоторые из них падали в обморок. Другие убегали. Некоторые просто исчезали: вероятно, они умели путешествовать во времени. Но всегда находился кто-нибудь, кто отвечал. Не моргнув глазом, они смотрели на человека, на Бестию и улыбались. Старый человек. Молодой парень. Урианин. Какая-то женщина.

Один вопрос вертелся у Корсона на языке:

— Вы знаете, кто я?

Они знали. Они были, как вежи, как фонари, расставленные на его дороге, но когда он пробовал начать разговор, ловко выкручивались, позволяя ему угаснуть. Даже ребенок. Он не мог с ними бороться. За шесть тысяч лет культура прошла большой путь, а он еще был варваром, даже если знал такое, о чем они и не подозревали.

Увидев урианина, он едва не сделал глупость: хотел убежать

во время. Но большая птица знаком попросила его успокоиться. Она носила белую тогу, покрытую тонкой вышивкой, и сказала с гримасой, которую Корсон считал улыбкой:

— Чего боишься, сын мой?

Сходство урианина с Нгалом Р'нда поразило Корсона, но он скоро понял, что это вызвано преклонным возрастом туземца.

— Мне кажется, я тебя узнаю. Однажды ты вынырнул из небытия. Я был тогда ребенком, едва вылупившимся из яйца. Если не ошибаюсь, я помог тебе обмыться и подал завтрак, а потом проводил на какую-то тайную церемонию. С тех пор многое изменилось к лучшему. Я очень рад, что вижу тебя. Что ты хочешь знать?

— Я ищу Совет,— сказал Корсон.— У меня есть для них новости.

— Ты найдешь его на берегу моря, к западу отсюда. Но тебе придется подождать около ста двадцати лет.

— Спасибо,— ответил Корсон.— Мне не нужно ждать. Я путешествую во времени.

— Не сомневаюсь,— сказала птица.— У тебя отличное животное.

— Его зовут Архи,— заметил Корсон.— В память о прошлом.

Он сделал движение, собираясь вернуться в седло, но урианин остановил его.

— Надеюсь, ты не в обиде за то, что случилось когда-то. Это был несчастный случай. Тирания рождает насилие, а живые существа — игрушки в руках богов. Для своего удовольствия боги заставляют их устраивать битвы, вертят ими, как хотят. Они любят балеты огня и смерти. Ты разрешил этот вопрос очень тактично. Кто-нибудь другой вызвал бы бойню. Все уриане очень благодарны тебе за это.

— Уриане?.. Вы тоже?— недоверчиво спросил Корсон.

— И старая раса и люди. Все уриане.

— Все уриане,— задумчиво сказал Корсон.— Это хорошая новость.

— Счастливого пути, сын мой,— сказал старый урианин.

«Таким образом,— подумал Корсон, глядя в поднимающийся с земли туман,— уриане и люди примирились. Это хорошо. Урианам удалось прогнать демонов войны. Их вид вовсе не был обречен, как считалось».

Он все лучше узнавал планету. Положение пляжа что-то ему напомнило: именно сюда привела его Антонелла. Случайность?

Он решил отправиться туда через Диото. Синхронизировал гипрона над землей и поднял взгляд, разыскивая в небе пирамидальную массу города, что стоял на двух столбах вертикальных рек.

Небо было пусто.

Корсон снова сориентировался. Сомнений не было. Там, на небе, сто пятьдесят лет назад вздымался великолепный город. Теперь от него не осталось и следа.

Он посмотрел вниз, на ущелье, образованное тремя сливающимися долинами, со склонами, поросшими лесом, и дном, покрытым травой. Там было озеро. Чтобы лучше видеть, Корсон прищурился. На середине озера острый гребень рассекал воду, в других местах короткие волны разбивались о предметы, затопленные на несколько сантиметров под водой. Под растительностью, покрывавшей берег, он узнал остатки геометрических форм.

Корсон с грустью вспомнил оживление вертикальных и горизонтальных улиц, рои машин, вылетающих, словно пчелы из улья, магазин, который он обокрал, чтобы поесть, и даже голос, остановивший его.

Диото был мертв, как и многие другие города, накрытые ураганом войны. Возможно, в глубинах озера лежало тело Флории Ван Нелл, которая помимо своей воли ввела его в этот мир.

Старый урианин лгал. Его улыбка была всего лишь иронической. Война прошла, люди проиграли ее, их города обратились в руины.

Оставалось только надеяться, что Флория Ван Нелл погибла в неведении. Она не была готова к этой войне, впрочем, как и любой другой. Если она прожила какое-то время, то только для того, чтобы стать игрушкой наемников Верана или, что еще хуже, добычей безжалостных преемников Нгала Р'нда.

А он, Корсон, проиграл.

Ему пришлось сделать усилие, чтобы сразу не вернуться в прошлое. Он вспомнил сон об уничтоженном у него на глазах городе, о крике людей, которые слишком поздно поняли свою судьбу. Пот выступил у него на лбу. Он не вернется туда, по крайней мере сейчас. Ему назначена встреча в будущем, от нее не отвертеться. Там, вместе с Советом, если он выжил, нужно будет подумать и посмотреть, можно ли еще столкнуть тяжелую повозку истории на другую дорогу. А потом будет время вернуться.

Даже если он ничего больше не сможет сделать, он вернется и убьет Верана. Впрочем, нет, если он убьет Верана, то умрет и сам. Обруч вонзит в него свое ядовитое жало. Он не должен даже думать о Веране, иначе убьет сам себя. А сейчас он не мог себе этого позволить.

Корсон столкнул жажду мести в подсознание, добрал до гипнона и двинулся впредь.

Они двигались медленно, и он впервые заметил, что время — седое. В непроницаемом тумане перепутанных дней и ночей он чувствовал, что теряет власть над гипноном. Он играл пальцами на отростках гривы, но напрасно. Животное, может, уставшее,

а может, ведомое чужой волей, грозило синхронизацией. Сдав-
шись, Корсон позволил ему выйти в современность.

Шум моря. Медленный и ритмичный шум. Он оказался на
длинном пляже, который золотило заходящее солнце. Этот факт
поразил Корсона. Обычно гипроны синхронизировались днем, при-
чиной этому был их вечный энергетический голод. Однако сейчас
Архи выбрал сумерки.

Корсон широко открыл глаза. Перед ним на песке неподвижно
лежали три нагих тела. Он снял шлем и почувствовал теплый воз-
дух.

Три нагих, может, мертвых, тела, вот и все, что осталось от
Совета Урии. Один мужчина и две женщины на берегу моря. Вы-
брошенные приливом жертвы страшной катастрофы.

— 33 —

Когда Корсон подошел ближе, мужчина шевельнулся. Припод-
нявшись на локте, он смотрел на пришельца, улыбался и вовсе
не казался пострадавшим.

— А-а,— сказал он.— Вы человек с Эргистала. Я ждал вас.
Корсон с трудом выдавил:

— А Совет...

— Он здесь,— сказал мужчина.— Совет Урии на тысячу лет.
Корсон склонился над ним.

— Вам нужна помощь?

— Не думаю. Садитесь.

— Эти женщины...— сказал Корсон, опускаясь на песок.

— Они в контакте. Не нужно им мешать.

— В контакте?

— У нас много времени. Сегодня вечером отличная погода,
верно?

Он порывлся в песок, достал хрустальный флакон, откупорил
его и подал Корсону.

— Выпей глоток, старина, тебе станет лучше.

Корсон открыл было рот, но не стал возражать. Если этот муж-
чина считает, что время есть, незачем протестовать. Он глотнул.
Вино было холодное, и он едва не задохнулся.

— Не нравится?— спросил мужчина.

— Я никогда не пил лучшего вина.

— Ну так допивай бутылку. Есть еще другие.

Корсон снял перчатки, чтобы было удобнее пить. Второй глоток
разогрел его. Потом он вспомнил, где находится и зачем.

— Вы не голодны?— спросил он.— У меня есть с собой не-
сколько пайков.

— Спасибо,— ответил мужчина.— Я предпочитаю цыпленка,

икру или тушеную телятину. Извините, что не предложил вам этого раньше. После такого путешествия вы наверняка проголодались.

Он присел, энергично отбросил несколько пригоршней песка и обнажил большой контейнер из гравированного серебра. Подняв крышку, он с удовольствием понюхал содержимое.

— Угощайтесь и ешьте прямо пальцами. Мы предпочитаем простоту.

— Я видел Диото,— начал Корсон.

— Прекрасный город,— сказал мужчина.— Правда, слегка устаревший.

— Он лежит на дне озера. Война полностью уничтожила его.

Мужчина удивленно поднялся на локте и сел.

— Какая война?— Он засмеялся тихо и необидно.— Ну конечно, вы же прибыли из беспокойного периода. Это было для вас шоком. Вы просто не знали.

— Что я должен был знать?— агрессивно спросил Корсон.

— Диото был покинут. Просто-напросто покинут, а вовсе не уничтожен. Он уже не отвечал нашему стилю жизни.

• Корсон попытался переварить это.

— А как вы живете?

— Как видите. Просто. Мы готовимся...— он заколебался,— к будущему.

— Вы уверены, что вам не нужна помощь?— спросил Корсон, вытирая руки о песок.

— Нам нужны вы, Корсон. Но не здесь и не сейчас.

— Вы уверены, что у вас есть все?— недоверчиво спрашивал Корсон.

— Разве я похож на человека, которому чего-то не хватает? Одежда? Мы вообще ее не носим.

— Продукты, лекарства? Не думаю, чтобы весь пляж был набит бутылками вина и контейнерами с едой. Что вы будете делать, когда запас кончится?

Мужчина сосредоточенно смотрел на море.

— Действительно,— сказал он,— мне это никогда не приходило в голову. Думаю, что...

Корсон резко прервал его.

— Шевелитесь же! А может, вы спятили или больны? Должен быть способ ловить в этом море и охотиться в лесах. Не хотите же вы умереть от голода.

— Не думаю,— ответил мужчина. Он прямо взглянул на Корсона, потом одним движением поднялся. Он был хорошо сложен, мускулист, выше Корсона. Длинные волосы окружали его лицо.

— А как по-вашему, откуда взялась эта бутылка? И контейнер с едой?

Корсон тоже встал и смущенно принялся чертить по песку носком ботинка.

— Не знаю.

— Когда у нас кончается вино, мы просим еще.

— Ясно,— сказал Корсон.— Вы живете в дюнах, а ужинать приходите на пляж. А там вас ждет прислуга или роботы.

Мужчина покачал головой.

— В дюнах вы не найдете ни дворца, ни хижины, ни прислуги, ни роботов. Сомневаюсь, чтобы в радиусе сорока километров отсюда было хоть одно живое существо. Я вижу, вы не поняли нашего образа жизни. У нас нет другой крыши над головой, кроме неба, и другой постели, кроме песка. Может, вам слишком жарко или холодно? Я могу это поправить.

— Но откуда все это идет? — раздраженно сказал Корсон, отталкивая ногой пустую бутылку.

— Из другой эпохи. Из будущего или прошедшего века, не знаю. Мы решили оставить несколько десятилетий особняком. Это очень приятное место отдыха. Конечно, мы контролируем климат, но в этой эпохе на планете нет ни одной машины. Все, что нам нужно, находится за кулисами времени. Когда мы чего-то хотим, один из нас входит в контакт и просит это. И нам присылают.

— А Диото?

— Какое-то время назад мы заметили, что идем неверным путем, и решили испытать другой вариант.

— Именно этот,— сказал Корсон.

— Именно этот,— ответил мужчина.

Корсон взглянул на море. Перед ним был обычный закат, но в нем шевелилось нечто, искавшее выхода. В нескольких шагах от берега море плескалось о скалу, как прирученное животное. Невидимое солнце освещало тучи. Машинально Корсон поискал на небе месяц, но его не было. Звезд — их расположение он уже знал — было достаточно, чтобы освещать планету бледным светом.

— Разве это не прекрасно? — спросил мужчина.

— Да, это прекрасно,— признал Корсон.

Он посмотрел в сторону женщин, погруженных в транс, и ему показалось, что он узнает каштановые волосы, линию спины. Он сделал шаг к той, которую принял за Антонеллу. Мужчина удержал его.

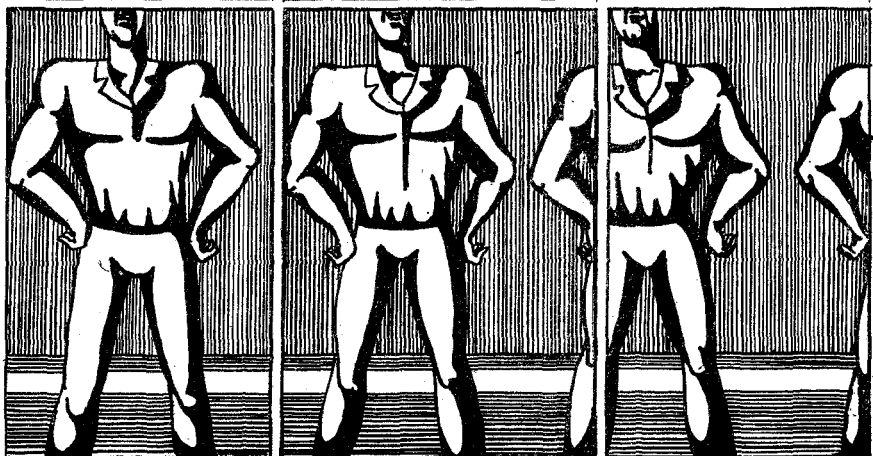
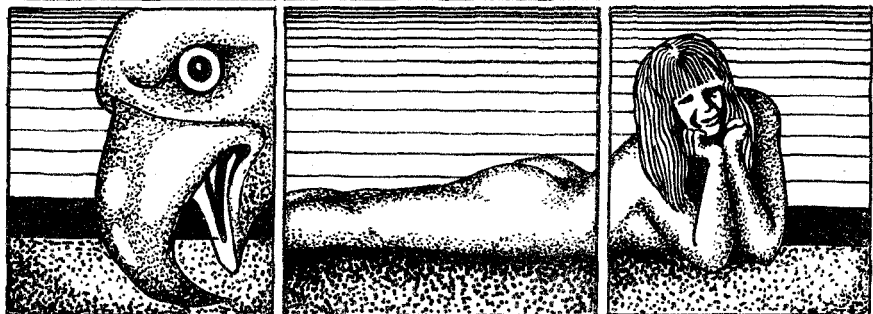
— Не нужно им мешать. У них сейчас конференция по вашему вопросу. Они в контакте с Эргисталом.

— Антонелла... — сказал Корсон.

Мужчина повернулся.

— Антонеллы здесь нет. Вы увидите ее позднее.

— Она меня еще не знает,— сказал Корсон.

— Да.— Голос был мягкий и низкий, как будто мужчина жалел, что они коснулись этой темы.— Ей еще предстоит познакомиться с вами.

Воцарилась тишина.

— Не нужно обижаться на нас за это.

Потом он быстро добавил:

— Вы хотите спать или предпочитаете поговорить о наших делах?

— Спать я не хочу,— ответил Корсон,— сейчас я хотел бы немного подумать.

— Как угодно,— сказал мужчина.

Корсон долго молчал, сидя на песке, уперев локти в колени. Солнце совсем исчезло, и над морем остались одни звезды. Воздух был теплый, и вскоре Корсон снял скафандр и ботинки. Он не отважился раздеться полностью, но все располагало именно к этому. Хотелось броситься в воду и плавать, забыв о богах войны. Приливы здесь, вероятно, были небольшие — сказывалось отсутствие спутника. Взволновать море могло только далекое солнце и легкий ветер.

Наконец он встряхнулся и нарушил тишину. Он заговорил неуверенно, будто боясь нарушить равновесие ночи или разбудить врага, но голос его обретал уверенность с каждым словом.

— Я посол,— сказал он,— посол особого рода. Я был солдатом, преодолел время и слышал богов Эргистала. Я знал, что спокойной жизни Урии угрожают три опасности. Первой было животное, такое же, как то, что принесло меня сюда, но дикое. Вторая заключалась в заговоре, составленном коренными жителями этой планеты против людей. Третья носила имя старого вояки, прибывшего ниоткуда. Он говорил, что я сам привел его на эту планету. Сейчас я представляю его. Кроме того, я свой собственный посол: я хочу очистить Урию от всех опасностей, но у меня нет для этого средств. Я надеялся найти здесь помощь, хотя на Эргистале мне сказали, чтобы я рассчитывал только на себя. По их мнению, ценой успеха я завоюю свободу, а может, и что-то большее. Но я вижу, что это невыполнимое задание.

— Все это я знаю,— сказал мужчина.— Задание уже наполовину выполнено. Для человека из прошлого, Корсон, вы неплохо справляетесь.

— Бестия сидит в клетке,— сказал Корсон,— а заговор разбит. Не знаю, смогу ли я сделать что-нибудь еще. Остается Веран, наемник, которого я сейчас представляю.

— Тот же Веран хочет завоевать Вселенную,— продолжал Корсон, глотнув из бутылки.— Он требует оружия, солдат или роботов, а взамен обещает оставить эту планету в покое. Но я ему не верю. Более того, если органы безопасности попробуют его

задержать, начнется война. И вестись она будет на этой планете, поскольку Веран не позволит так просто выселить себя.

— Вы и есть главный орган безопасности,— мягко сказал мужчина,— а в нашем прошлом не было войны.

— Вы считаете, что я...— пробормотал Корсон.

— Вы представитель отдела в этом районе, и ваша обязанность — предотвратить эту войну.

— Войны не было,— медленно сказал Корсон,— поскольку вы здесь. Это значит, что мне все удалось. Но это противоречит закону нерегрессивной информации.

Мужчина пересыпал песок из ладони в ладонь.

— И да и нет. Это не так просто. Закон нерегрессивной информации — только частный случай.

— Значит,— сказал Корсон,— будущее может вмешиваться в прошлое?

— Одни вмешательства вызывают незначительные изменения, другие опасны, а третьи полезны, по крайней мере с точки зрения привилегированного наблюдателя. Вас, меня или Верана. Контроль времени немного напоминает экологию. Представьте планету, населенную насекомыми, птицами и травоядными животными. Насекомые разрыхляют землю и способствуют росту травы. Птицы поедают насекомых и опыляют растения. Травоядные кормятся травой, а их выделения и трупы служат пищей насекомым и удобряют почву. Так выглядит простейшая экологическая петля. Безо всяких опасений вы можете убрать одно насекомое или даже всюжину, и ничего не случится. Вы можете перестрелять птичий выводок или съесть травоядное, и это не подорвет равновесия. Однако, если вы уничтожите всех насекомых на достаточно большой площади, птицы покинут местность или погибнут от голода. Трава исчезнет в течение нескольких сезонов, одновременно исчезнут травоядные. Возникнет пустыня. То же самое произойдет, если вы серьезно ослабите любое другое звено цепи. Для каждой точки имеется предел, который может оказаться достаточно высоким. Допустим, мы выпустим на эту планету несколько стай хищников, настолько быстрых, что они смогут атаковать травоядных. Поначалу они потеряются на просторах планеты. Можно будет годами прочесывать равнины и не встретить даже их следа. Но через какое-то время, не встречая врагов, они размножатся до такой степени, что ограничат число травоядных. Первыми пострадают насекомые, потом птицы, потом растительность. Травоядным будет угрожать опасность с двух сторон одновременно. Даже хищники начнут умирать от голода. При благоприятных условиях сложится новое равновесие, весьма отличное от существовавшего вначале. Для обоих видов появятся периоды голода и периоды изобилия. Критический предел будет гораздо ниже, чем в первом случае. Может быть,

хватит всего одной пары хищников, чтобы вызвать непредвиденные последствия. В динамичной экологии значащее существо является не одним из элементов в цепи, а комплексом таких элементов. И процесс нельзя повернуть вспять, он вызывает небольшие, но решающие изменения. Под угрозой хищников травоядные увеличат скорость бега — длинные ноги будут помогать выжить.

То же самое происходит во времени, с соблюдением всех пропорций. Однако экологические проблемы до смешного просты по сравнению с проблемами времени. Вы можете стереть с поверхности планеты гору или погасить звезду на небе, и в вашем будущем в связи с этим ничего не произойдет. Возможно, в некоторых местах можно уничтожить целые цивилизации без особых последствий, с вашей точки зрения, а в другом месте вам достаточно наступить человеку на ногу, чтобы ваше небо и земля содрогнулись. У каждой точки Вселенной есть собственная экология. Абсолютной истории не бывает.

— Тогда как можно что-то предвидеть? — спросил Корсон.

— Делаются расчеты. В этом есть и доля интуиции, и доля опыта. Лучше всего смотреть на вещи сверху, из возможно более удаленного будущего. Всегда легче рассматривать перекрестки, которые могут привести к современности, чем создавать тех, кто сделает будущее. Поэтому боги Эргистала и устанавливают с нами контакт.

Он указал на двух женщин.

— Но всего они нам сказать не могут, как не могут вводить в историю пертурбации, которые бы им вредили. Они у заката времени. Все дороги ведут к ним. Для них история почти абсолютна, почти закончена. И потому мы должны сами выполнять свое предназначение.

— Понимаю, — сказал Корсон. — Я тоже чувствую себя пешкой на шахматной доске. Сначала я верил, что двигаюсь свободно, но по мере того, как все лучше видел игру, я понимал, что меня просто передвигают с одного поля на другое.

На секунду он заколебался:

— Я думал даже, что игру ведете вы. Что это ваш план.

Мужчина покачал головой.

— Вы ошибались, не мы авторы этого плана.

— Но вы знаете, что случилось со мной.

— В некоторой степени. Для нас вы — неизвестная величина. Вы появились в определенной точке, чтобы разрешить кризис. Мы всегда думали, что это ваш план.

— Мой? — сказал Корсон.

— Ваш. И только ваш.

— Я еще даже не начал обдумывать свой план, — сказал Корсон.

- У вас еще много времени впереди,— ответил мужчина.
- Но он уже выполняется.
- Это значит, что план все-таки возникнет.
- А если мне не удастся?— спросил Корсон.
- Вы ничего не будете об этом знать. И мы тоже.

Одна из женщин шевельнулась. Она повернулась, поднялась, взглянула на Корсона и улыбнулась. Ей было лет тридцать. Взгляд ее еще блуждал где-то далеко.

— С трудом верится,— сказала она.— Знаменитый Корсон среди нас.

— Я еще ничем не прославился,— сухо сказал Корсон. До последней секунды он еще надеялся, что это окажется Антонелла.

— Не так резко, Сельма,— вставил мужчина.— Перед ним еще дальняя дорога, и он слегка взволнован.

— Я же его не съем,— ответила Сельма.

— И он нужен всем нам,— добавил мужчина.

— В каком моменте вы находитесь?— спросила Сельма у Корсона.

— Я прибыл как посол...— начал было Корсон, но женщина прервала его.

— Это я знаю. Слышала ваш разговор с Сидом. Меня интересует, в каком месте вы сейчас находитесь.

— Я могу нейтрализовать Верана, не посылая ему того сообщения, поскольку все считают, что я отвечаю за него. Но, честно говоря, я не смог бы его даже написать, не то что отправить.

— С помощью креодов это очень просто сделать,— сказала Сельма.— Я сделаю это в любое время. И мне кажется, Эргистал согласится на отправку этого сообщения.

— Допустим, вы его не отправите,— сказал мужчина, которого Сельма назвала Сидом.— Кто тогда займется Бестией и Князем Урии? Решение в чем-то другом. Веран — часть плана, и вы не можете так просто исключить его.

— Этого я и боюсь,— сказал Корсон.— Я думаю, идея позвать его на помощь пришла мне в голову после встречи на Эргистале. Но я еще не уверен в этом. Эта мысль придет мне в голову позднее.

— Для примитива он быстро движется вперед,— заметила Сельма.

Сид нахмурился.

— Корсон не примитив. И он был на Эргистале. Контакт с ним было мало.

— Верно,— сказала Сельма.— Я совсем забыла.

Она встала и побежала вдоль берега.

Корсон подумал вслух:

— Так кто же займется Вераном?

- Вы, — ответил Сид.
- Я не могу напасть на него. Не могу даже задумать что-нибудь против него.
- Обруч!
- У Корсона появилась слабая надежда.
- Вы поможете мне снять его?
- Нет, — сказал Сид. — Мы не можем. Веран родился в нашем будущем, и его технология превосходит нашу.
- Значит, — сказал Корсон, — выхода нет.
- Есть. Иначе бы вас там не было. Есть по крайней мере одна линия правдоподобия — креода — согласно которой вы довели свой план до конца. Не знаю, понимаете ли вы все трудности ситуации, но ваше будущее, Корсон, зависит от вас в прямом смысле этого слова.
- Мне кажется, что, скорее, я от него завишу.
- Это иной способ выражения того же самого. Так вот, долгое время люди думали над проблемой непрерывности существования. Является ли человек, просыпаясь, тем же самым, который засыпал? Разве сон — не перерыв в непрерывном существовании? И почему некоторые мысли и воспоминания полностью исчезают из памяти, чтобы появиться когда-то потом? Имеем ли мы дело с единством или с наложением существований? Однажды кто-то открыл истину. С момента своего возникновения человек почти ничего не знал о самом себе. Сегодня мы задаем себе почти те же вопросы теми же словами. Сколько возможностей наложилось друг на друга? Что соединяет прошлое, настоящее и будущее каждого существа? Порождает ли детство зрелость, или зрелость выковывает детство? Мы не знаем смысла нашего существования, Корсон, и долго еще не будем знать, но должны жить с тем, что знаем.
- Вернулась Сельма, вся в водяных каплях.
- Вам нужно поспать, Корсон, — сказал Сид. — Вы очень устали. И пусть вам приснится ваше будущее.
- Попробую увидеть, — ответил Корсон.
- И лег на песок.

Он почувствовал рядом чье-то присутствие, открыл глаза и тут же закрыл их, ослепленный высоко стоящим солнцем. Потом повернулся на бок и попробовал снова заснуть. Однако мешали два назойливых звука: долгие вздохи моря и чье-то легкое дыхание. Он вновь открыл глаза, окончательно проснулся и сел. Рядом с ним стояла на коленях молодая женщина.

— Антонелла, — сказал он.

Она была в короткой красной тунике.

— Жорж Корсон, — сказала она голосом, в котором слышалось недоверие.

Корсон окинул взглядом пляж. Сид, Сельма и вторая женщина исчезли. Антонелла поднялась и отошла на несколько шагов, как бы смущенная тем, что смотрела на него спящего.

— Вы меня знаете? — спросил он.

— Я никогда вас не видела, но слышала о вас. Это вы должны спасти Урию.

Он взглянул на нее повнимательнее. Она была одета, тогда как те трое ходили нагишом. Несомненно, она прибыла из другой эпохи, где обычаи были еще не такими простыми. Она была моложе Антонеллы из воспоминаний, гораздо моложе, почти ребенок. Он не знал, сколько лет прошло между двумя их встречами. Для него эти годы сократились до нескольких месяцев. Корсон отлично помнил ту Антонеллу. Странно встретить человека, с которым пережил столько приключений, когда он тебя еще не знает. Ему казалось, что женщина, стоящая перед ним, страдает амнезией.

— Вы воевали? — спросила она с ноткой осуждения и в то же время с интересом.

— Да, — ответил Корсон. — Это было неприятно.

Она задумалась.

— Я хотела бы вас спросить... можно?

— Конечно.

Она покраснела.

— Вы уже кого-нибудь убили, Корсон?

Глупая девчонка!

— Нет, — ответил он. — Я был инженером и никогда никого не удушил и никому не перерезал горла своими руками, если это вас интересует.

— Я была в этом уверена.

— Но я нажимал кнопки, — продолжал Корсон.

Она не поняла.

— Хотите сигарету? — спросила она, вынув коробочку из складок туники. Он узнал ее.

— Нет, спасибо, — сказал он, хотя и чувствовал огромное желание закурить. — Я давно не курю.

Она стала настаивать.

— Это настоящий табак, не синтетический.

— Не хочу, — сказал он. — Я бросил курить.

— Как и все люди. Я осталась одна со своей привычкой.

Однако она отложила коробочку в сторону.

«Как я мог ее любить? — задумался Корсон. — Она кажется такой поверхностной, такой пустой. Вопрос возраста, а может, обстоятельств. Когда я начал ее любить?» Он порылся в памяти,

и перипетии их совместного приключения поднялись на поверхность сознания, словно пузырьки газа. Шар, попытка вербовки, планета-мавзолей, бегство, короткое пребывание в лагере Верана...

Нет, это было гораздо раньше. Он сделал усилие. Это было, когда он ее поцеловал. Нет, за мгновение до этого. Он подумал тогда, что она одна из самых привлекательных женщин, которых он встречал в своей жизни.

Он полюбил ее, когда из зажигалки выскочил язычок пламени. Он почувствовал гипнотическую ловушку и подумал, что она хочет заставить его говорить, а она хотела только, чтобы он полюбил ее. И это ей удалось. Теперь его не удивлял лукавый ответ, полученный на вопрос, почему она не предвидела, что маневр не удастся. Было ли это обычаем жителя Диото? Корсон ощутил нарастающий гнев, но быстро успокоился. Во все времена женщины представляли ловушки мужчинам. Это было одним из законов вида, и женщины не могли нести за это ответственности. «Я мог бы оставить ее в лагере. Верана, — подумал он, — чтобы показать, что у мужчин тоже есть свои методы. Но я этого не сделал». Именно там он действительно полюбил ее: когда она проявила свое хладнокровие. И потом, на планете-мавзоле, когда она была так человечна и испуганна.

Кроме того, у него не было выбора. Он будет вытаскивать ее — и самого себя — из когтей Верана, а на планете-мавзоле подбросит для них мешок с продуктами. До того момента его роль была определена. Но что дальше? Придется ли ему после отправки сообщения поставлять Верану рекрутов и оборудование, как требовал беглец с Эргистала?

Все это не имело смысла. Почему другой Корсон привел их после бегства на планету-мавзолей? Может, это обязательный контактный пункт, место временного узла? Но Корсон уже начинал ориентироваться в дорогах времени и был почти уверен, что ничего такого нет. Когда он проводил спасательную операцию, то с тем же успехом мог привести беглецов сюда, на этот пляж, где заседал Совет Урии, сам готовый вернуться на Эргистал, если бы его пребывание там оказалось необходимым. Он знал, что был там и изменился. И научился многим вещам, нужным для осуществления плана.

Он вспомнил металлическую табличку, лежавшую на мешке с продуктами перед дверями мавзолея. В тот момент письмо показалось ему непонятным. Он осмотрел карманы скафандра и нашел плакетку, хотя много раз менял одежду. Видимо, он автоматически перекладывал содержимое из кармана в карман.

Буквы были глубоко врезаны в металл:

«Даже пустая упаковка может еще пригодиться. Есть много способов вести войну. Запомни это».

Он тихо свистнул сквозь зубы. Пустые упаковки, пустые оболочки? Разумеется, это означало полуживых из мавзолея. Он подумал, что их должны снабжать искусственными индивидуальностями и использовать как роботов. Он думал даже, что они андроиды, но пупок на животе у каждой не оставлял никаких сомнений. Они жили и в то же время не жили, хотя замедленная активность их тел могла создавать видимость жизни. Корсон насчитал их более миллиона, хотя и не дошел до конца мавзолея. Он его даже не увидел. Это была великолепная потенциальная армия, удовлетворившая бы самые безумные желания Верана. Но это были женщины. Когда Антонелла вошла в лагерь, полковник счел необходимым усилить дисциплину. Он не был до конца уверен в своих людях. Веран не боялся измены из тщеславия или из-за денег, но у физиологии были свои законы, и он не рисковал с ними играть.

Корсон поднял руки к шее. На ней по-прежнему был обруч, такой легкий, что он порой забывал о нем. Крепкий и холодный. Мертвый и более опасный, чем гремучая змея. Однако, змея спала. Идея воспользоваться полуживыми рекрутами, вероятно, не содержала намека на враждебные намерения.

В этой идее было что-то от методов богов Эргистала. Чтобы избежать неразберихи, следует пользоваться военными преступниками или жертвами какого-либо конфликта. Эти казуисты выбирали меньшее зло. Точнее, они были абсолютными реалистами. Эти женщины были неживыми, как пустые упаковки. Они не могли уже мыслить, творить, действовать, даже просто чувствовать иначе, чем в чисто биологическом смысле. Впрочем, они еще могли рожать, и на это ему еще придется обратить внимание. Снабжение их искусственными индивидуальностями было гораздо меньшим преступлением, чем уничтожение одним нажатием кнопки города, населенного разумными существами. В принципе это не было преступлением, как не была преступлением пересадка органов. Земные хирурги давно разрешили эту проблему, и мертвый служил живому.

— Все хорошо, — сказал он, глядя на Антонеллу. Она не шевельнулась.

«Слишком молода, — подумал он. — Воспитана в шелках мира, который не знает ни болезней, ни страданий. Как прекрасный цветок. Ничего, она изменится, и тогда он сможет ее полюбить. О боже, чтобы ее найти, я разберу Эргистал на кусочки. Они не могут держать ее там, ведь она не совершила никакого преступления».

И это объясняло присутствие Корсона. Антонелла не смогла бы сделать ни того, что сделал он, ни того, что еще нужно было сделать. Этого не смог бы сделать никто из их эпохи: у них не было нужной твердости, они принадлежали другому миру и сражались

на другом фронте. К несчастью для них, опасность не была полностью исключена, и ликвидация ее была делом людей, подобных Корсону. «Мы уборщики истории,— подумал он,— ее мусорщики. Мы ходим по колено в крови, чтобы под ногами у наших потомков была чистая земля».

— Вы будете купаться? — спросила девушка.

Он кивнул головой. Море его отмое. А может, не хватит и целого моря.

— 35 —

Когда он вышел из воды, Сид уже вернулся. Корсон под каким-то предлогом отослал Антонеллу и представил свой план. Все вместе выглядело толково, хотя детали были еще неясны. Например, Корсону мешал обруч. Он не знал, как можно от него избавиться. Может быть, на Эргистале или во время одного из путешествий в будущее. Однако, пока это небольшое неудобство оставалось.

Бегство не представляло никакой проблемы. Кроме обруча, Верай снабдил его целым арсеналом разного оружия. Он считал, что может ничего не бояться, и полагал, что каждый свободный мужчина необходим на войне. Один из аппаратов создавал поле, гасившее свет. Модифицируя его, Корсон хотел расширить радиус действия, разряжая батарею за пару минут. Дополнял аппарат ультразвуковой локатор, позволявший двигаться в темноте. Мешок с продуктами, оставленный на планете-мавзоле, был частью экипировки гипрона. Оставались два скафандра, которые должны были надеть второй Корсон и Антонелла. Корсон считал, что в суматохе, вызванной его вторжением, ему удастся похитить их без особого труда.

Вопреки ожиданиям, Сид даже глазом не моргнул, когда Корсон дошел до самого деликатного места плана: реанимации полуживых на планете-мавзоле. Или это был нечувствительный человек, или у него был твердый характер. Вероятнее всего, второе.

— У меня есть некоторые представления о технике реанимации,— сказал Корсон,— и пересадке искусственной индивидуальности, но мне нужно оборудование и, возможно, профессиональная помощь.

— Думаю, вы найдете все, что нужно, на планете-мавзоле,— сказал Сид.— Ваши коллекционеры наверняка все предусмотрели. А если вам нужен совет, то лучше всего было бы уведомить Эргистал.

— Как? Кричать во все горло? Может, они постоянно следят за мной?

Сид слабо улыбнулся.

— Вероятно. Но это не метод. Вы можете связаться с ними

с помощью гипрона. Вы совершили путешествие на Эргистал, и дорога эта навсегда осталась в вашей нервной системе. Кроме того, это не столько дорога, сколько способ смотреть на вещи. Эргистал занимает поверхность Вселенной, то есть находится везде. Поверхность гиперпространства является пространством, число измерений которого на единицу меньше измерений гиперпространства. Это не совсем точно, поскольку число измерений этой Вселенной, возможно, лишь абстракция, но для практических нужд вам ничего другого не требуется.

— Но как я это сделаю? — беспомощно спросил Корсон.

— Я знаю гипронов хуже вас и никогда не был на Эргистале, но, полагаю, достаточно установить эмпатический контакт, который позволит вам управлять гипроном. Вспомните свое путешествие, а гипрон инстинктивно внесет нужные коррективы. Не забываяте, что у него есть доступ в ваше подсознание.

Сид потер подбородок.

— Заметьте, — продолжал он, — что все началось с гипронов, по крайней мере на этой планете. В эту цепь вероятностей или в иную, соседнюю, вы ввели первого гипрона. Ученые Урии изучили его потомство и поняли принцип временной трансляции. Затем им удалось снабдить ею людей, поначалу в небольшой степени. Я сказал вам, что это дело не столько способностей, сколько способа смотреть на вещи. Нервная система человека не имеет особых свойств, зато имеет свойство приобретать их, а это гораздо лучше. Несколько веков назад, в начале контролируемого нами отрезка, люди с Урии могли предвидеть только несколько секунд из своего будущего. По непонятным причинам у старых уриан — птиц — с этим были гораздо большие трудности.

— Это хорошо, — сказал Корсон, вспомнив Нгала Р'нда. — Но люди, которых я встретил после прибытия сюда, уже умели это делать. А исследование гипронов не могло произойти раньше.

Сид снова улыбнулся.

— Сколько человек вы встретили?

Корсон задумался.

— Двух, — сказал он, — только двух. Флорию Ван Нелл и Антонеллу.

— Они прибыли из вашего будущего, — сказал Сид. — Затем те, что имели лучшие способности, вошли в контакт с Эргисталом, и все стало лучше.

Он выпрямился и глубоко вздохнул.

— Мы начали передвигаться во времени без гипронов и без машин, Корсон. Сейчас нам еще нужен небольшой аппаратик — своего рода карманная память, — но скоро мы научимся обходиться и без него.

— Скоро?

— Завтра или через сто лет. Это не самое главное. Для того, кто им овладел, время уже не играет роли.

— До того времени умрет много людей.

— Вы тоже однажды уже умерли, не так ли, Корсон? Но это не мешает вам выполнять свое задание.

Корсон замолчал и сосредоточился на своем плане. Подсказки Сиды устраняли две трудности: дрессировку гипрона, чтобы он забрал Антонеллу и второго Корсона на Эргистал, и информацию о планете-мавзоле. Раз он был там однажды, то сможет вернуться снова. Для человека было явно невозможно познать положение миллиардов небесных тел, заполняющих этот район Вселенной, не говоря уже об изменении их положения с течением времени. Но он всегда сможет найти дорогу, по которой уже прошел. Точно так, как не нужно перечитывать все книги, чтобы уметь читать несколько из них.

— Мы могли бы потренировать вас, Корсон,— сказал Сид, роясь в песке,— но это заняло бы много времени, а кроме того, эта линия вероятности довольно зыбка. Лучше вам использовать гипрона. Если же говорить о нас, то мы стараемся обходиться без них.

Он вытащил контейнер из гравированного серебра и сказал:

— Вы наверняка проголодались.

36

Корсон провел на пляже три декады, но большую часть времени посвятил разработке плана. По памяти он нарисовал подробный план лагеря Верана. У него будет очень мало времени, чтобы провести двух беглецов к гипронам, и не может быть речи о блуждании в лабиринте тропинок. Он также выбрал основные черты искусственной личности, которой снабдит полуживых. Пока он не знал, как доставить их с планеты-мавзолея на Урию, но когда кончатся предыдущие фазы программы, будет время подумать и об этом.

Он купался, разговаривал или играл с Антонеллой, работал вместе с членами Совета. На первый взгляд эта работа казалась не слишком тяжелой, но постепенно Корсон осознал всю ответственность, лежащую на Сиде, Сельме и второй женщине по имени Ана. Случалось, они исчезали то на несколько часов, то на многие дни. Много раз он видел их такими усталыми, что они не могли даже слова сказать. Иногда из небытия появлялись какие-то незнакомцы, просили совета или приносили сообщения. Почти каждый день хотя бы один из членов Совета на долгие часы устанавливал контакт с Эргисталом. Чаще всего это делали женщины. Может, они опередили Сиду в овладении временем? А может, существа с Эргистала предпочитали иметь дело именно с этими со-

беседницами? Некоторые из этих сеансов были просто ужасны. Однажды Корсон проснулся от воя: это Ана извивалась на песке, явно в припадке эпилепсии. Прежде чем он успел что-либо сделать, Сид и Сельма легли по обе стороны Аны и тоже вошли в контакт. Стоны и судороги Аны прекратились через несколько минут. На следующий день Корсон не отважился спросить, что это было.

Поскольку у него было время для размышлений, он думал, какова была история тех шести тысяч лет, которые он перепрыгнул. Однако, полученные ответы не слишком его удовлетворяли. Шесть тысяч лет — это огромный отрезок времени, его почти невозможно представить. Столько не прошло даже с момента первого выхода человека в космос до рождения Корсона. Наука пережила поистине гигантский прогресс, а жизненное пространство человека увеличилось на целую энциклопедию новых планет. Может, первооткрыватели установили контакт со старыми расами из легенд, в миллионы раз более развитыми, чем люди? Ответ на этот вопрос был, скорее всего, отрицательным. Корсон сомневался, что человечество смогло бы перенести этот шок. Если такие развитые виды воздействовали на эволюцию человечества, то это не были наивные формы агрессии или «мирного обмена». Воздействие могло происходить во всех местах реки времени. Что больше всего удивляло Корсона, так это «провинциальный» характер ответов Сиды, Сельмы и Аны. Они знали немного историю Урии и десятка ближайших звезд, однако ничего не могли сказать об истории в масштабах всей Галактики. Даже само понятие галактической истории было им чуждо. Сначала Корсон думал, что эти понятия слишком грандиозны, и один человеческий разум не может их охватить. Потом он понял, что иным было их понятие истории. Они понимали ее как наложение ситуаций и кризисов, ни один из которых не был неизбежен, а ход истории повиновался определенным законам. Каталог всех возможных кризисов интересовал их в такой же степени, в какой каталог технических решений интересовал инженера времен Корсона, или атлас возможных вирусных изменений клетки — врача, а таблица затмений — астронома. Имелись принципы, описывающие большую часть конкретных ситуаций. Появление ситуаций, не объясняемых наличными принципами, раньше или позже приводило к созданию новой системы принципов. Единственной признаваемой ими историей была История следующих друг за другом наук об истории. Никто из них не специализировался в этой области, а разнородность человеческих и чужих миров в данный момент — если это выражение еще имело смысл — составляла почти полную гамму возможных ситуаций. Галактическая цивилизация была островной цивилизацией. Каждый остров имел свою собственную историю, свои собственные правила общественной жизни, а интерференции были относительно мало-

численны. Корсон понял, что война была связующим звеном тех планет, которые назывались Солнечной Державой, и тех, что образовывали Империю Урии, а также — всех более поздних конфедераций.

Однако оставалась проблема Урии. Корсон хотел знать, была ли Урия ключевой, стратегической планетой, которая благодаря этому привлекла внимание богов Эргистала. Для Сиды проблема эта была лишена смысла, Ана считала, что уриане призваны сыграть особую роль во Вселенной по причине их власти над временем, а по мнению Сельмы все планеты были одинаково важны, а власть над временем давалась достаточно развитым видам богами Эргистала в тот момент, который они считали самым подходящим. После всего этого Корсон понял, что не продвинулся вперед ни на шаг.

У него то и дело возникали сомнения. Глядя на живущих рядом, Корсон порой задумывался, не сошел ли он с ума. У него не было иных доказательств их власти над временем, кроме частого отсутствия. Они могли обманывать его, сознательно или нет. Но они знали о нем слишком много, знали о его прошлом, об Эргистале. А еще могли перехватывать гипронов, в этом Корсон не сомневался. С его точки зрения в свободные минуты они не выказывали никаких признаков отчуждения. Вели себя как нормальные люди, даже более уравновешенно, чем те, кого Корсон знал во время войны. Это тоже удивляло его. Люди, принадлежащие к обществу, которое старше твоего на шесть тысяч лет, должны чем-то отличаться. Потом он вспомнил Туре, вырванного из легендарных времен Земли, из стародавнего мира, где люди только что вышли за пределы своей планеты. И тогда он тоже не заметил разницы. А Туре удивительно хорошо приспособился к жизни на Эргистале, который будет создан через миллион или даже миллиард лет после его рождения. Корсон подумал, что миллиард даже более вероятен. Тут Корсон вдруг сделал вывод, что его союзники были разными. Они составляли единство, тогда как его общество знало только единицу и группу для решения задач. Особенно тесная связь объединяла Сиду и Сельму, но не так, чтобы Ана была исключена, скорее, наоборот. Все трое старались щадить Корсона. Жизнь на пляже казалась идиллией, но в то же время до некоторой степени исключала интимность.

Интересно, что Антонелла, казалось, оставалась в стороне. Она играла роль гостя еще в большей степени, чем Корсон. Вся троица не исключала ее из группы и даже поддерживала с ней теплые отношения, однако она выпадала из их стиля: у нее не было ни пикантной стихийности Сельмы, ни слегка беззаботной чувственности Аны. Она казалась маленькой девочкой, кружившей вокруг Корсона, как пчела вокруг куска хлеба с вареньем. Она была с ним реже,

чем две остальные женщины, но, нужно отдать ей должное, не проявляла из-за этого ревности. Почти неуловимую, но реальную дистанцию между ней и остальной тройкой Корсон приписывал меньшему жизненному опыту, более ограниченному образованию и факту ее прибытия из другой эпохи. Из какой — он никогда не спрашивал. Ответ был бы ему непонятен из-за отсутствия точки отсчета. Каждый раз, когда он выспрашивал, что она делала прежде, ответом были лишь общие фразы. Казалось, у нее нет воспоминаний, о которых стоит говорить. Корсону было интересно, почему в будущем, встретив его второй раз, она ничего ему не скажет о Сиде, Сельме и Ане, об этом спокойном отпуске на пляже. Ответить было трудно. Может, она боялась темпорального столкновения или просто не имела причин говорить об этом. В то время Сид, Сельма и Аня были для нее только именами.

Но сейчас это были настоящие друзья. Корсон не помнил, чтобы в прошлом испытывал к людям такую симпатию. Особенно он любил вечера, когда все собирались и обменивались мнениями. Тогда ему казалось, что все трудности позади, и они обсуждают давно минувшие дела.

— Не забудь отправить то сообщение, Сельма.

— Можешь считать, что уже отправила, — говорила Сельма.

— И подпиши его моим именем: Жорж Корсон. Этот старый лис Веран знал его, прежде чем меня его представили. И скажи ему, что на Урии он найдет оружие, рекрутов и гипронов.

— Судя по твоему беспокойству, Корсон, можно подумать, что речь идет о любовном послании.

— Последний раз я видел его на краю большого океана Эргистала, там, где море уступает место пространству. Надеюсь, этого адреса хватит. Сейчас, когда я об этом думаю, мне кажется, что Веран был в опале. Полагаю, он просто бежал.

— Мы отправим ему на Эргистал сообщение до востребования.

Однажды он объяснил Сельме войсковую систему почтовых секторов, которой пользовались в его время, и склады посылок до востребования, ждущие эскадру год, два или десять, а иногда и всю остальную часть вечности. Это были автоматические корабли, они самостоятельно шли в назначенную точку, где и оставались на время, необходимое для приемки корреспонденции. Сельма сочла эту систему абсурдной и комичной одновременно. Она почти разозлилась, и Корсону пришлось в голову, что ожидание сообщения было для нее понятием совершенно неприемлемым. Каждый день она получала вести из эпохи, в которой сама давно уже не существовала.

Потом Корсон обратился к Сиду:

— Ты уверен, что дезорганизации лагеря Верана будет достаточно? Что граждане Урии справятся с солдатами и гипронами?

— Совершенно уверен, — ответил Сид. — Кроме того, ни у кого из солдат Верана нет офицерского звания выше капитана. Как только он будет нейтрализован, остальные прекратят сопротивление.

— Может, все вместе, но не в одиночку. Они умеют сражаться до конца, каким бы он ни был.

— Вряд ли они захотят, учитывая то, что ты им предложишь. Кроме того, ты недооцениваешь жителей Урии. Конечно, это не ветераны, но, думаю, Веран проиграл бы и без твоего плана. Погибло бы много людей, чего мы и хотим избежать, но в конце концов Веран был бы побежден. Но это наше дело.

Мысль об этом наполнила Корсона страхом. Он знал, что люди Верана будут дезориентированы исчезновением боевой дисциплины, к которой привыкли. Однако у них было грозное оружие, и они умели им пользоваться.

— Я хотел бы на это посмотреть, — сказал Корсон.

— Нет, у тебя будет другая миссия, а там тебя могут убить или ранить. Это привело бы к серьезной пертурбации. —

Сид с самого начала настаивал, чтобы Корсон держался в стороне от возможного поля битвы. Корсон согласился, ничего не понимая. Он не мог привыкнуть к мысли, что эта битва уже произошла и, в некотором смысле, уже выиграна.

Однажды вечером Сид не стал приводить свои обычные аргументы, а просто сказал:

— Надеюсь, ты уже закончил подготовку, дружище. Время идет. Завтра ты должен отправляться.

Корсон задумчиво кивнул головой.

В тот же вечер он увел Антонеллу в конец пляжа. Она вела себя пассивно, а у Корсона сохранились другие воспоминания. Она не была ни испугана, ни страстна, просто уступила ему, хотя триста лет назад на этом же пляже показала пылкий темперамент. В одном он был уверен: она не была девушкой. Впрочем, для него это не имело значения. Прижав ее к себе, Корсон заснул.

Наутро он надел упряжь на гипрона. Редко удавалось занять им, но животное почти не требовало опеки. Корсон много думал, что хорошо бы было научиться вступать в контакт с Эргисталом, однако так и не собрался заняться этим. Он спросит Антонеллу, если будет нужно. Ему становилось плохо при одном воспоминании о голосе, который он слышал под пурпурными небесами.

Сид был на пляже один. Он подошел к Корсону, когда тот уже готовился сесть в седло.

— Удачи, дружище, — сказал он.

Корсон заколебался. Он не собирался произносить речь, но и не хотел исчезать молча. Утром, когда он проснулся, Антонеллы не было. Может, она хотела избавить его от прощальной сцены?

— Спасибо,— сказал он.— Желаю вам жить до конца вечности.

Он облизнул губы. Столько нужно сказать, столько спросить! Но время шло. Наконец, он выбрал главное:

— В тот вечер, когда я появился здесь, ты сказал, что вам нужны размышления. Только для того, чтобы править веками?

— Нет,— сказал Сид.— Путешествие во времени — наименее важный аспект этой проблемы. Мы пробуем привыкнуть к концепции другой жизни, которую называем сверхжизнью. Это... как бы тебе сказать... жить одновременно многими возможностями, может, даже всеми. Существовать одновременно на многих линиях вероятности. Быть сразу многими, оставаясь одним. Подумай, что случится, если каждое существо введет свои модификации в историю. Эти модификации начнут воздействовать друг на друга, пойдет интерференция, то выгодная, то нет. Ни один человек не может в одиночку достичь сверхжизни, Корсон! Каждый является возможностью другого. Но чтобы пойти на риск и воздействовать на свою и его судьбу, нужно этого другого очень хорошо знать. К этому мы и готовимся — Сельма, Ана и я. Перед нами дальняя дорога.

— Вы станете такими же, как те, с Эргистала,— сказал Корсон. Сид покачал головой.

— Они будут другими, Корсон. Они не будут ни людьми, ни птицами, ни ящерами, ни потомками существующих видов. Они будут всем этим одновременно, точнее, были всем этим. Корсон, мы ничего не знаем об Эргистале. Мы знаем только то, что можем увидеть. Не потому, что нам позволяют увидеть только это, а потому, что больше мы не в состоянии разглядеть. Мы раскрашиваем Эргистал в свои цвета. Они там владеют чем-то, чего мы боимся.

— Смертью? — спросил Корсон.

— О, нет,— ответил Сид.— Смерть не пугает тех, кто увидел сверхжизнь. Не страшно умереть один раз, когда остается бесконечность параллельных существований. Но есть нечто такое, что мы называем сверхсмертью. Она заключается в перенесении существования на плоскость теоретической возможности, на исключении со всех линий вероятности. Нужно контролировать все креоды Вселенной, чтобы избежать этого. Нужно перемешать свои собственные возможности с возможностями целого континуума.

— Ага,— сказал Корсон,— так вот почему они боятся того, что находится Извне, вот почему окружают свой мир защитной стеной войн.

— Возможно,— ответил Сид.— Я никогда там не был. Но мои слова не должны тебя пугать. Возвращайся сюда, как только закончишь.

— Вернись,— сказал Корсон.— Надеюсь снова увидеть вас. Сид двусмысленно улыбнулся.

— Корсон, дружище, не очень на это надейся. Но возвращайся скорее. Твое место в Совете Урии. Удачи.

— Прощай! — крикнул Корсон.

И мысленно прищипорил гипрона.

Чтобы запастись двумя космическими скафандрами, он сделал первый прыжок. Лучше было провести бегство на два счета. Он решил действовать за минуту до времени бегства. Это позволило ему определить линию обороны и вызвать суматоху, нужную для проведения второй фазы.

Забраться в одну из палаток интендантства не составило большого труда. Как он и ожидал, ночь не ослабила бдительности в лагере Верана. Едва он забрал два скафандра и вернулся к своему гипрону, как зазвучал сигнал тревоги. Палатка, которую он ограбил, находилась почти на другой стороне сектора, в котором стояла палатка с Антонеллой и вторым Корсоном. Первым порывом охраны будет осмотр места происшествия, и у них не останется времени вернуться.

Он прыгнул на несколько дней в прошлое, выбрал уединенное место и внимательно осмотрел скафандры. Можно было приступить ко второй фазе. Корсон синхронизировался в нужном месте и поставил гипрона в загородке, предназначенной для животных. В суматохе никто не обратил на него внимания. Одет он был по уставу и вполне мог, например, возвращаться с патрулирования. Корсон включил глушитель света и побежал по тропинкам лагеря так быстро, как только позволяло зыбкое изображение окружающего, открытое ультразвуковым локатором. Он прикинул, что должно пройти секунд десять, прежде чем охрана вспомнит о своих приборах. Впрочем, это им мало поможет, ведь они не знают, откуда началась атака. Радиус действия локаторов был ограничен, а интерференция значительно ухудшала картину. Офицеры потратили бы по крайней мере минуту, чтобы заставить своих людей выключить лишние аппараты. Этого вполне хватало, если только Антонелла, используя дар ясновидения, убедит Корсона в необходимости сотрудничества. А он уже знал, что это ей удалось.

Все прошло так, как он и предвидел. Он постарался затемнить свой шлем, чтобы тот Корсон его не узнал, и объяснялся только знаками. Ни к чему было вводить в разум того Корсона дополнительные усложняющие сведения.

Сначала они мчались в пространстве, потом прыгнули во времени. Корсон приказал своему животному сделать несколько быстрых маневров, чтобы сбить со следа погоню. Второй гипрон следовал за ним, как привязанный. Солдаты Верана не знали их цели и могли бесконечно обшаривать континуум, не находя планетывавзолея. Кроме того, Веран отзовет погоню, как только патруль сообщит, что Корсон вернулся.

Планета-мавзолей. «Интересно,— подумал Корсон,— когда я открыл ее впервые?»

Он сам себе показал дорогу, проделав брешь в законе нерегрессивной информации. Информация здесь кружила по кругу. Но ведь у всего есть свое начало. Может, это была только иллюзия? Может, гораздо позднее он найдет планету-мавзолей впервые и постарается привести информацию в круговое движение? Может, глубокая дорога, сейчас ему неизвестная, соединяет все возможности Корсона? Пока он не мог разрешить этой загадки, просто не было данных.

Над определенной точкой планеты, передав точные инструкции, он отпустил гипрона, уносящего Антонеллу и второго Корсона, а сам сделал новый прыжок в будущее. Он не нашел ни малейших следов своего пребывания здесь. Это был хороший знак — сначала Корсон боялся, что окажется лицом к лицу с самим собой или найдет два побелевших скелета.

Он спустился с гипрона и вошел в мавзолей. Здесь ничего не изменилось, и Корсон взялся за дело. Время для него словно остановилось.

Догадка Сиды оказалась верной. Оборудование, нужное для реанимации и пересадки искусственной индивидуальности, находилось в подземном этаже огромного здания, но вход ему удалось найти только зондируя фундамент с помощью гипрона. Операция оказалась даже проще, чем он предполагал: в основном все делали автоматы. Боги войны, собравшие эту гигантскую коллекцию, любили быструю работу и в то же время, несомненно, еще меньше Корсона знали принципы реанимации тел.

У него дрожали руки, когда он приступил к первой пробе. Для начала Корсон спроектировал искусственную индивидуальность с пятисекундным периодом существования. Женщина открыла глаза, издала какой-то звук и вновь замерла.

Результат первой серьезной пробы был очень неприятен. Огромная блондинка с классическими формами, почти на голову выше его, соскочила со стола, что-то крикнула, бросилась на него и заключила в объятия, едва не задушив при этом. Пришлось ее оглушить. Диагноз гласил: слишком много фолликулина.

Чтобы прийти в себя, он решил пока подложить мешок с продуктами и плакеткой под двери мавзолея. Маленькая металлическая плитка была теперь почти гладкой. Несколько опытов убедили Корсона, что образующие ее кристаллы реагируют на течение времени. Деформированные, они сохраняли «память» о первоначальной конфигурации. Таким образом, нужно было лишь достаточно глубоко нацарапать буквы. Он сделал несколько расчетов и начал выписывать сообщение. Интересно, что произойдет, если он заменит какое-нибудь слово? Вероятно, ничего. Предел

пертурбации не будет достигнут. Однако Корсон решил следовать своей памяти. Ставка в игре была слишком велика.

Оставалось решить вопрос с обучением гипрона, который забереет Антонеллу и того Корсона на Эргистал. Тут он решил воспользоваться подстановкой, и, насколько умел, передал свои воспоминания животному, а потом убедился, что оно доставит пассажиров не только на поля битв Эргистала, но точно на то место, где оказался когда-то он сам. Дальше он уже не мог контролировать движение гипрона, однако полагал, что, оказавшись в тех же самых условиях, животное спонтанно прореагирует так же. Возможность расхождения была невелика. Кроме того, он вполне мог доверять тем, с Эргистала, если говорить о деталях такого рода. Корсон обучил гипрона, чтобы он среагировал на само название «Эргистал», произнесенное громким голосом.

Взамен он получил множество сведений на тему обычаев, воспоминаний и мотиваций гипрона. Видовая память животного, хотя и ослабленная в неволе, была достаточно хороша, чтобы Корсон создал себе образ его родного мира. К своему удивлению, он обнаружил, что гипрон, которого он научился бояться, по крайней мере в диком виде, был пуглив, как кролик. Хотя образ его первых, конечно, давно не существующих хозяев, виделся не совсем ясно, было очевидно, что гипрон восторгался ими и одновременно боялся их.

Подстановка прошла успешно. Корсон заменил даже упряжь гипрона. Он не хотел, чтобы внимание того Корсона привлекла какая-нибудь цапаина на ремнях. Мешок с продуктами он оставил на видном месте перед дверями.

Потом он вернулся к моменту, в котором начал витализацию трофеев богов войны. Корсон не знал, что случится, окажись он лицом к лицу с самим собой, но память гипрона избавила его от этого. Животное отказывалось пользоваться дорогами, на которые уже ступало. Видимо, оно чувствовало свое присутствие через секундный экран времени и инстинктивно передвигалось в другое место. В каком-то смысле, оно слепо подчинялось закону нерегрессивной информации.

Корсон вновь взялся за подготовку рекрутов для Верана. Теперь он работал торопливо, чтобы быстрее со всем покончить. Он немного боялся, что боги войны застанут его врасплох, и придется с ними рассчитываться, но несколько путешествий в будущее и близкое прошлое немного его успокоили.

Он создал три разные модификации искусственной индивидуальности. Одинаковое поведение женщин могло сразу же разоблачить обман. С той же целью он выбрал «образцы» разных типов, избегая слишком сходных. После первого опыта он собирался наделить реанимированных женщин сексуальной холодностью, но, посмотрев на результаты, ввел в матрицу несколько женственных

черт. Его сильно беспокоило, насколько стабильны искусственные индивидуальности. Слишком короткая жизнь матриц могла завалить весь план, но в то же время Корсон не хотел давать этим муляжам долгую жизнь. Хотя он считал их только манекенами, его начинало тошнить при мысли о том, как с ними могут обойтись люди Верана. В конце концов он решил отвести им сорок восемь часов плюс-минус десять процентов. Когда это время кончится, рекруты Верана утратят видимость жизни и погибнут из-за отсутствия необходимого оборудования. Если ситуация будет развиваться так, как он предполагал, все произойдет в течение нескольких часов или даже минут. В противном случае его план рухнет. У Верана будет время подчинить себе своих солдат и безжалостно уничтожить новых рекрутов.

Тут Корсон задумался, сколько тел надо оживить. Слишком малое их число грозило вызвать ссоры между солдатами, которые, вероятно, будут решаться по слову вождя. С другой стороны, слишком массовая операция создаст проблему с транспортировкой и вызовет недоверие армии Верана к его армии. Корсон поначалу подумал, что шестисот человек вполне хватит, но потом решил витализировать две тысячи женщин. Сделать это самому было практически невозможно, и он снабдил двадцать тел такими личностями, чтобы они могли ему ассистировать. Это были точные и неутомимые инструменты. Ему стоило немалого труда сдерживаться и не кричать на них: постоянное молчание и вечные улыбки манекенов действовали ему на нервы.

Когда Корсон убедился, что может оживить две тысячи рекрутов за несколько часов, перед ним встала проблема одежды и транспорта. В мавзолее ничего такого не было. «Незачем одевать мотыльков!» — с горечью подумал Корсон. Он совершил несколько путешествий в соседнюю планетную систему, нашел войсковой склад и бессовестно его ограбил. Оставалось только надеяться, что эта кража не вызовет серьезного катаклизма в истории планеты. По опыту он знал, что, несмотря на автоматизированные системы учета, из интендантств всех армий Вселенной порой исчезали большие партии амуниции, и это не вызывало больших пертурбаций. Какой-нибудь чиновник для оправдания беспорядка в накладных проведет несколько бессонных ночей, придумывая более-менее правдоподобную историю. В худшем случае, его просто уволят в отставку. Не эти люди творят историю.

С транспортом было сложнее. Еще немного, и Корсон вызвал бы Эргистал. Но эту мысль он отложил на самый крайний случай: просить помощи у богов Эргистала казалось ему неприемлемым. Он сохранил слишком яркое воспоминание о презрении, звучавшем в Голосе. Корсон предпочитал быть пешкой, но не роботом. Может, это инфантильная позиция, зато его собственная. В конце

концов он пришел к решению, скорее эффективному, чем эстетичному. С помощью своих ассистенток он демонтировал несколько перегородок мавзолея и таким образом получил большие металлические плиты, из которых начал строить большую герметичную кабину. В конце концов, между Эргисталом и Урией он путешествовал в чем-то вроде гроба. Один гипрон мог забрать с собой в пространство и время значительный груз, если путь был не слишком далек. Веран таким же образом транспортировал снаряжение. Несколько проб убедили Корсона, что так можно перевозить одновременно двести человек.

Он пробыл на планете-мавзолее более двух недель, армейские пайки давно кончились, но он основательно запаса на складах ближайшей планеты. Своих ассистенток, за неимением лучшего, он кормил сывороткой и глюкозой — им вполне хватало. Он совершенно вымотался. Конечно, можно было отдохнуть, но он не собирался оставаться в этом мрачном мире ни одной лишней минуты.

Он внимательно проследил за реанимацией первой группы и подсадкой искусственной индивидуальности. Наконец он увидел, как двести женщин покидают свои гнезда и разрывают асептическую оболочку, направляясь одна за другой к центральной аллее, и устало улыбнулся. Потом в глазах у него потемнело, накатила тошнота.

Одна из ассистенток удивленно повернулась к нему. Он слабо отмахнулся.

— Ничего,— сказал он.— Ничего страшного.

Как будто обращался к живому человеку.

Но в устремленных на него великолепных фиалковых глазах не отражалось ни беспокойства, ни жалости. Они понимали его, слушались, владели речью в определенных им самим пределах, но не более. Они не существовали. Каждый раз, когда он пытался забыть о происхождении этих женщин, их глаза напоминали ему об этом. Все они были всего лишь грубым, искаженным отражением его собственного разума.

Дверь мавзолея не хотела открываться перед женщинами, и Корсону пришлось стоять на пороге все время, пока они дефилировали перед ним, поднимали с травы одежду, одевались. Послушные его приказам, они натянули капюшоны и вошли в кабину, а затем погрузились в гипнотический транс. Корсон закрыл дверь кабины, подозвал гипрона, приладил упряжь, сел в седло и нырнул во время.

Они приземлились на Урии, вблизи лагеря Верана, вскоре после того, как он покинул планету, чтобы отправиться в будущее. Он отсутствовал на поляне всего несколько секунд, хотя его возвращение, реанимация второй группы и еще одно путешествие заняли

не один час. Он путешествовал так десять раз, и это заняло несколько полных суток его собственного времени. На третий день он, чуть не плача от усталости, повалился на землю и заснул. На пятый день даже гипрон начал выказывать признаки утомления, и Корсону пришлось ждать, пока животное отдохнет. В последний раз покидая планету-мавзолей, он освободил ассистенток. Сказал слово, и они молча упали, все еще улыбаясь.

На Урии он разбудил своих рекрутов, и выстроил длинной колонной. Когда подходили к лагерю, он оставил их на видном месте, на большом расстоянии от линии обороны, а сам окликнул охрану. Через минуту появился Веран.

— Ты выглядишь усталым, Корсон,— сказал он.— Кого ты нам привел?

— Рекрутов,— ответил Корсон.

Веран сделал знак. Артиллеристы навели замаскированные орудия, остальные направили на него детекторы.

— Надеюсь, что это не ловушка, Корсон. Хотя твое украшение...

— Никто из них не вооружен,— осторожно сказал Корсон.— За исключением меня.

— Точно,— подтвердил солдат с детектором.

— Хорошо,— решил Веран.— Ты сумел убедить тех, из будущего. Я люблю действовать, Корсон. Вели приблизиться первой шеренге и скажи, чтобы сняли капюшоны,— хочу увидеть их лица.

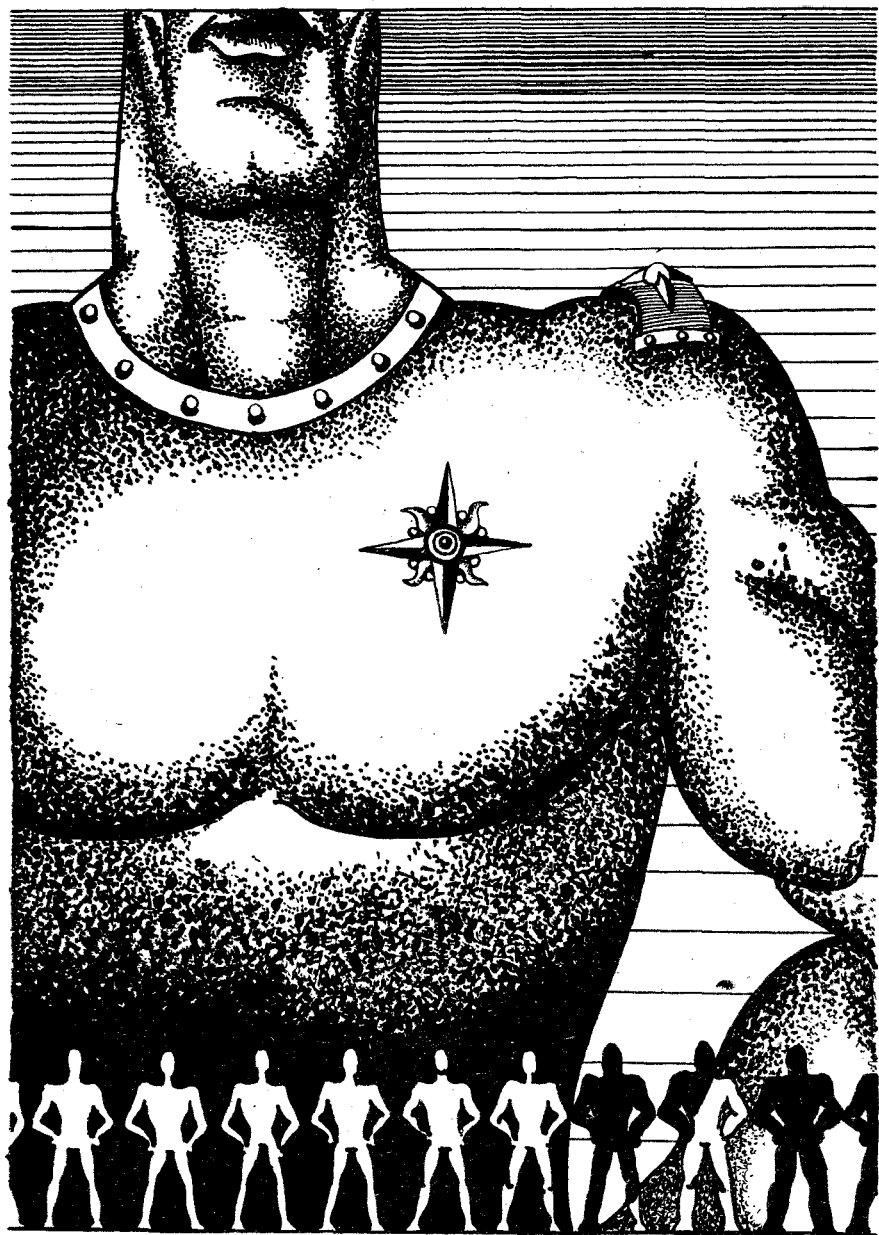
Весь лагерь, кроме охраны, собрался за спиной Верана. Корсон с удовлетворением заметил, что солдаты казались не такими каменными, как раньше. Несколько недель отдыха на Урии сделали свое дело. Дисциплина не ослабла, но некоторые малозаметные детали позволяли делать определенные выводы. Один из солдат сунул большой палец в карман брюк, второй спокойно сосал небольшой металлический тубик. Корсон попробовал сосчитать телохранителей Верана, определяя их по обручам, и насчитал двенадцать человек.

Он произнес какое-то слово, и первая шеренга шагнула вперед. Веран сделал знак, и светящаяся линия погасла. Двое солдат свернули часть провода. Казалось, Веран избавился от всех сомнений, но Корсон хорошо знал хитрость этого человека. Он никому не позволит войти в лагерь, если не будет уверен в безопасности.

Первая шеренга прошла, за ней с некоторым интервалом следовала вторая, третья, четвертая...

Корсон крикнул. Он был уверен, что никто в лагере Верана не обнаружил правды. Женщины были высокими, а свободная одежда скрывала их формы.

Повинуясь его голосу, первая шеренга одним движением сбросила с голов капюшоны.

Теперь уже ничего не было слышно, ни звука шагов, ни шелеста материи, только вдали посвистывал спящий гипрон.

В лагере кто-то сдавленно охнул. Кто-то рассмеялся. Потом кто-то крикнул:

— Женщины! Одни женщины!

— Их две тысячи,— медленно сказал Корсон.— Они сильны и послушны.

Веран не шелохнулся и не повернул головы. Только глаза его бегали. Он внимательно разглядывал женщин, потом перевел взгляд на Корсона.

— Сильны и послушны,— как эхо повторил он.

В лагере началось какое-то движение: солдаты наклонялись вперед, вытягивали шеи. Казалось, их глаза вот-вот выскочат из орбит.

— Хорошо,— сказал Веран, не повышая голоса.— А теперь забирай их обратно.

Какой-то солдат без оружия перескочил линию обороны и побежал к женщинам. Один из телохранителей Верана взял его на мушку, но Веран приказал опустить оружие. Корсон понял: Веран боится, но старается не показать этого. Он думал, что за всем этим кроется какая-то ловушка. Пусть в нее попадет этот солдат, чтобы остальным неповадно было.

Но ловушки не было, по крайней мере такой, как он ожидал. Когда бегущий преодолел половину расстояния, отделявшего его от женщин, Корсон произнес слово-клич — тихо, но выразительно. Он не хотел, чтобы люди в лагере приняли его приказ за сигнал к атаке.

Первая шеренга расстегнула свою одежду и сделала полшага вперед. Плащи упали на землю — под ними не было ничего. Женщины стояли в высокой траве, окруженные сверкающим ореолом. Волосы у них спускались до плеч, а иногда и ниже. Они почти не шевелились, дышали медленно и глубоко, их руки были пусты и вытянуты ладонями вперед.

Над лагерем повис странный звук, словно задышали меха в кузнице. Двадцать солдат бросились вперед, другие бросили оружие и побежали за ними, не зная еще, то ли затем, чтобы вернуть беглецов, то ли чтобы не оказаться последними. Один из телохранителей Верана хотел было открыть огонь, но его толкнул сосед. Из осторожности солдаты охраны поотключали свои батареи и сами поспешили к женщинам.

Первые в нерешительности ходили от одной к другой, не решаясь их коснуться. Наконец, один взял за руку великолепную блондинку. Она улыбнулась и пошла за ним. Корсон хотел сказать солдатам несколько слов, но все сладилось и без этого. Лагерь опустел. Однако Веран не хотел сдаваться. Вокруг падали люди, кто-

то пытался включить линию обороны. Видимо, Веран еще надеялся избежать большого кровопролития, еще думал, что сможет взять людей в руки. Но с ним остались только телохранители, да и те боролись без воодушевления.

Наконец Веран поднял руку, и стрельба прекратилась. Потом воцарилась ночь.

Она затопила лагерь, женщин, солдат. Корсон нерешительно отступил на шаг, потом лег на землю. Веран поставил на свою лучшую карту — глушитель света. Быть может, он наугад откроет огонь из своих батарей, целясь по периметру лагеря. Корсон попробовал ползти, потом перекатился на бок, собрался и крикнул, молотя руками загустевший воздух. Чья-то рука схватила его и повернула, а затем сжала шею и вздернула голову. У самого уха он услышал свистящий голос Верана:

— Ты достал меня, Корсон. Ты силен... сильнее, чем я думал. Я мог бы тебя убить, но не люблю хаоса. Оставляю тебе ключ... ключ от обруча. Подумай о других.

Что-то упало у ног Корсона, рука отпустила его горло. Он упал на четвереньки, пытаясь отдышаться. Где-то за его спиной Веран бежал к гипрону, которого Корсон не потрудился спрятать. На бегу он кричал: «Я еще сочтусь с тобой, Корсон! Обязательно сочтусь!»

Послышалось агрессивное шипение термического луча. Корсон вжался в землю и закрыл глаза. До него донесся запах паленого дерева и мяса.

Когда он открыл глаза, было светло. Все еще лежа, он осмотрелся. Более ста женщин и около двадцати солдат были убиты, больше дюжины — тяжело ранены, часть лагеря сгорела.

Корсон встал, повернулся, взглянул в направлении леса и увидел то, что осталось от Верана. Он сыграл своей последней картой и проиграл. Ему повезло быть убитым двумя разными способами. Термический луч, возможно, направленный в Корсона, настиг его, когда он был уже у гипрона, а тот, осознав опасность, на долю секунды раньше переместился во времени, не обращая внимания на окружающее. Он забрал с собой половину Верана и глушитель света.

«Где-то во Вселенной, — подумал Корсон, — бедняга гипрон мечется в непроницаемом мраке, в глубине колодца, куда не может проникнуть никакая энергия, и будет метаться, пока не кончится энергия в батареях глушителя, или пока не потеряет его в одном из панических прыжков. Однако почему Веран выбрал именно этого гипрона? В лагере их было полно». Потом он понял: его толкнуло к этому любопытство. Он умел проникать в память гипрона и хотел знать, кем и как он был побежден.

Корсон наступил на что-то, наклонился и поднял маленький

плоский кусочек потемневшего металла, на одном конце которого был вырезан квадратный желобок. Он поднес его к шее и приложил желобок к обручу. Никакого результата. Тогда он начал медленно вращать обруч. Руки у него тряслись, пот заливал глаза, поглотители скафандра не успевали осушать спину.

Когда обруч сделал полный оборот, он вдруг распался на две части. Корсон схватил их, осмотрел — края были гладкие, как будто все время были только приложены друг к другу, — а потом отбросил подальше.

Он не мог понять смысла поступка Верана. Может, он надеялся бежать так далеко, что Корсон никогда уже не смог бы ему угрожать? Может, чувствовал какую-то солидарность с ним? Одна мысль не давала ему покоя: Веран хотел добраться до гипрона, чтобы вернуться на Эргистал. Что ж, если Эргистал был адом, ему это удалось.

Корсон направился в лагерь, надеясь найти какого-нибудь гипрона. Схватки прекратились. Максимум через несколько часов граждане Урии возьмут дело в свои руки, не встретив никакого сопротивления. Умирающие были добиты, легко раненные перевязаны. Тут и там валялось оружие. Однако то, чего больше всего боялся Корсон, не произошло: солдаты не глумились над женщинами. Некоторые несмело ходили по лагерю, провожаемые эскортом из трех-четырех красавиц, другие, сидя на траве, пытались разговаривать с ними. Они казались удивленными и даже испуганными таким слабым сопротивлением. Через сорок восемь часов, подумал Корсон, они удивятся еще больше. На лафете орудия он заметил солдата, уткнувшего голову в ладони. Корсон коснулся его плеча.

— Ключ, — сказал Корсон, тронув его за плечо. — Ключ от обруча.

Мужчина поднял голову. В его глазах Корсон увидел непонимание и беспокойство.

— Это ключ от обруча, — повторил он.

Наклонившись, он открыл обруч и подал две его половины солдату. Тот устало улыбнулся.

— Возьми ключ, — сказал Корсон. — Помоги другим снять обручи.

Солдат коротко кивнул, но лицо его осталось тупым. Никакой ключ не мог избавить его от воспоминаний о Веране, о призраке погибшего вождя.

Никто не протестовал, когда Корсон выбрал себе гипрона и оседлал его. Он выполнил свою задачу — замкнул кольцо. Оставалось только прыгнуть на пляж, где его, возможно, ждала Антонелла.

А также Совет Урии. Сид, Сельма и Ана. Его друзья.

На пляже лежала на животе нагая женщина, блондинка. Она то ли спала, то ли была в контакте. На песке рядом с ней не было никаких следов. Корсон сел рядом и стал ждать, когда она проснется. Время у него было.

Наконец-то он добрался до конца дороги и мог теперь наслаждаться морем и пересыпать песок с ладони на ладонь. Потом он тоже научится владеть временем, уже сейчас у него есть некоторый опыт.

Женщина шевельнулась, потянулась, перевернулась на спину и села, протирая глаза. Корсон узнал ее.

— Флория Ван Нелл, — сказал он.

Она кивнула головой и улыбнулась, но улыбка была печальной.

— Где они? — спросил Корсон, а поскольку женщина, казалось, не поняла, добавил: — Сид, Сельма и Ана. Я должен доложить обо всем Совету Урии этого тысячелетия.

— Произошло расхождение, — тихо сказала Флория. — Благодаря тебе оно не распространилось, но в этой линии вероятности их не существует.

— Умерли, — сказал Корсон.

— Просто никогда не существовали.

— Я ошибся, — сказал он. — Перепутал место, время, а может, и Вселенную.

— Ты их стер. Твое вмешательство вычеркнуло их.

Корсон почувствовал, что бледнеет, и конвульсивно сжал кулаки.

— Это были мои друзья, а я их убил.

Флория покачала головой.

— Нет, — сказала она. — Они принадлежали к другой возможной современности, а ты сделал так, чтобы появилась эта, лучшая. Они знали, что с ними произойдет, если тебе повезет, и искренне надеялись, что тебе повезет.

Корсон вздохнул. У него были друзья, и они исчезли, стали теньями, не оставив после себя ни следа, ни царапины на камне, ни даже имени в этой Вселенной, которая была закрыта для них. Они просто не родились. «Все, чего я ни коснусь, — подумал Корсон, — исчезает». Он вспомнил Туре, хорошего товарища, попавшего на Эргистал из-за бессмысленных войн. Вспомнил Нгала Р'нда, последнего Князя Урии, разорванного собственными последователями, и Верана, ловкого наемника, убитого своими товарищами. Со страхом вспомнил он Антонеллу, хотел задать вопрос, но не нашел слов.

— Я не существовала на той креоде, — сказала Флория. — И должна была принять тебя после прибытия на Урию. Думаешь, я оказалась там случайно?

— Значит,— с горечью сказал Корсон,— живые существа — только морщины на поверхности событий, дуновение ветра изменяет или распрямляет их согласно воле богов. Для тех, с Эргистала, я был игрушкой. Боги-марионетки, исправляющие историю.

— Они не боги, хотя и много сильнее нас. Они делают не то, что им нравится.

— Знаю,— грубо оборвал ее Корсон.— Они работают ради добра. Исключают войны и так формируют историю, чтобы она привела к ним. Всё это я слышал на Эргистале. Искоренить войну, познать войну, спасти войну. Засели, как крысы, на дне времени и боятся всего, что снаружи.

— Это только половина истории,— терпеливо объяснила Флория.— Они — это мы.

— Они — наши потомки и презирают нас с высоты своего миллиарда лет.

— Они — это мы,— повторила Флория.— А мы — это те, с Эргистала. Мы должны это открыть и понять. Они — это все возможности нашей расы и всех других рас, даже таких, которых ты не можешь себе представить, как и они тебя. Они — все частицы Вселенной и все ее аспекты. Ни мы не являемся их предками, ни они — нашими потомками, но мы их часть, отрезанная от целого. Каждый из нас — это одна из их возможностей, деталь, креода, которая неуверенно стремится к объединению и борется за то, чтобы существовать отдельно. Когда-то и где-то произошло нечто такое, чего я сама не понимаю. Но не в начале и не в конце времени. Нет ни до, ни после; для них, и в какой-то мере для нас, время стало расстоянием; на котором события сосуществуют, как объекты, обладающие непрерывностью. Мы всего лишь мгновение долгого марша, который ведет к Эргисталу, к объединению и осознанию всех возможных событий, а те, с Эргистала, управляют этим маршем.

— Боги-шизофреники,— сказал Корсон.

— Да, если хочешь. Иногда я думаю, что они отправились искать все возможности, потерялись и стали нами, и это явилось причиной войны, той трещины, того разлома и сминания истории, которую они теперь выравнивают. И трещина эта сделала невозможным немедленное исправление. Война — это частица их самих, а мы должны наощупь найти длинную, очень длинную дорогу, которая ведет к ним, то есть к нам самим. Они родились из войны, Корсон, из этой ужасной неразберихи, сотрясающей нас, и будут существовать, только уничтожив ее. Тут и там они заделывают бреши и таким образом соединяют цепь. Иногда и мы делаем это с их помощью. Ты тоже это делал, Корсон. Ты жалеешь об этом?

— Нет,— ответил Корсон.

— Чтобы стереть войну, они пользуются теми, кто воевал,— продолжала Флория.— У них есть военный опыт, и со временем

они начинают ненавидеть войну достаточно сильно, чтобы страшиться уничтожить ее любой ценой. Те, кто доходят до этого не сразу, на некоторое время остаются на Эргистале и в конце концов тоже понимают. И в конце концов поймут все, до единого.

— Даже Веран? — скептически спросил Корсон.

— Даже Веран. В данный момент он гасит пожар в созвездии Лиры.

— Он мертв, — сказал Корсон.

— Никто не умирает, — ответила Флория. — Жизнь похожа на страницу книги — рядом находится другая.

Корсон поднялся, сделал несколько шагов к морю и остановился на границе земли и воды.

— Это длинная история. Кто мне докажет, что это правда?

— Никто. Постепенно ты сам придешь к этому. Может, история, которую ты откроешь, будет несколько другой, потому что никому не дано познать абсолютную правду.

Не поворачиваясь, Корсон резко сказал:

— Я вернулся, чтобы научиться владеть временем и связываться с Эргисталом. И...

— Ты научишься. Нам нужны люди вроде тебя. В мире еще много пожаров.

— Я надеялся найти здесь покой, — сказал Корсон. — И Антонеллу.

Флория подошла и положила руки на плечи Корсону.

— Прошу тебя... — сказала она.

— Я люблю ее... или любил. Она тоже исчезла, правда?

— Она не существовала... уже давно была мертва. Мы забрали ее с планеты-мавзолея, из коллекции богов войны, и снабдили синтетической личностью так же, как ты сделал с рекрутами Верана. Без нее ты не сделал бы того, что требовалось, а настоящий человек не смог бы проникнуть на Эргистал.

— Разве что будучи военным преступником, — сказал Корсон.

— Она была только машиной.

— Приманкой, — заметил Корсон.

— Мне очень жаль, и я сделаю все, что ты захочешь. Буду тебя любить, Корсон, если это тебе угодно.

— Это не так просто.

Он вспомнил слова Сиды: «Не нужно обижаться на нас за это». Сид знал, что будет стерт, и сочувствовал Корсону.

— Никто не умирает, — сказал Корсон. — Может, я найду ее в другом существовании.

— Возможно, — шепотом ответила Флория.

Корсон шагнул к морю.

— У меня ничего не осталось, ни друзей, ни любви. Моя Вселенная исчезла шесть тысяч лет назад, а сам я был обманут.

— Ты еще можешь выбрать. Можешь все зачеркнуть и вернуться к нулю. Вспомни, ты должен был погибнуть на «Архимеде».

— Могу выбрать...— недоверчиво повторил Корсон.

Он услышал, что она уходит, повернулся и увидел, как она разгребает песок там, где остался след ее тела. Потом она вернулась, держа в руке опалесцирующую ампулу размером с голубиное яйцо.

— Чтобы остаться с нами навсегда, тебе осталось сделать еще одно. Дикие гипроны не умеют путешествовать во времени, как первобытный человек не умеет оперировать матрицей. В лучшем случае гипрону удастся переместиться на несколько секунд. Ампула содержит акселератор, в миллиарды раз усиливающий эти зачаточные способности. В нужный момент, Корсон, ты должен дать это ему. Доза старательно рассчитана. С твоей точки зрения введение ее в прошлое не вызовет большой пертурбации. Гипрон в момент прыжка переносит с собой ближайшее окружение. Теперь ты знаешь все, что нужно, Жорж Корсон, и решение зависит от тебя.

Корсон понял.

— Спасибо,— сказал он.— Пока я ничего не решил.

Он взял ампулу и направился к гипрону.

— 38 —

Корсон совершил шеститысячелетний прыжок назад, осмотрелся и ввел пространственные поправки.

Гипрон синхронизировался. Какое-то время планета кружилась вокруг него, потом ему удалось стабилизироваться, и он занял место на сильно вытянутой орбите, такой же, какую выбрал бы военный корабль, желающий только коснуться атмосферы планеты и выгрузить какой-то предмет в возможно более подходящих условиях, имея при этом солнце за спиною.

Корсон ждал и думал. Перед ним раскинулась Вселенная, которой он почти не видел. Вселенная была колодезцем, и каждый взгляд пробивал в ней новый колодец, и все эти трубы переплетались, устремляясь к оболочке Вселенной, к ее последней поверхности, где, наконец, соединялись. Эргистал... Каждая точка Вселенной, говорил Сид, имеет свою собственную экологическую Вселенную. Для данного наблюдателя или актера. Каждый пробует прочесть свое предназначение на стене колодца и, если возможно, старается улучшить его. Как крот, не знающий о том, что разрушает жилище соседа. Но только не на Эргистале, не на поверхности Вселенной. Для богов Эргистала экологическая Вселенная объединялась с космосом. Они не могли ничего и никого проглядеть.

Внизу детекторы уриан прочесывали небо, выдавая страхи этого фрагмента запутанной истории. Однако на таком расстоянии общая

масса гипрона и всадника была слишком мала, чтобы вызвать огонь батарей.

Корсон колебался. Он мог удалиться и тогда, несомненно, будет убит при взрыве корабля. Или упадет на землю вместе с Бестией и умрет немного позже, или попадет в руки уриан. Немногие из взятых в плен вернулись с Урии, и ни один не был целым. Корсон мог оставить лейтенанта Жоржа Корсона, солдата поневоле, специалиста по Бестиям, о которых он почти ничего не знал, на произвол судьбы. Тогда он — Корсон-путешественник во времени — перестанет существовать. Стоило ли трудиться, чтобы в самом конце испытать горечь поражения и одиночества? Он задумался, что сделал бы тот Корсон в конце своего путешествия, но потом вспомнил, что он сам и был им.

Стоило ли все это его трудов?

Ночь и страх джунглей рядом с рыдающей Бестией. Флория Ван Нелл, знавшая, что он нападет на нее. Обреченный город Диото и короткая прогулка по вертикальным улицам. Вынырнувшая из ничто Антонелла, Веран и неволя. Дом мертвых на травянистой планете. Эргистал, военный водоворот, где смерть была только перемирием. И дьявольская сеть интриг, идиотские выходки фанатиков и милитаристов, где время разрывалось на части.

А если он ничего не делает, если просто уйдет? Бестия доберется до места назначения. Она уже доказала свою стойкость и произведет на свет потомство. Через некоторое время Земля выиграет войну, залечит свои раны и расширит империю. Силой или хитростью она будет контролировать зарождающуюся Конфедерацию, а потом начнутся новые войны.

Но все это было старой историей. Разыгравшейся старой историей шеститысячелетней давности. В будущем, где он побывал, война между Солнечной Державой и Князьями Урии была давно закончена. Никто ее не выиграл, скорее и те и другие проиграли. Так и будет, независимо от того, что он сделает. Для него это уже не было важно. Он уже не был лейтенантом Корсоном на борту «Ахимеда», беспокоящимся о будущем местного конфликта и о собственной шкуре.

Он стал кем-то другим.

Это был долгий процесс. Он смотрел на звезды — золотые зерна, прикрепленные к стенкам колодца, более многочисленные, чем те, что светили на земном небе. Через шесть тысяч лет они будут занимать почти те же места. У каждой из них была своя загадка, обещание, кусочек Истории. Для лейтенанта Корсона они были только блесками и остриями страха, казались ступенями лестницы, приставленной к стене времени.

Он мог позволить лейтенанту Корсону прожить еще небольшой отрезок времени, который ему остался, а потом — совершить иде-

альнейшее самоубийство. Но Корсон в черном корпусе «Архимеда» не хотел умирать.

«Могу ли я от него отделаться? — подумал Корсон, и ему пришло в голову, что Флория сказала ему только половину правды. — Может, война была результатом разрыва единства всех возможностей тех, с Эргистала. Но почему они... Почему их должно быть много? Может, те с Эргистала существовали как возможность одного? И этому одному стало скучно, и он пожелал стать каждым человеком и всеми людьми, каждым существом и всеми существами? Скалой и червяком, звездой и волной, пространством и временем?»

«Сплю я, что ли? — думал Корсон. — Или это воспоминания?»

Если тот Корсон умрет, он никогда не узнает этого. Он потеряет и жизнь, и память о том, что когда-то жил.

Но кроме жизни имелась еще сверхжизнь. Страницы книги, говорила Флория Ван Нелл. Гиперкуб содержит бесчисленное количество кубов, и все же его объем ограничен в четырехмерном пространстве. «Наши жизни не бесконечны, а неограничены, — сказал голос на Эргистале. — Ты научишься владеть временем и станешь, как мы».

Имелось, по крайней мере, три уровня существования. Уровень виртуального существования, такого как у Сиды и Сельмы, где человек был только вероятностью, вписанной в призрачный реестр Эргистала; уровень линейной жизни, жизни того Корсона, где человек оставался заключенным между рождением и смертью, и, наконец, уровень сверхжизни, который символически развивался в пространстве, перпендикулярном к оси времени.

Это напоминало уровни возбуждения элементарных частиц в примитивной физике, как будто ученые прежних времен прозревали великую правду. Частица: атом, нуклон, мезон или кварк, однажды возбужденная, переносится на высший энергетический уровень. Она становится чем-то другим, не переставая быть собой, и может спонтанно вернуться в начальное состояние, излучая частицы низшего порядка: фотоны, электроны, нейтрино, мезоны...

Корсон достиг уровня сверхжизни. Он мог вернуться на уровень линейного существования, выделяя что-нибудь вроде нейтрино, и его жизнь в последние недели стала бы виртуальной, почти без последствий. Он не исчезнет совершенно, но будет почти лишен реальности. Ни массы, ни заряда, как у нейтрино. Кто-нибудь в лаборатории Эргистала зафиксировал появление пучка искр, а пульт камерой отметил исчезновение одной сверхжизни.

Корсон принял решение.

Над ним черный корпус «Архимеда» заслонял группу звезд. Корсон перевел гипрона в другую фазу, приблизился и без труда преодолел защиту и панцирь корабля. Не опасаясь, что его заметят,

нашел трюм. Дефазировка почти полностью лишала его реальности для наблюдателя, находящегося на борту корабля.

Он почувствовал колебание своего скакуна, тот боялся приближаться к дикому собрату. Корсон успокоил гипрона и сунул ампулу в клубок отростков гривы. Отросток, несущий ампулу, проскользнул через энергетическую клетку, удерживавшую Бестию. Когда ампула оказалась перед мордой Бестии, Корсон на миллиардную долю секунды синхронизировал гипрона с кораблем. Вспышка, сухой шлепок... и энергетический экран отсек отросток гипрона, который уже отскочил в пространстве и во времени.

Корсон ждал в пространстве, вглядываясь в почти невидимый корпус корабля. К нему вдруг вернулось старое воспоминание: перед самой катастрофой он видел яркую вспышку, но такую короткую, что усомнился в ее реальности.

На это слабое воспоминание наложилась молния: «Архимед» взорвался. А батареи Урии по-прежнему молчали. Орбита, выбранная капитаном «Архимеда», сыграла свою роль: приближение корабля не было замечено.

Авария генераторов, думал он: Но это было маловероятно. Он сам вызвал катастрофу. Акселератор многократно усилил способности Бестии, она яростно принялась за свою клетку, и генераторы не выдержали.

Разорванный корпус «Архимеда» падал в джунгли Урии. Корсону показалось, что из него что-то вывалилось. Иллюзия... Он еще не умел смотреть сквозь время.

Но это придет, подумал он, вспомнив о своих мертвых товарищах. Он мог вернуться назад и начать борьбу с самим собой, чтобы удержать себя от передачи ампулы.

«Архимед» вошел в атмосферу Урии и вспыхнул. С земли открыли огонь батареи Урии, и пространство заройлось вспышками. Корсон пытался убедить себя, что корабль все равно был бы уничтожен, но это была очередная иллюзия.

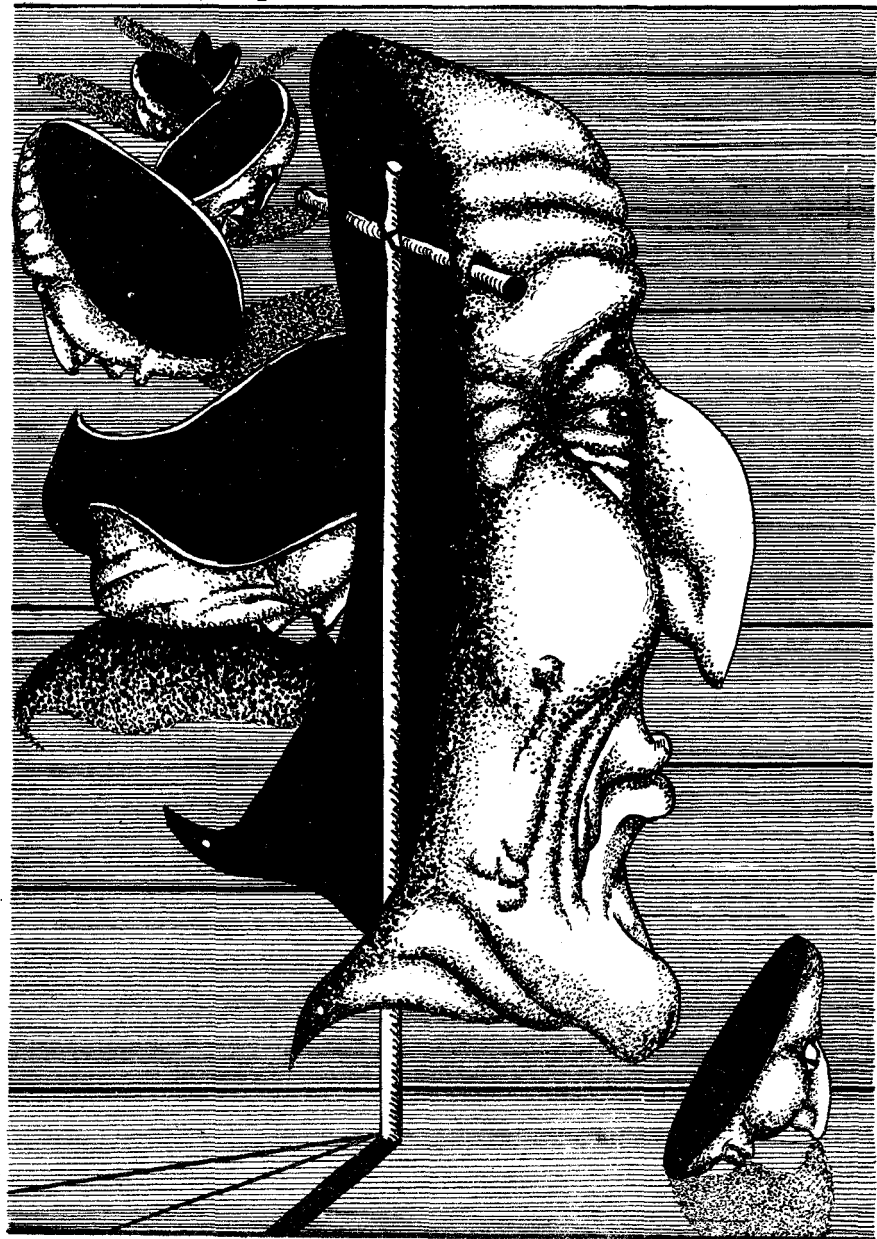
Где-то на Урии, через шесть тысяч лет, тот Корсон будет из всех сил пытаться выжить. Он еще не знает, что под холодным взглядом веков ликвидирует какой-то конфликт, он еще услышит на Эргистале голос богов и, возможно, достигнет сверхжизни.

«Почему я?» — подумал Корсон, вступая на дорогу к будущему.

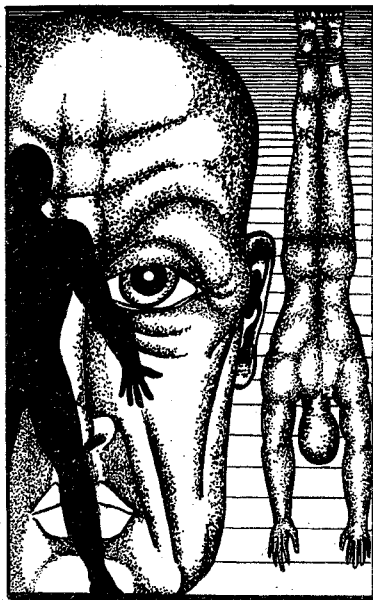
— Я... — эхом ответили Корсоны, размещенные по всей длине его жизни и рядом, вдоль других его существований. Ему показалось, что он слышит, как сознание заполняется шепотом, и почувствовал, что еще установит контакт с неисчислимыми Корсонами, разбегающимися в будущее, и будет знать их переживания, видеть их глазами, и думать вместе с ними. Но пока он стоял на пороге, колеблясь, поскольку время еще не пришло, да и опыта было мало, а у тех Корсонов только появилась тень шанса...

Филип Хай

ЗАПРЕЩЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

ГЛАВА 1

Старик был гостеприимным, но немного странным. Он предложил им блюдо из неприправленных кубиков концентрата и кофе без сахара.

— Говорите, вы летчики?

— Да,— вежливо, но сдержанно ответил Джиллиад.— Мы упали в лесу.

Старик медленно покачал головой.

— Сейчас мы нечасто видим летчиков, особенно в нашей провинции. Я слышал о них, да, но сам не видел ни одного... Это ведь своего рода машина — ну, та штука, в которой вы летели?

— Да, это машина,— тихо ответил Кэндел.

— Странно.— Седая голова снова покачалась туда-сюда.— Раньше я тоже летал, иногда часами, но не в машине. Сейчас-то я, к сожалению, уже стар для этого. С возрастом интерес пропадает.— Он замолчал и шумно отхлебнул кофе.— А дом, говорите, вы увидели сквозь деревья?

Джиллиад кивнул.

— Мы увидели свет.

— Ах да, свет.

— Большой дом,— сказал Кэндел.— Большой и одинокий.

— Да, большой.— Чашечка, покачиваясь, вернулась на блюдце.— Но не одинокий. Они все тут, но иногда я не выношу, когда мне мешают. Некоторые слишком болтливы.— Он тщательно вытер рот не особенно чистым полотенцем и уставился на гостей светлыми водянистыми глазами.— И куда вы теперь собираетесь?

— До ближайшего города, за помощью.

Кэндел поднял на него взгляд.

— До города? О, да, Дунстен, четыре километра отсюда. Вы можете дойти пешком.

— А разве никакого транспорта нет?

— Нет, здесь же никто не бывает.

— Тогда нам нужно отправляться прямо сейчас.— Кэндел встал.— Спасибо за гостеприимство и за то, что накормили.

— Не за что, я еще никогда не был знаком с летчиками.— Старик неуверенно поднялся.— Я провожу вас на улицу.

— Да мы выйдем сами. Спасибо.

— О, нет, у вас не получится. Вы сами вошли сюда, но отсюда вам не выйти, если я не покажу дорогу.

— В самом деле?

— Конечно,— старик вдруг заговорил резко и раздраженно.— Есть путь внутрь и есть путь наружу; один, чтобы войти, и один, чтобы выйти. Таков порядок вещей, и мы должны ему подчиняться.

Джиллиад, стоящий позади старика, скосил на него глаза и постучал себя пальцем по лбу.

— Сюда,— старик открыл дверь в задней стене комнаты.

Они пошли вслед за ним по длинному, извилистому коридору с множеством дверей. На одной двери, как заметил Кэндел, была надпись: «Жена — Джулия», на другой — «Дорис», без дополнительных пояснений.

Коридор опять повернул, и старик остановился.

— Здесь придерживайтесь левой стороны, в третьей комнате тигр.

Джиллиад посмотрел на Кэндела и в отчаянии поднял брови. Дойдя до двери с надписью «Тигр», он презрительно пнул ее ногой.

Раздалось фыркание, Джиллиад вскрикнул и бросился назад, закрыв лицо ладонями.

— О, Боже! — выдавил он. Под его левым глазом появилась рваная кровоточащая рана.

Старик подошел к ним.

— Я же вас предупреждал. Мне очень жаль, но я вас предупреждал.— Он наклонился, разглядывая рану.— Она неглубокая, и у Тима совсем чистые когти, так что могу вас успокоить.

— Тигр в спальне! — В лицо Джиллиаду бросилась краска гнева. — Вы, должно быть, сумасшедший... тигр в спальне...

Кэндел пнул его по ноге.

— Да успокойся же, ты ведь знаешь, почему мы здесь.

Джиллиад сжал кулаки, но сдержал себя.

— Жаль, но кто же мог ожидать здесь такого?

— Никто, — сухо сказал Кэндел. — Мы в Канаде, а не в Бенгалии.

— Но не станешь же ты утверждать...

— Я ничего не собираюсь утверждать. Мы пришли сюда как раз для того, чтобы это установить. Это может быть проекцией.

— Проекцией! Ерунда! Я ведь его видел, и он разодрал мне лицо.

— Хорошо, хорошо, ты же восприимчивый.

Джиллиад побледнел.

— Что ты хочешь... Что это значит?

— Но ведь мы же не знаем точно, верно? Нам так мало рассказывали. Мы знаем только о факте, как таковом. Побочные явления и механизм нам не объясняли.

— Сюда, — сказал старик, казалось, уже забыв о происшествии, и открыл дверь. — Вам надо пройти меж деревьев, и вы попадете на дорогу. В Дунстен — направо.

На улице было холодно. Начинало светать. На востоке на фоне неба вырисовывались контуры деревьев. Оба слегка дрожали, шагая по узкой тропе, и не только от холода.

Когда они вышли к дороге, сразу стало ясно, что ею не пользовались доброе столетие. Она была прямой, как стрела, и вела вдаль — растрескавшаяся и поросшая сорняками.

Джиллиад удрученно огляделся.

— Четыре километра, да? Тут, должно быть, все четыреста... и в каком направлении?

— На запад, если верить старику.

— Надеюсь, старый хрыч не соврал. Идем.

Они отправились в путь, но не успели пройти и сотни метров, как из-за деревьев незаметно выскочили двое мужчин и подбежали к ним. Они были просто одеты, и оба, похоже, безоружны, но было в них что-то военное.

Один из них — тот, что повыше — начал разжигать свою неуклюжую трубку, рассматривая Кэндела сбоку.

— У вас какая-то определенная цель?

— Э-э... — Кэндел помедлил. — Ээ... да, мы идем в Дунстен.

— Куда вы идете?

— Мы из другой части провинции... с востока.

— И что вы там делали?

— Мы летели, и наша машина упала.

— Значит, вы провели в сумасшедшем доме четыре часа, пока не начало светать?

— В сумасшедшем доме? — Джиллиад недоуменно посмотрел на него.

Высокий мужчина вынул трубку из рта.

— Старый Пинчер — сумасшедший. Одержимый третьей степени. Мы переправили наших сумасшедших в нежилые места. — Он вздохнул. — У нас слишком много места. — Он замолчал, выбил трубку об ветку дерева и сунул ее в карман. — И куда вы собрались?

Джиллиад мрачно уставился на него.

— Вы не находите, что задаете слишком много вопросов?

— В самом деле? — Мужчина слегка улыбнулся и что-то вынул из кармана. — Комиссар Остерли из секретной службы Онтарио. Достаточно?

— Мы ничего не делали, мы...

— Я хочу знать, куда вы направляетесь.

— Но мы же сказали вам — в Дунстен.

— Ваши карты немного устарели. Я могу вам показать, где он когда-то был. — Остерли опять вставил в зубы пустую трубку. — И вы, значит, прибыли с востока?

— Да. — Джиллиад угрюмо посмотрел на него. — Наш самолет разбился, знаете, и...

— Ах да, самолет. Мы уже посмотрели на него перед тем, как прийти сюда... очень интересно. В нашей провинции не летают, но мы немного разбираемся в металлах. Почему же там так много слабых мест?

— Слабых мест? — Кэндел почувствовал, как ему в лицо бросилась кровь.

— Да, мы, как говорится, осмотрели обломки и нашли оплавленный кусок металла, который когда-то мог быть компенсатором силы тяжести, а также множество дефектов структуры, которые могли привести к разрушению аппарата даже при малейшем толчке. И наше мнение таково: мы видим вас парящими в аппарате с компенсатором силы тяжести. Как только вы коснулись макушек деревьев, все детали машины рассыпались, как и было задумано. Это было похоже на крушение, хотя компенсатор силы тяжести доставил вас на землю без повреждений и разрушился при посадке. Выбравшись из «обломков», вы из осторожности повалили несколько деревьев. Но нельзя не заметить, что летательный аппарат не предназначался для обратного полета. У вас есть что добавить к этому, или вы и дальше будете считать меня дураком?

— Мы задержаны? — сдавленно спросил Кэндел.

— Вы можете называть это арестом, если вам так нравится. — Остерли криво ухмыльнулся. — Во всяком случае, мы доставим вас на допрос.

— На каком основании?

— В этой провинции нет никаких летательных машин — на востоке ли, на западе или на юге. Значит, вы пришли извне. Никто не покидает эту провинцию и никто не прибывает в нее... Вы шпионы.

— Нет, мы...

— И к тому же, неопытные шпионы. Ваша секретная служба в лучшем случае пятого класса, ваши карты устарели, и ваш акцент немедленно выдает вас — вы англичане.

Двое мужчин посмотрели друг на друга, потом Кэндел пожал плечами.

— Ну, хорошо, мы англичане, но мы вовсе не собирались здесь шпионить, во всяком случае в военном смысле. Мы же не воюем с вашей страной.

— В самом деле? Уже сто пятьдесят лет не существует никаких контактов. Зачем вы здесь?

— Мы... — Кэндел опять замаялся. — Мы наблюдатели. Нас послали на поиски возможных выживших цивилизаций.

— Но вы крались, как шпионы.

— Мы не знали, что нас ожидает. Какой нам готовят прием.

— Да? — Остерли тщательно набил трубку. — Вас не очень ценят, верно? Полет в неизвестное без карты обратного пути кажется мне довольно сомнительным предприятием.

— Может быть. — Джиллиад пожал плечами. — В политическом смысле с нами покончено. Мы поддерживали не того политика.

— Не повезло. — Остерли пососал трубку, раскуривая. — И все же если вам оставили выбор, что понятно из ваших ответов, то вам должны были дать и какой-нибудь прибор для передачи информации.

— Хм... да.

— Прежде чем вы его отдадите — что вы должны были передавать?

— Мы хотели знать, — Кэндел заметно вспотел, — существует ли какая-нибудь функционирующая культура и какие методы она применяет, чтобы подавить Машину.

— Машину? Вы имеете в виду Машину Желаний? — Он устался на них и неожиданно расхохотался. — Боже милостивый, да она же разрешена!

ГЛАВА 2

— Разрешена! — Кэндел остановился, как вкопанный. — Разрешена законом? — Он недоверчиво посмотрел в лицо Остерли. Этот человек, должно быть, сумасшедший или не понял вопроса. — Машина Желаний — разрешена?

Остерли растерянно покачал головой.

— Можете купить и себе, как только доберемся в город.

Кэндел помотал головой; будто разгоняя в ней туман. Разрешена! Должно быть, здесь все безумны, одержимые третьей степени; цивилизация и Машина не могут существовать вместе, так учит история. Только в Англии за одиннадцать месяцев было восемь миллионов смертей — убийства, самоубийства, восстания. Купить! Разрешена!

— Мы говорим об одном и том же? — осторожно спросил он.

— Я думаю, да, только мы называем это Машиной Мечты.

Кэндел привалился спиной к дереву.

— Я просто не могу понять. Разрешена! В моих ушах это звучит как — простите — кошунство.

Остерли выпустил дым уголок рта.

— Послушай, друг, Англия поднялась и борется, верно? И побеждает? Но вы знаете, почему она победила? Я хочу вам сказать: потому что там было всего сорок процентов одержимых. А здесь, в Онтарио, — девяносто процентов, да еще при таком рассеянном населении, что не было никаких шансов подавить торговцев, как это сделали у вас. Старая поговорка гласит: если не можешь с кем-то справиться, то лучше к нему присоединиться. Наши предки, стоявшие у власти, так и сделали; им просто ничего другого не оставалось. Они вынуждены были склониться перед большинством, иначе их просто смели бы. И они склонились. Долгое время царил ужас. И неудивительно, если практически лишь пять процентов населения пыталось сохранить цивилизацию.

Джиллиад покачал головой с короткими черными волосами:

— Я бы сказал, что это невозможно.

— Почти. За это время население уменьшилось на пятьдесят семь тысяч, но мы понемногу отходим. Сейчас мы снова на почти нормальном уровне.

— Нормально!? — с почти оскорбительным недоверием воскликнул Кэндел.

— Послушайте, молодой человек, — Остерли вынул трубку изо рта и направил ее, как оружие, на Кэндела. — Вы же не разбираетесь в этом, верно? Вы же практически выросли в условиях диктатуры, где все, связанное с Машинной Мечтой, исключая исторические обстоятельства, подавляется. А мы вынуждены с этим жить. При одержимости в девяносто пять процентов больше ничего не остается. Если девяносто пять процентов вашего собственного населения стали бы одержимыми — наркоманами, я имею в виду — то вы бы оказались перед той же проблемой. Именно так и было, только Машина — это намного хуже, чем кокаин, героин и все, что вы еще можете назвать, но, что хуже всего, — мы не имели ни малейшего представления, что с этим делать. Но мы все же научились, научились... с трудом.

— Так считаете вы, — сказал Кэндел, — но я постоянно спрашиваю себя, об одном ли мы говорим.

— В самом деле? — Остерли достал что-то из кармана. — А как бы вы назвали вот это?

Прежде чем Кэндел успел ответить, Джиллиад застонал и отшатнулся назад.

— Уберите это, ради Бога, уберите, пожалуйста! — В его голосе слышалась мука.

Остерли быстро спрятал предмет.

— Я вижу, что промывание мозгов у вас достигло цели. А от чего у вас рана под глазом?

— Это... — начал было Кэндел.

— Заткнитесь, я спрашиваю его! Итак? — Остерли вдруг стал жестким и злым.

— Я... я... — Джиллиада охватил панический страх.

— Я хочу слышать правду. Правду!

— Это тигр. — Джиллиад почувствовал, что он вот-вот разразится слезами. Лицо Остерли, казалось, постоянно растягивалось, и он почувствовал безымянный ужас. — Это большой грязный тигр в доме старика, он поцарапал меня. Боже мой, Боже мой!

До его сознания как-то смутно дошло, что ноги почти отказали ему. Спутник Остерли поддержал его. Будто издалека он услышал крик Кэндела:

— Не было никакого тигра! Никакого тигра, поймите! Он просто испугался, я специально заглядывал в комнату...

— Тихо!

Джиллиад медленно приходил в себя.

Остерли задумчиво почесал подбородок.

— Вот это уже ближе. Иммунный и восприимчивый. Вы-то, возможно, еще неопытны, но пославшие вас, несомненно, знали, что они делают.

— И что теперь с нами будет? — спросил Кэндел, все еще красный от гнева.

Остерли пожал плечами.

— Это решаю не я, все зависит от комиссии. Если вас не осудят, как шпионов, то могут привлечь к ответственности за нелегальный переход границы. — Он помолчал, будто прислушиваясь, и криво улыбнулся. — А как вы относитесь к хирургическому вмешательству? — Он не стал дожидаться ответа и продолжал: — Лаборатория только что сообщила мне, что один из вас все еще передает, хотя я отнял у вас прибор. — Улыбка превратилась в гримасу. — Отключите передатчик!

Джиллиад подался назад. Он понял, что попытка подмены оказалась бесполезной.

— Я не могу.

— Вы не можете? Почему? Где он?

— В моей ладони.

— Передает и красивые картинки, да? Хорошо, что вы открыли рот, а то я, наверное, схватился бы за нож. — Он кивнул своему спутнику. — Позаботьтесь об иммунном. Машина уже в пути. А сам я лучше быстренько доставлю этого в столицу. Помимо передачи пришли странные сообщения. Его очень хотят там видеть. Ну, идите.

Джиллиад бессознательно пытался тянуть время.

— Мы что, пойдем пешком?

— Прекратите говорить глупости. За деревьями стоит субджо.

Джиллиад пожал плечами. Он и понятия не имел, что такое субджо, но без сопротивления последовал за Остерли.

Они дошли до деревьев, и он увидел аппарат. Тот был похож на большую пивную кружку. При их приближении открылась дверь.

Остерли втолкнул его внутрь.

— Садитесь и держитесь крепче.

Джиллиад не нашел ничего, за что можно было бы ухватиться. Когда дверь закрылась, вспыхнула странная голубая молния, и он скорчился. Может быть, он потерял сознание, так как, когда он выпрямился, все опять было нормально.

— Все в порядке? — слабо улыбнулся напарник Остерли. — Вы должны принять во внимание, что мы только что прыгнули на семьсот километров с помощью машины, которой нет.

Джиллиад зло посмотрел на него.

— Это ваш канадский юмор?

— Все зависит от точки зрения. Тигра не было, но он разодрал вам лицо. — Он наморщил лоб. — Я могу понять, почему исследовательский отдел срочно потребовал вас к себе. Но почему ваши люди послали такого неопытного человека?

Полчаса спустя его привели в ярко освещенную лабораторию, и он заметил, что большая часть людей в белых халатах смотрит на него с таким же любопытством.

Ему пододвинули кресло и принесли поднос с едой. Пока он ел, ему между делом задавали вопросы.

— Как сейчас выглядит Англия?

— Лондон еще на месте?

— Как вас зовут?

Допрос шел так непринужденно, что Джиллиад отвечал почти без страха, пока не попытался сдерживать себя. И только тогда он понял, что не может этого сделать, что что-то развязало его язык и отключило волю.

— Итак, у вас сейчас диктатура?

— Для безопасности народа.

— Вы на самом деле верите в это?

- Нет, но я не вижу другого пути сохранить нашу безопасность.
- Но если бы вы получили такую возможность, вы бы использовали менее суровые методы?
- Да.
- Значит, вы либерал?
- Да. — Джиллиад обливался потом, зная, что он рискует своей головой, но не отвечать не мог. До его сознания смутно дошло, что кто-то вшел и прооперировал ему ладонь, но он не почувствовал боли и даже не мог назвать причины этого.
- Значит, вы представляете элемент риска для вашего общества?
- Да.
- Потенциальный предатель?
- Не по отношению к моей стране, а только по отношению к режиму.
- Внезапно метод допроса изменился.
- Вы боитесь Машины Мечты?
- Она приводит меня в ужас.
- У нас она разрешена. Что вы на это скажете?
- Мне трудно в это поверить.
- Вы хотели бы избавиться от своего страха перед ней?
- Нет, я бы лишился всякой защиты.
- Вы боитесь и препаратов — таких, как кокаин, например?
- Да.
- И из этого страха не допустите, чтобы вам ввели кокаин даже при очень сильной боли?
- Ну, это же совсем другое дело.
- Ничего не другое. Мы научились обращаться с Машиной. Джиллиад услышал свой крик: «Кошунство!», но, казалось, больше никто этого не заметил.
- Какой-то голос сказал:
- Тяжелый случай. Необходима демонстрационная последовательность.
- Потом. Сначала надо выявить причину, и только потом начнем классификацию.
- Вы считаете, что он может быть использован?
- Выводы делать пока рано, но его реакции указывают на категорию А-плюс.
- А-плюс! — Кто-то недоверчиво присвистнул. — И англичане его выбросили!
- Они выпустили его из страха. Из страха и по незнанию.
- Верно ли, что вас послали с этой миссией из-за вашей политической ненадежности? — опять обратился к нему голос.
- Я поддерживал не того политика.
- У вас был выбор?

— Было два кандидата на один пост. Я поддерживал того, который испортил свою репутацию.

— А это преступление?

— Да. Во-первых, у меня был ошибочный политический уровень, а во-вторых, я был сотрудником государственного аппарата, и поэтому под подозрением.

— То же самое относится и к вашему напарнику?

— Да. Нам предложили выбор между трибуналом и этой миссией.

— Расскажите, что произошло перед провалом этого политика. Постарайтесь рассказывать так, будто это происходит сейчас, думайте, что это происходит сейчас — вы понимаете нас?

— Да, мне кажется, что вы хотите, чтобы я пережил это еще раз.

— Именно так.

— Ну, если я верно припоминаю, я был...

— Вы переживаете это сейчас, все происходит прямо сейчас.

— Да... я как раз выпивал с подружкой...

ГЛАВА 3

Да-да, верно, выпивали. Спиртное — синтетическое, конечно, второсортное, очень жесткое на языке и со странным металлическим привкусом. Официально это называлось виски, а меж собой — политурой. Но все спиртное — на один вкус.

Мэнда, как всегда, тараторила, а он механически отвечал, даже не вслушиваясь. Он спрашивал себя, почему все еще сохранял с ней отношения; не только потому, что она стала привычной, во всяком случае, не в первую очередь поэтому — или нет? Они были друзьями — как долго еще будут продолжаться эти прозрачные отговорки? Они были влюбленной парочкой — нет, у них были интимные отношения, но ничего общего с любовью. В управлении от мужчины ожидали, что у него должна быть любовница, и он делал вид, что так оно и есть.

Он отвернул взгляд от ее красивого пустого лица и уставился в стену.

Стена замерцала навстречу словами: «Будь бдителен! От твоей бдительности зависит безопасность народа!»

Он подавил гримасу и отвернулся. На другой стене вспыхнули слова: «Машина — это грязь. Искать и разрушать!»

От этого не уйдешь даже в баре, подумал он зло. Конечно же, не было необходимости доводить до такого абсурда. Чувствуешь себя так, будто тебе напоминают об эротических эксцессах ранних религий. В любом случае, действие лекарства получается хуже самой болезни.

Цепочка его мыслей прервалась, когда кто-то подошел к его столу.

— А, Питер, а я думал, что ты...

— Вот именно.— Кэндел остановился и поклонился.— Мне жаль, что я вынужден вам помешать, но у нас возникла проблема.— Он принужденно улыбнулся Мэнде.— Можно мне ненадолго увести его, дорогая? — Голос звучал спокойно, но светлые волосы были растрепаны, а лицо бледно.

Джиллиад встал, извинился и пошел следом за Кэнделом к свободному столику в углу.

— У нас трудности, и большие.— Кэндел не стал садиться.— В нашем секторе установлено «подключение».

Джиллиад почувствовал, как немеют мышцы лица.

— Уже официально?

— До моего ухода — нет. Мне дал наводку знакомый энерготехник.

Джиллиад встал.

— Нам надо немедленно отправляться туда.

— Само собой, но я не верю, что мы справимся. Это где-то в Юстоне B12.

— Надо попробовать.

И они попробовали. Они понеслись к станции пневмодороги и добрались до нее через тридцать восемь секунд, затем пятнадцать секунд ждали поезда, сама поездка длилась семь, спуск на лифте — сорок семь, но когда они добрались, там уже была поисковая группа.

Джиллиад привалился к стене. Тело, казалось, заledenело.

— Может быть, нам удастся опередить их,— сказал он без особой надежды.

— Ты, конечно, шутишь.— Голос Кэндела прозвучал горько и язвительно.— Телеглаза контролируют здесь каждый сантиметр. Нас тут же заснимут. Если мы сейчас еще попытаемся сделать сообщение, нас высмеют, если мы даже не попадем в камеру смертников.

Джиллиад опустил плечи.

— Лучше пойти с ними. Может, отделаемся выговором, если умело себя поведем.

— Ты неисправимый оптимист, но мы можем попытаться,— сказал Кэндел.

И они пошли дальше. В толпе любопытных быстро образовался проход, как только показались их голубые мундиры.

Джиллиад огляделся. И так, это был Юстон B12, мрачный туннель, двенадцатый этаж под землей, где жили техники третьего класса, дворники, смазчики и прочая обслуга дома.

Потолок туннеля был грубо раскрашен, имитируя впечатление,

будто находишься под открытым небом — хотя здесь, возможно, никто и никогда не видел настоящего неба. Несмотря на это, где-то здесь, внизу, было «подключение» — кто-то подключился к энергетическому лучу и потреблял небольшую, но ощутимую энергию.

Для такого «подключения» могла быть только одна причина — в желудке Джиллиада что-то сжалось — где-то в этом районе использовалась Машина.

Проблема была в том, что эту проклятую штуку очень легко изготовить. Фибропризматическая трубка, конденсатор Хэрви и несколько простых соединений — вот и все, что необходимо.

Поисковая группа в черных униформах бегала вокруг со своими приборами и пыталась определить местонахождение. Туннель состоял из многочисленных ячеек, поэтому задача была непростой. Их отчетливо проявляющаяся неуверенность еще больше ухудшала положение. Как долго оставалось нераскрытым это «подключение» и сколько времени понадобилось одержимому, чтобы что-то изобрести?

Джиллиад почти мог проследить за ходом их мыслей. Где же роботы? Их, проклятых, никогда нет на месте, когда они особенно нужны. Почему им не дали дополнительно несколько иммунных?

Один из людей в униформе показал пальцем вниз, и остальные сгрудились вокруг него.

Зрители быстро разбежались, и двое мужчин моментально определили причину этого. Появилась М-полиция, свирепая и решительная. Полицейские передвигались легкой поступью, как дикие кошки. Их портупей и высокие сапоги создавали резкий контраст с ярко-красными мундирами.

Поисковая группа опять пришла в движение, еще более нервозно из-за появления полиции. Один из техников пнул ногой дверь в ячейку.

— Открыть для проверки! Плановая проверка! Немедленно открыть для проверки!

Дверь не открывали, и мужчина неуверенно оглянулся через плечо.

— Открыть для проверки! — заорал он. — Открывайте, иначе мы ворвемся силой!

Они подождали еще десять секунд, затем вперед вышел человек с резакком.

Джиллиад вдруг почувствовал внезапное напряжение. Остальные члены группы с оружием наготове встали полукругом у двери.

Человек с резакком приблизился к двери, откровенно нервничая. Он наклонился, потом поднялся на цыпочки, готовый отпрыгнуть при малейшем признаке опасности. Но ничего не происходило, он осторожно опустился на колени и включил резак, придерживая его другой рукой.

В следующее мгновение он вскрикнул, выронил резак и зажал правой рукой левое запястье.

— Дверь... эта проклятая дверь! — простонал он сдавленно.

Джиллиад, чувствуя тошноту, увидел, что рука того в крови и покрыта пузырями ожогов.

— Что случилось? — растерянно спросил Кэндел.

— Ты что, сле... — Джиллиад прикусил язык. — Прости, его рука так ужасно выглядит. Мне кажется, дверь раскалилась почти добела.

— О, понятно, — неопределенно сказал Кэндел, продолжая следить за происходящим.

Джиллиад едва сдержал желание обругать его. Он чуть было не сказал: «Ты что, слепой?», но, к счастью, вовремя замолчал, так как Кэндел действительно, в определенном смысле, был слеп. Кэндел был иммунным; только непосредственное действие и то, к чему он мог прийти путем естественных выводов, имело для него значение. Он, конечно, видел, как упал мужчина, держась за запястье, и слышал его крик, но, как иммунный, не мог понять причины этого. Кэндел был одним из немногих счастливых слепых в царстве зрячих.

Вперед вышел один из полицейских.

— А ну, назад!

В его руке что-то блеснуло, и дверь разлетелась, как горящий лист бумаги. Несколько серых порошкообразных хлопьев упали на пол, взвился голубой дым, и дверь исчезла.

В это мгновение Джиллиад услышал очень далекое, почти жалобное завывание сирен роботов.

— Роботы! — Послышался облегченный вздох, и поисковая группа отступила назад.

При своем появлении роботы не производили впечатления: матово-черные кубы, мчащиеся по туннелю. Спереди они выглядели, скорее, несущимися гробами. Не снижая скорости, роботы повернули и проскользнули в дверной проем.

Внутри послышался шум короткой суматохи, и через несколько мгновений появился один из роботов, держа в двух своих выдвигающихся конечностях Машину Мечты. Это был грубый прибор без корпуса и даже без стенок, механизм был просто собран на пластмассовой плате, но он работал и только что был в действии: призматическая трубка еще светилась. Любопытные нервно, почти суеверно отшатнулись назад, держа в поле зрения одновременно и дверь, и Машину. Появился второй робот, за ним, запинаясь, кто-то тащился — мужчина, руки которого были захвачены конечностями робота. Молодой человек в грязной белой рубашке и черных брюках — небритый, грязный, радостно хихикающий довольный ребенок, не замечающий происходящего вокруг.

Джиллиад взглянул в пустые голубые глаза и содрогнулся. Сейчас все было в порядке, но подождать еще только час, подождать, пока проявится действие, и тогда...

У него не хватило времени на дальнейшие раздумья; кто-то закричал: «В-плюс!» — и все понеслись, чтобы оказаться в безопасном месте.

Джиллиад побежал вместе со всеми. Только Кэндел и роботы остались на месте.

Пробежав метров двадцать, Джиллиад споткнулся и упал. Во время падения ему показалось, что над ним пронеслось что-то гигантское и черное. Он, дрожа, вжался в пол, но оно не вернулось.

Далеко впереди, в туннеле, кто-то пронзительно закричал. Затрещали энергоружья, затем донесся хаос испуганных голосов.

Он осторожно поднял голову и с удивлением увидел, что большая часть людей поисковой группы лежит рядом с ним на земле.

— Хорошая идея — броситься на землю. — Один из мужчин приподнялся. — Они просвистели прямо над нашими пятками. — Он вдруг заметил мундир Джиллиада и быстро поднялся. — О, простите, сэр, я со страху не видел... Разрешите помочь, сэр...

У Джиллиада болело левое колено, и он позволил ему помочь подняться.

— Что это было, черт побери?

— Мне оно показалось большим грязным летящим листом, сэр, или летучей мышью. Слава Богу, что этот одержимый не догадался сотворить еще и это. Я имею в виду, сэр... — Он вдруг замолчал и одернул поддерживающую руку.

— Администратор Джиллиад? — пронесся какой-то голос.

— Да.

— Вас требуют на допрос. Сюда, наверх. — Две фигуры в ярко-красном быстро подскочили к нему. — Идите с нами.

Не было никакого процесса, лишь перечисление обвинений: «Непосредственно виновен», так как поддерживал — осознанно или неосознанно — кандидата с-известными либеральными наклонностями.

«Виновен в попустительстве», так как постановления службы безопасности выполнялись так лениво, что возникла прямая опасность для общества.

Все обвинения тотчас же свели вместе.

— Виновен во всех отношениях. Ввиду хорошего поведения в прошлом вам решено предоставить право выбора. Вы можете, если захотите, ходатайствовать перед роботом-судьей об открытом слушании дела или добровольно поступить в распоряжение службы для выполнения определенных секретных программ...

ГЛАВА 4

Джиллиад открыл глаза и вздрогнул. Он не предполагал, что ему доведется еще раз пережить этот отрезок своей жизни.

Люди в белых халатах не сказали ему, что следили за ходом событий в другой комнате, куда эти события переносились специальным проектором в трехмерном изображении.

Голоса их звучали холодно, нейтрально и не выражали ни малейшего признака триумфа.

— Что происходит, когда захватывают одержимого?

— Его арестовывают, пока не проявятся последствия.

— А потом?

— Потом... — Джиллиад попытался как-то сдержать ответ или изменить формулировки, но не смог, — потом его водят по улицам и публично сжигают в камере.

— Довольно по-варварски, вы не находите?

— Это должно служить предупреждением.

— И вы это оправдываете?

— Нет, нет... Боже мой, конечно же, нет.

— Хорошо. А что происходит еще?

— Всех его друзей, знакомых и ближайших родственников казнят таким же образом.

— На каком основании?

— Во-первых, за беспринципность; каждый гражданин — сторож брату своему. Во-вторых, как соучастников. Машина или схема ее устройства ведь от кого-то получены. Кроме того, он может передать их дальше.

— И как часто такое случается?

— Кажется, один-два раза в год.

Один из мужчин кивнул.

— Итак, у вас все еще есть торговцы, они дают работу все еще достаточно опытным агентам для розыска подходящих одержимых, и, что еще важнее, должны быть многочисленные тайники для схем устройства Машины. Выражаясь яснее — вы живете в условиях войны.

— Мы сражаемся с грязью порабощающего механизма.

— А вот сейчас вы цитируете вашу пропаганду. А вам не приходила мысль, что ваш режим сам создал условия, в которых производство таких механизмов должно процветать? Ведь Машина — это прибор для бегства из действительности.

— Но она и наступательное оружие. Много хороших людей погибло при устранении одержимых.

— Ваши хорошие люди умирают на созданном вашим режимом алтаре самоотверженности. У вас есть иммунные, есть роботы, но пятьдесят процентов состава поисковых групп — восприимчивые.

Почему? Можете не отвечать на этот вопрос, я сделаю это за вас сам. В войне должны быть потери, должна быть опасность, иначе не будет поддержки масс и режим рухнет.

— Вы циник.

— Не будьте поверхностны, Джиллиад, факты говорят сами за себя. Лондон придерживается моды, до последнего градуса скопированной с мировой: концентрирует население, демонстрируя единый фронт, устраняет Машину, уплотняет людей, чтобы они могли следить друг за другом. Раньше были нации и народы, а теперь только Города — десять тысяч вооруженных лагерей, где люди набиты так тесно, что едва могут двигаться. Объединенный Лондон, Крепость Нью-Йорк, Бастион Москва, Цитадель Чикаго и бесчисленные другие. Все втайне подозревают всех в том, что будто бы они виновны в появлении Машины. Они начали бы войну по малейшему поводу, но боятся, что, осмелившись выйти из крепости, падут жертвами иллюзорного спектакля Машины.

Джиллиад нахмурил брови и покачал головой.

— Машина завела человечество в безвыходное положение.

— Не такое уж оно и безвыходное, — сказал незаметно вошедший Остерли. Он подошел и присел на подлокотник свободного кресла. Посасывая свою трубку, он сквозь дым смотрел на Джиллиада. — Джиллиад, мне надо было расстрелять вас сразу же, как только я вас нашел. — Он встал. — Я не имею ничего против вас лично. Судя по первым сообщениям, вас довольно высоко ценят, но я поговорил с авторитетными службами. Они не слишком воодушевлены тем, что вы сообщили, и, кроме того, установлено, что ваши передачи принимали не только в Лондоне.

— Я, к сожалению, ничего не понимаю.

— Если вы слушали Годдена, вы должны были все понять. Десять тысяч диктатур, ищущих козла отпущения, вдруг обнаруживают в Канаде район, где существует свободное общество, общество, в котором разрешена ужасная «Машина». Остальное вы можете просчитать сами. Если вы хоть немного разбираетесь в истории — оставьте Машину, займитесь проблемой реакции — реакции диктатуры на свободное общество.

Джиллиад почувствовал внутри холодок. Он понимал и понимал хорошо. Рано или поздно кто-нибудь обязательно нанесет визит в Канаду, и прежде всего в Торонто. И, вероятнее всего, армада самолетов-самоубийц с добровольцами-фанатиками.

— Мне жаль, — сказал он, помедлив. — Когда, по вашим расчетам..? — спросил он сдвинувшись.

Остерли пожал плечами.

— В действительности вы тут ни при чем. Они, должно быть, сами как-то почуяли опасность, иначе не прислали бы вас сюда. Что же касается второго вашего вопроса... Мы рассчитываем,

что пропаганда и подготовка вместе займут несколько месяцев. Они не применяют ракет и ядерного оружия, так как другие города имеют слишком много приборов локации.— Он вынул трубку из рта и принужденно улыбнулся.— Вам об этом, конечно, никогда не говорили, но один из городов однажды начал чересчур вооружаться. Он был разрушен, не успев пройти по этой дороге и половину пути. Никто не хотел рисковать — ни тогда, ни в будущем.— Он вздохнул и снова сунул трубку в зубы.— Это была когда-то самая высокогорная столица в мире; непривычным людям там не хватало воздуха. Кратер, который теперь там образовался, лежит ниже уровня моря. Зато достаточно воздуха, если вы не затруднитесь туда спуститься.

— А что будем делать с ним? — спросил мужчина по имени Годден.

— Продолжайте, он для нас жизненно важен.

— Это верно, я еще никогда не видел человека с таким потенциалом.

— Хорошо.— Остерли коротко кивнул и вышел из комнаты. Джиллиад посмотрел на спросившего.

— Что с моим другом Кэнделом?

— Он в безопасности, и даже не под арестом. Конечно, он не может покидать город, но мы не предъявляем ему никаких обвинений.

— А мне?

— И вам тоже. Но отпустить вас не можем, по крайней мере пока. Вы нам нужны.

— А почему не Кэндел?

— Кэндел иммунный. От иммунного нам никакой пользы.

Джиллиад со страхом посмотрел на них и вдруг в ужасе вскочил.

— Машина! Мерзавцы, вы применяли Машину!

Сбоку подскочила фигура в белом халате, вторая подставила ему ножку, а третья выстрелила в него из параружья. Джиллиад вдруг почувствовал, что его ноги отказали, рухнул на пол и остался лежать.

Люди в белых халатах перевернули его и осмотрели.

— Силен, да? Плечи боксера. Хорошо, что мы были наготове, а то он немного истеричен. Я бы не хотел с ним столкнуться, когда он не в своем уме.

Один из них наклонился над Джиллиадам.

— Мне очень жаль, Джиллиад; но мы не могли допустить, чтобы вы разбушевались. Простите нас за то, что мы применили известные длины волн Машины, но мы умеем с этим обращаться — как и с другими опасными препаратами. Можем вас заверить, что нет никакой опасности, что вы станете одержимым.— Он накло-

нился ниже. — Вы будете вести себя разумно? Если да, моргните три раза.

Джиллиад беспомощно посмотрел на него, но видя, что сопротивление бесполезно, повиновался.

Что-то щелкнуло, и жизнь вместе с болью опять вернулась в его конечности. Ему помогли подняться.

— Еще раз, мы очень сожалеем.

Он не смотрел на них.

— Я чувствую себя испачканным и заразным, черт бы вас всех побрал!

Один из них чуть печально улынулся.

— Промывание мозгов и незнание. Мы вас вылечим.

— Убирайтесь к черту!

Мужчина ухмыльнулся.

— Попозже. Но вы уже устали. Мы приготовили вам комнату наверху. Надеюсь, вам там будет хорошо.

Комната потрясла Джиллиада почти так же, как и все предшествующие события; она была размером с дворец и в ней могло бы разместиться по крайней мере шесть жилых ячеек. Удивительно большое окно открывало вид на маленький город, на широкую равнину и далекие склоны гор. Тут и там виднелись группы деревьев — Джиллиад никогда раньше не видел настоящих деревьев.

Он долго стоял у окна, погруженный в раздумья, пока усталость не взяла свое.

Он зевнул, потянулся и взобрался на высокую, невероятно большую кровать.

Он не мог точно припомнить, как заснул, но когда проснулся, было темно, и широкое окно виднелось слабым контуром, обрамлявшим звезды.

Джиллиад сонно потянулся и спросил себя, что его разбудило, а потом услышал — дикое, странно пульсирующее завывание.

Он снова пошевелился, все еще в полусне. Что, черт побери, это могло быть? У него было странное чувство, что он должен узнать или вспомнить этот звук.

Тут он услышал и другие звуки, пронзительные свистки, быстрые шаги на улице внизу.

— Поторапливайтесь! — крикнул мужской голос. — Сажайте детей в грузовики и слаззены.

Послышался плач младенца, грубые голоса, мимо прогрохотала длинная колонна грузовиков, похоже, спешно покидающих город.

Завывание постепенно стихало, и стали отчетливее другие звуки.

— Встаньте там!

— Без паники! Эвакотранспорт уже в пути...

Где-то пронзительно и истерически завизжала женщина: — Хильда! Хильда! Я потеряла свою малышку! Хильда! О, Боже, Хильда, дорогая, где ты?

И вдруг он понял, что это был за вой, и вскочил с кровати. Воздушная тревога! Все, казалось, обрело очертания — разговор несколько часов назад, «десять тысяч диктатур, которые ищут козла отпущения», «кое-кто нанесет визит в Канаду». Но миновали не месяцы, а часы — эти люди крупно ошиблись.

Он растерянно начал одеваться и полуодетым подскочил к двери.

Она была заперта. Джиллиад подбежал к окну. Окно не открывалось, и он бешено заколотил по нему кулаками.

— Выпустите меня! Выпустите меня!

На улице загремел голос из мегафона.

— Последний транспорт! Последний транспорт! Погрузиться группе эвакуации! Старт через минуту сорок секунд. Отправляется последний транспорт!

Джиллиад ударил стулом. Стекло глухо звякнуло, и стул разлетелся. За окном удалялись последние машины.

ГЛАВА 5

Джиллиад в отчаянии привалился к стене, уже почти смирившись. Они забыли его. В панике эвакуации они забыли, что в одном из зданий разместили единственного арестованного, которому не выйти без посторонней помощи.

Он устало подошел к окну и посмотрел в темно-синее небо. Оно казалось мирным — покрывало из звезд, несколько облачков.

Вдруг пол под его ногами качнулся, где-то сверкнула голубовато-белая вспышка, и здание на противоположной стороне улицы вспыхнуло белым огнем, закачалось, застонало. А его барабанные перепонки едва не порвала взрывная волна.

Он прижался к стене, чтобы не упасть, и почувствовал в желудке какое-то странное кружение, когда гигантские куски стен начали падать на крышу и рушиться на улицу.

Теперь вспышки сверкали постоянно, слепя его; на другом конце города пламя охватило разом около сорока зданий, как будто они были облиты бензином.

Джиллиад покрылся холодным потом; он всегда испытывал ужас перед пожарами. Он разломал кровать и ножкой от нее попытался разбить стекло. Окно зазвенело, спружинило, и удар больно отозвался в запястье. Джиллиад снова попытался выбить дверь, но с еще меньшим успехом. Во время его отчаянных попыток здание на противоположной стороне улицы вдруг запылало, и по улице потянулся язык горящей жидкости.

Джиллиад взобрался на стул и попытался пробить потолок. В комнате мерцали красные отсветы огня.

Потолок был так же прочен; его отчаянные удары оставили лишь несколько вмятин и царапин.

Вдруг послышался странный хруст, на стекле появились бесчисленные трещины, стекло начало изгибаться и, наконец, потекло, как желе.

Джиллиад бросился к окну, но бушующий жар отбросил его назад. Он сгорит там — о, Боже мой, Боже мой!

В комнату ворвался едкий дым и обжег легкие. Джиллиад завертелся, хрипя и кашляя.

Он погибнет... сгорит... на помощь... бессмысленно, все уехали... ничего не видно... где он?... Как жжет, как невыносимо жжет... Воды, холодной воды... сгорю... на помощь, ради Бога, на помощь!

Голоса... но здесь же не может быть никаких голосов... все ушли... «Держите его!»... Больно! У него обожжены все конечности... «Так, уже лучше...»

— Шприц, быстро!

— Десять кубиков коллатолина.

— Боже мой, с рук облезает кожа...

— Включить экранирование.

— Слава Богу, еще минута — и было бы поздно!

Джиллиад медленно, еще не веря себе, открыл глаза; кто-то лил на него воду; на лбу лежала чья-то прохладная ладонь.

— Вы... вы вытащили меня?

— Нет... нет, не вытащили, — произнес женский голос, нежный, но какой-то безличный.

Он несколько раз моргнул, чтобы четче видеть. Над ним склонилась темноволосая женщина в белом халате и смотрела ему в лицо.

— Я не понимаю.

Выражение лица ее не изменилось.

— Вам все объяснят... Сначала оглядитесь.

Он послушался. Люди в белых халатах что-то делали с его руками и ногами — красными и покрытыми пузырями.

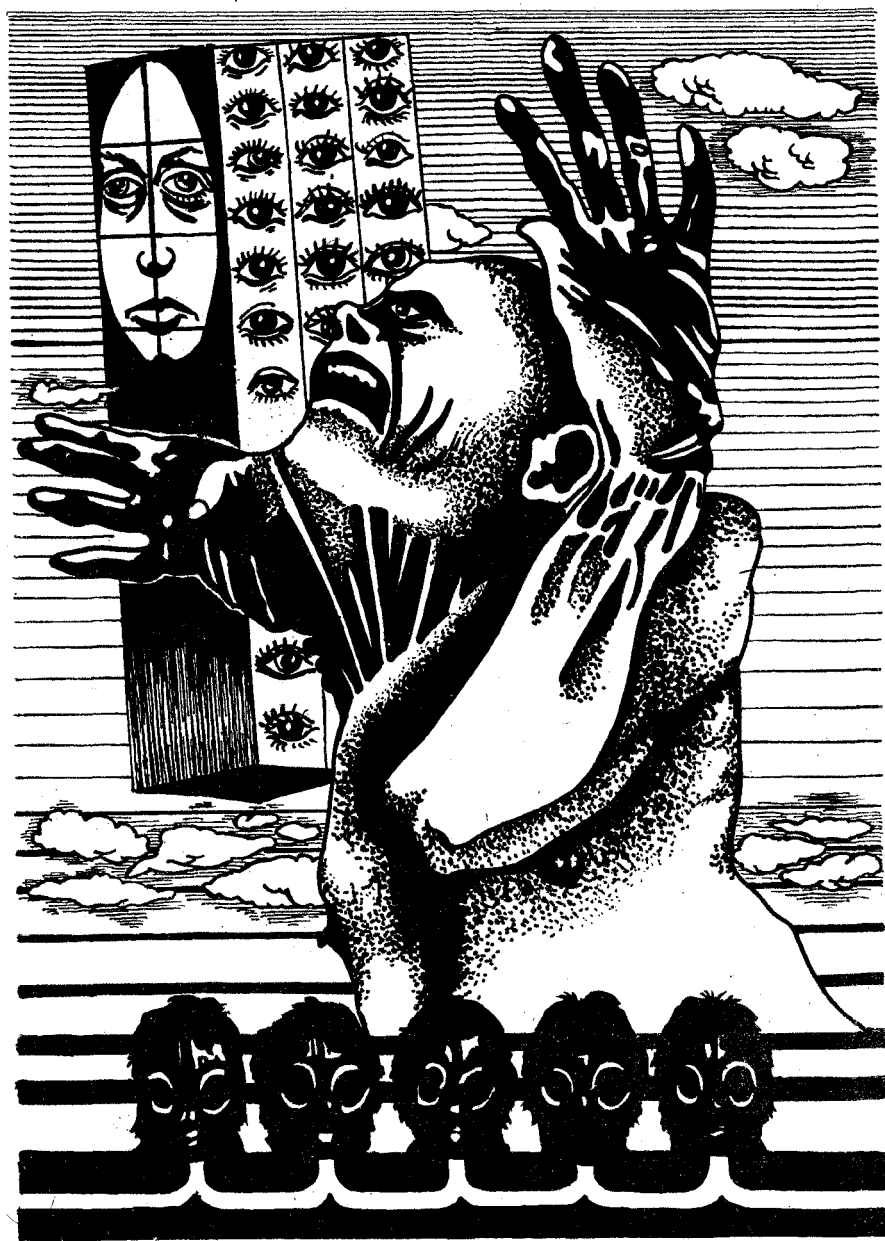
— Но вы должны были вытащить меня.

— Осмотритесь вокруг.

Он огляделся и застыл. Это была та же самая комната; сквозь широкое, неповрежденное окно можно было видеть поблекшие в утренних сумерках звезды. Напротив виднелось знакомое здание; нигде никакого огня или дыма.

Но сама комната выглядела опустошенной; кровать разломана, ее ножки вырваны, на полу разбросаны обломки разбитого стула, а потолок усеян царапинами.

Он нахмурил брови, пытаясь сообразить.

— Значит, мне все приснилось?

— Можете назвать это пока так. Вы должны рассказать нам, что с вами было...

— Рассказать... да... я услышал сирену. Она меня разбудила. Мне кажется... — И он, медленно и запинаясь, рассказал все.

Они кивали и многозначительно поглядывали друг на друга. Врачи закончили трудиться над его руками и ногами, боль прошла, и он почувствовал, что хочет спать.

В комнату, что-то держа в руках, вошел мужчина.

— Уже нашли. Было укреплено на стене дома напротив.

— Какие результаты?

— Ну, я успел осмотреть лишь поверхностно, но считаю, что это эмоциональная запись с наслоенными историческими впечатлениями картин, чтобы добиться расчетного действия. Непрофессиональная, гадкая работа, должен вам сказать, но достаточно хороша, чтобы добиться результата. — Он посмотрел на Джиллиада. — Кто-то любой ценой хотел отправить вас на тот свет.

— Меня?

— Да, вас. Кто-то, кто разбирается в Машине, построил одну специально для вас, установил на вашу длину волны и отправил разрушительный импульс.

Джиллиад безучастно смотрел на него. Ему так хотелось спать, так невероятно хотелось спать.

Проснувшись, он увидел сидящего у постели седого мужчину с квадратным подбородком.

— Вам лучше? — спросил мужчина и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Меня зовут Кейслер. Для краткости можно «доктор», хотя, строго говоря, в медицинском смысле это совсем не так. Это обозначает профессию — я специалист по Машинам Мечты. Конечно, я вынужден был изучать психиатрию и неврологию, но не это моя специальность, если вы внимательно следите за моими мыслями. — Он замолчал, и уголки его рта приподнялись, будто он улыбался какой-то шутке, известной ему одному. — Вы не так уж плохо выглядите, а? Рваная рана под левым глазом, руки и ноги неработоспособны, ожоги третьей степени — как же так получилось?

— Я... — Джиллиад замаялся. — Я сам не знаю.

— Очень мудро, — опять улыбнулся Кейслер. — Вы знаете и не знаете. Я здесь, чтобы объяснить вам это. — Он взял лежавший у него на коленях предмет, и Джиллиад в ужасе отодвинулся.

— Не волнуйтесь, это только макет. — Он открыл ящичек сбоку. — Смотрите — пусто. Я принес его, чтобы ввести вас в курс дела. — Он положил ящичек на постель, где Джиллиад мог его видеть. — Как видите, это только маленький ящичек с антенной,

чтобы он выглядел, как настоящий. Если бы это был полный прибор, я мог бы включить маленький выключатель сбоку, и он послал бы электрический импульс, который подействовал бы на определенные участки вашего мозга. Это все, что делает Машина Мечты, поэтому теперь мы займемся деталями проявления последствий этого. — Он откинулся назад и сложил руки на груди. — Вы когда-нибудь напивались, мистер Джиллиад?

— Один или два раза. Я не любитель спиртного.

— Это неважно, главное — вы знаете его действие. Несомненно, вам также известно, как действует пьянство в течение длительного времени. Оно приводит к дегенерации, галлюцинациям, белой горячке. Что же касается нас, то решающим фактором являются галлюцинации, древняя шутка о белых мышах, которых видят галлюцинирующие. — Он вдруг наклонился к Джиллиаду. — Подумайте о белой мыши.

Джиллиад наморщил лоб.

— Ну, хорошо, я думаю о ней.

— Ладно, вы представляете себе ее, но вы знаете, что она — продукт вашей фантазии, а алкоголик этого не знает. Интересно то, что обе группы белых мышей субъективны, а разница в том, что вы об этом знаете, а алкоголик — нет. Для него эти мыши реальны — субъективное становится объективным, то есть, животные превращаются в живой факт. — Он снова откинулся назад. — Именно этого и добивается Машина. Она раздражает определенные участки мозга таким образом, что субъективный или воображаемый продукт сознания для пользователя становится объективным. Мужчина желает красивую женщину; он представляет ее себе, и для него она мгновенно появляется. Я не могу достаточно уверенно утверждать, что она по-прежнему лишь субъективна; ее никто не может видеть, но для одержимого она существует. Он может с ней разговаривать, касаться ее и, если это соответствующий тип, даже обладать ею. Его телесные реакции, ощущения и сексуальное удовлетворение будут точно такими же, как если бы это было в действительности. Если он захочет летать, как птица, то — с субъективной точки зрения — он полетит. Никто не увидит его летящим, но поскольку это касается его самого, то он будет парить над крышами. — Кейслер сделал паузу и рассеянно глядел перед собой. — Но этот опыт еще не представляет, как вы можете видеть, одержимого. Вам, может быть, будет интересно узнать, что из каждых пяти пользователей лишь один становится одержимым, и у нас достаточно опыта, чтобы выявлять потенциальных одержимых. Склонны к одержимости люди, живущие не по средствам, мужчины, имеющие неверных жен, или те, кто чем-то чересчур озабочен, неутолимые любовники — короче говоря, те, у кого есть достаточно причин бежать или от самого себя, или от своих проблем.

В субъективном мире, созданном действующей на его фантазию Машиной, все проблемы решены. Само собой, что настоящие проблемы мира громоздятся еще выше, и он снова ищет убежища у Машины — и как только это становится обыденностью, он — одержимый второй степени.

Для перехода от второй степени к третьей не требуется много времени, причем одержимый убежден, или сам себя уговаривает, что субъективный мир, созданный для него Машиной, является реальным, а тот, из которого он бежит — продукт его воображения. С этого момента все катится, как снежный ком с горы; он бросает свою работу, прекращает мыться и бриться и всю свою жизнь посвящает иллюзорному миру. Он лишь ненадолго выныривает из своих фантазий, чтобы поесть и справить телесные надобности, а в последней стадии он пренебрегает даже этим. Вы следите за моими рассуждениями?

Джиллиад поспешно кивнул. Он полностью погрузился в тему.

— Одержимый становится полным кататоником и доходит до полной бесконтактности.

Кейслер немного нахмурил брови, но был заметно доволен.

— Спасибо, я не знал, что вы знакомы с основами психологии.

— Да я и незнаком, но я много и с удовольствием читал. Художественное чтение не поощрялось, но технической информации в библиотеках можно было получить предостаточно.

— Почему же нежелательно чтение художественных книг?

— Официального объяснения этому не было, но я пришел к выводу, что иметь увлечения — уже достаточно плохо, не говоря уже о художественной литературе. Вообще-то, вы должны мне кое-что объяснить. Как же получается — я имею в виду ваше утверждение, будто мир мечты субъективен, — что от этого страдает так много невиновных?

Кейслер усмехнулся.

— А вы не слишком торопитесь? Я перейду к этому, как только объясню историю развития. Потерпите, мы займемся и этим, но лучше все по порядку.

ГЛАВА 6

Кейслер откинулся назад и соединил кончики пальцев.

— Машина Мечты была изобретена, можно сказать, в самое неподходящее время. Большие власти с их устаревшей хозяйственной структурой стояли перед инфляцией. Нации не были объединены, и, кроме того, кто-то изобрел стеконит, и все страны, как сумасшедшие, начали его накапливать.

На тот случай, если вы не знаете: стеконит в огнестрельном

оружии был тем же самым, чем ядерная физика для взрывчатого оружия. Один-единственный сосуд стеконита — не больше ручной гранаты — мог создать так называемое поле радикального выгорания. Это поле выжигало все до земли в окружности семидесяти миль. Четырьмя такими сосудами можно было бы стереть с лица земли весь Объединенный Лондон. Но что еще хуже, это вещество можно было легко и просто производить.

В этом кошмаре внезапного уничтожения и финансовой разрухи, в этом ведьмином котле неуверенности и нервозности и возникла Машина. И надо ли считать чудом, что масса людей устремилась к ней, чтобы хоть ненадолго убежать из действительности? Ведь они так и так должны были погибнуть или умереть с голоду, так что же еще было раздумывать?

Сам изобретатель — известный доктор Мельхец — будто бы сделал прибор в экспериментах с новой неврологической техникой. Но правда такова, что Машина в течение немногих месяцев была создана в различных частях мира. — Кейслер сделал паузу, разглядывая ногти. — Нет нужды уточнять, что Машина и ее действие были немедленно объявлены «совершенно секретными», но в тогдашнем мире ничто не могло быть секретным. Существовал шпионаж международного уровня, промышленный шпионаж — большие концерны не останавливались ни перед чем — и, что самое страшное, шпионаж черного рынка.

Сведения об устройстве Машины, конечно же, просочились, и подпольные дельцы занялись торговлей. Поначалу Машины продавались по фантастическим ценам лишь богатым людям, но цены быстро упали, так как все больше и больше дельцов черного рынка получали в свои руки схему ее устройства.

Уже через полгода даже средний служащий мог окольными путями приобрести такой прибор. Была даже организация черных дельцов с хитрой и очень действенной торговлей в рассрочку. — Кейслер скорбно покачал головой. — Когда правительства осознали опасность, было уже поздно, а когда они попытались принять решительные меры, разразилась катастрофа.

После того, как угроза уже стала заметной, одержимые, ополумев, отчаянно пытались сохранить свои Машины. Они баррикадировались в домах и оказывали сопротивление, как только власти пытались отнять у них Машины. Только этот фактор всего за одну неделю был ответственен за семьдесят тысяч смертей в мире. Тем временем поставщики, увидев, что цены на их продукцию снова растут, начали войну на два фронта. Во-первых, они боролись друг с другом за приносящий доход рынок, а во-вторых, против правительственных служащих и полиции, угрожавших их доходам. Уличные бои вспыхивали не только между соперничавшими бандами, но и между вооруженными силами государств и гангстерами.

Эти столкновения привели еще к сотне тысяч смертей за тот же период. — Кейслер мгновение помолчал, а потом начал перечислять по пальцам отдельные пункты: — Только для вашего сведения и лишь оценочные цифры: четыре тысячи одержимых дошли до того, что умерли с голоду, еще восемь тысяч сошли с ума и впали в буйство. Двадцать четыре тысячи стали одержимыми третьей степени, и для них уже ничего нельзя было сделать. Низвергались правительства, разрушалась экономика, и в волнениях, возникших вследствие этого, погибло еще тридцать тысяч человек. В течение года население мира сократилось ровно на четверть.

Тем временем возникали Объединенные Города — ряд компактных крепостей, правивших опустошенной местностью, которая ранее была населена. Правивших, но не контролировавших. Это были сотрясаемые страхом города, прятавшиеся за бесконечными минными полями и автоматическими артиллерийскими позициями. Радиоуправляемые самолеты патрулировали небо, а их радары непрерывно осматривали горизонт в поисках агрессора. И теперь за этими оборонительными линиями города начали очистку. Администрация действовала с жестокостью, обусловленной отчаянием. Поставщики черного рынка, их персонал и соучастовавшие преступные банды массами уничтожались. Точно так же устраняли всех обнаруженных владельцев Машин, их родственников, близких друзей и знакомых.

Это привело к таким потерям, которые превышали суммарные потери двух мировых войн.

Такие методы должны были бы совершенно устранить опасность, но они послужили лишь тому, чтобы держать потери ниже уровня выживаемости. Кое-кто все еще продавал Машины или поставлял простые технические описания, по которым их легко можно было изготовить. Даже сегодня потери всех городов составляют около тысячи человек в неделю, несмотря на растущую безжалостность и старания некоторых служб. Лишь в немногих случаях местные цифры рождаемости выше среднего уровня. Общая картина показывает, что человечество будет медленно, но неудержимо вымирать. — Кейслер замолчал, посмотрел на Джиллиада и улыбнулся. — Только в нашей провинции рождаемость растет; только за счет нее человечество выравнивает свои потери и показывает прирост. Здесь одержимых проверяют, классифицируют и ставят на обеспечение, как раньше регистрировали наркоманов и лечили их. И только здесь разработана техника, которая в сорока процентах случаев приводит к стойкому излечению.

Мы разрешили Машину законодательно — с определенными медицинскими и психиатрическими ограничениями. Мы изучили ее воздействие и используем Машину во многих случаях как инструмент для восстановления здоровья. — Кейслер прищелкнул язы-

ком.— Мне жаль, что я сделал такой широкий обзор и частично уклонился от темы вашего вопроса.

Машины проявили неприятные побочные действия, когда города начали программу очистки. Как я вам уже объяснял, субъективный мир для одержимого является объективным, но, говоря в общем, он не совсем слеп и по отношению к реальному миру. Поскольку одержимость стала наказуемым преступлением, одержимый начал принимать защитные меры — воображаемые защитные меры, конечно, но все же именно защитные меры. Он создает целую массу защитников — и Машина позволяет ему считать их реальными. Некоторые выдумывают целые армии, другие — многочисленные ловушки, ужасных чудовищ, смертельные газы и так далее, на тот случай, если реальный мир попытается вторгнуться в иллюзорный мир одержимого и утащить его самого на допрос. В каждом таком случае одержимый серьезно верит в то, что его защитники ему помогут.— Кейслер откашлялся и встал.— Только когда целый ряд хороших людей погибли ужасной смертью, власти начали задумываться, и когда это случилось, правда оказалась слишком ясной. Во многих случаях воображаемые защитники действительно помогли одержимому.

— Нет! — Кейслер порывисто поднял руку.— Вы не должны задавать мне этот вопрос, мистер Джиллиад, потому что если быть откровенным, то мы до сих пор не нашли на него удовлетворительного ответа. Некоторые красноречиво, но несколько неопределенно рассуждают об охранительном гипнотическом мысленном отпечатке, в то время как сторонники более осторожного направления занимаются научными исследованиями, исходя из поддерживаемой многими физиками теории, что мысли «материальны».

Я бы не хотел преждевременно решать, какое направление правильно, но факт неоспорим: если одержимый в прогрессирующем состоянии слишком долго концентрирует свои мысли на оборонительной системе, то она становится реальной для восприимчивых.— Он замолчал и поглядел на Джиллиада так, как будто хотел за что-то попросить прощения.— Вы несколько часов находились у старика по имени Питчер. Мистер Питчер — одержимый третьей степени; мы могли бы прекратить его одержимость, но не излечить его от этого. Как одержимый, он вообразил себе в качестве домашнего животного тигра; он мечтал о нем так долго, что тот теперь реально существует для восприимчивых. Короче говоря, иллюзорный тигр, нападению которого вы — как восприимчивый — подверглись. В результате этого нападения у вас появилась психосоматическая рана, которая объективно выразилась в виде вполне настоящей раны. Но, мистер Джиллиад, ваш друг Кэндел был прав: в действительности не было никакого тигра.— Кейслер встал и начал прохаживаться взад и вперед.— На этот город не было никакого

воздушного налета; не было и никаких пожаров, но субъективное впечатление от этих проецируемых картин для вашего разума было таким огромным, что вы получили психосоматические ожоги, от которых едва не погибли.

Джиллиад кивнул.

— Я понял все, что вы мне сказали, но почему кому-то понадобилось меня убить? Я обычный восприимчивый среди множества подобных.

— Нет.— Кейслер внезапно остановился.— Нет, вы не обычный. Вы восприимчивый, но это единственный случай, уникальный. Как же мне лучше выразиться? Послушайте: то, чего вы больше всего вынуждены бояться вследствие промывания мозгов,— опасности стать одержимым, в вашем случае вообще невозможно. Недаром мы вас так быстро притащили сюда. А доставили мы вас сюда потому, что наш заочный диагноз указывал на то, что вы хотя и восприимчивый, с одной стороны, но, с другой стороны, вы иммунны к опасности стать одержимым. Короче говоря, вы — явление, которое случается один раз на двадцать миллионов рождений. В нашей провинции это лишь второй случай; мы знаем, что еще одна такая персона есть в Бастионе Москва и, предположительно, еще один случай в Цитадели Чикаго.

— Ну и что же я, собственно, такое?

— Точно сказать мы не можем, но знаем, что вы можете годами пользоваться Машиной, предаваться любому капризу своей фантазии и, несмотря на это, не стать одержимым. Возможно, в другое время вы стали бы артистом или писателем. У вас есть способность сохранять дистанцию, своего рода психологический прибор для ориентирования, который позволяет вам заниматься этим, не боясь быть захваченным. Нам нужен такой человек, как вы.

Джиллиад посмотрел на свои забинтованные руки.

— А глядя на это, такого не скажешь.

— Это был не чистый эксперимент, вас ведь предварительно не проинформировали. Вы бы не согласились на простой опыт?

— Это будет зависеть от того, в чем он состоит.

— Он очень прост. Я хотел бы, чтобы вы сосредоточились на мысли, будто вы больше не боитесь Машины; попытайтесь уговорить себя хоть на тридцать секунд.

Джиллиад пожал плечами.

— Попытаюсь, если от этого будет хоть какой-то толк.

— Отлично.— Кейслер посмотрел на часы.— Начинайте.— Он подождал.— Достаточно.— Он наклонился и что-то поднял.— Вы знаете, что это?

— Машина Мечты,— сказал Джиллиад, но не отшатнулся, как обычно.

— Хорошо.— Кейслер улыбнулся.— Она настоящая, я включил

ее ногой. Простите за хитрость, но это был единственный путь доказать вам, что мы умеем пользоваться Машиной во благо. Судите сами: тридцать пять лет промывания мозгов — я слышал, что такое ваш возраст, — отключены за считанные секунды. Недурно.

ГЛАВА 7

Джиллиад, наморщив лоб, посмотрел на него: — Ну и что?

— Теперь сделаем еще один шаг. Как бы вы отнеслись к тому, чтобы снять эти бинты и покинуть эту палату здоровым? При помощи вашего сотрудничества с Машиной это можно сделать. Простое обращение. Сами поглядите: не было никакого воздушного налета — теперь-то вы это знаете — и никакого пожара. Вы не получили никаких ожогов. Сосредоточьтесь только на этом и больше ни на чем.

— Ну, хорошо, — сказал Кейслер две минуты спустя, — подождите часок, а потом пригласим врачей. — Он опять сел и сложил руки. — Джиллиад, если снова случится что-нибудь похожее на этот воздушный налет, сопротивляйтесь этому. Теперь вы подготовлены и проинформированы. Скажите себе, что это нереально, и поборите иллюзию.

— Но кто же все-таки хотел меня убить?

— Кто-то, кто знал, что вы из себя представляете.

— До этого я додумался сам, но когда начинаю рассуждать дальше, все усложняется. Меня могли бы устранить в Лондоне, и, что еще сложнее, как же мог этот кто-то поджидать меня в Канаде, если никого не впускают сюда и не выпускают отсюда?

Кейслер покачал головой.

— И я не знаю, и секретная служба тоже, и это чрезвычайно меня беспокоит, поверьте мне. Конечно, над этим работают, и если на самом деле что-то стало известно, до меня это, во всяком случае, еще не дошло.

Джиллиад снова оглядел свои забинтованные руки и нахмурился.

— Я должен заняться этим сам.

Кейслер удивленно поднял брови.

— Не слишком ли честолюбиво? У вас тут ни связей, ни опыта и, кроме того, официально вы мертвы.

— Мертв?!

— Сердечный приступ. Мы дали просочиться этому слуху. Если бы вас полагали живым, то, вероятно, попытались бы убить снова.

— Ну, спасибо за надгробную речь. — Джиллиад продолжал разглядывать бинты. — Но вы меня неправильно поняли. У меня нет таланта к любительскому розыску или секретной службе. Мне нужно только время для размышлений. У меня в голове крутятся

одна идея, еще не совсем оформившаяся. Она занимает меня уже много лет. Мне не нужно ничего, кроме некоторых существенных фактов и нескольких исследований в архиве.

— А! — сказал Кейслер и задумчиво потер подбородок. — Вы умны и, согласно нашим исследованиям, даже очень. Обстоятельства не позволили вам развить ваш интеллект полностью, но он все же имеется. Я разговаривал об этом с Остерли. — Он вытянул руку и кончиками пальцев потрогал какое-то место на стене. — Время для врачей. Мы продолжим беседу позже.

Вошли двое мужчин в белых халатах и торопливо разрезали бинты. Джиллиад невольно напрягся, но освобожденная от бинтов кожа была белой, нормальной и невредимой.

— Что я говорил? — довольно произнес Кейслер. — Еще несколько поколений, и мы все повернули бы вспять. Проклятье станет благословением.

Джиллиад, разглядывавший здоровые ладони, поднял голову.

— А может, и нет, если то, что, по моему мнению, случится, опередит вас.

Глаза Кейслера сузились.

— Что вы, черт побери, имеете в виду?

Джиллиад пожал плечами.

— Ничего, что мог бы доказать. Это касается идеи, что крутится в моей голове.

— Мне кажется, что чем скорее вы поговорите об этом с секретной службой, тем лучше.

— Дайте мне время — хоть несколько часов — да, и еще что-нибудь, чтобы я мог писать.

— Вы спятили! — сказал Остерли, и его зубы отчетливо заскрежетали по мундштуку трубки.

— Может быть, — бесцветным голосом ответил Джиллиад. — Но вы ведь до сих пор не можете объяснить, откуда они знают, что я здесь.

— Ваши утверждения — не доказательство!

— Но и не опровержение. Как я уже подчеркнул, были и есть города, одержимые мыслью подавить Машину. Вы в Канаде направили вашу энергию на то, чтобы исследовать причины и найти средство излечения. Вам нужно лишь спросить себя, кто имеет наибольшую выгоду от этой подлой торговли.

Остерли мрачно уставился на него, но был заметно растерян и почти готов поддаться убеждению.

— Решение кажется довольно простым. Мне нужно только просмотреть в государственном архиве несколько документов.

— Я бы вам не советовал. Если я правильно представляю, ваш интерес к ним выдаст вас, а вы для нас очень ценны.

— Но вы же не можете утверждать, что против меня что-то замышляется?

— Я бы не решился спорить.

— Но мне необходимо знать содержание этих документов!

— Ну, хорошо, я пошлю другого. У нас тут есть человек с потока, в качестве одного из сотрудников. Мы дадим ему для прикрытия удостоверение журналиста.— Он вздохнул.— Мистер Кэнтрелл будет очень недоволен, если я напрасно потрачу его время. У него сегодня вечером, кажется, свидание с блондинкой.

Но Джиллиад даже не улыбнулся.

— Будем надеяться, что у него получится. Следующий шаг, если этот не удастся, вы знаете.

— До этого наверняка не дойдет,— сказал Остерли, уходя.

Он вернулся два часа спустя с озабоченным и свирепым лицом и не стал терять время на предисловия.

— Кэнтрелл мертв.

Джиллиад посмотрел на него без всякого торжества.

— Как это произошло?

— Он упал с лестницы.— Остерли вынул из кармана трубку и, наморщив лоб, разглядывал Джиллиада.— Три подлые ступеньки. Он поскользнулся и сломал позвоночник. Растолкните, как это могло случиться?

— Они применили Машину.

— Да, мы так и предполагали. Мне кажется, они его впустили, дали возможность найти документы, чтобы убить его только после того, как он отыщет.— Он покачал головой.— Мы были слепыми, Джиллиад, весь мир был слеп.

— Не слеп, а лишь вынужден смотреть в соответствующем направлении, на непосредственную опасность, вместо того, чтобы искать причины.

— Нам повезло, что мы это вовремя заметили.— Остерли, не торопясь, набил трубку.— Вы готовы ко второму этапу?

— Это же была моя идея.

— Но этот вовсе не значит, что вам это доставляет удовольствие. Вы боитесь?

— Я обязан отвечать? Ну, хорошо — да, я боюсь.

Остерли слабо улыбнулся.

— Знаете что? Я люблю честных людей.— Он раскурил свою трубку.— Не волнуйтесь, вас прикроют, и мы все слушаем вместе. Мы будем все видеть и слышать.

— Хорошо. Не забывайте о моем друге Кэнделе.

— Все распоряжения отданы.

Джиллиад нахмурился.

— Вы говорите так, будто я распрощался с ним навек.

— Будем смотреть фактам в лицо. Такое возможно, даже очень возможно — вы уверены, что хотите это пережить?

Джиллиад отвернулся и промолчал.

В комнату, улыбаясь, вошел Кэндел.

— Очень рад тебя видеть. А то уже пронесся глупый слух, что ты мертв.

— Да, этого чуть было не случилось. — Джиллиад указал на кресло. — Подробности потом, а то мало времени. У меня был разговор с людьми из здешней секретной службы.

— Какие-нибудь проблемы? — Кэндел достал сигарету и закурил.

— И да и нет — все зависит от того, к каким выводам они пришли. Мне очень жаль, но я не могу об этом рассказать.

— Понимаю, но надеюсь, что все будет хорошо. Послушай, а здесь прекрасно, особенно если ты на свободе. Никакой М-полиции, никаких поисковых групп — как в раю. — Он выпустил дым в потолок. — Ты уже поправился?

— Да, полностью. Если хочешь знать правду, кто-то пытался меня убить.

— Что?! — Кэндел ошеломленно поглядел на него.

— Кто-то пытался меня убить. — Джиллиад тоже закурил сигарету. — По мнению здешних специалистов во мне есть что-то особенное.

— Мне это кажется довольно странным. — Кэндел наморщил лоб. — Сюда никто не приходит, и отсюда никто не уходит. Даже если бы ты был каким-то особенным, как ты говоришь, то кто мог об этом знать?

— Я тоже ломал над этим голову. — Джиллиад поглядел на тлеющий кончик сигареты и внезапно поднял голову. — Об этом знал только один человек, и этот человек — ты.

— Я? — Кэндел едва не выронил сигарету, а потом нахмурился. — Твой юмор мне не совсем понятен. Это не смешно, совсем не смешно. Боже мой, Дэйв, мы же столько лет друзья.

— Ты столько лет рядом со мной. Смешно, но если перемещали меня, то перемещали и тебя.

— У тебя богатое воображение.

— Может, я тоже вообразил, что иммунные менее всего под подозрением и являются слишком привилегированными людьми в нашем обществе? Я вообразил, что иммунные постоянно занимают посты, откуда они могут управлять, не обнаруживая себя, методами Серых Кардиналов, так что, если что-то не получается, вину сваливают на бедных восприимчивых? — Джиллиад пристально поглядел на него. — Скажи мне, Кэндел, почему в архивах и статистических бюро работают исключительно иммунные? Не для того ли, чтобы фальсифицировать данные и скрывать тот факт, что они

живут почти в шесть раз дольше, чем любой нормальный человек?

— Полегче, полегче, — голос Кэндела звучал успокаивающе, но лицо его покраснело. — Мне кажется, лучше позвать врача.

Джиллиад горько улыбнулся.

— Давай, но тогда войдет сотрудник секретной службы с pistolетом.

— Я думал, мы друзья. — Кэндел сделал примиряющий жест. — Несомненно, ты заблуждаешься, но несмотря на твоё мнение, мне чертовски жаль, что все должно так закончиться.

Губы Джиллиада вытянулись в тонкую полоску.

— Мне тоже. Как жаль, что именно ты вынужден был выдать меня другим иммунным. — Он покачал головой. — Вообще-то, очень находчиво — создать связь с Канадой, которая угрожает стать слишком сильной, и одновременно убрать Джиллиада с дороги.

— Ну, послушай же! — Если Кэндел играл, то играл мастерски. — Откуда у тебя, черт возьми, эти сумасшедшие идеи? Может, тебя обработала секретная служба?

Джиллиад затушил сигарету. У него уже появились легкие сомнения, но нужно было продолжать.

— Я хочу сказать тебе еще кое-что. Когда умер мой дед, после него остались кое-какие бумаги, принадлежавшие еще его деду. На одном листе, несомненно, был рецепт, который моя прапрабабка еще в домашинные времена вырезала из газеты; там что-то о приготовлении мармелада из смородины и малины. На обратной стороне этой вырезки есть фотография мужчины, стоящего перед парламентом, а под ней слова: «Ф. Свифт, независимый кандидат от...» Дальше прочесть было невозможно, но этот Ф. Свифт был поразительно похож на тебя, включая бородавку под левой бровью.

— Да послушай же! — Голос Кэндела был почти дружелюбен. — Серьезно, Дэйв, ты все спрямляешь, лишь бы привести в соответствие со своей теорией, верно? Кроме того, почему раньше ты даже не упоминал об этом?

— Потому что сам считал это столь же невероятным, как ты хочешь представить сейчас. Но, даже не беря во внимание твою персону, — откуда же появляются все эти Машины или их конструкторские схемы? Ведь совершенно ясно, что от иммунных; никто не заподозрит иммунного, элиту, застрахованную от всякого искушения. Вы очень хорошо выстроили свой имидж, так что все считают вас спасителями человечества.

ГЛАВА 8

Кэндел нахмурил брови.

— А разве нет? — Он наклонился. — Они сохранили цивилизацию, когда она разваливалась.

— Предположили, что для выживания необходимо прооперироваться? — Джиллиад снова закурил. — О, да, в больницах и прочих учреждениях проявили большую готовность, но ведь надо же было продемонстрировать красивый фасад. Мне кажется, что секретные службы занялись бы этими уликами, если их проинформировать,

— Так ты еще этого не сделал?

— Как ты только что напомнил мне, мы ведь были друзьями. Я хотел дать тебе возможность защищаться.

— С вооруженным охранником за дверью?

— Он тут, чтобы защищать меня.

— Ну, подумай сам! — Кэндел затушил свою сигарету. — Ты всегда был дураком. Ты не заслужил того, чтобы остаться в живых. Ни один из вас, восприимчивых, не заслуживает этого. Боже мой, если...

В этот момент часть стены с грохотом обрушилась, и в комнату ворвались вооруженные люди. Джиллиад схватился за оружие, которое ему дал Остерли, но не мог понять происходящего.

Кэндел с невероятной быстротой повернулся навстречу нападающим, оскалив, как зверь, зубы. На плечах его вздулись бугры мышц, и сжатый кулак описал короткую дугу. Первый из нападавших, с оружием наготове, со свистом выдохнул, на его губах вздулся кроваво-красный пузырь, и он рухнул на пол. Но еще прежде, чем он коснулся пола, Кэндел швырнул в другого тяжелое кресло и что-то выхватил из кармана.

Джиллиад бросился на пол, когда спинка его кресла разлетелась пылающими кусками. У окна сверкнула вспышка, и он в замешательстве увидел, как опрокинулись люди, а Кэндел бросился в окно.

Джиллиад вскочил и подбежал к оконной раме — теперь уже без стекол. До земли три этажа, и Кэндел должен был теперь неподвижно лежать на земле, но оказалось совсем не так. Кэндел поднялся и побежал прочь, внешне совсем невредимый.

Откуда-то донесся резкий щелчок, Кэндел схватился за бедро и упал.

В это мгновение из входов в здание высочили люди и бросились на лежащее на земле тело. Засверкал металл, наручники защелкнулись вокруг запястий и щиколоток, появился кто-то с тяжелой цепью, и Кэндела потащили наверх. Тот продолжал отчаянно сопротивляться.

— Тихо, черт побери! — Один из мужчин взмахнул рукояткой пистолета. — Успокойся!

— Тащите его наверх! — Остерли перевесился через подоконник. Лицо его было в поту. Он отвернулся от окна. — Врача. Нельзя допустить, чтобы этот парень ускользнул от нас на тот свет. Он ранен в правое бедро.

Кэндела притащили наверх и бросили в единственное оставшееся целым кресло. Двое мужчин крепко держали его, пока врач разрезал ему штанину.

— Ничего страшного. Кости и сосуды не повреждены, — сказал врач и снова занялся своими инструментами.

— Сделайте все лучшим образом. Снимите боль. — Остерли остервенело сосал свою трубку. — Ах, да, возьмите кровь и отправьте на исследование, а то я иногда спрашиваю себя, человек ли он вообще. — Он недоуменно покачал головой. — Диминг мертв, пролом грудной клетки. У Кэмпбелла пробит череп... — Он медленно повернулся, как будто о чем-то припоминая. — Спасибо, — сказал он Джиллиаду и пожал ему руку. — Большое спасибо. — Он опять повернулся к Кэнделу. — Так, Кэндел, а теперь вы откроете рот и что-нибудь нам споете.

Кэндел сузил глаза и нагло усмехнулся.

— Вот вам первый куплет... — сказал он и плюнул Остерли в лицо.

Остерли сжал кулаки, мускулы на его лице напряглись, и оно побагровело. Медленно и с заметным усилием он заставил себя не потерять самообладание.

— Нет, — сказал он тихо. — Нет, я не опущусь до вашего уровня, ударив вас. — Он стер с лица плевки. — А вы все-таки запоете.

Кэндел надменно расхохотался.

— Что вы собираетесь делать, применить Машину?

Остерли холодно улыбнулся.

— При попытках разобраться в вашем маленьком аппарате мы наткнулись на целую коллекцию интересных препаратов. — Он повернулся к врачу. — Начните с дрессинбарбитурата.

— Это не поможет. — Кэндел выпрямился, его плечи напряглись, и цепь со звоном лопнула. — Вам ничто не поможет.

— Тихо! — Один из мужчин приставил пистолет к его голове.

— Послушайте, да послушайте же! — Он побледнел и выглядел растерянным. — Я не могу говорить, ни один из нас не может, какие бы препараты вы ни применили. Если вам повезет, вы меня уничтожите.

— Как печально. — Врач с ненужной силой воткнул шприц в его запястье.

Остерли подошел ближе.

— Кто или что вы?

— Я... я... — Кэндел горящими глазами уставился на Остерли и закричал. Его тело застыло и вытянулось, из ноздрей пошел дым, а череп, казалось, готов был разлететься.

Джиллиад перегнулся через подоконник, и его вырвало. Когда он опять повернулся к остальным, люди с бледными лицами осторожно укладывали обезглавленное тело на пол.

— Ничего не трогать, вызвать экспертов. Двойную охрану, пока они не придут. — И Остерли огорченно отвернулся. — Что теперь?

— Теперь, — сказал Джиллиад, — все выглядит так, будто сгорел весь город.

— Что! — Остерли подбежал к окну и выглянул. К небу поднимались большие черные столбы дыма.

— Боже мой, правительственный центр, архив, отдел статистики населения, управление обороны провинции — оплоты иммунных. Они ударились в бегство и уничтожают улики. — Он сунул еще дымящуюся трубку в карман. — Смерть Кэндела, должно быть, активировала сигнал тревоги, но это у них не пройдет. Я прикажу их перестрелять, я...

— Нет! — Джиллиад вдруг понял и содрогнулся. — Пусть уходят. У них есть машины, машины, которых мы не можем даже представить. Ваши люди будут убиты.

Остерли повернулся и посмотрел на него с горьким, но невольным уважением.

— Спасибо, большое спасибо, вы правы, чертовски правы. Господи, помилуй нас! Что теперь будет?

Далеко за городом что-то серебристое взмыло вверх, наклонилось и унеслось в небо. Следом за ним последовали второй и третий аппараты.

— Они все подготовили на такой случай. Для них же это просто; они могут приземлиться в любом городе. С помощью Машин они могут убедить защитников в том, что они вовсе не появились внезапно, местные иммунные подготовят фальшивые документы, доказывающие, что вновь прибывшие живут там с момента своего рождения. — Он замолчал, порылся в кармане и громко выругался. — Проклятая трубка еще горит! Такого со мной еще не случилось. — Остерли зажал мундштук трубки меж зубов. — Это означает войну, Джиллиад, не будем себя обманывать. Кроме того, вместо шести месяцев до нападения мы можем рассчитывать только на два или даже меньше. — Он, наморщив лоб, снова вернулся к окну. — С этого момента Онтарио — осажденная провинция. Мы совсем одни. — Он внезапно выпрямился и улыбнулся Джиллиаду. — Англия часто была одна, и мы тоже сможем. Или нет? Пойдемте, выпьем пива.

— Пива! — Джиллиад, выросший в строго регламентированном обществе, испуганно посмотрел на него. — А разве не следует записать сообщение на ленту?

— Зачем? — Остерли постучал по маленькому прибору на запястье. — Все записано. Они обо всем извещены. Если я понадобится, они меня вызовут. Идемте.

В почти пустом баре Остерли залпом выпил кружку и взял вторую.

— Боже мой, именно этого мне очень не хватало. Пейте.

— С удовольствием.— Джиллиад осторожно отхлебнул глоток. Пиво было крепким, но приятным на вкус. Он допил свою кружку. Ему тоже этого очень не хватало. Он поднял голову.

— Говорят, здесь есть еще один восприимчивый вроде меня. Остерли взял третью кружку.

— Да, есть,— сказал он.— А зачем?

— Я хотел бы с ним познакомиться.

Остерли, которому пиво уже ударило в голову, нахмурил брови.

— Это не он, а она,— сказал он и нарисовал руками в воздухе извилистый контур.— Очень привлекательная, но вам нужно поговорить с Кейслером.

— Зачем?

— Он предписал ей год покоя. Она чуть не до смерти заработалась в программе реабилитации, и ему чуть не силой пришлось отправить ее на отдых. Сейчас она живет одна в доме милях в десяти от города. Дом, само собой, охраняется, и вам понадобится десяток пропусков, чтобы добраться до нее.— Он шумно отхлебнул и вытер рот тыльной стороной ладони.— Даже если бы вы имели эти пропуска, у вас все равно ничего не вышло бы. У нее есть особые привилегии, и она может отказаться от встречи с вами.— Он печально покачал головой.— Вероятно, она так и сделает. К всеобщему сожалению, она невысокого мнения о мужчинах. Она очень застенчивая и робкая, вы меня понимаете?

Джиллиад кивнул, хотя и не понял.

— Как ее зовут?

— Ванесса Стауэр. Многим людям она представляется Тессой, но называть ее так может только Кейслер. Она любит его, насколько она вообще может терпеть мужчин. Для одержимых и душевнобольных она ангел, но как только они выздоравливают...— Он не договорил.

— Я как раз подумал...— начал было Джиллиад.

— Прошу прощения,— сказал Остерли, коснулся своего пиджака и, прислушиваясь, склонил набок голову.— Да, да, Остерли слушает. Сообщение из центра,— прошептал он Джиллиаду.— Да, да?

Он слушал очень долго, наконец выпрямился и провел руками по пиджаку.

— Ну, вот.— Он посмотрел на Джиллиада.— Первое сообщение из лаборатории. Сообщают, что Кэндел, хотя и был человеком, но искусственно настолько измененным, что обладал необычной силой и долголетием. Предполагают, что в его череп был встроен искусственный прибор, служивший двум целям. Во-первых, этот прибор превращал его в то, чем он был. А во-вторых, это была комбинация устройств предупреждения и самоуничтожения.

— И откуда она у него? — спросил Джиллиад.

— Это ключевой вопрос, верно? — сказал Остерли. — Вы что-нибудь знаете? Если я начинаю задавать себе эти вопросы, мне становится страшно.

Джиллиад посмотрел на свою кружку и почувствовал, что внутри него что-то вздрогнуло. И ему было страшно. С каким противником они имеют дело?

ГЛАВА 9

Джиллиад вошел, и Кейслер, сидевший за письменным столом, поднял голову.

— А, я вас уже ждал. Остерли мне вчера звонил и сказал, что вы, возможно, зайдете. — Он аккуратно положил в пепельницу длинную черную сигару. — Мне очень жаль, но ответ — «нет». Пока нет. — Он слегка улыбнулся. — Не смотрите на меня так удивленно. Вы хотели встретиться с Ванессой Стауэр, верно?

Джиллиад слегка приподнял брови и сказал: — Но почему нет? Почему я не могу ее видеть?

— По двум причинам. Первая: она отдыхает. Вторая: хоть вы и обладаете общим необычным фактором, но у вас пока еще нет базы для дискуссии. Она эксперт в своей области, а вы пока еще даже не начинающий. Что бы вы ей ни рассказали, для нее это будет лишь разговор на узкоспециальную тему. Вы зря потратите ее время, и свое тоже.

— Но что же мне тогда делать, черт побери? Зарабатывать ученую степень?

Кейслер тихо засмеялся и схватил свою сигару.

— Вам нужно больше знаний по этой теме. Ведь вас уже однажды использовали в качестве мишени для проекции, значит, вы еще далеко не специалист.

Джиллиад сжал кулаки.

— Послушайте, но я же только хотел помочь.

— Давайте без лишних эмоций. Я это знаю и тоже пытался вам помочь. Какого мнения вы о заседании?

— О заседании? — Джиллиад слегка побледнел. — Вы имеете в виду, что я должен пользоваться этой проклятой Машиной?

— Не дурачьте себя. Мы могли бы поговорить о деле, с которым вы совсем еще незнакомы.

Он был покорен, как ему показалось, невероятно случайными обстоятельствами своей первой попытки.

Его заперли в комнате, где не было ничего, кроме походной кровати и стола с Машиной.

— Просто включите ее, — излишне снисходительно сказал

техник. — Для разогрева достаточно нескольких минут, а потом можете выдумывать все, что хотите. Это совсем просто. Насчет времени не бойтесь. Я позаботился, чтобы прибор выключился сам. Для начала хватит часа. Счастливо пометчать.

— Вы часто это делаете? — Джиллиаду вдруг очень захотелось не оставаться в одиночестве.

— Один-два раза в неделю. К нам приходят многие из исследовательского отдела, знаете ли, потом психиатры, врачи и всякие прочие люди. Мы постоянно заняты. Через десять минут придет врач, и мне надо поспешить. Ну, еще раз счастливо пометчать.

Джиллиад увидел, как за ним закрылась дверь, и растерянно огляделся. Ему понадобилось минут пять, чтобы набраться храбрости и включить маленький выключатель на боковой стенке прибора.

Несколько минут на разогрев... вообразить что-нибудь... что-нибудь приятное... а что было приятным?.. Ничего не приходит в голову... где-то очень далеко, может быть... да, уже лучше... где-то далеко... как те коралловые острова, что он видел в каком-то старом фильме... Да, это было бы здорово... красивый, мирный остров, вдали от всего... Боже милостивый!

Солнце приятно обжигало его голое тело, под спиной мягкий песок. Над ним от легкого бриза колышутся листья пальмы.

Он сел. На волнах перед ним плясало солнце. Море было невероятно голубым, но вдали пенный прибой разбивался о невидимый риф.

Он медленно поднялся. Ветер развеивал его волосы и нежно гладил кожу.

Но это же не на самом деле, сказал он себе. Это не действительность.

Все казалось реальным. Он подошел к берегу, и волны заколыхались у его ног. Он даже чувствовал легкую щекотку, когда отступающая вода вымывала песчинки меж пальцев.

Подсознание, должно быть, управляет невероятным количеством деталей, деловито подумал он. Такими деталями, как серебристые песчинки на его теле, сверкающие капельки воды на волосках его ног.

Можно совсем спятить, подумал он. Я знаю, что это галлюцинация, но...

У него всего час времени — почему бы не насладиться им?

Он вскинул руки и прыгнул в голубое, теплое море, которое, как он знал, было плодом его фантазии. Он погрузился, вынырнул, задыхаясь, наверх, отряхнул с головы воду и потер приятно горящие от воды глаза. Чудесно, почему бы не нырнуть еще разок? Ему не нужно задерживать дыхание — здесь он сможет дышать под водой.

Он плыл, ровно и без труда дыша, в прохладном зеленом мире, где колонны и арки розовых кораллов лучились мирной пастельной красотой. За ним тянулись стайки пестрых тропических рыб.

Вынырнув на поверхность, он с удивлением обнаружил, что за ушами у него жабры. Нужно взять это на заметку. Я должен сохранять строго логический ход мыслей, сказал он себе. Несмотря на свое воображение, он не допустит нелогичного представления о дыхании под водой без специальных приспособлений.

Он отряхнул воду с волос и подумал: теперь я хочу летать.

Он взлетел над водой и совсем не удивился, обнаружив, что у него выросли гигантские белые крылья. И это он тоже взял на заметку.

Во время полета море под ним вдруг исчезло, он опустил и вдруг проснулся в кровати.

Теперь ему было совершенно ясно, как с этой машиной становятся одержимыми. Тут есть возможность совсем сойти с ума. Больной — телесно или душевно — мог стать совершеннейшим существом. С Машиной можно стать богом в созданном собственным воображением мире. Можно командовать армиями, бороться с невообразимыми гигантами, посвятить себя наивысшим стремлениям или удовлетворять самые низкие и зверские потребности. В этом фантастическом мире субъективного воображения было возможным как всякое извращение, так и осуществление самых высоких идеалов.

Он задумчиво и нерешительно посмотрел на стоящую на столе Машину. В другое время такое называли бы черной магией. Может быть, в далеком прошлом однажды уже была такая Машина? Может быть, все легенды о гигантах, феях, сапогах-скороходах и огнедышащих драконах появились тоже благодаря такому прибору? Ведь его принципы вовсе не были новыми. Человек много веков всячески пытается как-то повлиять на функции духовных сил — с помощью гипноза, различных препаратов, в большинстве своем опасных, с помощью поста, усердных молитв. Мотивы многих попыток были бескорыстными и часто служили бегству от реальности, но не реже это было стремлением получить власть над людьми. И ирония в том, что, хотя Машина и служила этим стремлениям — бескорыстны они были или нет — но большинство пользователей прибора, делавшего их свободными, им же и поработались.

Да, да, опасность одержимости проявлялась прежде всего среди всеобщей нестабильности и грозящих людям опасностей.

Джиллиад вышел из комнаты и отправился в кабинет Кейслера.

Доктор внимательно выслушал сообщение о его переживаниях.

— Конечно, мистер Джиллиад, указания на жабры и крылья очень важны. Вы как раз наткнулись на решающий пункт, который и отличает вас от других. Ваш разум не допускает ничего алогич-

ного, поэтому ваше подсознание вынуждено создавать средства, с помощью которых вы можете субъективно добиться невозможного. Это невидимый, но непробиваемый барьер, препятствующий вашему превращению в одержимого, осознанная связь между вашей душой и реальностью. — Он схватил сигару. — Что вы намерены делать теперь?

— Я бы охотно получил разрешение на следующие заседания. У меня есть смутный план, и я непременно должен изучить его. Как только я закончу, я буду очень вам благодарен, если вы изучите мои записи и выскажете свое мнение о моих выводах.

Джиллиад провел с Машиной в общей сложности двадцать четыре часа; первую половину он использовал, чтобы набраться опыта.

Он был промышленным магнатом, суперменом, искателем приключений. Он скакал обожженным на солнце ковбоем по Техасу и устраивал в баре дуэль на револьверах. Он путешествовал с королем Артуром и сбросил копьём с лошади Черного Рыцаря.

В конце концов он посетил библиотеку. Его замечания, когда он встретился с Кейслером, вызвали у того заметное беспокойство.

— Схватка в пивной была ужасающе реальной, — рассказывал Джиллиад, — включая возбуждение, запах сивухи и едкий пороховой дым. Мои собственные чувства страха и триумфа точно соответствовали ситуации. Но в библиотеке я установил, что шестизарядный револьвер, которым я пользовался, появился несколькими годами позже. В то время нужно было всякий раз после выстрела взводить курок второй рукой, он не взводился автоматически после каждого выстрела, как у моего оружия. Но еще заметнее были несоответствия, когда я выступал в качестве рыцаря. Шлем был родом из тринадцатого века, забрало из четырнадцатого, а прочее вооружение представляло вообще пеструю путаницу. Латы были немецкими и никогда не использовались в Англии. Копье в Англии феодальных времен не употреблялось. Я исходил из предварительной теории, что возбуждаемый мозг, когда ему необходимо создать подробности, как бы делает заем у коллективного сознания, но это не так. Используются не только его собственные знания, но и его собственные заблуждения и неверная информация.

Сообщения о последних двенадцати заседаниях все же заставили Кейслера резко выпрямиться, и он разглядывал записи Джиллиада с перекошенным лицом человека, который размышляет: или он неверно прочел написанное, или неверно понял, или и то и другое вместе.

Он перечитал заметки второй раз, но тут вошел Остерли и присел на краешек письменного стола.

— Только не шуметь, — раздраженно заметил Кейслер. — Я сижу и мечтаю.

— Да? — Остерли раскурил свою трубку. — Я тоже немного помечтаю.

Кейслер нахмурил брови и пожал плечами.

— Что случилось? — Он знал, что не сможет выставить Остерли; ведь они были старыми друзьями. Он снова повторил свой вопрос.

— Я и сам не знаю, просто обеспокоен. Вы же знаете, как я размышляю — курю, пью пиво, курю, снова пью пиво, и наконец что-то всплывает на поверхность. То, что появилось сейчас, мне очень не нравится. По-моему, иммунные слишком быстро и без всякого сопротивления сбежали.

Кейслер застыл и уставился на него.

— Вы полагаете, что кое-кто остался?

— Это уже ближе к истине, не правда ли? Опытная организация, подобная этой, не сбежит так просто от потенциально опасного противника, не оставив экспертов, которые бы передавали им информацию. Вопрос в том, как их обнаружить. Все документы уничтожены, и нет никакой возможности отличить их от остальных, кроме как медицинским обследованием, а эта процедура будет очень долгой. — Он наморщил лоб и пососал свою трубку. — Где бы вы спрятались, будь вы иммунным?

Кейслер понял, что это решающий вопрос, поэтому очень долго думал, а затем поднял голову.

— Мне кажется, я выдал бы себя за одержимого второй или третьей степени.

ГЛАВА 10

Остерли кивнул.

— Я тоже пришел к такому заключению. Кто даст себе труд проверять всех сумасшедших, чтобы определить, действительно ли они те самые сумасшедшие, которых в свое время зарегистрировали? — Он усмехнулся. — Я. Будут прочесаны все клиники для нервнобольных по всей провинции. Есть у вас еще какие-нибудь идеи?

— Много, — устало сказал Кейслер, — но никакого практического плана, чтобы выгнать их из укрытия.

— У меня та же проблема.

Кейслер посмотрел на него и сердито схватил свою сигару. Неужели ему нечего делать? Конечно, наука, медицина и секретная служба понятным образом дружно работали вместе, но все же... Он невольно посмотрел на записи и затынулся — и вдруг в голове шевельнулась мысль: может, она принесет успех...

Он ненадолго прикрыл глаза и отложил сигару.

— Бен, мне кажется, у меня идея.

— Мы сможем ею воспользоваться? — заинтересованно спросил Остерли.

— Не знаю, но мне представляется, что Джиллиад обнаружил совсем новый путь, как мне кажется, с очень многими оригинальными отклонениями. — Он опять затянулся. — Если говорить откровенно, многое из того, что он сделал, и еще больше то, что он собирается сделать, меня пугает.

— Есть какая-нибудь взаимосвязь с нашей проблемой?

— Понятия не имею. Я его еще не спрашивал, но, возможно, ему что-нибудь придет в голову.

Остерли вынул трубку изо рта и выдохнул облако дыма.

— Давайте его сюда.

— Все в свое время. Сначала лучше послушайте, что он сделал. И все без посторонней помощи и подсказки. — Он мгновение помолчал, потом схватил записи. — В ходе двадцати заседаний Джиллиад подверг себя программе самоанализа. Когда потом он попросил специалистов проверить и проанализировать его результаты, они нашли их не только совершенно правильными. Они были намного правильнее, глубже и точнее всего, что на сегодняшний день дали наши анализы чужака.

— С Машиной? — Остерли встал и уставился на Кейслера. — Как же, черт возьми, он это сделал?

— Он объединил основу всех религий и великих философий. «Познай себя». С помощью Машины он ставил себя в самые различные трудные ситуации и фиксировал время, когда он начинал проигрывать.

— А как он это определял? — заинтересованно спросил Остерли.

— Сначала он ставил себя в ситуацию, скажем так, большой опасности, и...

— Но он же в любое время и любым способом мог выйти из нее.

— Пожалуйста, не перебивайте меня. Джиллиад приказывал своему разуму забыть этот путь бегства и, что еще удивительнее, сам себе приказывал отключать Машину в последнее мгновение. Короче говоря, он сконструировал душевный вентиль безопасности, а потом снова приказывал своему разуму забыть о нем. Поэтому, в принципе, из ситуации, в которую он себя помещал, не было никакого выхода.

Остерли опять присел на краешек письменного стола и направил на Кейслера мундштук своей трубки.

— Это прорыв, Эд, даже я это вижу. — Он наклонился вперед. — Давайте его сюда.

— Все в свое время, я уже говорил. Я дал одному из своих лучших людей задание поработать с ним.— Он посмотрел на часы.— Точно через пятнадцать минут они начнут эксперимент, который Джиллиад описывает как «вторую ступень». Хотите посмотреть?

Остерли поднялся.

— Вы знаете кого-нибудь, кто мог бы помешать мне сделать это? — Он улыбнулся и сунул руки в карманы брюк.

Кейслер задумчиво улыбнулся в ответ.

— Ладно, идемте.— Он открыл дверь и вышел в лабораторию.

В комнате испытаний у экранов суетились техники, вторая группа сгрудилась у проектора.

Кейслер поприветствовал присутствующих взмахом руки.

— С Келдреном, мне кажется, вы уже знакомы. Один из моих лучших людей. Келдрен, объясните мистеру Остерли суть эксперимента.

У Келдрена были рыжие волосы и узкое красное лицо, выглядевшее озабоченным.

— Я постараюсь покороче, сэр. Как вы знаете, Джиллиад после своего появления здесь подвергся проекции и чуть было не погиб. Теперь он хочет проделать все снова, чтобы проверить, мог ли он выжить с помощью собственной инициативы.— Он сделал паузу и потерел себя пальцами за нижнюю губу.— Он развил одну, предположительно, правильную теорию, согласно которой даже резистентный не сможет силой воли противиться проекции. Субъективные впечатления слишком сильны и пересиливают внутреннюю убежденность.

— И что?

— Он считает, сэр, что нашел субъективный ответ.

— А вы, кажется, сомневаетесь в этом.

— Да, сэр. Во-первых, он о многом молчит и не хочет рассказать мне, как выглядит его решение. А во-вторых, я иду на ощупь. Я не знаю, что он задумал.

— Объясните-ка мне поподробнее.

Келдрен немного помедлил.

— Ну, сэр, он попросил меня воспроизвести самые отвратительные субъективные впечатления, какие только придут мне в голову. Он хочет дать понять, что будто бы нуждается в них только в оптической стадии на экране, чтобы я отбросил все барьеры. Но настоящей его цели, я, конечно, не знаю. Загвоздка в том, что я читал много отличных произведений и имею богатую фантазию.

— Но, должно быть, будут приняты меры безопасности?

— Конечно, сэр, с помощью измерителя истерии в тело Джиллиада встроены различные устройства для переключения, но все равно это чертовски опасно.

Внесли стулья, и Кейслер сел.

— Вы в этом разбираетесь, верно? — спросил он. — Проецируемое изображение в комплексе со звуками и шумами появится на настенном экране напротив. Как только проекцию настроят иотрегулируют, на первом плане появится Джиллиад. Все его реакции и субъективные впечатления зримо предстанут перед нами.

— Понимаю. — Остерли уселся рядом с ним. — А где Джиллиад?

— По соседству. Он не любит зрителей.

— Нет. — Келдрен наклонился вперед. — Он сейчас появится — субъективно, я имею в виду — в ситуации, изобретение которой готовит мне угрызения совести. — Он вытянул руку. — Смотрите на экран...

Все повернулись, и Остерли спросил: — Ради Бога, Келдрен, откуда вы взяли такую сцену?

Келдрен нервно откашлялся.

— У меня, кажется, ужасное воображение.

Остерли удивленно взглянул на него.

— Да уж, трудно спорить.

Для Джиллиада, который субъективно действительно находился там, это было более чем продуктом фантазии, это было реальностью. Он, конечно, знал, что сцена была проекцией и не обладала конкретной или объективной реальностью. Он знал также, что ничто из того, что он видел или переживал, не существовало вне его воображения. Но опасность все же была. В этом воображаемом мире могли быть вещи, способные нанести субъективные или психосоматические повреждения. Кроме того, опасность или страх могли быть настолько велики, что это грозило длительными душевными расстройствами.

Он дрожал, хотя здесь не было холодно; здесь было жарко, тягостно-душно, и он совершенно определенно находился не на Земле. Келдрен дал волю своей живой фантазии, сильно опираясь на прочитанное.

Джиллиад вздохнул и напрягнул плечи. Грязь под ногами хлопала при каждом движении. Казалось, здесь не было ничего, кроме грязи, грязи и луж с гнилой водой до самого горизонта — необычно близкого.

Низкое, варварски-красное солнце пылало в небе, отсвечивая в грязи и лужах кровавой краснотой.

Джиллиад вдруг почувствовал дрожь в ногах и слабость в коленях. Только сейчас он осознал, что дрожит от страха. Если Келдрен придерживался его указаний, то тут была не только эта сцена, он поместил в нее кое-что еще. О, Боже...

Существо, медленно поднимавшееся над черной гранью горизон-

та, имело маленькую звериную головку на вытянутой, как у лебедя, шее длиной с фабричную трубу. Тело, следовавшее за этой шеей, казалось почти таким же большим, как сама планета — громадным, пульсирующим, беспорядочно усеянным иглами. Существо, шатаясь, направлялось к нему, выбрасывая ногами гигантские фонтаны воды и грязи.

Первым импульсом Джиллиада было повернуться и бежать, но какая-то необъяснимая упрямая жилка заставила его остаться на месте. Должно быть решение, должен быть ответ... сосредоточиться! Сосредоточиться...

В это мгновение что-то со свистом упало с неба, и рядом с ним в грязь плюхнулся длинный сверкающий предмет.

Келдрен, замороженно смотревший на экран, вскочил.

— Минуточку! Это сюда не относится. Я этого не планировал.

Остерли снова вдавил его в сидение.

— Сядьте и закройте рот.

Они увидели, как Джиллиад кинулся к блестящему предмету и поднял его на плечо.

Вспышка, вторая, третья... В боках чудовища появились большие дымящиеся дыры. Оно поднялось на дыбы и дико заметалось.

Дыр становилось все больше, и вдруг длинная шея обмякла и рухнула, как разрезанная веревка. Многочисленные ноги постепенно слабели, и гигантское тело тяжеловесно легло на бок и застыло.

Экран разом потемнел, и зрители облегченно вздохнули.

— Боже мой, ему удалось! — сказал Кейслер полуоблегченно, полураздраженно. — Как же, черт возьми, он смог?

Они ворвались в соседнюю комнату, но Остерли тут же большую часть людей отправил назад.

— Совершенно секретно, — сказал он холодно и закрыл дверь.

— Как вы себя чувствуете? — повернулся он к Джиллиаду.

— Без особого желания повторить, — ответил Джиллиад, закуривая.

— В общем и целом мне теперь все понятно. — Кейслер подвинул стул. — Пожалуйста, поправьте меня, если я в чем-то ошибусь. Проектор создал определенную ситуацию, которая, чтобы действовать субъективно убедительно, должна раздражать мозг как при непосредственном взаимодействии с Машиной. Это раздражение вы использовали для того, чтобы ввести ваши собственные сфантазированные представления или, скажем, ваше оружие, которое вы себе вообразили, если вам так больше нравится. Верно?

Джиллиад глубоко затаился.

— Правильно. Келдрен создал для меня чужую планету с неземным чудовищем, стало быть, я должен был противопоставить классический ответ. Я был космонавтом и поэтому послал сигнал

кораблю-матке, чтобы мне доставили оружие, которое, к счастью, прибыло вовремя.

— Я ничего не понимаю, — сказал Остерли. — Вы знали, что все это было не в действительности. Почему бы вам просто не сказать себе, что это иллюзия? Вы же резистентный.

— Я этого не мог. И никто не сможет. Единственное решение в том, чтобы на одно внушение ответить другим.

ГЛАВА 11

— Яд и противоядие. — Келдрен нервно потербил себя за мочку правого уха, а голос его слегка вибрировал от облегчения. — Мне очень жаль, мистер Джиллиад, в самом деле жаль.

— Не расстраивайтесь. Вы хорошо поработали.

Остерли нахмурился.

— Ну, в будущем пусть он подобное оставит себе.

Джиллиад сел и опустил ноги на пол.

— Будет еще хуже, намного хуже.

— Я вас не понимаю.

— А надо бы. — Кейслер закурил одну из своих длинных сигар. — Что, по вашему мнению, будут делать иммунные, если начнут войну — запускать ракеты и сбрасывать зажигательные бомбы? Нет, мой друг, если они нападут, то это будет субъективное нападение; они забросают нас проекциями. Их картины проникнут в наш мозг, и мы пропали — еще до того, как поймем, что случилось.

И до сих пор Дэйв Джиллиад — единственный, кто нашел решение.

— Но он же резистентный. — Остерли поблел.

— Верно, но, может быть, нормальному пониманию можно обучить. Мы должны заняться этим.

— Надеюсь, вы правы. А что с моей проблемой?

— Лучше рассказать ему обо всем. — Кейслер попытался выпустить дым кольцом, но у него ничего не вышло.

— Хорошо. — И Остерли подробно рассказал о подозрениях, что шпионская организация иммунных все еще существует.

Джиллиад задумался.

— Я вообще-то не эксперт, но мне все больше становится понятным, что Машина — это обоюдоострый меч. Вы можете покрыть проекциями весь город?

— Смогли бы, но это чертовски опасно.

— Тогда я лучше сначала поговорю со специалистами. — Он повернулся к Кейслеру. — В общих чертах я бы предложил следующее... Хотя мы этим и не добьемся всего, но, надеюсь, все же многого.

Пока Джиллиад излагал свой план, а Кейслер все время кивал, Остерли все больше возбуждался.

— Это действительно может сработать, дружище! — Он беспокойно забегал взад и вперед, потом споткнулся о какой-то предмет в углу и выругался. — Что это за дурацкая штука? — Он ожесточенно потер ногу.

Джиллиад улыбнулся.

— Штанга, какими пользуются тяжелоатлеты.

— Какой атлет сможет поднять этот аппарат? Это и для слона тяжело. Что за этим кроется?

Келдрен дружески улыбнулся.

— Мне очень жаль, мистер Остерли, но это совершенно секретно.

Сотрудник секретной службы покраснел и улыбнулся.

— Ну, другого я и не заслужил, Келдрен. Вернемся к теме. Мы сможем сделать это за три дня.

— А через четыре дня, может, даже раньше, я смогу вам сказать, что представляет эта моя штанга, — сказал Джиллиад и затушил сигарету. — Мы можем начать с самого утра. Скажем, в семь часов.

Остерли посмотрел на часы, кивнул и поднял воротник пальто, чтобы прикрыться от дождя. Было раннее утро.

— Пора. Надеюсь, получится. Я задействовал всех подходящих людей, включая всю полицию и три четверти армии.

Джиллиад швырнул окурок в урну, но промахнулся.

— Из-за этого могут возникнуть трудности.

— Я отдал приказ не стрелять, а только идентифицировать и брать на заметку. Мы схватим их, если ни один безучастный зритель... — Он помолчал. — А вот и один из них.

Джиллиад, которого перед этим торопливо проинструктировали, не оглянулся.

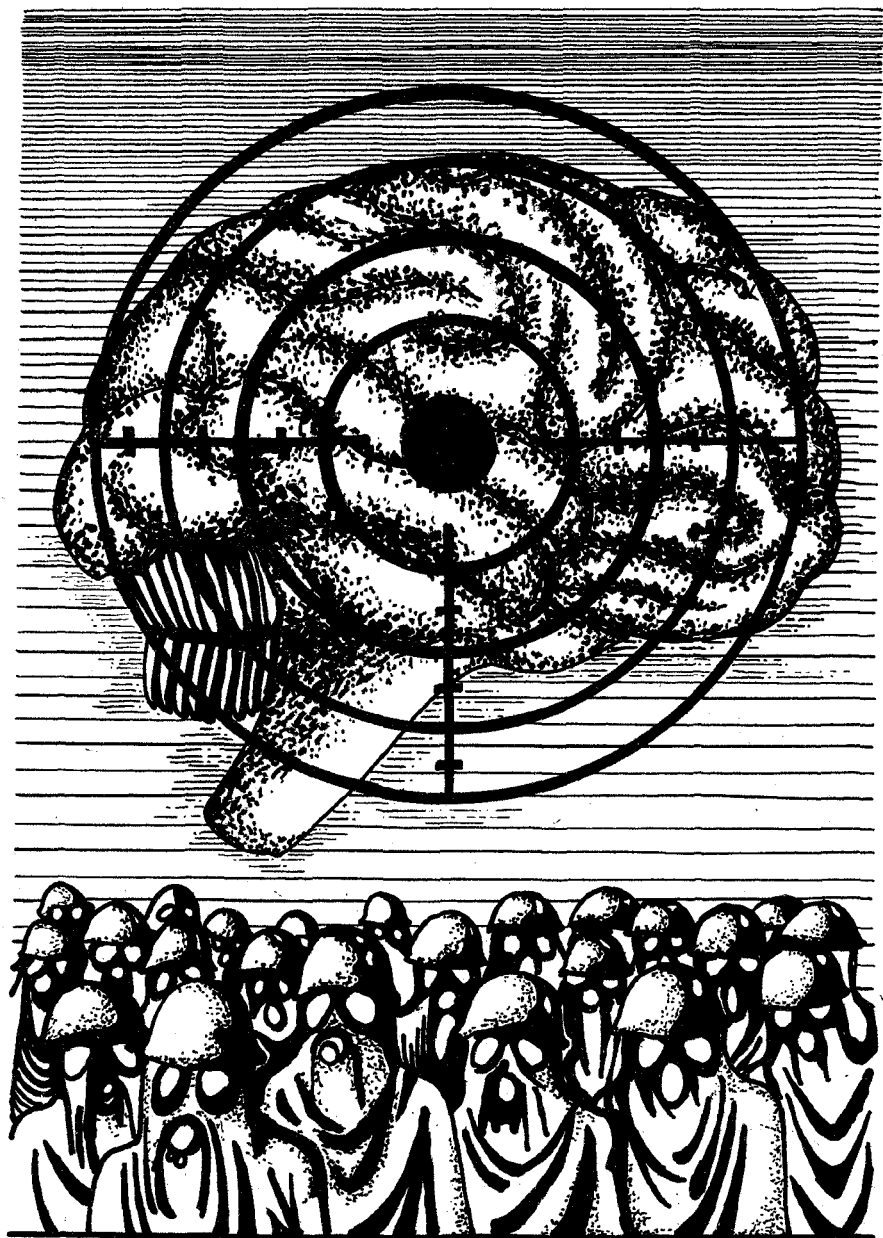
— Вы его знаете?

— Конечно. Энерготехник по имени Ройс. — Он подождал. — Ладно, идемте.

Джордж Ройс вошел в свою двухкомнатную квартиру, не предполагая, что за ним следят.

Он включил кофеварку, бросил в кухонный автомат яйцо и пару ломтиков ветчины и стал ждать, пока будет готов завтрак.

Это был ничем не примечательный человек с бесформенным носом и глубоко посаженными глазами. Он передвигался странно шаркающей походкой, с безвольно висящими длинными руками, немного сутулясь. Плечи казались какими-то неуклюжими, но сильными. Когда автомат вытолкнул завтрак, зазвенел звонок у входной двери. Ройс выругался про себя. Кто бы мог быть в такое время..? Он подошел к двери и открыл ее.

— Мистер Ройс? — Остерли показал свое удостоверение. — Простите за беспокойство, обычная проверка... можно войти?

— Я собирался позавтракать. — Ройс неохотно впустил их. — Пожалуйста, побыстрее.

— Можете спокойно завтракать, — сказал Остерли. — Я только хотел узнать, не видели ли вы вчера тут на улице какой-нибудь драки?

— Драки? — Ройс прожевал. — Вы ошиблись адресом. Я работаю по ночам и только десять минут назад вернулся домой.

— Очень жаль. — Остерли повернулся к Джиллиаду. — Нам сегодня не везет. Из-за дождя никто ничего не видел. — Он повернулся опять к Ройсу. — Простите за беспокойство. — И добавил как бы мимоходом. — А не лучше ли вам поскорее снять мокрую одежду?

Ройс проглотил непрожеванный кусок и свел брови.

— О чем вы говорите? На улице ясно и солнечно... — Он замолчал, медленно положил вилку, встал и подошел к окну.

— Так-так. — Его голос странно изменился. — Бравые жители нашего города бегают с зонтиками и в плащах, и нигде — в самом деле, нигде — ни капли дождя.

Внезапно и с ужасающей скоростью он повернулся и прыгнул вперед. Послышался сухой хрустящий звук. Остерли пошатнулся и застался.

— Больно, да? — Ройс ехидно усмехнулся. — При переломе руки у всех так, я слышал. Этой рукой вы уже не сможете вытащить оружие, верно? — Он разорвал карман Остерли и забросил пистолет в угол. — Это избавит вас от искушения и перелома второй руки, верно? — Он продолжал улыбаться. — Если я буду вынужден пожонглировать вами еще, я постараюсь сделать это без излишней жестокости. Я просто дерну за сломанную руку. Хотя это и больно, но зато у вас останется здоровой вторая рука, чтобы хотя бы помахать. — Он прислонился к стене и закурил. — Неужели восприимчивые настолько обнаглели? — Он выпустил дым через ноздри. — Ну, хорошо, прекрасная попытка. Удалась. Но на самом деле вы дилетанты. Воскресный удар в пятнадцатиборье ничего не решает, даже такой безжалостный удар. — Он посмотрел на Остерли сверху вниз. — Боже мой, сотрудник секретной службы! — Ройс выдохнул дым прямо в лицо Остерли. — Вы вспотели, да; вы не выносите боли. Люди вашего сорта не приспособлены к выживанию. Вы отомрете, как малочисленный вид. — Он повернулся к Джиллиаду. — А вы, мой дорогой, вы, кажется, потеряли самообладание. Почему вы не выхватываете оружие?

Джиллиад с трудом скрыл дрожь в своем голосе.

— Мне это не нужно, я справлюсь с вами и без него.

Остерли выпрямился.

— Ради Бога, Дэйв... — Боль в руке оглушала его, но он должен был предупредить Джиллиада. — Не заходите слишком далеко! Разве вы не видите, что он хочет нас разъединить?

— Это очень несправедливо. — Ройс, казалось, чуть ли не облизывался от удовольствия. — Не будете ли вы так любезны повторить? — повернулся он к Джиллиаду.

— Я сказал, что справлюсь с вами и без оружия.

— Вы хвастаете, но это звучит как-то не очень уверенно. Как вы себе это представляете?

Джиллиад выпрямился.

— К вашему удовлетворению я чувствую себя действительно не очень уверенно, но в Лондоне я довольно часто боксировал.

— Лондон? Ах, да, потому-то вы и показались мне знакомым. Вы относитесь к резистентным, я припоминаю. Как мило с вашей стороны положить себя на блюдечко. — Он расхохотался. — Боксировать! А что еще? Вы не страдаете манией величия? Хотите убить меня перышком или ударить бумажным пакетиком? — Он двинулся вперед, опустив руки и выпятив подбородок. — Я доставлю вам удовольствие, Джиллиад. Но предупреждаю вас, что я раз в десять сильнее вас, а моя реакция лучше раз в двадцать. Прежде чем хвастаться и утомлять себя и меня своим увечным героизмом, лучше подумайте о том, что я могу потушить вашу жизнь двумя пальцами. Я могу одним движением ладони оторвать вам руку или одним ударом проломить череп. — Он приблизился еще на шаг. — Вас нужно упаковать в ящик со стружками, написать «осторожно, стекло» и закопать, Джиллиад. Не только вас, а всех восприимчивых. Биологически вы на этапе вымирания, вытесняемые более совершенным видом.

— И духовно тоже? — Лицо Джиллиада покраснело от гнева. — По-моему, вы проявляете все симптомы прогрессирующей паранойи.

Ройс мрачно нахмурил брови.

— Вы глупы, мой друг, глупы и неблагодарны. Вы ответили оскорблением на мое предупреждение. — Он недобро усмехнулся. — Но я все равно все еще склонен проявить милость. Я оставляю вам шанс — нет, не потому, что вы его заслужили. Вы ударите первым. — Он выставил подбородок. — Давайте, мой друг, бейте.

И Джиллиад ударил.

Остерли, скорчившись от боли, попытался предупредительно крикнуть, но было уже поздно.

Он увидел, как кулак Джиллиада описал короткую дугу. Это явно был удар, которому не слишком помешала близость Ройса, и не слишком сильный, но он почему-то достиг цели.

Остерли растерянно увидел, как Ройс слегка покачнулся.

— Еще раз? — Вперед вылетела левая рука Джиллиада, потом последовал боковой удар правой.

На этот раз Ройс не только покачнулся. Он отлетел назад, налетел на низкий столик и растерянно схватился за него.

Ройсу как-то удалось удержаться на ногах, он несколько раз тряхнул головой, вытер тыльной стороной ладони кровь в уголке рта и, наконец, выпрямился. Он казался полуголошным и чуть ли не вне себя от неожиданности.

— Боже мой! — сказал он сдавленно. — Ну, вы еще поплатитесь, подлец. Я не знаю, как вам это удалось, но вы пожалеете, ей-богу! Еще никто не пробовал на мне перчаток из металло-кожи, чтобы не поплатиться за это. — И он шагнул вперед.

Для Остерли темп атаки был непостижимым, но Джиллиад, казалось,отреагировал так же быстро.

Он остановил Ройса тремя прямыми слева и жестоко ударил снизу прямо в солнечное сплетение.

Ройс разинул рот, скорчился и рухнул на пол.

Джиллиад поглядел на него сверху вниз и потерял суставы пальцев.

— Супермен, — сказал он почти печально.

ГЛАВА 12

Джиллиад взял стул и подтащил его к Остерли.

— Вам лучше сесть.

— Спасибо. — Остерли осторожно опустился на стул. — Он неудачно сломал мне руку. Сложный перелом. В правом верхнем кармане у меня зеленая ампула. Отломите у нее кончик и поддержите у моего носа.

Джиллиад достал ампулу, и Остерли глубоко вдохнул.

— Слава Богу, теперь полегче. — Кровь опять вернулась в его бледное лицо.

Ройс застонал, откатился в сторону и сел.

Джиллиад подождал, пока он встанет, и опять ударил. Он попал Ройсу в подбородок, и тот опять рухнул на пол без сознания.

Остерли прервал радиопередачу и сказал: — Как, черт возьми, вы это сделали?

— Вы сами видели. Я его ударил.

Остерли закончил свое сообщение и скорчил гримасу.

— Я знаю, вы шутник. Но как же получилось, что ваши кулаки не отскочили и не разлетелись, как яичная скорлупа? Как получилось, что вы оказались быстрее его?

Джиллиад рассмеялся.

— Мне очень жаль, я не хотел вас сердить. Теперь мне нет нужды объяснять назначение штанги. Я добился этого с помощью Машины. Как вы знаете, любая идея становится для восприимчи-

вого реальностью, если он долгое время на ней сосредоточен. У меня было чувство, что должен быть какой-то промежуточный путь, какой-то компромисс. Я сосредоточился на том, что я — в моих фантазиях — так же силен, как иммунный. К тому же, я был намерен и дальше оставаться таким же сильным. Вероятно, влияет процесс единства подсознательных инстинктов, так как после шести заседаний я смог выжать тяжелую штангу одной рукой. Это на четверть превышает последний мировой рекорд подъема двумя руками. — Он улынулся почти самодовольно. — Рефлексы, очевидно, тоже ускорились. Но выросла ли моя вероятная продолжительность жизни, я должен буду еще доказать.

— Проклятье! — Физиономия Остерли выражала странную смесь уважения и неодобрения. — Но ведь вы рисковали всем, вы не находите? Вы ведь могли надолго нарушить ваш обмен веществ. Возможно, вы навсегда повредили некоторые области мозга.

Джиллиад пожал плечами.

— Я под профессиональным наблюдением, моя только идея. Научные оценки показывают, что подвергнуться такой процедуре может каждый.

Прежде чем Остерли успел ответить, в квартиру ворвались вооруженные люди.

— Все в порядке, сэр? Сообщение получено.

— Если не считать сломанной руки, да. Закуйте нашего друга, пока он не пришел в себя.

Он подождал, пока не закончили с Ройсом, и спросил: — Еще сообщения были?

— Мы вспугнули двадцать семь человек, сэр, но в целом картина выглядит не слишком хорошо. Шестеро ушли, восемнадцать застрелены при самообороне и трое взяты живыми. — Сотрудник службы вздохнул. — Операция обошлась нам очень дорого: семьдесят восемь убитых и двенадцать раненых. И плюс сорок один человек гражданских, попавших в проекцию на Торонто-стрит, когда один из иммунных начал отбиваться. К счастью, его подстрелил с крыши один из наших людей, иначе он разгромил бы всю улицу.

Остерли, покачиваясь, встал.

— Отведите меня к врачу, пусть он меня заштопает. Дел полон рот. — Он криво улыбнулся Джиллиаду. — В следующий раз, перед тем как заварить кашу, мы должны удостовериться, что сможем ее расхлебать.

Четыре часа спустя Остерли с загипсованной рукой обсуждал с Кейслером создавшееся положение.

— Надо как-то заставить арестованных заговорить. Вопрос в том — как именно? Как только они заговорят — они мертвецы,

еще до того, как успеют выдать что-то действительно полезное. Опыты показывают, что они умирают и в том случае, если прибор удалять из их черепа хирургическим путем. Что же нам делать?

Кейслер наморщил лоб.

— Выглядит так, будто... нет, минуточку... как же его звали?.. Польштер?.. Поллард?.. — Он нажал что-то на письменном столе. — Алло, мне нужен энциклопедический отдел... да, хорошо, позвоните мне. — Он закурил сигару и пыхтел ею, пока на письменном столе не загорелся красный огонек. — Алло, кто это?.. А, это вы, Лепарн. Хорошо. Послушайте, это как раз ваша область. Я пытаюсь вспомнить американского ученого, который усовершенствовал электронный детектор. Родился еще до Машины, году в 2010. Мне кажется, его звали Поллинг, но я не уверен.

Лепарн несколько раз щелкнул языком и наконец сказал: — Поллард, мне кажется... нет, точно, Эндрю Поллард. Дайте мне десять минут на уточнение. Кажется, где-то были подробные сведения о его жизни.

Через семь минут он заговорил снова.

— Уже нашли, подробное жизнеописание с техническими записями и чертежами...

— Чудесно, спасибо, — сказал Кейслер и повернулся к Остерли. — Наши друзья заговорят, нет слов.

— Я не понимаю.

— Ну, тогда слушайте. В 2040 году один из гениев электроники создал прибор, который называли электронным детектором. В принципе, эта машина была детектором лжи, который намного превосходил все, что было изобретено в этой области. Короче говоря, аппарат не нуждался ни в каком устном ответе, но был способен оценивать чувственные реакции. Подозреваемого нужно было только подсоединить к прибору, после чего ему задавали вопросы. Не играло никакой роли, были ли ответы на эти вопросы или они игнорировались, чувственные реакции были такими же самыми, и машина их записывала. После допроса магнитная лента вынималась и вставлялась в полицейский компьютер типа G, который интерпретировал результаты допроса. Хочу привести пример: подозреваемый совершил убийство. Значит, вопрос мог бы звучать следующим образом: «Ты убил Джона Смита?» Если он слышит вопрос, он чувственно реагирует на него, и машина это воспринимает. Тщательным и основательным опросом можно определить не только точную дату и время, но и примененный способ. Это, конечно, требует большой работы и точного мышления, но результаты верны. И еще один пример. Вопросы могут звучать так: «Вы его задушили, застрелили, закололи, отравили и так далее? Это было утром, после обеда, вечером? Вы убили его из корыстных побуждений, из чувства мести, ревности или действовали по зада-

нию?» Как только магнитная лента вставляется в компьютер, отрицательные ответы отбрасываются, и мы имеем дело со следующим результатом.

Кейслер схватил блокнот и начал писать. Через пару минут он пододвинул блокнот через стол к Остерли.

Остерли перевернул его и прочел:

Вопрос: Вы убили Джона Смита?

Ответ: Да.

Вопрос: Каким образом?

Ответ: Удушил.

Вопрос: Когда?

Ответ: В субботу вечером, 19-го мая.

Вопрос: Почему?

Ответ: Из ревности.

Остерли вернул блокнот. Его рука слегка дрожала.

— Боже мой, если это получится, они наши; они расколются, сами об этом не зная. Мы сможем установить, люди ли они, откуда взялись и что им нужно.

— Ну, не так быстро, — порывисто сказал Кейслер. — Чтобы задать точные вопросы такого рода, нужен примерно десятичасовой непрерывный допрос с заранее подготовленными вопросами.

— Вы сможете построить детектор?

— У нас есть описание. Я не сомневаюсь, что техники соберут его за день-два.

— Тогда пусть принимаются за работу. Позовите их сейчас же. — Он набил трубку и раскурил ее, пока Кейслер выполнял его желание. Наконец, он сказал: — Вы слышали, как Джиллиад свалил Ройса?

— Да.

— Вам не кажется, что Джиллиад слишком много на себя берет?

Кейслер покачал головой.

— Он не сделал ничего, предварительно не посоветовавшись со мной. — Он улыбнулся. — Я знаю, что вас беспокоит. Эта суперсила, но это совсем не нужно. Он лечится под моим наблюдением. Повысить телесные способности — это логическое следствие его образа мыслей.

— Не поймите меня неправильно, — сказал Остерли. — Откровенно говоря, он мне нравится, и это вовсе не связано с тем, что он спас мне жизнь. Но только он какой-то... ну, слишком смелый, что ли. Он сломя голову кинулся в такое дело, от которого волосы дыбом поднимаются. Сверх того, он смотрит на все с самых разных точек зрения, и, при всем этом, он ведь только новичок.

— Он таким и был, — поправил его Кейслер, скрестив на груди руки. — Но давай сейчас выясним одно: Джиллиад рискует, конечно. Но это — говоря вообще — рассчитанный риск. Он ничего

не делает, не посоветовавшись предварительно с моим штабом. Во-вторых, этот фонтан идей, который, кажется, мешают вам, очень просто объяснить. Джиллиад всю жизнь находился под угнетением и ему всячески мешали, поэтому он просто не мог пользоваться своим значительным интеллектом в полную силу. В нашем свободном обществе, где он может задавать вопросы, его разум развернулся. Свобода — как дождь на сухую землю, и его мозг немедленно начал продуктивно работать.

Остерли выдохнул большое облако дыма.

— Мне немного полегчало.

— Ну и хорошо, наслаждайся этим, пока оно есть, — сказал Кейслер.

— Что это значит?

— У нас новые проблемы, не такого личного плана, а более настоятельные. Если все так, как мне кажется, то у нас, может быть, еще недель восемь времени, пока мы не будем вынуждены защищаться, прижавшись спиной к стене.

Остерли тщательно выбил свою трубку.

— Нет необходимости напоминать мне об этом.

— Но я все же делаю это, так как от того, что мы решим в ближайшие часы, зависит наша победа или поражение. Иммунные, как вы понимаете, не в игрушки играют. Они не берут в плен и не ведут переговоров о перемирии. Они попытаются стереть нас с лица земли.

Остерли втянул голову в плечи.

— У вас есть предложения?

— Кое-какие. — Кейслер достал из стола бумагу. — Во-первых, нам нужно немедленно заняться программой обучения субъективной обороне.

— Субъективной обороне?

— Вы видели, как применял ее Джиллиад. Нам нужно научить наших людей, как встречать проецируемую картину, чтобы сохранить трезвый ум.

— А мы сможем это?

— Если у нас будет время — да. Результаты первых исследований обнадеживают. Но это касается только четверти населения. Одержимым и склонным к одержимости это не помогает. Так же у стариков и больных, у детей и младенцев, которым при проекционной атаке могут быть причинены серьезные повреждения.

— И что же нам теперь делать? — Лицо Остерли побледнело и приняло свирепое выражение.

Кейслер пристально посмотрел на него.

— Мы должны превратить их в иммунных, — сказал он.

ГЛАВА 13

Он оставил позади бесчисленные, как ему казалось, контрольные пункты, его документы несчетное количество раз настойчиво проверялись.

И вот, наконец, он взобрался на невысокий холм и увидел дом. Это было длинное одноэтажное деревянное здание перед впечатляющей кулисой высоких пихт.

Джиллиаду все это казалось нереальным, архаичным и скорее данью традиции, чем действительностью. Высокое деревянное здание, каких не строили уже сотни лет, с наличниками, просторной верандой и, что было самым невероятным, с камином, из трубы которого вился дымок.

Она, должно быть, спятила, подумал он сердито и, тяжело ступая, пошел по гравийной дорожке вверх, через сад с маленькими клумбами, с поросшими кувшинками прудами и обвитыми розами беседками.

Трава и пруды были настоящими, кувшинки и вьющиеся розы — нет; по крайней мере для него или другого иммунного. Джиллиад ненадолго остановился, чтобы рассмотреть розы, удавшиеся очень хорошо, как он вынужден был признать. Это, должно быть, стоило многих часов интенсивной концентрации — создать субъективные цветы такими нежными.

Он немного пересмотрел свое мнение — спятила она или нет, но ее способности к концентрации и наглядности, должно быть, уникальны.

Оторвав взгляд от роз, он увидел ее. Она стояла на веранде, прислонившись к косяку и отвернув лицо.

Она совершенно не соответствовала его представлению о ней. На ней были темные брюки и мягкий пуловер.

Она вовсе не казалась холодной и равнодушной, как он предполагал. Маленькая, стройная и почти эльфоподобная. Большие темные глаза чуть раскосы; полные губы прекрасной формы, казалось, готовы улыбнуться. Среди ее предков должны быть североамериканские индейцы и китайцы, подумал он. Черные волосы и... Он раздраженно призвал себя к порядку, но все же пошел на компромисс с собой. Лучше с самого начала получить ясную картину.

Подойдя ближе, он вежливо кашлянул.

— Простите...

— Мистер Джиллиад? — спросила она тихим, нежным и странно певучим голосом.

— Э-э... да, — сказал он торопливо и немного смущенно.

— Кейслер говорил, что вы придете, и я вас высматривала.

У него не сложилось впечатления, что она занималась именно этим: она все еще смотрела вдаль.

— Вы не хотите войти? — Она повернулась и вошла в дом, даже не взглянув на него.

Он послушно пошел за ней, чувствуя, как от смущения вертит в руках несуществующую шляпу.

Она сделала неопределенный жест.

— Чувствуйте себя как дома. Кресло в углу, мне кажется, будет для вас самым удобным. Пока горит камин, немного жарковато, но к вечеру станет прохладно, и тогда теплу только радуешься.

— Спасибо.— Он сел и попытался непринужденно улыбнуться.

— Вы проголодались. Все уже готово. Нет-нет, не вставайте! Поедим без формальностей. Рядом с вашим креслом поднос, поставьте его на подлокотники. Я сейчас привезу все на чайной тележке.

Он повиновался, и при этом ему пришло в голову, что он вынужден сидеть, как маленький ребенок на высоком стульчике.

Немного погодя она вернулась с тележкой. Они ели молча.

— Сейчас я все уберу. Хотите кофе?

— Да, пожалуйста... Можно мне закурить?

— Конечно.— Она подняла на него взгляд.— Вам уже кое-что обо мне рассказали, как я заметила.

— Ну... хм...

— Можете спокойно признаться. Что вам говорили? Что мужчины меня не интересуют? Это обычная версия. Может быть, люди правы, но значит ли это, что мы не сможем работать вместе?

— Разве я говорил это? — К нему вдруг вернулась уверенность.

— Нет, но вы насторожены и напряжены.— Она медленно покачала головой.— Может быть, это моя вина. Я обладаю тем, что некоторые люди называют «скверным характером», иначе говоря, я резка в ответах и бываю невежливой. Это, видимо, соответствует истине, но, возможно, вы сможете принять меня такой, какая я есть.

Он слабо улыбнулся.

— Возможно, я уже сделал это.

Она посмотрела ему прямо в лицо.

— Мне кажется, я без особого труда смогу полюбить вас.

Он выпустил дым.

— Предполагается, что я использую понятие «полюбить» в его чистой форме.

Она спокойно восприняла его замечание.

— Да. Вы правы.— Она присела на подлокотник его кресла и задумчиво поглядела на него.— Вы не кажетесь очень чувствительным. С первого взгляда вас можно принять за боксера. Но глаза и рот вас выдают.— Она тихо рассмеялась.— Да, да... чересчур откровенно, чересчур лично, но такова уж я... к сожалению.

Джиллиад улыбнулся.

— А не проще ли передать право судить об этом другому?

Она кивнула.

— Хорошо. Кейслер мне все о вас рассказал и принес копии всех документов ваших опытов.

— Включая самоанализ?

— Все.

— И вы все равно были готовы принять меня? — Он немного покраснел.

— Не смущайтесь. Я достаточно долго работала в психиатрии, чтобы не получить шока. Личность создают не отдельные факторы. Многие великие и важные люди были повышено сексуальны. Что создает личность — так это равновесие факторов.

— Спасибо за понимание. Но должен признаться, что не изменил бы эту сторону моего характера, даже если бы мог. Я знаю структуру своей личности и сожалею по поводу некоторых ее аспектов, но ничего не хотел бы менять.

Она слегка улыбнулась.

— Про вас можно было бы сказать, что вас мало наказывали. Они с ненормальной храбростью вымеряли ваши слабости и недостатки, но проверка ваших уравнивающих факторов была поверхностной.

Он вздохнул и загасил сигарету.

— Вы нежное существо, как я и предполагал. — Он смахнул с пиджака столбик пепла и ответил на ее взгляд своим. — Но вы все же испуганы и очень одиноки.

Она слегка побледнела.

— Это вам Кейслер сказал?

— Кейслер мне вообще ничего не говорил. Страх — это нечто такое, что можно почувствовать, даже если вы пытаетесь скрыть его за прямоотой и тем, что вы называете «скверным характером». — Он встал, подошел к камину и посмотрел на огонь. — Если мы собираемся работать вместе, нам нужно доверять друг другу.

— Это новый трюк, мистер Джиллиад? Если да, оставьте его при себе. Да, я действительно понимаю ваши чувства, но это вовсе не означает, что я помогу вам!

Джиллиад не потерял самообладания и только улыбнулся.

— Мисс Стауэр, или вы предоставляете мне ключ к вашей личности на блюде, или вы сильно во мне заблуждаетесь. А может быть, вы намеренно провоцируете меня? Я угадал?

Она застыла, лицо ее покраснело, потом она медленно опустилась в кресло.

— Жаль, но я это заслужила. Простите меня.

— Уже забыто.

Они некоторое время молчали.

— Вы нервничаете,— сказала она немного погодя.— Что случилось?

Он снова закурил.

— Через месяц — два начнется война. По всей вероятности — так как мы имеем дело с иммунными — субъективная война. И так как мы с вами единственные восприимчиво-резистентные в нашей свободной стране, от нас может зависеть судьба всей провинции.

Она нахмурила брови.

— Мы не слишком долго ходили вокруг да около, не правда ли? — Она резко трянула головой и заговорила снова, не дав ему времени ответить:— Отсюда же логически вытекает, что мы самые предпочтительные мишени для начала нападения.— Она встала.— Меня уже несколько раз пытались убить,— сказала она и улыбнулась, а потом вдруг сменила тему.— Можно полюбопытствовать? Провинция намерена без всякой поддержки воевать с десятью тысячами городов?

— Я не знаю.

— Я думаю, что вы уже сделали вывод, что выбор-то у нас небольшой: бороться или умереть, или и то, и другое. Героическая картина, но не героизм выигрывает войны.— Она впервые сердечно улыбнулась.— Я быстренько все уберу, а потом мы сможем побеседовать серьезно.

Через несколько минут она вернулась и села во второе кресло.

— Я хочу представить проблему так, как вижу ее я. Мы могли бы бороться одни, но одни мы будем побеждены. Поэтому нам необходимо чудо или союзники. Последнее мне кажется самым практичным.

Он кивнул.

— А мы?

Она улыбнулась.

— Это не моя идея, а завершение вашей. Наша столица подверглась проекции. Субъективно дождь лил как из ведра. Все восприимчивые натянули плащи, а оставшиеся иммунные, которых не коснулось субъективное воздействие, ничего этого не заметили и тем самым выдали себя.

— И что?

— Почему бы нам не нанести удар первыми? Мы могли бы облупить проекциями Крепость Нью-Йорк, Цитадель Чикаго или даже Объединенный Лондон. Мы могли бы применить проекцию, которая охарактеризовала бы истинное положение.

Он остолбенел. Это казалось разумным, ошеломляюще разумным. Субъективное послание было бы принято только восприимчивыми, которые получили бы время на подготовку. Оппозиция же, невосприимчивая к субъективным впечатлениям, даже не заметила бы, что такое послание передано. Машина была, как уже говорилось,

обоюдоострым мечом, и при таком ее применении иммунные несомненно оказались бы в проигрыше. В подобном случае иммунные были бы так же исключены, как нормальные люди во время заклинания духов.

ГЛАВА 14

— Черт побери, это хорошо, — сказал он. — Могу я уведомить соответствующие инстанции?

— Они не сочтут это пустой тратой времени, верно?

— У нас не так уж много времени. Где у вас это?

— Снаружи, в нише. Наберите 3-М. Прямой провод.

Вернувшись, он сел в кресло напротив нее и закурил: — Они были очень возбуждены.

— И я тоже, а вы всю заслугу в этом деле свалили на меня.

— Но это и была ваша идея, — сказал он и, немного злясь, добавил: — За кого же вы меня принимаете?

— Не сердитесь. Это моя манера благодарить себя. Очень мило с вашей стороны.

— Действительно? — Он сделал мрачную гримасу.

Она укоризненно покачала головой.

— Как быстро вы раздражаетесь. Вы становитесь похожим на мальчишку. — Она вдруг улыбнулась, и ее лицо, казалось, осветилось изнутри. — Простите, пожалуйста. Мне кажется, вы имеете право на объяснение.

— Нет нужды, — порывисто сказал он. — Когда я говорил о доверии, я не имел в виду вашу личную жизнь.

— Мне это понятно, но я все же хотела бы рассказать вам. — Она вздохнула. — Кроме Эда Кейслера я об этом никому не рассказывала. Можно сигарету? — Он подал ей сигарету, и она нервно закурила. — Вообще-то я не курю, но сейчас... с чего же мне начать? Итак... Его звали Гордон; нам казалось, что мы любим друг друга. Может, так оно и было. Давно это было. Однажды он забыл прийти на свидание, потом снова... о, нет, никакой другой женщины, в самом деле никакой. Гордон относился к тем, кто вовремя не попал в хорошие руки. Он прятал в сарае Машину. И вот он стал одержимым второй степени, прежде чем я нашла его и вылечила. После субъективных любовных афер одержимые довольно равнодушны к реальным женщинам, и это стало концом нашей истории. Ну, я попыталась — к своему стыду должна в этом признаться — убежать с помощью Машины из действительности. Я знала, что никогда не стану одержимой. Так я создала мужчину своей мечты.

Мы постоянно встречались в розовой беседке и говорили о любви, искусстве, поэзии и красоте звезд. — Она мгновение помолчала. — Однажды — там же, в розовой беседке — он обнял

меня и поцеловал таким поцелуем, который не имел ничего общего ни со сказкой, ни с романтикой. Теоретически я должна была бы отреагировать — я так полагаю. Это ведь были мои собственные желания, мои собственные телесные потребности, выразившиеся через подсознание. Но вместо этого я вырвалась; я не могла вынести того, что в действительности было мною самой. Это было бы опасно. Я нашла бы, возможно, определенный вид счастья, но мне вдруг стало так противно... и это был конец моей второй фантазии и моего возлюбленного, которого я придумала. Годом позже возник Тодд. После всего, что мы теперь знаем, он явно должен был быть иммунным, но тогда я об этом не подозревала. Он был таким спокойным, нежным, внимательным... Однажды — это произошло в этой самой комнате, если быть точной — он дал мне что-то в стакане. Что-то неприятное. Культура мутированных бактерий, которая через несколько месяцев развилась бы в болезнетворную. За это время он мог бы исчезнуть неведомым, и на него не пало бы никакого подозрения.

Джиллиад нахмурился.

— Вы наблюдали за ним и поймали на месте преступления?

— Не я, секретная служба.

— За вами наблюдали?

Она слегка покраснела.

— Да, к сожалению. — Она подняла руку и снова опустила. — День и ночь. Даже в стенах встроено оружие.

— Вы имеете в виду, что вашей жизни постоянно, каждую секунду грозит опасность?

— Да, каждую секунду. Наблюдения нет только в моей спальне и в ванной, но все комнаты контролируются. Дверь не откроется, пока комната не будет проверена.

— Хм, спасибо. Теперь я по-настоящему чувствую себя как дома. — Он улыбнулся, чтобы замечание не было таким колким. — Я полагаю, что его схватили на месте преступления?

Она кивнула. Ее лицо внезапно побледнело.

— Да, меня постоянно преследовали. Он сказал: «Там на столе стоит твой стакан», и вдруг загремело, и из стены блеснула молния. За мгновение до этого он еще улыбался и шел ко мне, а в следующее мгновение он был мертв и рухнул у моих ног. О, Боже! — Она закрыла лицо ладонями. Через несколько мгновений она глубоко вздохнула и опять почти улыбалась. — Простите, мне все еще трудно об этом говорить.

— Вы боитесь, — тихо сказал Джиллиад. — Вы боитесь не самих мужчин, а тех ассоциаций, что с ними связаны.

— Да, я это знаю, понимаю умом, но мне от этого не легче. Как только ко мне приближается мужчина, я цепенею. И ничего не могу с собой поделать.

Он снова закурил.

— Шок. Шоковое состояние — вам это уже объяснили?

Она кивнула.

— Да, мне это говорили, и давно — почти два года назад.

Он, морща лоб, разглядывал свою сигарету.

— Знаете, я не психолог да и не хочу лезть не в свое дело, но на вашем месте я бы... — Он вдруг смущенно замолк.

— Пожалуйста, продолжайте. — Она заинтересованно наклонилась к нему.

— Ну, хорошо, но вам это не понравится. Ваш наблюдающий врач, наверное, оторвет мне голову. — Он встал и посмотрел на нее сверху вниз. — Прекратите свою борьбу, девушка, отбросьте свое стремление жить сообразно тому рисунку своей личности, который вы вообразили. Вы человеческое существо; вы проделали в больницах выдающуюся работу; никто, кроме вас, не сомневается в вашей храбрости или ваших способностях к состраданию.

Она с побледневшим и напряженным лицом смотрела на него.

— Я вас не понимаю.

— Тогда я вынужден выразаться понятнее. Вы пытаетесь соответствовать этому вымышленному представлению о своей личности, вы живете не так, как вам в действительности следует жить. Могу поспорить на любую сумму, что вы боретесь против слез, побуждений, чувств — против всяких естественных реакций, и все это накапливаете в себе. — Он наклонился вперед. — Плюньте на это, пусть все идет само собой, выплачтесь основательно, закройте в комнате и кричите, пока не рухнут стены. Разорвите в клочья вашу постель и не боритесь вы с состраданием к самой себе. Насладитесь этим по самое горло. Никто ничего не будет об этом знать, только вы; раскройтесь, пока напряжение не раскололо вас. Вы единственная, кто еще верит, что вы так чертовски совершенны и должны иметь такое самообладание.

Она продолжала смотреть на него с побледневшим лицом.

— Вы подлец, — сказала она тихо. По ее щеке побежала слеза. Вдруг она закрыла лицо ладонями и всхлипнула.

Он взял ее под руку и помог встать с кресла.

— Идите в свою комнату, девочка, и выплачтесь.

Он подвел ее к двери, и та почти мгновенно открылась и тут же закрылась, как только Ванесса переступила порог.

Он несколько секунд смотрел на дверь, потом пожал плечами и начал ходить взад и вперед по комнате.

— Дверь справа ведет в гостиную, — сказал вежливый мужской голос, казалось, прямо из стены.

Он слабо улыбнулся.

— Спасибо за подсказку, — ответил он сухо.

— Не за что. Все, что вы ей сказали, записано и будет передано

наблюдающему врачу. И помилуй вас Бог, если вдруг проявятся психические последствия.

— Я имею право свободно высказывать свое мнение.

— Мистер, вы даже не знаете, насколько близки к тому, чтобы неоднократно быть застреленным. Без вашей категории секретной службы вы сейчас лежали бы носом кверху.

Джиллиад лишь весело рассмеялся.

— Острый глаз в замочной скважине спальни? Очевидно, все ваши предки были толстыми тетками и старыми девами.

Стена испустила ругательство, а потом все стихло.

Он вышел в гостиную и разделся. Ему не удалось побороть искушение, и он проверил, открывается ли дверь. Она, как он и предполагал, была заперта.

Ему показалось, что прошло всего несколько секунд, как он заснул. Он был разбужен тем же вежливым голосом из стены, только звучал он на этот раз не укоризненно, а настойчиво.

— Проснитесь, мистер Джиллиад! Проснитесь!

— Я слушаю вас. Что случилось?

— Тревога. Уровень «желтый». Причина неизвестна. Мы не знаем, прямое это нападение или субъективное, но так как наши приборы сошли с ума, что-то, значит, случилось. Конечно, мы прикроемся. Активированы все минные поля и все вооружение, но этого, возможно, будет недостаточно...

ГЛАВА 15

А в это время, в городе, Остерли сидел перед рядом экранов связи и потел. Внезапно свалилось столько работы. Как гром среди ясного неба на него вдруг свалилось командование. Он был неподходящим для этого человеком; он любил очень долго размышлять и действовать осторожно. А теперь без всякого предупреждения на него навалилась такая ответственность, что он должен был молниеносно принимать решения, которым сам инстинктивно не доверял — совсем не было времени тщательно все обдумать и приходилось действовать наобум и чем-то слепо рисковать. Такая работа предполагала наличие уверенности в себе, а вот ее-то у него и не было.

Я перегружен, думал он подавленно. Такие чрезмерные перегрузки не для меня. Если рассуждать здраво, я даже не специалист в секретной службе. В принципе, я провинциальный полицейский, хотя и уголовного отдела, но все равно лишь полицейский.

Допрашивали иммунных, группы экспертов работали с тщательно продуманными вопросами, устраивали перекрестные допросы... И Остерли ждал сообщений.

Лабораторные техники послали проекции в Чикаго и Нью-Йорк;

они изготовили усилитель и спроецировали субъективное предупреждение прямо в Объединенный Лондон.

Джозе Гавант из Института электроники сконструировал шлем, который, как надеялись, мог сделать человеческое существо иммунным к субъективному нападению. Будет ли он функционировать и можно ли его применять для детей, младенцев и стариков? Сколько и за какое время их смогут изготовить? Остерли пожалел мундштук своей трубки и нахмурился.

Рядом даже не было Кейслера для утешения. Кейслер руководил отделом инструктирования, сотрудники которого сами были обучены по блиц-программе. Отдел должен был обучать население технике субъективной обороны. Уже закончили курс штаб армии, важные люди из секретной службы и определенные люди в правительстве. Остерли тоже, хотя все это казалось ему по-настоящему фантастическим. Если на тебя нападает субъективный лев, создай силой воображения субъективное ружье, которое могло бы его убить.

С помощью этого теста Остерли получил практическое доказательство действенности метода, но его сомнения не исчезли. А если он или кто-нибудь другой в серьезной ситуации не будет знать, что нужно делать? Он и сам едва-едва сумел вспомнить об этом; лев казался таким чертовски настоящим, а уж иммунные, конечно, создадут своему противнику не такую простую ситуацию. Это уж наверняка.

Один из экранов засветился, и он нажал кнопку: — Да?

— Харрис из службы связи, сэр. Мы приняли радиосообщение из Цитадели Чикаго. Минуточку, мы сейчас его передадим. С помехами, но, очевидно, настоящее...

На экране появились слова: «Вызываем Торонто... следуя вашему совету... бурная реакция иммунных... тяжелая борьба... спасибо... пожелайте нам удачи... Цитадель Чикаго».

Остерли медленно набил трубку. Удалось, по крайней мере хоть в одном городе удалось! Послание достигло цели и привело к восстанию. Но почему эта мысль не пришла никому в голову раньше? Конечно, потому, что все были слишком заняты вопросом выживания, а иммунные с особой ловкостью всем этим манипулировали.

Он раскурил трубку и нахмурился. Но к чему все эти манипуляции, ведь они обладали оружием, которым при умелом применении можно уничтожить противника за каких-нибудь десять лет? Что-то тут не так. Картина еще не полная.

Один из экранов засветился, и голос произнес:

— Допрос закончен, сэр. Мы программируем компьютер.

— Подождите, я сейчас буду. — Он нажал кнопку. — Броудж, поднимитесь сюда и замените меня. Вызовите, если что-то случится.

В компьютерном отделе уже загружали данные, но подождали,

пока за Остерли не закроется дверь, и только потом нажали кнопку выдачи информации.

Что-то зажуужало, старомодный компьютер щелкнул, потом появился результат:

Вопрос: Как вас зовут?

Ответ: Мэрли.

Вопрос: Почему вы называли себя Ройсом?

Ответ: Чтобы скрыть свою личность.

Остерли подумал о том, как много нужно было задать вопросов, чтобы прийти к двум таким простым ответам.

Вопрос: Почему вы хотели скрыть свою личность?

Ответ: Это обычное дело.

Вопрос: Все иммунные так поступают?

Ответ: Да.

Вопрос: Сколько вам лет?

Ответ: Двести восемнадцать.

Вопрос: До какого возраста вы рассчитываете дожить?

Ответ: Примерно до трех тысяч лет.

Вопрос: Как это достигается?

Ответ: Я подвергся особому лечению.

Вопрос: Кто провел это лечение?

Ответ: Врачи — я не знаю их имен.

Вопрос: Вы человек?

Ответ: Да, я человек, человек высшей ступени.

Вопрос: Все иммунные — люди высшей ступени?

Ответ: Да.

Вопрос: Иммунные — это организация?

Ответ: Да.

Вопрос: Для достижения мирового господства?

Ответ: Оно уже достигнуто.

Вопрос: У вас есть правительство?

Ответ: Директория.

Вопрос: С руководителем?

Ответ: Да.

Вопрос: Как его зовут?

Ответ: Он анонимен. Мы все анонимы.

Вопрос: А есть ли кто-то над руководителем?

Ответ: Да, Наивысший.

Вопрос: Он тоже иммунный?

Ответ: Не знаю, мне кажется, нет.

Вопрос: Он — человек?

Ответ: Не знаю. Мне кажется — нет.

Вопрос: Это неземное существо?

Ответ: Не знаю.

Вопрос: Вы можете его описать?

Ответ: Нет, я никогда его не видел.

Вопрос: Чем он занимается?

Ответ: Он — источник власти.

Выдача результатов внезапно прекратилась несколькими словами: «Данные использованы. Негативные реакции — три тысячи пятьсот семьдесят пять».

— Боже мой! — с ужасом сказал кто-то. — Неудивительно, что им понадобилось так много времени.

Остерли никак на это не отреагировал. Он был слишком занят ответами, от них у него даже лоб покрылся испариной. Итак, иммунные были организацией сверхлюдей — и численность их неизвестна. Организация, захватившая власть над миром и без особого труда превратившая его практически в тюрьму. И теперь она с той же циничной неутомимостью старалась уменьшить население — продавая Машины Мечты и хладнокровно манипулируя испуганными и угнетенными людьми. Иммунные имели достаточно времени — они были практически бессмертными.

Но больше всего Остерли угнетало неизвестное — кем или чем был Наивысший? Это определенно не было просто религиозным символом... Так, значит, чем же был Наивысший, чем?

Он подавил дрожь. Это, должно быть, что-то ужасное. Что-то давнее группе нормальных людей сверхъестественную власть. Существо, что обучило их прогрессивной хирургии, дало им — видимо, в качестве вознаграждения — невероятную силу и почти бессмертие. И им же, как будто этого все еще было мало, дало самые дьявольские методы порабощения, какие только можно было представить.

Видимо, и применение этого оружия оттуда же родом — Машина Мечты была ни чем иным, как аппаратом саморазрушения.

Он на мгновение остановил бег своих мыслей и нахмурился, чувствуя, что начинает понемногу понимать. Нет абсолютно совершенного оружия! Еще никто и никогда не создавал такое оружие, которое нельзя было бы повернуть против его создателя. Поэтому иммунные и хотели как можно скорее устранить восприимчиво-резистентных. Возможно, вначале они были нужны в качестве объектов исследования, но сейчас они представляли угрозу. Их хотели устранить, пока они не слишком много поняли и немногому научиться.

У Джиллиада уже был подобный случай; он успешно доказал, что Машина была палкой о двух концах. А если он сможет научиться пользоваться ею в совершенстве... Боже милостивый, этого они не могут допустить... или нет? И Наивысший тоже не допустит, кем бы или чем бы он ни был.

Остерли попросил соединить его с лабораторией.

— Шестая комната? Изменить вопрос. Убрать все личное.

Сконцентрируйтесь на существенном. Мне нужна точная или хотя бы примерная численность иммунных и все имеющиеся данные о Наивысшем: местонахождение, вид, происхождение — все! Передайте все это в комнату допроса. Пусть разработают новые комплексы вопросов. Чрезвычайно необходимо!

Едва он отключил связь, как его вызвали снова.

— Только что получено сообщение из Нью-Йорка. Оно гласит: «От свободных граждан Нью-Йорка свободному Торонто — стоп — в большом долгу перед вами — стоп — ваше послание получено — стоп — иммунные оказали яростное сопротивление — стоп — устроили атаку роботов — стоп — их скоординированная оборона провалилась — стоп — ушло более тысячи — стоп — советуем расстреливать все летающие объекты, которые не опознаваемы в качестве мирных — стоп — конец».

— Как они передали это — дымовыми сигналами?

— Нет, сэр, с помощью старого интерконтинентального пеленг-луча. Приборы не использовались двести лет, но им, очевидно, удалось заставить их заработать. Самое прекрасное в этом то, что этот луч невозможно перехватить, так как он очень узко сфокусирован, сэр. Да и с такой старой аппаратурой едва ли кто-то еще может обращаться.

— Это звучит очень вдохновляюще. А как, по-вашему, обходится в Лондоне? Почтовыми голубями?

И он отключился. Он уже не один, у него есть союзники. В Чикаго живет, вероятно, миллионов шесть, в Нью-Йорке около двенадцати миллионов, и если Объединенному Лондону тоже удастся обратить иммунных в бегство, то на их сторону встанут еще двадцать миллионов человек. Лондон охватывал теперь всю юго-восточную часть Британского острова до южного побережья.

Вся левая стена лаборатории вспыхнула красным светом.

— Внимание! Ко всем частям обороны. Тревога, уровень «красный», сектор Ж-3.

Ж-3! Остерли почувствовал, как его сердце сжала стальная рука. Ж-3 — это дом Ванессы Стауэр. Боже милостивый! Конечно, иммунные только и ждали такого удобного случая: обе козырные карты находились в одном месте!

ГЛАВА 16

Их надо было бы держать порознь. Но теперь слишком поздно! Можно было бы надеяться на две сотни охранников и минные поля, но вряд ли речь могла идти об обычном нападении. Скорее, субъективная атака с помощью обученных специалистов, чьи знания о проецируемой смерти начинаются там, где кончаются знания его собственных людей.

Он отдал приказы об обороне, которые ему самому казались бессмысленными. К тому времени, когда он сможет ввести резервы — нужны ли они еще будут? К тому времени все может уже кончиться.

А в бунгало Джиллиад орал: — Да откройте же вы эту проклятую дверь!

— Она открыта. И в спальню девушки тоже.

— Есть в доме оружие?

— Напротив, в стенном шкафу. Два «лестона» и два «уоррингтона».

— Я возьму «уоррингтон», с «лестоном» я не умею обращаться.

— Только осторожно! Для закрытых помещений он не пригоден.

— Поздно об этом беспокоиться. — Джиллиад взял оружие. — Что случилось?

— На нашей радарной системе множество точек. Не можем идентифицировать.

— На каком расстоянии?

— При их скорости — в трех минутах, примерно.

— Спасибо. — Он немного помедлил. — Я очень сожалею о моем предыдущем замечании.

Джиллиад вошел в другую комнату. Ванесса уже была там и стояла у окна.

Она слабо улыбнулась ему.

— Все нормально? — Она казалась бледной, но спокойной. — На тот случай, если мы не выживем: большое спасибо. Я выплакалась. Не знаю, изменилось ли мое настроение, но напряжение прошло. — Она замолчала и, прислушиваясь, наклонила голову. — Я что-то слышу.

Он сосредоточился и услышал звук — высокий и пронзительный, как от тучи комаров.

— Как еще далеко? — спросил он стену.

— Минуты две, мистер Джиллиад.

Он посмотрел на девушку.

— Приготовьтесь, это субъективное нападение.

— Откуда вы знаете?

— Если бы они были еще в двух минутах полета, мы не смогли бы их слышать.

— Мистер Джиллиад, — прервал его голос из стены, — мы видим их на экранах, а наши приборы измерили высоту и азимут. Мы уже использовали два перехватчика.

— Бросьте, друзья, это проекция, излучаемая специалистами. Вы видите то, что должны видеть, включая указания ваших приборов.

— Вы уверены в этом?

— Достаточно, чтобы попытаться доказать вам это. — Он повер-

нулся к девушке. — Сосредоточенно думайте вот о чем: здешние стены не боятся бомб, они полутораметровой толщины и не пропускают излучения. Во время налета окно закроется толстой металлической броней. Устройство отклонения на крыше защищает нас от ракет; дом герметический и имеет автономный воздухопровод...

— Боже мой, ваш дом полностью изменил форму и цвет! — выпалил тем временем голос из стены.

— Я же говорил, что речь идет о субъективном нападении. Мы используем возбуждение с помощью проекции только для того, чтобы организовать оборону.

— Мы рады за вас, но чувствуем себя здесь, снаружи, совершенно незащищенными.

— Тогда постройте защиту. Насколько я знаю, вы уже проходили обучение. Представьте себе бомбоубежище типа нашего и сделайте его.

Некоторое время было тихо, затем испуганный недоверчивый голос сказал: — У меня крыша над головой. Совершенно непонятно. Я могу влезть на нее и потрогать руками!

— Вы вообразили достаточно прочное бомбоубежище?

— Вообразил? Да я молил об этом!

— Остальные тоже сделали?

— Мой друг Уолт говорит, что мы выглядим, как линия Мажино, что вполне может быть.

— Очень мило. — *Джиллиад заметил, что вспотел. Шум подлетающих машин перерос в пронзительный вой.*

— Спрячьтесь за кресло, Ванесса. Как только все кончится, они придут удостовериться, что мы мертвы. Если это будет не так, тут начнется стрельба.

Он встал за стол.

— Молитесь, чтобы они вошли через эту дверь.

— Я вас прикрою, — сказала она и встала рядом, держа в руке маленький серебристый пистолет.

— Я же сказал, что вам лучше уйти за кресло.

— Я знаю, но здесь я чувствую себя увереннее.

Он пожал плечами и тут же разозлился на себя за то, что у него тряслись руки и что он не мог побороть эту дрожь.

— Я боюсь.

— Я знаю. — Она коснулась его руки кончиками пальцев. — Я тоже, но пока справляюсь с этим.

Пока она говорила это, вдруг возник странный скрип, постепенно перешедший в непереносимый визг.

Он застыл, напрягся, и в следующее мгновение страшное давление на голову едва не свалило его с ног. Здание содрогнулось, со стены на пол упала картина и разбилась. За домом загремело, будто упал шкаф с посудой; затем звук постепенно затих.

Джиллиад насчитал восемь тяжелых взрывов, прежде чем рев самолетов затих и наступила тишина.

Он заставлял себя думать о том, что не было никаких самолетов и бомб. Где-то снаружи, в соответствующем удалении, группа иммунных обслуживала Машину Мечты, чтобы заставить их поверить, будто воздушный налет состоялся на самом деле. Он же, со своей стороны, использовал то же самое раздражение, чтобы построить субъективную оборону — воображаемое бомбоубежище — бунгало.

Противник при своем появлении — как иммунный — не мог видеть их субъективной защиты. Они не могли знать, что над ними крыша полуметровой толщины, существующая лишь в мозгу двух людей в этом здании. Два человека, убежденные, по мнению иммунных, в реальности бомбардировки настолько, что погибли из-за этого.

Он положил руку на плечо девушки.

— Прикройте меня.

Дверь медленно открылась.

В комнату вошли два человека. Они шли почти небрежно, оружие вяло висело в руках. Совершенно очевидно, они были уверены, что их жертвы уже мертвы.

Вспышка пламени отбросила их назад, как струя воды из пожарного шланга. Они попытались вскинуть оружие, но тут же превратились в распадающиеся на глазах пылающие контуры. По комнате закружились тлеющие куски, и ее заполнили жар и дым.

Джиллиад закашлялся, потер горящие глаза, а в следующее мгновение пистолет девушки позади него издал резкий хлопок.

Он повернулся и увидел третьего мужчину, с широко раскрытыми глазами падавшего на пол.

Он вскинул оружие и напрягся, но больше никто не появлялся.

— Мне кажется, он прошел через кухню.— Ванесса присела на корточки и трясущейся рукой положила оружие на пол, а потом вдруг скорчилась и упала.

Он подхватил ее, не дав удариться, но она, казалось, тут же пришла в себя.

— Что-то я совсем расклеилась... я еще никогда... не убивала человека.— Она вздрогнула и освободилась из его объятий.— Луч пистолета изменяет химический состав человеческого тела. При виде этого становится дурно.

Он положил ей руку на плечо.

— Я тоже не получил удовольствия от убийства этих двоих, но пусть ваша совесть вас не грызет. Вы спасли мне жизнь.

— И себе тоже,— ответила она.

— Вы бы перепугались и могли промахнуться.— Он встал и помог подняться ей.

— Снаружи все в порядке? — спросил он стену.

— Первый класс. Благодаря вашему совету, мистер Джиллиад. У нас без потерь. Мне очень жаль, что вам одним пришлось управляться с этими тремя. Такой дым, что мы не могли воспользоваться оружием в стенах. Можно было бы по ошибке убить вас.

— Все нормально... ах, да, Машина еще в действии.

— Мы уже установили это. Только что определено ее местонахождение.

— Будьте внимательны, там может быть еще кто-нибудь. На вашем месте я бы еще раз прожег местность.

— Хорошая идея... о, мистер Джиллиад... — Голос ненадолго смолк. — Что касается того вашего замечания... вы на меня не обидесь?

— Боже мой, конечно, нет.

— Спасибо. Я был чересчур рьян, и это мне урок. Кличку «те-тушка» Миллер я... А-а!

Издалека донесся громкий хлопок, потом серия сильных взрывов.

Через несколько секунд голос возник снова.

— Вы были правы — Машина и два техника. Они сидели у древа и курили. Мы убили обоих.

Через двадцать минут появился Остерли с трубкой в зубах.

— Я уже дорогой узнал, что с вами ничего не случилось, но захотел убедиться в этом сам. Если так пойдет дальше, у меня будет прекрасная коллекция язв желудка, лучшая в мире. Что тут было?

Джиллиад кратко рассказал ему.

Остерли только качал головой.

— Кажется, будто мы близки к решению, но последние две недели я весь в мыле, должен вам сказать. — И он рассказал Джиллиаду о допросе. — Я изменил метод. Незадолго до моего ухода получены первые ответы. Судя по всему, у иммунных выборный руководитель, избранный на том основании, что он наладил первый контакт с Наивысшим. Никто не знает, кто он — этот Наивысший. Они не знают, человек ли это, инопланетное ли существо, группа ли, или машина. Они знают только, что вся власть исходит от него, и все знания тоже от него. Несмотря на то, что он для них сделал, они очень его боятся.

— А может, это вымысел? Может быть, вообще нет никакого Наивысшего? Может, его изобрели только для того, чтобы все повиновались?

— Может быть, но я так не думаю. Я... — Остерли замолк, так как зазвонил его аппарат вызова. Он некоторое время вслушивался, а потом сказал: — Вы уверены, что это на самом деле? Точно никакого трюка? Ну, хорошо, рискнем. — Он прервал контакт и устало

посмотрел на Джиллиада. — Обнаружен самолет, летящий со стороны бухты. Он передает, что прибыл с мирными намерениями, и утверждает, что из Британии.

ГЛАВА 17

Пока машина направлялась к подходящей посадочной площадке, Остерли уже ждал там, чтобы понаблюдать за ее приземлением.

Самолет не казался иллюзией, скорее, торопливо подлатанным музейным экспонатом. Остерли не удивился бы, если некоторые части самолета оказались бы привязанными веревками.

Самолет производил адский шум и приводился в движение прямоточным воздушно-реактивным двигателем. Над посадочной площадкой грохот стих, и самолет выдвинул три несущих винта, которые хотя и надрывно взвыли, но плавно и без труда посадили его.

Вооруженные солдаты с оружием наготове тут же окружили самолет. Открылась дверь.

Из нее вышел мужчина и спрыгнул на землю. Затем он поднял руки над головой и широко улыбнулся.

Остерли выругался и протолкался через окружение.

— Кто вы, черт побери?

Тот в ответ опять улыбнулся.

— Можете называть посланником. Я представляю Свободный Комитет Объединенного Лондона. Мы приносим вам огромную благодарность.

— Вы рисковали всем, осмелившись лететь на этой штуке.

— Да, это было немного опасно. Я трижды сбивался с курса и был вынужден ориентироваться способом древних моряков. По звездам. На первый взгляд, очень просто, пока сам не попробуешь.

— Зачем вы сюда прилетели? Все в порядке! Можете опустить руки.

— Спасибо. Мы решили, что лучше всего как можно скорее наладить прямую связь.

— Иммунные в бегах?

— Да, но хаос будет продолжаться еще не один месяц, а мы уже потеряли много хороших людей.

Остерли поморщился.

— То же самое мы слышали из Нью-Йорка и Чикаго. Вы не смогли захватить иммунных врасплох?

— Врасплох! — Посланник печально улыбнулся и покачал головой. — Вы еще не в курсе, верно? У вас тут свободное общество, и вы понятным образом склонны к упрощениям. Вы считаете, что мы объединились, разработали план, подготовили заговор, а потом подняли организованный мятеж? Ничего подобного. Хотя несколько групп и организовалось, но в основном это была борьба одиночек.

против одиночек сразу же после получения вашего сообщения. Об-
разно говоря, мы взорвали храм над своими головами.

— Я, к сожалению, не совсем вас понимаю.

— Каждая цивилизация — цивилизация иммунных тоже — это сложное образование; не все главные опоры установлены точно друг напротив друга. Вы ведь должны знать, как поступают иммунные; они предпочитают методы Серых кардиналов. Восприимчивые, которые верили в свою власть, хотели и остаться у власти, хотя они тоже приняли сообщение. Люди на вершине, руководители районов, участков, вымуштрованные в повиновении полиция и милиция. Откровенно говоря, были отчаянные схватки, в которых с обеих сторон погибло много восприимчивых.

Остерли растерянно смотрел на него.

— Удивительно, что вы победили.

— Победила ненависть. Было слишком много жестокости, слишком много безжалостных преследований. Многие люди — и мужчины, и женщины — буквально взбесились, когда узнали правду. Я видел человека, вооруженного ломом, и он, как безумный, бросился на отряд полицейских человек в двадцать. Он свалил пятерых из них, пока его не застрелили. И подобное происходило повсюду. И вот подобные акции одиночек привели к тому, что мы победили. Иммунные сами виноваты в своем поражении: слишком много было казнено жен, мужей и сыновей. Это и привело к невероятному героизму, который увлек колеблющихся. Когда я улетал, среди солдат началось массовое дезертирство, а отдельные полицейские подразделения отказывались стрелять в восставших.

Остерли только пораженно кивал.

— Как вас зовут?

— Мэйкпис.

— Вас, конечно, из соображений безопасности проверят, но несмотря на это — добро пожаловать в Торонто. — Он пристально посмотрел на самолет. — У вас действительно крепкие нервы.

Мэйкпис криво усмехнулся.

— Раньше, может быть, да, но теперь, после этого перелета уже нет. У нас был, конечно, компенсатор силы тяжести, но при посадке он закапризничал, поэтому нам пришлось воспользоваться винтами. Весь самолет был собран группой техников третьего класса под при-
смотром историка и двух специалистов по роботостроению.

В бунгало все медленно принимало свой нормальный облик, когда действие проекции стало проходить. Большие, черные кратеры вокруг дома исчезали, земля опять приняла первоначальный вид. Укрепления охранных постов побледнели, и опять появились старые укрытия и блиндажи.

Само бунгало потеряло свою компактность, и Джиллиад увидел,

как картина медленно воспарила над полом и вернулась на свое прежнее место на стене.

Он не забыл, что в действительности она никогда и не покидала своего места, но такое гротескное возвращение в нормальное состояние действовало весьма беспокояще.

Трупы утащили, рабочие вычистили копоть и пятна крови, но Джиллиад никак не мог выбросить из головы смерть своих противников.

Он расстроенно налил себе полный стакан и выпил его, не задумываясь. Но это было только начало; ему придется привыкать к этому, ведь это только увертюра.

— Вы плохо себя чувствуете? — Рядом с ним стояла Ванесса и вопросительно глядела на него.

— Ужасно. — Он хотел было выпить еще, но передумал. — Но, по крайней мере, это не так плохо, как публичное сожжение. При нем еще нужно аплодировать, знаете ли. Это было жертвоприношение, огненной жертвой, чтобы очистить расу от одержимости... Давайте поговорим о чем-нибудь другом.

— Да, я тоже хотела предложить это же. Хочу поблагодарить вас за совет. Вы действительно были правы, Дэвид.

— Вот и хорошо, — сказал он резко.

Она тихо рассмеялась.

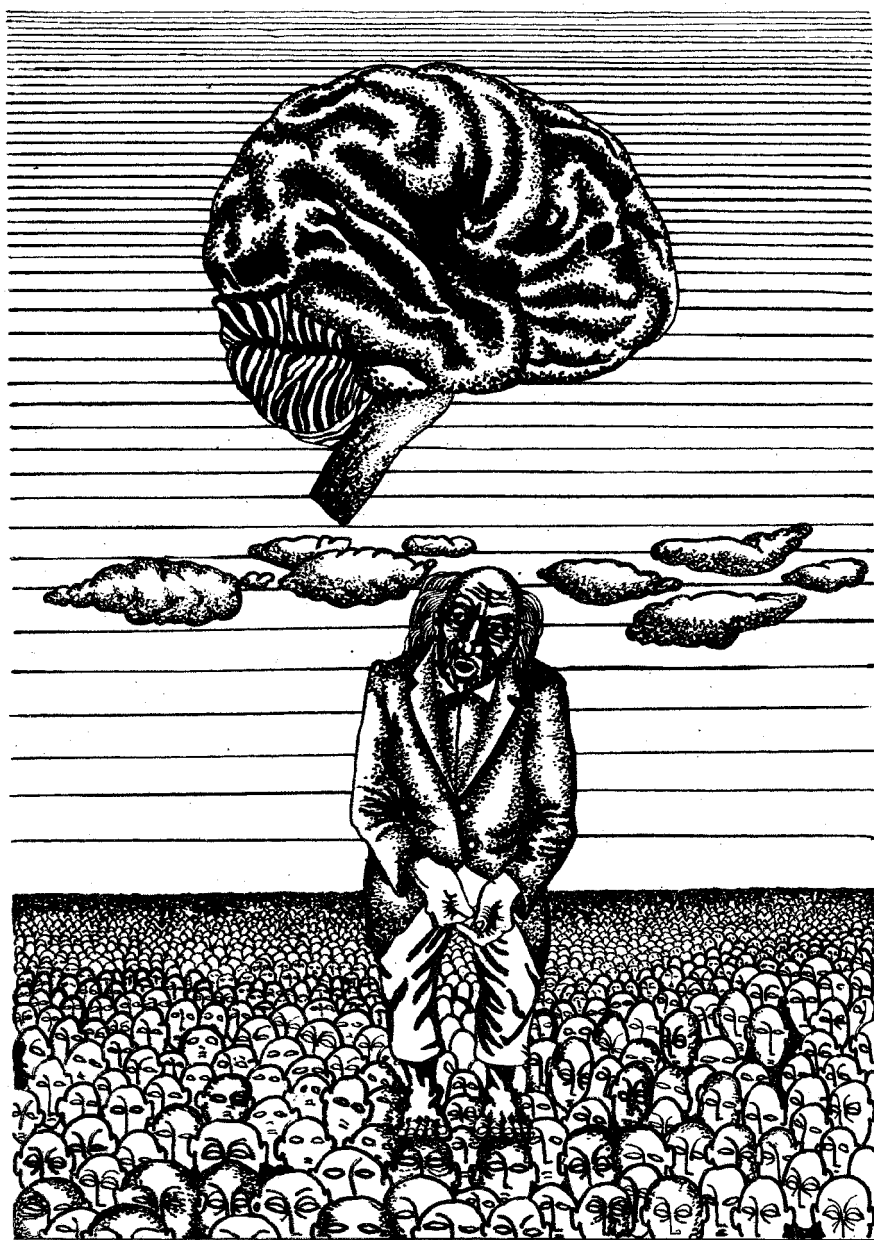
— Я начинаю вас понемногу понимать. Вы лаете, но не кусаетесь.

— Не надо так по-матерински — или правильнее «по-сестрински»? Я неподходящий для этого тип. — Он закурил сигарету и сменил тему. — Остерли сказал мне, что у иммунных есть руководитель. Хотел бы я знать, кто это!

Руководитель иммунных, вероятно, не соответствовал ни одному из представлений о нем. Его звали Джин Вельт — имя, которое провинция Онтарио и ее союзники узнали в ходе следующей недели продолжавшегося допроса.

Это был коренастый темноволосый мужчина со своеобразной привычкой приподнимать плечи таким образом, что его часто принимали за горбатого. Его одежда, казалось, была всегда сшита не по мерке и болталась на нем. Кроме того, он носил неухоженную бороду. Недоброжелатели за его спиной отпускали о нем шуточки, прежде всего по поводу его нервной привычки потирать ладони, будто он их моет.

Он стал руководителем иммунных не по своей воле, а скорее из-за всестороннего принуждения к этому. Джин Вельт мог вступать в связь с Наивысшим; он был одаренным организатором, интеллектуалом, умелым стратегом. Директория просто втолкнула его на трон абсолютной власти.

Он плохо чувствовал себя на своем посту, так как предпочитал пользоваться своими талантами скрыто. Он находил удовольствие в том, чтобы манипулировать, управлять незаметно, махать хлыстом руками других. Ему нравилось двигать людьми, как шахматными фигурами, хитрить, оставаясь невидимым, быть безжалостным.

А в качестве видимого руководителя он был на виду, подвергался критике, ему приходилось действовать осмотрительно, и, что самое плохое, его могли привлечь к ответу. Директория всегда хотела знать, где, как и почему. А Вельт это ненавидел. Он воспринимал это, как шпионаж за ним. И считал предательством по отношению к самому себе.

И вот неожиданно навалились беспокойства. Из Нью-Йорка, Чикаго и Лондона устремились иммунные и рассказали ужасные вещи о безумной и самоубийственной революции. Несмотря на личный героизм, они вынуждены были бежать, и их становилось все больше. Они требовали ответа, возмездия и немедленных результатов.

По непонятным причинам до сих пор не было никаких сообщений из Канады. Знать бы заранее, что там происходит! Кто бы мог подумать, что одна-единственная провинция на таком гигантском континенте добьется столько за такое короткое время? Конечно, у него там были свои люди, но проклятая система помех сковала всякий обмен информацией.

Вельт немного сжался у своего письменного стола и нервно потер руки. Каждое мгновение, каждый день какой-нибудь дурак мог потребовать, чтобы он опять связался с Наивысшим. А им бессмысленно объяснять, как функционирует Наивысший...

Он вздрогнул и впервые признался себе, что боится этого контакта. Причина была даже не в самой ответственности, а, скорее, в тех формулировках, в которых слышалось глубокое презрение.

Конечно, там не было никаких особых акцентов, оттенков, никакого ощутимого сарказма, но...

— Ты спрашивал меня, как можно создать бомбу, верно?

— Да, но...

— И я сказал тебе это, и ты создал ее.

— Да, но...

— А потом ты использовал ее, и она взорвалась?

— Да, но...

— Значит, все остальное, что ты можешь еще сказать, несущественно. Ты спросил меня, как сделать бомбу. Я тебе объяснил. Она была опробована и выполнила свою задачу. Что касается меня, я выполнил свой долг.

Это была упрощенная версия одного из разговоров, который он вел с Наивысшим. Над тобой издеваются с помощью неоспоримой логики, колют равнодушием, бьют твоим же оружием.

Продолжая пример: если пытаешься подчеркнуть, что бомба подняла на воздух полконтинента, то тебя просто обезоруживают логикой.

— Разве я приказывал тебе взорвать ее? А ты определил необходимую мощность взрыва? Я не могу нести ответственность за твои действия и недостаток точных данных.

Впервые за многие годы Вельт задал себе самый ужасный из всех вопросов: Кем был Наивысший? Тыходишь, видишь свет — яркий свет — и слышишь голос, но кто это говорит?

ГЛАВА 18

Раздумья Вельта были прерваны Бриджменом, его адъютантом. Бриджмен положил на стол стопку сообщений, упал в кресло и начал угрюмо разглядывать ногти.

— Чертовски плохо...

Вельт не ответил. Он посмотрел на сообщения, потом на Бриджмена и вдруг попытался определить, кого он больше ненавидит. Не то чтобы он имел против этого человека что-то конкретное, просто ему мешало его присутствие. Коротко подстриженные волосы, голубые, ничего не выражающие глаза навывкате, короткая толстая шея — после полутора сотен лет совместной жизни проходит все, кроме ненависти. Нервная высокопарность Бриджмена, сальный голос, его неприятная привычка громко откашливаться посреди фразы, его нескончаемый репертуар банальностей...

Вельт внутренне вздохнул. Так было со всем — или нет? И с его последней женой, и с предпоследней, и со всеми предыдущими. Знаешь не только то, что они скажут, но и то, как они это скажут. Узнаешь их настолько хорошо, что жизнь превращается в цепь бесконечных и утомительных повторений. Долгая жизнь вдруг ужасным образом превратилась в ловушку. Боишься смерти и стонешь под грузом жизни. Годы тянутся бесконечно и без всякой видимой цели.

Не у него одного такое чувство, все они...

Он как-то приходил с этой проблемой к Наивысшему.

— Вы просили долгую жизнь и получили ее.

— Многие из нас страдают нервными расстройствами.

— А разве вы спрашивали о возможных побочных явлениях, когда просили долголетия?

— Нет, мы же не подозревали, что...

— Тогда это ваша ошибка, а не моя. Тема исчерпана.

Вельт передернулся при воспоминании об этом разговоре и, чтобы отвлечься, схватился за сообщения.

Их чтение не доставляло ему удовольствия, реакцию восприимчивых можно было назвать опустошительной. Казалось непостижимым, что эти короткоживущие неполноценные существа могли

ощущать такую ненависть. В некоторых действиях проявлялось безумие. Вот здесь, например... Чикаго, да? Да, какой-то сумасшедший, напавший с ломом на двадцать полицейских. Он убил четверых и тяжело ранил пятого, пока его не обезвредили.

Нападение на Канаду надо ускорить. Там-то и находится очаг беспокойства. Устранить его, и тогда они опять смогут утихомирить города.

Его мысли перескочили на Джиллиада. Надо было убить его еще при рождении. Он предлагал это, но ученые перекричали его. Они хотели знать, что случилось с Джиллиадом, почему он от природы был резистентным. Их аргументы перевесили — а вдруг на свет появятся еще такие же? Нужно было собрать факты. Нужно изучить этот особый случай, чтобы уметь с ним бороться. Единственной проблемой было то, что они не представили ничего, кроме своих теорий, да еще этот сложный план его устранения, который и поставил их теперь в такое трудное положение.

Бриджмен перебил поток его мыслей.

— Директория сегодня вечером объявляет особое заседание. Звучит не слишком хорошо, верно?

— Звучит глупо. Мы ничего не можем сделать.

— Ким, кажется, другого мнения. Ким за то, чтобы уничтожить Канаду через восемь дней.

— Вот пусть он и попытается. Дальнодействующие проекционные устройства требуют времени для их сборки.

— Ха! Ким об этом подумал. Он предлагает наводнить район маломощными передатчиками.

— Ну, вот еще! — Вельт нахмурил брови и подергал себя за бороду. Это должно получиться, только почему он сам не додумался до этого? Он почувствовал, как в нем появляется надежда. Может, ему сделают выговор и снимут? Тогда супермозг Ким пойдет по его стопам — но он не захочет этого. Никто не хотел этого, никто не хотел на этот проклятый пост; никому не нужен трон козла отпущения.

Вдруг на экране на его письменном столе появился текст:

«Все сообщения об особом задании отрицательны. Отсутствие сообщений указывает на то, что все порученцы погибли при выполнении задания. Операцию «Джиллиад» считать проваленной. Подписано: Дж. Уинтерс, командующий округом».

Прежде, чем Вельт успел поразмыслить над этим, появилось следующее сообщение:

«Тактический отход из Цитадели Чикаго, несмотря на повторяющиеся фанатические нападения, завершен успешно. Дж. Шерборн, губернатор».

Вельт длинно и громко выругался. Что, черт побери, думает этот Шерборн? Может, он считает, что его обязанность — пропа-

ганда для газет девятнадцатого века? Тактический отход! Шерборна разбили, а остатки его войска прогнали ко всем чертям.

«Сегодня в Торонто приземлился самолет из Объединенного Лондона. Вслед за ним два больших летательных аппарата. Предположительно, связь Онтарио — Нью-Йорк. Связные до сих пор неизвестны. Агент 10/5».

Вельт приподнялся в кресле и опять сел.

— Бриджмен! — позвал он. Лицо его сильно покраснело.

Бриджмен вздрогнул.

— Да, сэр?

— Созовте внеочередное заседание Директории через час, пожалуйста?

— Но, сэр, за час...

— Через час, я сказал! Можете также сообщить мистеру Киму, что я намерен вынести его предложение на утверждение.

Часом позже, во время внеочередного заседания Хуберт Ким уже не был больше таким самоуверенным.

— Это был совет, а не определение преследуемой нами политики. — Ким был высоким лысым мужчиной с густыми черными, нервно подергивающимися бровями. — Мне кажется, мы должны как можно скорее начать действовать.

Вельт мрачно посмотрел на него.

— Избави меня Бог от стратегов письменного стола.

Брови Кима взлетели и опустились, он покраснел.

— Но я действительно не вижу причин.

— Закройте рот и слушайте! — заорал Вельт.

Кто-то крикнул: «Тихо», но без особого старания; и никто его не поддержал.

Вельт не обратил на выкрик внимания.

— Насколько мне известно, вы предлагаете наводнить Онтарио малоомощными передатчиками?

— Да, хм... это, собственно...

— А как вы собираетесь доставить туда эти передатчики? Всем, очевидно, известно, что по военным масштабам у нас вообще нет воздушного флота. Немногие имеющиеся у нас самолеты — гражданские и для бомбовых ударов, на чем основана ваша затея, не приспособлены. Во-вторых, даже если бы такие машины были, как нам провести их через оборонительную систему, которая, как мы теперь знаем, защищает границы Онтарио?

Ответы остались за Кимом, а Вельт разбивал его план пункт за пунктом.

— Переоборудование наших гражданских машин для военных целей заняло бы на восемь недель больше, чем планы проекционного наступления, который уже находится в стадии осуществления. Пришлось бы создавать и изготавливать подходящие приборы, что-

бы защитить эти машины от оборонительных систем. У нас нет пилотов с боевым опытом, никого, кто был бы в состоянии руководить операциями и, несомненно, очень мало добровольцев для такой миссии. То, что предлагает уважаемый коллега — возвращение в прошлое. Он хотел бы, чтобы мы переставили назад стрелки часов. Ему хочется величественных дел, с помощью которых мы завоевали бы мир, переделали бы его и снова прибегли к помощи обычного оружия, которое наш недоразвитый — пусть даже численно превосходящий — противник мог бы поднять почти на равный уровень. — Он сделал паузу, задыхаясь и покраснев от гнева. Он был чрезвычайно раздражен, так как почти что пришел сам к этой же идее. Позже, конечно, после детальных размышлений, ошибки стали отчетливо видны, но сначала... — Есть какие-нибудь вопросы? — свирепо воскликнул он.

Никто не отозвался, никто не встретился с ним взглядом, но он почувствовал, как его ненавидят. Ну да, это основано на взаимности; каждый ненавидит, презирает или чувствует отвращение к кому-нибудь. Он спросил себя, что же связывает их друг с другом: страх, чувство превосходства, общая злокачественная болезнь или все это, вместе взятое?

Проблема как раз в том, что они слишком хорошо себя знали. Ничего невозможно скрыть, нет никаких загадок и тайн.

Так было не всегда. Его мысли вернулись к тому времени, когда он был совсем молодым. На самом деле молодым, а не неизменным сорокатрехлетним последних двух столетий.

Тогда он много и громко говорил, броско одевался и пенился идеями. Большинство его идей должны были быстро сделать его богатым, и все без исключения либо были на грани законности, либо ставили его в конфликт с законом, либо оказывались невыполнимыми. И в конце концов, ему приходилось зарабатывать свой хлеб в качестве мелкого служащего. Но он обладал способностью втираться в доверие и скоро выдвинулся на ответственный пост.

И тут, благодаря умению считать, он так успешно и разнообразно подделывал бухгалтерские книги, что двое других служащих были уволены за мошенничество, прежде чем проверяющие нашли настоящего виновника.

Он получил восемнадцать месяцев. Судья давал ему два года, но Вельта выпустили досрочно.

После этого Вельт годами менял одно сомнительное занятие на другое: продавал из-под полы краденые автомобили, устраивал игорные дома и заводил пивные. Для настоящего преступления у него не хватало таланта и смелости. Он был пограничным обитателем придонного мира, всегда в прыжке, всегда спасающийся бегством при малейшем признаке опасности.

И однажды во время одного такого обходного маневра, меняя транспорт, он обнаружил...

В некоторых отношениях у него было своеобразное методическое мышление. Так, например, у него всегда была с собой карта улиц. Он вышел из поезда на маленьком вокзале, проехал дальше на омнибусе, вышел из него, прошел пешком по другой улице, где царил оживленный движение.

Участок, который он выбрал, был около шести миль длиной и змеился, следуя старой улице, по лесистой и все еще слабо заселенной местности.

На полпути он наткнулся на туман. Туман плавал на низком холме — струящийся, ярко-красного цвета. Он было испугался, но прежде чем успел повернуться и побежать, раздался голос:

— Не пугайся. Я буду тебе помогать.

ГЛАВА 19

Вельт, все еще испуганный, подумал о суевериях, о религии, о голосах из горящих кустов, и спросил себя, какую жертву ему придется принести — что было типично для него.

— Бежать отсюда не в твоих интересах.

Голос звучал совершенно безучастно и нейтрально, но Вельту слышалась в нем угроза.

— Я могу дать многое. Я здесь, чтобы давать. Во всяком случае, ты не должен забывать, что должен будешь нести последствия своего выбора, если этот выбор окажется неумным. Идем.

Дрожа и все еще внутренне спрашивая себя, не предусмотреть ли ему какую-нибудь жертву на всякий случай, он ступил в туман и мгновенно увидел, что это никакой не туман. Он почувствовал свет, пространство, он услышал голоса — и это было все.

— Чего ты хочешь?

Вопрос был для него неожиданным, и он пробормотал что-то глупое о желании — смесь религии и сказок все еще довлела над ним.

— Недостаточные данные. Пожалуйста, точнее, — сказал голос.

Ему понадобился почти час, чтобы разобраться, что это не фея, которая может превратить тыкву в золотую карету. Это было и не божество. Оно не могло выполнять глупые и совершенно невозможные желания, но что-то это все-таки было. Оно могло давать техническую информацию.

Странно, но Вельт никогда не спрашивал себя о причине. В то мгновение, когда он понял, какие сокровища перед ним появились, поток жадности вытеснил всякое любопытство.

Его первая мысль была направлена на то, чтобы оставить это сокровище только для себя, и два последующих часа он потратил

на то, чтобы торопливо исписать свою записную книжку, пока голос давал ему указания по созданию относительно простого прибора. У Вельта были только начальные познания в электронике; но голос, очевидно, был готов выражаться предельно понятно и обучать его.

Четыре часа спустя он отдал свои последние деньги за радиоэлектронные детали, а час спустя опять вернулся и построил прибор по простым, но вполне достаточным наброскам в своей записной книжке.

У него хватило самообладания, чтобы сосредоточенно работать, но нетерпение делало его руки неуверенными и выжимало пот на лбу. Кто-нибудь мог вдруг пройти мимо, прежде чем он...

Наконец, прибор был готов, и он нервно нажал кнопку.

Не было слышно ни звука, но кружащийся красный туман вдруг исчез, и то место, где он находился, превратилось в обычный ландшафт. Ничто не указывало на то, что тут что-то находилось, что-то, преподнесшее ему на серебряном блюде всю Землю.

Вельт почувствовал поднимающуюся в нем волну триумфа, опьянение безграничной властью. Он был хитрым, по-настоящему хитрым; он всегда знал об этом, но это был первый удобный случай в его жизни доказать это. Его действия были гениальными. Он вымолил себе светопреломляющий прибор, который делал эту штуку невидимой для всех остальных. Все принадлежало ему, только ему, так как никто и никогда этого не найдет.

Истощенный и опустошенный, он вернулся обратно в город. Успокоившись, он начал строить планы.

Вельт действительно был не глуп. Он быстро понял, что масса технической информации, которую предоставил в его распоряжение Голос, даже тогда превосходила возможности его восприятия, когда тот переводил ее в простейшие понятия. Поэтому ему пришлось найти различных специалистов, которые могли бы реализовать то, что он открывал.

Задача была нетрудная. На дне было достаточно возможностей для контактов, и Вельт использовал их. Он нашел потерявшего работу по причине пьянства специалиста в электронике; хирурга, которому было запрещено работать по специальности; химика, употреблявшего наркотики; биолога, ушедшего из общества из-за нервного срыва и считавшего, что у него рак, и боявшегося операции.

Это было немного, но достаточно для начала. Как уже говорилось, Вельт был хитер. Для начала он вывел формулу антиалкогольного соединения и предоставил ее химику. Тот воплотил ее в реальность и дал выпить вместо виски специалисту-электронику.

Электроник выпил это средство, а потом пил виски, водку, джин и оставался трезвым. Через четыре недели он опять почти пришел в норму.

Со временем все участники излечились от своих телесных недугов, но только не от душевных. И только тогда Вельт произвел на свет прибор, который собрал электроник и который при первом же включении сторел.

Вельт только посмеивался. Он один знал, что прибор в короткое мгновение функционирования вратил в его сотрудников неосознанный приказ о верности ему и друг другу. Теперь вся организация принадлежала только ему.

После этого он сосредоточился на том, чтобы заработать деньги. На рынке появился целый ряд приборов, за которые на дне платили фантастические цены. Хитрый прибор, который можно было спрятать в карман, для выявления и вывода из строя охранной сигнализации. Сварочный прибор размером не больше карандаша, которым можно было вскрыть мощнейший сейф.

У Вельта хватало идей, но он боялся. Законным путем он мог бы заработать денег больше, но легальные предприятия имели неприятную особенность вызывать вопросы. Конкурирующие концерны захотели бы знать, почему группа бывших неудачников достигла такого прогресса в определенных областях. Этим заинтересовались бы репортеры; нет, риск себя не оправдывал.

Прошло немного времени, и легальный мир в образе полиции начал интересоваться из-за растущего числа невероятных преступлений маленькими мастерскими и гаражами.

Вельт был проинформирован об этом задолго до того, как полиция начала круглосуточное наблюдение за домом, и принял ответные меры, обговорив их со своими партнерами.

— Я думаю о своего рода гипнотическом проекторе, который убедил бы полицию, что она на неверном пути.

Наконец, он появился с точными данными для прибора, но прежде чем тот был готов, электроник обнаружил, что в приборе скрыты и другие возможности.

Вельт привлек хирурга, хирург нашел не слишком щепетильного невролога, и они принялись за работу. Через четыре дня машина была переделана и опробована на человеке, которого подозревали в предательстве. Шпион стал одержимым — и была построена первая Машина Мечты.

Невролог первым понял ее значение.

— Господа, с этой машиной мы со временем сможем завоевать весь мир, естественно, если сами не станем ее жертвами. — Он посмотрел на Вельта. — У вас есть... э-э... какие-нибудь друзья, которым может что-то прийти в голову?

— Нам нужен только механизм, который бы экранировал излучение, — тотчас же сказал электроник.

Вельт получил его. Он получил и время — в образе долголетия, и тут всё вышло у него из-под контроля. Число членов организации,

которую он основал, теперь исчислялось миллионами, и иммунные начали гнездиться во всех странах Земли. Одержимость росла.

Вельт без угрызений совести наблюдал, как цивилизация катится к своему упадку. Теперь — уже иммунный — он имел престиж, теперь с ним обращались с большим вниманием. Он привлекался для совета министрами и генералами, и чувство власти, которое он ощущал, грозило его раздавить.

Но он ничего не потерял от своей осторожной хитрости. Со стороны казалось, будто он заботится только об общем благе. Он был одержим долгом и самоотверженностью, служа примером своим коллегам. Люди начали говорить: — Слава Богу, что есть иммунные. Без них нам конец. — Организация хотя скромно и отвергала это, но умело добивалась вознаграждения за заботу о всеобщем благе и ловко захлопнула двери тюрем, в которые втолкнула ничего не подозревавшее человечество.

— Когда мы нападём?

Вельт заметил, что кто-то крикнул ему, и заставил себя вернуться мыслями к современности. Нападём? О, да! И он решительно сказал: — Ровно через девять недель мы начнем большое проекционное наступление.

Эти девять недель Онтарио и ее союзники тоже не сидели, сложа руки. Специалисты и профессионалы из Объединенного Лондона, Нью-Йорка и Чикаго потоками устремились в провинцию, полные надежды реализовать знания канадцев.

Конструкторские описания проекционных устройств передавались дальше и немедленно использовались.

Объединенный Лондон послал проекцию на Париж, и там мгновенно вспыхнуло гигантское восстание.

Следующей целью был Берлин. Иммунные хотя и были подготовлены, но потерпели там одно из своих тяжелейших поражений. Стычки там далеко перешагнули все привычные размеры, и немцы уже почувствовали, что лекарство иногда бывает хуже самой болезни. Группы резистентных возникли еще лет тридцать назад, и ими было создано множество тайных складов оружия.

Иммунные, хотя они и покрыли главные улицы проекциями, не были готовы к вооруженному мятежу, и еще меньше к относительно мелким, но стратегически очень умелым нападениям. Хотя большая часть оружия была вековой давности, но оно производило неестественно много шума, а его действие на малом расстоянии было опустошительным. Проекционные техники обстреливались опытными партизанами или подвергались нападениям штурмовых групп, возникающих будто ниоткуда и немедленно исчезающих снова.

Союзники тоже начали отдавать предпочтение тактике. Следом проекции была подвергнута Барселона в Испании.

Здесь иммунные не слишком хорошо подготовились. Часть города была построена как крепость, куда можно было бежать в случае необходимости, но защитные устройства не были еще готовы.

Испанцы разрушили укрепление за несколько часов с помощью изобретательной импровизации. Они отключили управление всеми транспортными средствами, удалили регуляторы и направили транспорт на квартал иммунных. Поезда метро понеслись на конечные станции и с такой силой ударились в упоры и пустые вагоны, что взрывались буквально как бомбы. Прежде чем возникала мысль о расчистных работах, в этот хаос влетал следующий поезд.

На улицах творилось то же самое: общественный транспорт, служебные машины и тяжелые грузовики врезались в здания или сталкивались и превращались в груды обломков на перекрестках.

Вышло из строя электроснабжение, повсюду горело, а потом на иммунных напало население: мужчины, женщины, дети со всем оружием, какое только удалось найти. Несколько сотням иммунных удалось бежать из города, и это было все.

ГЛАВА 20

В других областях тоже достигли прогресса. Специалисты из освобожденных городов встретились на совещании с Кейслером и другими психиатрами. Исходя из имеющихся фактов, они начали составлять точную картину психологии иммунных.

— Эти люди — параноики особо безрадостного типа. В нормальные времена их бы отнесли к тем личностям, что пишут угрожающие анонимные письма, издеваются над детьми, мучают животных, клеветают на людей. Неудачники, находящиеся в разладе с собой и окружающим миром и из злости разрушающие счастье других. Кроме того, они трусливы. Вы только вспомните, как неохотно они сражаются с открытым забралом. В одной руке целебная мазь, в другой — плеть.

— Верно, в этом лекарстве ключ к нашему выживанию. Они не уничтожили нас по той простой причине, что тогда и сами бы потеряли право на существование. Они не смогут больше никого эксплуатировать, никем манипулировать и мучать.

— Мания преследования.

— Вот именно. По-моему, эти люди не вступят в открытый бой, они будут предавать друг друга и массами сдаваться.

— К сожалению, открытого боя не будет. Нам придется перенять их манеру действий — на субъективном поле боя, которое они выберут сами.

— Может быть. — Немецкий эксперт поклонился. — Будь у нас немного времени, мы смогли бы — мой американский коллега и я — решить загадку черепного механизма иммунных. Наши исследова-

ния, к сожалению, прерваны, потому что этот механизм содержит взрыватель. То есть, если пытаешься его удалить или исследовать поподробнее, он взрывается. Поэтому мы начали новую серию экспериментов, чтобы создать новый проекционный прибор, работающий на том же принципе, но использующий другую частоту. Если у нас получится, то можно будет обойти защитный механизм иммунных. Проще выражаясь: наши друзья иммунные вдруг обнаружат, что они стали восприимчивыми — во всяком случае, по отношению к нашим проекциям.

— Раз уж мы заговорили о проекциях, — сказал кто-то, — то два города, которые мы облучали, не отзываются.

— Мы можем только предполагать, что эти города — места предыдущих иммунных, где вообще нет восприимчивых.

— Узнали что-нибудь еще о Наивысшем?

— Нет. Вероятно, это тайна, известная только руководителю иммунных. Его зовут Вельт, как мы установили в ходе допросов. Имя, кажется, голландское, но мы знаем, что он менял его по меньшей мере пять раз, так что оно ни о чем не говорит.

В других районах тоже продолжались работы. Час от часу усиливалось и расширялось обучение защите от субъективных атак. Как только освобожденные города предоставили свои запасы сырья, начало расти число похожих на клетки защитных сооружений для детей и других ослабленных групп населения.

А в бунгало Джиллиад и девушка, несмотря на строжайшую охрану, были буквально загнаны специалистами. По мере того, как проходили недели и опасность нападения становилась все ближе, из стратегических соображений было решено в целях безопасности разлучить их. На случай, если один из них погибнет — они, конечно, не выражались так прямо, но это ясно слышалось в мотивировках.

Джиллиад вернулся в столицу, а Ванессу доставили в новую секретную лабораторию на севере. А неделей позже...

Остерли проснулся и схватился за край кровати. Что это? Он выглянул в окно и увидел, что еще темно. Что же, черт поberi, его разбудило? Он схватил свой пиджак, порылся в правом кармане, ища трубку, и в этот момент здание затряслось и закачалось, как при сильном землетрясении.

Снаружи что-то загрохотало, ударило и с треском рухнуло на крышу. Вдали закричал испуганный голос: — Землетрясение! Всем лечь на землю!

Остерли все еще держался за кровать, а дом качался и стонал. Вдруг над его головой заверещал аварийный звонок, и во всем городе взвыли сирены.

Субъективное нападение! Хорошо, что есть Джиллиад! Он был единственным в городе, кто мог это определить. Несомненно, это он заметил признаки опасности и нажал кнопку тревоги.

Остерли с удивлением обнаружил, что короткое, но основательное обучение автоматически вызвало правильную реакцию.

Дом приобрел усиленные стены и стал сейсмопрочным.

Тряска затихла и стала едва заметной; стон стен прекратился.

Он вскочил с кровати и быстро оделся. Спустя несколько мгновений ворвался Кейслер.

— Готов?

— Готов.

Они побежали к лестнице, но внезапно остановились у двери. Прямо перед ними из разорванной трубы ударил фонтан воды; вся улица тряслась, вспучивалась, а в земле, как рты, открывались и закрывались гигантские зигзагообразные разрывы. В них сыпался мусор и щебень; опрокинулось здание, рассыпалось и погребло под собой улицу.

— Что теперь? — Остерли нетерпеливо повел плечами.

Кейслер слабо улыбнулся.

— Моя фантазия просто противится крыльям, но я видел изображения воздушных такси и представляю их управление.

— Я тоже, — сказал Остерли.

Восемьдесят секунд спустя они на тридцатиметровой высоте неслись к Центру. Под ними падали здания, на западе полыхало.

Остерли был вынужден постоянно вызывать из памяти реальные факты, чтобы весь этот театр не удручал его и не ослаблял волю к обороне.

Не было никакого землетрясения. Не было никакого пожара.

Противник проецировал в его мозг миражи, но так убедительно, что все происходящее казалось реальным.

Итак: не было никакого воздушного такси. В действительности они обычной дорогой бежали к Центру, но мысленным представлением воздушного такси они успешно противостояли иллюзии, которая иначе уничтожила бы их.

Полицейский, парящий над крышами на слабеньких, но все же функционирующих кожаных крыльях, кивнул им.

Остерли снова вспомнил о том, что полицейский тоже не летал. То, что они видели, было мысленной защитой, которую он использовал, чтобы защитить свой мозг, свой разум от субъективного нападения. Поскольку полицейский верил, что он летает над крышами, проявления этого нападения для него неопасны.

— Там все выглядит очень уж плохо, — сказал Кейслер и протянул руку.

Остерли посмотрел в указанном направлении и почувствовал дыхание страха. За городом — черные и угрожающие в предутренних сумерках — вздымались горы, которых раньше там не было. Две вершины курились черным, красновато окрашенным по краям дымом.

Но в Центре его уверенность снова вернулась к нему, как только он услышал, что сотрудники лаборатории по громкоговорящей системе оповещали город и провинцию:

— Внимание, граждане, внимание! Наблюдатели сообщают о трех активных вулканах в двадцати милях от города. Имейте в виду, что эта вулканическая деятельность не реальна, а субъективна. Несмотря на это, вы должны принять защитные меры! Представьте, что у вас огнеупорная одежда. Это защитит вас от огня и раскаленного пепла, падающего с неба. Костюмы имеют смотровое стекло и забрало и оснащены дыхательными аппаратами, так что вам нет необходимости дышать горячим воздухом или вулканической пылью! Я повторяю рекомендации для...

Остерли удивленно обернулся. Эти совсем недавно обученные люди уже далеко превзошли его.

Он пошел в отдел, где регистрировались потери.

— Как наши дела?

— Неплохо, мистер Остерли. Немного лучше, чем предполагалось. До настоящего времени сорок два погибших и двадцать семь раненых.

Остерли ненадолго задержал дыхание, а потом глубоко вздохнул. Чудесно. Потери, конечно, не радовали, но были намного ниже, чем он предполагал. Несмотря на защитные меры, они ожидалось по меньшей мере раз в двенадцать большими.

— Как функционируют клетки?

— До настоящего времени вообще никаких потерь. Дети и старики, очевидно, вообще не заметили того, что произошло.

Из громкоговорителя на стене вдруг закричал чей-то голос: — Внимание, говорит группа наблюдения. Только что взорвался конус вулкана номер три. Дождь из раскаленного добела пепла! Конус два выпускает лаву. Вот теперь началось по-настоящему!

Второй голос перекрыл первый:

— Девятая группа наблюдения. Накатывается гигантская приливная волна, за ней идет ураган. Оценочная высота волны четыреста метров. Скорость ветра между ста двадцатью и ста пятьюдесятью.

Остерли, только-только собравшийся по привычке вставить в зубы трубку, застыл. Это был конец. У человеческого воображения тоже есть предел. О, Боже! Огонь, прилив и буря. Иммуные однозначно пошли на все.

Он заметил, что в углу о чем-то бурно спорят. Вдруг вперед выступил Джиллиад и поднял руку.

— Господа, пожалуйста... — Он подождал, пока не наступит тишина. — Мистер Хартли, один из наших экспертов из Нью-Йорка, считает, что мы мыслим слишком мелкомасштабно, и я совершенно с ним согласен. Противник проецирует картину национального

уничтожения. Развязаны все природные силы. И чтобы стать властелинами этой угрозы, мы должны мыслить крупномасштабно и ответить с такой же гигантской силой. Поэтому мы единогласно решили следующее...

Более, чем в двух тысячах километрах проекционные техники иммунных следили за безотказной работой своих приборов и ждали. Они могли наблюдать за большей частью Торонто, но — как иммунные — не имели возможности видеть субъективно проецируемую картину. Они видели только объективную картину.

— Говорит экран шесть. На Ист-Суффолк-Стрит двое только что рухнули мертвыми!

— Двое!? — Вельт нервно затеребил бороду. — Только двое! Они должныдохнуть, как мухи.

ГЛАВА 21

В других сообщениях речь шла о случаях смерти в различных областях провинции, но всюду было лишь по два-три случая.

Вельт почувствовал, как на лбу выступили капли пота. Что-то было не так. Что-то не совсем в порядке.

Он щелкнул тонкими, не очень чистыми пальцами.

— Есть только один тип людей, которые могут все точно видеть. Доставьте одного сюда!

Был схвачен первый попавшийся восприимчивый, и его притащили в бюро Вельта.

— Сядьте перед экраном и опишите нам все, что видите. Все! Мужчина устался на экран и округлил глаза.

— Это же Машина Мечты, вы...

Кто-то стукнул его кулаком в висок. Восприимчивый рухнул на пол.

Его подняли и снова усадили на стул.

— Оставьте при себе свои замечания. Просто расскажите нам, что вы видите, если не хотите, чтобы вам прижгли пальцы — медленно, один за другим.

Мужчина передернулся и наклонился вперед.

— Там город. Он кажется разрушенным, как после землетрясения... здания рухнули, повсюду горит, улицы завалены.

— Дальше! Дальше!

— В некотором отдалении стоят три вулкана. Один только что взорвался и...

— Стоп! Мерсер, включите десятый экран. Что вы видите теперь?

— Я вижу океан... волна... гигантская волна, и можно слышать вой урагана...

— Хорошо, Мерсер, можете переключить. Внимательнее рассмотрите картину. Видите людей?

— Да, там люди.

— Много?

— Нет, единичные. Никаких толп.

— Что они делают?

— Большей частью...— Мужчина помедлил и нервно сглотнул слюну.— Большей частью летают!

— Летают! Вы с ума сошли? Послушайте! Мы здесь не шутки шутим. Если бы нам нужен был клоун, мы обошлись бы без вас.— Кто-то ударил его в лицо.— Говори правду, понял?

— Но это правда,— сказал мужчина и вдруг закричал: — Вы спрашиваете меня, что я вижу, и я сказал вам это! Они летают! Летают!

— Ну, бессовестный...

— Подождите! — Вперед выступил один из экспертов.— Возможно, он говорит правду.— Он отодвинул остальных и почти дружелюбно спросил: — Как они летают?

Мужчина поднял на него взгляд.

— У некоторых, кажется, машины или какие-то летающие плоты. Другие...— Он опять помедлил.— У остальных крылья, как у птиц.

— Ага! — Эксперт вставил ему в рот сигарету.— А что вы видите еще? — А через плечо он гневно сказал: — Дайте ему что-нибудь выпить и вымойте лицо. Господи, сначала вы требуете от него информации, а потом так избиваете, что он уже почти ни на что не способен.— Он опять повернулся к восприимчивому.— Так... рассказывайте дальше.

— Сейчас все три вулкана пышут огнем. Раскалено все небо.

— Дальше!

— Что-то происходит. Я точно не знаю, что это.

Возникла пауза, когда кто-то принес выпить. Руки мужчины так дрожали, что он расплескал половину содержимого, прежде чем смог выпить несколько глотков.

— Что-то между городом и вулканами. Не могу разглядеть. Оно, кажется, возвышается до неба и тянется вдаль насколько хватает глаз.

— Можете описать поточнее?

— Это как занавес, занавес из мелких голубых искр. Весь пепел, дым и раскаленная лава исчезают, коснувшись его. Они не могут сквозь него пройти.

Эксперт кивнул и нервно провел рукой по волосам. Лицо его стало пепельно-бледным.

— Мерсер, еще раз десятый экран! — И добавил для восприимчивого: — Что вы видите теперь?

— Волна, о которой я говорил, теперь стоит почти на месте.

— На месте! Как это?

Мужчина растерянно покачал головой.

— Выглядит так, будто ураган толкает ее вперед, но еще более сильный ветер дует навстречу, раздавливает ее и толкает назад, все дальше и дальше. По всему морю носятся водяные смерчи, но кроме пены и бурунов ничего не видно.

— Спасибо.— Эксперт взял у него пустой стакан и бросил его в стену.— Я вам верю.— Он посмотрел на остальных.— Уведите парня! Мне тоже надо чего-нибудь выпить.

Прежде чем принесли выпить, перед ним вдруг встал Вельт.

— Что вы себе позволяете? — Вельт нервно потер ладони, его лицо покраснело.— Если у вас есть информация, я должен знать ее первым, понятно? Только после того, как передадите мне информацию, можете бросать стаканы в стену и раздражаться, понятно?

Эксперт застыл, побледнел и сказал:

— Да, сэр.

— Итак, что случилось?

Эксперт сглотнул слюну и пожал плечами.

— Ну, хорошо, сэр. Если вы хотите слышать правду, пожалуйста. Все, что сказал этот человек — правда. Противник летает. Над сотрясающейся землей.

— Но это же абсурд!

— О, Боже мой... Простите, сэр, я немного не в себе. Я сейчас вам объясню. Враг использует психическую стимуляцию наших проекций для того, чтобы произвести противоположные. Короче говоря, чтобы передать картину, нужно сначала передать мозгу раздражение, иначе он ничего не воспримет. Их мозги раздражены, но именно это раздражение они используют для создания ответных мер. Сначала это им удавалось легко. Они представили себе, что летают над местом действия. Теперь они, очевидно, переключились на массовую концентрацию мыслей и создали энергетический барьер.

— Но барьеры такого масштаба невозможны с научной точки зрения.

Эксперт глубоко вздохнул.

— Сэр, мы тоже не можем заставить горы вырасти. Мы не можем взмахом волшебной палочки вынуть из шляпы три вулкана. Это не настоящие вулканы, а субъективные. Это иллюзии, проецируемые нашими Машинами в мозги приемников — вам это понятно? Хорошо. Дальше: энергетический барьер тоже субъективен. Он тоже иллюзия. Но иллюзия достаточно убедительная, чтобы встретиться с нашей иллюзией и пересилить ее.— Он вдруг, казалось, потерял самообладание и закричал: — Изложить вам это письменно или продиктовать по буквам? Нас победили!

Вельт усталился на него. Он был так испуган сообщением, что даже забыл обругать эксперта.

— Побуждены! Мы же еще только начали.— Он нервно облизал губы и потер ладони.— Мы в любое время можем изменить проекцию. Мы можем сбросить на них сотню атомных бомб и сравнять всю провинцию с землей...

Эксперт закрыл лицо руками и отчаянно закричал: — Боже милостивый! — Потом, казалось, он взял себя в руки.— Мистер Вельт, мы не знаем, как изготовить атомную бомбу. Мы можем создать только иллюзию такой бомбы, а наша иллюзия будет бессильна против их барьера. Я не могу выразиться яснее, даже если перейду на детский лепет.

Вельт пристально посмотрел на него, постепенно постигая правду.

— Что мы можем еще сделать?

Кто-то принес эксперту полный стакан, и тот одним глотком осушил его.

— Сделать? Хотите слышать правду, мистер Вельт? Все равно я должен сказать ее Директории. Это вам не понравится! Будьте внимательны. Мы должны будем использовать обычное оружие и сформировать армию. Проекция стала бездействующими из-за их противоположений. Мы, как Хомо супериор, должны будем создать армию из наших собственных рядов и обучить ее, чтобы выстоять перед численно превосходящим нас противником.

— Это единственное решение? — Голос Вельта слегка дрожал.

— Это мое единственное решение, сэр. Любая другая альтернатива у вас. Если мы хотим выиграть эту войну, то вы единственный, кто может обеспечить нас наиболее совершенным оружием и наиболее совершенной стратегией.

Вельт испугался. Совершенное оружие, совершенная стратегия — о, Боже, больше не надо! Он точно знал, что имеет в виду эксперт, и он знал, что Директория поддержит его. Он будет вынужден идти к Наивысшему, этого не избежать. Если он этого не сделает, на него будут давить, пока он не сдастся. Вельт почувствовал себя в ловушке. Не потому, что Наивысший потребовал бы чего-то взамен, просто потому, что всякий раз, когда Вельт обращался к нему, слышалось явное презрение, чувство превосходства. Всякий раз он охотнее всего просто убежал бы оттуда. С другой стороны, от него неожиданно могли все же потребовать чего-то взамен. Наивысший мог... Вельт ужаснулся. Он не мог найти логического объяснения своему ужасу, но почему-то голос отказывал ему, а нервы не выдерживали. Почему? Голос никогда не менялся, в нем не было ни явной, ни скрытой угрозы, и если быть точным, то в нем звенело только единственное порицание: твоё требование нужно было точнее описывать.

Вельт вдруг понял, на чем основано его отвращение. Он по отношению к Наивысшему казался себе неполноценным, ничтожным, беспомощным, презренным. Образно говоря, он выступал в роли побирушки со шляпой в руках, и у него было неприятное чувство, что Наивысший знал об этом и поэтому презирал его.

Вельт понимал, что его представление было нелогичным, но ничего не мог изменить. В последнее время все стало даже хуже. Нет, не то чтобы это играло какую-то роль. Но одно было определено: несмотря ни на что, Директория заставит его пойти к Наивысшему. Сейчас речь идет об их спасении, и он является для них последним шансом.

Ровно через два часа он был уже в пути. Никто не пытался следовать за ним; роботы-охранники, которыми была наводнена эта местность, всегда препятствовали этому. Такие попытки прекратились уже давно. Вооруженные роботы-охранники признавали только его и уничтожали любого другого. Сто восемьдесят три смерти окончательно научили любопытных, а у тех, кто использовал приборы для ориентирования, эти приборы взрывались прямо в руках.

Вельт шагал хорошо знакомой тропинкой и вошел сквозь преломляющее поле в красный туман.

— Что тебе нужно? — Безучастный голос показался Вельту высокомерным и обвиняющим.

— Я... мы... — Вельт нервно сглотнул. — Нам нужно оружие... оружие, против которого бессильно всякое другое оружие.

Несколько мгновений стояла тишина.

— Такое оружие можно изготовить. Я предлагаю мутант определенного вируса, который широко распространен в этом мире.

— Отлично. — Вельт потер ладони, но вдруг замер. — Я полагаю, против него есть вакцина?

— Ты противоречишь сам себе. Если ты требуешь оружие, против которого бессильно все, то не может быть никакой защитной вакцины — это очевидно.

— Но мы тоже можем заболеть.

— Несомненно. Ты же ничего не сказал о выживших.

— Это нам не годится. Нам нужно оружие, которое гарантировало бы победу.

— При теперешних обстоятельствах такого оружия нет.

ГЛАВА 22

Вельт почувствовал, как по спине пробежала ледяная дрожь.

— Что значит — при теперешних обстоятельствах?

— Ты знаешь условия, которые сам же создал? Ты перестроил

определенный прибор, чтобы возвыситься над большинством своих сограждан.

— Ты это знаешь? — Вельт выдавливал слова по одному, будто через силу.

— Это моя задача — знать.

— Но почему? — Вельт в отчаянии сцепил ладони. — Почему ты нас не предупредил?

— Моя функция заключается в том, чтобы делать информацию доступной для тех, кто ее требует. Но в мою задачу не входит вмешиваться на пользу одной из борющихся партий.

— Значит, ты не дашь нам оружия?

— Я не могу уклониться от этого, но вы должны точно определить, как оно должно выглядеть.

— Черт бы тебя побрал! — Ладони Вельта сжались в кулаки. — Конечно же, мне нужно оружие, которого было бы достаточно, чтобы победить врага.

— В таком случае я предлагаю вирус.

— Боже милостивый, но почему?

— Так как я — если не брать во внимание оружие, действующее без разбору — при подобных обстоятельствах не могу дать вам никакого оружия, которое было бы сильнее того, что вам противостоит.

— Это безумие! — Вельт был слишком напуган, чтобы ощущать благоговение.

— Напротив. Технология не может создать ничего неосязаемого. Я же не могу дать вам мстительность, любовь к свободе, волю к победе, силу воображения и самопожертвование. Я могу обеспечить вас оружием, которое будет уничтожать ваших противников тысячами, но оно все равно не гарантирует вам победы.

— Дай нам оружие, которое предоставило бы нам равные шансы на победу.

— Я дам вам оружие, которое уничтожает целые армии, но и оно не даст вам равных шансов. В лучшем случае, вы уменьшите вероятность вашего поражения на тридцать процентов.

— Дай его мне, дай сюда, мы готовы и на проценты.

Странно, но в это мгновение он не боялся ни голоса, ни его пессимистических оценок. С оружием, которое может уничтожать армии, он овладел бы и чем-то неосязаемым — безжалостностью.

Когда он вернулся с подробностями, на него навалились эксперты-расчетчики, шепотом обсуждая проект. Он понимал только обрывки, но это звучало не слишком обнадеживающе.

— Нужна очень сильная экранировка, иначе...

— Довольно сложно...

Один из специалистов встал и резко сказал: — Чтобы построить эту проклятую штуку, нам понадобится девять недель...

Вулканы в Торонто побледнели и стали лишь размытыми, едва заметными контурами, не имевшими в себе ничего реального или угрожающего. Улицы в городе опять выглядели, как всегда; щебень и кирпичи таинственным образом взмыли вверх и заняли свое первоначальное положение.

Командование союзников и ведущие ученые непрерывно заседали.

— Пассивной обороны недостаточно. Мы должны нанести удар до того, как противник придумает что-то новое.

— Я такого же мнения. Мы не знаем, кто такой Наивысший.

— Сначала нужно ясно определить наши цели — куда нанести удар.

— Конечно, по одному из городов иммунных, лучше всего для поддержки одного из подвергнутых проекции городов. Большинство и без того плохо. Иммунные за это время собрались с силами. Если население восстанет, они немедленноотреагируют. Мы не можем рисковать и посылать друг другу проекции, пока в состоянии их поддерживать. У кого-нибудь есть предложения?

— Да.— Поднялся испанский полковник.— Мадрид — один из занятых иммунными городов. Если мы сможем изгнать их оттуда, это облегчило бы восстание в Гибралтаре и обеспечило бы нам контроль над всем полуостровом и над большей частью Средиземного моря.— Он успокаивающе улыбнулся.— Я вынужден говорить откровенно, господа. У меня политическая проблема. Мы очень гордый народ. Моим сородичам невыносима мысль о том, что чужие оккупанты заняли нашу столицу. Нам стоило большого труда удержать наших освободженных сограждан от нападения. Такого рода атака, как мы все знаем, была бы обречена на провал и, возможно, совершенно бы погубила мой народ.

— Я думаю, это важный аргумент, полковник, но для начала нам нужна другая цель.

— Тогда я предлагаю Бостон,— свирепо сказал американский ученый.— Это не только оплот иммунных, но как раз оттуда, как подтвердил доктор Кейслер, и посылаются проекции.

— Мадрид и Бостон для начала и как можно скорее. Теперь об оружии и оснащении.

— Мы вам сейчас это покажем.

— Мне кажется, у меня здесь что-то есть.— Поднялся низкий темноволосый мужчина.— Тут у меня прибор, который я хотел бы вам показать... Это не займет много времени.— Он что-то вынул из кармана.— Можно вас, сэр?

— Хм, я...— Остерли удивленно посмотрел на него.

— Спасибо. И вам спасибо, доктор Кейслер, если вы ничего не имеете против. Просто повесьте эти медальоны на шею, господа... Спасибо.

— И что мы должны делать? — Остерли с сомнением рассматривал маленький предмет на груди. Он казался довольно толстой персональной карточкой.

— В данный момент ничего, мистер Остерли. Не будет ли кто-нибудь любезен написать на листке бумаги короткую фразу и передать этот листок доктору Кейслеру, не раскрывая содержания.

Это сделал молодой майор.

— Так, доктор Кейслер, разверните, пожалуйста, листок и прочтите про себя написанное. А вы, мистер Остерли, повторите, пожалуйста, слова, которые вы должны слышать в своем сознании.

— Как? — спросил Остерли, посмотрел на него и объявил: — Какая яркая зелень, когда в Испании цветут цветы.

— Черт побери, именно это я и написал, — сказал майор.

Кейслер улыбнулся: — А я это прочел.

Остерли порывлся в поисках трубки.

— Что это за аппарат? Я услышал голос Кейслера у себя в голове.

— Это одно из видоизменений Машины Мечты, но уменьшенное с помощью микротехники до необходимых размеров. Эти Машины, в противоположность их предшественницам, специализированы, то есть, они возбуждают только строго ограниченную область мозга. Возбужденная область одного мозга вступает в связь с мозгом другого человека, находящимся под таким же воздействием.

У Остерли отвисла челюсть. «Должно быть, это шутка?» — подумал он.

«Нет, все на самом деле», — услышал он веселый голос Кейслера в своей голове.

«Убирайтесь к черту», — подумал Остерли и быстро снял с шеи эту штуку.

Кто-то сухо и с сомнением сказал: — Телепатический прибор?

— Можно назвать и так, сэр. При регулярном использовании и постоянной тренировке вообще исчезнет необходимость пользоваться словами. Можно думать картинками или понятиями; прибор передает даже чувства. — Мужчина сделал паузу и закурил. — Если прибор со временем будет использоваться всеми, человечество окажется на пороге новой эры. Появится взаимопонимание между расами и народами. Обман станет невозможным. — Он замолчал и слабо улыбнулся. — Но это в будущем. Сейчас можно было бы рекомендовать использовать определенное число этих приборов в качестве средства сообщения между Центром и всеми группами.

Пять часов спустя конференция закончилась после того, как было достигнуто согласие по основным пунктам плана нападения. Дата уже была установлена. Прошло бы много недель, прежде чем иммунные изготовили бы свое супер-оружие и смогли бы его применить.

Джиллиад покинул конференц-зал таким задумчивым, что едва заметил фигуру в фойе.

— Привет, Дэйв,— сказал нежный голос.

Он вздрогнул и заставил себя улыбнуться.

— Привет! Вас снова вернули сюда из лаборатории?

— Да, сегодня. Я участвовала в работе над телепатическим прибором, который вам только что продемонстрировали.

— Очень интересно. Я с удовольствием побеседовал бы с вами об этом, но попозже. У меня другая проблема, и если у вас есть для меня время, мы могли бы где-нибудь поговорить вдвоем.

— Я сейчас живу в «Гудзоне» на Вест-стрит. Там мы можем поговорить, но меня постоянно охраняют.

Он улыбнулся.

— К этому я, должно быть, уже привык. «Тетушка» Миллер тоже там?

Она улыбнулась в ответ.

— Понятия не имею. Я спрашивала охранников, но никто не признается.

Он расхохотался.

— Я бы на его месте поступил так же.

Десять минут спустя они удобно расположились в креслах и пили кофе.

— Ну? — спросила она.

— Что? Ах да, простите. Когда я приземлился в Онтарио, меня доставили в Торонто на каком-то «субджо», как его назвал Остерли. Что это такое?

Она надула губы.

— Ох, Дэйв, я так и думала, что вы рано или поздно спросите об этом. Дело в том, что мы и сами этого не знаем. Есть только два субджо, и оба были построены одержимым третьей степени, который уже умер. Мы полагаем, что сначала они были созданы субъективно, а потом он взял на себя труд между контактами с Машиной построить их по-настоящему. До своей одержимости это был выдающийся ученый, поэтому мы полагаем, что он с помощью проекции наткнулся на новую идею.

— Что вы можете еще рассказать об этом?

— Очень мало. Двигатели машины опечатаны какой-то субстанцией, которую ничто не берет, поэтому никто не знает, как она работает.

— А как ими управляют?

— Просто думаешь о цели назначения и попадаешь туда. Больше мы ничего не знаем. У иммунных это не действует, но в свете новых знаний мы должны предположить, что исходящая от встроенной в их мозг аппаратуры экранировка как-то блокирует двигатель.

Он, наморщив лоб, кивнул.

— Я никудышный техник, но предполагаю, что мы могли бы покорять звезды, если откроем источник энергии этой машины. У меня такое чувство, что изобретатель случайно наткнулся на какой-то гиперпространственный механизм, но я слишком мало знаю, чтобы с уверенностью утверждать это.

— Вас это как-то непосредственно касается?

— Непосредственно? Вы имеете в виду, лично? Я, право, не знаю, но подобное мгновенное перемещение в пространстве меня привлекает. Помимо того, у меня уже давно странное чувство, что должны произойти какие-то перемены.

— Разве они уже не произошли?

Он вздохнул.

— Возможно. Но сейчас война.

ГЛАВА 23

Она прошла через комнату и присела на подлокотник его кресла.

— Вы сегодня такой серьезный. Кроме того, вы мне так и не сказали, что думаете о нашем телепатическом приборе.

Он покачал головой.

— У меня в голове только превосходные степени... но... удачи вам в вашем большом вкладе в будущее человечества.

— Спасибо.— Она что-то вынула из сумочки.— Вы еще не пробовали этого.

Он выпрямился.

— Попозже, не сейчас.

— Но я думала, что вы и я...— Она нахмурила брови.— Вы не хотите?

— Нет!

— Но я думала, что теперь, когда мы стали хорошими друзьями...

Он резко поднялся, избегая касаться ее.

— Как вам пришла эта идея? — Он сердито отмахнулся.— Если бы я хотел, чтобы кто-то читал мои мысли, то на более прочном основании, чем нежная дружба, понимаете? Если хотите знать, что я чувствую по отношению к вам, то я могу дать намек, но я не хочу обнажать свою душу, чтобы вы могли с наслаждением разобрать ее на части.

Она подняла на него взгляд. Лицо ее побледнело.

— Вы меня ненавидите... Почему? Что я сделала?

Он хрипло рассмеялся.

— Боже милостивый! Все говорят о женской интуиции. Это сказки! Если хотите знать без обиняков: я люблю вас. Я полюбил вас с первой встречи.— Он повернулся на каблуках и пошел к двери.

— Дэвид, пожалуйста, не...

— Избавьте меня от сожаления и сочувствий. Именно этого я не могу терпеть больше всего. — И дверь за ним захлопнулась с щелчком замка.

В лагере иммунных Вельт думал над стоящими проблемами.

— Но откуда задержка, Хубер? Все комплектующие детали готовы, и можно вести сборку.

Красное от природы лицо Хубера покраснело еще сильнее.

— Детали — да, но эти проклятые схемы должны быть обсчитаны и изготовлены. Одна ошибка, маленькое отклонение — и это проклятое оружие станет опаснее для нас, чем для противника. — Он схватил чертеж. — Вот, взгляните на это, но будьте внимательны, чтобы вас не перекосило. Это только спусковой механизм. Если бы мы все еще вынуждены были применять обычные схемы, то прибор с трудом уместился бы в трехэтажном здании. Даже теперь, с использованием микросхем, он все еще размером в рост человека.

— Но, конечно...

Лицо Хубера стало багровым.

— Мистер Вельт, если сможете найти кого-то, кто сделает это быстрее, сделайте это. Если нет — лучше оставьте меня в покое.

Кровь бросилась Вельту в лицо, руки сжались в кулаки, плечи вздернулись вверх, и он стал еще более горбатым, чем обычно. Но прежде чем он успел ответить, зазвенел аварийный сигнал, и на приборном блоке замерцали красные лампочки. На гигантском экране возникло испуганное лицо.

— Мадрид — Центру. Срочно!

Нажатием кнопки были извещены все оборонительные системы.

— Все системы готовы. Пожалуйста, входите.

— Посмотрите на это, — сказал человек с испуганным лицом, совсем не по-военному, и исчез. Вместо него на экране возникло серое безбрежное море. Вельт непонимающе глядел на него, пока не перевел взгляд к горизонту.

У резкой разделительной линии между серым морем и бледно-голубым небом показались бесчисленные черные точки.

Телеобъективы были наведены на резкость, и точки уже больше не были толчками. Пальцы Вельта задрожали. Корабли! Бесчисленные корабли! Кожа на скулах, казалось, невыносимо натянулась, а в желудке он почувствовал холодный тяжелый ком. Боевой флот, морская атака; сомнений не было. Он вспомнил о подобных нападениях в истории — о высадке в Нормандии! Тогда ему было шестнадцать лет, но он отчетливо помнил кинохронику.

Здесь, конечно, есть разница. Он заставил себя поподробнее изучить корабли. Наскоро собранное боевое соединение. Четыре атомных крейсера, построенных, вероятно, в пятом году, семь эс-

минцев того же времени, двадцать или тридцать боевых дизельных катеров и...

Вельту показалось, что его сердце останавливается. Дело было не в кораблях, а в том, что они тащили — ряды военных транспортов.

Он смотрел на них и ощущал почти уважение к этой вторгающейся силе. Это были простые, но огромные пластиковые плиты с прозрачными чехлами. Видимо, их можно было — а так, скорее всего, и было — тысячами изготавливать на конвейере. Самым плохим в этом было то, что они были до отказа набиты войсками и оружием. Лондон, Париж и, возможно, Брюссель и Амстердам должны были стянуть все свои резервы, чтобы собрать такую армию.

Он отчаянно подумал, что весь этот флот, несмотря на свои размеры, представляет собой мишень, в которую невозможно промахнуться. Одна-единственная эскадра древних бомбардировщиков «ланкастеров» или летающих крепостей могла бы уничтожить весь флот. Только... только у него не было «ланкастеров», у него не было ни одного боевого самолета, военного корабля или даже хоть одного ветерана со старым дальнобойным орудием для охраны побережья.

Приборы наблюдения внезапно изменили направление, качнулись назад и вниз, и он увидел окраинный район города, который он называл Испанским Бастионом. Барселону.

Он увидел, как проворные темноволосые люди копали траншеи, устанавливали на крышах старое, но пригодное оружие, строили на улицах баррикады. Женщины и дети строили бункера.

Вот место вторжения! Мысль поразила его с почти оглушающей силой. Эти люди были готовы и способны оборонять город от нападения с суши, в то время как их освободители позади них беспрепятственно устраивали предместное укрепление.

Боже мой, что он может применить против них?

Проекторы ближнего действия, которые из Мадрида не могли облучать город, и его собственные мощные устройства, направленные на Торонто, которые теперь нужно переориентировать на Испанию, установить и отъюстировать, причем можно опасаться, что на таком расстоянии мощность может оказаться недостаточной.

Обычное оружие? Он в отчаянии терзал свое сознание. Было лишь несколько музейных экспонатов, большей частью без важнейших деталей. Один-два древних арсенала с таким же старым и, может быть, ржавым оружием. Несколько старых казарм кое с каким оружием, с которым уже никто не умел обращаться.

Проблемы Вельта только начинались. Несколько часов спустя возбужденный голос сообщил, что канадскую границу перелетели четыре больших воздушных армады.

Менее пяти минут спустя появились проекции в шести американских городах, приведшие к немедленным восстаниям.

Хотя находящиеся там иммунные были подготовлены к мятежу, но им скоро пришлось перейти в оборону. Невозможно было не видеть, что их боевой дух разложился. Они постоянно косились на него, ожидая, не поддержат ли восставших эти воздушные армады.

В Центре иммунных у людей не выдерживали нервы. Потные люди в мундирах орали в микрофоны приказы, которые их начальники тут же отменяли.

Адьютанты, генералы и командиры возбужденно сновали взад-вперед, пока Кол, начальник штаба, не ударил адъютанта и не прорычал тихо, но твердо: — Тихо, вы, мерзавцы!

Шум понемногу улегся, и он злобно огляделся.

— Если вы будете носиться, как истерические девицы, мы можем сдаваться прямо сейчас. Или перерезать себе горло ржавым ножом. Хотя это намного более приятно, чем то, как они будут с нами обращаться, если мы из-за паники немедленно капитулируем без единого выстрела.

Все смолкли, внимательно слушая. В это мгновение они почти любили его. Он был тем, кто взял на себя командование, принял на себя ответственность и сказал им, что они должны делать.

Кол стал офицером еще в мирное время и поэтому имел кое-какой опыт. Его опыт, конечно, не простирался до должности начальника штаба, но до изобретения Машины он был майором.

Каким-то образом, почти чудом, ему удалось создать в этом хаосе порядок.

Только спустя часы ему стало ясно, какими бесполезными были его старания. У него не было никакого оружия, которым он мог бы отразить массированный воздушный налет, у него были только гигантские проекторы, направленные на неподвижные цели, и их нельзя было использовать в данной ситуации. У него было множество переносных проекторов, но и они были бесполезны, поскольку не опускались на высоту ниже тридцати метров, что не было предусмотрено.

Он послал несколько сотен человек осмотреть и обыскать музеи, старые арсеналы и заброшенные казармы в поисках обычного оружия.

Пока поисковые группы были в пути, он рассматривал на экранах воздушные армады. Как и морское нападение, это тоже были наспех сколоченные соединения: древние реактивные машины тащили качающиеся, опасно выглядывшие ряды антигравитационных плотов из пластика. Грузовые самолеты и транспортные машины неопределенного возраста грозили рухнуть в любое мгновение. Многие машины выглядели едва заштопанными. Он обнаружил четыре бомбардировщика постройки пятидесятых годов двадцатого века — три американских и один английский — и какую-то архаичную штуку с пропеллерами, которую вообще не смог идентифици-

ровать. Что же касается технического качества, то все наступательное соединение было похоже на сборище летающих кроватей, на летающую кучу металлолома, но по количеству — Кол почувствовал выступивший на лбу пот — по количеству оно было непобедимо.

Несмотря на свой ужас, он вдруг подумал о Вельте — куда, черт побери, он скрылся? Кол посылал уже десяток человек, чтобы найти его, наложил арест на многие совершенно необходимые системы, чтобы вызвать его, но все без успеха. Вельта нигде не могли найти.

Кол остановился посреди командного пункта и попытался подавить дрожь, охватившую все его тело. Вельт сбежал! Вельт, который мог бы спросить Наивысшего и вернуться с подходящим оружием, если даже не с оружием неограниченно массового поражения.

Их предводитель исчез! Он сбежал и переложил ответственность на своего начальника штаба. Кола охватила жалость к себе, и от этого он почти успокоился. Итак, вот что он получил вместо благодарности! Это была плата за двести лет верной службы. О, Боже, это несправедливо. Чем он заслужил такое?

Приходящие сообщения беспокоили его все больше. Поиски обычного оружия принесли множество бесполезных находок. Двадцать шесть ракет «земля-воздух», все без горючего; восемнадцать без боеголовок, пять без двигателей; семьсот единиц ручного оружия без патронов; спаренное зенитное орудие с четырнадцатью снарядами, но без замка.

Кол уже хотел закрыть лицо ладонями, как вдруг испуганный голос закричал: — Они уже почти здесь!

В это мгновение до его сознания донесся далекий громовой рев, и когда он повернулся к экрану, было уже почти поздно.

Гравитационные плоты отделились от самолетов и спускались на землю на окраинах города. Старые бомбардировщики с ревом кружили в небе — это, несомненно, был конец.

Кол вынул свой револьвер, посмотрел на него и опять спрятал. Патронов все равно не было. Нож? Его передернуло. Может быть, есть какой-нибудь быстродействующий яд, чтобы не чувствовать боли? Такой, чтобы тихо и приятно заснуть. Но внутренне Кол знал, что ему не хватит мужества выбрать такой выход.

ГЛАВА 24

Он снова растерянно посмотрел на экран. Войска, снаряжение, оружие и даже бронированные машины стекали с только что приземлившихся плотов. Бронированных машин было даже очень много; броня состояла большей частью из пластика, но так как у него все равно не было оружия для обороны, она не уступала стали. В лю-

бом случае брони было достаточно, чтобы противостоять выстрелам из старого оружия, которое он приготовил для последней битвы. Последняя битва! Город был окружен по меньшей мере четырьмя дивизиями горящих местью агрессоров, которые, несомненно, используют решительную попытку обороны как повод для резни.

Среди войск перед городом взметнулся огненный фонтан, и что-то черное взлетело в небо, оставляя за собой огненный след.

— Ракеты! — воскликнул Кол и бросился на пол.

Разразилась паника; люди бросались в укрытия или в отчаянии бегали из комнаты в комнату.

Вдруг пол под ними покачнулся. Раздался оглушительный взрыв, одно из окон влетело внутрь. По стенам здания застучали тяжелые осколки, на подоконнике разлетелась цветочная ваза.

После взрыва наступила пугающая тишина, затем издалека с поразительной отчетливостью до них донесся гулкий голос:

— Внимание! Это предупреждение! Единственное предупреждение! Говорит командующий союзнической освободительной армией! Вы окружены, ваше положение безнадежно. У нас достаточно оружия, чтобы полностью разрушить город, и мы сделаем это, если вы не сдадитесь. Вывесьте белые платки из каждого окна в знак безоговорочной капитуляции. Спокойно и мирно выходите на улицу, руки над головой. Сложите свое оружие и проекторы на перекрестках. Наши войска займут все улицы, дома и общественные здания. У вас на размышление 30 минут. Вывешенные белые платки будут считаться знаком, что вы приняли наше требование. Никаких других условий мы не примем.

Стало тихо.

Кол смиренно пожал плечами. Даже если и была альтернатива, он все равно ничего не смог бы сделать. Начали выходить люди. Из каждого окна затрепетало белым: платки, рубахи, простыни.

Кол опустился в кресло и устался на экран.

Охваченный отчаянием, он смотрел на марширующие войска победителей — войска! Сброд свиней! Большая часть в гражданском, увешанные всевозможным оружием. Он наблюдал, как они занимали перекрестки и устанавливали посты. Он видел, как примитивные броневики, грохоча, катили по главным улицам — и вдруг заметил движение позади себя.

Он встал и повернулся.

Перед ним стояли трое мужчин — один в военной форме, двое в гражданском. Позади них появились еще двое в гражданском.

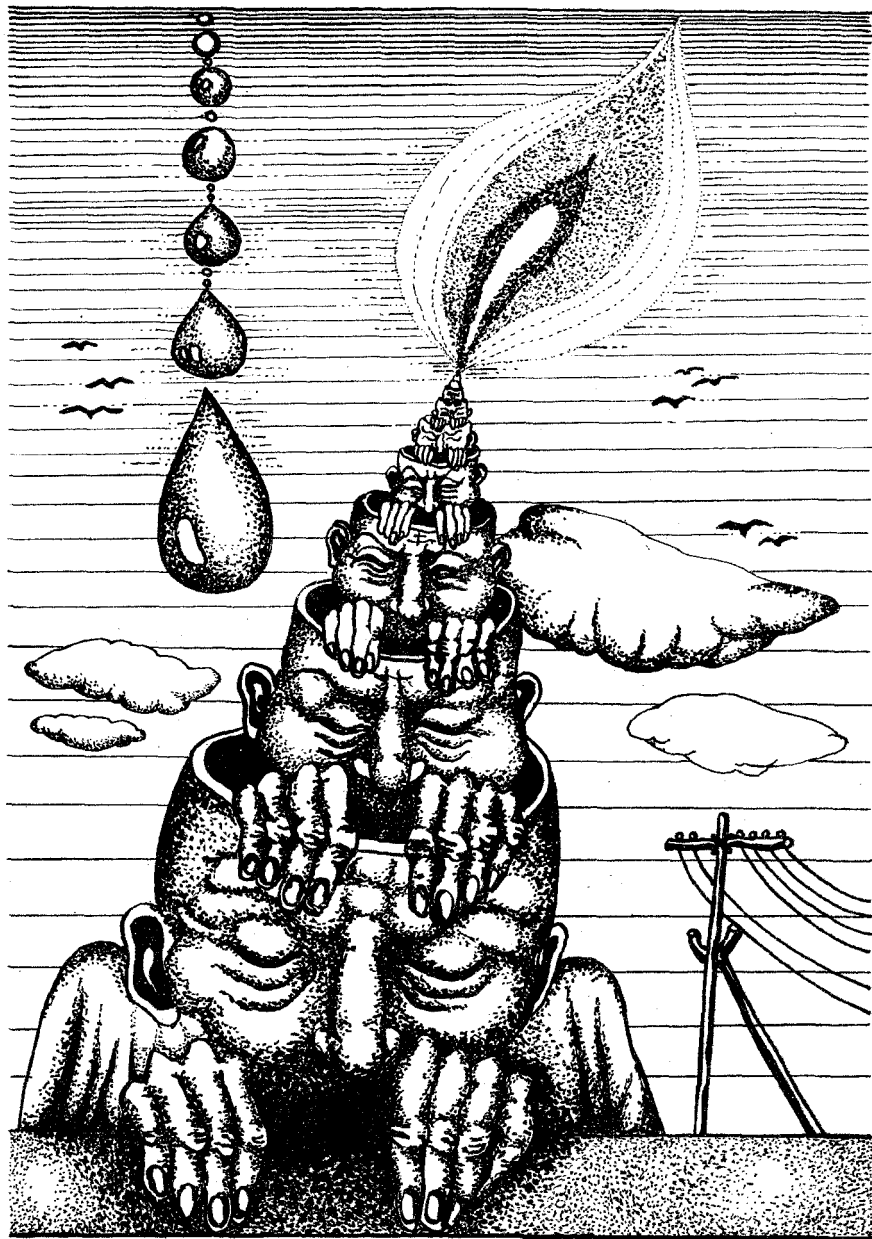
— Вы командующий? — спросил военный.

— Я командовал. — Плечи Кола опустились.

— Где Вельт?

— Не знаю. Он сбежал.

— Вы капитулируете?

— У меня нет ничего, чем я мог бы бороться. Да, я капитулирую. Против такого превосходства войск и оружия ничего не поделаешь.

Один из гражданских закурил трубку.

— Для человека, который прожил двести лет, вы не слишком сообразительны, не так ли?

Кол свирепо посмотрел на него.

— Я вас не понимаю.

— Неужели? — Гражданский вынул из кармана маленький прибор и щелкнул переключателем. — Выгляните в окно.

Кол повиновался. Внутри него что-то сжалось. На улице, испуганные и возбужденные, стояли люди, подняв руки над головой. В окнах трепетали белые платки или обрывки одежды, на всех углах улиц лежали штабеля оружия, но нигде не было видно никаких солдат — вообще не было никаких войск.

Над ними не кружили бомбардировщики, не было никаких броневигов, нигде никаких маневров.

Куривший трубку выпустил в воздух облако дыма.

— Вы думали, что мы слишком глупы, чтобы учиться у вас?

Переключатель на приборе вернулся в прежнее положение, и войска и броневики появились снова.

— Этого не может быть! — сдавленно сказал Кол. — Я иммунный!

— Иммунный против ваших машин — да. У наших ученых есть другие, с другими длинами волн, и против них вы не иммунны. — Он улыбнулся. — Только без глупых мыслей, дружище. Мы все равно можем подавить нашими проекциями любое восстание. Хотя войск в действительности нет, вам не удастся убедить в этом население, и если мы начнем стрелять, наши воображаемые снаряды все равно будут их убивать.

Кол опустил в кресло. Он слишком хорошо знал Машины, чтобы не впадать в заблуждение.

Гражданский снова улыбнулся.

— Если вам интересно, мы завоевали Бостон вмятером. Два американских проекционных техника, американский командующий, мистер Джиллиад и я.

— О, Боже! — отчаянно выпалил Кол, но гражданский, казалось, решил не оставлять его в покое.

— Мадрид мы одолели втроем. Испанский полковник и два техника. Возможно, вы совсем не в настроении признавать, сколько работы скрыто в этих заметках, но я все же расскажу вам. Подумайте, как напряженно нам пришлось вести исследования, чтобы передать вам картины бомбардировщика или дизельного военного корабля. Ни того, ни другого у нас в действительности нет. Потом основательная работа над деталями, создание гигантских, но при-

митивных морского и воздушного флотов, которые мы, если бы вы подумали как следует, никогда в действительности не смогли бы поставить на ноги за такое короткое время. Короче говоря, мой друг, мы победили вас грандиозным блефом. Наши армии выглядели собранными наспех и как попало, а флоты такими примитивными, что вы даже не усомнились в их реальности. И вы поверили, что нам, возможно, удалось создать это в столь короткое время. Вы по-настоящему не задумывались над этим, верно? — Он вынул трубку из рта и сунул ее в карман. — Я даже не представлял себе. — Он прошелся немного вперед и посмотрел на Кола сверху вниз. — Меня зовут Остерли, я представляю секретную службу Онтарио. — Он улыбнулся и опять сунул трубку в зубы. — Мне нужны ответы на многие вопросы.

— Идите вы к черту! — срывающимся голосом выкрикнул Кол.

— Ну, ну... Я уже думал, что вы для начала скажете что-нибудь подобное, но на вашем месте я все-таки подумал бы. Я немного разбираюсь в делах, знаете ли, и притащил с собой всяческие приборы. Мои друзья, кроме того, настаивали на том, чтобы я лично для вас захватил некоторые особые проекции. Это значит, что трус умирает много раз. Для вас я могу устроить примерно двадцать пять смертей, и все чрезвычайно неприятные. — Он прошелся по комнате, наполнил стакан виски и вернулся назад. — Выпейте это, старина. Выпейте и подумайте. Я не хочу причинять вам неприятности. Мирное сотрудничество нравится мне больше. Подумайте! Что вы теряете? Неужели вы верите, что кого-то волнует, будете ли вы разыгрывать отважного героя? Вы уже пропащий человек. Никто не захлопает в ладоши, а мученик, которого не уважают, похож скорее на клоуна, вы не находите? — Он снова наполнил стакан. — А для вас лично это может много значить, Кол. Слово «сотрудничество» в процессе над военными преступниками может составить разницу между смертной казнью и несколькими годами заключения.

Кол побледнел. Он поднял голову и облизал губы.

— Что вы хотите знать? — спросил он.

— Ну вот, это приятнее слышать. — Остерли подтащил стул и вынул из кармана магнитофон. — Теперь без шуток. Мы становимся очень неприветливыми, если нам дают неверную информацию. Что вы знаете о Наивысшем?

— Ничего, клянусь! Знает только Вельт и больше никто. Он уходит, добывает информацию и возвращается назад.

— Куда он уходит?

— Я не знаю. Никто не знает. Многие пытались его выследить, но они никогда не возвращались.

— Где он теперь?

— Бог его знает. Этот мерзавец сбежал.

— У вас есть предположения — куда?

— О, да, это я могу вам сказать.— Он устало поднялся, взял с письменного стола свой блокнот и начал рисовать.— Нужно идти по этой дороге около ста пятидесяти километров. Она заросла, но все еще заметна. Вот здесь маленький холм, а за ним лесок. Больше мы ничего не знаем. Кто-то однажды посылал за ним низколетающий самолет, но он через тридцать километров взорвался. А высоколетающие машины ничего не могут разглядеть, даже с помощью приборов.

Остерли вынул трубку изо рта и посмотрел на Джиллиада.

— Пойдем? По пути поговорим со специалистом.

ГЛАВА 25

Специалистом был худой, ученого вида мужчина с подходящей фамилией Гримм. Он притаил с собой столько карманных приборов, что с ними можно было открыть лавку.

У маленького леска, обозначенного на рисунке, он начал вынимать их один за другим и, наморщив лоб, проверять.

— Вы знаете, что искать? — с сомнением спросил Остерли.

— Нет, но буду знать, если увижу.— Он слабо улыбнулся.— Это не так глупо, как кажется поначалу. Я был в Нью-Йорке специалистом по электронике, в первую очередь, по робототехнике, но это широкая область. Невозможно ничего поделывать, если не найдешь слабое место. Даже с преломляющим полем.

— С преломляющим полем?

— Отражение света. Что бы там ни было, он должен это прятать. И вряд ли это естественное укрытие.

— Вы считаете, что он сделал это невидимым?

— Можно выразиться и так.— Он вынул другой прибор, посмотрел на него и опять спрятал.— Отрицательно. Возьмем другой...— После короткой паузы он обрадованно сказал: — Ну, вот! — Он осторожно положил прибор на землю и вынул другой.— Ах, там у нас... преломляющее поле!

— Где?

— От тридцати до сорока километров. Если мы нацелимся на то дерево на горизонте, то это будет почти верное направление.

Они забрались в расхлябанный, почти столетнего возраста турбо-джип, который все же был отремонтирован и снабжен новыми пластиковыми шинами. Машина стонала, скрипела и издавала почти человеческие протестующие звуки, когда они затряслись по неровной дороге.

— Нам нужно будет останавливаться каждые два километра, чтобы я мог провести измерения,— сказал Гримм.

— Это необходимо?

— Дело вкуса. Как вы сами говорили, уже многие люди ходили за Вельтом, и никто не вернулся. У меня нет большого желания разделить их судьбу. Здесь можно думать двояко: или этот странный «Наивысший» очень неприветлив, когда к нему подходят слишком близко, или наш друг Вельт понастроил препятствий. Я надеюсь, что все-таки последнее. Препятствия можно выследить.

Остерли положил ему руку на плечо.

— С этой минуты командуете вы.— Ему этот худой колючий человек казался симпатичным. Очевидно, его нельзя было вывести из равновесия.

Через два километра они остановились, и Гримм снова проверил свои приборы.

— Немного усложняется. Внутри преломляющего поля находится второй источник энергии. Бог его знает, что это, но у него такая мощность, что ее хватило бы расплавить земную кору. Мне бы очень не хотелось заниматься этим слишком вплотную.— Он посмотрел на другой прибор.— А теперь поосторожнее, будем останавливаться через каждый километр. Я ощущаю повсюду самые необычные реакции.

Они поехали дальше, но отрезки пути становились все короче, а остановки — длительнее. Наконец, Гримм достал большой блокнот и начал рисовать.

Закончив, он насупил брови и сказал: — Это мне не очень нравится.— Он показал им рисунок.— Круг в центре — это, предположительно, то, что мы ищем. Оно скрыто преломляющим полем, так что мы можем только гадать. Как видите, оно окружено равнинной местностью. Маленькие точки, что я нарисовал, исходят примерно от пятой части сигналов, что я поймал.

— Сигналов?

— Судя по тому, что принимают мои приборы, речь идет, вероятно, об электронном оружии.

— Но как же проходил Вельт?

— Если это электронное оружие, то он настроил его на себя, то есть, оружие узнает его и не срабатывает при его появлении. Джиллиад посмотрел через плечо Остерли.

— А что это за штриховка на рисунке?

Гримм пожал плечами.

— Минные поля,— сказал он недовольно.

— И никакой возможности пройти?

— Ну, если бы мы могли подождать несколько лет. Если я не слишком ошибаюсь, поля структурированы и иницированы. Это значит, что сквозь них наощупь не пройти. Даже если, предположим, обезвредить шесть мин, то еще две могут взорваться поблизости, как только возьмешься за седьмую. Чтобы очистить это поле, нужно не просто вынуть все мины, но вынуть в строго определен-

ной последовательности. Это было бы примерно так же, как наощупь определить комбинацию сейфа — с дополнительной опасностью взлететь на воздух, если при первой попытке числа окажутся неверными.

— Но Вельт как-то же должен был проходить, — сказал Джиллиад.

— Верно, но он был достаточно умен, чтобы не ходить одной дорожкой слишком часто и не оставлять следов.

— Мы могли бы поискать.

— С удовольствием, но под моим присмотром. Ближайшее минное поле примерно в ста шагах.

Они повернули под прямым углом направо и медленно поехали дальше. Один раз им попался разорванный в клочья корпус, который когда-то должен был быть автомобилем; потом самолет. Фюзеляж был разодран и порос мхом, но контуры были отчетливо видны. Он воткнулся носом в землю и был похож на сломанную стрелу.

— Стоп! — вдруг сказал Гримм и раскинул руки. — Посмотрите на траву вон там — ему можно было быть похитрее.

— Я вас не понимаю.

— Трава чуть зеленее. Почему участок в два метра шириной и около пятисот метров длиной должен отличаться от окружающего?

— Может быть, подземные воды...

— Может быть, и так, а может быть, и нет. Возможно, там что-то выходит, если эта площадь немного использовалась. Что-то, что увлажняет и рассеивает новые семена, понимаете... один из этих маленьких роботов-садовников, которые раньше применялись в общественных парках.

— Вы так считаете?

— Не подкалывайте меня, мистер Остерли. Я только сказал, что это возможно. — Он вынул один из своих приборов. — Оттуда идут сигналы, снизу, справа и слева, сконцентрированные от основного пункта. Да, вообще-то это вполне возможно.

— И куда мы теперь поедем?

— Во всяком случае, не вдоль. Никому не будет никакой пользы, если на землю опустится наш пепел.

Джиллиад выключил двигатель.

— Что будем делать? Просто сидеть здесь?

— Да, пока что-нибудь не придет в голову.

Джиллиад свирепо посмотрел на него. В последнее время жизнь казалась ему пустой и неинтересной. Вещи, которые когда-то имели смысл и значение, казались пустыми и никчемными. Боже милостивый, они могут сидеть здесь вечно, притащить сюда целый арсенал приборов и все равно не продвинуться ни на шаг. Если кто-то что-то предпримет, то остальные, по крайней мере, получают

указание, которое, возможно, чем-то поможет остальным. Предположим, он проползет по-пластунски по этой тропинке, приготовившись к оборонительной силе автоматических орудий. Благодаря своей сверхбыстрой реакции он, возможно, сумеет вовремя откатиться. Но зато одно орудие, по крайней мере, выйдет из строя.

Джиллиад понимал, что шанс остаться в живых был мизерным, но тупая злоба в нём перевешивала инстинктивную сдержанность. Время, когда в нем по-настоящему нуждались, прошло, и кроме того, было еще что-то, еще кто-то... он избегал об этом думать...

И потом — что значит его смерть? Некоторые волнения, несколько ужаснувшихся свидетелей... кому до этого есть дело?

«Мне, — сказал в нем какой-то голос. — Мне это безразлично, так как я тоже люблю тебя. Что ты этим докажешь?»

Он застыл. Телепатический прибор, вдруг подумал он. Где эта проклятая штука?

«Пожалуйста, Дэйв, не ищи его. Ты говорил о том, что не хочешь выворачивать свою душу — так взгляни в мою, пожалуйста».

Он почти с гневом осознал, что его мышление приспособилось, но вдруг был увлечен неожиданным чувством. Она так любила его!

«Любимая, я не знал этого».

«Я тоже, пока ты не убежал».

Он почувствовал тепло, нежность и некоторую подавленность. Потом: «У вас какие-то затруднения?»

«Еще бы!»

«Я могу вам помочь?»

«А разве ты сможешь?»

«Надеюсь. Мы здесь говорили об этом, и у Кейслера появилась новая идея. Наивысший, кажется, немного сделал, чтобы помочь Вельту. Мы полагаем, он нейтрален».

«И?»

«Кейслер предлагает, чтобы ты помимо Вельта попытался связаться прямо с Наивысшим. Это значит, попытаться с помощью усилителя, если он у вас есть, вызвать его прямо с того места, где ты находишься».

Джиллиад непроизвольно кивнул и повернулся к Гримму.

— У вас есть усилитель?

— Что за усилитель? Зачем он вам?

Джиллиад объяснил, что он услышал, и Гримм тотчас же кивнул.

— С собой нет, но достаточно деталей, чтобы собрать. Это должен быть вполне определенный усилитель, иначе он не будет работать в преломляющем поле. Дайте мне пятнадцать минут времени.

Пока он работал, Джиллиад задумчиво смотрел на Остерли.

— У меня уже было странное чувство, когда вы настояли на том, чтобы я одел свой самый толстый пиджак. Вы, вероятно, знали, что в нем установлен телепатический прибор.

Остерли ухмыльнулся.

— Я и есть тот самый старый сводник,— сказал он.

Джиллиад попытался сделать злое лицо, но у него ничего не получилось.

— Ну, хорошо, вы победили. Большое спасибо.— А внутренне он сказал: «Не сейчас, дорогая, иначе мне будет слишком жарко».

«Ты этого не любишь?»

«Да нет, ты знаешь, но я слишком далеко, чтобы суметь что-то сделать».

«Чтобы показать тебе, что я чувствую в действительности, я оставляю тебя в покое — но только еще минуточку».

Через несколько секунд Джиллиад покраснел, но ослепительно улыбнулся.

— Готово.— Гримм что-то протянул ему.— Нажмите на кнопку и говорите.

Джиллиад взял микрофон размером с карандаш и поднес его к губам. Он не имел никакого представления, что ему говорить, он не придумывал никакой речи, но ему показалось логичным говорить нормально.

— Говорит Дэвид Джиллиад. Я обращаюсь к существу или группе существ, которые известны мне, как Наивысший... Вы понимаете меня?

— Да, я понимаю.— Голос, нейтральный и спокойный, возник, казалось, рядом с ним прямо из воздуха, и Джиллиад вздрогнул.

— Вы знаете меня?

— Я знаю тебя. Ты Дэвид Джиллиад, восприимчиво-резистентный, и как таковой ответственный за восстание.

— Какую роль вы играете?

— Никакой. Я нейтрален.

— Вы прячете Вельта.

— Я сообщаю: Вельт искал убежища в этой местности. Я его не прятал.

ГЛАВА 26

Вельт вскочил.

— Ты меня предал!

— Я не принимал на себя обязанности прятать тебя. Ты попросил разрешения остаться здесь, и я тебе позволил.

Вельт начал сыпать проклятиями. Лицо его заливал пот.

Издали донесся голос Джиллиада: — Ты дал Машину Желаний.

— Это не совсем так. Она была построена по указаниям, которые я давал для менее глобальных целей.

— Но ты знал, что ее могут переделать?

— Техническая информация нейтральна. Она созидает и разрушает не сама по себе, а в соответствии с манипуляциями владельца.

Джиллиад злобно уставился на микрофон в руке, когда до его сознания медленно дошло, что он смог это сделать со своим превосходящим человеческий интеллект.

— Я должен сделать вывод, что ты давал техническую информацию без оглядки на то, кто ее требует?

— Правильно.

— Боже мой, ты мог бы дать иммунным оружие, которым они уничтожили бы все человечество!

— Это предложение поступало, но с оговоркой, что тогда погибнут и они сами.

Джиллиад тихо выругался.

— Какой именно цели ты служишь... что ты делаешь?

— Я ничего не делаю. Моя задача в том, чтобы давать техническую информацию вне зависимости от того, кто ее требует, и так же вне зависимости от того, для какой цели будет использована эта информация.

Джиллиад сдерживал желание расцарапать себе голову. Он знал, что это превосходит возможности его разума. Наконец — почти самому себе — он сказал: — Этому должна быть причина.

— Конечно, причина есть.

— Тогда я охотно узнал бы ее.

— Хорошо, но тогда дай волю своей фантазии. Я представляю разум такой высокой ступени развития, что было бы бессмысленным это объяснять. Его возраст по вашим масштабам бесконечен; для него прошедшие миллионы лет — как мгновение; он наблюдает рождение и смерть звезд, исчезновение галактик, как вы смену времен года. Но превыше всего стоит его абсолютное сочувствие ко всякому живому разуму. — Голос сделал паузу и продолжал: — Вселенная, опять же по вашим масштабам, бесконечна. Я могу вас заверить, что вы с вашей планеты даже с помощью сложнейших приборов можете видеть лишь такую ничтожную частичку ее, что она почти не существует, если сравнивать ее с истинной неизмеримостью всего остального. Подумайте об этом, если я вам скажу, что бесчисленные разумные существа возникают каждое мгновение, и каждую секунду цивилизации, подобные вашей, достигают критического периода своего развития. Эти критические периоды можно сравнить с переходом из состояния куколки в бабочку, но они бесконечно опаснее. Как только культура достигает этой стадии, она оказывается между зрелостью и вечностью. Если я вам скажу, что до настоящего времени из двадцати миллионов культур этой стадии достигли только две; вы получите представление о степени опасности. Вы сами встали на край пропасти, угрожая себе войной,

смертельно опасным оружием и финансовым крахом. Многие цивилизации в такие критические мгновения исчезали навсегда. Поэтому нужно было что-то делать, но не вмешиваясь активно в свободный рост культур, и после множества экспериментов этот метод сочли удачным. Со времени его применения соотношение двадцать миллионов к двум изменилось. Теперь шанс на выживание составляет девяносто процентов. — Голос умолк.

Джиллиад сглотнул и беспомощно посмотрел на своих спутников.

— Но как? — наконец спросил он бесцветным голосом.

— Введение прогрессивных технологий дает растущим культурам направляющую линию. Как используются эти технологии — безразлично. Культура в этой стадии интровертирует, она должна отвлечься сама от себя.

— Но... Боже, мы почти триста лет были поработаны. Погибли миллионы людей.

— Это правда, но это могло случиться со всем человечеством. Абсолютное сочувствие должно — чтобы быть успешным — сочетаться с абсолютной безжалостностью или, во всяком случае, создавать впечатление, что оно безжалостно. Вы не можете принимать во внимание каждую личную трагедию, если на карту поставлена жизнь всей культуры.

К микрофону наклонился Остерли.

— Но даже невзирая на это, мы не слишком много выиграли, верно?

— В тебе говорят чувства, а не разум. Вы уже открыли совершенно новые области психиатрии и вступили на неисследованные земли в отношении изучения человеческой души. Вы без моей помощи создали телепатический прибор, который навеки устранил недоразумения между расами и индивидуумами. У вас есть механизм, который вы называете «субджо» и функции которого я могу вам объяснить. Этот механизм, если довести его до завершения, станет для вас не только почти даровым транспортом, но и даст вам звезды.

— Но у нас еще свыше миллиона иммунных, — гневно сказал Джиллиад. — Миллионы врагов человечества.

— Я сообщаю: у вас 1280605 душевнобольных, за которых вы несете ответственность.

Джиллиада это глубоко поразило. Это была совершенно новая точка зрения на проблему, и он, несмотря на свой гнев, сумел почувствовать правду. Содержащееся в объяснении неодобрение усиливало ощущение правдивости.

— Они излечимы?

— Да, их можно вылечить, но с точки зрения вашего уровня развития, может быть, даже хорошо, что лечение неприятно. Поэто-

му оно может быть приведено в согласие с точки зрения как правосудия, так и наказания. Вашим пациентам с помощью проекций будет внушено, что они восприимчивые. Нужно убедить их в том, что они одержимые, и их власть все эти столетия была лишь субъективной. Только тогда они будут поддаваться лечению, которое вы знаете, и выйдут из него душевно здоровыми и полноправными существами.

Джиллиад слепо уставился на кажущийся пустым ландшафт — растерянный и опустошенный.

— Что ты такое?

— Я прибор. Один из многих. Мы придерживаемся опробованного метода, безразлично, какая бы форма жизни ни достигла критического уровня. Мы приземляемся ненаблюдаемыми и незамеченными — конечно, у нас есть развитая техника для обмана следящих систем. После посадки мы включаемся в системы коммуникации культуры и изучаем языки. Мы осваиваемся с политикой, историей, привычками, традициями и составляем всеобъемлющий психологический профиль всей культуры.

После этого мы готовы к первому контакту, и мы приспособливаем наше внешнее проявление к психическому развитию соответствующего жителя планеты, которого мы себе выискиваем.

— Все звучит очень красиво,— мрачно сказал Гримм.— Но если так, как мне все это видится, вы можете, выдавая любую требуемую информацию, дать и инструмент для уничтожения планеты. Вы можете сунуть в руки безумному атомную бомбу.

— Могу вас заверить, что наши расчеты дают однозначные результаты. Если культура уничтожит себя с помощью выданной нами информации, то это случилось бы, без сомнения, и без нашего вмешательства.

— Как нам приблизиться к тебе? — спросил Остерли.

— Самым простым и быстрым решением было бы взорвать все минные поля. Взрыв не только уничтожит все автоматическое оружие, но и устранил преломляющее поле. Я могу предложить простой прибор, который заставит сдетонировать все мины одновременно и может быть собран прямо здесь.

— Но ведь ты сам находишься внутри,— сказал Гримм.

— Я достаточно прочен, чтобы выдержать атомное нападение. Поэтому совершенно невероятно, чтобы химическая взрывчатка как-то коснулась меня.

— Так как ты сам обратил внимание на нашу ответственность, то у меня появился вопрос,— грубо сказал Джиллиад.— Что с Вельтом? Мы не имеем права взорвать его, как бы мы ни желали этого.

— Я защищу вашего пациента. Сейчас он спит.

— Давайте взорвем, наконец, дурацкие минные поля,— воск-

ликнул Гримм.— Мне хочется поскорее все увидеть. Дайте, пожалуйста, информацию.

— Хорошо. Сначала тебе понадобится трубка Лома, что в твоём правом кармане...

Пока Гримм собирал свой прибор и делал записи, Джиллиад вызвал Центр.

— Ты все знаешь, дорогая?

— Все и более того. Кейслер уже в пути.

— Кейслер?

— Кейслер и один из проекционных техников. Вельт будет нашим первым пациентом.

Вдруг Джиллиаду показалось, будто ее мягкие руки обняли его за шею.

«Скорее возвращайся, родной».

Джиллиад опять покраснел.

— Готово,— сказал Гримм.— А теперь отойдем на безопасное расстояние. Хотя наш друг и может пренебрежительно говорить о химической взрывчатке, но многие тысячи тонн фосодиолина наделают шума побольше, чем горсть кукурузных хлопьев.

Но еще до того, как они отошли на безопасное расстояние, рядом с ними приземлился самолет, принадлежавший раньше, очевидно, иммунным.

Из него вылез Кейслер в сопровождении техника, несущего приборы. Оба залезли в джип, а самолет снова улетел.

— Доброе утро, доктор,— ворчливо сказал Остерли.

Кейслер выглядел подавленным.

— Ну, ладно, у нас есть социальная совесть. Вы это знаете, я это знаю, каждый это знает.

На нас взвалили ответственность, и мы каким-то образом — Бог знает когда — выросли настолько, что будто бы можем ее вынести.

Остерли медленно набил трубку.

— Миллион с четвертью больных иммунных, и мы должны их вылечить. Наша совесть — единственное напоминание, но я, как и вы, не собираюсь отказываться от этого.

— По крайней мере, мы будем придерживаться медицинских и психиатрических методов,— грубовато сказал Кейслер и похлопал по прибору рядом с собой.— Собственно, мне должно быть их жаль, так как мы должны будем устроить им жаркое пекло, и им придется глотать свое собственное лекарство, но мне их вовсе не жаль. Напротив, я буду наслаждаться этим и говорить себе, что все им только на пользу. В связи с теперешними обстоятельствами о преследованиях и казнях нечего и думать, но — если быть совсем честным — это доставит мне удовольствие. Я думаю, вы согласитесь со мной: другого они они не заслужили.

ГЛАВА 27

Подъехав к низинке за небольшим холмом, они остановились.
— Здесь мы должны быть за пределами опасной зоны, я надеюсь.— И Grimm лег на землю.— Все готовы?

Остальные уже лежали рядом с ним и лишь молча кивнули.

— Хорошо. Втянуть головы! — И он нажал кнопку.

Блеснула ослепительная красная вспышка; земля подпрыгнула вверх, опустилась и вскинулась снова. У них перехватило дыхание; не успели они прийти в себя, как над ними пронесся ураган, все заволокло черным едким дымом, и на них посыпался дождь комьев земли.

— Не шевелиться! — крикнул Grimm.

Совет был своевременным. Мгновение спустя рядом с ними рухнул гигантский ствол дерева, сопровождаемый камнями, сучьями, комьями земли и обломками дерева.

Через несколько минут Grimm осторожно сел.

— Все нормально.

Они отряхнули землю и мусор и встали. Никто не обращал внимания на опустошенную землю. Никто не разглядывал долину, которой до этого не было, черную долину, засыпанную еще дымящейся землей. Все с почти суеверным ужасом смотрели на штуку в центре долины.

— Боже мой! — прошептал техник.— Что это?

Ему никто не ответил. У Джиллиада было странное ощущение, будто его глаза крепко ввинтили в голову. Внутренне он повторил слова техника, и если у него раньше и были какие-то сомнения, сейчас они улетучились.

Он старался понять, почему они так странно себя вели, так как то, что он там увидел, не было необычным ни по цвету, ни по форме.

Оно было темно-зеленым, но со странно переливающимся блеском. Формой оно напоминало вертикально поставленный гроб, расширяющийся кверху. «Гроб» был высотой около пятидесяти метров и возвышался над всем ландшафтом.

В нем не было ни углов, ни острых граней, ни антенн. Может, это космический корабль?

Джиллиад все еще искал причину своего страха и вдруг понял. Она была не в высоте. В бесчисленных городах были здания высотой более 250 метров. Причина была даже не в цвете. Но эта штука каким-то образом, массивованно и пугающе, излучала власть. Ему хорошо было понятно, почему это скрывалось за невинным фасадом. Взгляд на реальную внешность, и все вооруженные силы мира попытались бы уничтожить его.

Джиллиад чувствовал себя не только испуганным, но и подавленным. Это излучение чудовищной власти побуждало его заползти

в нору, спрятаться. Неудивительно, что Вельт назвал его Наивысшим.

Трясущимися руками он поднес к губам микрофон.

— Как долго ты собираешься оставаться здесь? — Он просто не хотел жить в одном мире с этой штукой.

— Мое задание почти выполнено. Самое большее — неделю.

— Дайте сюда! — Гримм вырвал микрофон из руки Джиллиада и резко спросил: — Кто ты, черт побери?

— Я уже говорил — прибор.

— А нельзя точнее?

— Ну... — Нейтральный голос звучал почти успокаивающе. — Ну, чтобы не слишком утомлять вашу фантазию, можно назвать меня, например, роботом...

Вельт проснулся, не подозревая, что положение за это время совершенно изменилось. Он протер глаза и спросил себя, почему он сидит на стуле. И свет уже не был таким ярким.

Он еще раз недоверчиво огляделся. Небольшая комната, почти ячейка, с серыми, нераскрашенными стенами, пластмассовый стул, стол. Он уже видел такие ячейки — в подземных туннелях больших городов. Это была жилая ячейка, это... он застыл. На пластиковом столе, прямо перед ним, стояла Машина Желаний.

Хотя призматическая трубка уже не была раскалена, все же было видно, что Машина совсем недавно была в употреблении.

Вельт почувствовал, как напряглись мышцы, почувствовал пустоту и панику. Куда подевались свет и Наивысший? Как он попал сюда? Где...

В это мгновение дверь распахнулась, и в ячейку вошли двое мужчин. На них была знакомая ярко-алая униформа, а лица казались пугающими.

Один из них взял Машину и схватил его за плечо.

— Идем с нами!

Вельт отрешенно уставился на него.

— Как?

— Не представляйся дураком, дружище, ты знаешь наказание за Машину. Ты ведь уже часто видел М-полицию. Ты арестован. — Они выволокли его из ячейки к ожидающему автомобилю. Машина тронулась так резко, что он едва не упал и выругался:

— Вы с ума сошли? Я иммунный. Я величайший иммунный — Я Джин Вельт.

Они непонимающе и с некоторым отвращением посмотрели на него.

— Тихо!

Вельт почувствовал, как в висках застучала кровь. И он погрозил им кулаком.

— Вас сожгут за это, идиоты!

Один из полицейских дал ему оплеуху.

Вельт пошатнулся и закричал:

— Вы меня совсем не поняли! Я иммунный. Я Вельт, руководитель иммунных!

Они поглядели на него, пожимая плечами.

— Кто такой Вельт?

— И для меня это новость. Всякий раз что-то новенькое, верно?

Вельт больше не проронил ни слова и сжал кулаки.

— Вы еще поплатитесь за это! — выпалил он наконец.

— Оставь это для суда, дружок.

Потом автомобиль остановился, и его повели к большому зданию. Его ввели в длинную, ярко освещенную комнату, где за полированным столом сидели трое мужчин в белых халатах.

Один из полицейских что-то им передал.

— Его бумаги, доктор Стид.

Стид коротко взглянул на них и отложил. — Принесите ему стул. — Он подождал, пока принесут стул, а потом добавил: — Садитесь!

Кровь бросилась Вельту в лицо.

— А теперь послушайте меня. Я советую вам...

— Доктор сказал, садитесь. — Кто-то вдавил его в стул.

— Прежде чем мы начнем, надо устранить недоразумения. — Доктор Стид неприятно улыбнулся. — Возможно, позднее мы займемся вашей историей и вашими утверждениями. Но сейчас вам лучше ответить на вопросы, которые задаст трибунал. Я не собираюсь долго ходить вокруг да около. Если вы не сделаете этого, получите взбучку. Вы меня поняли?

— Я... — Вельт вдруг замолк, заметив, как один из полицейских в красном встал рядом с ним. В руках у него была резиновая дубинка, и он угрожающе ею помахивал.

— Да, сэр, — сказал Вельт скромно.

— Хорошо... Ваше имя?

— Вельт... Джин Вельт.

Доктор взял бумаги.

— Это ваш почерк?

— Да, сэр.

— Может быть, вы посмотрите на подпись?

Вельт открыл рот и, казалось, задохнулся. Как они это нашли?

— Ну?

— Дж... Джордж Меррис... сэр.

— Вы не отрицаете, что это ваше настоящее имя?

— Н-нет, сэр.

— Вы изменили его?

— Да.

— Джордж Меррис, вы были пойманы на том, что пользовались Машиной Желаний. Вы можете к этому что-то добавить?

— Я не могу пользоваться Машиной, сэр. Я иммунный.

Доктор Сид вздохнул.

— Меррис, вы могли бы от счастья сказать, что смертная казнь недавно отменена, но и теперь перед вами долгое и утомительное лечение. Какое у нас сегодня число?

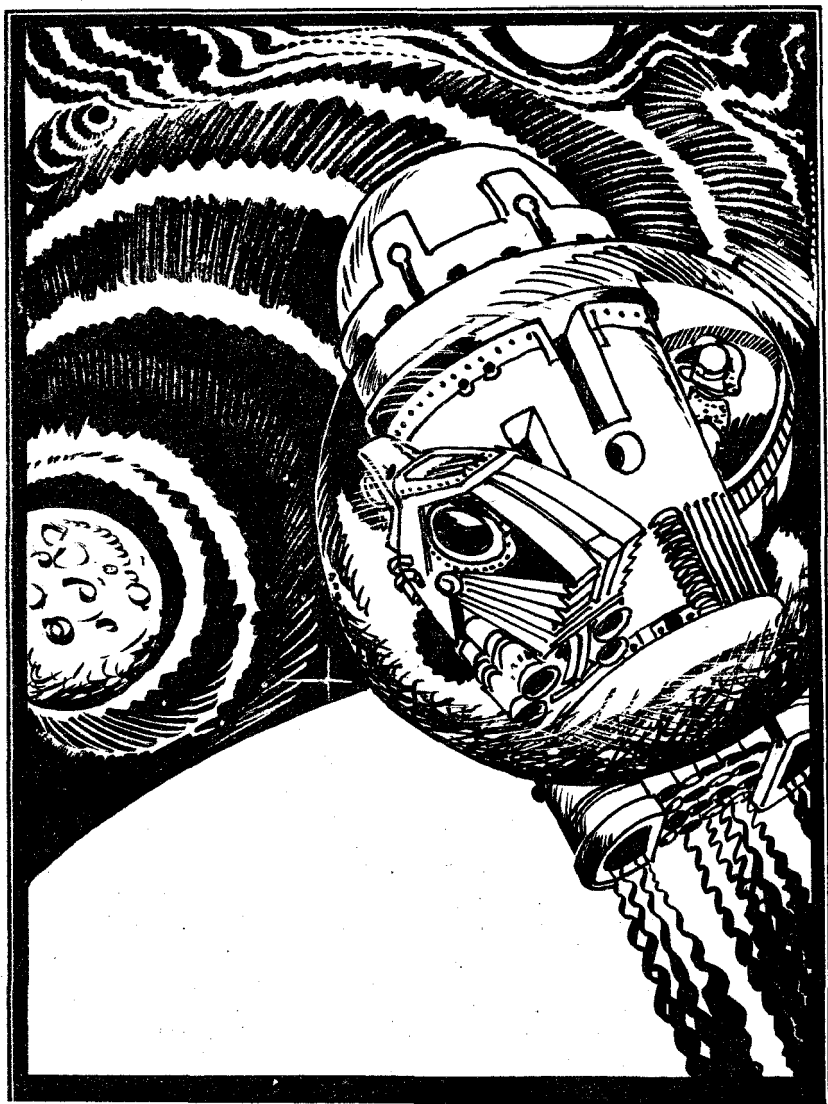
— Число? — Вельт подумал и назвал.

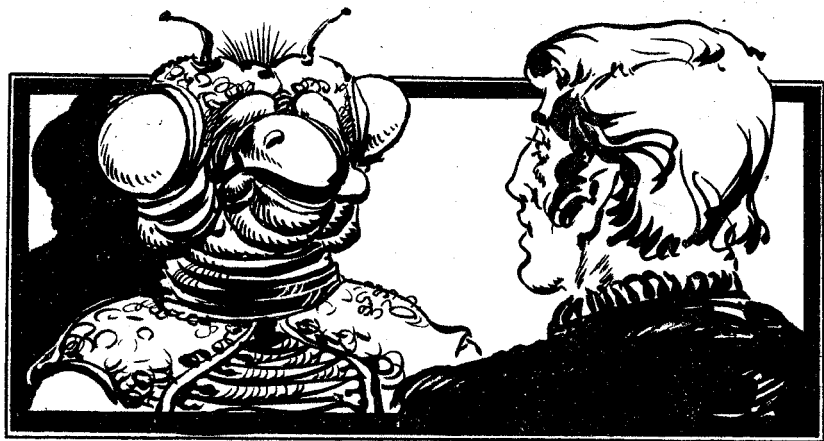
— Позади вас висит календарь. Взгляните на него. Как вы объясните разницу в год, два месяца и три дня? И вы все еще оспариваете, что использовали Машину?

— Я... я... — Вельт почти задушил в себе ответ. Где же он был больше четырнадцати месяцев?

Остерли в своем бюро курил трубку. Джиллиад был у Ванессы в ее бунгало, но Вельт ничего об этом не знал — он уже начинал спрашивать себя, существовали ли они вообще...

Фрэнк Ридли
ЗЕЛЕНАЯ МАШИНА

НЕОБЫЧАЙНЫЙ РАССКАЗ

— Открытия, создающие эпоху в науке, обычно не совпадают со временем научных съездов, — сказал мой друг Вильсон, нетерпеливо наливая себе виски с содовой. — Официальные собрания жрецов науки, право, никому не нужны. Присутствующие на них седовласые профессора не перестают нас уверять, что еще в дни их юности наука вступила в новую эру: почтенный вид этих жрецов внушает доверие — и нам начинает казаться, будто эта новая эра действительно наступила. Но как только мы освобождаемся от непосредственного влияния этих профессоров, мы замечаем, что над нами та же ветхая крыша, которая защищала от непогоды десятки прошлых научных съездов. Без сомнения, в летописи сенсационных достижений науки работам этих ученых парламентов будет отведено скромное место.

Мы с Вильсоном сидели на балконе клуба, глядя на Пикадилли, кипевший суетливой жизнью. Замечания моего друга были вызваны напыщенной и патетической до тошноты речью профессора Альберта Брауна, открывшего первое заседание съезда биологов.

Этот профессор стяжал мировую известность своими исследованиями в области биологии, особенно же поисками «недостающего звена», результатом которых явилась его знаменитая теория «полярного происхождения человека». К сожалению, профессор не обладал красноречием Демосфена, и его проникнутая крайним догматизмом речь была весьма утомительна, особенно в душном зале в жаркий июльский полдень. В конце концов доведенный до бешенства Вильсон покинул зал, и друзья с трудом отговорили его от намерения написать негодующее письмо в научные журналы о на-

учных съездах вообще и о выступавшем профессоре в частности.

Мой друг был до такой степени охвачен этим намерением, что, пока мы шли по парку, направляясь домой, он то и дело угощал меня выдержками из своего воображаемого послания. Он уподоблял съезд церковному собору, а знаменитого профессора — римскому папе, напыщенному, непомерно тщеславному и самодовольному. Такого рода сравнение приобретало в устах Вильсона характер смертного приговора. Всякий знает, что Вильсон, имеющий мировое научное имя биолога, знаменит так же, как талантливейший журналист. Что же касается научной знаменитости Вильсона, то достаточно будет напомнить о его капитальном труде: «О морских родичах галапагосской черепахи», создавшем действительно новую эру в области биологии моря.

Должен сказать, что я почувствовал значительное облегчение, когда мне удалось уговорить разгневанного Вильсона зайти со мной в клуб. Я рассчитывал успокоить бушевавшие в нем страсти соответствующими прохладительными напитками и надеялся, что роскошный вид, открывавшийся с балкона на парк Сент-Джеймс, подействует на него тоже успокоительно. К тому же мне хотелось узнать об изысканиях, проводившихся Вильсоном в тропических областях в течение пяти лет, пока мы были с ним в разлуке. Время тянулось для меня медленно в серой будничной работе. Мне приходилось читать зоологию, строго придерживаясь рамок, установленных университетской программой. Для Вильсона же, полагаю, среди коралловых лагун Тихого океана годы пролетели достаточно быстро.

Уютная обстановка клуба благотворно подействовала на моего друга. Однако его мрачное настроение еще не прошло, и он то и дело возвращался к волновавшей его теме.

— Много я за свою жизнь перевидел научных съездов, но мне довелось слышать только одну сенсационную речь, — сказал он. — До сих пор не знаю, что о ней и думать. — Он замолчал и погрузился в раздумье, медленно потягивая виски. — Вы знаете Джинкса? — внезапно спросил он меня.

— Конечно, — отвечал я. — Всякий, кто видел Джинкса, никогда его не забудет.

Я знал Джинкса еще в университете, а впоследствии мы с ним вместе работали в отделе зоологических ископаемых в Кенсингтоне. Хотя я не видал Джинкса уже много лет, его образ с поразительной ясностью внезапно встал перед моими глазами: высокий бледный лоб, густые лохматые брови, тонкое, гибкое, жилистое тело. С первого взгляда нельзя было догадаться о железной, почти сверхчеловеческой выносливости этого человека. Особенно замечательны были его глаза — темные, быстрые, пронизывающие. Они то дерзко пылали, пытаясь проникнуть в тайны вселенной, то заволакивались думой; взор потухал, обращался куда-то вдаль, витая в темных глу-

бинах, купаясь в затаенных озерах мысли. Это были глаза мечтателя-поэта и, вместе с тем, человека дела. Крупная, прекрасно сформированная голова указывала на необычайное развитие мыслительных способностей. Джинкс обладал своеобразной внешностью, весьма гармонизировавшей с его внутренним содержанием. Мощный, гибкий ум и железное здоровье, казалось, делали для него доступным невозможное. Единственным его минусом был тяжелый характер: Джинкс был неисправимым эгоистом; зачатки гениальности сочетались в нем с невыносимым нравом.

Я начал с любопытством расспрашивать Вильсона о Джинксе: с тех пор, как тот покинул Англию, я потерял его из виду.

— Никогда не встречал я человека подобного ему, — прибавил я вполне искренно и с легким оттенком иронии.

— Да никогда и не встретите такого, — сказал Вильсон.

Он сидел, откинувшись в кресле, и задумчиво смотрел в открытое окно на парк, где опускались длинные вечерние тени.

— Да, милый друг, — продолжал он, — обладай я дарованиями этого человека, я двигал бы горами. Но как бы там ни было, теперь он конченный человек. Кровь закипает, как подумаешь об этом! Джинкс обладает изобразительным гением Леонардо да Винчи, научной фантазией Жюль Верна и физической мощью римского гладиатора. Но у него невозможный характер. Он невыносим в обществе; несмотря на все дарования, в этом человеке есть нечто отталкивающее. Даже в его изумительной жизнеспособности есть что-то неприятное.

— По мальчику мы можем судить о взрослом человеке, — заметил я. — Даже в колледже, где мы с ним вместе учились, он был известен как «кот, который гуляет сам по себе». Он был самым способным студентом своего курса и, тем не менее, никогда не занимал места, на которое давали право его дарования, и не желал готовиться к экзаменам. Сейчас мы больше не студенты, и, я думаю, позвоительно высказать некоторое сочувствие Джинксу. Дело в том, что наша экзаменационная система не рассчитана на прирожденных гениев, а наша система обучения в своей окостенелости и формализме не предусматривает исключений из общего правила. Как бы там ни было, Джинкс, окончив университет, пошел быстрыми шагами к славе; ряд его блестящих статей, удостоенных премии, увенчался поистине изумительной докторской диссертацией. Смею вас уверить, все это вызвало немало шума. В обществе молодых ученых, где велись постоянные споры на научные темы, он был самым блестящим оратором. И все-таки он неизменно оставался непопулярным. Он всегда держался в стороне от общего веселья. Мне кажется, в нем нет ни атома жизнерадостности. Только исключительная физическая сила избавляла его от крупных неприятностей. Помню, однажды компания студентов задумала его вздуть. И что же из

этого вышло? Зачинщик остался на всю жизнь калекой, остальные нападающие отделались более или менее значительными увечьями. По этому поводу поднялся невероятный шум. Однако было очевидно, что Джинкс находился в положении обороняющегося, и дело пришлось замять. Несколько человек обдумывали, кажется, способ мести, но Джинкс ходил с таким свирепым выражением лица, что дело не пошло далее угроз. Несомненно, он человек и в нравственном и в физическом отношении нормальный.

— Еще бы! — согласился Вильсон. — Помню, индейцы в Перу дали ему какое-то дико звучащее прозвище, означавшее в переводе на наш язык: «человек, который сгибает подковы руками». Ходили самые чудесные слухи о том, как он пользовался своей силой в «никому не принадлежащей стране», то есть на окраинах Перу. Говорят, что он сломал шею погонщику мулов, угрожавшему ему ножом, и задушил голыми руками пуму. Конечно, — прибавил Вильсон, — к такого рода охотничьим рассказам надо относиться с осторожностью. Все же нет сомнения, что Джинкс, несмотря на свои мечтательные глаза, умеет дать отпор всякому, кто на него нападает.

— Что он делал в Южной Америке? — спросил я.

— Он работал вместе со мной над черепахами и другими земноводными, — отвечал Вильсон. — Чего только этот малый не делал на своем веку! Он принимал участие в войне за независимость Парагвая; пешком поднялся на гору Сората; искал серебро в Тиеридель-Фуего, — а это не очень-то симпатичное место, даже Джинксу не удалось ничего высосать из проклятого голого камня; он исследовал также Амазонку, пройдя пешком от истоков до устья. Все эти факты доказывают его колоссальную жизнеспособность и твердость воли. Ни один европеец еще не делал таких вещей, да никогда и не сделает. Вы знаете о его последнем подвиге? Он отправился инкогнито в Эквадор — разыскивать потомков инков. По его глубокому убеждению, они до сих пор там живут. Правда это или нет — я не знаю, но готов поклясться, что если эти потомки инков действительно существуют, Джинкс их разыщет. Если же он их не найдет, я готов присягнуть, что их не существует. Пью за Джинкса! — и Вильсон торжественно поднял стакан.

— Наш разговор, — заметил я, — свелся к биографии великого Джинкса. Вы, кажется, упомянули о сенсации, которую вызвал Джинкс на каком-то научном собрании? Расскажите, пожалуйста, как было дело. Все его подвиги отмечены печатью оригинальности. Его дела никак не припишешь кому-нибудь другому. Это человек исключительный.

— Вы совершенно правы, — отвечал задумчиво Вильсон, зажигая сигару. — Мы с вами старые друзья, Маршал, и вы, я вижу, знаете Джинкса и составили себе довольно ясное представление о его характере. Поэтому я, пожалуй, вам расскажу... Только чест-

ное слово, это настолько странная история, что я немногим решился бы ее рассказать. Попробуйте одну из этих сигар! Я нахожу их превосходными. Они того же сорта, что и сигары, известные в Никарагуа под названием «Снотворного зелья Гомеца». Этот почтенный государственный муж отравил при помощи таких сигар немало своих политических противников. Но не бойтесь, этот сорт совершенно безвреден.

Когда я затянулся, Вильсон лениво протянул ноги на подоконник и приступил к рассказу о необычайной выходке неукротимого Джинкса. Сигара действительно заслуживала похвалы Вильсона. Наслаждаясь ею, я представлял себе, что президенту Гомецу не трудно было избавляться от своих противников при помощи такой соблазнительной приманки.

— Как вы, может быть, помните, — начал Вильсон, — в позапрошлом году в Панаме проходил научный съезд, на котором, между прочим, Фергюсон познакомил свет со своим замечательным путешествием по Амазонке.

Я кивнул головой в знак того, что вспомнил об этом событии. — Причиной того, — продолжал Вильсон, — что местом съезда была избрана Панама, является не только удобство ее расположения, как звена, соединяющего северный и южный материка. Панама представляет собой нейтральную зону, где представители науки латинских и северо-американских республик могут спокойно встречаться, так как ничье национальное самолюбие не страдает от такого выбора места. Я прибыл в Панаму из Галапагоса, где всячески измывался над местными черепахами. В Панаме я встретился с Джинксом. У него был более обычного мрачный и таинственный вид. Лицо его было совершенно изуродовано и казалось истыканным гвоздями. Очевидно, несчастье случилось с Джинксом недавно; когда я его видел в последний раз (а это было за три года до того), у него не было ни одного шрама на лице. Помню, я позволил себе подшутить над его странным видом и спросил: «Уж не принимали ли вы участия в бое быков в качестве тореадора, дон Джинкс? Вам, кажется, пришлось познать на опыте, насколько остры рога быка? Или, может быть, дикие индейцы привязали вас к муравейнику?» В самом деле, его лицо производило такое впечатление, точно оно было изъедено гигантскими муравьями. Однако Джинкс так свирепо посмотрел на меня, что я поспешил переменить тему и спросил, что он делал в Южной Америке.

Тогда он смягчился, стал разговорчивее и с энтузиазмом сообщил мне о своих планах.

Вильсон остановился, закуривая новую сигару, и продолжал:

— Как я уже говорил, Джинкс был настолько увлечен инками, что сделался даже экспансивным, а ему это не свойственно. Он говорил, что перуанцы дали пример наиболее совершенного под-

чинения индивидуальных стремлений общему благу. Помню, он сравнивал устройство их социальной жизни с естественным социализмом, господствующим, по его мнению, в улье. Вы знаете, в числе странностей Джинкса было и то, что он воображал себя социалистом, в то время как на самом деле нет на Земле большего индивидуалиста, чем он...

— Только муравьи,— воскликнул он,— могли бы превзойти подобную цивилизацию, если бы не их крохотные размеры.

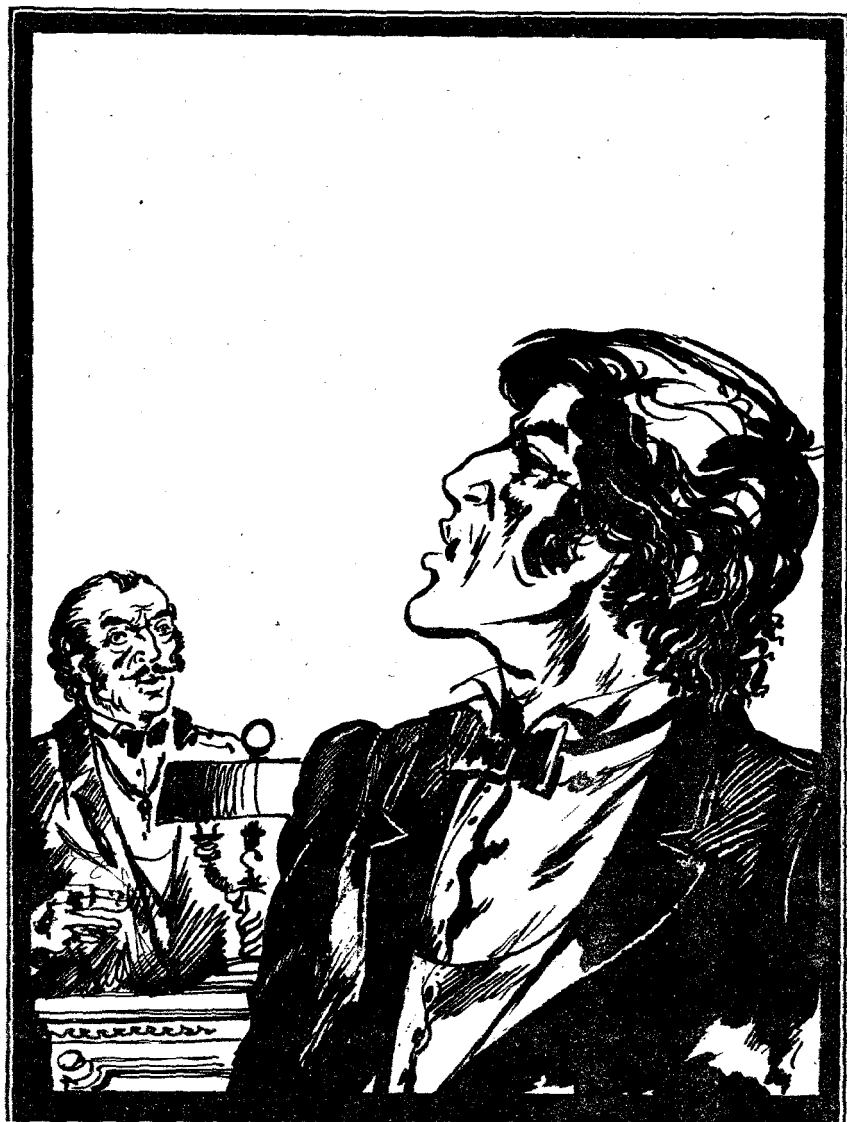
— Представьте себе мир, в котором господствуют гигантские муравьи,— прервал я его, но заметив, что лицо Джинкса омрачилось, шутливо сказал: — Да, муравьям пришлось бы стать гигантскими, чтобы свергнуть господство человека на Земле. Несомненно, если бы насекомых не ограничивали их размеры, история мира была бы совершенно иной. Что было бы, например, если бы существовали муравьи-великаны? Ну, хотя бы вроде тех, которые полакомились вашим мясом,— добавил я шутливо, указывая на его лицо.

Джинкс разразился саркастическим смехом:

— Это были очень большие муравьи,— сказал он и замолчал, и, несмотря на все старания, мне больше ничего не удалось из него вытянуть.

В течение следующих двух-трех недель, пока тянулся съезд, я несколько раз сталкивался с Джинксом. Он был мрачен и молчалив. По целым часам просиживал он на берегу океана, глядя вдаль. Казалось, мое шутливое замечание о муравьях совершенно отбило у него охоту разговаривать со мной. Я не мог добиться от него ни слова. Чтобы его развлечь, я предложил ему посещать заседания съезда в качестве моего гостя, надеясь, что его развеселят фонтаны научного красноречия. К тому же я знал, что Фергюсону и другим ученым будет интересно повидать Джинкса. Вы же знаете, что всякий, кто прожил некоторое время в Америке, слышал о Джинксе. Экспедиция нашего друга к истокам Амазонки наделала немало шума несколько лет тому назад.

К моему удивлению, Джинкс принял мое приглашение и стал аккуратно посещать заседания съезда. Его личность возбудила всеобщий интерес. В самом деле, его умное, бледное, с резкими чертами лицо и мощная фигура невольно вызвали воспоминания о древних испанских завоевателях. Он представлялся мне своего рода ученым Пизарро, стремящимся к открытию новых миров. Все были с ним чрезвычайно любезны, а Фергюсон чуть было не прослезился. Он рассыпался перед Джинксом в извинениях, признаваясь, что в своем труде о фауне недостаточно подчеркнул его роль пионера в области исследования Амазонки. Похвалы Фергюсона могли бы показаться низкой лестью, если не знать, что они были вполне заслужены Джинксом. Надеюсь, вы согласитесь, что человек, который в состоянии путешествовать пешком в одиночестве по Южной Америке и

строго научно классифицировать весь окружающий его растительный и животный мир, достоин всяких похвал. Для хвалебного ему эпитета не найдется подходящего слова в английском языке, не говоря уже об эсперанто. Между прочим, Фергюсон обещал исправить свою «оплошность» и воздать должное Джинксу в следующем издании своей книги.

Всеобщее внимание не произвело на Джинкса как будто никакого впечатления. Он оставался молчаливым и мрачным. Слава Фергюсона, казалось, ничуть ему не импонировала, и он обращался с ученым мужем, как с избалованным ребенком, которого захвалили родные. Конечно, со своей точки зрения Джинкс был вполне прав. Он, без сомнения, немало потрудился над нивой, с которой Фергюсон собрал такой обильный урожай почестей и славы. Впрочем, мрачное настроение вообще было свойственно Джинксу. Я невольно сравнивал его с черным ящером, только что попавшим в неволю. Вам, вероятно, приходилось видеть этого зверя в зоологическом саду? Он мрачно бродит по клетке, погруженный в глубокую тоску по воле. Джинкс выглядел точь в точь, как этот зверь. На целом ряде заседаний съезда он сидел молча, подперев голову ладонью, и его задумчивый взгляд витал где-то в пространстве. В таком положении он оставался часами, совершенно не замечая потоков красноречия, струившихся мимо него. Вначале мне казалось, что он скучает, но скоро я изменил свое мнение. Хотя все происходившее в зале, очевидно, мало его интересовало, все же в его взгляде я подметил странную сосредоточенность. У него был вид мыслителя, напряженно изучающего вечно ускользающие решения сложной проблемы, или человека, поглощенного острыми, волнующими воспоминаниями и ушедшего от действительности... Именно тогда,— продолжал Вильсон, выказывая в первый раз за все время своего повествования некоторое волнение,— мне представился великолепный случай рассмотреть повреждения его лица. Уверяю вас, Маршал, я далеко не ребенок, и изнанка жизни мне довольно хорошо знакома. Но, кажется, никогда не приходилось мне видеть такой ужасной вещи!

Вся правая сторона лица Джинкса была истыкана, казалось, каким-то зубчатым орудием. У меня, кажется, вырвалось восклицание ужаса, когда я впервые разглядел его изуродованный профиль.

Много лет тому назад я видел один потрясающий рисунок в старинной книге путешествий по Западной Африке де Чэллуса. Там был изображен человек, которого присудили к съедению заживо муравьями. Он пробыл некоторое время в муравьиной куче, и половина его лица была начисто съедена насекомыми; несчастный остался жив, но на его лице было выражение такого неопишемого страдания, что нельзя было без содрогания смотреть на этот рисунок. Джинкс своим изуродованным лицом напомнил мне жертву

правосудия наших чернокожих братьев. Лицо его, казалось, было изодрано в клочья, и вновь наростая кожа туго натянулась, образовав глубокие шрамы. Это было чудовищно. Я заметил, что соседи Джинкса с ужасом глядели на него. Должен сказать к чести Джинкса, что он не обращал ни малейшего внимания на пожиравшую его глазами публику и продолжал глядеть в пространство все с тем же озабоченным и сосредоточенным выражением лица.

И вот на предпоследнем заседании съезда произошло сенсационное событие, к которому я и веду весь рассказ. Боюсь только, — Вильсон улыбнулся, — что мое вступление оказалось несколько пространном. Взываю к вашей снисходительности и прошу прощения. Дело в том, что Джинкс, при всех своих недостатках, поразительно интересный парень, и легко можно увлечься, когда начинаешь вспоминать его слова и поступки. Однако, вернусь к своей теме. На заседании съезда какой-то старый американский профессор развивал глупейшую мысль, что наука будто бы находится в положении Александра Македонского; для нее не осталось больше ни одной незавоеванной области. Словом, старикашка болтал освященный веками вздор. Такого рода жрецы науки осудили в свое время все величайшие открытия, встретив враждебно и Колумба, и Галилея, и Дарвина. Во время речи старикашки я заметил, что у Джинкса на лице впервые появилось выражение недоброжелательности. Я вообразил, что он думает об инках, обитателях Эквадора, открытие которых должно было обессмертить его имя. Злобные взгляды Джинкса были, без сомнения, вызваны тем, что самолюбие его было задето развиваемой с кафедры теорией. Не успел профессор закончить своих бессмысленных рассуждений, как Джинкс, к удивлению всех присутствующих, вскочил и начал говорить. По правде сказать, у меня сохранилось лишь очень смутное представление о том, что он говорил. Начать с того, что он был чрезвычайно возбужден и размахивал руками, как ветряная мельница. Куда девалось его обычное спокойствие! К тому же, он говорил по-испански и с такой необычайной быстротой, что даже природному испанцу трудно было бы следить за смыслом речи. Насколько я мог уловить, он говорил о породе гигантских муравьев, обладающих высокоразвитой культурой. По его словам, — пожалуйста, не улыбайтесь, — он прожил некоторое время среди муравьев-великанов, ростом с человека. Да, как ни дико звучит все это, я могу поручиться, что его слова были именно таковы. Я твердо запомнил все сказанное им о муравьях, пропустив мимо ушей целую кучу всякого вздора. Признаюсь, я испытал дрожь ужаса, когда Джинкс указал на свое лицо и заявил, подчеркнув это, что виновниками ужасных шрамов были гигантские муравьи. Это было настолько реально и казалось таким правдоподобным, что я весь похолодел от ужаса. Страшные следы на лице, казалось, подтверждали слова Джинкса.

Как я вам раньше говорил, при первом взгляде на его изуродованное лицо я невольно подумал о гигантских муравьях. Как бы там ни было, все им рассказанное казалось невероятным по своей фантастичности. Если бы даже и существовал такой необычайный феномен, как порода муравьев, наделенных физическими свойствами Гаргантюа и обладающих высокой культурой, — молва о них должна была бы дойти до остальных разумных обитателей Земли. Даже лесные дебри, тянущиеся по течению Амазонки, не могли бы скрыть от всего мира породу подобных титанов. Нечего и говорить, что такому утверждению было невозможно поверить. Рассказ Джинкса напоминал главу из «Путешествий Гулливера». Поэтому я и почувствовал огромное облегчение, когда Джинкс неожиданно оборвал свою речь и опустил ее на место.

— Боже мой! — прервал я Вильсона. — До чего это все невероятно! Однако, это похоже на него. Что же, много было тогда шума по поводу выходки Джинкса?

— К счастью, дело обошлось тихо, — отвечал Вильсон. — Председателем собрания был человек умный и тактичный. Он немедленно встал, чтобы сказать заключительную речь. Без сомнения, он подумал, что Джинкс потерял умственное равновесие вследствие перенесенных им тяжелых лишений. Большинство присутствовавших, кажется, были того же мнения, за исключением тех, которые сочли Джинкса попросту пьяным. Я видел, как некоторые с многозначительным видом постукивали по лбу. Хорошо, что Джинкс ничего этого не видел. Этот малый вообще отличается буйным нравом, в тот момент он находился в крайнем возбуждении. Во всяком случае председателю удалось спокойно закончить свою речь, и инцидент прошел благополучно, хотя и вызвал немало сплетен. К счастью, представители прессы сидели далеко и не могли слышать Джинкса. Только две газеты поместили заметки по поводу его выступления. Одна из них ограничилась упоминанием о том, что мистер Джинкс сделал несколько замечаний, которых, к несчастью, нельзя было расслышать со скамьи представителей прессы. Другая же — испанская — дала более пространное и неожиданно забавное сообщение. В этой заметке говорилось о том, что сеньор Джинкс, знаменитый исследователь, открыл разновидность белых муравьев или племя белых индейцев, — репортер не знал точно, что именно, — от исследований которых ему удалось спастись после ряда чудовищных приключений и поплатившись серьезными повреждениями лица. Могу вас уверить, — добавил Вильсон, — что заметка была великолепной фантазией и должна была сильно повысить акции ее автора.

— Что же вы сделали с Джинксом? — спросил я.

— О! — отвечал мой друг, — уловив благоприятный момент, я прикоснулся к его плечу. Он встал и спокойно последовал за мной из залы. Все собрание следило за ним глазами. По правде говоря,

я вздохнул с облегчением, выведя его без скандала. У Джинкса такой своеобразный характер и такая огромная физическая сила, что всегда можно опасаться с его стороны самых неожиданных выходов. Однако на этот раз он следовал за мной краткий, как ягненок, и всю дорогу до отеля сохранял мрачное молчание. Успокоив его нервы соответствующими напитками, я начал в сдержанных выражениях выговаривать ему за то, что он разыграл такого дурака. Он продолжал упорно молчать. Становясь смелее, я сказал ему напрямик, что нахожу его поступок по отношению ко мне весьма дерзким: прийти на заседание в качестве моего гостя и, не предупредив меня, преподнести моим коллегам такую идиотскую речь. Казалось, мои слова задели его за живое. Он начал бессвязно оправдываться, уверяя, что говорил чистую правду. Хладнокровие, с которым он оправдывал свою позорную выходку, вывело меня из терпения. Будет вам дурачиться! — сказал я сердито. — Кто же, кроме обитателей Бедлама, поверит вашим гулливеровским сказкам о муравьях, ростом с телеграфный столб?

При этих словах он поднялся и взял свою шляпу.

— И тем не менее, это — сушая правда! — сказал он вызывающе.

— Ерунда! — воскликнул я. — Ваш рассказ будет иметь успех в компании моряков.

Он криво усмехнулся.

— Я сказал правду, — повторил он. У дверей он на минуту задержался. — Я знаю, что вы мне не поверите, все вы — ученые — одинаковы. Вы похожи на того профессора-американца, который молот сегодня вздор о том, будто науке больше нечего познавать. Никогда вы не поверите, что и на земле и в небесах существует множество вещей, которых вы не в состоянии охватить своими жалкими мозгами. Все вы на один лад! Шайка самодовольных невежд! — Оглушив меня залпом негодующих слов, Джинкс вышел, яростно хлопнув дверью.

Само собой разумеется, я был несколько сбит с толку дерзким поведением Джинкса. Однако вскоре я понял, что в результате испытанных им в путешествиях лишений его и без того буйное воображение разыгралось, и он сделался жертвой галлюцинации, поводом к которой могло послужить какое-нибудь опасное приключение. Джинкс настолько упорно и серьезно настаивал на своих словах, что невозможно было заподозрить его в желании шутить. Но самым потрясающим во всей этой истории было объяснение, которое он дал ранам на своем лице, и которое до странности совпадало с моим личным впечатлением. Должен, однако, сказать, что окончание значительно затянувшегося съезда, сопровождавшееся, как всегда, суетой и сутолокой, заставило меня быстро забыть об инциденте с Джинксом. Распростившись со светилами науки, почтившими

своим присутствием съезд, я приготовился к отъезду на Галапагос. Там я намеревался продолжать выведывать фамильные тайны черепах и закончить свою работу об их захудалых морских кузинах, влечащих жалкое существование на дне океана. Вечером, накануне отъезда, произошла моя последняя, пожалуй, самая знаменательная встреча с героем всей этой необычайной истории.

С прискорбием замечаю, что невероятно растянул свой рассказ, но даже самая длинная улица имеет свой конец, и я приближаюсь к развязке.

Я сидел на террасе отеля, — продолжал Вильсон, в последний раз затягиваясь дымом догорающей сигары. — Был чудесный тропический вечер. Таких вечеров никогда не увидишь в более северных широтах, и они оставляют неизгладимое впечатление. Молодая луна висела на небе, бросая легкие серебристые лучи на темные громады гор. В ее мягком сиянии пальмы трепетали, словно охваченные экстазом. Небо глядело холодными величавыми звездами. Воздух неподвижно застыл, море мирно спало. На западе еще догорали тропические алые лучи. Было восхитительно. Простите мне это лирическое отступление! — улыбнулся Вильсон. — Во мне иногда пробуждается романтический дух моих предков-горцев. Итак, я сидел на террасе, весь отдавшись созерцанию великолепной картины, как вдруг услышал чьи-то шаги. Обернувшись, я увидел перед собой Джинкса. Несколько изумленный его появлением я встал и предложил ему стул и сигару. Он отказался от того и от другого.

— Я пришел, — сказал он, — проститься с вами, а также извиниться за свою бестактность на съезде и грубость по отношению к вам. Позвольте поблагодарить вас за сердечное отношение ко мне. Надеюсь, вы простите меня? Вы ведь знаете, что у меня от природы необузданный нрав, который не мог, конечно, измениться в продолжительном одиночестве. — Он грустно улыбнулся.

Тронутый его неожиданным раскаянием, я протянул ему руки и сказал, что ничуть не сержусь на него за нелепую выходку.

— Я очень рад, — сказал он кротко. — Верю в вашу искренность и не хотел бы, чтобы у вас сохранилось обо мне превратное мнение. Особенно теперь, когда я уезжаю в чрезвычайно опасную экспедицию. Весьма вероятно, что вы последний человек моей расы, которого я вижу перед отъездом в пустыню, из которой наверное не вернусь.

Глубоко потрясенный, я попытался переменить тему разговора, но не мог, однако, сдержать своего любопытства и спросил, рассчитывает ли он отыскать своих инков.

— Может быть, — отвечал он со странно-торжественным видом, — но возможно также, что я попаду туда, куда каждый из нас придет в свое время. У меня предчувствие, что я не вернусь из экспе-

диции, но меня зовут пустыни и дебри: может быть, это — призыв судьбы. Прощайте! — повторил он, протягивая мне руку. — Еще раз позвольте вас поблагодарить!

Пока мы стояли на террасе пожимая друг другу руки, меня внезапно охватило непреодолимое желание узнать тайну этого необычайного человека, приподнять завесу его изумительной жизни.

— Джинкс, — сказал я взволнованно, — простите, что усомнился в вас. Обещаю вам, что не буду смеяться. Скажите мне только: правду ли вы говорили в тот раз? Неужели действительно существует порода гигантских муравьев, и если это так, то где они живут? Вы их видели, скажите? — я указал на его изуродованное лицо.

Услышав это, он отшатнулся от меня, и мне показалось, что он вот-вот меня ударит. Однако усилием воли он овладел собой.

— Да, такие муравьи существуют, — сказал он торжественно, — но только не в этом мире. Вы угадали: это они меня так изуродовали. — Он прикоснулся к своему изрытому лицу.

Я глядел на него, онемев от изумления. Он продолжал ровным, бесстрастным голосом:

— Бесполезно вам все рассказывать, потому что все равно вы мне не поверите. Вы принадлежите к тем людям, которые по недостатку воображения не способны познать чудеса мироздания. Будет достаточно, если я вам скажу, что существует мир, где господствуют муравьи, подобно тому, как здесь, на Земле, господство принадлежит человеку. Я видел этих муравьев и испытал на себе их силу. Смею вас уверить, что это самые необычайные и чудесные создания, которых только можно себе вообразить.

Я продолжал молча смотреть на него, пораженный контрастом между невероятностью рассказа и спокойной разумной убежденностью, звучавшей в голосе рассказчика. Однако то, что последовало за этим, было самым необычайным во всей удивительной истории. Поглядев на меня молча несколько секунд, Джинкс пробормотал:

— Хорошо, скажу!

Затем он указал на планету Марс, пылавшую мрачным злым огнем на бархатном фоне неба, и сказал:

— Смотрите, куда я указываю.

— На Марс? — спросил я.

— Да!

Затем после краткого молчания он добавил:

— Там царят муравьи. Они покорили всю планету и достигли высочайшей, совершеннейшей культуры.

— Откуда вы это знаете? — пробормотал я, слегка содрогаясь; мне пришло в голову, что передо мной сумасшедший.

— Я это знаю, потому что был там, — спокойно отвечал он. — Вы мне, конечно, не поверите, но тем не менее, это — факт. Уверяю

вас, что если бы наши астрономы знали, подобно мне, каковы на самом деле марсиане, они не стремились бы завязать с ними сношения. Однако,— заметил он,— я вижу, вы мне абсолютно не верите, поэтому, не будем терять время. Спокойной ночи! Прощайте!

И, пожав мою руку, он повернулся и исчез в дверях отеля прежде, чем я мог прийти в себя от изумления, вызванного его словами. Сперва я хотел было догнать его, но, подумав о его крайне возбужденном состоянии, решил, что осторожность — наилучшая тактика, и остался на террасе. Я горжусь тем, что у меня, как и у большинства людей, крепкая голова; однако вы, надеюсь, согласитесь, что случай был исключительный: встретиться с человеком, который уверяет вас с самым серьезным видом, что он только что прибыл с Марса, удаленного, как известно, на сорок миллионов миль от Земли, да еще вдобавок узнать, что планета эта населена огромными муравьями, которые владеют всеми достижениями современной цивилизации и забавляются тем, что своими усиками, величиной с гвоздь, увечат прибывших к ним с Земли гостей! И все это было рассказано таким спокойным обыденным тоном, как будто он описывал мне увеселительную поездку на юг, в компании друзей.

Вильсон остановился передохнуть.

— На следующий день,— продолжал он,— перед отъездом на свой остров я навел справки о Джинксе. Оказалось, однако, что он уже уехал. С тех пор я ничего не слышал о нем. Без сомнения, он отправился в Эквадор — разыскивать своих инков. Вероятно, он послужил жестким и неудобоваримым блюдом для какого-нибудь ящера или же был съеден людоедами. Во всяком случае, если мы примем теорию каннибалов о том, что качества съеденного субъекта передаются съевшему его, в ближайшее время можно ожидать необычайного расцвета талантов и энергии у обитателей верховьев Амазонки. Возможно также, что Джинкс разыскал инков и женился на Дочери Солнца. У него, конечно, хватит на это дерзости. Как бы там ни было, я не думаю, чтобы мне пришлось когда-нибудь услышать о нем или о гулливеровских муравьях, строителях каналов на Марсе. Должен извиниться, что отнял у вас столько времени,— добавил Вильсон, выбрасывая на улицу окурок сигары.— Но приходилось ли вам за всю вашу долгую и не лишнюю событий жизнь слышать такую необычайную историю?

Я задумчиво попыхивал своей догоравшей сигарой.

— Нет,— отвечал я.— Никогда я не слыхал такой необычайной вещи. Джинкс побил все рекорды невероятного.

— Хотелось бы мне знать,— сказал Вильсон,— каким образом взбрела ему в голову эта идея? Мне известно, что он был великим путешественником. Однако я не поверил бы, если бы он сказал мне, что имеет сношения с обитателями хотя бы Луны, а не то что с населением такой отдаленной планеты, как Марс!

— Вероятно, он читал книгу Лоуэлла о каналах на Марсе, сидя на муравейнике, и оба впечатления перемешались в его мозгу, — высказал я предположение не совсем уверенным тоном.

— Что ж, — протянул задумчиво Вильсон, — ваше предположение не менее вероятно, чем всякое другое. Ну, а как вы объясните шрамы на его лице? Ведь это-то во всяком случае не было бредом!

— Возможно, что Джинкс действительно подвергся нападению муравьев, — сказал я, — которые в его воображении приняли огромные размеры под влиянием бреда, вызванного ранениями?

— Гм, — произнес Вильсон, — это звучит довольно убедительно. Во всяком случае — необычайная история.

После такого трезвого и неоспоримого заключения мы принялись обсуждать жизнь муравьев. Мы сошлись во мнении, что математическая точность, которой подчинены все жизненные процессы этих насекомых, представляет изумительный контраст хаотическому произволу, господствующему в жизни людей.

— Полагаю, — заметил Вильсон, — что муравьи являются по своей природе социалистами, вплоть до отрицания самого принципа индивидуализма. И в этом смысле рассказ Джинкса правдоподобен.

Затем речь зашла о странном законе природы, ограничивающем размеры насекомых и делающим из них лилипутов.

— Нельзя отрицать, — говорил Вильсон, задумчиво попыхивая свежей сигарой, — что если бы природа случайно не ограничила известную категорию существ малыми размерами, человечество встретило бы серьезных соперников в своем стремлении к мировому господству. Ему пришлось бы выдержать борьбу с гораздо более серьезным противником, чем какие-нибудь обезьяны или гигантские ящеры.

— В этом нет никакого сомнения, — сказал я. — Помните, какой ужас испытал Мишеле, рассмотрев под микроскопом тело муравья, поразившее его сложностью своей структуры? Разве Метерлинк в своей «Жизни пчел» не приводит примеры трогательного самопожертвования в интересах всего улья? Мир насекомых, по-видимому, обладает своей особой культурой, в которой муравьи играют роль авангарда. Обладая высокоразвитым инстинктом взаимопомощи и самопожертвования, насекомые, не будь они ограничены своими миниатюрными размерами, легко могли бы лишиться человека господства на Земле.

— Скажите, — продолжал я, — вам не приходило в голову, что специфические причины, ограничивающие размеры муравьев на Земле, могут не иметь места на других планетах, и тогда нет ничего невероятного в кошмарах Джинкса? Почему бы каналам на Марсе не быть гениальным сооружением насекомых-инженеров?

— Может быть, на Марсе и есть муравьи, — рассмеялся Вильсон, — однако я твердо уверен, что Джинкс их никогда не видел.

Конечно,— прибавил он более серьезным тоном,— можно допустить, что Марс населен гигантскими муравьями, и я убежден, что муравьи — обладай они культурой — должны стоять выше человека. Однако, к несчастью, мы не можем отправиться на Марс и самолично исследовать там положение вещей. Таким образом, вопрос о жителях Марса остается пока открытым,— прибавил Вильсон, улыбаясь.— Что же касается Джинкса, то, вероятно, он, покончив со своими инками, соберется в какое-нибудь другое, еще более рискованное путешествие.

Сказав это, Вильсон взглянул на часы и привскочил от изумления.

— Боже мой! — воскликнул он.— Я никак не думал, что уже так поздно! Я должен идти. Завтра утром я уезжаю в Ньюкэй. Там я надеюсь пополнить свою коллекцию раковин. Пусть корнуэльский ветер выдует из моей головы всю паутину! — шутливо прибавил он.

Лукаво улыбаясь, Вильсон надел шляпу. Я проводил его до входной двери.

— Прощайте, старина! — сказал он, стоя на пороге.— Надеюсь, я вам не слишком надоел рассказами о Джинксе и его муравьях? Недели через три я вернусь из Корнуэлла и надеюсь еще увидиться с вами перед отъездом в Южную Америку. Если все будет благополучно, я выеду двадцать первого числа следующего месяца из Ливерпуля. Итак, спокойной ночи, милый друг, и благодарю вас за приятно проведенный вечер.

— Смотрите! — воскликнул он, внезапно остановившись и указывая широким жестом на небо,— вот он — новый мир, открытый в 19... году современным Колумбом, сеньором доном Джинксом.

Я поглядел по направлению, указанному Вильсоном.

Сгущались сумерки. Быстро вырастали тени. Солнце еще не закатилось, и его красный пылающий диск медленно опускался над парком. На западе затрепетали первые редкие звезды. Над Букингемским дворцом я увидел яркую планету, пылавшую могучим красным пламенем на фоне тускнеющего неба.

— Перед вами,— сказал Вильсон,— планета Марс, местонахождение рая насекомых. Привет вам, милостивые государи,— продолжал мой неугомонный друг, снимая шляпу и низко кланяясь планете.

Послав мне прощальный привет рукой, Вильсон поспешно пошел парком, направляясь домой.

Я продолжал смотреть на планету, перед которой склонился знаменитый биолог.

Красным, зловещим пламенем сияла она в небесах, окутанная непроницаемой тайной.

ЗЕЛЕНАЯ МАШИНА

Прошло несколько месяцев после моего свидания с Вильсоном. Рутин и скука университетской жизни заставили мало помалу померкнуть воспоминания о странной истории. Однако ясными вечерами планета Марс стала появляться на Хэмпстэд-Хиз и напоминала мне о Джинксе... Выборы, происходившие в ту пору, на некоторое время отвлекли мое внимание от Марса. Когда же улеглась общественная буря, я, к прискорбию своему, обнаружил, что единственным реальным результатом выборов было обогащение отдельных политических дельцов различных партий.

Однако мне, очевидно, не суждено было так быстро покончить с историей Джинкса.

Прошел год со времени моего свидания с Вильсоном, и я вновь услышал о своем друге и погрузился в атмосферу необычайного, тесно связанного с личностью моего товарища по университету Джинкса.

Вильсон прислал мне описание трагического конца Джинкса, а также подробности отчета о подвигах последнего на Марсе. Рассказ был настолько фантастичен, что лишь после продолжительного колебания, подчиняясь настоятельным требованиям Вильсона, я решился предложить его вниманию читателей.

Я счел нужным (с одобрения Вильсона) предпослать выдержки из моего дневника несколько беспорядочным заметкам Джинкса.

Рассказ Джинкса о пережитом им на Марсе я привожу дословно, если не считать нескольких поправок, внесенных мною в те главы, которые своей невероятностью могли бы нарушить общий характер правдивости и убедительности, присущий нижеприведенной рукописи.

31 августа. Получил письмо от Вильсона из Пернамбуко. Джинкса уже нет на свете. Он был странным человеком, и его смерть, вероятно, была такой же необычайной, как и вся его жизнь. Краткое письмо Вильсона до крайности заинтересовало меня.

Скоро, однако, я узнаю подробности о кончине Джинкса. Вильсон обещает прислать мне записки, переданные ему умирающим. Как странно, что Вильсону пришлось быть свидетелем смерти Джинкса и выслушать его последнюю волю.

10 сентября. Наконец-то! Получил долгожданное письмо Вильсона. В письмо вложена объемистая рукопись, написанная на каком-то странном папирусе рукой Джинкса. Я хорошо помню его тонкий мелкий почерк. Вильсон передает, что находился возле устья Ориноко, когда встретил Джинкса, спускавшегося в лодке вниз по реке. Несчастный своей худобой напоминал скелет.

Джинкс умер на следующий же день. Однако перед смертью

он нашел силы сказать Вильсону, что был покинут своими людьми возле спрятанного в лесах города инков. Он попал в плен к индейцам и был подвергнут ужасающим пыткам. Убежав от них, он проплыл по всей Ориноко.

Вильсон добавляет, что рассказ Джинкса кажется правдоподобным, так как вид его был действительно ужасен. Перед смертью Джинкс вручил Вильсону рукопись, которая оказалась ни чем иным, как отчетом о путешествии на Марс. Интересно, что Джинкс, будучи уже при смерти, пришел в ярость, заметив недоверие Вильсона.

Во всяком случае, Вильсон вернется на родину весной. Малярия помешала ему вернуться осенью. Теперь мне предстоит разобраться в хаотических материалах Джинкса, относящихся к его странствованиям. Если отчет написан его обычным стилем, в нем, вероятно, будет немало потрясающих мест. Но бумага! — мне никогда не приходилось видеть подобного материала. Надо будет отнести рукопись к Грейсону, он хорошо разбирается в сортах бумаги.

В течение зимы я корпел над рукописью, и, в конце концов, мне удалось привести материалы в удобочитаемый вид. К весне аккуратно переписанная на машинке рукопись поджидала Вильсона. Рассказ оказался таким же своеобразным, как и бумага, на которой он был написан. Грейсон утверждает, что никогда не видел такой бумаги. С весны я снова примусь за свой дневник.

2 мая. Вернулся Вильсон. Загорел, но выглядит усталым. Мы очень обрадовались друг другу и вместе обедали у Фраскати. Он показал мне собранный им научный материал. Один экземпляр коралла меня особенно поразил, и я спросил, как он называется.

Вильсон ответил.

Разговор, естественно, перешел на Джинкса. Вильсон рассказал, что, когда он встретил Джинкса, спускавшегося по течению Ориноко, на него было страшно смотреть. Вильсон с трудом поверил словам Джинкса о том, что тот уже три недели как ничего не ел. Какой изумительный организм! Смерть Джинкса соответствовала его жизни. За несколько часов до смерти он пробормотал: — «Эрауэк», — и затем: — «Берегитесь зеленой машины!»

Тайна сгущается.

Что эта за машина?

Во всяком случае, мы с Вильсоном намерены выяснить, в чем дело. Завтра вечером Вильсон будет у меня в Голдер-Грин. Может быть, нам придется просидеть всю ночь напролет, но тайна должна быть разгадана. Мы будем тщательно исследовать его рукопись, часть за частью.

Предлагаю вниманию читателя вступительные заметки Джинкса. Мы с Вильсоном потратили на их рассмотрение несколько вечерних часов.

26 июля 1900 г. Вернулся из Южной Америки и снял комнаты в Серрей. Путешествие по Амазонке не прошло для меня бесследно. Ходил в зоологический сад смотреть муравьеда, привезенного мной с тропиков. О, Юпитер! Как выросло это создание. Однако он все также бессмыслен. Ужасно подумать, что такое разумное существо, как муравей, всецело находится во власти этого безмозглого гиганта. Насекомые должны усвоить изречение Наполеона: «Бог всегда на стороне сильной армии». Везет же этим муравьедам!

Мне вспоминается мой старый друг Дж. Хезерингтон и его рассказы о муравьях, хорошо изученных им в джунглях Западной Африки. Он говорил, что муравьи достигли высокого искусства в нанесении боли. Полное отсутствие лени. Абсолютная точность. И такое совершенное создание всецело зависит от произвола бессмысленного увальня муравьеда. Без сомнения, природа — это величайший сатирик.

30 июля. Вот так метеор упал с неба! Прямо эпизод из «Тысячи и одной ночи». Разве опишешь ужас, пережитый мною этой знаменательной ночью? Человек летел по небу на «зеленой машине». Попробую привести в порядок свои разрозненные впечатления.

В этот день я довольно поздно вернулся из Лондона. После ужина я остался один в доме. Моей экономке пришлось отлучиться куда-то по хозяйственным делам, но я умею и сам о себе позаботиться. Я сидел, положив ноги на подоконник, и любовался очаровательным закатом в духе Тернера. Джордж Мередит пришел бы в экстаз от такого освещения. На меня всегда успокоительно действует своеобразное очарование английского пейзажа. Думаю, только путешественник, привыкший к джунглям и пустыням, сможет до конца оценить прелесть нашей природы.

Из этого состояния восхищенного созерцания меня вырвало появление на небе какого-то темного предмета. Летящий предмет показался мне странным, но я подумал тут же, что вероятно это какой-нибудь новый вид аэроплана, залетевший с крейдонского аэродрома. Не так давно мне рассказывали, что в настоящее время полным ходом идет постройка новых систем аэропланов, которые должны будут защищать нашу культуру в будущую великую войну. Вспомнив все это, я перестал думать о странном предмете. Закурив сигару, я вышел побродить в сад. Внезапно я увидел в лучах месяца темный предмет, медленно спускавшийся на сосны. В первый момент мне показалось, что все это сон. Однако тут же я убедился, что не сплю. Сомнений быть не могло: человек летел по небу на «зеленой машине».

— Боже мой! — сказал Вильсон, читая это место: — Ведь его последние слова были: «Зеленая Машина!».

Едва успел я отскочить в кусты, как таинственный предмет тяжело упал на землю, свалив дерево. Буду, однако, кратким. Я нашел авиатора в бесчувственном состоянии на лужайке. Он оказался таким же человеком, как и я, хотя и напомнил мне пророка Магомета, разъезжавшего по небу на своем коне, легендарном Аль-Бораке. Я поспешил за помощью. Машину я решил спрятать и на досуге рассмотреть ее как следует. Поэтому я никому не сказал о падении авиатора и втащил странный летательный аппарат в сарай, где хранились мои коллекции.

1 августа. Я уже успел рассмотреть машину. Она напомнила мне хитроумные аппараты, чертежи которых встречаешь у средневековых алхимиков. Несомненно, этот парень в своем роде гениален. Не знаю, как описать его летательный аппарат. Он ярко-зеленого цвета и блестит на солнце. До известной степени напоминает обыкновенный мотоциклет, имеются, однако, две-три характерные особенности, например, добавочная пара педалей, сделанных из какого-то оригинального металлического сплава, совершенно мне незнакомаго. Кроме того, аппарат снабжен особым приспособлением из того же металла, напоминающим зонтик и прикрепленным к рулю. Однако больше всего меня поразили следующие две особенности. Во-первых, сила машины колоссальна. Без сомнения, гениальный изобретатель весьма близко подошел к разрешению проблемы вечного движения. Приводимая в движение какой-то внутренней силой, эта машина может пролететь сотни миллионов миль. Во-вторых, ее скорость должна быть феноменальной. Но удивительнее всего была надпись на дощечке, прикрепленной к измерителю скорости: «Максимальная скорость кометы Филиппса — 1000 миль в секунду». Какое отношение имеет зеленая машина к комете? В немалое недоумение повергло меня и содержимое сумки изобретателя: костюм, сделанный из какого-то упругого материала, напоминающего каучук, но совершенно мне неизвестного, и особый вид шлема, снабженного подобием противогазовой маски. Что все это означает?

5 августа. Мне удалось спрятать все концы в воду. Вижу, что попал в путаную историю. Сегодня я был вызван в кредонский госпиталь, и доктора подвергли меня перекрестному допросу, имевшему целью выяснить характер катастрофы, случившейся с их пациентом. Удалось благополучно отделаться от этих господ; тайну зеленой машины я им не выдал, так как решил на досуге тщательно ее рассмотреть. Особенно же утвердили меня в моем намерении слова доктора, что изобретатель — фамилия его Найтингель — едва ли поправится и как будто не имеет ни родных, ни наследников. Итак, я решил действовать по старой пословице, гласящей: «что

нашел, то твое». Признаться, я несколько смутился, когда доктор сказал, что Найтингель все время спрашивает о каком-то мотоцикле. Я прикинулся непонимающим. Затем меня привели к раненому. Это человек весьма замечательной наружности. На вид ему лет тридцать пять. Он спросил меня о своей машине и рассказал, что ехал на велосипеде из Брайтона. Видимо, он хотел сохранить свое изобретение в тайне. У меня не хватило духа обмануть беднягу, и я попросил разрешения сохранить машину у себя до его выздоровления. Оказывается, мое имя ему небезызвестно. Он охотно согласился на мое предложение. Затем я сообщил ему, что успел рассмотреть машину, и попросил рассказать правду о том, как произошло его падение и откуда он летел. Он отвечал, что совершил пробный кругосветный полет; он летел ночью, чтобы избежать подозрений, и направлялся к месту своего жительства — в Стрэтхем. По его словам, он был ослеплен лучами только что взошедшего месяца.

— Остальное вы знаете, — прибавил он.

Я описал авиатору его падение и спросил, куда он намеревался лететь, если совершил пробный полет вокруг Земли.

— Меня в данном случае интересует не Земля, — сказал со слабой улыбкой изобретатель. Он беспокойно поглядел на дверь и добавил: — Я собирался лететь на...

В этот момент вошла сиделка и заявила, что мне пора уходить. Сильно раздосадованный, я покинул комнату. Личность изобретателя произвела на меня сильнейшее впечатление. Инстинкт искателя приключений подсказывает мне, что я стою на пороге какой-то огромной тайны.

9 августа. Судьба! Сегодня утром, садясь в поезд, я и не подозревал, что еду навстречу своей судьбе. Моя мысль была настолько занята странной машиной, так неожиданно на меня свалившейся, что я привел в изумление все купе, спросив соседа:

— Нет ли у вас зеленой машины? — вместо того, чтобы спросить который час. Приехав в Лондон, я нашел у себя на квартире извещение из лечебницы, куда перевели по моей просьбе Найтингеля. Изобретатель при смерти и хочет меня видеть. Я поспешил к нему. Он горел нетерпением рассказать мне о себе. Даже самые волшебные измышления фантазии не могут сравниться с тем, что я услышал. Вот что рассказал мне умирающий изобретатель о «небесных сигналах» и о «зеленой машине».

Инженер по профессии, Найтингель был изгнан из Соединенных Штатов как социалист и активный работник.

Найтингель отправился в Мексику и, не зная, куда девать время, принялся изучать звезды. В то время Марс находился в состоянии наибольшего приближения к Земле. Комета Филиппса восходила. Изобретатель был охвачен страстным желанием разгадать тайну

Марса. Особенно занимал его вопрос о том, населена ли эта планета. Он перечел всю имеющуюся о Марсе литературу, однако ни на шаг не подвинулся в разрешении поставленной себе проблемы. И вот ему пришел на помощь замечательный случай. Однажды, когда он прогуливался по берегу моря, его чуть было не раздавил упавший с неба аэролит. При исследовании Найтингель обнаружил на камне барельефы, изображавшие обезьян и муравьев. Изображения были сделаны настолько реально и художественно, что, по мнению Найтингеля, тут не могло быть и речи о простой игре природы. Ему пришло в голову, что это послание из другого мира. Вероятнее всего, это послание исходило от обитателей Марса, который был сравнительно близок к Земле.

Найтингель начал наблюдать планету. После нескольких ночей он, наконец, добился успеха: под утро он уловил на небе странные сигналы. Привожу его слова:

— Было около трех часов утра, когда я пережил величайшее в моей жизни событие. Я просидел четыре часа, направив телескоп на мерцающий диск планеты. Неожиданно я заметил над поверхностью Марса два световых пятна. Они зажглись на известном расстоянии друг от друга и на мгновение повисли в пространстве, подобно гигантским ракетам. Через небольшой промежуток времени появились два новых таких световых пятна и поместились над предыдущими. Я, едва сдерживая свое волнение, с яростно колотившимся сердцем, продолжал наблюдать планету. Внезапно вспыхнули четыре новых световых точки и расположились под первыми двумя. Затем точки опустились на поверхность планеты, и знак исчез с неба. Задыхаясь от возбуждения, я отшатнулся, от телескопа. Несомненно, Марс населен разумными существами. Марсиане провозглашали универсальный принцип, выраженный в формуле $2 \times 2 = 4$. Я сделал величайшее в мировой истории открытие. Продолжая свои наблюдения над планетой, я видел тот же световой знак три ночи подряд, после чего сигнал не повторялся.

Я спросил Найтингеля, какие шаги он предпринял для ознакомления научного мира со своим открытием, создающим новую эру в астрономии. Он отвечал, что сообщил о нем различным светилам науки, однако все они с презрением отвергли его сообщение и объявили его, Найтингеля, шарлатаном, так как он не имел соответствующей научной квалификации. После этого он решил производить свои исследования самостоятельно. В результате его работ появилась на свет зеленая машина, зародыши которой он нашел в дневнике Леонардо да Винчи.

Найтингель рассказал мне об особенностях своего изобретения. Сделанный из особого материала костюм должен был предохранять путешественника от холода, царящего в межпланетном пространстве. Педали должны были играть роль тормозов при спуске на

Марс. Дело в том, что изобретатель намеревался лететь именно на Марс, где, по его убеждению, имеются разумные существа. Возвращение на Землю было мало вероятным, — он это сознавал, но решил принести свою жизнь в жертву науке.

Я спросил Найтингеля, почему он был уверен, что попадет именно на Марс.

Тогда изобретатель привел мне остроумные вычисления, доказывавшие, что комета Филиппса в своем предстоящем пробеге должна была коснуться орбит Земли и Марса. Комета появится на небе осенью и начнет свое путешествие от Земли к Марсу двадцать первого сентября...

Найтингель предполагал попасть в сферу притяжения кометы и совершить перелет от Земли до Марса вместе с ней.

— К сожалению, — заметил я, — судьба оказалась против вас, и ваша затея погибла.

— Ничего подобного! — яростно сказал он. — Судьба сразила меня, но посылает вас мне на смену.

И он начал умолять меня совершить путешествие вместо него. Первым моим побуждением было отказаться, однако неведомое влекло меня к себе с непостижимой силой. К тому же я опасался, что отказ убьет Найтингеля, — так велико было его возбуждение. Итак, я дал согласие. Чувствуя потребность собраться с мыслями, я вышел в коридор и начал шагать из конца в конец. Я намеревался было незаметно ускользнуть из больницы, когда услышал пронзительный крик. Вбежав в комнату Найтингеля, я нашел его мертвым.

14 августа. Решение принято. Я полечу. Сегодня был на похоронах Найтингеля. Если даже малый и был сумасшедшим, его безумие не лишено системы. Все, что он говорил о комете, оказалось совершенно правильным. Машина также описана им вполне точно. Я испробовал ее, — она движется в воздухе, как рыба в воде. Один шанс против миллиона, что мне удастся попасть на Марс. Однако этот единственный шанс заставляет меня попытаться. Двадцать первого сентября я покидаю Землю, надеюсь — не навсегда.

20 сентября. Все готово. Ровно в полночь я отправляюсь в путь. Завтра комета начинает свой обратный пробег. Провизия на дорогу упакована (питаться придется через особую трубку). Беру с собой также всякий скарб, вроде электрического фонаря и огнестрельного оружия. Будем надеяться, что пуля опасна и для марсиан, если только таковые существуют. Что ж, попробую поохотиться и на Марсе. При своих приготовлениях к отлету я старался соблюдать полную тайну. Однако этот дурак Стевенс все-таки подозревает с моей стороны какую-то необычайную затею.

Вчера вечером я встретил Хезерингтона и сообщил ему, что уезжаю в далекое путешествие. У него сильное подозрение, что я отправлюсь в Парагвай.

Он сказал мне шутливо:

— Берегись «Ущелья гремящих костей»!

Веселое напутствие, нечего сказать!

Часы бьют одиннадцать.

Ветер воет. Ночь холодна и ясна. Редкие звезды сияют в прорывах облаков. Пора облачаться — и в дорогу. Сегодня я сижу в своей комнате, у камина. Где я буду завтра? Вперед, на Марс!»

На этом заканчиваются вступительные заметки Джинкса. Ниже мы приводим полностью повествование Джинкса согласно его рукописи.

Подписали: Е. Маршал
Д. А. Вильсон

КРАСНАЯ ПЛАНЕТА

Часы пробили, и их серебристый звон послужил мне сигналом к отлету. В одно мгновение машина отделилась от Земли и взвилась в пространство. Наклонившись вперед, я смотрел в ночное небо.

Было облачно. В просветах между туч там и сям выглядывали звезды, среди которых я быстро нашел Марс, цель моих странствований. Прямо над моей головой огромная комета горела на темной лазури, словно гигантский факел. Далеко внизу расстился темный лабиринт лондонских улиц, еле освещенных желтоватым мерцанием фонарей. Я различил мощную громаду собора св. Павла и серебристую ленту Темзы.

Огни становились все бледнее и бледнее, словно заволакивались туманом. Кругом царило гробовое молчание. Все звуки Земли умерли. Я поднимался выше и выше, приближаясь к Луне, на которой четко различал очертания гор. В пространстве бушевал холодный ветер, но мне было тепло: костюм, сделанный из удивительного состава, изобретенного Найтингелем, великолепно предохранял меня от стужи.

Вскоре я услышал отдаленное глухое жужжание, постепенно все усиливающееся и перешедшее, наконец, в оглушительный гул: ко мне приближался воздушный корабль. Могучий порыв ветра... Грохот машин... Из мрака надо мной выплыл воздушный гигант, защищенный бесчисленными огнями и похожий на огромную рождественскую елку. Одно мгновение мне казалось, что я слышу гул человеческих голосов... Может быть, кричали мне. Затем звуки стали стихать, и воздушный корабль канул в черные пучины ночи.

Снова стало тихо. Последнее звено, соединявшее меня с Землей, с людьми, было порвано.

Вскоре я поднялся настолько высоко, что лицо мое стало замерзать, и я начал задыхаться. Пора залезать в раковину, решил я.

В один миг я надвинул на голову шлем и оказался герметически закупоренным.

Полет продолжался. Было так тихо, что малейший шорох прозвучал бы здесь, как пушечный выстрел. Никогда в жизни я не испытывал такого гнетущего одиночества. Даже в одиночной камере тюрьмы узник не чувствует такой отрезанности от мира.

По мере того, как атмосфера разрежалась, скорость летучего мотоциклета возрастала. Вскоре я догадался, что уже вылетел из пределов земной атмосферы и несусь в пустоте. Итак, я первый из цыплят Земли пробился сквозь скорлупу атмосферы и выбрался на широкий мировой простор.

Сквозь стекло шлема мне уже не было видно звезд, но комета и Луна все еще оставались в поле моего зрения. В мрачном и пустом межпланетном пространстве не существует ни восхода солнца, ни закатов. Там царит вечная непроницаемая темнота. Мне было неизвестно, попал ли я в сферу притяжения кометы или несусь прямо на Солнце — к неминуемой гибели.

Не могу даже приблизительно передать состояние ужаса, испытанное мною во время этой полной изолированности от света и жизни. Скоро я потерял всякое представление о времени, а также и о направлении, в котором летел. Как-то, находясь еще сравнительно недалеко от Земли, я услышал странное жужжание. Казалось, летел камень, пущенный из гигантской пращи. Еще мгновение, и мимо меня пронеслась с невероятной быстротой какая-то яркая масса. Без сомнения, это был метеор, летевший к Земле. Помню, у меня возникло желание поменяться с ним местами.

Я пронесся мимо Луны на расстоянии всего нескольких тысяч миль от ее поверхности. Вид на Луну с птичьего полета четко врезался в мою память. Подо мной вздымались пустынные громады обрывистых гор. Я успел заметить, что формация этих гигантов весьма необычайна. Возможно, что мое впечатление явилось результатом огромной быстроты полета, возможно также, что мне удалось подсмотреть некоторые «лунные тайны», так как я пролетел мимо навсегда скрытой от Земли стороны лунного лика.

Что было потом? Бесконечный полет в пустоте. Казалось, я прирос к своей машине. По временам мне казалось, что я неподвижен, и время и пространство беззвучно несутся мимо меня. Я забыл о цели своего путешествия и потерял всякую надежду когда-нибудь достигнуть твердой почвы. Черная, пустая, ледяная бездна.

Я утратил всякий интерес к жизни и с полным равнодушием думал о смерти.

Должен сказать к чести зеленого мотоциклета, что он исполнял свое назначение с необыкновенной точностью, без малейших заминок. Мой костюм служил надежной защитой от царившего кругом холода. Если бы и прочие вычисления Найтингеля оказались такими

же точными, все могло бы кончиться благополучно. Однако я был настолько подавлен чудовищным одиночеством, что как-то не верил в счастливый исход путешествия.

Прошло приблизительно три дня (а может быть, и три часа), и я впервые увидел на сравнительно близком расстоянии планету, к которой направлялся. Подняв голову, чтобы приложить к губам трубку, доставлявшую мне пищу, я увидел перед собой красный диск, величиной приблизительно с нашу луну. Я привскочил от изумления.

Прошло несколько секунд, прежде чем я набрался мужества снова взглянуть на планету, от природы и свойств которой зависела моя жизнь. У меня чуть не вырвался крик радости, когда я разглядел знакомые мне очертания континентов на поверхности Марса.

Сомнений быть не могло, я приближался к красной планете. Итак, Найтингель оказался истинным пророком. Я, должно быть, находился на расстоянии всего каких-нибудь трех миллионов миль от места моего назначения. Принимая во внимание скорость кометы, увлекавшей меня за собой, я вычислил, что через сорок восемь часов или минут (точно не знаю), достигну конца своего путешествия. Последние часы моего полета показались мне бесконечно долгими, так как в сердце пробудились надежды, а вместе с ними и новые дерзкие замыслы. Я жадно вглядывался в поверхность Марса, который становился все крупнее и ярче по мере продвижения кометы. Стали видны каналы — длинные красные блестящие ленты, — прорезавшие поверхность планеты. Между каналами простирались огромные равнины, казалось, лишенные растительности. Поверхность планеты представлялась совершенно ровной и плоской. Каналы покрывали всю планету геометрически правильной сеткой линий. Я невольно вспомнил наши глобусы, покрытые сеткой меридианов и параллелей. Полюсы планеты казались блестящими оазами снега. Судя по незначительной величине снежных полярных полей, на Марсе была весна. По берегам каналов можно было различить поля и леса, выступавшие все ярче и яснее по мере моего приближения к планете. Однако, я заметил, что эти признаки жизни имелись только на близком расстоянии от воды. Почти всю поверхность планеты занимали огромные бесплодные пустыни.

Вскоре стали видны оба спутника Марса. Ближайший из них облетел планету с колоссальной скоростью. Я поравнялся с более отдаленным спутником, находившимся на расстоянии четырнадцати тысяч миль от Марса. Хотя я и пролетел совсем близко от этого спутника, мне не удалось подметить на нем ни малейшего признака жизни.

Моим глазам представился пустынный фантастический вид. Скалистые горы, пропасти, пустыни. Некоторые отверстия в почве напоминали заброшенные шахты.

Более близкий к планете спутник остался в стороне от меня. Однако я все-таки заметил, что он сильно отличался своей поверхностью от первого спутника. Подобно планете, он был весь изрезан красными каналами, по берегам которых можно было различить признаки растительности. Миновав его, я почувствовал, что скорость моей машины уменьшается. Затем мотоциклет начал метаться из стороны в сторону, испытывая одновременно притяжение и кометы и Марса. Однако планета пересилила, и я почувствовал, что спускаюсь со все убывающей скоростью. Я закрыл глаза. Кончен долгий опасный путь, — я приближаюсь к поверхности Марса.

Машина медленно опускалась. Я робко приподнял шлем и почувствовал дурноту; усилием воли я заставил себя снова надвинуть его. Этот опыт показал мне, что я окружен атмосферой, но очень разреженной. Итак, безвоздушное пространство осталось позади.

Я опускался все ниже. Вскоре я вновь отважился приподнять шлем и набрал полные легкие воздуха. Даже на таком расстоянии от поверхности планеты жизнь была уже возможна. Я окунулся в густые влажные облака и почувствовал на лице свежее дыхание ветра. Подняв голову, я увидел небо, усеянное звездами. Ночь подобно траурному плащу окутывала спящую планету; спутники Марса еще не взошли, однако в тусклом свете звезд я мог различить под собою обширную лишенную растительности пустыню. Казалось, поверхность планеты бежит мне навстречу.

Затаив дыхание, я налег на тормоза. Резкий толчок, и я очутился вместе со своим мотоциклетом на мягкой песчаной почве.

Свободной рукой я перерезал ремень, прикреплявший меня к седлу. Затем, оттолкнув мотоциклет, я поднялся на ноги и поставил машину на колеса. Несколько мгновений я стоял, тяжело дыша, собираясь с мыслями. Голова кружилась. Я шатался, как пьяный. Оправившись от полученного при падении сотрясения, взглянув на звездное небо, я стал озираться по сторонам. Несколько раз я ощупывал ногою песок, чтобы удостовериться в реальности окружающего меня мира. Затем я испустил торжествующий крик, набрал пригоршню мелкого песка и в экстазе бросил его ввысь, к звездам. Итак, я преодолел узы пространства и нарушил весь ход исторического процесса. Я открыл новый мир. Первым из детей Земли вступил на почву Марса я.

— Дорогой мой, — воскликнул Вильсон, когда мы прочли это место. — Какой потрясающий момент! Теперь моя очередь читать.

Я охотно согласился на предложение моего друга.

Вильсон разложил на коленях листы рукописи и приступил к чтению.

СЛЕДЫ НА ПЕСКЕ

В следующее мгновение я почувствовал, что медленно падаю. Но мне удалось удержаться на ногах, я растёр затекшие члены, онемевшие от долгого сиденья на машине. На меня нахлынула странная дремота, и я решил поспать до рассвета. Не было возможности в темноте различить окрестную местность. Кругом не было заметно признаков жизни. Я снял свой дорожный костюм, свернул его, подложил под голову вместо подушки и улегся рядом с машиной. Спустя мгновение я погрузился в глубокий сладкий сон.

Проснувшись, я был принужден защищать глаза руками от нестерпимого блеска неба. Мне показалось, что я попал в раскаленную печь. Небо над Марсом ярко-красного цвета и производит впечатление жуткое, зловещее.

Внезапно я вспомнил, где нахожусь, и поспешно вскочил на ноги. Я весь трепетал от восторга, торжествуя по поводу благополучного окончания знаменательного путешествия. Свежий, бодрящий воздух веселил меня, напоминая зимнюю пронизанную солнцем атмосферу альпийских долин. В порыве радости я невольно подпрыгнул. Каково было мое изумление, когда я оказался парящим в воздухе на высоте шести или более футов. Я напряг мускулы, готовясь при падении удариться о почву, но, к крайнему своему удивлению, мягко опустился на песок, подобно порхающему лепестку цветка. Только тогда я вспомнил, что на Марсе притяжение гораздо слабее, чем на Земле, и, следовательно, здесь так же легко подпрыгнуть на шесть футов, как у нас на три фута. Естественная энергия живого существа на этой планете соответственным образом удваивается. Я чувствовал себя удивительно легким и, казалось, шагал по воздуху.

Итак, я прибыл на неведомую планету. Я совершил невозможное. Земля со своей путаной многовековой историей, со своей цивилизацией и природой осталась далеко-далеко в пространстве.

Мой фантастический полет сквозь мировое пространство представлялся мне теперь отдаленным, туманным кошмаром. Даже зеленый летательный аппарат, ярко блестящий на солнце, казался скорее воплощением чудес «Тысячи и одной ночи», чем реальным продуктом науки двадцатого века. Я снова чувствовал под ногами твердую почву и испытывал радость жизни.

Когда улегся первоначальный взрыв восторга, я начал осматриваться.

В ослепительном свете все казалось каким-то нереальным — и трудно было судить о размерах окружавших меня предметов.

Не раньше, чем через четверть часа после пробуждения, у меня начало проясняться зрение. Только по прошествии нескольких дней я окончательно привык к необычайному освещению, окрашивавшему все на Марсе в алый цвет, подобно свету автомобильных фона-

рей, мерцающих сквозь туман. Вся окружавшая меня панорама напоминала Лондон в ноябрьский день, когда мириады уличных фонарей пронизывают тусклый туман. Вскоре мне пришла в голову новая аналогия марсовому пейзажу. Я вспомнил одно место из описания ада у поэта Блэка: «выжжена мертвая пустыня, в кровавых отблесках пламени, изрыгаемого бездонным колодезем». Через некоторое время я достаточно освоился с окружавшим меня фантастическим ландшафтом.

Только тогда я начал осознавать, что попал в местность, пожалуй, не менее ужасную, чем ад, где будет стоить немалых трудов поддерживать жизнь. Кругом, насколько мог охватить глаз, в жуткой, безнадежной наготе, под зловещим раскаленным небом, простирались пески бесконечной пустыни: ни следа растительности, ни признака воды. Однообразие и мертвенная пустыньность пейзажа навевали на душу тоску. Мне казалось, что я навеки оторван от реальной жизни и попал в какой-то заколдованный враждебный мир. И это, — думал я не без иронии, — не какая-нибудь затерянная в мировом пространстве захудалая планетка, а родной брат Земли, если можно так выразиться, — ее ближайший сосед.

Пока я размышлял таким образом, небо сделалось заметно ярче. Подняв голову, я увидел над собой красный огненный шар и приветствовал его, как давнишнего друга. Наконец-то я увидел знакомый мне предмет, милое старое Солнце.

Солнечный диск здесь, на Марсе, казался сравнительно небольшим, весьма отличным от земного солнца, победно плавающего на фоне мягкой синевы.

От этих размышлений я перешел к обдумыванию своего настоящего, весьма ненадежного, положения и неведомого будущего. Надо было действовать. Прежде всего я облекся в свой костюм, сел на машину и докончил провизию, от которой сохранились только жалкие остатки. Передо мной стояла дилемма: либо пан, либо пропал, — или я найду себе пищу или погибну. Корабли сожжены. Я решил лететь на небольшой высоте от поверхности Марса, опускаясь на планету каждые четыре часа, полет должен быть медленным, чтобы ничто не могло ускользнуть от моего наблюдения.

Весь день я летел низко над песками, и характер местности оставался неизменным: все та же однообразная унылая пустыня.

С наступлением темноты я снова опустился на пески. Я был очень голоден, но делать было нечего, — приходилось терпеть. Прежде, чем лечь спать, я взглянул на темнеющее небо, и в вечернем освещении, после зловещего дневного сияния, оно показалось мне спокойным и кротким.

В пустыне царило гробовое молчание: ни звука, ни дыхания. На темном багрянце неба мерцали мириады звезд. Одни из них были моими старыми знакомыми, другие же чужды мне и неведомы. Я

заметил несколько звезд, обычно видимых у нас в северных широтах: Орион, Арктур, Сириус, Альдебаран — все были налицо. Однако не было видно ни Большой Медведицы, ни Плеяд. Зато светили некоторые звезды, видимые на Земле только к югу от экватора. Южный Крест горел во всем своем великолепии. Спокойный и величавый среди мерцающих звезд плыл Юпитер. Я начал искать вечернюю звезду — Венеру, но не смог найти. Наконец, мне показалось, что я ее разыскал: в северной части неба появилось крупное светило, затмившее своим блеском бесчисленные рои звезд. Однако беглые вычисления доказали мне, что это не могла быть Венера. Вынув из кармана зрительную трубку с мощными стеклами, я принялся наблюдать яркую звезду. Мое любопытство все возрастало. Я весь дрожал от волнения. Эта ослепительная планета — наша Земля. Планета была, конечно, слишком удалена, чтобы я мог рассмотреть ее отличительные черты, но вблизи ее я заметил световую точку. У этой планеты был только один спутник. Сомнения отпадали, — это была Земля.

Сняв шляпу, я низко поклонился своей матери Земле. Я — самый отважный и, дерзко сказать, самый удачливый из всех мировых путешественников, исследователей неведомых областей, — поклялся охранять честь нашей старой планеты в этом чуждом, суровом мире. В порыве неожиданной гордости и самоупоения я схватил пригоршню песка и бросил ее вверх по направлению к далекой Земле. Вероятно, даже Вильгельм-Завоеватель, вступая на почву Англии, не испытывал такого удовлетворения и торжества.

Видимая с Марса, наша Земля представлялась обыкновенной звездой первой величины. По ее спокойному сиянию нельзя было догадаться, что она является очагом бесчисленных драм, горнилом разрушительных страстей. Находясь на Марсе, воспринимаешь мир со строго научной точки зрения. Здесь ты не считаешь родимую планету средоточием Вселенной. Земля представляется отсюда заурядным произведением вечно творящей природы.

Из всех людей Земли один я получил привилегию наблюдать совсем иную сферу творчества природы. Интересно знать: что произвела природа на Марсе — людей или чудовища? Если здесь имеются люди, то что они собой представляют? Каковы бы ни были марсиане, меня они чрезвычайно интересовали. Даже гибель от Минотавра представлялась менее ужасной, чем грозившая мне медленная голодная смерть.

Во всяком случае, — думал я, — недолго осталось мне жить. Однако короткая блестящая жизнь куда предпочтительнее долгому монотонному прозябанию в нужде и бесплодных желаний. Жизнь исследователя, смелого путешественника, несмотря на сопряженные с нею смертельные опасности и лишения, без сомнения лучше косной рутинной жизни всеми уважаемого буржуа.

При свете звезд марсовы пустыни имели достаточно фантастический вид, и смешно было думать, что как раз в этот час служащие королевской биржи спешат с работы домой.

Чтобы обмануть голод, начинавший терзать меня, я вообразил, что нахожусь в своем любимом ресторане на Чипсайде. Я вспомнил кофе, которым славится это заведение, и приятное воспоминание быстро нагнало на меня сон. Погружаясь в объятия Морфея, я подумал, что ни один арабский калиф или персидский шах не наслаждался таким дивным ароматным напитком, как я.

В эту ночь, в противоположность предыдущей — мой сон был беспокоен. Меня мучили тяжелые кошмары. Сначала я видел себя летающим на зеленом мотоцикле по Лондону и свободно проникающим в открытые окна домов. Затем, словно по мановению волшебного жезла, я очутился в своей квартире, за обеденным столом. Передо мной лежала кipa писем. На каждом конверте стояло: «А. С. Джинксу, экскавайру, до востребования, Марс». Внезапно вся эта белиберда исчезла, и я увидел себя лежащим на песке пустыни. Затем я услышал оглушительное жужжание, и огромный дракон медленно опустился с неба и схватил мой зеленый мотоциклет.

Я весь дрожал во сне, слыша тяжелые крадущиеся шаги и сопение гигантского зверя. Это был слон с походкой огромной кошки. Меня охватил невероятный ужас, и я почувствовал, что обливаюсь холодным потом. Всем существом я ощущал, что на меня из мрака надвигается какая-то неведомая смертельная опасность, и делал тщетные усилия проснуться. Я весь оцепенел от леденящего немого ужаса. Огромная темная фигура стояла надо мной, и два чудовищных белых глаза глядели на меня в упор. Наконец, нахлынуло забвение, и я словно провалился в черную бездну. Когда я проснулся, на красном небе уже сияло беспощадное солнце. Тяжело дыша, я поднялся на ноги, осмотрелся и замер: на песке чернели гигантские следы, тянувшиеся от места, где я лежал, в глубь пустыни. Несомненно, они принадлежали какому-то колоссальному чудовищу, ходившему на задних лапах. Судя по размеру следов, лапы зверя были не меньше слоновых, но гораздо шире расставлены.

Я боязливо огляделся по сторонам. В тускло мерцавшей пустыне по-прежнему не было заметно признаков жизни. Чудовище ушло неведомо куда. Только гигантские следы являлись безмолвными, но красноречивыми свидетелями его ночного посещения.

Я вынул револьвер и выстрелил два-три раза в воздух. По пустыне, нарушив мертвенное безмолвие, прокатилось сухое, короткое эхо. Однако ни звука не раздалось в ответ. Пустыня по-прежнему молчала и, казалось, затаила глухую злобу против нарушителя ее извечного покоя. Напрасно я вглядывался в песчаные дали. Ответа не было. Я был одиноким отшельником, заживо погребенным в песчаной пустыне. Смертельная опасность, грозившая мне ночью, от-

хлынула неведомо куда. Но кто был мой ночной посетитель? Как это узнать? Повинуясь инстинкту самосохранения, я повернулся к своей машине, намереваясь поскорее улететь с проклятого места. Изумление и ужас приковали меня к месту: зеленый мотоциклет исчез!

ПЕЩЕРА ПОЛИФЕМА

С минуту я стоял растерянный, сбитый с толку. Придя в себя, я понял все значение моей потери. Я был один на Марсе, лишенный пищи, без всякой надежды на спасение. Меня ожидала медленная голодная смерть или же не менее ужасная перспектива достаться на завтрак неведомому чудовищу. Итак, мой ночной кошмар был не только сном, его конец оказался ужасающей явью. Белые глаза, преследовавшие меня во сне, очевидно принадлежали вору, лишившему меня возможности спасения. Счастье мое, что я не проснулся и не попал в пасть незнакомцу. Без сомнения, он принял меня за труп. Этот факт, конечно, не говорил в пользу его умственных способностей. Я содрогнулся при мысли о том, какая чудовищная смерть мне грозила.

Внезапно мне пришло в голову, что, пока я стою и размышляю, последняя надежда на спасение все больше и больше удаляется от меня. Любой ценой летательная машина должна быть отнята у чудовища. Нельзя терять ни мгновения. Я опустился на колени и стал жадно рассматривать следы, используя знания, приобретенные мною у индейцев во время моего пребывания в долинах Андов.

Следы были совсем свежими. Судя по всему, зверь прошел здесь часа три тому назад. За это время он не мог далеко уйти. Такое огромное животное должно было двигаться медленно, особенно же с моей машиной в лапах. Я не мог понять, как это ему удалось так беззвучно унести мой аппарат. Судя по тому, что на песке не было следов от машины, животное должно было ее нести в лапах. Во всяком случае надо было торопиться, так как вечно движущиеся пески пустыни не могли долго хранить отпечатки лап. Взмахнув ружье на спину, я двинулся быстрыми шагами в путь.

Пройдя несколько миль, я обнаружил, что отпечатки лап становились все менее отчетливыми. Мне пришлось остановиться. Я начал обследовать почву. Прыжки неведомого двуногого шли в разные стороны; казалось, оно умышленно путало следы. К этому моменту у меня сложилось впечатление, что следы принадлежали какому-то кенгуроподобному животному, размерами, приблизительно, со слона, расхаживавшему на задних лапах. Оно делало гигантские прыжки, достигавшие иной раз пятидесяти-шестидесяти футов; конечно, следовало принять во внимание условия притяжения на Марсе: на земле прыжки такого зверя были бы вдвое короче. Тем не

менее только существо огромнейших размеров могло делать такие прыжки. Когда немного остыла горячка погони, я начал раздумывать, может ли подобное животное устоять против пули.

День склонялся к вечеру, и красный диск уже приблизился к горизонту, когда я заметил по направлению к северу на расстоянии нескольких миль от себя цепь крутых холмов. Я сообразил, что, идя нормальным ходом, т. е. делая десять миль в час, я достигну этих холмов через полчаса. Следы, становившиеся все более запутанными, вели прямо к холмам, где и должно было находиться логово чудовища. Я надеялся, что застану зверя крепко спящим после утомительного путешествия и смогу убить его, не подвергаясь опасности.

А что, если такие звери живут стадами и ютятся в пещерах? Веселая перспектива, нечего сказать! Однако у меня не было выбора, и я зашел слишком далеко, чтобы возвращаться назад. Во что бы то ни стало надо отыскать зеленый мотоциклет. Без него мне грозит неизбежная смерть. Допустим даже, что мне удалось бы каким-нибудь чудом выжить; но передо мной была перспектива пожизненного заключения на Марсе, жалкого прозябания в мертвой пустыне, под ослепительным солнцем, среди бесконечных опасностей. Мне оставалось или вернуть свою летательную машину, или погибнуть в борьбе за нее. Я любовно погладил свое ружье и поклялся жестоко отомстить ночному грабителю.

Вскоре я подошел к гряде холмов и с ужасом увидел, что следы внезапно обрываются.

Мне пришло в голову, что животное решило схитрить и вернулось по следам назад. Иначе, куда оно могло деться? Рассматривая почву, я сделал новое открытие. Последние два отпечатка лап были глубже всех предыдущих. Видимо, животное в этом месте вдавилось в песок всей своей тяжестью, припав на задние лапы. Лесная мудрость индейцев помогла мне разгадать значение этого явления. Мне приходилось видеть подобного рода вдавленные в землю следы, сделанные ягуаром у подножья дерева. Это было указание на прыжок. Несомненно, в этом месте чудовище прыгнуло. Однако незаметно было, чтобы оно опустилось где-нибудь поблизости. Мною овладело отчаяние. Опершись на ружье, я уныло смотрел вверх, на крутые песчаные склоны холмов.

Итак, вор оказался летающим ящером. Исчезла и последняя надежда найти зеленую машину.

Однако я не так-то легко отчаиваюсь, в моей натуре заложена огромная сила сопротивления. Я начал разыскивать способ взобраться на холмы.

Хотя благодаря чудодейственным свойствам притяжения Марса, я и не чувствовал особенной усталости, но меня терзал ужасающий голод. Есть было, однако, нечего. Волей-неволей приходилось со-

хранять бодрость в тяжелых обстоятельствах. Так как мне вовсе не хотелось быть съеденным во время сна, я решил продолжать свои поиски в темноте, время от времени делая краткие привалы. Чудовище необходимо было выследить до его логова... Непреодолимое на первый взгляд препятствие, казалось, бросало вызов моему упорству, заставляя меня удвоить рвение.

Я лег на песок и вскоре заснул, но ненадолго. Проснулся я, дрожа всеми членами. Было темно, и небо сверкало звездами. Надо мной высились темные контуры холмов. Кто-то невидимый смотрел на меня в темноте. Над гребнем холмов я мог разглядеть два глаза, каждый величиной с фонарь, жутко таращившихся на меня. Совсем как у чудовищного пса в волшебной сказке, — невольно подумалось мне. Затем глаза исчезли, и гигантская черная фигура на мгновение поднялась над холмом.

Я быстро овладел собой, обуздав усилием воли расхолодившиеся нервы. Схватив поспешно ружье, я выстрелил в пространство. Эхо подтвердило и далеко разнесло в тихом воздухе раскаты выстрела. Наконец, смолк последний отголосок, и мне показалось, что я уловил новый звук, отличный от раскатов эха: такой звук могло производить огромное животное, убегавшее на мягких, словно подбитых войлоком лапах. Я бросился плашмя на землю и припал ухом к песку, но не мог больше уловить ни звука. Меня окружало зловещее давящее молчание пустыни.

Я пробыл на Марсе всего каких-нибудь сорок восемь часов и уже был совершенно убежден, что планета населена живыми существами. Казалось, я попал в сказочный мир чудовищ. Легко можно было предположить, что холмы и пещеры скрывают в себе жутких фантастических обитателей.

Я вспомнил про ущелье в Андах, о котором мне говорил Хезерингтон. Туземцы до смерти боятся этой странной-лощины и уверяют, что она населена существами, о которых опасно даже говорить. Рассказывали, что ночами по одиноким скалам, сдавившим узкую щель, бродят странные тени, и в темноте эхо разносит жуткие нечеловеческие звуки...

Вскоре поднялись обе луны * — Фобос летал по небу со скоростью скаковой лошади, Деймос же плелся тихим ходом лошади-тяжеловоза. При свете этих двух спутников Марса я смог различить крутую стену холмов, высоту около трехсот футов. По-видимому, это было начало какого-то гигантского горного плато. Кругом

* Фобос и Деймос — спутники Марса. Фобос вращается вокруг своей оси со скоростью, превышающей скорость вращения всех остальных тел нашей Солнечной системы. Он облетает Марс приблизительно в семь часов, совершая три полных оборота в сутки. Последние на Марсе, как и на Земле, равны приблизительно двадцати четырем часам.

расстилалась пустыня, окутанная черным покровом теней, мрачная и зловещая в обманчивом лунном сиянии.

Сперва я вздумал было сделать попытку взобраться на песчаные откосы, высившиеся передо мной. Скоро, однако, я увидел, что это невыполнимая затея. Исследуя склоны холмов, я прощупал под слоем песка какую-то твердую горную породу. Скользящая неприступная стена — не за что ухватиться. Чтобы попасть в убежище моего таинственного врага, следовало двинуться в обход. Быстрыми шагами я двинулся в путь, огибая каменную гряду и пытливо вглядываясь, не найдется ли трещины, по которой я мог бы проникнуть в эту естественную крепость.

Было светло. Ближайший к Марсу спутник по своей величине равнялся, приблизительно, двум третям нашей Луны, вторая же луна казалась не крупнее уличного фонаря, видимого на расстоянии нескольких сот ярдов. Мягкий свет, заливавший небеса, действовал на меня успокоительно после беспощадного дневного сияния.

Я прошел несколько миль, не встретив ни малейшей возможности проникнуть внутрь заколдованной горной твердыни. Бесконечной волнистой грядой тянулись холмы, местами обволакивавший их песчаный покров прорывался и обнажалась какая-то серая горная порода. Благодаря невысокому давлению атмосферы, на Марсе не было резких ветров. Поэтому пески скапливались огромными грудами на скалистом грунте. Ни звука не долетало до меня во время этого одиночного ночного странствования. Черные громады холмов, казалось, глухо хранили тайну своих фантастических обитателей.

Так шел я часа два. Холмы становились все круче и обрывистее, и, в конце концов, я очутился перед отвесной каменной стеной, дерзко вздыбившейся над пустыней. Вершина скал, гордо глядевшая на юг, была почти обнажена, и было что-то угрожающее в ее черном извилистом силуэте. Кругом тянулись, изгибаясь по всем направлениям, бесконечные песчаные волны. Я стоял, застыв на месте, подавленный мрачным величием и красотой горной твердыни. Меньшая из лун уже заканчивала свой путь по небу и низко висела над скалами, готовая вот-вот за них закатиться. Картина была фантастическая. Лунный свет на Марсе так же романтичен, как и на Земле. Мощный отвес скал, залитый серебристыми лучами, резко выступал над пустыней и, казалось, дерзко властвовал над ней, распростертой у его подножия.

В моем положении было, однако, мало романтического. Я знал, что так или иначе необходимо проникнуть в замороженное кольцо скал и найти летающее чудовище, так дерзко меня ограбившее. Луна неожиданно пришла мне на помощь.

Ни одного моряка и ни одного влюбленного не выручала так земная владычица, как выручила меня ее сестра на Марсе. Я стоял и смотрел вверх, прикрыв глаза рукой. Внезапно фобосовы лучи,

скользнув по утесам, осветили темную расселину, зиявшую на высоте каких-нибудь ста футов над уровнем пустыни. Расселина, казалось, уходила далеко вглубь каменистого плато... Спустя мгновение я заметил узкую трещину в каменной стене, еле видную за песчаным холмом. Мне пришло в голову, что трещина ведет к замеченному мною ущелью, и я поспешно направился к ней. Фобос освещал мне дорогу.

Подойдя к утесам, в первый момент я не смог ничего разглядеть, так как Фобос скрылся, опустившись за скалы. Мои усердные поиски завершились неудачей. Я был готов уже отложить дальнейшие розыски до наступления утра, когда заметил высокий песчаный холм, почти соприкасавшийся со стеной. Я взобрался на холм, чтобы оглядеть с него местность. Каково же было мое изумление, когда я очутился перед широким отверстием в скале, совершенно заслоненным холмом. Если бы не фобосов луч, скользнувший по поверхности скалы, мне бы ни за что не обнаружить отверстия. Итак, случай указывал мне путь в заповедную твердыню. Вскинув ружье на плечо и сунув в каждый карман по револьверу, я вполз в отверстие, и меня поглотила непроглядная тьма. Я зажег спичку и при свете ее колеблющегося пламени обнаружил, что нахожусь в темной пещере, в противоположном конце которой виден бледный луч звездного света. Догадавшись, что пещера эта должна быть сквозной, я поспешил к мавишему меня лучу, спотыкаясь во мраке, падая и царапывая в кровь колени.

Наконец, я добрал до конца пещеры. Зажегши вторую спичку, я обнаружил на потолке пещеры огромное отверстие, через которое виднелось небо. В недоумении я остановился: как продвигаться дальше? Однако при вспышке следующей спички я смог различить ряд грубо высеченных в скале ступеней, ведущих к отверстию в потолке. Сомнений быть не могло: ступени были действительно высечены чьей-то рукой. Итак, я приближался к обиталищу какого-то неведомого существа.

Я начал подниматься по каменной лестнице, тщательно осматривая каждую ступень, ища на ней отпечатков ног. Ничего, однако, не было заметно. Ступени были колоссальных размеров и предназначались, вероятно, для какого-то племени великанов. Меня обычно считают храбрецом, однако, признаюсь, я испустил вздох облегчения, выбравшись наконец из пещеры и очутившись под открытым звездным небом.

Освоившись со сравнительно ярким светом, ослепившим меня после непроглядной тьмы пещеры, я заметил, что нахожусь в глубоком ущельи, рассекавшем скалистое плато. Оно было загромождено огромными камнями и, извиваясь, уходило в непроглядную тьму. Залитое звездным светом ущелье напоминало мне своеобразную расселину в калифорнийских сизэррах, своего рода траншею,

созданную природой. Я подумал о каменных глыбах, расположенных в виде ступеней; они были весьма интересны. Не приходилось думать, чтобы это была игра природы.

Я начал осторожно пробираться по ущелью, опираясь на ружье, как на посох. У меня не было ни малейшего желания сломать ногу или руку в диком хаосе камней. Пройдя с полмили, я очутился в естественном амфитеатре, образованном скалами. Лощина упиралась в каменную стену, представлявшую непреодолимую преграду. Не было возможности двигаться дальше. В тот момент, когда я был уже готов возвратиться вспять, я заметил в одном из отвесов тесную щель, углублявшуюся в недра скал. Она была еле заметна в тени нависавших утесов и терялась, извиваясь во мраке. Ничего не оставалось делать, как избрать этот опасный путь.

Щель оказалась крайне узкой, шириной с придорожную канаву, и поднималась так круто, что я скоро начал задыхаться. Только опытный горец мог бы совершить этот подъем. По мере того, как я поднимался, нависавшие надо мной две каменных стены все ближе подходили друг к другу и наконец образовали нечто вроде арки. Я очутился в полной темноте, так как звездный свет больше не проникал в расселину. Медленно-медленно, ощупывая путь, я продвигался вперед. Понадобился добрый час, чтобы добраться до конца прохода. Внезапно щель расширилась, каменная стена раздвинулась, и я снова увидел звездное небо.

В следующее мгновение я заметил нечто такое, от чего у меня замерло дыхание, и я невольно начал призывать на помощь всех христианских святых и языческих богов. Справа от меня по отвесу скалы поднимались гигантские каменные ступени, расположенные на одинаковом расстоянии друг от друга и примыкавшие наверху к какому-то темному предмету. Не могло быть сомнений относительно искусственного характера этой странной лестницы. Огромные ступени были высечены в скале, чтобы облегчить подъем на отвесный утес. Итак, я приближался к логову пещерного жителя.

После ужасных часов, проведенных в одиночестве в пустыне, мне, пожалуй, было бы приятно увидеть даже дракона.

Не колеблясь, я начал взбираться по каменной лестнице. Вскоре я добрался до верха, и передо мной открылся жуткий вид. Я стоял на краю черного колодца, спускавшегося несколько наклонно в самое недра скал. Подняв камень, я бросил его в черную глубину. Чуть ли не минута прошла, прежде чем я услышал сухой металлический звук падения. Даже принимая в соображение слабое притяжение планеты, приходилось признать, что глубина колодца огромная.

Не могло быть, конечно, и речи о том, чтобы спускаться в черную бездну, и я решил вернуться в лощину, из которой пришел. Внезапно я заметил огромную каменную глыбу, нависавшую над колодцем.

Она напомнила мне ступень лестницы, по которой я поднялся сюда. Без сомнения, чудовище живет в этом ужасном колодце, оно не лишено разума, если смогло сделать доступный подъем на эту отвесную кручу и спуск в свое глубокое логово. Хотя с помощью спички мне удалось разглядеть колодец всего на несколько ярдов вглубь, я решил спускаться. Я зашел слишком далеко, чтобы возвращаться вспять.

Перед тем как погрузиться в темноту, я бросил прощальный взгляд на ясное звездное небо. Высоко надо мной сияла Земля, безмолвная свидетельница дерзкой затеи самого отважного, — так мне хотелось думать, — из своих сынов. Махнув на прощанье рукой родной планете, я начал спускаться.

Спуск оказался весьма рискованным и занял у меня — насколько я мог рассчитать — около часа. Кругом была непроглядная тьма, ступени скалистой лестницы имели неправильную форму и далеко отстояли друг от друга. На каждом шагу мне приходилось зажигать спичку и выискивать следующую ступень. Вследствие того, что они находились на различном расстоянии одна от другой, я не всегда ясно их видел. Спускаясь с одной из ступеней, я пережил несколько ужасных секунд, пока висел в пространстве, не зная, что меня ожидает — жизнь или смерть. К счастью, я коснулся ногами края следующего камня. Очевидно, неведомый строитель лестницы все-таки планомерно располагал ступени. К концу этой «лестницы Иакова» у меня истощился почти весь запас спичек. Однако к этому времени глаза несколько освоились с жуткой темнотой, и я благополучно закончил спуск.

Добравшись до дна колодца, я увидел, что нахожусь в узком, напоминавшем туннель проходе, углублявшемся в скалу. Постояв немного, чтобы отдышаться и собраться с мыслями, я пошел по подземной галерее. Мои нервы были расшатаны. Я чувствовал себя подавленным дикой, грозной природой и жутким, загадочным характером места, в которое попал. Казалось, я находился в какой-то «комнате ужасов», где самое невероятное представлялось возможным. Пока я продвигался вдоль по черному коридору, мне казалось, что вот-вот из мрака выступит гигант-людоед; несколько раз я боязливо оглядывался, ожидая увидеть какую-нибудь чудовищную фигуру. В таком месте меня не удивило бы появление даже самого дьявола. Нервы были до такой степени возбуждены, что я схватился за ружье, услышав падение камня, сорвавшегося с потолка от сотрясения, вызванного моими шагами.

Признаюсь, я испытал немалое облегчение, выбравшись, наконец, из этого мрачного прохода и очутившись в огромной пещере. Кругом была сплошная тьма, и только в отдаленном конце пещеры брезжил чуть видный свет. Никогда моряк, застигнутый бурей на море, не радовался так пламени маяка, как я этому бледному свету.

Я был измучен долгим пребыванием во мраке, непрерывным ожиданием какой-то смертельной опасности. Мысли были скованы ужасом. В мрачной пещере, казалось, витали призраки: это было царство смерти и ужаса. Я невольно подумал о том, что попал на планету, переживающую давно пройденную Землей ступень развития, и в моей голове всплыли жуткие картины доисторической жизни нашей планеты. Содрогаюсь от ужаса, я устремился к свету, но на полпути поскользнулся и упал. Ощупывая вокруг себя почву, я дотронулся рукой до какого-то холодного липкого предмета, наощупь напоминавшего череп.

Я уже опустошил одну коробку спичек во время спуска, поэтому, упав на пол, я начал поспешно разыскивать другую коробку, находившуюся в кармане брюк. Пришлось немало провозиться, пока мне, наконец, удалось зажечь спичку. Зрелище, представившееся моим глазам, было так ужасно, что, признаюсь, рука моя сильно задрожала, и спичка стала чертить в воздухе огненные зигзаги.

Я находился в небольшой пещере, высотой не более десяти—двенадцати футов. Каменный пол был весь усеян костями и трупами животных в различных стадиях разложения. Даже в неверном мигающем свете спички я мог разобрать, что некоторые из трупов были наполовину обглоданы. Овладев собой усилием воли, я вынул электрический фонарик и при его сравнительно ярком свете разглядел как следует внутренность пещеры. Зрелище было, действительно, потрясающее. В пещере стоял сильный трупный запах. Я находился в зловонном логове циклопа Полифема. Трудно было, конечно, предположить, что такое свирепое чудовище окажется гостеприимным хозяином. У меня не было ни малейшего желания, чтобы к этим скелетам присоединился также и мой, поэтому я поспешно взвел курок ружья. Приведя себя в боевую готовность, я осторожно направился к безразличному свету.

Было тихо. Не слышно было дыхания чудовища, однако при свете фонарика я различил на полу отпечатки двух гигантских лап. Я надеялся, что застану циклопа спящим после обильного ужина. В таком случае он очутился бы в новой для себя роли, превратясь из палача в жертву. Остановившись возле выхода из пещеры, я любовно погладил свое ружье. Затем смело шагнул наружу. Казалось бы, меня трудно чем-нибудь удивить: немало ужасов пришлось мне переживать на своем веку. Однако то, что я увидел, выйдя из пещеры, превосходило всякое воображение. До последнего издыхания будет меня преследовать эта чудовищная картина.

Я находился в небольшом горном цирке, окруженном со всех сторон черными отвесными скалами. В центре цирка высился гигантский скелет, по меньшей мере шестидесяти футов в высоту, мерцавший жуткой белизной в матовом фобосовом свете. Фобос вторично поднимался на небо; он всплыл над контуром скал и залил

лощину мягким серебром. Чудовищный костяк одиноко маячил посреди пустой площадки, и при лунном свете четко выступали его огромные суставы. В первый момент я невольно попятился в ужасе, но затем, внезапно осмелев, решил поближе рассмотреть скелет. Скелет оказался сравнительно свежим, насколько я мог судить, после смерти гиганта прошло всего несколько недель, самое большое — месяцев. Можно было подумать, что это скелет гигантской обезьяны, если бы не одна сбивавшая с толку особенность. На шее находились две головы, глядевшие в разные стороны и повернутые к плечам. Это создавало особенно жуткое впечатление. Чудовище сидело, прислонившись к камню, и достигало даже в сидячем положении, по крайней мере, сорока футов в высоту. Итак, хозяин пещеры, полной костей, сам превратился в скелет.

Приблизившись к гиганту, я начал тихонько обходить его со всех сторон. Затитый ярким фобосовым светом скелет мерцал, словно какой-то сказочный маяк... Становясь все смелее, я подошел вплотную к мертвому циклопу и ударил его прикладом ружья. Огромная фигура затряслась, зловеще задребезжали кости. Не желая оказаться погребенным под останками гиганта, я поспешил вернуться в пещеру и принялся разглядывать костяки. Последние показались мне весьма необычайными, хотя некоторые из них напоминали скелет гориллы. Один костяк особенно привлек мое внимание: он показался мне похожим на остов какого-то гигантского муравья и стоял, вытянувшись на задних лапах. Я вспомнил слова Найтингеля о барельефах, высеченных на аэролите, и невольно свистнул. К моему удивлению, сквозная пещера внезапно наполнилась оглушительным свистом. Пронзительные визжащие звуки потрясали воздух, словно в пещере. Разбросанные на полу черепа тоже, мерещилось мне, свистели, жутко осклабясь. Без сомнения, это явление было результатом каких-то акустических особенностей пещеры. Однако, в этой сказочной обстановке, при мертвенном фобосовом освещении, звуки казались исходящими из-под земли, и меня невольно пронизала холодная дрожь. Я опрометью бросился наружу.

Однако, представившееся мне зрелище обратило меня в новое бегство — я скрылся в пещеру даже скорее, чем из нее выбежал. Скелет циклопа, высившийся посреди цирка, издавал такой ужасающий свист, словно в нем гнездились целые рои бесов. У него был еще более грозный и призрачный вид, чем раньше, так как в этот момент Фобос скрылся за выступом скалы. Но скелет не был одинок. Вокруг него сидели на корточках какие-то гигантские фигуры, напоминавшие одновременно и огромных летучих мышей и доисторических динозавров. В мертвом молчании восседало таинственное сборище. Призрачные гигантские фигуры в звездном свете казались еще больше.

Потеряв голову от ужаса, я поднял ружье и выстрелил. Звук

выстрела прогремел, как гром, по тихому черному цирку. Скалы подхватили и далеко разнесли эхо. Казалось, темная пещера позади меня наполнилась ружейными выстрелами и высоко в горах загрохотала артиллерия... Все это произвело самое неожиданное впечатление на странную компанию гигантов. Ужасные создания медленно поднялись в воздух и образовали над моей головой большую темную тучу; казалось, полчище духов тьмы парит над горами.

Признаюсь, я почувствовал, что мужество меня покидает. Повернувшись, я бросился бежать по пещере, наступая на скелеты и спотыкаясь о них, как пьяный. Немалое облегчение испытал я, очутившись в проходе, ведущем к колодцу, по которому я опустился в подземелье. Однако здесь меня ожидал новый жуткий сюрприз. По туннелю раздавался топот чьих-то мягко ступавших тяжелых ног. Кто-то неведомый приближался ко мне.

Первой моей мыслью было перебежать пещеру и выбраться вновь под открытое небо. Там, в горном цирке, я смогу, по крайней мере, хотя бы немного оглядеться и отдышаться. Во всяком случае, лучше умереть под звездным небом, чем в темноте, словно какая-нибудь крыса. Однако в тот момент, когда я был уже готов отступать, я заметил, что шаги замедлились. Чудовище, казалось, находилось в нерешительности и чувствовало себя в этом туннеле не лучше, чем я. Я решил подождать его, надеясь укрыться в темноте. Прижавшись к стене, я вынул револьвер, который здесь в узком проходе был более пригоден, чем ружье. Само собой разумеется, я дожидался прихода чудовища со стучащими зубами и трепещущим сердцем. К этому моменту все пережитые ужасы до такой степени взвинтили мои нервы, что я считал себя уже погибшим. Куда девался мой хваленый воинственный дух! В этой обители демонов я чувствовал себя слабым ребенком.

Скоро я понял, что ко мне приближается несколько существ. Они двигались по туннелю медленно, то и дело останавливаясь. Вдруг они выплыли из мрака и медленно двинулись мимо меня в пещеру. В темноте я смог все-таки разобрать, что они огромной длины и идут на четырех лапах. Жуткая процессия подземных гигантов, возвращающихся в свое жилище, в недра скал. Меня поразила медленность их хода, опасливость и неуверенность всех движений. Во мне шевельнулась догадка...

Внезапно огромная фигура выплыла из-за поворота, и гигантская волосатая лапа опустилась мне на голову. В ужасе я припал к камням и почувствовал, как лапа ощупывает мою голову. Потом чудовище, словно потеряв меня, начало царапать лапой по скале над моей головой. Еще мгновение, и гигантская неуклюжая туша двинулась прочь и пропала в темноте.

Я решил рискнуть — и остался, где был.

Через несколько секунд ко мне приблизилась следующая тяжелая неуклюжая фигура. Перед глазами встала слоноподобная громада. Я дерзко выхватил электрический фонарик и с сильно замирающим сердцем направил его на темную массу. В ослепительном свете я увидел гигантское чудовище длиной в несколько ярдов. Его голова находилась почти против моей, и огромные белые глаза смотрели на меня в упор. Однако, когда свет ударил в глаза гиганта, тот даже не моргнул. Я выяснил то, что мне хотелось знать. Подземные гиганты были слепы. Их зрение атрофировалось в результате многовекового пребывания в темных пещерах. Вероятно, они никогда не поднимаются на поверхность скал, разве только ночью, повинуясь странному инстинкту.

Удивительно, как создан человек. Не успел я сделать последнее открытие, как мой страх рассеялся, и я почувствовал жалость к этим неуклюжим существам, с трудом пробиравшимся по подземному проходу.

Еще долго мне было слышно, как процессия гигантов ползла по подземной галерее, ударяясь о стены и натываясь на разбросанные по полу черепа и кости. Грохот костей звучал, как жуткая музыка, и невольно напомнил мне о моем нежелании присоединить свой человеческий череп к богатой коллекции этого ужасного музея. Мне пришло также в голову, что сюда могут забрести и какие-нибудь зрячие чудовища, которые разглядят меня в темноте. У меня не было ни малейшего желания сыграть роль мыши и попасться в лапы какой-нибудь чудовищной кошки, обитательнице подземного мира. Поэтому, не теряя времени, я пустился бежать по туннелю. Скоро достиг я каменной лестницы и начал взбираться по огромным ступеням. Однако подъем оказался куда труднее спуска. Мне приходилось делать ужасные усилия, чтобы перебираться со ступени на ступень. Одна мысль о падении в жуткую тьму колодца заставляла меня содрогаться. Однако природа наградила меня выносливостью быка и ловкостью кошки. К тому же я обладаю большим навыком лазания по кручам. Задышавшись и выбиваясь из сил, я выбрался, наконец, из проклятого колодца и снова увидел над собой звездное небо. Руки и ноги были словно налиты свинцом. Я огляделся: лощина была по-прежнему пуста и безжизненна. Укрывшись за выступ скалы, я скоро уснул и во сне снова увидел безмолвных гигантов, медленно шествовавших по подземному коридору.

«ХЕЛА—ХЕЛА»

Проснувшись я увидел, что лежу на скале, на самом краю обрыва. К северу тянулась сплошная гряда скал, там и сям прорезанная пропастями. В беспощадном красном свете расстилавшаяся

внизу пустыня казалась особенно жуткой и безотрадной. Нечего было и думать об отступлении. Спасения следовало искать именно к северу, где, по моим расчетам, должен был находиться цивилизованный мир. Во всяком случае, суровые скалы казались менее ужасными, чем немая безбрежная пустыня. Передо мной с особой быстротой стал вопрос о пище; голодные схватки в желудке становились все назойливее, и я чувствовал, что теряю силы. Ничего не могло быть ужаснее, как умереть медленной голодной смертью в этом мире, населенном чудовищными гадами. Снова перед моими глазами промелькнули жуткие картины предшествующей ночи. Я подумал было о том, чтобы еще раз спуститься в пещеру циклопа, однако тут же решил, что эта затея не даст никаких результатов, кроме удовлетворения праздного любопытства. К тому же, я всегда мог натолкнуться на каких-нибудь новых посетителей кладовых циклопов. Итак, я быстро зашагал по направлению к северу, радуясь яркому солнцу, которое на Марсе, так же как и на Земле, обладает способностью прогонять ночные страхи и тени. Не желая сделаться добычей чудовищных крылатых хищников, виденных мною возле скелета пещерных жителей, я принял твердое решение лишить себя жизни, в случае если бы мне не удалось достать пищи.

Вскоре я очутился среди причудливых холмов, перемежавшихся со скалами и своим характером напоминавших отроги Анд. Холмы эти были совершенно лишены всякой растительности. Хотя я уже успел убедиться, что Марс населен пресмыкающимися и даже людьми — если пещерного циклопа можно было назвать человеком, — тем не менее до сих пор я еще не встречал ни малейшего признака растительности. Я начал уже падать духом, когда вспомнил о длинных красных полосах воды, виденных мною во время полета.

Надежда снова пробудилась в моем сердце. Если я буду неуклонно продвигаться вперед, должен же я добраться до границ цивилизованной области, расположенной по берегам каналов? Неправильно было бы судить о Марсе только по глухим холмам и безотрадным пустыням, которые я до сих пор видел. Житель Марса, очутившись в австралийских пустынях или в ущельях Тибета, точно так же не мог бы составить себе правильного представления о Земле.

Однако, что такое наши самые свирепые и кровожадные животные по сравнению с гигантскими представителями фауны Марса? Внезапно меня осенила страшная мысль. А что если планета Марс впала уже в старческую дряхлость? Быть может, каналы — не что иное, как следы умершей культуры? Быть может, мне предстоит увидеть печальное зрелище заката и гибели цивилизации на Марсе? Возможно также, что планета представляет собою гигантское кладбище. Я подумал о неуклюжих, похожих

на медведей, чудовищах, проползавших мимо меня в туннеле. Неужели же на Марсе царят гигантские ящеры, подобные тем, которые на заре веков владычествовали на Земле, или же безобразные гиганты, вроде двуглавого хозяина полной черепов пещеры?

Как бы там ни было, трудно было надеяться на спасение.

Днем, в ярких согревающих лучах солнца, можно смело и бодро глядеть в лицо самым невероятным опасностям. Но каково здесь ночью, в слепом враждебном мраке, среди неведомых холмов? Впрочем, даже яркий дневной свет не изгладит из души воспоминаний о пережитом под землей: о чудовищной кладовой гиганта, о хрустящих под ногами черепах...

Размышляя таким образом, я не заметил, как очутился у подножия невероятно крутой, почти отвесной горы. Подъем оказался настолько тяжел, что мне пришлось отложить свои размышления до более подходящего момента. Никогда не приходилось мне совершать такого утомительного и опасного восхождения. Измученный голодом, сгибаясь под тяжестью ноши, я выбивался из последних сил. Думаю, на Земле такой подъем был бы невозможен, но на Марсе естественная энергия организма удваивается и соответственно уменьшается утомляемость. В конце концов, я добрался до вершины горы, и передо мной развернулась такая необычайная панорама, что я невольно испустил крик изумления.

Я находился на краю скалистого плато. Кругом простиралась красная выжженная пустыня, ослепительно сверкавшая в солнечных лучах. Каменистый остров, высившийся в песчаном океане, имел около десяти миль в окружности. Зловещие красные лучи заливали кроваво-черную поверхность скал, и молчание тяжелым саваном окутывало окрестности. Утомленным глазам нигде было отдохнуть: ни клочка тени, ни одного мягкого контура, ничего, кроме безжалостного, свирепого пламени, заливавшего песчаные волны и дикие скалы.

Мысли путались у меня в голове. Мне казалось, что я приблизился к грани небытия. Вот-вот прорвется завеса алого света, и я стану свидетелем каких-то жутких тайн...

Очнувшись от своего странного полузабытья, я продолжал путь на север в надежде найти убежище от мучительного слепящего света.

Вскоре у меня снова вырвалось восклицание изумления. Мои глаза, привыкшие к странной окраске неба, четко различали в ясном воздухе предметы, находящиеся на огромном расстоянии от меня. На горизонте я заметил полосу мягкого красного света, контрастировавшего с жгучей алостью неба и знойной желтизной песков.

Я вынул бинокль и скоро разглядел темную полосу растительности и мерцание воды. Конечно, я понимал, что на таком большом расстоянии легко было впасть в ошибку, кроме того, это мог

быть мираж. Во всяком случае, приятнее было бы погибнуть в поисках пищи, чем умереть жестокой смертью на безнадежных скалах. Мне показалось, что у меня хватит силы пересечь пустыню.

А что потом? Есть такие вещи, о которых лучше не думать заранее. Так было и в данном случае. Я решил немного поспать и отправиться в путь с заходом солнца. За весь день я ни разу не прилег, напуганный событиями прошлой ночи. По моим расчетам выходило, что, идя полным ходом, я смогу достигнуть места своего назначения на восходе солнца. Во всяком случае, к этому времени я уже буду знать, действительно ли я видел растительность или же сделался жертвой миража. Я растянулся на скале с горячей надеждой проснуться там же, где лег, а не во внутренностях какого-нибудь летающего ящера. Несмотря на свои опасения, я вскоре крепко заснул.

Когда я проснулся, солнце уже спускалось над пустыней, и тянувшаяся до горизонта песчаная равнина казалась гигантской огненной хартией. Недвижно застыли пески в тихом вечернем свете. Алое солнце раскидало по облакам чудесные золотые и багряные лучи. Мало-помалу в небесах воздвигся сказочный город, опоясанный алыми стенами и пылающий золотом минаретов. На западе поднимались обе луны и заливали облако волшебным серебристым светом. Внезапно я увидел нечто, доставившее мне больше радости, чем самые прекрасные земные или марсовые пейзажи. На севере близ линии горизонта ясно обозначалась сияющая полоса красной воды и темные пятна растительности. Сомнений быть не могло: там находился канал. Сильно обрадованный, я выхватил бинокль и ясно рассмотрел линию деревьев и мерцание воды. Мне показалось, что жизнь и цивилизация шлют мне привет через дикую пустыню.

Однако передо мной был еще долгий путь, и пора было отправляться. Я повернулся, чтобы подобрать ружье,— и отступил в ужасе. На краю скалы, в каких-нибудь двадцати ярдах от меня, стояло волосатое чудовище. Повернувшись ко мне спиной, оно пристально смотрело на заходившее солнце. Чудовище напоминало одновременно и медведя и гориллу. Меня поразило, что оно стояло на задних лапах. Присмотревшись, я уловил в структуре его тела отдаленное сходство со строением тела человека. Животное как-то странно размахивало лапами. Неуклюже раскачиваясь, как это делает медведь, оно наклонилось над пропастью. На мгновение я подумал, что животное упадет, однако оно вовремя отступило назад. В течение пяти минут я наблюдал зверя, который все время стоял ко мне спиной и, казалось, не замечал моего присутствия. Затем он повернулся и пошел прямо на меня. Его походка своей неуверенностью напоминала мне походку подземных марсовых чудовищ. Взмахнув несколько раз ружьем, я заметил, что животное

было или слепо, или крайне близоруко. Несколько мгновений я колебался, не зная, стрелять ли мне в него или пропустить его мимо себя. Казалось, животное не замечало меня. Приблизившись ко мне на расстояние шести футов, оно остановилось и начало тяжело, по-медвежьи сопеть. Затем оно поднялось на задние лапы и уставилось на меня своими огромными белыми глазами, очень высоко расположенными на лбу. Невозможно сравнить этого зверя ни с одним земным чудовищем. Попробуйте себе представить помесь гориллы с пещерным человеком, прибавьте сюда еще ухватки медведя, и вы получите отдаленное представление о марсовом пещерном жителе. Ростом животное было приблизительно с меня, но объемом своего туловища превосходило всех земных обезьян. Густая рыжеватая шерсть покрывала его с ног до головы. Из пасти угрожающе высывались два огромных клыка. Животное странно покачивалось на ногах и, казалось, готово было упасть. Я рассмотрел под его шерстью огромные надувшиеся мускулы, напоминавшие узлы на стволе дуба.

Постояв в нерешительности несколько мгновений, животное тяжело двинулось на меня, вытянув перед собой лапы. Совсем как слепой человек, который нащупывает перед собой путь,— промелькнуло у меня в голове. Как известно, в момент опасности наша мысль нередко цепляется за мелочи и неожиданно улавливает смешную сторону вещей. Наступил решительный миг. Либо пан, либо пропал. Я нажал курок. Выстрел был великолепен. Пуля попала прямо в выпученный глаз чудовища и пронзила его скудные мозги.

Результат был удивителен. Белый невидящий глаз вспыхнул злобным огнем, и волосатый зверь попятился шага на два назад, мотая головой, как собака, которую облили холодной водой. Затем он испустил густой оглушительный рев и неуклюже бросился на меня. Признаюсь, я бы настолько сбит с толку полным равнодушием зверя к пуле, засевшей в его мозгу, что едва успел спархнуться вправо и чуть было не попал в лапы чудовища. Зверь вертелся во все стороны с подвижностью, неожиданной для такого неуклюжего громоздкого создания. Куда девалась неуверенность его походки и осторожные движения! Передо мной был разъяренный хищник, подвижность которого не уступала его величине и силе. Я попытался было огреть его прикладом ружья, однако мощным ударом лапы он выбил из моих рук ружье, заставив меня зашататься. Испустив оглушительный рев, животное свирепо рванулось на меня.

Мы сцепились в бешеной схватке. Задышавшись от ярости, я наносил ему страшные удары в грудь и живот, однако с таким же успехом я мог бы колотить кулаками по скале.

Тошнотворный звериный запах ударил мне в нос. Я задышался.

Внезапно зверь схватил мою голову своими чудовищными лапами. Огромные клыки вот-вот готовы были меня пронзить. Однако в дикой схватке он утратил ясность ума и присутствие духа, которыми щедро наделила меня природа и которые неоднократно спасали мне жизнь. Помня, что чудовище слепо, я начал в его объятиях пригибаться все ближе и ближе к земле. Вместе с тем я напряг все усилия, чтобы скинуть с себя волосатую тушу. Это было все равно, что попытаться сдвинуть с места слона. Я от природы сильный человек и обладаю стальными мускулами, на Марсе моя сила возросла во много раз и стала, можно сказать, сверхчеловеческой,— и тем не менее я ничего не мог поделать с ужасным зверем. Он мог меня убить одним ударом своей лапы, и, если бы не его слепота, наша борьба, конечно, закончилась бы в несколько секунд. Сгибаясь под тяжестью чудовища, я, наконец, коснулся головой почвы. В этот момент я почувствовал, как железные когти вонзаются мне в голову. Конец!— мелькнуло у меня в мозгу, и меня бросило в дрожь.

Внезапно меня осенило вдохновение. Я напряг последние силы и вцепился обеими руками в огромные слепые глаза чудовища, яростно царапая их ногтями. Взревев от боли, зверь отдернул голову и замахал обеими лапами. Я вскочил на ноги. Животное стояло передо мной и бессмысленно рассекало лапами воздух. Выхватив револьвер, я выстрелил в пустые впадины его глаз. Рыча и воя, чудовище снова ринулось на меня с такой яростью и быстротой, что не было никакой возможности увернуться от него. Однако самообладание не оставило меня и в этот критический момент. Я бросился к обрыву и повис над бездной, уцепившись руками за острый утес. Разъяренное слепое животное, потерявшее направление и неспособное рассчитывать свои прыжки, перемахнуло через меня и полетело в обрыв. Перед глазами мелькнуло огромное падающее тело, струя ветра ударила мне в лицо, и я едва не выпустил из рук утеса. Через несколько мгновений из бездны долетел до меня хриплый рев и звук падения. Задыхаясь и обливаясь потом, я вскарабкался на скалы и, поглядев в обрыв, увидел бесформенную темную массу, застрявшую между острых камней далеко внизу.

Подобрав ружье и другие пожитки, я снова принялся наблюдать пустыню. Чем скорее я уберусь с этих проклятых скал, тем лучше,— решил я. Солнце медленно опускалось над песками. На севере все так же четко виднелись полоски воды, окаймленные растительностью. Во всех других направлениях ничего не было видно, кроме безнадежной пустыни. Внезапно до меня долетели жалобные вопли:

— Хела-хела-хела.

Раздирающие душу крики прорезали сухой застывший воздух. В них звенело подлинное отчаяние и звериная ярость.

Обернувшись, я увидел другого пещерного жителя, подобного моему свирепому врагу, только немного меньших размеров. Я догадался, что это самка. За ней бежал волосатый детеныш. Очевидно, она оплакивала самца, погибшего если не буквально от моей руки, то во всяком случае при моем усиленном содействии.

Не долго думая, я взвел курок и начал целиться. Я догадался, что у этих животных, несмотря на их сравнительно высокую организацию, мозги помещаются не в голове, — в противном случае мой первый враг немедленно погиб бы, получив пулю в лоб. Конечно, было бы наивно рассчитывать встретить на Марсе животные организмы, тождественные с земными. Пока вдова пещерного человека и ее детеныш шли, направляясь к обрыву, я успел внимательно разглядеть конструкцию их тела. Сходство с первобытным человеком Земли было огромное. Положим, этого и следовало ожидать: ведь Марс родной брат Земли, и природа должна была породить на обеих планетах сходные формы жизни.

Вдавшись в это отступление, я должен также прибавить, что мне во все время пребывания на Марсе то и дело приходилось констатировать разительное сходство между марсовыми и земными породами животных.

Возвращаясь к прерванному повествованию.

Было что-то трогательно человеческое во вдове марсового троглодита и в ее ребенке. Только слепота роднила их с бессмысленными подземными гигантами. Что побудило их покинуть пещеры при дневном свете? Вероятно, голод или какая-нибудь другая не менее важная причина.

Я испытывал острую жалость к этим двум до известной степени родственным мне созданиям. Однако мне не оставалось ничего иного, как застрелить их обоих. Приблизившись ко мне, самка начала сопеть точно так же, как это делал ее покойный повелитель. Затем она двинулась прямо на меня, издавая протяжные вопли и ударяя себя в грудь кулаками, как делают гориллы. Я призвал на помощь тени всех великих путешественников. Потом, прицелившись в ее живот, я выстрелил. Я выбрал мишенью именно живот, полагая, что в организме марсового животного этот орган играет главную роль, — недаром мой первый противник начал задыхаться, получив от меня свирепый удар в живот.

Эффект выстрела был молниеносен. Животное высоко подпрыгнуло, издавая жалобные стоны, и тяжело рухнуло на скалу. Детеныш бросился бежать, испуская пронзительные крики. Я нацелился было в него, но решил, что довольно крови, и опустил ружье. Пусть живет осиротевший малыш.

Затем я подошел к подстреленной обезьяне, неподвижно лежавшей на скале. Из раны выбежала струйка крови. Меня охватила острая жалость к животному, когда я подумал, что от таких су-

щество, как оно, произошел весь человеческий род. Я опустился на колени перед убитой. Резкий звериный запах ударил мне в нос и пробудил голод, о котором я было позабыл в дикой схватке с пещерным жителем.

На Земле, конечно, последний бродяга отвернулся бы с отвращением от подобного мяса. Однако мне оно показалось вполне съедобным, хотя несколько горьким и жестким. На вкус оно напоминало непроваренную конину.

Утолив свой голод, я почувствовал себя окрепшим и воскресшим к жизни. Хотя мясо животного нельзя назвать аппетитным, но в нем не было на вкус ничего противного и оно не было лишено питательности.

Закончив свой странный обед, я растянулся на скале, испытывая в первый раз за все время моего пребывания на Марсе чувство некоторого комфорта.

ДЬЯВОЛ ПЛЕМЕНИ «ХЕЛА-ХЕЛА»

К сожалению, мой отдых не был продолжительным. Вскоре до меня долетели уже знакомые мне протяжные крики — «хела-хела». Я вскочил на ноги и стал осматриваться по сторонам.

Каков же был мой ужас, когда я увидел, что на скалу, где я нахожусь, лезут десятка два волосатых чудовищ, угрожающе скаля огромные клыки и испуская характерные жуткие крики. Нечего было и думать о сопротивлении толпе разъяренных обезьян. Мне оставалось только обратиться в бегство, что я и сделал. Не знаю, что дала природа этим обезьяноподобным созданиям вместо зрения, но каким-то особым чутьем они угадывали, где я нахожусь. Через несколько мгновений троглодиты уже неслись за мной в погоню, колотя себя в грудь кулаками и испуская пронзительные вопли. Они бежали со скоростью, неожиданной для таких неуклюжих созданий, и скоро начали меня нагонять. Я слышал их сильное дыхание, тяжелый топот бегущих ног. Чтобы сбить с толку моих преследователей, я начал выделять загзаги, кидаясь из стороны в сторону. Троглодиты, казалось, начали терять нить преследования и в нерешительности замедлили свой бег. Я ринулся вперед с удвоенной энергией. Внезапно я увидел перед собой узкую расщелину вроде той, по которой я в свое время проник в горную твердыню. Упругим прыжком я очутился на ее дне. На мгновение мне показалось, что я избавился от своих преследователей.

Лощина была весьма узкой и извивалась между крупных утесов. За одним из поворотов я увидел в каменной стене узкую щель, представляющую собой что-то вроде ответвления лощины.

Надеясь обмануть своих преследователей, я бросился в расщелину и, прыгая с камня на камень, стал углубляться в недра скал.

По мере того как я бежал, щель становилась все уже и уже, скалы по обе стороны ее громоздились все круче, все неприступнее. Наконец, я уперся в тупик. Не было никакой возможности взобраться на черную отвесную каменную стену, преградившую мне дорогу. Проклятый тупик оказался для меня ловушкой.

Пока я стоял перед скалой, ломая голову над тем, как мне выбраться из этого естественного капкана, до меня долетел взрыв хриплого хохота.

Подняв голову, я увидел на вершине скалы толпу «хела-хела», пристально смотревших на меня.

В ступающем сумраке я мог различить их слепые белые глаза, странно мерцавшие над скалою. Не знаю, были ли эти существа слепы при дневном свете или обладали особым, заменявшим зрение, чувством, но несомненно — в этот момент они меня видели. К счастью, скала была отвесной, и они не могли ко мне спуститься. Я решил пролежать в тупике до наступления дня, стреляя во всякого, кто осмелился бы ко мне проникнуть.

Однако человек предполагает, а судьба располагает. Внезапно мои планы потерпели крах... Не успел я зарядить ружье, как услышал отдаленный, быстро нараставший грохот. Заухали, загремели скалы, и какой-то огромный предмет тяжело упал в расстоянии какого-нибудь фута от меня. Это был обломок скалы, пущенный сверху преследовавшими меня дикарями. Очевидно, троглодиты пользовались подобными тупиками в борьбе с другими племенами, как ловушкой. Я вспомнил, что такого рода тупики существуют в немногих неолитических крепостях, уцелевших до настоящего времени на западе Англии. Еще одна поразительная аналогия между марсовыми обезьянами и нашими доисторическими предками.

За камнем последовала целая туча стрел. Я спрятался под навес скалы и, сжавшись в комок, ждал дальнейших любезных приветствий марсиан. В данный момент под защитой скалы я находился в относительной безопасности.

Я начал было надеяться, что мои преследователи оставят меня в покое, когда снова услышал густой рев. Выглянув из-под навеса, я увидел темные фигуры «хела-хела» (так я назвал своих врагов по их характерным крикам) на противоположной скале. Огромные неуклюжие силуэты обезьяно-людей четко вырисовывались на фоне неба. По их яростным жестам я заключил, что они меня видели. Вслед за тем огромная каменная глыба с грохотом упала в лощину и неминуемо раздавила бы меня, если бы я не отскочил в сторону. Я стал метаться взад и вперед по лощине, как зверь в клетке. Вокруг меня с грохотом валились все новые и новые глыбы — настоящий каменный дождь.

До сих пор не могу понять, как я тогда уцелел. Я проделывал

чудеса ловкости, увертываясь от летящих в меня камней. Однако скоро я понял, что дальше так не может продолжаться. Надо было спастись из проклятого тупика, — иначе мне предстояла неминуемая гибель.

Я бросился сломя голову бежать по тесному проходу. Еще долго слышал я позади грохот камней и хриплые крики троглодитов.

Я благополучно добрался до конца прохода и считал себя уже спасенным, когда из-за последнего поворота на меня внезапно выскочил предводитель «хела-хела».

Дикари двигались гуськом по ложине. Смутно припоминая, что последовало дальше. На меня навалилась гряда волосатых тел... Пронзительные крики, звериная удушливая вонь... В остервенении я наносил удары направо и налево, и, словно в бреду, слышал свой собственный охрипший, разъяренный голос. Помню, размахнувшись, я попал кулаком в чей-то огромный белый глаз... Потом черная фигура схватила меня поперек туловища, и я увидел перед глазами искаженную бешенством обезьяню морду. Я начал яростно извиваться в железных объятиях чудовища, брыкаясь ногами, колотя руками по чем попало. Взревев от боли, троглодит выпустил меня. На секунду я оказался свободным и пустился было бежать, но тут огромная туша снова навалилась на меня... Еще мгновение, и я лежал на спине, хрипя и задыхаясь под тяжестью зверя. Я делал отчаянные усилия подняться на ноги, но никак не мог перевести дыхание. Странное дело, даже в этот ужасный момент голова моя оставалась совершенно ясной. Потом я почувствовал, как меня схватили и поставили на ноги... Тяжело дыша, я снова ринулся в борьбу, делая судорожные попытки вырваться на свободу. Но меня свирепо стиснули огромные лапы зверя... Я почувствовал, как почва уходит у меня из-под ног. Нахлынула темнота и погасила сознание.

Когда я пришел в себя, то увидел, что лежу в каком-то каменном колодце, в абсолютной темноте. Голова кружилась, все тело мучительно ныло. Я с трудом мог двигаться. Однако руки мои не были связаны, и я попытался встать на ноги. Я начал шарить руками по стенам и потолку и убедился, что нахожусь в низкой тесной пещере. Попробовал крикнуть, но ничего не услышал в ответ, кроме эха, подхватившего звук моего голоса и далеко разнесшего его по подземным ходам. Обессилев от напряжения, я упал на пол и застонал. К моему ужасу, колодец наполнился душой раздражающими воплями, навевавшими невыразимую жуть. Обшарив свои карманы, я разыскал коробку спичек. При первой же вспышке я разглядел голые черные стены пещеры, единственное отверстие которой было завалено камнями. К своему удивлению, я нашел на себе оба револьвера. Очевидно, человекоподобные обезьяны не понимали их значения.

Я испытывал приблизительно то же, что Иосиф, брошенный братьями в колодезь. «Увижу ли я когда-нибудь дневной свет,— думалось мне,— или же я навеки погребен в этом каменном мешке? Используют ли меня человекоподобные обезьяны в качестве десерта после своего обильного ужина или же оставят меня на съедение подземным гадам, выползающим на охоту по ночам. Может быть, я нахожусь в пещере, принадлежащей одной из тех гигантских летучих мышей, которых я видел тогда ночью возле двуглавого скелета». При этой мысли я невольно вскрикнул от ужаса. Скалы заохали, заревели в ответ, словно хор ведьм на шабаше. Мне казалось, что я нахожусь на самом дне ада, в обители вечных мук и отчаяния. Я горько сожалел о том, что ввязался в битву с первым же встреченным мною троглодитом, что не поспешил убежать, спровадив чудовище на тот свет, и польстился на зловонное мясо самки. Однако упрекать себя было теперь бесполезно. Здесь, в непроглядной тьме, мне начинало казаться желанным беспощадное красное пламя марсового неба. Я громко стонал и зажимал глаза, чтобы не видеть ужасного давящего мрака.

Внезапно я прискочил от ужаса: где-то не особенно далеко по подземным ходам раздавались чьи-то тяжелые глухие шаги. Я припал ухом к полу. Казалось, ко мне крадучись пробиралось какое-то чудовище на мягких, словно подбитых войлоком, лапах. Я вспомнил шаги, услышанные мною в ту ночь, когда я впервые увидел эти проклятые холмы, и почувствовал, что обливаюсь холодным потом. Какой-то гигантский зверь поспешно направляется сюда, может быть для того, чтобы отнести меня в свою пещеру, полную черепов. Я выхватил револьвер и торопливо его зарядил. Лучше покончить с собой, чем терпеть такой невыносимый ужас.

Я уже готов был спустить курок, когда мое внимание привлекли звуки босых бегущих ног. При вспышке фонарика я увидел волосатую лапу, просунувшуюся между камнями, завалившими вход в пещеру. «Хела-хела» возвращались за своей добычей. Я твердо решил не даваться живым в руки, или, вернее, в лапы этих жутких обезьяно-людей. Зажмурив глаза, я нажал курок и приготовился перейти в небытие... Курок сухо щелкнул.

Несколько мгновений я сидел с закрытыми глазами, удивляясь, что смерть так похожа на жизнь. Может быть, на Марсе вовсе и не существует смерти. Я осторожно открыл глаза и убедился, что все еще жив. Мой револьвер был пуст. Оказывается, по воле случая или судьбы вместо того, чтобы выстрелить в себя, я выстрелил в пещерных жителей. Во мраке я различил вокруг себя огромные черные фигуры. Меня схватили чьи-то гигантские волосатые руки. Итак, я снова оказался во власти марсовых обезьяно-людей.

Спротивление было бесполезно. Что мог я поделать с целой толпой свирепых гигантов? Я покорно последовал за ними. Мы пошли по длинному черному, покато поднимавшемуся проходу.

После непродолжительной ходьбы мы очутились в лабиринте. Казалось, что это был целый подземный город. Пока мы шли, я начал различать над головой бледные пятна алого света и догадался, что мы приближаемся к поверхности скал. Вскоре до меня долетел отдаленный глухой рев. Сомнений не было.

Обогнув острый выступ скалы, я очутился в обширной, довольно высокой пещере, в глубине которой толпились волосатые «хела-хела». Их было до двухсот всех возрастов. Все они что-то кричали. Я различал в их бессвязной болтовне некоторые зачатки речи, уловив известную последовательность в чередовавшихся звуках. Несомненно, эти марсовые обезьяны переживали стадию образования языка.

Вскоре я разглядел в отдаленном конце пещеры огромную статую, грубо высеченную из цельной каменной глыбы и изображавшую муравья. По структуре своего тела это насекомое напоминало наших земных муравьев, отличаясь от них только гигантскими размерами. Неподалеку от статуи высилось нечто вроде примитивного трона, на котором величественно восседал престарелый «хела», до смешного напоминавший орангутанга, взбравшегося на верхушку мачты.

Обезьяний патриарх сидел, подбоченившись и скорчив идиотскую гримасу, и окидывал своих подданных благосклонным взором. Несомненно, это был вождь человекоподобных обезьян, исполнявший вместе с тем обязанности жреца и наделенный неограниченной властью.

Когда я вошел в пещеру, он повернулся ко мне и стал разглядывать меня с ног до головы. В его взгляде я уловил насмешку и злорадство. Я невольно подумал о Понго, престарелом шимпанзе из зоологического сада, которого я не раз дразнил зонтиком. По странной ассоциации мыслей вспомнил также о герое мрачной восточной легенды — Аль-Джебале, вожде ассосинов, ужасной мусульманской секты, основанной в одиннадцатом столетии Гасаном Ибн-Сабах.

При моем появлении глаза всех пещерных обитателей устремились на меня. Вождь зарычал, и спутники поспешно подвели меня к трону. Патриарх положил свою волосатую лапу мне на лицо. Затем он что-то промывал, выражая этим свое удовлетворение, и махнул лапой. Меня немедленно схватили и поволокли к статуе гигантского муравья. Троглодиты подняли невообразимый вой, в то время как предводитель отбивал такт волосатой лапой на камне. В этот момент он был похож на дирижера какого-то сатанинского оркестра.

Наконец, вой прекратился. В пещере воцарилась тишина, и глаза всех обезьян устремились на входное отверстие пещеры. Внезапно на пороге показалась жуткая фигура с тяжелой каменной палицей в руках. Новоприбывший был закутан в шкуру какого-то животного. А на голове его красовалась в виде шлема змеиная голова. В этом смешном и чудовищном костюме он напоминал индейского вождя в боевом наряде. Сидевший доселе на троне патриарх медленно, с достоинством спустился по каменным ступеням трона и подошел к новоприбывшему. Затем они оба торжественно направились ко мне. Однако мне не пришлось любоваться их шествием, так как один из стражей неожиданно нанес мне такой сильный удар лапой по голове, что я упал ничком на пол. Я закрыл глаза, ожидая, что вот-вот удар каменной палицы прекратит мое существование. Наступила жуткая тишина. Обе обезьяны уселись рядом со мной. Я чувствовал себя в положении мыши, попавшей в лапы жестокой мучительницы-кошки.

Я лежал неподвижно, уткнувшись лицом в каменный пол пещеры и готовясь отправиться в последнее путешествие, представлявшееся мне в данный момент желанным избавлением от ужасных мук.

Между тем, оба главаря обезьяньего стада подняли протяжный вой. Воя, оба чудовища размахивали лапами, и по их жестам можно было предположить, что они обращаются с мольбой к идолу — муравью. Вне всякого сомнения, один из волосатых дервишей, колдовавших надо мной, был патриархом племени, а другой — жрецом-колдуном. Мне предстояло сделаться свидетелем одного из тех магических обрядов, которые, как полагают антропологи, практиковали наши предки, люди каменного века. Мне показалось, что я каким-то волшебством перенесся на тридцать-сорок тысяч лет назад и воочию созерцаю древний кровавый ритуал.

Вот какой достойный конец ожидал меня, Артура Сэвэджа Джинкса, эсквайра, доктора, знаменитого путешественника!

Эти размышления заставили меня на несколько мгновений забыть о своем ужасном положении. Как я уже сказал, я припал головой к земле, чтобы не видеть своих мучителей. И вот до моего слуха долетели какие-то отдаленные странные звуки. Казалось, над подземным проходом двигалось огромное тяжелое тело. Я невольно сопоставил эти звуки со звуками, слышанными мною в подземной тюрьме. Однако на этот раз шаги были гораздо громче и быстро приближались. Я вспомнил о процессии слепых подземных гигантов, прошедшей мимо меня неподалеку от пещеры Полифема. Может быть, глухие звуки и на этот раз означали приближение какого-нибудь чудовища. Если это так, интересно знать, какое впечатление произведет на моих врагов появление подземного гиганта. Мне было известно, что циклопы пожирали муравьев. Вопрос заключался в том, были ли «хела-хела» союзниками

Полифема или, наоборот, его врагами. Я прижался ухом к камню, но больше ничего не мог услышать. Очевидно, или я сделался жертвой галлюцинации или чудовище сбилось с пути в подземном лабиринте.

Однако скоро мое внимание было отвлечено в другую сторону. С захватывающим любопытством я стал следить за разрывавшимися перипетиями первобытной «черной мессы».

Прекратив вой, обе обезьяны стали кувыркаться, кривляться и прыгать, при этом они бешено размахивали руками и, наконец, закружились с невероятной быстротой, как два гигантских волчка. Все присутствующие присоединились к ним. Вихри волосатых тел кружились по пещере, пол гудел под тяжестью топотающих ног. В воздухе стояла удушливая звериная вонь. Неслись хриплые иступленные крики. Пляска все ускорялась в темпе. Передо мной разрывалась дикая первобытная оргия. Мне казалось, что я попал в ад и смотрю на пляску дьяволов.

Внезапно танец затих, и в толпе снова водворился порядок. Испуская короткие пронзительные крики, троглодиты начали размещаться вдоль стен пещеры, образовав круг, посреди которого стоял первобытный колдун в змеевидном племе и седовласый патриарх.

Приближался следующий акт священной драмы, и я сильно опасался, что на этот раз главную роль придется сыграть мне.

Патриарх, тяжело дыша, весь покрытый потом, приблизился ко мне, бесцеремонно схватил меня за шиворот, словно какого-нибудь котенка, поволол к изображению огромного муравья и швырнул к его ногам. Вслед за тем животное начало бегать вокруг меня, воинственно размахивая тяжелой палицей. Его движения становились все быстрее, палица мелькала в воздухе, постепенно приближаясь к моей голове. Казалось, животное находило дьявольское удовольствие в этой игре. Теперь уже всего несколько дюймов отделяли палицу от моей головы. Я чувствовал на своем лице дуновение ветра, вызванного смертоносным орудием, и каждый миг ожидал конца. Если бы не железные тиски второй обезьяны, сжимавшие меня, я давно кинулся бы навстречу смерти так невыносимо мучительны были эти мгновенья страдания.

Видя, что спасения нет, я решил дорого продать свою жизнь. Незаметно сунув руку в карман, я нащупал оба револьвера и поспешно взвел курок. Я был готов пустить пулю в размахивавшее палицей животное, когда мое внимание снова привлекли крадущиеся шаги. На этот раз звуки раздавались на одном уровне со мной и, казалось, доносились из примыкавших к пещере проходов. «Хела-хела» были слишком поглощены своим дьявольским ритуалом, чтобы что-нибудь слышать. Однако у меня созрела уверенность, что к пещере приближается какой-то чудовищный враг трогло-

дитов, обитатель подземного мира. Волосатый жрец перестал размахивать палицей и с диким ревом вытащил из своей одежды грубо обтесанный каменный нож. Стадо неистово завывало, все глаза были устремлены на меня. Размахнувшись, жрец полоснул меня ножом по лбу, и я почувствовал, что начинаю терять сознание от ужасной боли. Обе обезьяны жадно кинулись на меня, погружая лапы в надрез на моем лбу и слизывая капавшую на пол кровь. Затем патриарх торжественно поднялся на ноги и вымазал моей кровью изображение гигантского муравья. Несомненно, этот акт имел какое-то магическое значение, так как был встречен дружным ревом всех человекообезьян.

В этот момент я явственно услышал тяжелые шаги невидимого гиганта в примыкавшем к пещере проходе.

Очевидно, жертвенная драма достигла своего апогея. Палица колдуна была уже занесена над моей головой. Я задыхался в тисках патриарха. Внезапно я выскользнул из его медвежьих объятий и рванулся в сторону. В следующий момент каменная палица, описав дугу, опустилась на голову патриарха. С хриплым стоном старик свалился замертво на пол. Колдун в ужасе швырнул прочь свое оружие и неистово заревел, ударяя себя в грудь кулаками.

Казалось, он казнил себя за невольное преступление. Я выхватил револьвер и выстрелил колдуну в живот. Он свалился на пол, извиваясь в предсмертных судорогах. Испустив свирепый крик, я кинулся со всех ног к камню, служившему треном покойному патриарху. Возбравшись по ступеням, я направил револьвер на опешивших от неожиданности троглодитов.

Я ожидал взрыва бешеного негодования — однако гибель вожаков произвела на стадо самое неожиданное впечатление: с воплем отчаяния обезьяны окружили трупы. У меня мутилось сознание от боли, раздиравшей мне череп, я задыхался от возбуждения. Нельзя было терять ни мгновенья. С вызывающим криком я выстрелил в самую гущу волосатых тел.

В одно мгновение толпа плакальчиков пробудилась от оцепенения. Пещера превратилась в ад, кипящий дьяволами. В бешеной ярости, с оглушительным ревом «хела-хела» ринулись на меня. Я стоял на камне, словно на острове, среди взбесившихся обезьян. Сотни волосатых рук со вздувшимися мускулами тянулись ко мне. Бешено сверкали белые глаза, хищно скалились ужасные клыки. Я начал выпускать в дикарей один заряд за другим. Стоило мне сорваться с этого камня — и я был бы мгновенно растерзан на клочки. Я старался целиться в животы дикарей, как с самое уязвимое место их тела. Тяжелые туши валились направо и налево. Неожиданно из хаоса тел выдвинулась гигантская фигура и двинулась прямо на меня, свирепо размахивая каменной палицей покойного колдуна. Я выстрелил, и дикарь, завопив, свалился на

ступени трона. Палица вывалилась из его разжавшихся пальцев. Я поспешил ее схватить и начал воинственно размахивать ею в воздухе над головами дикарей. Разъяренная толпа в иступлении полезла на трон... Еще мгновение, и со мной все было бы кончено...

Однако меня спасла счастливая случайность. Внезапно из глубины пещеры сквозь шум битвы донесся оглушительный рев какого-то гигантского зверя. Из темноты выплыла огромная фигура и, поднявшись на задние лапы, двинулась на стадо обезьян. Новый пришелец был настолько чудовищен, что я позабыл о своих врагах, о грозившей мне смертельной опасности и, затаив дыхание, бессмысленно глядел на приближавшегося. Палица выпала у меня из рук.

Животное представляло собой нечто среднее между драконом и медведем. Никакое самое причудливое воображение не в состоянии измыслить подобие этого чудовища. Его можно было сравнить только с доисторическим динозавром — по своим размерам оно равнялось полудюжине слонов. Оно медленно продвигалось по пещере. Его огромная голова достигала каменного потолка. Я успел сообразить, что чудовище имеет около сорока футов в высоту и футов двадцать в поперечнике. Это и был тот невидимый странник, к шагам которого я давно прислушивался.

На моих врагов появление гиганта произвело потрясающее впечатление. Крича и давя друг друга, они отхлынули в противоположную сторону пещеры. Непрошенный гость испустил пронзительный свистящий крик, от которого задрожала вся пещера, и, переваливаясь с ноги на ногу, двинулся на обезьян. Пещерные жители, будучи отрезаны от выхода, затаили боевую песню и приняли битву со страшным врагом. Таким образом я оказался свидетелем одной из тех первобытных схваток, в которых перед сражающимися стояла альтернатива: или победа или ужасная смерть. Зрелище было, действительно, необычайное.

Однако мне пришло в голову, что в данном случае роль зрителя далеко не безопасна, и следует подумать о бегстве. Судя по пробиравшемуся в пещеру красному свету, я находился недалеко от поверхности скалы. Незамеченный никем, я спрыгнул с трона и начал поспешно пробираться к выходу. Пещерные люди с головой ушли в привычную для них смертельную борьбу. Я вышел беспрепятственно из пещеры и очутился в проходе, ведущем наружу. Яркий красный свет, заливавший подземный ход, показывал, что снаружи был день. Прежде чем направиться к свету, я обернулся и бросил прощальный взгляд на эту пещеру ужасов. Посреди подземелья стояла гигантская белая фигура зверя. Вокруг нее беспорядочной кучей валялись трупы обезьян. Из глубины пещеры толпа троглодитов наступала на врага. Битва происходила в мертвом молчании. Слышно было только, как на камни капала кровь

да лязгали острые зубы чудовища. С вздохом облегчения я покинул заваленную трупами пещеру и поспешил к свету.

Через несколько мгновений я достиг выхода из подземного коридора и выбрался на свет. Наступал день, и скалы пылали кровавым огнем. Я находился у подножия почти отвесного утеса. Казалось, не было возможности на него взобраться. Однако пережитый в подземелье ужас окрылил мои ноги, удвоил ловкость рук, и я благополучно совершил восхождение на кручу. Снова очутился я на вершине скалистого плато. Вокруг меня в разгорающемся пламени рассвета громоздился дикий хаос скал, за которыми до самого горизонта тянулась однообразная пустыня. Только на севере я смог снова различить мерцание воды и полосу растительности. Это зрелище принесло мне некоторое облегчение. Итак, то, что я видел накануне, не было миражем.

Я решил немедленно же двинуться в путь. Чем скорее я уберусь с этих проклятых населенных чудовищами скал, тем лучше. Перед тем, как уйти, я оглянулся на отверстие подземного коридора, из которого только что вышел. Ничего не было видно в черной пасти скалы, ни один звук не выдавал ужасную битву, происходившую во мраке пещеры. Я тронулся в путь, радуясь солнечному свету и своему чудесному спасению.

ЛЕТУЧИЕ ГИГАНТЫ

Добравшись до края плато, я немедленно начал спускаться по голому скалистому откосу. Я медленно полз, ежеминутно рискуя сорваться и сломать себе шею. С ловкостью ящерицы я цеплялся за малейший выступ скалы. Наконец, я почувствовал под ногами мягкую песчаную почву.

Не успел я ступить на песок, как помчался со скоростью ветра, убегая прочь от ужасных скал. На протяжении нескольких миль я ни разу не оглянулся на горную твердыню. Наконец, я решил уподобиться жене Лота и остановился, переводя дыхание. Далеко позади, на краю скалы, я различил несколько темных фигур. Возможно, что это были «хела-хела». Однако не решусь утверждать это: в обманчивом освещении пустыни не очень-то веришь своим глазам. Фигуры, стоявшие на краю обрыва, показались мне фантастически огромными. Кто знает, может быть это были братья Полифема, вышедшие из недр скал отомстить за его смерть. Подавив дрожь ужаса, я двинулся дальше. Пройдя еще около мили, я вновь почувствовал острое желание обернуться. Темные фигуры все еще стояли на утесе и казались еще больше в силу какого-то оптического обмана, вызванного специфическими свойствами марсовой атмосферы. Подобные величавым пирамидам стояли они, неподвижно глядя на расстилавшуюся перед ними пустыню.

Скучно было бы описывать мое путешествие по пустыне. Пейзаж все время оставался неизменным. Мимо меня мелькали одни песчаные гряды за другими, казавшиеся морщинами на смуглом лице пустыни. Впадины в песке, как две капли похожие одна на другую, напоминали мне отверстия, какие делают на земле для игры в гольф. Воображаю, какие чудесные партии в гольф можно было бы организовать на этой планете. Слабое притяжение позволило бы делать необычайные по силе удары. Наступит ли такое время, когда на Марс будут ездить для состязания в гольф или для лечения? Сомнительно, чтобы когда-нибудь межпланетные сношения могли настолько наладиться, что поездка на Марс сделалась бы доступной каждому, подобно поездкам из Европы в Америку. Во всяком случае, если даже и будет когда-нибудь установлено регулярное сообщение с этой планетой, я бы не посоветовал пассажирским летательным аппаратам опускаться на ужасный холм, где я едва не погиб.

Как известно, непривычная обстановка сообщает нашим мыслям новое, неожиданное направление. В конце концов, думалось мне, если на Марс явятся в значительном количестве эмигранты с Земли, почему бы им не цивилизовать дикие марсовы пустыни, подобно тому, как европейцы в свое время внесли цивилизацию в пустыни Африки и Северной Америки. Может быть, среди этой дикой, мрачной пустыни когда-нибудь вырастут на крови и костях марсиан новые Нью-Йорк и Чикаго, столицы грядущего царства человека на Марсе. Я надеялся, что эти люди будущего сохранят память обо мне,— смелом пионере на дикой, неведомой планете. Я представил себе гигантскую статую, воздвигнутую в центре огромного города и навеки сохраняющую потомкам мой облик и имя. Почему бы этому городу не назваться в честь меня Джинксополисом? Кто знает, быть может дети в школах этого государства будут изучать мою биографию, восхищаясь смелостью ученого, бросившего вызов космическому пространству, и самой смерти во имя торжества науки и разума.

Я невольно улыбался своим дерзким мыслям. Созданные воображением картины казались еще ослепительнее в силу их контраста с моим настоящим плачевным состоянием и жуткими перспективами близкого будущего. Стремясь уйти от печальной реальности, я продолжал воздвигать один воздушный замок за другим. Допустим, что наука, переживающая в настоящий момент на Земле стадию младенчества, придет в будущем к полному разрешению проблемы межпланетного сообщения. Какие препятствия к колонизации планеты могут тогда встретиться? Полифем? Но что может сделать бессмысленный гигант против могущественной техники будущего? «Хела-хела»? Но эти животные будут либо приспособлены для работы, либо истреблены. Ползучие гады вроде

неведомого вора, похитившего машину? Но разве они смогут противостоять победоносному ходу культуры? Подобно ночным кошмарам, они сгинут при свете нового победного дня. Они займут свое место за витринами музеев, и школьники будут содрогаться при одной мысли о том, что когда-то эти гиганты бродили по марсовым горам и пустыням. В самом деле, почему бы когда-нибудь моим дерзким мечтам не стать действительностью? На Марсе как будто бы имеются налицо все условия, необходимые для существования человека. Человек в своей извечной борьбе с пространством и временем когда-нибудь по необходимости преодолеет расстояния, отделяющие Землю от других планет нашей Солнечной системы. В конце концов, своим перелетом от Земли до Марса я заложил фундамент всех будущих сообщений с этой планетой. Что касается гигантских обитателей Марса, они оказались такими же уязвимыми, как и земные животные.

Внезапно я вспомнил о статуе огромного муравья, стоявшей в пещере. Имеются ли на Марсе подобного рода создания, или же статуя была плодом воображения человекоподобных обезьян? Однако воображение всегда воспроизводит реальную жизнь. Следовательно, данному фантастическому образу необходимо должно соответствовать нечто в действительности. К тому же я упустил из вида марсовые каналы, — они, несомненно, говорили о наличии на планете какой-то цивилизации. Подобно древним египтянам, «цивилизованные» марсиане создали искусственные очаги жизни вдоль водных путей, превратив мертвую пустыню в цветущие оазисы. Интересно знать, каковы эти культурные сыны планеты? Я имел несчастье спуститься в пустыне, за пределами цивилизации, и поэтому до сих пор видел только жадных пасынков марсовой природы, по которым нельзя было судить о ее более совершенных творениях.

Однако, что толку от всех моих рассуждений? Должен же я когда-нибудь добраться до этих заколдованных каналов. Тогда я увижу, что представляет собою марсианская культура. Стоит пересечь отделяющие меня от каналов песчаные пространства, и я окажусь у цели своего путешествия. Пока же лучше не фантазировать. Я жадно вглядывался в песчаные дали, но не видел ни каналов, ни растительности. Итак, я смело шел вперед, стараясь подбодрить себя воспоминанием о радости, охватившей меня там, на скалах, при виде желанных каналов.

Солнце поднималось все выше и выше, и жара становилась нестерпимой. Я с трудом дышал. Раскаленный воздух обжигал легкие. По пустыне проносился знойный ветер.

Однако по сравнению с земными ветрами, марсовый казался достаточно слабым. Я благословлял судьбу, что она мне не послала испытания в виде свирепой песчаной бури. Во всяком случае, мое

положение было не из приятных. Глаза, рот, уши и нос были набиты раскаленным песком, и я едва мог дышать. Чем выше поднималось солнце, тем тяжелее становилось идти. Я изнывал от жажды, так как с момента моего прибытия на планету ничего не пил. Голова кружилась, и мне казалось, что вот-вот со мной случится солнечный удар. Находясь на холмах, я не так остро испытывал жажду, так как воздух там был достаточно влажным. Когда я затем попал в сырые, покрытые плесенью пещеры, моя жажда совсем исчезла; но теперь, во время ходьбы по знойной, сухой пустыне, жажда вспыхнула во мне с удесятеренной силой. Мне мерещились в песках сверкающие и пенящиеся быстрые ручьи.

Солнце поднималось все выше. Его алые лучи беспощадно жгли голову. Небо утратило свою утреннюю свежесть; теперь оно казалось огромным листом раскаленной меди. Воспаленным глазам не на чем было отдохнуть: алое пылание небес и ослепительная желтизна песков... Я начинал терять ощущение реальности. Миражи нахлынули на меня с огромной силой. То и дело слышалось дразнящее журчание потоков. Вскоре в глазах у меня запрыгали черные точки, темная пелена заволакивала зрение. Я перестал различать окружающую меня пустыню.

«Неужели я слепну?» — подумал я, содрогаясь от ужаса.

Внезапно меня, как молния, пронизала ужасная мысль. Почему все встреченные мною на Марсе существа были слепы? Почему «хела-хела» могли видеть только в темных пещерах? Не являлась ли их слепота результатом беспощадного света, вечно заливавшего планету? Как это до сих пор мне не приходило в голову? Что же ждет меня теперь, в этом беспомощном состоянии? Мои глаза застилала густая мгла. Напрасно напрягал я зрение, стараясь разглядеть окружавшую меня местность.

«Слишком поздно!» — мелькнула отчаянная мысль, и ужас охватил мое сердце...

Зрение явно отказывалось мне служить. словно сквозь густой туман различал я пески, принимавшие в моих глазах самые причудливые очертания. Песчаные холмы представлялись мне чудовищными горами, а небо — океаном алого огня. Голова кружилась, все сливалось перед глазами в какой-то густой хаос. Я жадно ловил ртом воздух, словно рыба, вытасненная из воды. В висках стучало, сердце, казалось, готово было разорваться на части. Внезапно меня осенило какое-то тупое спокойствие.

— Да, да,— пробормотал я пересохшими губами,— совершенно верно: я ослеп.

Я начинал терять контроль над своими восприятиями. Казалось, кто-то говорил зловещим шепотом мне в ухо:

— Плохи твои дела, старина! Нечего тебе бороться за жизнь. Песенка твоя спета.

Неожиданно я вспомнил, что слепые видят один только красный цвет. При этой мысли я весь похолодел, и у меня начали подкашиваться ноги. Я еле брел, спотыкаясь и пошатываясь, ничего не видя перед собой. Внезапно я задел ногой за какой-то твердый предмет, который покатился с гулким звоном. Я опустился на колени и начал ощущивать вокруг себя почву. Пока я это делал, перед моим потухающим сознанием всплыли видения гигантских ползучих гадов. Теряя сознание, я упал на песок и ударился рукой о твердый кругловатый предмет. Это был череп. Словно сквозь сон, я услышал свой пронзительный свистящий крик.

— Наваждение! Погибаю!

Я вновь увидел перед собой призрачных крылатых гигантов, восседавших вокруг скелета циклопа, и пещеру, полную черепов. Затем мне показалось, что я проваливаюсь куда-то в черную пустоту, где царят смерть и забвение.

Прошло, должно быть, несколько часов, прежде чем до моего сознания долетел какой-то слабый звук. Казалось, упал камушек в застывшее озеро мертвого сна. Звук постепенно усиливался, все назойливее вторгаясь в мои видения. Я делал отчаянные усилия отогнать непрошенный звук, вырвавший меня из желанной обители снов. Но звук не унимался: пронзительный, острый, он просверливал мое сознание, разгоняя причудливые сны. Собравшись с силами, я приподнялся и сел. То, что я увидел, в первый момент показалось мне кошмаром.

Вокруг меня сидели кольцом гигантские летучие мыши, каждая величиной со слона. Их темные неуклюжие фигуры четко вырисовывались на фоне пылающего неба. Вся пустыня, насколько мог окинуть глаз, была устлана черепами и костями, ослепительно блестящими на солнце.

Однако странный услышанный мною во сне звук исходил не из этих ужасных останков; его издавали гигантские летучие мыши. Они сидели и хохотали во всю мощь своих легких. Эхо далеко разносило по пустыне громopodobные раскаты чудовищного хохота. Казалось, сатанинский хохот наполнил собой весь мир; его подхватывали тяжелые нависшие красные облака, посылая замирающие отголоски в бездонные пучины неба. Была невообразима жуть в этом зловещем хохочущем сборище гигантов, восседавших на фоне выжженной пустыни, под немым раскаленным небом.

Хохот продолжался, не утихая. Казалось, сидевшие вокруг меня гиганты не замечали моего присутствия. Я набрался храбрости и принялся их разглядывать. Через мгновение я понял, почему они не обращали на меня внимания. Гарпии пустыни были слепы. Подобно пресмыкающимся, населявшим горы, они заплатили дань свирепому марсовому свету. Без сомнения, Солнце было

на Марсе жестоким божеством, не позволявшим своим созданиям смотреть на себя. Огромные белые глаза летучих мышей бессмысленно мерцали, словно глаза рыб, населяющих морские глубины.

Зрелище было слишком ужасно. Мне показалось, что я схожу с ума, и я невольно громко закричал. В мгновение ока слепые создания поднялись на воздух, тяжело хлопая огромными крыльями. Подобно рюю демонов, они парили высоко над моей головой. Я заметил, что каждая из летучих мышей своеобразно подпрыгивала, отделяясь от земли. При рассмотрении отпечатков лап летучих мышей, меня осенила неожиданная мысль. Следы эти были тождественны с теми, что оставил на песке похититель моей машины. Я почувствовал странное головокружение, когда вспомнил о жутком ночном госте, глядевшем мне в глаза. Подобрал свои пожитки, я побегал без оглядки прочь от этого проклятого, населенного вампирами кладбища.

На протяжении многих миль пустыня была усеяна черепами. Мне пришло в голову, что я пересекаю какое-то гигантское поле битвы. Может быть, здесь когда-то разыгралось своего рода Ватерлоо. Большинство скелетов принадлежало моим приятелям «хелакхела», но среди них попадались и остовы огромных муравьев. Я мучился над разрешением загадки этих причудливых созданий. Если только марсовые муравьи по своему характеру подобны земным, от них можно ожидать весьма многого.

Если бы не их лилипутские размеры, эти насекомые давно бы победили человека на Земле. Здесь, на Марсе, муравьи достигли огромных размеров. Может быть, они свергли господство человека? Я невольно сравнил грубые, примитивные тела троглодитов с изумительно сложным и тонким по своей конструкции организмом этих насекомых. Возможно, что поле битвы, по которому я шел, было в свое время ареной борьбы первобытных марсиано-людей со строго дисциплинированными и подвижными насекомыми.

До сих пор эти насекомые-гиганты еще не подавали никаких признаков жизни. Однако, если муравьи являются создателями цивилизации на Марсе, то, по всей вероятности, они должны жить в районе каналов.

Эта мысль придала мне бодрости. Я зашагал быстрее, стремясь как можно скорее достигнуть таинственных каналов. По моим расчетам, я должен был достичь их через несколько часов. Хотелось бы мне знать, какой прием я встречу у насекомых... Я вспомнил книгу Картера о социальных инстинктах муравьев. Известный ученый распространяется о безжалостности этих насекомых и об их инстинктивной жестокости.

Солнце медленно опускалось. В его алых косых лучах устилавшие пустыню черепа пылали зловещим огнем. Картина была

фантастическая. Мне казалось, что вот-вот оживут давно погибшие гиганты и встанут ревущей ордой, потрясая в воздухе дубинами и скаля хищные клыки. Я бессознательно прибавил ходу.

Я чувствовал себя крайне усталым, но продолжал идти, не желя ни на минуту задерживаться в этой проклятой пустыне. Солнце закатилось, и взошли обе луны. А я все продолжал свое тяжелое странствование. Далеко позади, в бледных лунных лучах, мерцали покинутые мною скалы. Когда луна поднялась высоко, я различил впереди на не очень большом расстоянии светлую полосу растительности. Итак, я приближался к району каналов.

Всю ночь я плелся по пустыне, больной и измученный. Часы мне казались веками, и каждая новая пройденная миля была длиннее предыдущей. Постепенно количество черепов все уменьшалось, и, наконец, они совсем исчезли...

Я вздохнул с облегчением. Однако радость моя была преждевременной. Вскоре я, к своему ужасу, заметил, что песок становится все более и более вязким. С каждым шагом я все глубже погружался в липкую грязь. Мне приходилось делать отчаянные усилия, высвобождая ноги из засасывающей их тины. Ноги мои были словно налиты свинцом, руки свисали вдоль тела двумя железными брусками, голова кружилась, и мне мерещились какие-то странные жуткие звуки. Внезапно где-то совсем близко от меня раздался резкий крик, вслед за которым я услышал хлопанье огромных крыльев. Стоя на месте, я тупо ждал, что на меня вот-вот спустится летучее чудовище и унесет неведомо куда. Я потерял способность испытывать страх. Вскоре крик повторился, на этот раз значительно ближе. В глубине души я, кажется, желал, чтобы неведомый хищник прекратил мое существование. Мои силы подходили к концу. Я был чересчур измучен, чтобы реагировать на что бы то ни было. Пошатываясь, я двинулся навстречу невидимому врагу. Однако он, очевидно, не разглядел меня. Вскоре крики стали удаляться и, наконец, совсем смолкли. Воцарилась мертвая тишина.

Под утро мне пришлось пережить еще более ужасное испытание. Позади себя я различил мягкий топот каких-то гигантских лап. Я огляделся по сторонам. Огромный белый пушистый зверь бежал вприпрыжку по пескам, быстро приближаясь ко мне.

Я пригнулся. Сомнений не могло быть — передо мной была чудовищная двуутробка. Я схватился машинально за револьвер, но тут же вспомнил, что в нем не осталось ни одного заряда. Размахивая электрическим фонариком, я побежал прямо на животное. Внезапно оно скрылось неизвестно куда. Со вздохом облегчения я продолжал свой странный путь по пустыне.

Взошло Солнце и принялось палить пустыню беспощадными лучами. Выбываясь из сил, я брел, еле волоча ноги. Каждый член

тела мучительно ныл, ужасная слабость одолевала меня. Однако я не решался остановиться. Я знал, что стоит мне на мгновение остановиться, и я упаду на песок, чтобы никогда не подняться. Теперь линия деревьев находилась на расстоянии всего нескольких миль от меня. Во что бы то ни стало я должен добраться до каналов. Иначе — гибель. Я поклялся, что остановлюсь только тогда, когда остановится мое сердце.

О, эти ужасные последние мили пути! Я плелся, еле передвигая ноги. Колени мои тряслись. Черные круги плыли перед глазами. Снова начала застилать мое зрение темная пелена, так испугавшая меня накануне. Перед глазами все двоилось, расплывалось и путалось. Деревья представлялись мне огромными, как скалы, небо — мгlistым и мутным. Казалось, внутренний пламень сжигал мои глаза. Задыхаясь от боли, я остановился. Я шатался, как пьяный. Необходимо было все-таки идти. Падение означало смерть. С замиранием сердца я подумал, что конец мой близок. Пройдет немного времени, и мой скелет одиноко забелеет среди желто-красных песков пустыни.

Солнце поднималось все выше, и жара становилась невыносимой. Я продолжал идти, уже не сознавая, куда и зачем. Сознание мое было помрачено. Я бредил наяву. Мне казалось, что я стал чудовищным вампиром, вроде тех питавшихся кровью летучих мышей, которых я видел накануне среди черепов. Широко раскрыв рот, я дико хохотал, как те ужасные твари. Потом я вообразил, что пью кровь какой-то жертвы. Небо и пески исчезли у меня из глаз. Казалось, я тихо и мягко плыл куда-то в бесконечность. Я стал легким, как перышко. Меня охватило глубокое спокойствие. Как бледная тень, двигался я по пустыне, ничего не видя перед собой.

Я зашатался и почувствовал, что теряю равновесие. Все закружилось у меня перед глазами. Тем не менее, я внезапно увидел вокруг себя гигантские деревья. Надо мной сплетались аркой густые ветви, защищая меня от палящего солнца. Прохладный ветер пахнул мне в лицо. Теряя сознание, я схватился за ствол дерева. Журчание воды достигло моих ушей. Затем я мягко опустился на свежую сочную траву и впал в забвение.

ГОРОД, СВЕТАЩИЙСЯ В НОЧИ

Когда я проснулся, была ночь. Я лежал на траве, на небольшой поляне, окруженной деревьями, напоминавшими каменные дубы. Между стволов поблескивали воды канала. Я с трудом поднялся на ноги и, преодолев ужасную слабость, хватаясь за стволы, чтобы не упасть, стал пробираться к берегу. Вскоре я очутился возле залитых лунным светом вод. Опустившись на колени, я по-

грузил свое воспаленное лицо в свежую бодрящую влагу. Напившись вдоволь, я поднялся и с трудом добрал до поляны. Затем растянулся у подножия дерева и погрузился в глубокий сон.

Вероятно, я проспал много часов подряд. Когда я проснулся, солнце уже опускалось над деревьями, и на небе высypали первые звезды. Я чувствовал себя освеженным и словно воскресшим к жизни. Голова была ясна, вчерашней слабости как не бывало. Я подошел к каналу и снова напился воды. Теперь я чувствовал себя способным обсудить положение и начертать план дальнейшего путешествия.

К этому времени я уже перестал думать о своей летательной машине. Пустыня кишела чудовищными летучими мышами, и не было ни малейшей надежды разыскать именно ту из них, которая меня обокрала. Мне оставалось только одно: идти вдоль канала до тех пор, пока не дойду до цивилизованной области.

Я хотел, было, идти пешком, но вскоре понял, что это невыполнимая затея. Не было никакой возможности пробраться сквозь чащу девственного леса. Оставалось только использовать канал в качестве пути сообщения. Однако как это сделать? Прежде всего надо было узнать, в какую сторону текут воды канала. Оказалось, что они двигались по направлению к северу. Планета Марс имеет около четырех тысяч миль в диаметре. Грубо говоря, это составляет расстояние от Саутгемптона до Рио-де-Жанейро. В свое время мне не раз приходилось совершать такое путешествие. Конечно, мне было неизвестно, на каком расстоянии от полюсов я спустился на планету. Судя по сильной жаре, я должен был находиться далеко от них. Приняв во внимание атмосферные условия Марса, удаленность этой планеты от Солнца, я рассчитал, что нахожусь приблизительно в области марсовых тропиков. Мне надо было во что бы то ни стало достигнуть местности с более умеренным климатом, где можно было скорее всего ожидать расцвета цивилизации. Я решил выдолбить из дерева челнок и ввериться животворящим водам канала.

Пришлось потратить несколько дней на выполнение поставленной себе задачи. Это время я провел на берегу канала, питаюсь травами и ночую на поляне под деревьями. Конечно, я сильно рисковал, употребляя в пищу совершенно не известные мне растения. Только одна из этих трав оказалась ядовитой. Поевши ее, я почувствовал резкую боль в желудке и тошноту. Несколько часов я пролежал пластом, считая себя уже погибшим. Затем слабость начала постепенно проходить, и я стал обливаться потом. Наконец, я погрузился в глубокий сон. На следующее утро я проснулся слабым, но вполне здоровым. Предполагаю, что я выжил исключительно благодаря тому, что мой истощенный голодом организм оказался невосприимчивым к действию яда.

Поправившись, я возобновил свои приготовления к дальнейшему путешествию. За неимением топора, мне пришлось прибегнуть к собственной физической силе. Я разыскал огромное сокрушенное молнией дерево и начал тщательно обламывать руками сучья. В результате сверхчеловеческих усилий мне удалось получить гладкий ствол, представлявший собой сносный материал для челнока. У индейцев, обитателей дельты Амазонки, я в свое время научился искусству изготовления челнов. Немало мне пришлось потрудиться над обработкой ствола. Работа крайне затруднялась полным отсутствием инструментов. Единственным моим орудием был карманный нож. Много дней подряд я сидел, сгорбившись над стволом, и с упорством, достойным дикаря, долбил ножом древесину. В конце концов, мне удалось получить челнок вроде тех, какие я видел у караيبов, индейского племени, обитающего возле устья Ориноко. В этом первобытном челне, названном мною «Золотым Оленем» в честь знаменитого корабля, на котором Дрейк совершал свое кругосветное плавание, я должен был плыть на север по каналу. Затем я укрепил на челне мачту и натянул на шест рубашку в качестве паруса. Надрез, сделанный колдуном у меня на лбу, по временам начинал сочиться, и моя рубашка, белая с синими полосами, была покрыта отвратительными черными пятнами и сделалась до смешного похожа на старую географическую карту, но парус получился из нее превосходный.

Я сделал также грубое подобие весла из крепкой жерди. Теперь все было готово. Можно было отправляться в путь.

За все время моего пребывания на берегу канала я не видел ни одного живого существа. Несколько раз я отправлялся побродить по пустыне, остерегаясь, конечно, в нее углубляться. Ничего интересного я не встретил во время этих прогулок. В лучах заходящего солнца можно было вдалеке различить смутные очертания скал.

Пустыня оставалась неизменно безмолвной и, казалось, была погружена в какой-то тяжкий удушливый сон.

В день моего отплытия я поднялся на заре и, собрав свои пожитки, спустился к воде. Челнок мерно покачивался на зеркальной поверхности канала. Я прыгнул в лодку и оттолкнулся от берега. Накануне я совершил пробное плавание на челноке и нашел, что он вполне соответствует своему назначению. Как и следовало ожидать, челн мерно двинулся по течению, рассекая тяжелые сонные воды. Весь день я плыл по каналу между двумя стенами гигантских деревьев. Первое время я греб с усердием, однако вскоре решил, что не стоит напрасно тратить сил, и спокойно растянулся на дне челнока.

С наступлением ночи я пристал к берегу, привязал челнок к дереву и мирно уснул в густых прибрежных кустах. На рассвете

я проснулся, свежий и бодрый, и продолжал свое путешествие. К вечеру я заметил, что характер местности постепенно меняется. Деревья мало-помалу исчезли, берега стали низкими и совершенно обнаженными. Внезапно я увидел у берега какие-то огромные своеобразные сооружения, напоминавшие постройки, замеченные мною на более удаленном спутнике Марса.

Присмотревшись, я догадался, что это были особой конструкции колодцы. Меня пронизала радостная дрожь. Итак, я приближаюсь к культурной области. Однако даже в бинокль мне не удалось увидеть ни одного живого существа.

В эту ночь мой сон был неспокоен, так как в него то и дело вторгался доносившийся издалека протяжный вой. Помню, я дрожал во сне. Я видел себя снова в ужасном подземельи, окруженным троглодитами.

Наконец я проснулся. В ушах еще звенел зловеющий вой. Вскоре этот звук повторился. Сомнений быть не могло — это был вой марсиано-обезьян. Я осторожно взобрался на прибрежный холм. Передо мной расстиралось поле, на котором чернели бесчисленные фигуры «хела-хела». Казалось, животные исполняли какую-то работу. Присмотревшись, я разглядел, что на поле росли какие-то злаки, напоминавшие овес или рожь. Само собой разумеется, эти растения были огненно-красного цвета. «Хела» молотили зерно. Сцена носила безусловно мирный характер, напоминала деревенские пейзажи. Я заметил также, что у этих «хела» был далеко не такой свирепый вид, как у их братьев, населяющих пещеры. Однако у меня не было желания возобновить знакомство с этими кровожадными обезьянами. Поэтому, не долго думая, я сел в челнок и поплыл дальше.

Когда поднялось солнце, я увидел, что достиг цивилизованной области. Огромные поля, засаженные красными цветами, и обширные фруктовые насаждения были обнесены высокими каменными стенами. Судя по тому, как целесообразно была использована каждая пядь почвы, я находился в высококультурной стране. Конечно, такая культура не могла быть создана обезьянами. Стены были сложены из искусно обтесанных и пригнанных друг к другу камней, кладка которых была весьма своеобразна. Вскоре я увидел огромные каменные строения, похожие на амбары и зернохранилища. На полях пестрели цветы ослепительной яркости, отдаленно напоминавшие наши маки и гвоздики. Окраска их представляла собой все оттенки красного — от темного-багряного до светло-розового. Я уже заметил, что в марсовой растительности не существовало иных тонов, кроме красного. Очевидно, господство красного цвета на Марсе находится в зависимости от каких-то специфических атмосферных условий. Животных по-прежнему нигде не было видно.

Теперь уже не могло быть ни малейшего сомнения в том, что я находился в высоко культурной стране. Однако, где были ее жители, подлинные носители культуры? Через некоторое время до меня долетел шум падающей воды, и я догадался, что приближаюсь к плотине. Проплыв еще немного, я увидел огромный каменный мост, красиво переброшенный через канал. Проплывая под мостом, я успел разглядеть это сооружение: оно свидетельствовало о высоких инженерных познаниях его строителей. Затем я миновал плотину, через которую был переброшен второй мост, подобный первому, но более простой конструкции. Взглянув на берег канала, я увидел, что поля исчезли и появилась огромная каменная стена.

Время было далеко за полдень. За следующим поворотом канала находился третий мост, неподалеку от которого в основное русло впадал с обеих сторон целый ряд боковых небольших каналов. К третьему мосту примыкало гигантское каменное здание, напоминавшее мне наши портовые склады. Сильно налегая на весла, я проплыл благополучно и под этим мостом.

За новым поворотом передо мной открылся огромный город, обнесенный невысокой каменной стеной. Насколько я мог видеть, улицы расположены были строго симметрично. Некоторые из домов были настоящими гигантами, превосходя высотой нью-йоркские небоскребы. Казалось, город был построен по идеальному плану. Вдоль канала шла широкая набережная. Там и сям в водную поверхность врезались молы. По-видимому, канал прорезал город по самой середине. Мне то и дело приходилось проплывать под мостами.

Я бросил весло и во все глаза глядел на город, так неожиданно представший передо мной и представлявший такой изумительный контраст с дикой безбрежной пустыней. Очевидно, я прибыл в столицу марсиан. Все мои планы о колонизации Марса неожиданно рухнули. Я понял, что до сих пор имел самое превратное представление о планете. Существа, построившие такой величественный город, без всякого сомнения, представляют собой огромную культурную силу, и, конечно, не приходится думать о том, чтобы лишить их господства на планете. При дальнейшем наблюдении я обнаружил одну особенность города: решительно нигде не было видно живых существ.

— Неужели же я попал в город смерти? — с ужасом подумал я.

Последнее предположение не было лишено вероятия. Наши ученые считают Марс старейшей из планет, и существует гипотеза, до известной степени убедительная, что на Марсе жизнь уже угасла. В конце концов, человекоподобные обезьяны и еще более примитивные гориллоподобные гиганты могут быть потомками некогда культурного человека. Во всяком случае, они не могли построить

подобный город. Однако мосты, под которыми я проплывал, отнюдь не казались разрушенными. Куда же девалось население? Улицы были совершенно пусты.

Я продолжал плыть по каналу, держась на самой середине потока, чтобы не наткнуться на многочисленные пристани. Вынув бинокль, я внимательно осматривал город. Мои первоначальные впечатления оказались совершенно правильными. На улицах не было заметно никаких признаков жизни. Здания казались торговыми складами или конторами. Своей безлюдностью город напомнил мне Лондон в воскресное утро. Казалось, я плыл мимо гигантского кладбища.

Город был, без сомнения, очень велик. Я проплыл более двух миль; казалось, домам не будет конца. Наконец, любопытство взяло во мне верх над осторожностью. Я решил выйти на берег и обследовать таинственный город. Подплыв к ближайшей пристани, я поднялся по каменным ступеням и очутился на великолепной эспланаде, окружавшей весь город. Вскоре я убедился, что кругом не было ни души, и, осмелев, решил направиться в глубь города. Челнок я предусмотрительно привязал у пристани, на каменном барьере которой завязал свой носовой платок, чтобы потом разыскать по этому признаку место своего причала. Затем я вынул револьвер, зарядил его патронами, положил в карман и решительно зашагал по эспланаде.

Я прошел несколько миль по спутанному лабиринту улиц. Постепенно у меня складывалось убеждение, что я попал в какой-то гигантский мавзолей. Ни малейших следов жизни! Однако дома кажутся совсем новыми, и все сооружения носят характер современной культуры. Мне казалось, что я иду по улицам какой-то марсовой Помпеи. Гигантский город окаменел в самом расцвете своей жизни. Улицы были идеально чисты, все кругом блестело новизной. Я обратил внимание на рельсы, вроде трамвайных, тянувшиеся вдоль улиц. Все дома были на один лад, словно построенные по казенному образцу, и различались только по своим размерам. Особенно меня поразило отсутствие дверей в домах.

Я заходил в некоторые из них. Комнаты в них были большие, сообщавшиеся одна с другой. Дверей нигде не было. Некоторые комнаты напоминали конторы, другие — мастерские. Были и такие, в которых не было никакой мебели, кроме огромного стола, стоявшего посередине, и которые были похожи на монастырские трапезные. Однако, если я попал в город монастырей, то где же находились сами монахи? Город казался гигантским телом, лишенным души.

В своих странствованиях я не заметил, как закатилось солнце, и начало темнеть. Пора было мне возвращаться к своему челну. Однако вернуться обратно оказалось не такой легкой задачей.

Улицы были широкие, безукоризненно прямые и пересекались под углами. Город, казалось, был выстроен по математически точному плану. Самый придирчивый и педантичный муниципальный чиновник, при всем старании, не нашел бы здесь ни малейшей погрешности против санитарии и социальной гигиены. Распланировка наших английских городов показалась бы хаотичной по сравнению с этой безукоризненной системой улиц. Однако скоро я обнаружил, что для человека, незнакомого с планом города, весьма трудно разобраться в сплошной сети его улиц. Город представлялся мне воплощением математики; улицы казались странными, навеки застывшими колоннами цифр, но увы, у меня не было ключа к этой гигантской головоломной задаче. Вскоре я понял, что знаменитый лабиринт греческих мифов был детской игрушкой по сравнению с этим изумительным городом. В самом деле, в плане города, при всей его геометричности, было нечто весьма своеобразное, сбивавшее меня с толку. Я никак не мог постичь, какой принцип был положен строителями города в основание его плана. Несомненно, каждая линия его была строго продумана.

Больше часа я шел по направлению к каналу, однако, казалось, ничуть к нему не приблизился. Мое удивление все возрастало. Я был совершенно сбит с толку. Я словно попал в какой-то заколдованный круг, из которого не было выхода. Мне невольно пришло в голову, что город построен по каким-то совершенно недоступным моему пониманию принципам. Сперва я отмахивался от этой мысли, однако она со все возраставшей настойчивостью овладевала моим сознанием, и, наконец, я уже не сомневался, что попал в город тайн, которые мой разум отказывался разрешить. В необычайной системе улиц было, несомненно, нечто, превышавшее человеческое разумение. Эта система была, казалось, построена по математическим принципам, совершенно мне неизвестным. Все улицы походили одна на другую. Мне казалось, что я кружусь по городу, как белка в колесе. Несмотря на все усилия, я никак не мог приблизиться к каналу.

Между тем стемнело. Мне было ясно, что если я даже и достигну эспланады, все равно мне ни за что не разыскать той пристани, у которой был привязан мой челнок. Я начал ругать себя за то, что так легкомысленно оставил на произвол судьбы свое хрупкое суденышко. Затем я принялся обдумывать создавшееся положение, стараясь найти выход. Я уже устал и проголодался, у меня болели ноги от ходьбы. Конечно, эти строения, напоминавшие склады, отнюдь не казались гостеприимными; тем не менее, лучше было провести ночь под крышей, чем под открытым небом. Ночи на Марсе даже в жаркую пору довольно холодны, хотя и безветренны. Отсутствие рубашки, оставленной мною на челне в качестве паруса, давало себя знать. Я весь дрожал от холода. Итак, я вошел

в одно из больших каменных зданий, находившихся на углу улицы. Поднявшись по бесконечной лестнице на самый верх его, я очутился в большой мрачной комнате. Сняв пальто и разостлав его в уголке на полу, я улегся на эту постель. Вскоре усталость взяла свое, и я крепко уснул.

Не знаю, сколько времени я проспал. Внезапно я был разбужен каким-то странным пронзительным жужжанием. Протирая глаза, я приподнялся и сел. На потолке я увидел полосу света, падавшего неизвестно откуда. Вслед за тем я услышал приглушенный шум. Я вскочил на ноги, как ужаленный. На лестнице раздавались чьи-то шаги. В ужасе я кинулся к выходу, но не успел добежать до лестницы, как шарахнулся в сторону и забился в угол. Несколько больших темных фигур прошли мимо меня в комнату. В темноте я не мог их разглядеть. Я заметил только, что это были не люди, хотя они шли на двух ногах. Когда последние неведомые существа прошли мимо меня, я бросился вниз по лестнице с намерением поскорее убежать из страшного дома. На одной из площадок я заметил в стене отверстие, служившее, по-видимому, для вентиляции помещения. Подойдя вплотную к стене, я стал на цыпочки и посмотрел сквозь отверстие на улицу. Моим глазам представилось такое потрясающее зрелище, что я весь похолодел и зашатался. Город был залит потоками ослепительного света, улицы были запружены машинами, напоминавшими наши автомобили и мотоциклы. По тротуарам двигались темные фигуры, в которых не было ничего человеческого. Дрожа от ужаса, я отпрянул от стены. Я недоумевал, каким образом мне не приходило в голову такое простое объяснение безлюдности города. Город жил ночью. Днем его обитатели были погружены в сон. Теперь же они проснулись и принялись за свои дела. Мертвый город воскрес. Но что представляют собой эти жители? Мрачное предчувствие охватило меня. Я уже успел разглядеть, что эти существа не были людьми. Итак, на Марсе владычествует какая-то странная порода существ.

ГИГАНТСКИЕ МУРАВЬИ

Мои размышления были прерваны приглушенными звуками шагов, раздавшихся на лестнице. Кто-то спускался вниз. Я решил разглядеть как следует этого таинственного незнакомца и, затаив дыхание, стал поджидать его на площадке. Наконец темная фигура поравнялась со мной. Я нажал кнопку фонарика. Вспыхнул ослепительный свет. Передо мной стоял гигантский муравей, футов десяти-одиннадцати ростом; черное гибкое тело насекомого блестяло в свете фонарика. Муравей держался на двух ногах, как человек; по конструкции своего тела этот гигант был совершенно схож с нашим земным муравьем. Вокруг головы у него было рас-

положено бесчисленное количество глаз, однако я сразу заметил, что, подобно подземным марсовым гадам, он был совершенно слеп.

Я был уверен, что огромное насекомое не могло меня видеть, и собирался вслед за ним ускользнуть из этого дома. Однако к моему удивлению, муравей меня все-таки заметил. Очевидно, вместо глаз у него имелся какой-то другой орган зрения. В этом мне очень скоро пришлось убедиться. Потушив фонарик, я начал спускаться по лестнице. Однако не успел я сделать и нескольких шагов, как огромное создание набросилось на меня сзади. В мгновение ока меня обхватили огромные щупальцы, подобные щупальцам осьминога. Между мною и муравьем завязалась отчаянная борьба. Насекомое было неуязвимо. Казалось, у него было столько щупальцев, сколько у легендарного Аргуса глаз. Мы боролись в полнейшем мраке и в молчании, так как мой противник не издавал ни звука. Напрасно старался я нащупать тело этого скользкого гибкого создания. Всякий раз, как мне удавалось схватить насекомое, мои пальцы погружались в какую-то студенистую массу, ускользавшую из моих рук. Вскоре я понял, что имею дело с не очень опасным противником. Несмотря на свои огромные размеры, насекомое было чрезвычайно слабым. Если бы оно не было таким скользким, я давно бы разорвал его на клочки. Мне удалось оборвать у него несколько щупальцев с такою же легкостью, как обламываешь гнилой сук. Не знаю, сколько времени еще продолжалась бы наша борьба, если бы я не услышал на лестнице отдаленных шагов. Я понял, что необходимо покончить с этим марсианином до прихода его друзей.

Необходимость, — как говорят, — мать изобретений. Мне пришлось в голову воспользоваться превосходством своего веса над весом насекомого. Я навалился всею своею тяжестью на дряблую аморфную массу и притиснул ее к стене. Со страшной силой я боднул насекомое головой в живот. Оно судорожно забилося всеми членами, разжимая щупальцы. Тогда я вцепился руками в дряблую массу и, разорвав ее на двое, швырнул на пол. Меня поразило, что даже в своей агонии насекомое не проронило ни звука. Очевидно, планетой владычествуют слепые и немые создания. Однако у меня не было времени размышлять. Шаги спускавшихся по лестнице муравьев раздавались над самой моей головой. Я кинулся сломя голову вниз по лестнице и через несколько мгновений очутился на улице.

Как я уже говорил, город производил ночью совсем другое впечатление, чем при дневном свете. Улицы кипели жизнью. В воздухе носились летательные аппараты. Здания были залиты ослепительным светом. По тротуарам густыми потоками катились пешеходы. Однако толпа муравьев весьма отличалась от человеческой толпы. Прежде всего не было заметно торопливости и су-

толоки; затем я, к удивлению своему, обнаружил, что на углах улицы нет муравьев-полисменов. Уличное движение протекало с необычайной регулярностью. Порядок всюду был образцовый. Казалось, все двигалось с точностью часового механизма. Очевидно, пешеходами руководил какой-то особый инстинкт, следуя которому они координировали свое движение с движением всей толпы и переходили улицы без риска быть раздавленными.

Уличное движение, казалось, тоже управлялось каким-то коллективным инстинктом, во всяком случае никто им извне не руководил.

Само собой разумеется, в первый момент я был потрясен необычайным зрелищем, какое представлял собою этот чудовищный муравейник. Должен признаться, что я долгое время не мог понять, каким образом насекомые при своей слепоте так идеально угадывают направление и ориентируются в гигантском лабиринте. Только в результате упорных размышлений и продолжительных наблюдений я смог себе уяснить причину этого явления. В описываемый же мною момент мне было не до гипотез. Я стремился во что бы то ни стало поскорее выбраться из муравьиного города. В свое время я немало слышал от Хезерингтона о жестокости муравьев; мне приходилось лично изучать психологию насекомых; исходя из всего этого, нечего было, конечно, рассчитывать на милосердие гигантов-марсиан. Если даже они и не отличались свирепым нравом, во всяком случае как существа социальные, они должны были поступить с убийцей их согражданина по всей строгости закона.

Мне оставалось только разыскивать дорогу к каналу и убраться подобру-поздорову из города муравьев.

Я решил смешаться с толпой и ввериться судьбе. Конечно, это было бы невозможно сделать, если бы муравьи были зрячими. В этом идеально построенном городе не существовало ни переулков, ни закоулков, где можно было бы укрыться от взоров горожан.

К счастью, все жители города были слепы, и это обстоятельство, как мне казалось, давало мне некоторые шансы на спасение. Но ведь находят же каким-то образом насекомые свою дорогу, значит... Я весь похолодел. В самом деле, повторяю, уличное движение совершалось в образцовом порядке. Никаких столкновений экипажей не было заметно. По сравнению с этим городом любой из наших земных показался бы сплошным хаосом.

Движущиеся передо мной гигантские муравьи казались такими необычайными, что я с трудом верил своим глазам. Несомненно, они были наделены чувствами, отличными от человеческих. Эти существа представлялись мне воплощенным противоречием; несмотря на мириады глаз, они были слепы и, однако, с изумительной точностью ориентировались в пространстве; движения их

отличались легкостью, быстротой и уверенностью; каждый стремился к своей цели, не торопясь и не мешая другим. Невозможно себе представить ничего более невероятного, чем эти призрачные обитатели фантастического гигантского города.

Я притаился в тени дома, прижавшись к стене, и пытался собраться с мыслями. Внезапно из-за угла выступила гигантская фигура муравья и остановилась передо мной. Казалось, он заметил меня. Его усики зашевелились. Он смотрел на меня в упор. Было нечто невыразимо ужасное в этом огромном насекомом. Оно стояло, неподвижно уставившись на меня своими бесчисленными немигающими глазами. Я понял, что оно меня видит. Не могу описать ужаса, который я пережил, ощущая на себе этот взгляд василиска. Нечто аналогичное должен испытывать кролик, зачарованный взглядом змеи. Я стоял, как загнипнотизированный. Казалось, кровь застыла у меня в жилах. Если бы насекомое на меня напало, я не оказал бы ему ни малейшего сопротивления. К счастью, оно стояло неподвижно. Наконец, оно сдвинулось с места и пошло по тротуару ровной размеренной поступью, характерной для этих насекомых-гигантов.

Я стоял, дрожа с головы до ног. Последний опыт меня достаточно убедил, что дьявольские создания каким-то непостижимым образом могли видеть. Ни за что на свете не выйду на улицу, — решил я. Может быть, здесь, в тени, мне удастся простоять незамеченным до наступления дня. Однако страх не мешал мне продолжать мои наблюдения. Я обратил внимание, что муравьи не носили одежды, и что их походка была странно приглушенной, — казалось, они скользили, едва касаясь камней. Все эти создания стройными рядами шли все в одну сторону. Я невольно уподобил их прусским гренадерам, марширующим на плацу.

По-видимому, город был весьма густо населен, так как толпам насекомых не было конца. Все новые и новые потоки темных фантастических существ мерно катились мимо меня. Скоро, к своему ужасу, я понял, что меня заметили. Ни один муравей не оборачивался в мою сторону, и, тем не менее, у меня сложилась твердая уверенность, что меня видят. Казалось бы, у меня не было никаких данных считать себя замеченным, но какой-то необъяснимый инстинкт подсказывал мне, что меня видели. Я чувствовал, как меня пронизывали мириады невидимых глаз.

Вскоре я понял, что мне грозит большая опасность. Очувтившись на улице и захваченный новыми жуткими впечатлениями, я совсем было забыл об убитом муравье. Внезапно перед домом, где находился убитый муравей, остановилась огромная машина, напоминавшая автомобиль, но двигавшаяся с быстротой, совершенно недоступной нашим машинам.

Словно по мановению волшебного жезла, поток пешеходов

расступился, образовав две неподвижные стены. Я вспомнил хорошо знакомую мне картинку, поражающую мое детское воображение: переход сынов Израиля через Чермное море. Особенно удивил меня при этом следующий эпизод. Один из муравьев, казалось, был глух, так как он продолжал спокойно идти, не обращая никакого внимания на машину. Однако в тот момент, когда она готова была задавить его, он, словно повинувшись какому-то инстинкту, внезапно отпрянул в сторону.

Машина остановилась у входа в дом, из которого я только что вышел. Каков же был мой ужас, когда я увидел, что из дома вынесли труп моей жертвы и положили в машину, которая мгновенно умчалась. Все это произошло скорее, чем можно об этом рассказать. В этом городе все совершалось с необычайной быстротой. По сравнению с этими легкими и подвижными насекомыми наши самые лучшие пожарные показались бы тяжелыми увальнями. Несомненно, жизнь этих насекомых была строго регулирована и подчинена дисциплине.

Немного спустя мне пришлось вторично убедиться, как великолепно были организованы эти существа. Вот как это произошло. Когда тело муравья было увезено, я начал помышлять о бегстве, так как было несомненно, что преступление обнаружено. Конечно, для меня это убийство было простым актом самозащиты; однако я имел сильное основание опасаться, что муравьи иначе отнесутся к моему поступку. К этому моменту я был уже твердо уверен, что сделался предметом всеобщего внимания, хотя муравьи по-прежнему не оборачивались в мою сторону. Я чувствовал на себе упорные взгляды, пронизывающие меня до глубины души. Казалось, эти насекомые обладали каким-то внутренним зрением. Нервы мои были напряжены до крайности.

Внезапно я заметил вереницу муравьев, маршировавших по улице и направлявшихся в мою сторону. При проходе их толпа расступилась, и уличное движение приостановилось. Через несколько мгновений они окружили меня. Огромные щупальцы насекомых обхватили меня и крепко сжали, словно в железных тисках. Сомнений не было, я попал в руки полиции. Меня задержали на месте преступления. Все улики были, конечно, против меня. Нечего было ожидать пощады. Милосердие совершенно не вязалось с этими бесчувственными созданиями.

Мне оставалось только вступить в борьбу с полицейскими. Завязалась ужасная схватка. Полицейских было около полдюжины, но, несмотря на свои крупные размеры, они были физически слабы. Достаточно было бы одного «хела-хела», чтобы уничтожить множество этих созданий. Должен сказать, что я расправлялся с ними весьма свирепо. Во время битвы меня чрезвычайно поразило то, что никто из пешеходов не шевельнул пальцем, чтобы

помочь моим противникам. Никто даже не глядел на нас, каждый спокойно шел по своим делам...

Я попытался было освободиться от цепких объятий насекомых, однако это оказалось далеко не легкой задачей. Противные холодные щупальцы охватили меня со всех сторон, впиваясь в мое тело. С огромным трудом мне удалось высвободить ноги, завязнувшие в студенистой липкой массе, какую представляли собой тела насекомых. Однако через мгновение щупальцы снова опутали мои ноги, и, теряя равновесие, я свалился на тротуар и очутился под кишашей грудой насекомых. Дальнейшее сопротивление было бы бесполезно. Я задыхался под тяжестью муравьев. Было совершенно невозможно выбраться из-под скользкой студенистой массы, под которой я был погребен.

Один из муравьев вытянул щупальцы, напоминавшие ряд огромных гвоздей, и вонзил их в мое лицо. Горячая кровь залила мне глаза. Я обезумел от боли. Должно быть, этому припадку безумия я и обязан своим спасением. Говорят, сумасшедшие в припадках бешенства обнаруживают сверхчеловеческую силу. Думаю, то же явление было и со мной. Вне себя от ужаса и боли, я с такой бешеной силой рванулся из цепких объятий муравьиных полисменов, что проклятые тиски невольно ослабились. Через мгновение я был уже на ногах и с дикой яростью наносил удары направо и налево. Каким-то невероятным маневром мне удалось стряхнуть с себя нападавших. Я пустился бежать что было сил по улице. Не помню, где я пробегал и куда направлялся. Внезапно, оглянувшись по сторонам, я увидел, что нахожусь на эспланаде: я каким-то чудом выбрался из лабиринта улиц и очутился возле канала.

К моему удивлению, канал был покрыт разного рода судами. Мне было совершенно непонятно, где могли находиться эти суда днем. Я бросился разыскивать свой челн, но, конечно, не мог его найти.

Между тем кровь стекала ручьями по моему лицу. Сознание туманилось от боли. Вероятно, я умер бы на набережной от потери крови, если бы мне не пришла в голову счастливая мысль: прыгнуть в канал. Как только я очутился в ледяной воде, кровотечение прекратилось. Однако через несколько мгновений я почувствовал себя слишком слабым, чтобы плыть дальше. Подплыв к пристани, я вскарабкался по ступеням и свалился без чувств на камни.

Не помню, долго ли я так пролежал в состоянии полной прострации. Мне казалось, что на меня смотрят мириады глаз, и я содрогался от этих сверлящих взглядов. Однако возможно, что это впечатление было простой галлюцинацией.

Когда я пришел в себя, был яркий день, и город, как и накануне, был мертвенно пуст.

Мне необходимо было во что бы то ни стало выбраться из проклятого города до наступления темноты. У меня не было ни малейшей охоты вторично встречаться с его странными и жуткими обитателями. Итак, я отправился в путь с твердым намерением поскорее выйти из пределов города. Я брел, словно в забытии, то и дело спотыкаясь и падая, ничего не видя перед собой. Когда я, наконец, пришел в себя, то увидел, что нахожусь среди пологих холмов. Города не было видно, но на некотором расстоянии от меня блестел канал. Вокруг меня тянулись необозримые поля, на которых росли какие-то огромные красные растения. Должно быть, прошло несколько дней после моей ужасной встречи с муравьями.

Я умирал от голода и совершенно ослаб от потери крови. Приблизившись к странным растениям, я сорвал некоторые из них и начал жевать их листья, пытаюсь утолить голод. Затем я принялся размышлять о том, где бы мне провести ночь. Я был слишком слаб, чтобы добраться до канала, да и какой был бы смысл это делать, раз у меня больше не было челна? Я горько пожалел, что вздумал тогда высадиться в городе и не продолжал своего путешествия по воде. Что-то ждет, однако, меня теперь? Мне было ясно, что никаких отношений с муравьями я не могу завязать. С другой стороны, нечего было и думать возвращаться в пустыню. Неужели же мне предстоит голодная смерть? — с ужасом подумал я.

Внезапно мои мрачные размышления были прерваны раздавшимся неподалеку резким воем, странно мне знакомым. Обернувшись, я увидел группу моих старых знакомых «хела-хела», шагавших по полю.

О сопротивлении было уже поздно думать. Дикари меня заметили. Я побрел, пошатываясь, им навстречу с протянутой рукой. Вскоре я разглядел, что они несут какие-то инструменты, вроде лопат, вероятно служившие для возделывания этих гигантских покрытых маками полей. Внезапно мне пришла в голову мысль, что маки являются эмблемой сна.

«Хела-хела» подошли ко мне и обступили со всех сторон, глядя на меня в упор. Вид их выражал крайнее изумление. Желая вызвать в них сочувствие, я раскрыл рот, показывая жестом, что я голоден. Затем я издал рычание, напоминавшее их боевой клич. Эффект получился самый неожиданный. Рыча от ярости, обезьяны двинулись на меня со всех сторон, ударяя себя в грудь кулаками, как делали их братья-горцы. Казалось, они готовы были растерзать меня на клочки. Считая себя уже погибшим, я надеялся, что смерть будет быстрой и сравнительно безболезненной.

Обезьяны подняли невообразимый вой. Я закрыл глаза, ожидая конца. Внезапно вой понизился в тоне и резко оборвался. Я осторожно открыл глаза и с удивлением увидел, что остался невредим.

Через несколько мгновений я понял, чему был обязан своим спасением. Огромный муравей поспешно приближался к стаду; «хела-хела» расступились перед ним, всем своим поведением выражая явный страх. Последнее обстоятельство меня весьма удивило, так как сила муравья была ничтожна по сравнению с физическими ресурсами человекоподобных обезьян. Перемена, произошедшая в обаяниях при приближении насекомого, была прямо поразительна: в присутствии муравья гиганты сделались кроткими, как ягнята.

Огромное насекомое, казалось, не обращало ни малейшего внимания на «хела-хела». Оно шло прямо ко мне, оставившись на меня своими бесчисленными незрячими глазами. Его упорный взгляд просверливал меня насквозь. Внезапно муравей вытянул вперед свои щупальцы и дотронулся до моей изуродованной щеки. Я изобразил на своем лице отчаяние и муку и издал душе-раздирающий стон. При этом звуке насекомое вопросительно приподняло свои щупальцы. Я был крайне изумлен поведением насекомого: казалось, оно понимало меня без слов, в силу какого-то телепатического общения со мной.

Понимая, что я имею дело с разумным созданием, я решил сделать попытку вступить с ним в более тесное общение и доказать ему, какая громадная разница существует между мною и марсовыми обезьянами. Я вынул из кармана спичечную коробку и зажег спичку. Щупальцы насекомого усиленно задвигались. Чувствуя, что нахожусь на правильном пути, я вынул карту Марса, каким-то чудом уцелевшую в моем кармане, и протянул ее муравью. Усики насекомого задвигались во все стороны, словно стебли травы под сильным ветром. Тогда я вынул из кармана бинокль и протянул его насекомому. Оно взяло его своими щупальцами и, казалось, начало рассматривать. Несмотря на свою слепоту, муравей несомненно каким-то непостижимым способом разбирался во всем, окружавшем его. В течение нескольких секунд насекомое пристально смотрело на меня. Затем оно повернулось и, подойдя к одному из дикарей, работавшему с лопатой в руках, начало ударять его своими щупальцами по спине. Насекомое не произносило при этом ни слова; его удары чередовались ритмически; казалось, работал какой-то механизм. Дикарь, по-видимому, понял безмолвное приказание своего повелителя: подойдя ко мне, он взвалил меня себе на спину и поспешно зашагал по полю. Обернувшись, я увидел, что муравей стоит и смотрит в мой бинокль на пылающий диск солнца.

МОЙ НАСТАВНИК ЭРАУЭК

Прошло немало времени после только что описанного мною эпизода, прежде чем я окончательно пришел в себя и начал разбираться в окружавшей меня обстановке. Несколько недель я на-

ходилась между жизнью и смертью. Мое тяжелое состояние было вызвано, с одной стороны, сильными ранениями лица, с другой — испытанными мною лишениями, продолжительной голодовкой и нервным потрясением. Все это время я находился в полнейшей прострации и весьма слабо реагировал на внешние впечатления.

Сознание мое было сильно затуманено. Помню только, что я был не один. Возле моей постели беспрерывно дежурило несколько гигантских муравьев, внимательно за мной наблюдавших. Все они двигались совершенно бесшумно, появляясь и исчезая, словно какие-то огромные тени.

Не знаю, каким образом эти существа меня лечили, однако сильно подозреваю, что обязан своим выздоровлением не только природе, но и врачебному искусству насекомых. Когда я окончательно я пришел в себя, то заметил, что меня все время внимательно осматривает огромный муравей весьма ученого и почтенного вида. Он смотрел на меня в какой-то прибор, напоминавший мне микроскоп. На столе были разложены причудливые инструменты, в роде приборов, употреблявшихся средневековыми алхимиками и астрологами. Я заметил, что насекомое записывало свои наблюдения на большом листе бумаги, разостланном на столе.

Случилось однажды, что ученому муравью пришлось поспешно выйти из комнаты, и я очутился один, — в первый раз за все время моей болезни. Одолеваемый любопытством, я приподнялся и, сев на кровати, протянул руку к листу бумаги, оставленному на столе муравьем. Каково же было мое удивление, когда я увидел, что лист сплошь был покрыт какими-то математическими знаками; одни из них показались мне знакомыми, другие же — совершенно неизвестными. Я всегда имел склонность к математике. Когда я учился в лондонском университете, старик профессор не раз хвалил мои математические способности и советовал мне променять биологию на мать всех наук.

Просматривая значки, покрывавшие бумагу, я узнал среди них две-три формулы высшей математики. Я был так поглощен разглядыванием странных письмен, что не заметил, как в комнату вошел муравей-математик. Внезапно подняв голову, я увидел, что он стоит и смотрит на меня с нескрываемым любопытством.

Пробормотав извинение, я протянул ему лист, и, вспомнив о знаке, виденном на небе Нейтингелем, попросил жестом другой лист бумаги.

В ответ на это ученый муравей протянул мне большой лист и нечто в роде пера, обмакнутого в какую-то алую жидкость, напоминавшую чернила. Усевшись за стол, я начертил на листе простейшую математическую систему: $2 \times 2 = 4$. Муравей, казалось, был весьма удивлен: усики его зашевелились. Однако, его удивление еще возросло, когда я взял лист, покрытый его вычислениями,

и поставил крестик перед одной из известных мне евклидовых теорем. Тут же на моем листе я набросил доказательство теоремы. Когда я показал лист муравью, его передние усики высоко поднялись, затем опустились, доказывая крайнее изумление насекомого. Он покачал головой и вслед за тем набросал на листе другой вариант доказательства. Замечу кстати, что насекомое показало на погрешность, допущенную мною, а значит, и Евклидом, и не замеченную нашими математиками. Математик казался очень взволнованным и выбежал из комнаты, захватив с собой исписанный мною лист. Я заметил, что с этого времени насекомые начали относиться ко мне с гораздо большим интересом. Несомненно, муравьи сперва приняли меня за существо, подобное «хела-хела», теперь же они признали меня разумным созданием. Насекомые ежедневно угощали меня своими блюдами; казалось, они были строгими вегетарианцами, по-видимому они использовали обезьян только в качестве рабочего скота. Вскоре моя крепкая натура взяла свое, и я окончательно поправился. Муравьи, видимо, были удивлены фактом моего выздоровления. Критик Евклида беспрестанно показывал мне все новые и новые математические формулы и вычисления. Я старался проникнуть в их смысл, однако в большинстве случаев мне это не удавалось. Гигантское насекомое смотрело на меня несколько презрительно. Я испытывал большое смущение.

В самом деле, я чувствовал себя школьником, опередившим свой класс и попавшим в следующий, где он оказался не в силах тянуться за остальными. Впрочем, я не имел оснований смущаться, так как последующие наблюдения показали мне, что любой из земных математиков, очутившись на Марсе, был бы в таком же положении, как и я. Гигантские муравьи достигли такого высокого совершенства в математических науках и в музыке, что Бетховен и Исаак Ньютон показались бы здесь весьма посредственными умами.

Когда я встал на ноги, мне начали позволять выходить на улицу, правда, сперва только по ночам. Я просил, чтобы меня выпускали также и днем. Чтобы сделать свою просьбу понятной, я начертил на бумаге карту солнечной системы и показал пальцем на диск солнца. Моя просьба была удовлетворена, хотя и не без затруднений. Жизнь этих странных существ протекала исключительно ночью, и только немногим муравьям позволяли выходить днем для наблюдения за работой «хела-хела». Вскоре я узнал, что обязанности надзирателей считались унижительными и предоставлялись либо преступникам, либо слабоумным членам коммуны. Муравьи называли сумасшедших словом, обозначающим «получивший солнечный удар», таким образом они приписывали припадки безумия влиянию солнца. К «лунам» же марсиане от-

носились с гораздо большим уважением. В символике марсиан и в их иероглифах луны занимали весьма видное место. С особенным почтением относились к ним представители низших классов, не постигавшие истинного смысла официальной символики, которая была по существу своему чисто математической. Таким образом, когда насекомые в разговорах со мной упоминали о самих себе, они рисовали на бумаге муравья, стоявшего под полным месяцем, когда же речь заходила о «хела-хела», они их изображали неизменно рядом с солнечным диском. Само собой разумеется, мне понадобилось известное время для приобретения этих сведений.

Между тем я совершал прогулки по городу, а также обследовал окрестности. Вскоре я окончательно убедился, что жизнь на Марсе сосредотачивалась исключительно в районе каналов. На протяжении многих миль тянулись поля, покрытые всевозможными культурными растениями и тщательно распланированные.

«Хела-хела» обрабатывали землю, доставляли воду в населенные центры. Муравьи относились к обезьянам с отвращением и презрением, с примесью, однако, некоторой боязни. Огромная физическая сила «хела-хела» делала их пригодными для выполнения всякого рода грубой работы, и физически слабые муравьи пользовались ими в качестве рабочего скота.

Все дома огромного города представляли собой общественные здания. Муравьи проводили день в подземных дортуарах. По ночам они выходили из своих убежищ и принимались за дело. Вскоре я увидел, что среди муравьев совершенно не было лентяев. Трудолюбие этих насекомых было поистине поразительно. У каждого из них были свои определенные обязанности, переходившие по наследству от отца к сыну. Музыканты и математики занимали привилегированное положение. Они пользовались чрезвычайным уважением всего населения. Жили они на общественные средства.

У насекомых-гигантов не существовало ни денег, ни частной собственности. Работа была необходима в равной мере для всех, единственным же вознаграждением служила пища. Таким образом никакие излишества и роскошь не были возможны на этой планете. Как я уже упоминал, в домах не было дверей. Дверь является, несомненно, символом права собственности. Она должна прежде всего защищать хозяина от вторжения непрошенных гостей с улицы. Кроме того, я заметил, что среди муравьев совершенно не было стариков. Это меня весьма удивило, и я сперва было подумал, что муравьи открыли секрет вечной юности. Впоследствии и, однако, узнал, что муравьи ликвидировали старость совсем иным, весьма жутким способом. В стране муравьев не заметно было никаких признаков культа; казалось, эти существа не имели никакой религии.

Для того, чтобы поближе познакомиться со странной породой существ, среди которых я очутился по прихоти судьбы, мне необходимо было прежде всего составить себе представление об их психике. Муравьи были, очевидно, поражены обнаруженными мною зачатками разума и желали продолжать изучение человеческой психологии.

В один прекрасный день мой старый знакомый, муравей-математик, пришел ко мне в сопровождении трех других муравьев. Глава этой странной делегации развернул передо мной карту солнечной системы, на которой были обозначены все планеты. Возле Венеры и Меркурия была начерчена формула $2 \times 2 = 4$, очевидно, носившая у муравьев секретно-символический характер. Я обратил внимание, что возле Земли этой формулы не было. Довольно быстро я сообразил, что формула $2 \times 2 = 4$, указывает на населенность планет разумными существами и на факт межпланетных сообщений; очевидно, муравьи не были осведомлены о Земле. Как я потом узнал, мое предположение оказалось правильным.

Рассмотрев карту, я указал на Землю и потребовал бумаги и отдельную карту моей родной планеты. Получив требуемое, я показал моим посетителям на карте Земли тот пункт, с которого я отправился в полет. Карта была большого масштаба, наша планета была представлена на ней чрезвычайно детально. Вообще, марсианская карта Земли далеко превосходила своей точностью и детальностью наши земные карты Марса. Все главные континенты, а также крупные острова были обозначены на карте, причем я заметил, что размеры как всей Земли, так и отдельных материков были вычислены чрезвычайно точно. Только в расположении тропиков я уловил некоторую погрешность: тропик Козерога на марсианской карте пересекал Рио-де-Лаплату, в то время, как в действительности он проходит через Патагонию; последнее обстоятельство мне прекрасно известно, так как я в свое время исследовал эту страну. Карта с несомненностью доказывала, что марсиане обладали гораздо более мощными астрономическими приборами, чем мы, и сумели отлично учесть атмосферные условия Земли.

Затем я взял карту Марса и, желая показать, что мне известно о сигнализации марсиан, поместил под изображением планеты следующую формулу:

II

II

III

Муравьи были, казалось, чрезвычайно изумлены; их усики усиленно зашевелились, словно стебли высохшей травы пампасов. Тогда я нарисовал свой летательный аппарат, а также ночного

вора, его похитившего. Наконец, я начертал на принесенной муравьями карте проект пробега кометы Филиппса от Земли до Марса. Возле кометы я поместил изображение зеленого мотоциклета, совершающего межпланетный перелет.

Муравьи были до крайности поражены при виде моего рисунка. Они, несомненно, меня поняли. Вскоре, однако, пришла моя очередь изумляться. Глава муравьиной депутации показал мне рисунок, изображавший нечто вроде огромной пушки, выбрасывающей в мировое пространство снаряды, заключающие в себе муравьев. На другом рисунке было показано прибытие муравьев-путешественников в снарядах на Меркурий и Венеру; на третьем — они изображались подлетающими к Земле. Очевидно, марсиане уже делали попытки установить сношения с Землей. Впоследствии я узнал, что они обладали телескопами такой мощности, что могли составить точные карты Урана и Нептуна. Таким образом нет ничего невероятного в том, что марсиане, изучив при помощи своих приборов Землю, послали на нее отряд смелых пионеров. Я склонен думать, что муравьи-аргонавты при спуске на Землю попали в океан и потонули. Может быть, где-нибудь на дне Тихого океана гниют тела моих предшественников в области межпланетных сношений.

После непродолжительного безмолвного совещания муравьи ушли. По-видимому, мои сообщения произвели на них сильное впечатление. Впоследствии я узнал, что в результате этого знаменательного интервью было решено отложить наказание, которому я должен был подвергнуться за убийство муравья. Насекомые убедились, что я принадлежу к породе существ, отличных от «хелакла».

На следующий вечер ко мне явился муравей, наблюдавший меня во время болезни, и дал мне знаками понять, что он назначен моим наставником. Наши математические познания создавали почву для взаимного общения, однако муравей знал бесконечно более моего. Вскоре я узнал, что муравьи общались друг с другом совсем особым способом, делавшим ненужными речь и письменные сношения. Благодаря своему высокому умственному развитию эти существа научились передавать свои мысли на расстоянии. Иначе говоря, они в своих сношениях пользовались исключительно телепатией, которая достигла у них степени точной науки. Физический орган речи, так же как и орган зрения, у них был атрофирован, зато телепатия была высоко развита. Правда, у них еще сохранились наружные органы зрения и слуха, но они были им совершенно бесполезны и играли в их организме роль, аналогичную роли аппендикса в человеческом теле. Должен сказать, что я сравнительно легко усвоил принципы языка мыслей. Возможно, что мне при этом помог математический склад ума.

Однако возвращаюсь к своему повествованию. На следующий

день после упомянутого интервью ученый муравей приступил к моему обучению. Прежде всего он пытался установить между нами мысленный контакт. Прошло некоторое время, прежде чем я окончательно освоился с языком муравьев. Было бы скучно описывать, как происходило мое обучение. Скажу только, что мой наставник в своем преподавании пользовался как непосредственно телесными, так и рисунками.

Имя моего учителя было Эрауэк, — по крайней мере, я его так мысленно воспринял. Он был выдающимся астрономом и несколько лет тому назад занимался сигнализацией. Очевидно, покойный Найтингель уловил в свое время именно сигналы Эрауэка. Он посвятил всю свою жизнь изучению планет нашей Солнечной системы и обладал колоссальными сведениями по астрономии. При помощи своих телескопов они могли видеть планеты и ближайшие звезды. Они построили летательные аппараты, на которых их путешественники достигали Меркурия, Венеры и, по-видимому, также Земли. Эрауэку доставила немалое огорчение неудавшаяся попытка завязать сношения с нашей планетой, называющейся на муравьином языке «Астран». Он сообщил мне, что Меркурий и Венера населены разумными существами. На Меркурии живут великаны, на Венере же — летающие создания, по конструкции своего тела напоминающие саламандр. И те и другие обладают культурой. Впоследствии я узнал, что у муравьев разрабатывался план колонизации этих планет. Землю марсиане также рассматривали как свою будущую колонию.

Считаю не лишним привести вкратце сведения по истории Марса. Планета эта чрезвычайно стара. Я рассчитал, что культура должна была развиться на Марсе приблизительно в ту эпоху, когда на нашей планете только еще возникли простейшие формы жизни.

Первоначально муравьи были весьма многочисленны. С течением времени, однако, жизнь на планете становилась все более затруднительной и, в конце концов, локализовалась в области каналов. При помощи строгого контролирования рождаемости населения планеты количество муравьев было постепенно доведено до одного миллиона особей. По берегам каналов находилось несколько крупных центров, в которых и сосредотачивалось население. Муравьи никогда не покидали пределов района каналов. В этом отношении они напоминали древних египтян, обитателей долины Нила. Каналы были прорыты сравнительно недавно, не более ста тысяч лет тому назад — цифра весьма скромная для этой древней планеты. Задача проведения сети каналов была возложена на десять поколений муравьев, т. е. на исполнение ее понадобилось около тысячи лет. В стране муравьев не только отсутствовали лентяи и паразиты, но даже не существовало самого понятия лени.

Весьма заинтересованный каналами марсиан, о которых мне

столько приходилось читать и говорить, я спросил своего наставника, каково их устройство и назначение. Он сообщил мне, что постепенное высыхание планеты и распространение пустынь грозили самому существованию жизни на Марсе. Мало-помалу с лица планеты исчезли моря и океаны. Только покрывающие полюсы вечные льды давали при своем таянии начало источникам, питавшим планету.

На эти полярные льды и возлагали марсиане свои последние надежды. Каналы имели своим назначением равномерно распределить животворную влагу по всей поверхности планеты. Для выполнения такой грандиозной задачи, конечно, потребовалось величайшее самопожертвование со стороны всего муравьиного населения. Только порода существ до мозга костей проникнутых сознанием общих интересов и лишенных самого понятия права собственности, могла ценою неслыханных жертв привести в исполнение план преобразования всей поверхности планеты. Вода каналов приводилась в движение мощными электрическими станциями, расположенными в районе полюсов. Работа на станциях производилась престарелыми, не годными ни для какого другого дела муравьями. Неудивительно, думалось мне, что в стране муравьев отсутствуют старые насекомые. Когда эти создания утрачивали свою работоспособность, они умирали. Вскоре я узнал, что на языке муравьев для обозначения понятий «жизнь» и «труд» существовало одно и то же слово.

Мне, как существу, выросшему на планете, где господствует индивидуализм, социальные навыки муравьев казались весьма необычайными. Насекомые-гиганты обладали изумительной трудоспособностью и особенно много времени уделяли наукам. Они открыли тайну вечного движения и были знакомы с четвертым измерением. Им было известно, что музыка представляет собой своего рода язык символов, и они не только владели ключом к этому языку, но и умели выражать любую музыкальную фразу в терминах высшей математики.

Социальная система, господствующая у муравьев, была полной противоположностью той системе, которая существует в капиталистических странах на Земле. Все в этом государстве было общим; благодаря этому у муравьев отсутствовали жадность и стремление к стяжательству. Мне не удалось узнать, существовала ли когда-нибудь у муравьев-гигантов частная собственность, однако несомненно, что в отдаленном прошлом они разделялись на племена — последние с течением времени добровольно объединились в целях поддержания жизни на дряхлеющей планете. Семья исчезла вслед за племенем, и подрастающее поколение воспитывалось в особых общественных зданиях.

У муравьев давно уже не существовало войн: последние стали

совершенно ненужными, так как все индивидуумы жили для общего блага, и между ними не могли возникать никакие конфликты.

У муравьев совершенно отсутствовала религия. Они были чересчур заняты «делами», чтобы уделять внимание «вере», более того, у них не было ни времени ни охоты заниматься мифотворчеством. Будучи лишены чувства стыда, они тем самым не нуждались в одежде. Муравьи, все без исключения, были строгими вегетарианцами. Все потребности организма были у них сведены до минимума.

Наиболее дальновидные из муравьев были, насколько мне известно, чрезвычайно озабочены вопросом о жизни на планете. С невероятным терпением и с железным упорством велась на Марсе борьба за существование. Рано или поздно на планете должен был иссякнуть источник воды. Таким образом муравьи стояли перед перспективой поголовного вымирания или переселения на какую-нибудь другую планету. До сих пор они еще не остановили свой выбор ни на одном из соседних миров; однако, им предстояло в скором времени принять определенное решение, так как полярные льды, доставлявшие воду всей планете, уменьшались с катастрофической быстротой. Марсианам пришлось уже покинуть свои «лунные» колонии. Я случайно узнал, что следы странных сооружений, виденных мною на «лунах» во время полета через пространство, были остатками древней цивилизации насекомых. Когда я спросил Эрауэка о судьбе «лунных» колоний, он сообщил мне, что население их частью вымерло, а частично переселилось на Марс из-за отсутствия воды.

Для того, чтобы дать земному читателю более яркое представление о мирозерцании муравьев-гигантов, я приведу здесь имевший место между мною и моим наставником Эрауэком разговор. Речь шла о муравьиной и человеческой культурах. Предупреждаю, что я был вынужден литературно обработать имеющиеся у меня хаотические заметки. Разговор привожу почти дословно, опуская лишь те выражения муравьев, для которых нет соответствующих слов в нашем языке. В общем, характер разговора у меня передан довольно точно; я пытался насколько возможно дать почувствовать читателю все своеобразие муравьиной психологии, столь отличной от нашей.

МИРОВОСПРИЯТИЕ МАРСИАН

После нескольких месяцев, проведенных в упорных занятиях, мой наставник Эрауэк в один прекрасный день заявил мне, что ему необходимо поближе познакомиться с характером существ, населяющих мою планету.

— Друг Ох (так прозвали меня муравьи, во время моей болезни слышавшие от меня только одни стоны), — сказала мудрое насе-

комое, — насколько мы понимаем, вы были посланы на нашу планету собрать сведения о ее обитателях. Вы получили обстоятельные сведения по интересующему вас вопросу. Теперь расскажите нам о жителях Астрана (Земли). Мы, в свою очередь, дадим вам все разъяснения, какие вы от нас попросите. Из вашего поведения мы заключили, что вы обладаете некоторым разумом, хотя многие из ваших действий нам еще непонятны. Мы радуемся случаю получить от уроженца Астрана сведения о его планете. Дело в том, что ни один из обитателей Ламмуля (Венеры), Рискока (Меркурия) и Санкана (Юпитера) не смог добраться до нашей планеты, и мы не знаем, наделены ли эти существа разумом. Скажите же нам, что представляете собою вы, люди Астрана? — Таков был смысл речи Эрауэка. Само собою разумеется, я обещал удовлетворить его любопытство. Однако, прежде чем приступить к своему повествованию, я, в свою очередь, попросил наставника ответить на несколько вопросов, намекнув ему, что он, в качестве хозяина, должен был открыть нашу дискуссию.

Муравей-гигант охотно согласился на мою просьбу. Я рассказал ему о своих похождениях на Марсе; об ужасах, пережитых мною на диких холмах и в необозримой пустыне, о фантастических чудовищах и странных созданиях, населяющих эти местности. С особенным любопытством спросил я Эрауэка про двуглавого циклопа, скелет которого обнаружил в горном цирке. Эрауэк ответил, что муравьи (обращая внимание читателя на то, что он никогда не говорил от первого лица) не имеют точных сведений о такого рода созданиях; однако, если верить древней истории, на Марсе существовали такого рода чудовища в доисторические времена.

Далее я спросил Эрауэка о муравьиной религии. Меня крайне интересовало, какое представление о божестве имели эти насекомые.

— Много-много лет тому назад, — сказал Эрауэк, — в эпоху, когда мы переживали свое младенчество, мы верили в существование некоего Великого Муравья (буквально — «высшая порода»); однако с течением времени мы убедились, что во вселенной не заметно следов деятельности этого верховного создания, что мы являемся полноправными и единственными хозяевами космоса. Тогда мы издали декрет об упразднении этого Великого Муравья, и наука заменила у нас религию.

— Каково же ваше государственное устройство? — спросил я.

Муравей, казалось, был весьма удивлен этим вопросом. Я постарался сделать свою мысль более понятной ему.

— У нас, — сказал я, — некоторые люди облакаются властью, и на них возлагаются обязанности вести общественные дела.

Муравей поглядел на меня с видом крайнего изумления.

— Благосостояние всех муравьев, — сказал он, наконец, — есте-

ственно, является предметом заботы каждого из них. Каждый муравей работает и, следовательно, управляет сам собой.

— Ну, а война? — спросил я. — Как же вы поступаете в случае войны?

— Война? — повторил Эрауэк. — Я не понимаю этого слова!

Судя по оттенку смущения, прозвучавшему в мысленных речах моего наставника, он действительно меня не понимал.

— Впрочем, — заговорил он через несколько мгновений, — мне кажется, я догадываюсь, о чем вы говорите. Древняя история, повествующая о постепенном развитии культуры на нашей планете (буквально: о развитии муравьев; дело в том, что эта порода существ инстинктивно считала себя единственной носительницей культуры во вселенной, и потому на их языке понятия «культура» и «муравей» были тождественны) передает, что некогда наши предки вели войны между собой.

— Война за свободу и цивилизацию, — вырвалось у меня при этих словах наставника.

— Простите, — спокойно возразил Эрауэк, — войны велись исключительно ради чьих-либо собственнических интересов.

— Вы обнаруживаете, — заявил я, — откровенность, которой совершенно лишены наши земные дипломаты. Наши войны, — продолжал я, — всегда ведутся во имя высоких моральных лозунгов, по крайней мере, так заявляют наши газеты.

Было совершенно очевидно, что муравей меня не понял.

— Последнюю войну наши предки вели, — сказал он, — чтобы свергнуть господство класса эксплуататоров. Это предприятие было столь же необходимо, как и прорытие каналов.

Признаюсь, я невольно улыбнулся простоте насекомого.

— Однако, — сказал я, — каналы могли возникнуть только в результате вашей борьбы за освобождение; следовательно, вы боролись за цивилизацию, а также во имя блага вашего потомства.

— Наши предки, — возразил Эрауэк (обнаруживая в тоне некоторые признаки нетерпения), — боролись исключительно за свое существование; они и не мечтали о каналах; необходимость в последних явилась много тысячелетий спустя, когда изменились климатические и геологические условия планеты. Какой смысл в том, чтобы приписывать нашим предкам побуждения, которых у них никогда не было?

Признаюсь, наивный реализм этих изумительных насекомых произвел на меня сильное впечатление. Казалось, они не имели никакого представления о лжи и обмане. Я невольно подумал, что история человечества сразу бы получила совершенно иной оборот, и распутились бы многие политические сложности, если бы наши земные дипломаты действовали с откровенностью марсиан-муравьев. Если бы произошла такая чудесная перемена в характере

людей,— продолжал я свои рассуждения,— то войны, которые теперь ведутся капиталистическими странами ради наживы, велись бы точно так же, как проводятся отдельными капиталистами коммерческие операции. Сразу прекратилась бы вся трескучая болтовня о цивилизации и свободе наций, подобно обманчивому фейерверку погасли бы наши идеалы, которым, в сущности говоря, никто теперь не верит. Однако меня интересовал вопрос о том, каким образом муравьи упразднили войну, и я спросил Эрауэка:

— Что же случилось во время следующей войны?

— Прошу прощения,— возразило насекомое.— Никакой следующей войны у нас не было.

— Я вижу,— заметил я иронически,— что вы вели войну за прекращение войн.

— Я вас не понимаю,— сказал муравей-гигант.

— Простите,— сказал я.— Я невольно употребил в разговоре с вами фразу, которую любят твердить утомленные войной народы Земли. Они всякий раз внушают себе, что война, которую они ведут, будет последней, и эта мысль дает им некоторое удовлетворение. Однако мне хотелось бы знать, почему на Марсе больше не было войн? Вас, наверное, удивит, если вы узнаете, что у нас на Земле вашей планете дано имя бога войны?

Муравей поглядел на меня с таким видом, словно сомневался в моем рассудке, и сказал:

— У нас больше не было войн, потому что больше не существовало эксплуататоров. Пожалуй, вы правы, то была война за прекращение войн, так как противник наш был уничтожен. Наши предки, конечно, знали, что они делали.

— У нас на Земле,— сказал я с саркастической усмешкой,— все разделяют ваше мнение, но разница в том, что никто не решается это высказывать вслух, так как такую откровенность сочли бы у нас варварством. Меня глубоко изумляет искренность ваших слов.

— Ах! — произнес Эрауэк, видимо сильно изумленный,— так, значит, у вас тоже есть свои хела-хела?

— Мы называем их обезьянами,— отвечал я.— В самом деле они сильно напоминают ваших «хела-хела».

— В таком случае, вы должны находиться с ними в родстве? — сказал муравей.— Простите меня, друг Ох, но справедливость требует признать, что в вашем внешнем облике имеется значительное сходство с обликом «хела-хела». Более того, признаюсь, я несколько раз обнаруживал в вашей психике черты несомненного сходства с примитивной психикой этих созданий.

Затем я коснулся политики.

— У нас на Земле с некоторых пор почти повсеместно установился демократический образ правления. Это, значит, что народ сам управляет собой.

— Однако,— возразил муравей,— не является ли такое положение вещей вредным для хода общественных дел, а также для каждого человека в отдельности? Разве каждый из вас способен решать государственные вопросы?

— Само собой разумеется,— отвечал я,— далеко не всякий у нас занят государственными делами. Народ выбирает своих представителей в парламент.

— А что делают там эти представители? — спросил муравей.

— Они выносят,— отвечал я,— различные постановления общегосударственного значения, обсуждению которых посвящают долгие часы.

— Вы очень похожи на прежних властителей-эксплуататоров. Последние годны были только на то, чтобы шуметь. Ваш парламент, по всей вероятности, немногим отличается от собрания бывших наших эксплуататоров. Однако, что же делают ваши болтуны?

— Как «что»? — сказал я.— Они говорят. За это им платят.

Усики насекомого задвигались по всем направлениям.

— Всякому очевидно,— сказал он наконец — что вы лишены разума. Подумать только: ваши правители заняты исключительно раскрытием и закрыванием рта! Как будто для того, чтобы управлять, достаточно уметь показывать зубы. Однако, какими знаниями располагают ваши правители?

— Сплошь да рядом,— отвечал я,— они решительно ничего не знают, однако все они прекрасно умеют говорить.

— Я знаю,— сказал Эрауэк,— что вас удивляет, каким широким распространением пользуется у нас музыка. По правде сказать, мы являемся по сравнению с вами счастливыми: мы наслаждаемся прекрасными мелодиями, в то время, как вы принуждены слушать резкие гортанные звуки, в таком изобилии срывающиеся с ваших губ. Поистине достойно удивления, как вы можете выносить такие дисгармоничные звуки!

— Однако теперь, друг Ох,— заметил Эрауэк, после непродолжительного молчания,— разрешите мне, как представителю муравьев, задать вам несколько вопросов об Астрране.

Я дал свое согласие, хотя и не совсем охотно, так как сильно опасаясь, что этим насекомым покажутся далеко не по вкусу наши общественные учреждения и законы, в особенности же институт частной собственности. Недовольство муравьев людьми, естественно, могло неблагоприятно отозваться на моей участи.

— Из ваших слов я понял,— снова заговорило насекомое,— что вы до сих пор еще ведете войны. Однако, кто ваши враги?

— Дело в том,— отвечал я,— что мы стоим на неизмеримо более низкой ступени развития, чем вы. Люди Земли до сих пор еще разделяются на множество вечно враждующих между собой племен.

При этих словах насекомое невольно отшатнулось от меня,

и его усики негодуяюще зашевелились. Прошло несколько минут, прежде чем наставник собрался с мыслями и возобновил прерванный разговор.

— Вы ведете войну друг с другом? — слова насекомого полились быстрым потоком. — Но ведь это же крайняя степень варварства! В таком случае вы не что иное, как животные, как «хелаксела»?

Муравей остановился, задыхаясь от негодования, вынул свои таблицы и стал чертить на них что-то. Затем он протянул мне лист. Я увидел изображение человека, похожего на меня, а под ним следующую формулу: $2 \times 2 = 5$.

В то время я не понял значения этой таинственной формулы, однако впоследствии узнал, что она имела у насекомых символическое значение: ее прилагали ко всем некультурным существам.

Когда гигантский муравей обратился вслед за тем ко мне, я почувствовал странную перемену в его тоне: он явно давал мне понять, что считает меня низшим существом. Я стал горько упрекать себя за неосмотрительную болтовню, уронившую меня в глазах насекомого.

— Вы говорите, — продолжал Эрауэк, — что представители вашей породы ведут между собой войны. Какие же причины вызывают вашу взаимную вражду? Астран большая планета, и нам прекрасно известно, что вода имеется на ней в изобилии. Разве у вас не хватает на всех воды?

— Воды у нас достаточно, — сказал я. — Но беда в том, что одни племена хотя сделаться богаче других.

— Значит, тот, кто убивает других, становится от этого богатым?

— Нет, — сказал я, — огромные массы народа не получают никакой пользы от этих войн.

— В таком случае, почему же они ведут войны? — с любопытством спросил Эрауэк.

— Для того, чтобы увеличить доходы богачей, — ответил я. — Дело в том, что у нас до сих пор господствует частная собственность.

При этих словах Эрауэк поглядел на меня с таким ошеломленным видом, что я не смог удержать улыбку. Не раньше чем через несколько минут насекомое пришло в себя и было в состоянии продолжать беседу. Я изо всех сил старался сделать свою мысль ему понятной. Уловив, в конце концов, смысл моих слов, наставник сказал:

— Я полагал, что вы выше всего оплачиваете труд ваших музыкантов и математиков для того, чтобы они наилучшим образом выполняли свое назначение.

— Ничего подобного, — отвечал я. — Умственный труд у нас очень низко ценится! Что касается людей состоятельных, они могут

совсем не работать. В самом деле, у нас наблюдается такого рода явление, что чем богаче человек, тем он ленивей.

Эрауэк, казалось, был весьма озадачен моим сообщением.

— А что делают у вас люди, не имеющие собственности? — спросил он.

— Им остается работать на собственников или умирать с голода, — отвечал я. — Вычислено, что в среднем на одного миллионера приходится тысяча бедняков. Миллионер, — пояснил я, — это человек, обладающий такими средствами, на которые могли бы прожить всю свою жизнь несколько десятков людей.

Я решил, что проще дать насекомому такого рода конкретное представление о миллионе, чем объяснять ему значение денег и всей экономической системы нашей планеты. Признаюсь, я был весьма встревожен резким изменением, происшедшим в отношении насекомого со мной, последнее выказывало мне явную холодность и пренебрежительность.

— Насколько я понимаю, — сказал муравей, — собственность не имеет у вас подлинного социального значения. Однако нам интересно было бы знать, что происходит с имуществом, когда его владелец умирает.

— Оно переходит к его наследнику, — отвечал я неохотно, предвидя, что мои слова вызовут новое негодование насекомого.

При этой фразе Эрауэк чуть не подпрыгнул на месте. Мне казалось, что его вот-вот хватит удар.

— Я никак не могу понять одного, — заявил Эрауэк. — Планета Астран, как это давно определили наши астрономы, имеет совершенно определенную величину, которая остается неизменной. Следовательно, она должна обладать ограниченным запасом естественных богатств. Если известное число людей, охваченных страстью к наживе, занято накоплением богатств, то, вероятно, огромное большинство жителей Астрана должно быть лишено средств к существованию? Возможно впрочем, — прибавил муравей, — что богачи поддерживают остальных людей?

— Они ничуть не озабочены судьбой бедняков, — отвечал я. — Чем богаче человек, тем меньше он думает о других. Исключительные заботы этих людей о себе часто являются причиной их обогащения, — прибавил я.

Несколько минут Эрауэк сосредоточенно о чем-то думал. Следующий его вопрос меня весьма удивил.

— Я полагаю, — сказал он, — что если у вас на Астрани люди, составляющие меньшинство, ничего или почти ничего не делают и обладают колоссальной собственностью, огромная масса людей должна умирать с голода?

— Так оно и есть, — отвечал я. — Они должны работать на богатых под угрозой голодной смерти.

— Значит, большинство людей Земли лишено собственности и работает на меньшинство, которое имеет огромные излишки средств и ничего не делает? — сказал муравей.

— Вы дали совершенно точную характеристику взаимоотношений, существующих у нас между богачами и бедняками, — отвечал я, изумляясь проницательности насекомого. — Некоторые из наших философов приходили к выводам, аналогичным вашим.

— Значит, — продолжал Эрауэк, — люди Земли работают не для того, чтобы сделать общество счастливым, но с единственной целью дать нажиться немногим счастливым? А эти некоторые, вероятно, бессмысленно истребляют плоды их трудов, вызывая тем самым оскудение естественных богатств планеты?

— Именно так, — отвечал я. — Нередко богачи безрассудно растрачивают свои богатства, стараясь поразить мир роскошью. Помолчав с минуту, Эрауэк спросил раздраженным тоном:

— Неужели же вы никогда не убиваете этих людей?

— Убивать их? — воскликнул я в крайнем изумлении. — Но за что?

— Всякому ясно, — отвечал муравей, — что все эти паразиты должны быть уничтожены, как уничтожены они были у нас. Фактом их уничтожения вы спасаете тысячи людей, умирающих с голода в непосильном труде. Если вы обладаете хоть каплей разума, вы должны будете признать, что общество в целом бесконечно ценнее каждого из составляющих его индивидов. Всякий согласится, что гибель одного существа предпочтительнее гибели многих.

— Жизнь считается у нас священной, — сказал я не совсем уверенным тоном, понимая всю правдивость замечания муравья.

— Очевидно, для вас священна только жизнь богачей, — возразило насекомое. — Однако довольно. Из ваших сообщений я вижу, что вы, люди Земли, ничем не отличаетесь от скота, от обезьян. Я полагаю, что «хела-хела» даже лучше вас, ибо вы обладаете разумом, сознаете бессмысленность и чудовищность своих поступков и тем не менее не желаете изменить свое поведение. Ваши предыдущие замечания давали мне основание предположить, что вы, подобно нам, чтите выше всего науку и искусство. Теперь же я вижу, что вы не больше, как животные, обладающие всеми пороками «хела-хела», а также и многими другими, им неизвестными.

Затем наставник приказал мне рассказать, как происходила эволюция человека на Земле, и сообщить в общих чертах о ходе мировой истории. Особенно интересовало муравья развитие наших общественных форм. Я принужден был подчиниться приказанию насекомого и дал ему, в кратких чертах, исчерпывающую картину эволюции человечества. Приступив к своему рассказу, я намеревался лишь мимоходом коснуться некоторых сторон нашей культуры, которые, очевидно, не должны были понравиться насекомому.

Однако, к своему удивлению, я был принужден самым подробным образом остановиться именно на тех фактах, которые собирался обойти молчанием. Очевидно, я бессознательно исполнял мысленное приказание насекомого. Муравей выслушал меня в молчании, то и дело делая заметки на своих листах. Когда я кончил свое повествование, он вышел из комнаты, не сказав ни слова. В тот же день я был переведен в другое, гораздо менее комфортабельное помещение и очутился в строгом заключении. В такой мрачной обстановке я провел несколько недель, совершенно изолированный от внешнего мира, терзаясь беспокойством о своей судьбе. Было очевидно, что мои сообщения глубоко оскорбили этих высокомерных насекомых, и я имел все основания ожидать самого худшего.

ОТЧЕТ ЭРАУЭКА

Спустя некоторое время ко мне вторично явился Эрауэк. Войдя в камеру, он сообщил мне, что составил по поручению своего правительства отчет о положении дел на Астрани и хотел бы, чтобы я удостоверил правдивость приводимых им сведений. Вскоре двумя его товарищами принесена была огромная папка — отчет о нашей планете. В тот момент, когда два муравья входили в камеру, он сообщил мне, что муравьи в настоящее время заняты обсуждением вопроса о том, как со мной поступить; причем одна партия настаивает, чтобы я был сохранен в музее на пользу науки, а другая, отождествляющая меня с «хела-хела», требует, чтобы меня либо подвергли вивисекции в лабораториях, либо изгнали в пустыню, как преступника, убийцу муравья. Официальное решение будет вынесено по заслушании отчета Эрауэка. Оказывается, он получил от правительства задание подвергнуть меня самому разностороннему исследованию с целью выяснения степени моей разумности.

Зная, что от отчета Эрауэка зависит моя судьба, я приступил к чтению с живейшим интересом. Признаюсь, я почувствовал болезненное сжатие сердца, все усиливавшееся по мере чтения документа. Увы, отчет муравья освещал человеческую породу далеко не с благоприятных сторон, хотя, должен признаться, высказываемые в нем суждения не были лишены последовательности и логики. Впрочем, мне от этого было не легче, так как перспектива быть подвергнутым вивисекции или изгнанным в пустыню неизменно стояла передо мной. Казалось, после такого отчета меня могло ожидать только самое ужасное. Я перевел для себя этот замечательный документ, стараясь, по возможности, сохранить аромат подлинника. Должен сказать, что некоторые выражения Эрауэка оказались совершенно непереводаемыми. Отчет Эрауэка лишний раз подтвердил мне исключительную пронизательность и глубокомысленность муравьев. Проводимые в нем идеи были выражены чрез-

вычайно просто и обладали непреложностью геометрической аксиомы. Итак, предлагаю вниманию читателя этот исключительный в своем роде документ. Там, где мне не удавалось перевести выражение насекомого буквально, я пытался передать его содержание в скобках.

ДОКЛАД ЭРАУЭКА

«Эрауэк, государственный астроном, предлагает вниманию правителей отчет, составленный им на основании продолжительных наблюдений над животным, уроженцем Астрана, названным «Охом» по издаваемым им звукам. Наблюдатель вел продолжительные разговоры с упомянутым животным, которое было обучено культурному языку (то есть языку муравьев). Первоначально же оно говорило подобно «хела-хела», открывая и закрывая свой рот. С какой целью оно так поступало, остается невыясненным, так как содержимое рта животного еще отвратительнее, чем его внешний облик.

Наблюдатель пришел к заключению, что наблюдаемое животное действительно происходит с Астрана и что полученные от него сведения можно считать достоверными; конечно, при оценке его сообщений приходится учитывать многочисленные предрассудки, во власти которых оно находится. Итак, мы можем считать, что получили заслуживающие доверия и сравнительно точные сведения о планете Астран. Те из нас, которые смотрят на Астран, как на источник воды для нашей планеты (намек на проекты перевозки воды с Земли на Марс), принуждены будут пересмотреть свои планы, приняв во внимание совершенно невероятные формы общественной жизни, господствующие на этой столь невинной с виду планете.

В первой части доклада мы обрисовуем в общих чертах личность Оха; во второй части — дадим картину развития жизни на Астрани; в третьей части — изобразим современное положение вещей на этой планете.

Автор считает долгом предупредить правителей, что его отчет составлен целиком на основании рассказов упомянутого животного. Поэтому за факты, кажущиеся невероятными, он не отвечает.

Нам стоило порою огромных трудов уловить смысл хаотических речей животного. Если бы Ох не проявлял время от времени слабых проблесков разума, его можно было бы причислить к категории бессмысленных созданий.

Рассказывая о положении дел на своей планете, животное обнаруживало явное смущение и по-видимому стремилось несколько приукрасить ужасную правду. Все суждения этого создания доказывают, что оно весьма поверхностно знакомо с логикой.

Тем не менее справедливость требует признать, что уроженец Астрана не лишен разума. Дело в том, что ему известен священный символ ($2 \times 2 = 4$), он обладает также элементарными сведениями по математике. Кроме того, он сравнительно быстро научился разговаривать на нашем языке. По-видимому, он и раньше имел некоторое представление о телепатии, но весьма редко к ней сознательно прибегал. Во всяком случае, он стоит значительно выше «хела-хела», хотя по конструкции своего тела и напоминает их. Он утверждает, что прибыл на нашу планету на летательном аппарате, который впоследствии был у него похищен одним из гигантских гадов, населяющих наши пустыни. По нашему мнению, необходимо предпринять поиски этой машины, чтобы удостовериться в истинности слов животного. Ох утверждает, сопровождая свои слова рисунками и чертежами, что достиг нашей планеты, воспользовавшись притяжением великой кометы Канфру (Филлипса), за которой он и следовал на своей машине. Он имеет довольно точное представление о проделанном кометой пути и вообще обнаруживает некоторые знания по астрономии. Причиной, побудившей Оха покинуть Астран, было стремление побывать на нашей высококультурной планете. Такого рода желание, конечно, похвально и доказывает, что дикарь обладает врожденным тяготением к культуре.

Считаем долгом также сообщить, что животное, по его словам, принадлежит к господствующей на планете породе существ. Самый факт господства на Астрани подобного рода грубых дикарей доказывает, какую примитивную стадию развития переживает эта планета. Ох утверждает, будто на Астрани существует особая порода муравьев, отличающаяся маленькими размерами и живущая под землей. Последнее утверждение Оха настолько невероятно, что заставляет нас усомниться в правдивости всех прочих его сообщений. Невозможно допустить, чтобы на Астрани могли существовать муравьи, стоящие по своему развитию ниже этих грубых дикарей. Считая Оха типичным представителем его породы, мы констатируем факт некоторого сходства между человеком Астрана и «хела-хела». Впрочем, Ох не так волосат, как «хела-хела», и значительно слабее последних. Подобно «хела-хела», пытаясь выразить свои мысли, он издает ртом странный протяжный рев, впрочем, следует заметить, что издаваемые им звуки не так оглушительны, как вой «хела-хела», хотя и не менее неприятны для слуха. Каждую свою мысль дикарь сопровождает этим бессмысленным ревом. Такой отвратительный способ выражения мысли лишний раз подтверждает некультурность жителей Астрана.

Докладчик должен сказать, что ему удалось несколько раз обнаружить в звуках, издаваемых животным, слабое подобие гармонии. Он утверждает, что существа его породы занимаются музыкой.

Трудно, однако, ожидать встретить подлинную музыку у существ, речь которых столь дисгармонична. Докладчик признается, что ему стоило немалых усилий воли заставить себя выслушивать несносное рычание животного и проникать в смысл этих звуков.

Из характерных черт, присущих этому созданию, отметим прежде всего следующее. Когда оно чем-нибудь особенно довольное, его рев становится прерывистым, тем самым совершенно невыносимым для слуха. Вместе с тем все черты его и без того безобразного лица причудливо искривляются, и оно становится настолько отталкивающим, что у автора не хватает красок для описания такого уродства. Эти странные звуки и судороги лица он называет смехом. По-видимому, все обитатели планеты от природы подвержены припадкам этой необъяснимой болезни. Следует отметить чрезвычайно слабую сознательность, присущую этой породе. Вероятно, вследствие своей малокультурности, эти существа постоянно испытывают страх. По-видимому, они сознают окружающие их опасности, предотвратить которые они не в силах. Этих дикарей настолько радует самый процесс жизни, что они, забывая свой страх, то и дело начинают издавать вышеупомянутые бессмысленные звуки. Ох обладает большой прожорливостью и говорит, что представители его породы питаются трупами животных. Последнее обстоятельство объясняет сходство человека с другими животными. Ох утверждает, что представители его породы убивают своих врагов во имя торжества цивилизации. Такого рода психология должна рассматриваться как примитивная. Однако мы должны признать, что по сравнению с нашими обезьянами обитатели Земли занимают более высокую ступень развития. Ох обладает также небольшим прибором для наблюдения светил; однако этот инструмент далеко не соответствует своему назначению и с научной точки зрения не представляет никакой ценности.

Описав в общих чертах животное, приступим к краткому изложению истории Астрана. Астран — сравнительно молодая планета, большую часть ее поверхности занимает вода. Последняя особенность делает упомянутую планету подходящей для проведения в жизнь имеющегося плана о доставке с Астрана к нам воды. Некогда планета Астран была населена чудовищами, подобными тем, которых до сих пор существуют в наших пустынях. Оказывается, люди (так называю́т себя обитатели Астрана) в свое время чрезвычайно боялись упомянутых чудовищ. Конечно, нам представляется непонятным, каким образом бессмысленные гиганты могут внушать страх. Чудовища эти назывались динозаврами. Ох сообщил, сопровождая свою мысль характерными для него дисгармоничными звуками и судорожными гримасами лица, что первобытные гиганты были вегетарианцами.

С течением времени на Астране появился человек. Это создание

обязано своей победой над остальными обитателями Земли прежде всего тому обстоятельству, что не встречало культурных соперников. В истории человечества мы то и дело встречаем факты, доказывающие крайнюю степень варварства этих существ и очень редко находим проявление истинного разума. Человек создал идеальный образ самого себя, поместил его на небе и стал ему поклоняться. Это называется у них религией. Далее человек уничтожает представителей всех существующих на Астрани пород, в том числе и своей собственной и считает при этом себя носителем культуры. Эти отвратительные животные убивают всякого, кто проповедует жизнь, согласную с разумом. Впоследствии же они воздвигают статуи в честь этих своих жертв. Это они называют любовью к познанию. Люди совершенно не думают один о другом. Они чрезвычайно беззаботно относятся к будущему своей породы и почитают тех из своих соплеменников, которые причинили вред наибольшему числу себе подобных, т. е. богачей.

В последнем разделе своего доклада мы попытаемся охарактеризовать общественные институты, существующие у этих животных. Институты эти покажутся несомненно необычайными и абсурдными всякому здравомыслящему созданию; они возвели абсурд в принцип, если вообще позволительно употребить подобный парадокс.

По словам Оха, представители его породы образуют племена, пребывающие в состоянии постоянной взаимной вражды. Мудрая природа, в наказание за нарушение этими созданиями непреложных законов разума, наделила их манией самоистребления. Войны, которые ведут эти животные между собою, вытекают из крайней неразумности их общественного устройства. Нечего говорить, что для нас, как для существ культурных, подобное поведение жителей Астрана служит наилучшим доказательством их варварства. Трудно даже прилагать термин «социальное устройство» к хаосу, господствующему в жизни этих существ, которые могут быть в полном смысле слова названы антисоциальными. Однако все совершенные ими безумия подчинены какой-то своеобразной извращенной логике. Несомненно, все поведение этих человекообразных доказывает, что они подвержены каким-то ужасным коллективным психическим заболеваниям.

Как это ни кажется невероятным, однако у дикарей Астрана собственность играет колоссальную роль и приобретает она исключительно в результате насилия. Таким образом собственник не связан с обществом никакими обязательствами; он избавлен также от необходимости работать. Работа считается у этих дикарей чем-то унижительным. Огромные массы этих дикарей совершенно лишены собственности, и им внушают, что их долг — трудиться. Люди Астрана называют свою собственность «деньгами», и един-

ственной целью их жизни является приобретение последних. У них существует также совершенно противоестественный и абсурдный обычай, который они называют «наследованием». Дело в том, что по смерти данного собственника деньги последнего почему-то переходят к его потомству. Коротко говоря, у этих жалких созданий последний негодяй, выродок в физическом и умственном отношениях пользуется всеобщим уважением, если только он имеет деньги; в то же самое время самые талантливые и самоотверженные труженики науки принуждены у них умирать с голода. Нам, как существам истинно культурным, трудно понять психологию таких примитивных созданий. Достаточно сказать, что эта разновидность «хела-хела» считает эгоизм высшим достоинством. На первом плане у них стоят интересы индивидуума, которым приносятся в жертву интересы всей породы. И такого рода положение вещей считается на Астрани нормальным и естественным. Какое разумное создание станет ставить единицу выше коллектива? Все понятия у этих созданий перевернуты и извращены в корне. Из ложности основных принципов, положенных в основу их общественной жизни, вытекает целый ряд самых чудовищных и бессмысленных следствий. На Астрани ненавидят труд, работают не для общего блага, а ради личной наживы. Бедняки завидуют богачам: последнее печальное явление оказывается неизбежным результатом абсурдности основных принципов социальной жизни. Кроме того, на Астрани производится гораздо больше работы, чем это необходимо для удовлетворения насущных потребностей всех его обитателей. Богачи оказываются у них также обладателями и политической власти. Эти бездельники являются естественными врагами своего племени, так как в их интересах всеми способами понижать уровень общественного благосостояния. В целях своей наживы они затевают войны между племенами и заставляют бедняков убивать друг друга. В своем чудовищном лицемерии они маскируют благородными торжественными лозунгами свои хищнические побуждения. Они стремятся подействовать на известного рода примитивные чувства, существующие у земных «хела-хела». Коротко говоря, эти варвары извратили в самом корне естественный порядок вещей, принося священные интересы породы в жертву узким и эгоистическим интересам отдельной особи.

Однако, незирая на все вышеуказанное, приходится признать, что дети Астрана не лишены проблесков разума.

Необходимо упомянуть также о следующем факте, доказывающем невежество людей Астрана в области позитивных наук. Этим существам неизвестна наука об улучшении породы (евгеника)... если даже они и обладают некоторыми зачатками этой доктрины, то далеки от применения ее к жизни.

Однако людьми Астрана в их нежелании прекратить рождае-

мость руководит вполне сознательное, хотя и абсурдное, побуждение: дело в том, что, по словам Оха, они, отказываясь дать жизнь себе подобным, боясь оскорбить Великого Небесного Старца. Они утверждают, что последний горячо любит их породу и не желает, чтобы она уменьшалась в своем числе. Всякому, конечно, ясно, что в данном случае дикари приписывают свои собственные побуждения воображаемому существу, являющемуся их верным отражением. Свои предрассудки они возвели в абсолютное. Большинство из них почитает человека, сошедшего, по их словам, с неба ради блага всех пород людей Земли. Характерно, что дикари сперва убили этого человека, а затем начали воздавать ему божеские почести. Вероятно, они желали поскорее избавиться от его поучений и отослать его на небо, откуда он к ним пришел. Религия людей имеет своих служителей, жрецов, которые, получая в молодости свой сан, дают обет, что никогда не изменят своего отношения к Великому Небесному Старцу, т. е. другими словами, они добровольно отказываются от дальнейшего умственного развития. У людей Астрана существует также так называемое «воспитание», которое состоит в том, что они обучают подрастающее поколение делать известные вещи, противные его природе, и ограничивают его в проявлении естественных склонностей.

Таковы, в общих чертах, сведения об Астрани, полученные нами от прибывшего на Айзоту (Марс) животного. Приходится признать, что вышеупомянутые создания нельзя считать обычными обезьянами ввиду присущего им зачаточного разума. Однако они употребляют разум во зло и настолько извратили свою природу, что их, строго говоря, нельзя отнести ни к животным, ни к культурным созданиям. Они обладают всеми пороками, порождаемыми цивилизацией, и всеми примитивными свойствами дикаря. Несомненно, само существование подобных созданий является оскорблением великой матери-природы, в планы которой никогда не входило порождение существ столь зловердных и извращенных».

Таков был доклад муравья Эрауэка.

ХРАМ РАЗУМА

Первым моим побуждением по прочтении необыкновенного доклада насекомого было навести критику по целому ряду пунктов. Однако я счел более благоразумным воздержаться от высказывания своего искреннего мнения, так как опасался впасть в немилость муравья. Поэтому я ограничился заявлением, что доклад в основном представляется мне соответствующим действительности, хотя до известной степени и шаржирует положение вещей на Земле. Волей-неволей мне пришлось согласиться с критикой наших общественных учреждений. По правде сказать, я никогда не сочувствовал

этим последним. Я попытался, однако, смягчить резкие отзывы муравья о Земле, сказав, что многие особенности нашего общественного устройства, так беспощадно им заклеянные, являются на Земле предметом ненависти и нападков со стороны наиболее передовых мыслителей. Желая вызвать участие муравья, я охарактеризовал ему в общих чертах современные доктрины социализма. Казалось, мое последнее сообщение несколько удовлетворило ученое насекомое, которое обещало мне высказаться на общем совещании в мою пользу. Оно прибавило, что без его личной защиты мало шансов рассчитывать на благоприятное для меня постановление совета муравьев.

Само собой разумеется, я ожидал с тревогой и нетерпением решения о себе. У меня были достаточные основания опасаться смертного приговора. Обращение со мной приставленных ко мне муравьев доказывало, что они считают меня низшим существом, и даже более того — преступником, заслуживающим сурового наказания. Все это время меня содержали под строгим надзором. Предоставленный самому себе, я предавался мрачным размышлениям об ожидающей меня судьбе. Какой пощады мог я ждать со стороны насекомых? Для них я был варваром-чужеземцем, дерзко проникнувшим в их город и убившим безобидного муравья. — их брата. Разве мы, люди Земли, оказали бы милосердие подобному субъекту? Я вспомнил о том, как безжалостно застрелил самку первого встреченного мною «хела-хела». Сознание нависшей надо мной неминуемой ужасной смерти заставило меня задуматься над собственными поступками и понять их бессмысленность и жестокость.

Очутившись сам в положении жертвы, я невольно испытывал острую жалость к своим прежним жертвам. Во всяком случае, я надеялся встретить быструю смерть в какой-нибудь лаборатории насекомых и избежать ужасов вивисекции. У меня были, конечно, основания предположить, что эти безжалостные животные довели искусство нанесения боли до высокого развития. Мне вовсе не хотелось проверить на своей шкуре справедливость утверждения Хезерингтона о том, будто муравьи применяют к своим жертвам самые дьявольские пытки. Я принял решение предотвратить самоубийством голодную смерть в случае, если бы меня изгнали в пустыню.

Прошло около двух недель, и ко мне снова явился Эрауэк. Я обрадовался его появлению; однако муравей вел себя крайне сдержанно и подал мне знак следовать за ним. Мы молча пошли по нескончаемым подземным коридорам, соединяющим дортуары муравьев. Вскоре до меня долетел шум, производимый какими-то машинами. Еще немного, и мы очутились в обширном здании, служившем, по всей вероятности, мастерской. Муравьи достигли высокого искусства в машиностроении, создавая великолепные

летательные аппараты, а также подводные лодки для прочистки каналов. Однако Эрауэк прошел по гигантской мастерской, не оглядываясь по сторонам, погруженный в какие-то глубокие размышления. Я следовал за ним с замирающим сердцем. Пройдя по целому ряду коридоров, мы очутились, наконец, в небольшой комнате. Здесь Эрауэк остановился. Я вопросительно взглянул на него, ожидая услышать приговор. Однако он вместо слов указал щупальцами на какой-то предмет, находившийся около меня. Обернувшись, я, к своему удивлению, увидел зеленый мотоциклет.

Я был настолько изумлен при виде машины, так неожиданно вернувшейся ко мне, что не мог удержать радостного крика.

Жадно кинувшись к аппарату, я принялся его разглядывать со всех сторон. К моей великой радости, он оказался в полной сохранности. Я забросал Эрауэка нетерпеливыми вопросами, но тот отказался отвечать и жестом пригласил меня следовать за ним в мастерскую.

Внезапно меня осенила мысль, что мне представляется великолепный случай убежать; мы были с Эрауэком одни в комнате, и в руках моих находился желанный аппарат. Собравшись с силами, я кинулся на Эрауэка, надеясь одолеть его и бежать, прежде чем успеют явиться к нему на помощь.

Однако мое нападение было отражено самым неожиданным образом. Муравей не мог заранее знать о моих агрессивных намерениях; остается только предположить, что он прочел мою мысль. Не успел я сделать и шага, как почувствовал, что мои ноги приросли к полу, — я превратился из полного жизни и сил человека в каменную статую, уподобившись, таким образом, жене Лота. В течение минуты насекомое глядело на меня с любопытством, затем оно пошевелило щупальцами, очевидно, подавая знак какому-то невидимому товарищу. В то же мгновение все мое тело пронзила резкая боль, я хотел было закричать от невыразимой муки, но не мог, ибо все мускулы моего тела были парализованы. Мне казалось, что прошла целая вечность, хотя в действительности боль продолжалась лишь несколько секунд. Затем муравей сделал новое движение, и я внезапно сдвинулся с места и пошел по коридору вслед за моим повелителем, покорный, униженный, словно какой-нибудь «хела-хела». Муравей, казалось, больше не замечал меня. Доведя меня до камеры, он ушел, не оглядываясь. Я испытывал полную подавленность и невыразимый стыд. Прав был Хезерингтон, утверждавший, что этим насекомым свойственна чудовищная жестокость.

Вскоре Эрауэк снова явился в мою камеру и заявил, что ему поручено довести до моего сведения о принятом относительно меня постановлении. С замиранием сердца я приготовился выслушать свой смертный приговор.

После неудавшейся попытки к бегству я считал себя уже погибшим. Эрауэк медленно развернул пергамент и прочел приговор. Привожу этот знаменательный документ в переводе на человеческий язык.

«Верховный Совет Республики астроному Эрауэку. Мы рассмотрели ваш доклад о жизни на Астрани, составленный со слов некоего животного Оха, уроженца этой планеты. Нам представляется несомненным, что упомянутое создание принадлежит к неизвестной на Айзоту (Марсе) породе существ. По своему умственному развитию оно занимает как бы промежуточное положение между лишенными разума «хела-хела» и вполне разумным существом, каковым является муравей. Согласно вашему предложению мы произвели розыски летательной машины, которая и была обнаружена среди пустыни в песчаной впадине, где, очевидно, была оставлена ящером. В настоящий момент машина эта находится там-то (следовало наименование места), и мы повелеваем вам показать таковую Оху с тем, чтобы он ее опознал. Конструкция машины доказывает, что люди Астрана не лишены известных элементарных знаний физики. Однако мы видим из вашего доклада, что упомянутые существа применяют свои знания для дурных целей и в корне извратили свою природу. Исходя из всего изложенного, мы не видим оснований к отступлению от освященного веками закона и приговариваем Оха к изгнанию за пределы района каналов...».

При этих ужасных словах, прозвучавших как звон погребальных колоколов, я смертельно побледнел и схватился за стол, чтобы не упасть. Однако муравей, казалось, не замечал произведенного на меня впечатления и продолжал чтение документа все тем же ровным бесстрастным тоном.

«Наши славные предки в своей непогрешимой мудрости установили таковое наказание за поступки против разума. Своим поведением и словами Ох доказал, что принадлежит к крайне дикой породе существ. Более того, он не только вторгся в наше государство без всякого разрешения, но и умертвил муравья Ранбана, задержавшего его на лестнице общественного здания. Посему мы не считаем возможным избавить упомянутое существо от установленной законом высшей меры наказания.

Следует, однако, принять в соображение, что упомянутое отвратительное создание может разлагающим образом подействовать на «хела-хела», которых оно сильно напоминает конструкцией своего тела, превосходя их в то же время разумностью.

Это соображение отнюдь не заставляет отменить раз принятое решение, — дикарь, несомненно, заслуживает высшей меры наказания и не избегнет таковой; однако осторожность повелевает нам несколько изменить упомянутое наказание, изгнав отвратительное чудовище с поверхности нашей планеты. Мы слышим со

всех сторон требование подвергнуть животное Астрана вивисекции в наших лабораториях. Без сомнения, мы удовлетворили бы этим требованиям, если бы не опасались заразы, которую легко может распространить это пораженное тяжелыми болезнями существо. Нам известно, насколько трудно поддаются лечению болезни, перенесенные на нас с чужого организма. Итак, мы постановили, чтобы Ох был использован совершенно особым способом на благо науки.

Мы повелеваем, чтобы в день солнечного затмения Ох на своем летательном аппарате был выброшен в мировое пространство посредством машины, которая служит для сигнализации планетам нашей Солнечной системы и для отправки исследователей в другие миры. Пусть астрономы позаботятся о том, чтобы аппарату были приданы соответствующие скорость и направление.

Машина Оха представляет известный интерес и могла бы оказаться пригодной для межпланетных сношений, если бы была подвергнута строго научной реконструкции. Конечно, люди Астрана не могли произвести вполне совершенный аппарат. Мы намереваемся послать на Астран исследователей с целью выяснения степени пригодности этой планеты для доставки воды на Айзоту, поэтому, памятуя ваши огромные заслуги в области астрономии, мы повелеваем вам, Эрауэк, сопровождать Оха в его полете на Астран и затем вернуться и сообщить нам о положении вещей на этой планете.

Аппарат Оха будет прикреплен к аэролиту и выпущен в космическое пространство из соответствующей машины в день солнечного затмения. Аэролит будет пущен с таким расчетом, чтобы он облетел всю Солнечную систему и достиг Астрана по истечении двух лет. Мы желаем познакомиться более детальным образом с самыми удаленными от нас планетами, в частности с Джалуканом (Уран). Астроному Эрауэку поручается вести во время полета соответствующие записи и представить нам исчерпывающий доклад о своем путешествии. Что же касается дикаря Оха, мы считаем, что ему полезно будет поближе познакомиться с нашей Солнечной системой. Нами отданы распоряжения о снабжении машины надлежащим запасом провизии.

Члены Верховного Совета
Сантон, Гезул, Халкук».

Закончив чтение документа, Эрауэк сообщил мне, что солнечное затмение должно наступить через три недели. Я спросил муравья, много ли вероятия в том, что мы достигнем Земли. Эрауэк отвечал, что аэролит будет выпущен с таким расчетом, чтобы коснуться в своем пробеге орбит всех крупных планет нашей Солнечной системы.

Неподалеку от Нептуна мы должны будем встретиться с коме-

той Галлея (по-видимому, муравей говорил именно о ней), которая должна будет увлечь нас за собой по направлению к Земле. На обратном пути нам надлежало пересечь орбиты Меркурия и Венеры. Итак, нам предстояло совершить не более не менее как прогулку по всей Солнечной системе. Таково было изумительное предписание Верховного Совета.

В ответ на дальнейшие мои вопросы Эрауэк заявил, что нам должно хватить запасов пищи на все время путешествия, которое будет продолжаться около двух лет. Мы должны будем вылететь в марте 19... года и прибыть на Землю первого апреля 19... года. Зная, какого изумительного развития достигла у муравьев математика, я не сомневался в том, что мы прибудем на мою родную планету именно в указанный срок. Я подумал с улыбкой, что первое апреля — весьма подходящий день для возвращения из такого невероятного путешествия.

Затем я спросил муравья, что он предполагает делать на Астрене. Он отвечал, что намеревается выяснить степень пригодности планеты для доставки с нее воды, превращенной в пар, на Марс и затем вернуться с докладом на Айзоту. Положение гигантских насекомых было не из приятных: в свои телескопы они обнаружили огромное количество воды на соседних планетах; однако, желанная влага оставалась для них недостижимой. Муравьи должны были испытывать поистине танталовы муки.

Я заявил муравью, что буду очень рад показать ему все достопримечательности Земли. Однако он на это ничего не ответил. Молчание насекомого показалось мне зловещим, и я невольно подумал, что мне угрожает какая-то ужасная опасность. Я чувствовал, что муравей думает о чем-то жутком. В конце концов, я находился в положении преступника. Трудно было ожидать пощады со стороны таких жестоких существ. Вероятно, они дали Эрауэку инструкцию так или иначе расправиться со мной. Что могло меня ожидать? Самые зловещие предположения проносились в моей голове. Я представлял себя то умирающим в невероятных муках под гипнотическим взглядом насекомого, то сброшенным с мотоциклета в бездонные ледяные космические пучины, то высаженным на одной из отдаленных населенных чудовищными гадами планет; занятый этими мрачными размышлениями, я не заметил, как муравей исчез из комнаты.

Я сидел, обхватив голову руками, с глубоким отчаянием в сердце. Было несомненно, что Эрауэк до прибытия на Землю так или иначе ликвидирует меня. В планы насекомых вовсе не входило ознакомить жителей моей планеты — по их мнению, дикарей — со всеми намерениями марсиан. Правда, воды на Земле хватило бы и для нас и для жителей Айзоту, но марсиане не могли довериться дикарям. Итак, мне оставалось только покорно ждать своей участи.

Я далеко не суеверный человек, однако к этому времени у меня начала складываться странная иррациональная вера в мою звезду, до сих пор выводившую меня невредимым из самых ужасных испытаний.

Как бы там ни было, но неудачная попытка к побегу лишний раз доказала, что нечего было и думать о сопротивлении ужасным насекомым. Путешествие в мировом пространстве представлялось мне весьма интересным, что же касается его окончания, я старался о нем не думать. В конце концов, мне приходилось столько раз сталкиваться со смертельными опасностями, что смерть больше не казалась мне страшной.

Итак, я подавил усилием воли свое мрачное настроение и начал размышлять о том, какие новые исследования предприиму на Земле в случае моего благополучного возвращения. Конечно, я не скрывал от себя, что на последнее очень мало шансов. Зная хорошо свою натуру, я был уверен, что пережитые на Марсе опасности отнюдь не остановят меня от дальнейших рискованных предприятий.

Несколько дней спустя Эрауэк снова пришел ко мне и сообщил, что приготовления к нашему путешествию уже закончены. Огромная пушка в назначенный день выбросит нас в мировое пространство. Сила взрыва будет так велика, что мы почти мгновенно очутимся за пределами марсовой атмосферы.

Эрауэк прибавил, что во время полета нам будет служить пищей красный цветок, питательные качества которого я уже успел оценить. Я спросил Эрауэка, почему он решил довериться такой хрупкой машине, как моя. Он отвечал, что с небольшим аппаратом удобнее будет наблюдать планеты; кроме того более крупный аппарат скорее может оказаться захваченным сферой притяжения какой-нибудь планеты. Он добавил, что намерен фотографировать планеты при помощи особого аппарата, который мы возьмем с собой. Я спросил Эрауэка, каким образом он сможет производить снимки во время такого быстрого полета. Насекомое отвечало, что они владеют особыми приспособлениями, при помощи которых влияние движения может быть сведено к нулю, и планеты будут представляться неподвижными. Таким образом он надеялся с помощью мощного телескопа и фотографии составить себе представление об удаленных планетах и об их обитателях. Его фотографический аппарат мог производить снимки самых отдаленных предметов, сильно их увеличивая. Я попросил Эрауэка захватить и на мою долю телескоп, на что он согласился, прибавив, что его радует обнаруживаемая мною любознательность, неожиданная для представителя столь варварских существ.

Ободренный замечанием Эрауэка, я спросил его, какая судьба меня ждет, и могу ли я рассчитывать вновь увидеть Землю. Однако

и на этот раз насекомое не ответило на мой вопрос, ограничившись тем, что сделало неопределенное движение усиками. Выходя из моей камеры, Эрауэк остановился на пороге и, повернувшись ко мне, сказал:

— Друг Ох, вы уже знакомы с постановлением Верховного Совета. Там ясно сказано, что ваше свидание с родной планетой будет кратким. Советую вам не делать попыток к побегу, вроде той, которую вы так безрассудно предприняли несколько дней тому назад. Предупреждаю вас, что наши психические процессы протекают с неизмеримо большей скоростью, чем ваши; ваши мысли становятся нам известны в тот самый момент, как они приходят вам в голову. Знайте, что во время нашего совместного путешествия я буду непрерывно следить за вами и немедленно же умерщвлю вас при первой вашей попытке к побегу.

С этими словами насекомое вышло из камеры.

Я знал, что слова Эрауэка не были пустыми угрозами, так как насекомые никогда не тратили слов зря. Теперь у меня уже не было сомнений в том, что я был приговорен к смерти. Вероятнее всего, казнь постигнет меня в тот момент, когда моим глазам предстанет родная планета. Как бы там ни было, мне суждено было вновь увидеть милую старую Землю. Муравьи были неспособны к обману. Утешительно было думать, что я умру не в ледяных безднах мирового пространства, а возле родной Земли. Во всяком случае, мне предстояло совершить величайшее во всей мировой истории путешествие, перед которым должны померкнуть классические путешествия, проделанные в свое время Колумбом, Васко да Гама и Магелланом. Однако какая ужасающая развязка: умереть в виду Земли, вблизи от братьев-людей, от всего милого сердцу. Нельзя себе представить более утонченной пытки! Однако в глубине души у меня сохранилась надежда на то, что судьба, покровительствующая смелым путешественникам, каким-нибудь неожиданным образом придет мне на помощь. Я не допускал мысли, что мой единственный в истории опыт останется неизвестным человечеству. В самый последний момент меня должно было спасти какое-нибудь непредвиденное обстоятельство.

Желая сохранить хотя бы крупицу необычайных сведений, приобретенных мною на Марсе, я попросил бумаги и начал делать заметки обо всем виденном на планете. Скажу мимоходом, что сделанные в то время записи легли в основу настоящего отчета.

Признаюсь, я вел свои записки только для очистки совести, ибо почти не надеялся, что они когда-нибудь попадут в руки разумных существ.

Наконец, наступил знаменательный для меня день. Рано утром за мной явились несколько муравьев. Выйдя из здания, мы пошли по пустынным и безмолвным улицам города. Очутившись, наконец,

за городскими стенами, я увидел огромное здание, напоминавшее королевскую обсерваторию в Гринвиче. У входа в здание меня встретил Эрауэк, сообщивший мне, что аэролит будет выброшен в пространство гигантской воздушной пушкой, дуло которой поднималось над крышей здания. Он прибавил, что мы должны подняться под самый купол здания, чтобы занять места в аппарате.

Мы вошли во дворец. Когда я освоился с царившим в здании полумраком, моим взорам представилась величественная картина. Это был в полном смысле слова дворец науки. В мягком полусвете вырисовывались смутные очертания каких-то гигантских астрономических приборов. Мне казалось, что я очутился в черепной коробке какого-то гигантского существа и созерцаю его великие, застывшие в созерцании вечности, мысли. Мягкие тени, застилавшие все предметы, представлялись мне символом извечного покроя тайны, скрывающего истину. Впрочем, я не сомневаюсь, что подобного рода сравнения даже и не приходили в голову реалистически настроенным насекомым.

Мы пересекли зал и стали подниматься по бесконечным ступеням лестницы, ведущей на крышу здания. Очутившись, наконец, под самым куполом, мы выбрались сквозь люк на крышу. Признаюсь, у меня вырвался крик восхищения при виде величавой панорамы, открывшейся моим глазам.

Несомненно, дворец науки значительно превосходил высотой собор св. Павла. Вокруг нас на протяжении нескольких миль расстился гигантский город. Четкая сеть улиц своей симметричностью напоминала гигантскую каменную паутину. Только с птичьего полета можно было до конца оценить всю математическую красоту городского плана. Гигантский город казался какой-то застывшей музыкальной симфонией. Отдельные улицы представлялись мне четкими ритмами, воплощавшими в тысячах вариаций единую, основную музыкальную идею. Улицы были пусты, и город представлялся огромным прекрасным некрополем. Кольцо ослепительной растительности окружало столицу муравьев. Канал алой лентой извивался среди цветущих лугов и мерцавших изумительными красками полей. Далее до самого горизонта тянулась мертвая, выжженная пустыня. Цветущий оазис муравьиной культуры казался затерянным среди безбрежных песков.

«Как изумительный символ борьбы разума с мертвой природой!» — подумал я.

Мои размышления были прерваны Эрауэком. Муравей безмолвно указал мне на аэролит. Огромный, отточенный подобно пушечному ядру, камень выступал из жерла пушки, поднимавшегося над крышей здания. Прикрепленная к аэролиту зеленая машина была окутана непроницаемым для воздуха и звука чехлом.

Эрауэк занял место в машине и подал мне знак последовать его

примеру. Подобно мне, он был одет в костюм, сделанный из особого воздухоупорного материала. Он держал в своих щупальцах небольшой телескоп. Такой же телескоп был предназначен и для меня. Приложив его к глазам, я невольно испустил крик изумления. Прямо передо мною стояла огромная летучая мышь, бессмысленно выпучив свои круглые белые глаза. Я подивился мощности марсианского прибора: летучий гигант находился от меня на расстоянии по крайней мере двухсот миль, но был виден в натуральную величину.

Бросив прощальный взгляд на марсовый пейзаж, я занял место на мотоцикле рядом с Эрауэком. Муравей приветливо заговорил со мной, обнаруживая совершенно неожиданную словоохотливость. Казалось, он был несколько возбужден. Он сообщил мне, что затмение должно начаться через несколько мгновений: снаряд будет выпущен в тот самый момент, когда солнечный диск целиком покроется тенью. Мы будем мгновенно выброшены за пределы марсовой атмосферы. Я невольно пожалел, что не смог познакомиться с конструкцией гигантской машины, служившей для выбрасывания снарядов в космическое пространство. Аэролит наш должен был совершить пробег в 5.500.000.000.000 миль. Нам предстояло облететь всю Солнечную систему, употребив на это два года и десять дней.

Я спросил Эрауэка, можно ли считать вычисления астрономов вполне точными. Он отвечал, что они ручаются за абсолютную точность своих расчетов. Марсианам уже не раз случалось выпускать аэролиты, подобные нашему, на различные планеты, в том числе и на Землю. Знак, виденный Найтингелем, означал отлет аэролита на Землю. Однако муравьям еще не удавалось облететь вокруг всей Солнечной системы. Предыдущая экспедиция потерпела неудачу, так как не было учтено притяжение спутника Нептуна: вместо того, чтобы продолжать свой молниеносный пробег, аэролит умчался за пределы нашей Солнечной системы в безбрежные мировые пучины. Я не мог подавить ужаса, и спросил Эрауэка, может ли случиться нечто подобное и с нами. Он отвечал, что упомянутая погрешность в вычислениях была впоследствии исправлена.

— Нельзя, конечно, поручиться, что в вычислениях не встретятся другие ошибки,— спокойно прибавил он.

По-видимому, он был мало озабочен своей судьбой и с радостью был готов отдать жизнь на пользу науки. Что касается меня, я был приговорен к смерти, и, в конце концов, мне было безразлично, где погибнуть, в виду Земли или в бездонных космических просторах. Желая переменить тему разговора, я спросил Эрауэка, будут ли муравьи нас провожать. Он поглядел на меня с крайним изумлением и сказал, что никто из его собратьев не станет ради нас отрываться от своих дел.

Итак, мы стали поджидать момент полного затмения Солнца. Густая, черная тень медленно ползла по солнечному диску, постепенно его закрывая. Алые небеса начали темнеть. Казалось, наступила вечная ночь. Мне стало невольно жутко от этого зловещего мрака, окутавшего планету, и я поймал себя на желании снова увидеть освещенное алое небо, еще недавно казавшееся мне таким ненавистным. Огромное здание дворца науки потонуло во мраке. Сидевший рядом со мною Эрауэк казался огромной черной тенью. Невозможно было уже разглядеть очертания висевшего над нами аэролита. Через несколько мгновений от Солнца осталась только узенькая светлая полоска. Я бросил прощальный взгляд на планету, которую навеки покидал. Еще мгновение — полоска света исчезла, и все кругом потонуло в непроницаемой мгле.

В тот же миг раздался оглушительный взрыв; ужасный толчок заставил меня опрокинуться навзничь в седле мотоциклета. Я почувствовал, что аэролит отделился от крыши здания и с головокружительной быстротой несется в пространство. Оглушенный и потрясенный взрывом, я начал впадать в забытие. Все мое существо охватило странное оцепенение.

ПОЛЕТ В ПРОСТРАНСТВЕ

Придя в себя, я увидел, что нахожусь высоко над планетой. Сидевший передо мной муравей спокойно смотрел в телескоп. Наш аэролит беззвучно преодолевал космическое пространство. Планета была так далека от нас, что на ней едва можно было разглядеть красные нити каналов.

Признаюсь, первое время нашего путешествия я чувствовал себя далеко не в своей тарелке. Однако вскоре я привык к своему новому положению. Сознание мое прояснилось, мысли заработали с изумительной ясностью. Мы неслись в пространстве со скоростью многих тысяч миль в час. Огромное насекомое спокойно и сосредоточенно продолжало свои наблюдения и вычисления; казалось, оно находилось у себя в лаборатории.

По прошествии некоторого времени меня снова охватило чувство невыразимой тоски и одиночества. Однообразно тянулись дни за днями, ничем не отличаясь друг от друга. Я невольно завидовал муравью, поглощенному своей напряженной умственной работой. Казалось, он не сознавал всего ужаса нашего положения и не думал о грозившей нам гибели. Он был совершенно лишен нервов.

По временам мне казалось, что я сплю и вижу какой-то ужасный, мучительный сон. Я забывал, кто я и где нахожусь. Мне стоило огромного умственного напряжения заставить себя поверить, что я действительно доктор Артур Свэдж Джинкс и лечу в мировом пространстве, в компании гигантского насекомого.

К своему удовольствию, я вскоре обнаружил, что муравьями был сделан целый ряд улучшений в аппарате Найтингеля. Автоматический прибор вел счет проведенным в полете дням, а на особом циферблате можно было узнать, какое расстояние отделяло нас от Солнца. Нам предстояло сперва лететь по направлению к Нептуну, находящемуся от нас на расстоянии 2.600 миллионов миль. Достигнув Нептуна, мы должны были переменить направление полета, взяв курс на Землю. От Нептуна до Земли нам предстояло пролететь еще около трех с половиной тысяч миллионов миль. На обратном пути мы должны были держаться на расстоянии сорока миллионов миль от Солнца.

Однообразие полета было, наконец, нарушено появлением в поле моего зрения одной из малых планет, если не ошибаюсь — Цицеры. Она казалась пустынным скалистым островом, затерянным в мировых пучинах. Никаких признаков жизни на ней не было заметно. Эрауэк нажал рычаг, регулировавший скорость аппарата. Скорость нашей машины словно замедлилась. Планета, казалось, остановилась перед нами. Муравей наклонился над телескопом; я последовал его примеру. Невольное восклицание изумления сорвалось с моих губ. Витавшая в пространстве планета оказалась гигантским кладбищем. Я разглядел на ней развалины городских стен, величественных башен и храмов. Огромные города казались совершенно лишенными жизни. Планета напомнила мне оазис Юпитера — Аммона, виденный мною в пустыне северной Африки. Среди песчаных холмов и камней копошились огромные гады; чудовищные грибы поднимались над руинами.

Эрауэк снова нажал рычаг, и планета закружилась перед моими глазами, с бешеной скоростью уносясь в пространство. Снова потянулись унылые однообразные дни.

Прошло немало времени, прежде чем мы увидели в пространстве новое космическое тело. Это был гигант Юпитер. Окруженный свитой спутников, величавый, медленно плыл он в пространстве. Мы пронеслись мимо него на расстоянии нескольких тысяч миль. Изумительный прибор Эрауэка позволил мне детально познакомиться с Юпитером. Казалось, жизнь еще не зарождалась на огромной планете. Безбрежные пустыни чередовались на ней с морями. Эрауэк вновь повернул рычаг, и Юпитер со своими лунами стал уноситься в пространство.

Между тем мы летели все вперед и вперед, с невероятной быстротой удаляясь от Солнца. Сомневаюсь, чтобы Илия на своей огненной колеснице или Магомет на своем небесном коне испытывали такие головокружительные ощущения.

Через некоторое время мы приблизились к Сатурну. Окруженный кольцами и спутниками, он величаво плыл к нам навстречу. В телескоп я разглядел, что всю поверхность планеты занимали

воды. Ни единого островка не поднималось над безбрежными водными просторами. Эта наиболее юная из планет находилась еще в состоянии младенчества. Немало веков пройдет, прежде чем над поверхностью пустынных вод поднимутся материки и жизнь расцветет на планете. Интересно знать, какие формы примет жизнь на Сатурне? Я представил себе морских чудовищ, бороздящих сонные воды планеты и выползающих отдохнуть на песчаные отмели.

Снова повернул Эрауэк рычаг, и планета стала быстро уноситься в пространство.

Медленно тянулись дни за днями. Казалось, нашему фантастическому полету не будет конца. Глухая тоска щемила сердце, и порою мне представлялось, что голова вот-вот разорвется на части под напором гнетущих дум. Наконец, из бездны перед нами выплыла новая планета. Мы быстро приближались к ней. Вскоре я увидел в телескоп, что ее поверхность занимают огромные океаны и пустынные равнины. Меня поразило полное отсутствие гор на этой планете. Она была окружена спутниками, которые, подобно верным слугам, сопровождали ее в извечных странствованиях вокруг Солнца. Мы настолько приблизились к планете, что проникли в ее густую атмосферу. В первый раз за все время нашего путешествия я услышал мысленную речь моего спутника.

— Джалукан! — воскликнул он. В следующий момент он повернул таинственный рычаг, и планета четко предстала перед нами. Я начал жадно в нее вглядываться. В свое время мне пришлось слышать от муравьев об этой планете, которую мы называли Ураном, а они Джалуканом, самые диковинные вещи. Насекомые предполагали, что на Уране существует высокая культура. Древняя история передавала, что некогда на Марс спустился огромный воздушный корабль, прибывший с этой планеты, причем вышедшие из него авиаторы оказались бесконечно культурнее муравьев, которые почувствовали себя перед ними в положении «хела-хела».

К счастью, а может быть, к несчастью, эти создания оказались не в состоянии выносить марсового климата и покинули Марс, обещав на него вернуться.

Эрауэк жадно вглядывался в огромный, маячивший в пространстве диск планеты. Признаюсь, меня разбирало немалое любопытство узнать, кто населял эту планету.

Передо мной была планета, достигшая апогея своего развития. Она была покрыта густой сетью водных путей; каждый акр почвы, казалось, был использован с максимальной целесообразностью. По берегам рек были расположены города, отличавшиеся фантастическим величием. Нигде не было заметно признаков нужды. Роскошные огромные здания, широкие улицы, полные движения, воздушные мосты. Я смог различить даже туманные фигуры жителей

Урана. Однако мне, к сожалению, не удалось составить о них сколько-нибудь точного представления. Жизнь была ключом в великих городах Урана.

Мне вспомнились рассказы муравьев об этой планете. Великолепные водные пути, величавые архитектурные сооружения — все доказывало высочайшую ступень культуры. Нигде на всей поверхности планеты не видно было пустынь или дебрей. Каждая пядь почвы была использована, везде процветала культура.

Внезапно до меня донеслось заглушенное жужжание. Взглянув вверх, я увидел гигантский воздушный корабль, величиной с наши дредноуты, величаво несшийся в пространстве. Через мгновение он поравнялся с нами. У одного из его окошек я успел разглядеть странное создание. Огромная голова доказывала необычайное развитие умственных способностей; туловище было сравнительно небольшое. В следующий момент фантастический корабль уже исчез с поля моего зрения. Я почувствовал, что Эрауэк был поражен. Он поспешил повернуть рычаг, и вскоре мы оставили далеко позади себя великую планету, населенную таинственными, могучими созданиями.

Еще долгое время мои мысли были заняты обитателями Урана и их сказочно прекрасной культурой.

Снова потянулись однообразные безотрадные дни. Благодаря регулярно принимаемой чудесной пище муравьев я чувствовал себя физически бодрым и сильным, однако мое психическое состояние было далеко не блестящим. Я впал в глубокое уныние. Станные бредовые идеи овладели моим сознанием. По временам мне казалось, что я лишаюсь рассудка. Я испытывал глубокую апатию и полную волевую подавленность. Без сомнения, человек не приспособлен к такого рода продолжительным путешествиям в безвоздушном пространстве. Ледяной ужас пронизывал все мое существо, и мысли застывали в голове, словно сталактиты.

Я испытал значительное облегчение, когда в поле моего зрения появилась новая планета — Нептун. Последний по своему внешнему виду весьма отличался от Урана. Всю его поверхность занимали огромные моря и пустыни. Когда мы приблизились к планете, я смог разглядеть по берегам морей гигантские болота. Мне пришло в голову, что аналогичную картину должна была представлять собою Земля в отдаленную эпоху своего младенчества. Мне показалось, что я каким-то волшебством перенесся в те времена, когда нашу планету покрывали обширные болота, кишевшие чудовищными гадами. В первый момент мне показалось, что огромная планета совершенно лишена жизни. Вглядываясь в водную поверхность, я разглядел на ней нечто вроде огромного древесного ствола. Внезапно ствол резким движением поднялся над водой. Я увидел, что ошибочно принял за дерево чудовище, отдаленно напоминавшее гиппопотама. Гигант,

тяжело ступая по воде, побрел к берегу. В следующий момент я заметил в воде огромную морскую змею. За ней вынырнула на поверхность другая, третья, и вскоре уже целая армия водяных гадов маневрировала у пустынных берегов.

Благодаря изумительному телескопу я мог подробно разглядеть эти ужасные создания. Их гибкие скользкие тела отливали всеми цветами радуги. Мы проносились на довольно близком расстоянии от планеты. Под нами тянулись бесконечные топи, в которых копошились бесформенные тела чудовищ. Планета была окутана густыми клубами испарений, а на ней царил вечный полумрак. Сквозь туман солнце казалось бледным тусклым световым пятном. Мы достигли крайних пределов Солнечной системы и находились на максимальном расстоянии от Солнца. Казалось, огромная планета была погружена в тяжелый удушливый сон; уродливые создания, которыми она была населена, представлялись мне бредовыми видениями.

Внезапно одна из морских змей подняла свою маленькую голову и поглядела в нашу сторону. Затем медленно развернулись тяжелые кольца, и змея погрузилась в морские пучины. Остальные чудовища тотчас же последовали за ней. Ничто уже больше не нарушало покоя застывших сонных вод. Насекомое вытянуло щупальцы по направлению к рычагу. Еще мгновение — и планета скрылась с наших глаз.

Прошло некоторое время, и муравей впервые за все наше путешествие обратился непосредственно ко мне. Не без некоторого волнения сообщил он мне, что мы сделали полпути. Через несколько минут должна была решиться наша судьба. Мы достигли крайних пределов Солнечной системы. Если расчеты окажутся верными и мы встретим комету, — все будет хорошо; мы полетим в обратном направлении и, миновав Меркурий и Венеру, достигнем в назначенный срок Земли. Однако, если великая странница почему-нибудь замедлит явиться нам навстречу, с нами все будет кончено: мы неизбежно умчимся за пределы Солнечной системы в безбрежные мировые просторы. Насекомое обнаружило признаки сильного волнения. Нечего и говорить, что мои нервы были до крайности напряжены. Действительно, момент был критический.

Однако наши опасения оказались напрасными. Комета не замедлила появиться. В назначенный час она пронеслась мимо нас и увлекла нашу машину за собою по направлению к Солнцу. Расстояние, отделявшее нас от Солнца, начало заметно уменьшаться. Сомнений не было — мы двигались по направлению к Земле.

Снова потянулись убийственно монотонные дни. Мы неслись вслед за кометой, пересекая безбрежные пустые пространства.

Вновь охватило меня мучительное чувство одиночества, затерянности в жутких мировых пучинах. Мысли путались в голове, я чувствовал, что нахожусь на грани безумия. Если бы я был один на ап-

парате, я без всякого сомнения лишился бы рассудка. Присутствие мыслящего существа невольно ободряло меня. Казалось, насекомое великолепно себя чувствовало в космическом пространстве. С неослабевающей энергией продолжало оно свои научные изыскания.

К этому времени мы уже расстались с аэролитом. Вскоре после нашей встречи с кометой Эрауэк разорвал ремни, прикреплявшие нас к аэролиту, и огромный камень, крутясь, унеся в безбрежное пространство. Что касается нашей легкой машины, она осталась в сфере притяжения кометы.

Между тем дни тянулись за днями, не принося с собой никаких новых впечатлений. Вскоре я понял, что единственным моим спасением будет принять участие в занятиях муравья. Неутомимый ученый с неизменным спокойствием исписывал листы папируса все новыми математическими формулами, и, казалось, совершенно не замечал окружающей нас жуткой пустоты. Мало-помалу я оказался втянутым в его работу. Между нами установился прочный интеллектуальный контакт. Признаюсь, я был захвачен величием раскрывшихся мне математических проблем. Вскоре я совершенно забыл, где нахожусь, и с головой погрузился в мир чисел и формул. Время и пространство перестали для меня существовать. Мысль моя работала с исключительной быстротой и интенсивностью. К моему изумлению, самые сложные проблемы неожиданно оказывались словно сами собой разрешенными. Я испытывал глубокое удовлетворение и ощущал небывалый расцвет умственных сил.

Внезапно мое спокойствие было нарушено, и я оказался вырванным из холодного мира разума, где пребывал вместе с Эрауэком. Мысли муравья приняли совершенно новое направление. Я понял, что насекомое что-то сильно озабочено. Взглянув на циферблат, я увидел, что мы находимся на расстоянии каких-нибудь тридцати миллионов миль от Солнца. Эрауэк сообщил мне, что комета значительно отклонилась от своей прежней орбиты и с катастрофической быстротой движется по направлению к Солнцу. Если она не изменит своего направления, она неизбежно окажется притянутой к Солнцу, и нам предстоит ужасная огненная смерть. Муравей сообщил мне все это вполне спокойным тоном, словно он говорил об очередной математической проблеме. Я почувствовал, как волна смертельного ужаса пронизала все мое существо. «Неужели же мне предстоит судьба Икара?» — подумал я, глядя на гигантский диск Солнца, подобно чудовищной огненной печи пылавший в черной пустоте.

К счастью, однако, комета вовремя образовалась и начала медленно отклоняться от Солнца. Я догадался, что мы должны в скором времени достигнуть места своего назначения. Однако вспыхнувшая при этой мысли радость была немедленно омрачена воспоминанием о грозившей мне неизбежной смерти. Нечего было рассчитывать на расположение ко мне насекомого и ожидать пощады с его стороны.

Как я уже говорил, этим существам была совершенно неведома жалость. Без сомнения, Эрауэк не задумается умертвить своего спутника, разделившего с ним опасности межпланетного пробег. Муравей получил от своего правительства какие-то секретные предписания, которые он не замедлит привести в надлежащий момент в исполнение. Только чудо могло спасти меня от нависшей надо мною ужасной гибели.

Мы миновали Меркурий и Венеру, пролетев от них на значительном расстоянии. Несмотря на огромную мощность телескопа, я не смог ничего разглядеть на поверхности Меркурия, кроме крутых горных цепей. Казалось, горы на этой планете были значительно выше земных. К своему удивлению, я обнаружил полное отсутствие снега на вершинах гор. Близость Меркурия к Солнцу давала о себе знать. На планете царила вечная жара. Нечего и говорить, что я не обнаружил на Меркурии никаких признаков жизни.

Зато Венеру мне удалось значительно лучше разглядеть. Как это давно открыли наши астрономы, звезда любви вечно обращена к Солнцу одной и той же стороной. Таким образом, одна половина этой планеты представляет из себя выжженную пустыню, другая же покрыта вечными льдами. Казалось бы, жизнь невозможна в таком мире. Однако на мгновение мне почудилось, что я уловил на фоне пустыни сложные контуры какого-то тяжелого согбенного существа, медленно шествовавшего по пескам. Я вспомнил рассказы муравьев о том, что Венера населена великанами, построившими себе подземные жилища.

Между тем мы приближались к цели нашего путешествия. Через несколько дней мне предстояло увидеть родную планету и встретить вблизи нее жестокую смерть.

Чтобы отогнать мрачные мысли, я с новым рвением погрузился в математические вычисления. В один прекрасный день, оторвавшись от размышлений, я поглядел вверх и ахнул от изумления. В поле моего зрения находилась новая планета, от которой нас отделяло несколько миллионов миль. В одно мгновение я позабыл о своих формулах и проблемах. Меня охватило неописуемое волнение. Передо мною была родная Земля! Весь дрожа от возбуждения, я напряженно вглядывался в смутные очертания планеты. Постепенно она увеличивалась в размерах, на ее диске начали вырисовываться хорошо знакомые мне очертания морей и континентов. Через некоторое время стали видны также острова и реки. Наше путешествие подходило к концу.

Я заметил, что Эрауэк прекратил свои математические занятия.

— Астрон! — долетела до меня его мысль. Затем он сообщил мне, что за время нашего полета он собрал колоссальные материалы относительно планет Солнечной системы и сделал величайшей важности открытие, которое должно было создать новую эру в науке.

К сожалению, я не смог понять, в чем заключалась сущность этого открытия. Эрауэк прибавил, что ему должно хватить работы на все время обратного путешествия на Марс. Оказывается, какая-то особенность конструкции земной машины дала совершенно неожиданный толчок мыслям насекомого, позволив ему разрешить некоторые, дотоле ускользавшие от него проблемы.

Эрауэк любезно добавил, что люди оказались не такими дикарями, какими он их прежде считал. Никогда еще не говорил он со мной таким милым тоном. Я начал надеяться, что муравей, изменив к лучшему свое мнение о людях, откажется от своих ужасных намерений по отношению ко мне.

Мы промчались на небольшом расстоянии от Луны. Я смог разглядеть кратеры потухших вулканов, жутко черневшие на ее мерцающем диске. Эрауэк подверг Луну пристальным наблюдениям. Потом снова погрузился в свои вычисления. С напряженным вниманием наблюдал он Землю, четко фиксируя в памяти свои впечатления. Он был так поглощен этими наблюдениями, что ни слова не сказал мне до самого нашего прибытия на Землю.

Мы приближались к поверхности планеты. Вскоре мы вступили в земную атмосферу, и наше движение замедлилось. Начало сказываться сопротивление атмосферы. Я поднял крышку шлема и с упорением втянул в себя свежий воздух Земли. Далеко внизу я различил голубое мерцание воды. Мы спускались прямо на море, видневшееся в прорывах густых облаков. Вскоре до меня донесся отдаленный рев волн. Я посмотрел на Эрауэка. Казалось, насекомому было немного не по себе в непривычной атмосфере: вид у него был жалкий и растерянный. Сообразив, что мы летим к неминуемой гибели, я поспешил сказать наскомому, чтобы оно изменило курс машины, однако оно осталось на этот раз глухо к моим словам: вероятно, мое волнение воспрепятствовало передаче мысли. Мы продолжали падать. Соленый морской ветер ударил мне в лицо; шум волн становился все громче и грознее. Эрауэк, конечно, не мог сознавать угрожающей нам опасности, так как не имел представления о том, что такое бурное море. Через несколько мгновений мы прорвались сквозь слой облаков, нависших над океаном... Перед моими глазами мелькнула ослепительно белая пена, лицо обдало солеными брызгами — и мы погрузились в ревущую клокочущую морскую пучину.

КОНЕЦ ЭРАУЭКА

Зеленый мотоциклет с головокружительной быстротой пошел ко дну, погружаясь в безмолвные, вечно спокойные глубины океана. Однако меня спасла счастливая случайность. При падении мотоциклет с такой силой ударился о поверхность воды, что ремни, которыми я был прикреплен к машине, лопнули, и я очутился на свободе. От-

лушенный ужасным ударом, полученным при падении, я в первое мгновение потерял сознание. Однако, когда соленая едкая вода начала набираться мне в рот, я невольно пришел в себя, и во мне пробудился инстинкт самосохранения. Я погружался все глубже в соленые пучины. Наконец, я коснулся ногами какого-то твердого предмета, по-видимому, подводной скалы, и начал медленно подниматься. Я задыхался, захлебываясь соленой водой, кровь отчаянно стучала в висках, сознание мутилось. Через несколько мгновений я услышал над собой рев бури и понял, что приближаюсь к поверхности океана. Затем я очутился во власти яростно kloкочущих волн и вступил в свирепую борьбу со стихией. С мужеством отчаяния я рассекал водные громады, вздымавшиеся со всех сторон. Пережить столько смертельных опасностей, облететь всю Солнечную систему, и все это для того, чтобы погибнуть в самый момент возвращения на Землю! Нет, это было бы чересчур бессмысленно! Стиснув зубы, напрягши последние силы, я боролся за жизнь. Однако вскоре мне пришлось испытать нападение нового ужасного врага. Я был схвачен электрическим скатом. Адская боль пронизала все мое тело. Судорожно извиваясь, я старался скинуть с себя морское чудовище. Я считал себя уже погибшим, когда внезапно увидел вблизи от себя гладкую черную скалу, поднимавшуюся над мутными волнами океана. Я направился к скале, отчаянно работая руками и ногами. Через несколько мгновений я к ней подплыл и начал взбираться на ее скользкую поверхность. Только когда я поднялся над водой, ужасное животное отпустило меня. Я напрягал последние остатки сил, судорожно цепляясь за каждый выступ скалы. Кажется, никогда в жизни мне не приходилось делать таких отчаянных усилий. Свирепые волны обдавали меня соленой пеной и, казалось, старались утянуть назад в водную бездну.

Наконец мне каким-то чудом удалось вскарабкаться на острый хребет скалы.

Каково же было мое изумление, когда я увидел перед собой Эрауэка, спокойно сидевшего на скале и занятого своими чертежами. Вода стекала ручьями с жреца науки, и вид у него был самый плачевный. Однако, не обращая внимания на рев бури, на все неудобства своего положения, он с непоколебимым спокойствием продолжал свои ученые занятия. Несчастный случай снова отдавал меня во власть моему мучителю. Напрасно я вел борьбу с волнами, яростно борясь за жизнь! Снова очутился я в положении приговоренного к смерти. Однако я был чересчур измучен, чтобы остро реагировать на свое несчастье. Не успел я вымолвить и слова, как свалился на камень и погрузился в тяжелое забытие.

Когда я проснулся, солнце высоко стояло в небесной лазури. Каким прекрасным и благостным показалось мне небо Земли после пламенно-алого безжалостного марсового неба! Я поглядел на

море. Оно было спокойно; легкая зыбь еле вздымала его сонную поверхность. Оглядевшись, я обнаружил, что нахожусь на крохотном островке. Кругом, насколько мог охватить глаз — простирались немые мерцающие воды океана. Итак, мы с Эрауэком оказались невольными пленниками на необитаемом острове. Какая странная прихоть судьбы! Я не имел представления о том, где именно мы могли находиться. Подобно Робинзону и Пятнице, мы оказались заброшенными на одинокий остров, где нас ждала почти неминуемая гибель. Казалось, из создавшегося положения не было выхода. Трудно было рассчитывать, что мимо нас проплывет какое-нибудь судно. Если бы даже нас и подобрали моряки, в этом было бы мало хорошего. Вероятно, меня приняли бы за умалишенного. В самом деле, вид у меня был достаточно ужасный: разросшаяся борода придавала мне сходство со старым морским волком, а нанесенные муравьями раны до неузнаваемости уродовали лицо. Кто бы поверил моим фантастическим рассказам? Я с ужасом подумал о том, какую страшную схватку пришлось бы выдержать матросам с Эрауэком. Сколько людей погибло бы в напрасной борьбе с марсианином! Дорого пришлось бы заплатить нашим спасителям за свое великодушие! Я представил себе, какую сенсацию вызвало бы это своеобразное морское сражение в нашей прессе. Чудовищный муравей, найденный на скале среди океана! Затем я вспомнил о нелепом мотоцикле, похороненном где-то глубоко на дне океана. Изумительная машина, облетевшая всю Солнечную систему, была навсегда потеряна для человечества. Она будет пребывать на дне морском вплоть до того дня, когда море отдаст своих мертвецов.

Я поглядел на своего спутника. Огромное насекомое, казалось, не отдавало себе отчета в своем ужасном положении. Оно сидело на скале, погруженное в свои вычисления, не обращая на меня ни малейшего внимания. Листы его рукописи, тщательно разостланные на камне, сушились на солнце. Прошло несколько часов, прежде чем Эрауэк заговорил со мной.

— Ваша планета, друг Ох, — сказал он, — создана для того, чтоб сделаться пристанищем настоящей культуры.

Я спросил муравья, когда он успел собрать все необходимые ему сведения о нашей планете.

— Я уже выяснил то, что меня интересовало, — отвечал он. — На Астране много воды; планета отличается приятным, хотя и несколько жарким климатом. Цвет неба представляется мне несколько странным, однако к нему можно привыкнуть. Я вернусь на Айзоту, — сказал Эрауэк, — и сообщу о количестве воды на Астране. Не сомневаюсь, что через несколько месяцев они явятся сюда для организации доставки воды на Айзоту.

Я расхохотался и крикнул насекомому:

— Вы никогда не вернетесь на Айзоту! Машина, на которой мы

прилетели, лежит на дне океана. Вы останетесь на Астрани до конца своих дней!

Насекомое невольно вздрогнуло. Однако оно быстро овладело собой.

— Нашим астрономам,— сказала оно,— хорошо известно, в какой день мы должны были прибыть на Айзоту. В случае, если я не вернусь к определенному сроку, они пошлют за мной отряд муравьев.

Мной овладело мрачное отчаяние. Я вновь был во власти ужасного насекомого. Марсианам была чужда жалость. Внезапно я вспомнил, что незадолго до падения зеленой машины в воду посоветовал Эрауэку выпрыгнуть из аппарата. Если бы не этот неожиданный взрыв гуманности с моей стороны, насекомое давно лежало бы на морском дне вместе с зеленой машиной, и я наслаждался бы свободой. Я начал упрекать себя за этот бессмысленный поступок.

Чтобы несколько рассеять терзавшие меня мысли, я спросил Эрауэка, каким образом ему удалось выбраться из воды.

— Я всегда был убежден,— отвечало насекомое,— что разумное существо может найти выход из любого положения. До сих пор я был незнаком с морскими бурями, ибо, как вам, вероятно, известно, на Айзоту отсутствуют такого рода феномены. Очутившись в воде, я почувствовал, как погружаюсь все глубже и глубже в недра океана. Однако благодаря тому, что я не сбросил своего костюма, я смог беспрепятственно дышать в воде и продолжал свои наблюдения над окружающей меня средой. Я обнаружил, что морские глубины спокойны и своей неподвижностью напоминают воды наших каналов. Итак, я медленно плыл под водой. Не испытывая, подобно вам, потребности в воздухе, я тем самым не чувствовал необходимости подняться на поверхность океана. Вскоре я достиг подводной скалы, на которую я поднялся, и выбрался из воды. Должен признаться, что мне стоило немалых трудов достигнуть вершины скалы, ввиду свирепых волн, хлеставших меня со всех сторон. Очутившись здесь, я вспомнил о вас и мысленно приказал вам явиться на скалу. Я призывал вас потому, что мне необходимо предать вас смерти согласно инструкции моего правительства. Через несколько мгновений после моего приказа вы уже подплывали к скале.

Я невольно содрогнулся при мысли о том, какой волевой мощью должно обладать создание, с такой легкостью вырвавшее меня из морских пучин и из пасти водяного чудовища. Внезапно меня осенила счастливейшая мысль.

Я решил сказать муравью, что умею плавать под водою, и предложить достать с морского дна зеленый мотоциклет.

Муравьям был совершенно неизвестен обман, и Эрауэк должен был мне поверить и отпустить меня. Я рассчитывал благополучно уйти от своего мучителя.

Когда я сообщил муравью о своем хитроумном плане, он сказал:

— Я согласен. Только имейте в виду, что я все время буду сохранять с вами волевой контакт. Как только вы найдете аппарат, я вытяну вас на поверхность воды.

Я задрожал от ужаса. Как мог я позабыть о страшном могуществе насекомого? Конечно, нечего было и думать о том, чтобы разыскать машину на дне океана. Итак, мне предстояла альтернатива: либо погибнуть в морских пучинах, либо послужить пищей безжалостному насекомому. Я оглянулся на муравья. Погруженный в свои вычисления, он, казалось, забыл о моем присутствии. Весь дрожа, я поспешно разделся и, бросив прощальный взгляд на голубое небо и ласковое солнце, прыгнул в воду навстречу неизбежной гибели. Желая поскорее утонуть, я широко раскрыл рот.

Через мгновение я почувствовал, что начинаю захлебываться. Странное оцепенение охватило меня. Я медленно шел ко дну. Внезапно во мне вспыхнуло желание жизни, и я подумал было о том, чтобы подняться на поверхность. Однако, вспомнив о зловещем создании, поджидавшем меня на скале, я немедленно отказался от своего намерения.

«Ни за что на свете не вернусь к нему! — решил я. — Здесь, по крайней мере, меня ждет быстрая и безболезненная смерть».

При этой мысли мною овладело странное спокойствие. Перед моим умственным взором начали проноситься видения былого. Сперва я увидел себя мальчиком, мирно игравшим на речном берегу. Затем передо мною промелькнули картины студенческой жизни. Далее я увидел себя в дремучих тропических лесах, исследующим побережья Амазонки. Потом из мрака выплыл зеленый мотоциклет, и я снова пережил головокружительное путешествие по мировому пространству... Я увидел марсиан-чудовищ, разъяренных «хела-хела», пустыню и спасительные каналы. Снова встал передо мной залитый ослепительным сиянием город муравьев... Затем я увидел планету Цереру, одиноко витавшую в пространстве, Уран с его величавой культурой, Нептун с его водяными гадами. Наконец, все исчезло, и в поле моего зрения осталось какое-то причудливое создание, вызвавшее во мне невольное содрогание. Сперва я подумал, что продолжаю бредить, однако через мгновение убедился, что имею дело с ужасным обитателем морских глубин.

Два огромных зеленых глаза пристально смотрели на меня. Еще мгновение, и меня со всех сторон оплели щупальцы чудовища. Я содрогнулся от ужаса. Внезапно ко мне вернулось сознание. Я увидел, что нахожусь в цепких объятиях огромного осьминога. Отвратительное чудовище ползло мимо моего лица, причиняя мне нестерпимую боль. Пустые зеленые глаза осьминога смотрели на меня в упор. Я чувствовал себя загипнотизированным взглядом чудовища и не мог пошевелиться. Однако меня спасла боль, сделавшаяся невыносимой. С неожиданной силой я рванулся из объятий осьминога и, к

своему удивлению, почувствовал, что подымаюсь. Затем у меня потемнело в глазах, и я потерял сознание.

Очнувшись, я увидел, что нахожусь на поверхности океана, в нескольких ярдах от скалы.

Эрауэк спокойно стоял на утесе и внимательно смотрел в телескоп на Солнце. Казалось, он не заметил моего появления. Я собирался, было, снова нырнуть, но вспомнил об ужасных зеленых глазах чудовища. «Нет,— подумал я,— муравей все-таки предпочтительнее осьминога». Я поплыл к скале, с ужасом ожидая, что меня вот-вот схватит подводное чудовище. Вероятно, последнее не согласится так легко расстаться с добычей.

Я уже подплывал к скале, когда в нескольких футах от меня из воды медленно поднялся осьминог. Похолодев от ужаса, я застыл на месте. Осьминог подплыл к скале и вытянул из воды свои чудовищные щупальцы. Казалось, он не замечал меня. Подняв глаза, я увидел, что Эрауэк стоит на краю скалы, погруженный в свои вычисления.

Теперь уже не могло быть сомнений в том, что осьминог наметил своей жертвой не меня, а его. Я почувствовал острую радость... Ужасные щупальцы чудовища медленно вытягивались по направлению к беззащитному муравью.

Занятый сложными математическими проблемами, Эрауэк, казалось, позабыл об окружающем мире.

Я попытался крикнуть, однако не смог издать ни звука. Не подозревая о грозящей ему смертельной опасности, ученый муравей продолжал свои вычисления.

Затем в мгновение ока наступила развязка драмы. Пара огромных щупальцев схватила Эрауэка, который беззвучно упал на скалу, роняя свои бумаги. Я видел, как блеснули мириады его слепых глаз; его усики беспомощно шевелились. Затем он исчез в объятиях чудовища, погрузившегося в океан. Воды беззвучно сомкнулись, принимая в свои глубины марсианина-мудреца. Мне казалось, что я сплю и вижу какой-то ужасный сон.

Прошло некоторое время, прежде чем я окончательно пришел в себя и понял, что меня спасла чудесная случайность. Однако я был чересчур напуган, чтобы радоваться. Содрогаясь от ужаса, я выбрался на скалу. От муравья не осталось никаких следов. Его чертежи исчезли вместе с ним. Великое открытие, сделанное Эрауэком, никогда не станет известным науке.

Я провел несколько часов, неподвижно сидя на скале и глядя в безмолвные морские пучины, поглотившие премудрое создание. Эрауэк, несомненно, обладал большими познаниями по всем отраслям позитивных наук, чем все наши ученые, вместе взятые.

Внезапно меня осенила ужасная мысль: а что, если осьминог, переварив свою добычу, вернется на скалу за мной? Каждую минуту

можно было ожидать нападения ужасного хищника. Во всяком случае, Эрауэк не мог оказаться вкусной и сытной пищей. Проголодавшись, чудовище, естественно, должно было подняться на скалу за новой добычей. Бесшумно протянуты на скалу цепкие отвратительные щупальцы — и второй небесный турист последует за своим товарищем в подводное царство.

Однако на мое счастье спрут не вернулся. К вечеру я различил на горизонте дымок приближающегося парохода. Сердце радостно забилось. Я начал усиленно сигнализировать. Меня заметили. С наступлением темноты я уже находился на борту доброго старого парохода «Королева Виктория», совершающего рейс между Ливерпулем и Монтевидео. Матросы поглядывали на меня искоса, видимо принимая за выходца с того света. В ответ на вопросы капитана я рассказал какую-то фантастическую повесть о потонувшей яхте и погибших сокровищах. Как и следовало ожидать, мои слова не внушили ему особенного доверия, тем более, что я распространялся о путешествии по Индийскому океану, в то время как в действительности находился посреди Атлантического. К счастью, капитан, оказавшийся сердобольным человеком, согласился доставить меня в Ливерпуль.

В ту же ночь я заболел острой нервной горячкой, во время которой то и дело бредил муравьями-гигантами и кричал, отбиваясь от нападений осьминога. Однако никто не обратил особого внимания на мой бред. Мне был оказан внимательный уход, и я вскоре поправился. Когда я впервые вышел на палубу, пароход проплывал мимо Канарских островов. Мой странный вид, изуродованное лицо и необычайный характер моего бреда — все это вызывало немало подозрений у капитана и команды. Особенно их поражало, что я никогда не отвечал вслух на задаваемые мне вопросы. Прошло немало времени, прежде чем я отвык от беззвучного языка муравьев и привык к звуковой речи. К счастью, при мне не было моих записок, которые я бросил в воду при приближении парохода, во избежание всякого рода расспросов и подозрений.

Итак, мне удалось сохранить свою тайну. Без сомнения, эти честные моряки не поверили бы моим необычным рассказам. Не было оснований порицать их за это, так как я был уверен, что встречу подобное же недоверие и в научных кругах, где с таким подозрением относятся ко всему яркому, молодому и талантливому.

В середине мая я благополучно прибыл в Ливерпуль. Я выдал капитану чек на свой банк, хотя он и отказался от вознаграждения, с лукавой улыбкой уверяя меня, что всегда рад оказать услугу джентльмену, очутившемуся в тяжелом положении. Кажется, он принял меня за политического преступника или за беглого каторжника; во всяком случае, он был бесконечно далек от истины.

Приехав в Лондон, я нашел там все по-старому. Этот дурак

Стивенс в свое время разболтал направо и налево о моем таинственном отъезде, и в городе ходили обо мне самые невероятные слухи. Дело дошло даже до газетной полемики. К счастью, Хезерингтон, с которым я виделся накануне отъезда, высказался в мою пользу. Он был уверен, что я отправился в Парагвай, и истолковал мое внезапное исчезновение, как своеобразный маневр со стороны путешественника-одиночки, желающего сохранить строгое инкогнито в опасных странах, которые ему предстояло исследовать. Версия Хезерингтона понравилась публике.

По прибытии в Лондон я послал Хезерингтону письмо, в котором давал ему подробнейший и весьма правдоподобный отчет о своих мнимых похождениях в Парагвае. Особенно распространялся я о своих политических интригах. Хезерингтон не замедлил довести до сведения почтеннейшей публики о новых похождениях неугомонного Джинкса.

Одно время в обществе много обо мне говорили. Затем разговоры замолкли. За мною окончательно утвердилось репутация смелого исследователя и опасного политического интригана. Хезерингтон не раз острил насчет моего пристрастия к отдаленным уголкам земного шара. Я мрачно усмехался в ответ на его шутки. Я хорошо знаю Хезерингтона: это уравновешенный, здравомыслящий человек, с огромным горизонтом и твердо установившимся мировоззрением. Воображаю, что бы он сказал, если бы услышал о моем посещении самых отдаленных уголков нашей Солнечной системы в компании гигантского муравья! Путешествие пешком по Парагваю, конечно, интересное и в достаточной степени захватывающее времяпрепровождение, однако оно покажется детской забавой по сравнению со странствованием по марсовым пустыням и фантастическим турне по Солнечной системе.

Однако мое здоровье было весьма расшатано в результате испытанных мною ужасных лишений. Желая восстановить силы, я удалился из Лондона в то очаровательное местечко, где впервые увидел зеленую машину. Там, в тишине, на лоне природы я занялся записыванием своих невероятных, но тем не менее правдивых приключений. Друзья считают меня мрачным и нелюдимым; однако я убежден, что каждый из них сделался бы таким же, как я, если бы на его долю выпали подобные жестокие испытания. Все пережитое на Марсе оставило неизгладимый след в моей душе. Жизнь в значительной степени утратила для меня интерес. Я нередко пускаюсь в самые мрачные размышления о судьбе человеческого рода. Без сомнения, мои сообщения будут встречены с недоверием. Я к этому готов, так как знаю, что большинство людей всецело занято своими микроскопическими интересами и неспособно постигнуть чудеса мироздания. В нашей науке до сих пор господствуют рутина и сектантство; каждый ученый упрямо держится за свои личные гипотезы и склонен до

бесконечности полемизировать со своими собратьями. Однако я решил пренебречь всеми насмешками, которые обрушатся на мой правдивый отчет, и выпустить его при первой возможности в свет. В конце концов, какое дело до мнения самодовольных невежд человеку, который отправляется в опасное путешествие с тем, чтобы из него не вернуться. Какое-то предчувствие говорит мне, что я встречу смерть в дебрях Эквадора. Побывав в другом мире, более культурном, чем Земля, я тем самым оказался вырванным из рамок привычного людям миропонимания; я глядел на вещи с совершенно иной точки зрения; все человеческие ценности были мною переоценены; для меня больше не существует фетишей и идолов; беспощадная логика муравьев помогла мне сорвать маску культуры с лица современного европейца, и на меня глянуло лицо дикаря.

Я уже ничего не жду от будущего; вся моя жизнь в прошлом. Что для меня людское мнение? Голос пустынь и дебрей вновь зовет меня. Скоро я вернусь в девственные леса Южной Америки. Кто знает, может быть, мне предстоит перед смертью открыть таинственные города инков?

Сейчас, пробегая эти страницы, я вновь переживаю все описанные мною события, и мне становится больно при мысли о том, что я никогда не увижу своего дорогого спутника, безмолвного свидетеля моих восторгов, надежд и отчаяния — зеленую машину.

Она навеки погребена на дне Атлантического океана. Там, в вечном мраке, среди безмолвных коралловых рощ, лежит это изумительнейшее из человеческих изобретений, и только бессмысленные глаза спрута таращатся на него.

Я сижу на террасе, глядя на сосны, четко вырисовывающиеся на фоне закатного неба.

Как раз на этом месте три года тому назад я столкнулся с великим изобретателем, беззаветно отдавшим свою жизнь в жертву науке. Мои мысли сейчас с ним; и в честь покорителя пространства я невольно восклицаю: «Слава, слава тебе, безвестный герой! Спи спокойно в своей могиле!»

Подписано:

Артур Сэвэдж Джинкс.

31 июля 19... г.

В ночь, когда я окончил свой отчет, я сделался свидетелем странного явления. Дело было так. Окончив свою работу, я был охвачен теми эмоциями, которые, как известно, испытал историк Гиббон по завершении своего труда «Закат и падение Римской империи». Чтобы немного развлечься, я взял свой телескоп и принялся наблюдать планету Марс. С новой силой нахлынули на меня волнующие воспоминания, и я провел всю ночь у телескопа. Кто бы мог пове-

рять, что эта спокойная и безобидная с виду планета населена такими ужасными и могущественными существами?

Правду говорят, что «наружность обманчива». Неожиданно мне пришли в голову грозные слова Эрауэка: «Наши пионеры готовы к отлету». Мне было известно, что насекомые не умеи лгать.

Интересно знать, пошлют ли они свои передовые отряды на выручку Эрауэку, или будут поджидать его возвращения?

Внезапно мои размышления были прерваны самым странным образом. Над поверхностью планеты появились две световые точки и неподвижно повисли в черной пустоте. Я невольно вспомнил о сигналах, виденных в свое время Найтингелем, и с бьющимся сердцем ожидал появления следующих точек. Я не ошибся в своем предположении. Не прошло и полминуты, как над Марсом вспыхнули два новых световых пятна и поместились над предыдущими. В следующее мгновение на небе засиял роковой знак $2 \times 2 = 4$.

Теперь я уже не сомневался, что созерцаю священный символ муравьев, означавший, что последние вылетают из дворца науки. Подобный же знак сопровождал и наш с Эрауэком отлет.

Итак, летучий отряд марсиан, вероятно, уже находится на пути к земле. Товарищи муравьи спешат на выручку Эрауэка. С каждой секундой они приближаются к нам.

Итак, муравьи отлетели с Марса. Но куда? Может быть, они направились на Уран? Может быть, целью их путешествия является Нептун или Венера? Но возможно ведь... возможно, они направляются на Землю.

(На этом месте обрывается рукопись Джинкса. Записки остались незаконченными ввиду отъезда Джинкса в Южную Америку, где он и встретил свою гибель.— Примечание владельца рукописи).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Окончив чтение, Вильсон положил рукопись на стол и налил себе виски в стакан. Хлебнув целительной влаги, он вздохнул с облегчением, прочистил горло и только после этого обратился ко мне со следующими словами:

— Скажите по правде, дорогой друг, приходилось ли вам когда-нибудь слышать что-нибудь подобное этой фантастической истории?

Я бросил выкуренную сигарету в камин и налил по стакану виски.

— Нет,— ответил я,— никогда не слыхал я ничего похожего на рассказ Джинкса. Остается только предположить, что наш друг или лишился ума, или...— я оставил фразу недоговоренной.

— Вы правы,— сказал Вильсон.— По-моему, нам лучше поскорее позабыть о бреднях Джинкса. В самом деле, что может нам дать обсуждение этой рукописи? Мы можем, конечно, взвесить приводимые Джинксом «факты» со всех сторон, обсудить все pro и contra.

Но и только. Ни к какому определенному заключению мы не сможем прийти. Я полагаю, что историю Джинкса следует или целиком принять или целиком отвергнуть. Я могу сказать обо всех этих «фактах» то, что сказал в свое время поп об иезуитах: «Они могут быть только тем, что они есть; в противном случае они не могли бы вовсе существовать».

Я согласился с мнением Вильсона. Было очевидно, что всякого рода обсуждения истории Джинкса ни к чему не приведут. Конечно, к ней можно было подходить с различных точек зрения, и, быть может, под известным углом зрения она могла показаться и убедительной. В конце концов, все сводилось к следующей альтернативе: или Джинкс был своего рода гением, затмившим размахом фантазий и яркостью красок Жюль Верна и неизвестного автора «Тысячи и одной ночи», или он в самом деле совершил величайшее в истории открытие. Как бы там ни было, загадка никогда не будет разрешена.

Я огляделся по сторонам. В окно вливалось робкое сияние рождающегося дня. Оказывается, мы просидели всю ночь над рукописью Джинкса.

Вильсон первый нарушил молчание.

— Мы провели с вами бессонную ночь, — сказал он. — Однако, надеюсь, вы согласитесь, что мы не даром потратили драгоценное время. Сегодня вечером мне предстоит читать лекцию в Королевском Географическом Обществе, и я с ужасом думаю, что еще не готовился к ней. Я должен буду вас сейчас покинуть. Пора приниматься за дневные труды. Надеюсь, крепкий кофе и холодное обтирание помогут мне восстановить умственную и физическую бодрость. Боюсь, однако, что вечером на торжественном заседании общества у меня будет довольно-таки плачевный вид. Что же поделаешь? Зато я провел, смею вас уверить, чрезвычайно интересную ночь!

Я спустился вместе с Вильсоном по лестнице и распахнул наружную дверь. Солнце еще не всходило, но небо было залито мягким сиянием зари. Свежий бодрящий ветерок пахнул мне в лицо. Легко и радостно дышалось на воле после долгих часов, проведенных в душной комнате.

Вильсон дружески пожал мою руку.

— До свидания, — сказал он. — Спасибо за компанию. Смотри-те-ка, — прибавил он, взглянув на небо, — вот она — загадочная планета!

Я взглянул вверх, небо было еще погружено в полумрак, слабо мерцали звезды. На востоке все сильнее разгоралось алое пылание зари. Первые лучи солнца показались над горизонтом.

Прямо над моей головой в дымных глубинах неба пылала мрачная красная планета.

Вильсон вытянул руку по направлению к загадочному светилу.

— Айзоту? — спросил он, улыбаясь, — До свидания, Маршал, — прибавил он и бодро зашагал по улице, устланной серыми тенями.

Я следил глазами за удаляющейся фигурой Вильсона, пока она не скрылась за поворотом улицы. Затем мои взоры снова обратились на красную планету, и я принялся размышлять о только что выслушанном необычайном рассказе. Образ Джинкса — странного человека — с удивительной яркостью всплыл перед моими глазами. «Что побудило его написать эту невероятную повесть? — думалось мне. — Находился ли он во власти навязчивой идеи или излагал подлинные события своей жизни?» Непроницаемая тайна окутывала всю эту историю. Теперь, когда Джинкс умер, невозможно проверить правдивость его слов, и загадка навсегда останется неразгаданной. Во всяком случае, тон его рассказа кажется убедительным. Со страниц рукописи Джинкс встает как живой, со всеми своими характерными особенностями. Однако его рассказ чересчур необычен, чтобы ему можно было поверить.

Я снова взглянул на Марс. Солнце уже подымалось, и звезды одна за другой исчезали с неба. Скоро наступит шумный суетливый день, и в его ослепительном свете рассказ Джинкса, без сомнения, покажется мне смешным. В смутном сиянии рассвета история представлялась еще более или менее вероятной. Между тем алая планета постепенно погасла в разгоравшихся солнечных лучах. Неужели же Марс действительно населен гигантскими насекомыми, первобытными чудовищами? «Был там Джинкс или не был — вот в чем вопрос», — думал я, поднимаясь по лестнице и возвращаясь в комнату, где только что было выслушано удивительное повествование о зеленой машине и отважном исследователе звездных миров.

СОДЕРЖАНИЕ

Ж. КЛЕЙН. Боги войны

Перевод с французского И. Невструева 5

Ф. ХАЙ. Запрещенная реальность

Перевод с английского Х. Иванова 149

Ф. РИДЛИ. Зеленая машина

Перевод с английского Е. Бируковой и Е. Толкачева . . . 271

Издание литературно-художественное

Жерар Клейн

Боги войны

Р о м а н

Филип Хай

Запрещенная реальность

Р о м а н

Фрэнк Ридли

Зеленая машина

Р о м а н

Редактор **С. Барсов**

Художники **П. Засухин, С. Шабанов**

Художественный редактор **В. Кременецкий**

Технический редактор **И. Антоненко**

Корректор **И. Пигулевская**

Сдано в набор 9.04.91. Подписано в печать 17.09.91. Формат 60×94/16. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 24,18. Уч.-изд. 27,3. Усл. кр.-отт. 24,65. Тираж 100 000 экз. Заказ № 3491.

Издательство «Флокс», 603600, Н. Новгород, ул. Костина, 20.

Типография издательства «Горьковская правда»
603006, Нижний Новгород, ул. Фигнер, 32

●

ОГНЕННЫЙ СТОЛП

●

В ближайшее время
издательством «ФЛОКС»

будет выпущен
сборник произведений
зарубежных фантастов

РЭЯ БРЕДБЕРИ
ГЕНРИ КАТТНЕРА
АЛЬФРЕДА ВАН ВОГТА

•
ДОРОГА СЛАВЫ
•

Готовится к печати
сборник фантастических романов

Р. Э. ХАЙНЛАЙНА

ДОРОГА СЛАВЫ

В него войдут следующие произведения
знаменитого американского
писателя:

ДОРОГА СЛАВЫ
КРАСНАЯ ПЛАНЕТА
ФЕРМЕР В НЕБЕ

Все они публикуются
на русском языке
ВПЕРВЫЕ.

ДОЛИНА КУКОЛ

Вскоре
издательством «Флокс»
будет выпущен роман
Жаклин Сьюзан
«ДОЛИНА КУКОЛ»

Это первый роман американской писательницы, ранее известной своими пьесами. Кроме того, **Жаклин Сьюзан** — актриса, ведущая шоу-интервью, телевикторин. Четыре года подряд она завоевывала приз зрительских симпатий как «самая изысканно одевающаяся актриса ТВ».

«ДОЛИНА КУКОЛ» — самая читаемая книга Америки. В романе приподнимается завеса над миром шоу-бизнеса со всеми присущими ему характерными чертами: наркотиками, жаждой любви, сексом, кошмарами.

«ФАТА-МОРГАНА 1»

В 1991 г. издательство «Флокс» выпустит сборник фантастических рассказов и повестей «Фата-Моргана 1», в который войдут следующие произведения:

- К. ЛОМЕР «Договор на равных»
К. ПРИСТ «Обнаженная»;
«Пересадка сердца»
Р. ЖЕЛЯЗНЫ «Дева и чудовище»
А. АЗИМОВ «В Марсопорте без Хильды»
Г. ДИКСОН «Воин»
К. ДАРЛТОН «Планета моков»
Р. РОКЛИН «Усмирители»
Т. СТАРДЖОН «Мистер Костелло, герой»
К. РОБЕРТС «Огонь и меч»
В. НОРБЕРТ «Чудо в чуланчике»
А. СЕЛЛИНГС «Ключ от двери»
Г. ФРАНКЕ «Зеркало»
«Посадка»
«Прошлое и будущее»
«Спасение»
«Препарат № 261»
«Павлины»
«Решение»
«Здание»
Д. ХОЛДЕМАН «26 дней на Земле»
Т. ГОДВИН «Зов далеких планет»
Б. ВИАН «Осторожно — классика!»
З. ГЕНДЕРСОН «Тетушка Мерта»
А. ВАН ВОГТ «Не только мертвые»
Ф. ХЕРБЕРТ «Посевной фонд»
Д. ВЭНС «Звуки»
Р. МАТЕСОН «Родители были людьми»
Ш. ХЕННЕБЕРГ «Лунные рыбаки»
П. Ш. МИЛЛЕР «Старый Маллиган»
Т. ДИШ «Перья с крыльев ангела»
О. ГАНШТЕЙН «Электрополис»

«ФАТА-МОРГАНА 2»

В 1991 г. издательство «Флокс» выпустит сборник фантастических рассказов и повестей «Фата-Моргана 2», в который войдут следующие произведения:

- Э. НОРТОН** «Сон кузнеца»
- М. ЛЕЙНСТЕР** «Проксима Центавра»
- О. ДЖЕМИСОН** «Лилии жизни»
- ДЖ. ФИННЕЙ** «Интересные соседи»
- Д. КЕЛЛЕР** «Восстание пешеходов»
- А. МЕРРИТ** «Племя из бездны»
- ДЖ. ТИПТРИ-мл.** «Последний полет доктора Айна»
- К. МУР** «Шамбло»
- С. КОРНБЛАТ** «Авантюристы»
- О. ЛЕСЛИ** «Создатели»
- Л. АЛЬДАНИ** «Психосоматический двойник»
- Ф. БРАУН** «Ничего не случилось»
- А. Э. ВАН ВОГТ** «Миссия к звездам»
- У. ЛЕ ГУИН** «Путешествие в глубь сознания»
«Вещи»
- К. СМИТ** «Планета Шайоль»

Кроме произведений, ранее не переводившихся на русский язык, впервые полностью переиздается популярный в 1920-х годах сборник «Борьба с химерами».

Читатель познакомится также с очерками об аномальных явлениях известного английского фантаста **Э. Ф. Рассела**.

НЕЗЕМНЫЕ СОСЕДИ

В 1992 году издательство «Флокс» выпустит сборник фантастических произведений, впервые публикующихся на русском языке. В него войдут следующие произведения:

Ч. ОЛИВЕР «Неземные соседи»

Ф. ДИК «Убик» — действие происходит в 1992 г.

Б. ОЛДИСС «Доклад о Вероятности А»

Н. РОЖЕ «Новый потоп»

В каждом из этих романов наряду с острым, занимательным сюжетом присутствует глубокое осмысление авторами путей развития человечества.

Жерар Клейн

**БОГИ
ВОЙНЫ**

Филип Хай

**ЗАПРЕЩЕННАЯ
РЕАЛЬНОСТЬ**

Фрэнк Ридли

**ЗЕЛЕНАЯ
МАШИНА**

